СОЧИНЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА

ДНЕВНИКЪ.—ЗАПИСКИ.—ИСТОРИЧЕСКІЯ СТАТЬИ И РАЗНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Bayerische Staatsbibliothek München

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

9

9. 10

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе А. С. СУВОРИНА
1887

Ba 164 151

17 9

9-10

17 21

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Отрывки изъ лицейскихъ записокъ.

(1815—1817).

I.

Семья моего отца, его воспитаніе, французы-учителя: Воит.... Mr. Martin. Отецъ и дядя въ гвардіи. Ихъ литературныя знакомства. Бабушка и ея мать — ихъ бѣдность. Иванъ Абрамовичъ. Свадьба отца. Смерть императрицы Екатерины — рожденіе Ольги. Отецъ выходитъ въ отставку и ѣдетъ въ Москву. Рожденіе мое.

Первыя впечатлѣнія. Юсуповъ садъ,[1] землетрясеніе,[2] няня. Отъѣздъ матери въ деревню. Первыя непріятности — гувернантки. Рожденіе Льва. Мои непріятныя воспоминанія. Смерть

[1] Здѣсь, при встрѣчѣ съ императоромъ Павломъ, няня Пушкина не успѣла снять картуза съ дитяти, за что императоръ ее разбранилъ и самъ снялъ съ него картузъ. Поэтому Пушкинъ впослѣдствіи говаривалъ, что его сношенія съ дворомъ начались при императорѣ Павлѣ.

[2] 14 октября 1802 г., въ Москвѣ.

Николая.[1] Монфоръ, Русло, Кат. П. и Анна Ивановна. Нестерпимое состояніе. Охота къ чтенію. Меня везутъ въ Петербургъ. Езуиты. Тургеневъ. Лицей.

1811. Философскія мысли. — Мартинизмъ. — Мы прогоняемъ Пилецкаго.[2]

1812, 1813. Дядя Василій Львовичъ. Дм. Дм., война съ Ан. Ник. Свѣтская жизнь. Лицей, открытіе. Куницынъ. Гр. Аракчеевъ. Начальники наши. Мое положеніе. Чачковъ, Фроловъ.[3]

1814. Государыня въ Царскомъ Селѣ. Графъ Кочубей. Смерть Малиновскаго. Безначаліе. Пріѣздъ Карамзина. 15 лѣтъ.

1815. Извѣстіе о взятіи Парижа. Пріѣздъ матери. Пріѣздъ отца. Стихи etc. Отношеніе къ товарищамъ. Мое тщеславіе. Экзаменъ, Державинъ.

II.

...... большой грузинскій носъ, а партизанъ почти вовсе былъ безъ носу. Давыдовъ является къ Бенигсену: „Князь Багратіонъ, говоритъ, прислалъ меня доложить вашему высокопревосходительству, что непріятель у насъ на носу...“ — На чьемъ носу, Денисъ Васильевичъ,

[1] Старшій братъ поэта, умершій ребенкомъ.

[2] Пылецкій-Урбановичъ, Мартынъ Степановичъ, инспекторъ классовъ Царскосельскаго Лицея.

[3] Инспекторы Лицея.

отвѣчаетъ генералъ, ежели на вашемъ, то онъ ужь близко, если же на носу князя Багратіона, то мы успѣемъ еще отобѣдать.

Жуковскій даритъ мнѣ свои стихотворенія.

8-го ноября. — Шишковъ и г-жа Бунина увѣнчали недавно князя Шаховскаго лавровымъ вѣнкомъ...

— Мои мысли о Шаховскомъ.—Шаховской никогда не хотѣлъ учиться своему искусству и сталъ посредственный стихотворецъ. Шаховской не имѣетъ большого вкуса: онъ худой писатель. Что̀ же онъ такой? Неглупый человѣкъ, который, замѣчая все смѣшное или замысловатое въ обществахъ, пришедъ домой, все записываетъ и потомъ, какъ ни попало, вклеиваетъ въ свои комедіи.

10-го декабря. — Вчера написалъ я третью главу: Фатама или разумъ человѣческій, читалъ ее С. С., и вечеромъ съ товарищами тушилъ свѣчки и лампы въ залѣ. Прекрасное занятіе для философа! Поутру читалъ жизнь Вольтера.

Началъ я комедію — не знаю, кончу ли ее. Третьяго дня хотѣлъ я написать ироическую поэму: Игорь и Ольга...

Лѣтомъ напишу я Картину Царскаго Села.

1. Картина сада.
2. Дворецъ. День въ Ц. С.

3. Утреннее гулянье.
4. Полуденное гулянье.
5. Вечернее гулянье.
6. Жители Царскаго Села.

Вотъ главные предметы вседневныхъ моихъ записокъ—но это еще будущее.

29-го.—

И такъ я счастливъ былъ и такъ я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгомъ упивался!..
И гдѣ веселья быстрый день?
Промчались летомъ сновидѣнья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вкругъ меня угрюмой скуки тѣнь!..

Я счастливъ былъ! нѣтъ, я вчера не былъ счастливъ: поутру я мучился ожиданьемъ, съ неописаннымъ волненьемъ стоя подъ окошкомъ, смотрѣлъ на снѣжную дорогу — ее не видно было! Наконецъ я потерялъ надежду, вдругъ нечаянно встрѣчаюсь съ нею на лѣстницѣ..... сладкая минута!

Онъ пѣлъ любовь, но былъ печаленъ гласъ.
Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку.
[Жуковскій].

Какъ она мила была! какъ черное платье пристало къ милой Бакуниной!

Я былъ счастливъ пять минутъ!

17-го. — Вчера провелъ я вечеръ съ Иконниковымъ.[1] Хотите ли вы видѣть страннаго чело-

[1] Одинъ изъ гувернеровъ Лицея.

вѣка, чудака—посмотрите на Иконникова. Поступки его—поступки сумасшедшаго; вы входите въ его комнату: видите высокаго, худаго человѣка, въ черномъ сюртукѣ, съ шеей, окутанной чернымъ, изорваннымъ платкомъ. Лицо блѣдное, волосы не острижены, не расчесаны; онъ стоитъ задумавшись, кулакомъ нюхаетъ табакъ изъ коробочки — онъ дико смотритъ на васъ. Вы ему близкій знакомый, вы ему родственникъ или другъ—онъ васъ не узнаетъ. Вы подходите, зовете его по имени, говорите свое имя, онъ вскрикиваетъ, кидается на шею, цѣлуетъ, жметъ руку, хохочетъ задушевнымъ голосомъ, кланяется, садится, начинаетъ рѣчь, не доканчиваетъ, третъ себѣ лобъ, ерошитъ голову, вздыхаетъ. Передъ нимъ карафинъ воды; онъ наливаетъ стаканъ и пьетъ, наливаетъ другой, третій, четвертый—спрашиваетъ еще воды и еще пьетъ, говоритъ о своемъ бѣдномъ положеніи. Онъ не имѣетъ ни денегъ, ни мѣста, ни покровительства; ходитъ пѣшкомъ изъ Петербурга въ Царское Село, чтобы освѣдомиться о какомъ-то мѣстѣ, которое обѣщалъ ему какой-то шарлатанъ. Онъ бѣденъ, гордъ и дерзокъ; разсыпается въ благодареньяхъ за ничтожную услугу или простую учтивость, неблагодаренъ и даже сердится за благодѣянье, ему оказанное,—легкомысленъ до чрезвычайности, мнителенъ, чувствителенъ, честолюбивъ. Иконниковъ

имѣетъ дарованія, пишетъ изрядно стихи и любитъ поэзію. — Вы читаете ему свою пьесу — на отрѣзъ говоритъ онъ: такое-то мѣсто глупо, безъ смысла, низко; — за то за самые посредственные стихи кидается вамъ на шею и называетъ васъ геніемъ. Иногда онъ учтивъ до безконечности, въ другое время грубъ нестерпимо. Его любятъ иногда, смѣшитъ онъ часто, а жалокъ почти всегда.

III.

СОБСТВЕННОРУЧНЫЙ СПИСОКЪ ЛИЦЕЙСКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

1-я часть:

Посланія:

Къ Александру.
Къ Жуковскому.
» »
Къ Батюшкову.
Къ Галичу.
» »
Дельвигу.
Дельвигу.
Сестрѣ.
Бонапарте.
Къ Юдину.
Пущину.
»
Ломоносову.
Трубецкому.
Лицинію.
Кюхельбекеру.
Аристарху.
Оправданная лѣнь.
Друзьямъ.
Шишкову.
Актрисѣ.
(Завѣщанія).

Лирическія.

Наполеонъ на Эльбѣ.
Воспоминанія въ Ц. С.
Къ Оранскому принцу.
Пѣвецъ.
Слеза.
Истина.
Усы.
Мечтатель.
Ринальда.
Двѣ пѣсни.
Пирующіе студенты.
=
XV элегій.
Эпигр. Нади.
Картины.
Леда.

Державинъ.

(1833).

Державина видѣлъ я только однажды въ жизни, но никогда того не забуду. Это было въ 1815 г. на публичномъ экзаменѣ въ Лицеѣ. Какъ узнали мы, что Державинъ будетъ къ намъ, всѣ мы взволновались. Дельвигъ вышелъ на лѣстницу, чтобъ дождаться его и поцѣловать руку, написавшую „Водопадъ". Державинъ пріѣхалъ. Онъ вошелъ въ сѣни и Дельвигъ услышалъ, какъ онъ спросилъ у швейцара: гдѣ братецъ, здѣсь *выйти?* Этотъ прозаическій вопросъ разочаровалъ Дельвига, который отмѣнилъ свое намѣреніе и возвратился въ залу. Дельвигъ это разсказывалъ мнѣ съ удивительнымъ простодушіемъ и веселостію. Державинъ былъ очень старъ. Онъ былъ въ мундирѣ и въ плисовыхъ сапогахъ. Экзаменъ нашъ очень его утомилъ: онъ сидѣлъ, поджавши голову рукою; лицо его было безсмысленно, глаза мутны, губы отвислы. Портретъ его (гдѣ представленъ онъ въ колпакѣ и халатѣ) очень похожъ. Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблистали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его

стихи. Онъ слушалъ съ живостію необыкновенной. Наконецъ вызвали меня. Я прочелъ мои Воспоминанія въ Ц. С., стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина, голосъ мой отроческій зазвенѣлъ, а сердце забилось съ упоительнымъ восторгомъ... Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи: онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять... Меня искали, но не нашли....

Изъ Кишиневскаго Дневника.

(1821).

2-го апрѣля вечеръ провелъ у Н. Д. Прелестная гречанка. Говорили объ А. Ипсиланти; между пятью греками, я одинъ говорилъ какъ грекъ: всѣ отчаялись въ успѣхѣ предпріятія этеріи. Я твердо увѣренъ, что Греція восторжествуетъ, и 2.500,000 турковъ оставятъ цвѣтущую страну Эллады законнымъ наслѣдникамъ Гомера и Ѳемистокла. Съ крайнимъ сожалѣніемъ узналъ я, что Владиміреско не имѣетъ другаго достоинства, кромѣ храбрости необыкновенной—храбрости достанетъ и у Ипсиланти.

3-го.—Третьяго дня хоронили мы здѣшняго митрополита; во всей церемоніи болѣе всего понравились мнѣ жиды: они наполняли тѣсныя улицы, взбирались на кровли и составляли тамъ

живописныя группы. Равнодушіе изображалось на ихъ лицахъ; со всѣмъ тѣмъ, ни одной улыбки, ни одного нескромнаго движенія. Они боятся христіанъ и потому во сто кратъ благочиннѣе всѣхъ.

—Читалъ сегодня посланіе князя Вяземскаго къ Жуковскому. Смѣлость, сила, умъ и рѣзкость; но что за звуки! Къ кому былъ Фебъ изъ русскихъ ласковъ — неожиданная риѳма „Херасковъ" не примиряетъ меня съ такой какофоніей. Баратынскій—прелесть.

9-го апрѣля.—Утро провелъ я съ Пестелемъ; умный человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова. Mon coeur est matérialiste, говоритъ онъ, mais ma raison s'y refuse. Мы съ нимъ имѣли разговоръ метафизическій, политическій, нравственный и пр. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю....

18 Juillet 1821.—Nouvelle de la mort de Napoléon.

Bal chez l'archevêque arménien.

—Получилъ письмо отъ Чаадаева. Другъ мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мнѣ замѣнила счастье,—одного тебя можетъ любить холодная душа моя.—Жалѣю, что не получилъ онъ моихъ писемъ: они...

Изъ журнала греческаго возстанія.[1]

J. Notice sur la révolution d'Ipsylanti.

Le hospodar Ipsylanti trahit la cause de l'ethérie et fut cause de la mort de Riga et... Son fils Alexandre fut ethériste (probablement du choix de Capo-d'Istria et de l'aveu de l'empereur). Ses frères Канъ, Контогони, Софіаносъ, Тапо. Michel Suzzo fut reçu erhériste en 1820; Alexandre Suzzo, hospodar de Valachie, apprit le secret de l'ethérie par son secrétaire (Valletto) qui se laissa pénétrer ou gagner en devenant son gendre. Alex. Ips. en janvier 1821 envoya un certain Aristide en Servie avec un traité d'alliance offensive et défensive entre cette province et lui, général des armées de la Grèce. Aristide fut saisi par Alexandre Suzzo, ses papiers et sa tête furent envoyés à Constantinople—cela fit que les plans furent changés tout de suite. Michel Suzzo écrivit à Kichineff. On empoisonna Alexandre Suzzo et Ipsylanti passa à la tête de quelques arnautes et proclama la révolution.

Les capitans sont des indépendants, corsaires, brigands ou employés turcs revetus d'un certain pouvoir. Tels furent Lampro etc. et en dernier lieu

[1] Изъ записокъ Пушкина о греческомъ возстаніи сохранилось только два эти отрывка. Съ Пендадекой Пушкинъ находился въ личныхъ сношеніяхъ.

Formaki, Iordaki-Olimbiotti, Колокотрони, Контогони, Anastas etc. Iordaki-Olimbiotti fut dans l'armée d'Ipsylanti. Ils se retirèrent ensemble vers la frontière de la Hongrie. Alex. Ipsylanti menacé d'assassinat s'enfuit d'après son avis et fulmina sa proclamation. Iordaki à la tête de 800 h. combattit 5 fois l'armée turque, s'enferma enfin dans le monastère (de Scovlian). Trahi par les juifs, entouré des turcs, il mit le feu à la poudre et sauta.

Formaki, capitan, ethériste, fut envoyé de la Morée à Ipsylanti, se battit en brave et se rendit à cette dernière affaire. Décapité à Constantinople.

II. Notice sur Penda-Déka.

Penda-Déka fut élévé à Moscou; en 1817 il servit à un évêque grec refugié... et fut remarqué de l'empereur et de Capo-d'Istria. Lors du massacre de Galatz il s'y trouva. 200 grecs assassinèrent 150 turcs. 60 de ces derniers furent brulés dans une maison où ils s'étaient réfugiés. P.-D. vint quelques jours après à Ibraïl comme éspion. Il se présenta chez le Pacha et fuma avec lui comme sujet russe. Il rejoignit Ipsylanti à Tergovitsch: celui-ci l'envoya calmer les troubles de Jassy—il y trouva les grecs vexés par les boyards; sa présence d'esprit et sa fermeté les sauvèrent. Il prit de munitions pour 1,500 hommes tandis qu'il n'en avait que 300. Pendant 2 mois il fut prince de Moldavie. Кантакузенъ arriva et prit le comman-

dement. On se retira vers Stinka. Кантакузенъ envoya P.-D. reconnaître les ennemis. L'avis de P.-D. fût de se fortifier à Barda (1-re station vers Jassy). Кантакузенъ se retira à Skovlian, et demanda que P.-D. fit son entrée dans la quarantaine. Penda-Déka accepta. P.-D. nomma son second Papas-Ouglou-Arnaute.

Il n'y a pas de doute que le prince Ipsylanti eut pu prendre Ibraïl et Jourja. Les turcs fuyaient de toutes parts croyant voir les russes à leur trousse. A Boucharest les députés bulgares (entre autre Capidgi-bachi) proposèrent à Ipsylanti d'insurger tout leur pays—il n'osa!

Le massacre de Galatz fur ordonné par A. Ipsylanti en cas que les turcs ne voulussent pas rendre les armes.

Изъ записной книжки (1821).

O... disait en 1820: révolution en Espagne, révolution en Italie, révolution en Portugal, constitution par ci, constitution par là... Messieurs les souverains, vous avez fait une sottise de detrôner Napoléon.

Le géneral R. disait à N. affligé d'un mal d'aventure: il n'y a qu'un pas du sublime au sublimé.

P., встрѣтивъ однажды человѣка, весьма услужливаго, сказалъ ему: вы простудитесь, на дворѣ сыро, мокрò (maquereau).

Plus ou moins j'ai été amoureux de toutes les jolies femmes que j'ai connues; toutes se sont passablement morguées de moi; toutes, à l'exception d'une seule, ont fait avec moi les coquettes.

Встрѣча съ П. А. Ганнибаломъ.

1824 года ноября 19-го, Михайловское.—Вышедъ изъ Лицея, я тотчасъ почти уѣхалъ въ псковскую деревню моей матери. Помню, какъ обрадовался сельской жизни, русской банѣ, клубникѣ и проч. Но все это нравилось мнѣ недолго. Я любилъ и донынѣ люблю шумъ и толпу.

... попросилъ водки.[1] Подали водку. Наливъ *рюмку* себѣ, велѣлъ онъ ее и мнѣ поднести; я не поморщился и тѣмъ, казалось, чрезвычайно одолжилъ стараго арапа. Черезъ четверть часа онъ опять попросилъ водки, и повторилъ это разъ 5 или 6 до обѣда...

Остатки автобіографіи (1825—1826).

... (запечат)лѣны печатью вольномыслія. Болѣзнь остановила на время образъ жизни, из-

[1] Петръ Абрамовичъ Ганнибалъ, послѣдній сынъ „арапа Петра Великаго", пережившій своихъ братьевъ (род. 1740, † 1822).

бранный мною. Я занемогъ гнилою горячкою. Лейтонъ за меня не отвѣчалъ. Семья моя была въ отчаяніи; но черезъ шесть недѣль я выздоровѣлъ. Сія болѣзнь оставила во мнѣ впечатлѣніе пріятное. Друзья навѣщали меня довольно часто: ихъ разговоры сокращали скучные вечера. Чувство выздоровленія — одно изъ самыхъ сладостныхъ. Помню нетерпѣніе, съ которымъ ожидалъ я весны, хоть это время года обыкновенно наводитъ на меня тоску и даже вредитъ моему здоровью. Но душный воздухъ и закрытыя окна такъ мнѣ надоѣли во время болѣзни моей, что весна являлась моему воображенію со всею поэтическою своей прелестью. Это было въ февралѣ 1818 года. Первые восемь томовъ Русской Исторіи Карамзина вышли въ свѣтъ. Я прочелъ ихъ въ своей постелѣ съ жадностію и со вниманіемъ. Появленіе сей книги (какъ и быть надлежало) надѣлало много шуму и произвело сильное впечатлѣніе; 3,000 экземпляровъ разошлось въ одинъ мѣсяцъ (чего никакъ не ожидалъ и самъ Карамзинъ) — примѣръ единственный въ нашей землѣ. Всѣ, даже свѣтскія женщины, бросились читать исторію своего отечества, дотолѣ имъ неизвѣстную. Она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Россія, казалось, найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ. Нѣсколько времени ни о чемъ иномъ не говорили. Когда, по моемъ выздоровленіи, я снова явился

въ свѣтъ, толки были во всей силѣ. Признаюсь, они были въ состояніи отучить всякаго отъ охоты къ славѣ. Ничего не могу вообразить глупѣе свѣтскихъ сужденій, которыя удалось мнѣ слышать на счетъ духа и слога Исторіи Карамзина. Одна дама, впрочемъ весьма почтенная, при мнѣ, открывъ вторую часть, прочла вслухъ: Владиміръ усыновилъ Святополка, однако не любилъ его... Однако!.. зачѣмъ не но? Однако! какъ это глупо! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина? Однако!—Въ журналахъ его не критиковали. Каченовскій бросился на одно предисловіе.

— У насъ никто не въ состояніи изслѣдовать *огромное* созданіе Карамзина, за то никто не *сказалъ* спасибо человѣку, уединившемуся въ ученый кабинетъ во время самыхъ лестныхъ успѣховъ и посвятившему цѣлыхъ 12-ть лѣтъ жизни безмолвнымъ и неутомимымъ трудамъ. Ноты Русской Исторіи свидѣтельствуютъ обширную ученость Карамзина, пріобрѣтенную имъ уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда для обыкновенныхъ людей кругъ образованія и познаній давно оконченъ и хлопоты по службѣ замѣняютъ усилія къ просвѣщенію. Молодые якобинцы негодовали; нѣсколько дѣльныхъ размышленій въ пользу самодержавія, краснорѣчиво опровергнутыя вѣрнымъ разсказомъ событій, казались имъ верхомъ варварства и униженія. Они забывали, что Карам-

зинъ печаталъ Исторію свою въ Россіи; что государь, освободивъ его отъ цензуры, симъ знакомъ довѣренности, нѣкоторымъ образомъ, налагалъ на Карамзина обязанность возможной скромности и умѣренности. Онъ разсказывалъ со всею вѣрностію историка, онъ вездѣ ссылался на источники; чего-жь болѣе требовать было отъ историка? Повторяю, что Исторія Государства Россійскаго есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка.

— Нѣкоторые изъ людей свѣтскихъ письменно критиковали Карамзина. Ник. Муравьевъ, молодой человѣкъ, умный и пылкій, разобралъ предисловіе, или введеніе; предисловіе!.. Мих. Орловъ, въ письмѣ къ Вяземскому, пенялъ Карамзину, зачѣмъ въ началѣ Исторіи не помѣстилъ онъ какой нибудь блестящей гипотезы о происхожденіи славянъ, т. е. требовалъ романа въ исторіи — ново и смѣло! Нѣкоторые остряки за ужиномъ переложили первыя главы Тита Ливія слогомъ Карамзина. Римляне временъ Тарквинія, непонимающіе спасительной монархіи, и Брутъ, осуждающій на смерть своихъ сыновъ, ибо рѣдко основатели республикъ славятся нѣжною чувствительностію, конечно были очень смѣшны. Мнѣ приписали одну изъ лучшихъ русскихъ эпиграммъ; это не лучшая черта моей жизни.

~~ ... Кстати, замѣчательная черта. Однажды началъ онъ при мнѣ излагать свои любимые парадоксы. Оспаривая его, я сказалъ: „Итакъ, вы рабство предпочитаете свободѣ?“ Карамзинъ вспыхнулъ и назвалъ меня своимъ клеветникомъ. Я замолчалъ, уважая самый гнѣвъ прекрасной души. Разговоръ перемѣнился. Я всталъ, Карамзину стало совѣстно и, прощаясь со мной, онъ ласково упрекалъ меня, какъ бы самъ извиняясь въ своей горячности: „Вы сказали на меня то, чего ни Шаховской, ни Кутузовъ на меня не говорили.“ Въ теченіи шестилѣтняго знакомства только въ этомъ случаѣ упомянулъ онъ при мнѣ о своихъ непріятеляхъ, противъ которыхъ не имѣлъ онъ, кажется, никакой злобы, не говоря уже о Шишковѣ, котораго онъ просто полюбилъ. Однажды, отправляясь въ Павловскъ и надѣвая свою ленту, онъ посмотрѣлъ на меня наискось... Я прыснулъ и мы оба расхохотались...

Воображаемый разговоръ съ императоромъ Александромъ I. (1826).

Когда бы я былъ царь, то позвалъ бы Александра Пушкина и сказалъ бы ему: „Александръ Сергѣеичъ, вы сочиняете прекрасные стихи; я читаю съ большимъ удовольствіемъ. А. П-ъ поклонился бы мнѣ съ нѣкоторымъ скромнымъ за-

мѣшательствомъ, а я бы продолжалъ: „Я читалъ вашу оду „Свобода"! Прекрасно, хоть она писана немного сбивчиво, мало обдуманно; вамъ вѣдь было 17 лѣтъ, когда вы написали эту оду." —В. В., я писалъ ее въ 1817 году...—„Тутъ есть три строфы очень хорошія... Конечно, вы поступили неблагоразумно... Я замѣтилъ, вы старались очернить меня въ глазахъ народа распространеніемъ нелѣпой клеветы: вижу, что вы можете имѣть мнѣнія неосновательныя; но вижу, что вы не уважили правду, личную честь даже въ царѣ."—Ахъ, В. В., зачѣмъ упоминать объ этой дѣтской одѣ? Лучше бы вы прочли хоть 3-ю или 6-ю пѣснь Руслана и Людмилы, ежели не всю поэму, или первую часть Кавказскаго Плѣнника, или Бахчисарайскій Фонтанъ. Онѣгинъ печатается, буду имѣть честь отправить два экземпляра въ библіотеку В. В., къ Ивану Андреевичу Крылову, и если В. В. найдете время... „Помилуйте, Александръ Сергѣевичъ, вы доставите намъ пріятное занятіе. Наше царское правило: дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай. Скажите, неужто вы все не перестаете писать на меня пасквили? Это не хорошо! Вы не должны на меня жаловаться; кажется, если я васъ не отличалъ еще, дожидая случая, то вамъ и жаловаться не на что. Признайтесь: любезнѣйшій нашъ товарищъ король Галліи или императоръ Австрійскій съ вами не такъ бы поступили! За всѣ ва-

ши проказы вы жили въ тепломъ климатѣ. Что вы дѣлали у Инзова и у Воронцова?"—В. В., Инзовъ меня очень любилъ, завсякую ссору съ молдаванами объявлялъ мнѣ комнатный арестъ и присылалъ мнѣ, скуки ради, французскіе журналы. А его сіятельство графъ Воронцовъ не сажалъ меня подъ арестъ, не присылалъ мнѣ газетъ, но, зная русскую литературу какъ герцогъ Веллингтонъ, былъ ко мнѣ чрезвычайно... „Какъ это вы могли ужиться съ Инзовымъ, а не ужились съ графомъ Воронцовымъ?"—В. В., генералъ Инзовъ—добрый и почтенный старикъ; онъ русскій въ душѣ; онъ не предпочитаетъ перваго англійскаго шалопая всѣмъ извѣстнымъ и неизвѣстнымъ своимъ соотечественникамъ; онъ уже не волочится, ему не 18 лѣтъ; страсти если и были въ немъ, то уже давно исчезли. Онъ довѣряетъ благородству чувствъ, потому что самъ имѣетъ чувства благородныя, не боится насмѣшекъ, потому что выше ихъ, и никогда не подвергается заслуженной колкости, потому что со всѣми вѣжливъ. Онъ не опрометчивъ, не вѣритъ пасквилямъ... В. В., вспомните, что всякое слово вольное, всякое сочиненіе возмутительное приписывается мнѣ, какъ всякіе остроумные вымыслы—князю Цицiанову.[1] Я не оправдывался ни-

[1] Князь Дмитрій Евсеевичъ Цицiановъ, дядя А. О. Смирновой, славился своими невѣроятными разсказами

когда, изъ пустого вольнодумія; отъ дурныхъ стиховъ не отказывался, надѣясь на свою добрую славу, а отъ хорошихъ, признаюсь, и силы нѣтъ отказаться.—„Слабость непростительная. Но вы же и аѳей? вотъ что̀ ужь никуда не годится.“—Я аѳей? В. В., какъ можно судить человѣка по письму, писанному къ товарищу? Можно ли школьническую шутку взвѣшивать какъ преступленіе, а двѣ пустыя фразы судить, какъ всенародную проповѣдь? Я всегда почиталъ васъ, какъ лучшаго изъ европейскихъ властителей (увидимъ, однако, что̀ будетъ изъ Карла X), но вашъ послѣдній поступокъ со мною—ссылаюсь на собственное ваше сердце—противорѣчитъ вашимъ правиламъ и просвѣщенному образу мыслей...—„Признайтесь, вы всегда надѣялись на мое великодушіе?“—Это не было оскорбительно В. В—ву: вы видите, что я не ошибся въ своихъ разсчетахъ... Тутъ бы онъ разгорячился и наговорилъ бы мнѣ много лишняго (хоть отчасти правды); я бы разсердился и сослалъ его въ Сибирь, гдѣ бы онъ написалъ эпическую поэму „Ермакъ“ или „Кучумъ“, размѣромъ и съ риѳмой...

Встрѣча съ Кюхельбекеромъ.

15 октября 1827.—Вчерашній день былъ для меня замѣчателенъ: пріѣхавъ въ Боровичи въ

12 часовъ утра, засталъ проѣзжаго въ постелѣ. Онъ металъ банкъ гусарскому офицеру. Передъ тѣмъ я обѣдалъ. При расплатѣ недоставало мнѣ 5 рублей, я поставилъ ихъ на карту. Карта за картой, проигралъ 1,600. Я расплатился довольно сердито, взялъ взаймы 200 руб. и уѣхалъ очень недоволенъ самъ собой. На слѣдующей станціи нашелъ я Шиллерова Духовидца; но едва успѣлъ я прочитать первыя страницы, какъ вдругъ подъѣхали четыре тройки съ фельдъегеремъ. Вѣроятно, поляки, сказалъ я хозяйкѣ.—Да, отвѣчала она: ихъ нынче отвозятъ назадъ.—Я вышелъ взглянуть на нихъ. Одинъ изъ арестантовъ стоялъ опершись у колонны. Къ *нему* подошелъ высокій, блѣдный и худой *молодой* человѣкъ, съ черною бородою, во фризовой шинели, и съ виду настоящій жидъ—и я принялъ его за жида, и неразлучныя понятія жида и шпіона произвели во мнѣ обыкновенное дѣйствіе; я поворотился имъ спиною, подумавъ, что онъ былъ потребованъ въ Петербургъ для допросовъ или поясненій...Увидѣвъ меня, онъ съ живостію на меня взглянулъ; я невольно обратился къ нему. Мы пристально смотримъ другъ на друга—и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись другъ другу въ объятія. Жандармы насъ растащили. Фельдъегеръ взялъ меня за руку съ угрозами и ругательствомъ. Я его не слышалъ. Кюхельбекеру сдѣлалось дурно. Жандар-

мы дали ему воды, посадили въ тележку и ускакали.

Я поѣхалъ въ свою сторону. На слѣдующей станціи узналъ я, что ихъ везутъ изъ Шлиссельбурга, но куда же?

Луга.

О холерѣ 1830 года.

Въ концѣ 1825 года я часто видѣлся съ однимъ дерптскимъ студентомъ (нынѣ онъ гусарскій офицеръ и промѣнялъ свои нѣмецкія книги, свое пиво, свои поединки на гнѣдую лошадь, на польскія грязи).[1] Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучились танцовать. Разговоръ его былъ простъ и важенъ. Онъ имѣлъ обо всемъ затверженное понятіе, въ ожиданіи собственной повѣрки. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ. Однажды, играя со мною въ шахматы и давъ конемъ матъ моему королю и королевѣ, онъ мнѣ сказалъ: Холера-morbus подошла къ нашимъ границамъ и черезъ пять лѣтъ будетъ у насъ. О холерѣ имѣлъ я довольно темное понятіе, хотя въ 1822 году старая молдаванская княгиня, набѣленная и нарумяненная,

[1] Это былъ сосѣдъ Пушкина по имѣнію, Алексѣй Николаевичъ Вульфъ.

умерла при мнѣ въ этой болѣзни. Я сталъ его разспрашивать. Студентъ объяснилъ мнѣ, что холера есть повѣтріе, что въ Индіи она поразила не только людей и животныхъ, но и самыя растенія, что она желѣзной полосою стелется вверхъ по теченію рѣкъ, что по мнѣнію нѣкоторыхъ она зараждается отъ гнилыхъ плодовъ и прочее — все, чему послѣ мы успѣли наслышаться.

Такимъ образомъ, въ дальнемъ уѣздѣ Псковской губерніи, молодой студентъ и вашъ покорнѣйшій слуга, вѣроятно одни во всей Россіи, бесѣдовали о бѣдствіи, которое черезъ пять лѣтъ сдѣлалось мысліювсей Европы.

Спустя 5 лѣтъ я былъ въ Москвѣ: домашнія *обстоя*тельства требовали непремѣнно моего присутствія въ нижегородской деревнѣ. Передъ моимъ отъѣздомъ Вяземскій показалъ мнѣ письмо, только что имъ полученное: ему писали о холерѣ, уже перелетѣвшей изъ Астрахани въ Саратовскую губернію. По всему видно было, что она не минуетъ и Нижегородской (о Москвѣ мы еще не безпокоились). Я поѣхалъ съ равнодушіемъ, коимъ былъ обязанъ пребыванію моему между азіятцами. Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на извѣстныя предосторожности. Пріятели, у коихъ дѣла были въ порядкѣ (или въ привычномъ безпорядкѣ, что совершенно одно], упрекали меня за то и важно говорили,

что легкомысленное безчувствіе не есть еще истинное мужество.

На дорогѣ встрѣтилъ я Макарьевскую ярмарку, прогнанную холерой. Бѣдная ярмарка! Она бѣжала, разбросавъ въ половину свои товары, не успѣвъ пересчитать свои барыши. Воротиться въ Москву казалось мнѣ малодушіемъ; я поѣхалъ далѣе, какъ можетъ быть случалось вамъ ѣхать на поединокъ, съ досадой и большой неохотой.

Едва успѣлъ я пріѣхать, какъ узнаю, что около меня оцѣпляются деревни, учреждаются карантины. Я занялся моими дѣлами, перечитывая Кольриджа, сочиняя сказочки и не ѣздя по сосѣдямъ. Между тѣмъ начинаю думать о возвращеніи и безпокоиться о карантинѣ. Вдругъ (2 октября) получаю извѣстіе, что холера въ Москвѣ.... Я тотчасъ собрался въ дорогу и поскакалъ. Проѣхавъ 20 верстъ, ямщикъ мой останавливается: застава!

Нѣсколько мужиковъ съ дубинами охраняли переправу черезъ какую-то рѣчку. Я сталъ разспрашивать ихъ и доказывалъ имъ, что вѣроятно гдѣ нибудь да учрежденъ карантинъ, что не сегодня такъ завтра на него наѣду, и въ доказательство предложилъ имъ серебряный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многія лѣта.

1832.

Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ (1830—1831).

Нѣсколько разъ принимался я за ежедневныя записки, и всегда отступался изъ лѣности. Въ 1821 году началъ я мою біографію, и нѣсколько лѣтъ сряду занимался ею. Въ концѣ 1825, при открытіи несчастнаго заговора, я принужденъ былъ сжечь свои тетради, которыя могли замѣшать имена многихъ, а можетъ быть и умножить число жертвъ. Не могу не сожалѣть о ихъ потерѣ; я въ нихъ говорилъ о людяхъ, которые послѣ сдѣлались историческими лицами, съ откровенностію дружбы или короткаго знакомства. Теперь какая-то торжественность ихъ окружаетъ, и вѣроятно будетъ дѣйствовать на мой слогъ и образъ мыслей—за то буду осмотрительнѣе въ моихъ запискахъ. Если записки будутъ менѣе живы, то болѣе достовѣрны.

Избравъ себя лицомъ, около котораго постараюсь собрать другія лица, болѣе достойныя замѣчанія, скажу нѣсколько словъ о моемъ происхожденіи.

Мы ведемъ свой родъ отъ прусскаго выходца Радши или Рачи (мужа честна, говоритъ лѣтописецъ, т. е. знатнаго, благороднаго), въѣхавшаго въ Россію во время княженія св. Александра Невскаго. Отъ него произошли Мусины, Бобрищевы, Мятлевы, Поводовы, Каменскіе, Бутур-

лины, Кологривовы, Шефординовы и Товарковы. Имя предковъ моихъ встрѣчается поминутно въ нашей исторіи. Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ, уцѣлѣвшихъ отъ кровавыхъ опалъ царя Ивана Васильевича Грознаго, исторіографъ именуетъ и Пушкиныхъ. Григорій[1] Гавриловичъ Пушкинъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ въ эпоху самозванцевъ. Другой Пушкинъ, во время междуцарствія, начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, сдѣлалъ честно свое дѣло. Четверо Пушкиныхъ подписались подъ грамотою о избраніи на царство Романовыхъ, а одинъ изъ нихъ, окольничій Матвѣй Степановичъ, подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества (что мало дѣлаетъ чести его характеру). При Петрѣ Первомъ, сынъ его, стольникъ Ѳедоръ Матвѣевичъ, уличенъ былъ въ заговорѣ противу государя и казненъ вмѣстѣ съ Цыклеромъ и Соковнинымъ. Прадѣдъ мой Александръ Петровичъ былъ женатъ на меньшой дочери графа Головина, перваго андреевскаго кавалера. Онъ умеръ весьма молодъ, въ припадкѣ сумасшествія зарѣзавъ свою жену, находившуюся въ родахъ. Единственный сынъ его Левъ Александровичъ, служилъ въ артиллеріи, и въ 1762 году, во время возмущенія, остался

[1] Ошибка: должно быть Гаврило Григорьевичъ.

вѣренъ Петру III. Онъ былъ посаженъ въ крѣпость, гдѣ содержался два года. Съ тѣхъ поръ онъ уже въ службу не вступалъ, а жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ.

Дѣдъ мой былъ человѣкъ пылкій и жестокій. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломѣ, заключенная имъ въ домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ея связь съ французомъ, бывшимъ учителемъ его сыновей, и котораго онъ весьма феодально повѣсилъ на черномъ дворѣ. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно отъ него натерпѣлась. Однажды онъ велѣлъ ей одѣться и ѣхать съ нимъ куда-то въ гости. Бабушка была на сносяхъ и *чувствовала* себя нездоровой, но не смѣла отка*заться*. Дорогой она почувствовала муки. Дѣдъ мой велѣлъ кучеру остановиться, и она въ каретѣ разрѣшилась чуть ли не моимъ отцомъ. Родильницу привезли домой полумертвую и положили на постелю всю разряженную и въ брилліантахъ. Все это знаю я довольно темно. Отецъ мой никогда не говорилъ о странностяхъ дѣда, а старые слуги давно перемерли.

Родословная матери моей еще любопытнѣе. Дѣдъ ея былъ негръ, сынъ владѣтельнаго князька. Русскій посланникъ въ Константинополѣ какъ-то досталъ его изъ сераля, гдѣ содержался онъ аманатомъ, и отослалъ его Петру Первому, вмѣстѣ съ двумя другими арапчатами. Государь

крестилъ маленькаго Ибрагима въ Вильнѣ, въ 1707 году, съ польскою королевою, супругою Августа, и далъ ему фамилію Ганнибалъ. Въ крещеніи наименованъ онъ былъ Петромъ; но какъ онъ плакалъ и не хотѣлъ носить новаго имени, то до самой смерти назывался Абрамомъ. Старшій братъ его пріѣзжалъ въ Петербургъ, предлагая за него выкупъ, но Петръ оставилъ при себѣ своего крестника. До 1716 года Ганнибалъ находился неотлучно при особѣ государя, спалъ въ его токарнѣ, сопровождалъ его во всѣхъ походахъ, потомъ посланъ былъ въ Парижъ, гдѣ нѣсколько времени обучался въ военномъ училищѣ, вступилъ во французскую службу, во время испанской войны былъ въ голову раненъ въ одномъ подземномъ сраженіи (сказано въ рукописной его біографіи), и возвратился въ Парижъ, гдѣ долгое время жилъ въ разсѣяніи большаго свѣта. Петръ Первый неоднократно призывалъ его къ себѣ, но Ганнибалъ не торопился, отговариваясь подъ разными предлогами. Наконецъ государь написалъ ему, что онъ неволить его не намѣренъ, что предоставляетъ его доброй волѣ возвратиться въ Россію или остаться во Франціи; но что во всякомъ случаѣ онъ никогда не оставитъ прежняго своего питомца. Тронутый Ганнибалъ немедленно отправился въ Петербургъ. Государь выѣхалъ къ нему на встрѣчу и благословилъ образомъ Петра и

Павла, который хранился у его сыновей, но котораго я не могъ уже отыскать. Государь пожаловалъ Ганнибала въ бомбардирскую роту преображенскаго полка капитанъ-лейтенантомъ. Извѣстно, что самъ Петръ былъ ея капитаномъ. Это было въ 1722 году.

Послѣ смерти Петра Великаго судьба Ганнибала перемѣнилась. Меньшиковъ, опасаясь его вліянія на императора Петра II, нашелъ способъ удалить его отъ двора. Ганнибалъ былъ переименованъ въ маіоры тобольскаго гарнизона и посланъ въ Сибирь съ препорученіемъ измѣрить китайскую стѣну. Ганнибалъ пробылъ тамъ нѣсколько времени и самовольно возвратился въ *Петербургъ*, узнавъ о паденіи Меньшикова и *надѣясь* на покровительство князей Долгорукихъ, съ которыми былъ онъ связанъ. Судьба Долгорукихъ извѣстна. Минихъ спасъ Ганнибала, отправя его тайно въ ревельскую деревню, гдѣ и жилъ онъ около десяти лѣтъ, въ поминутномъ безпокойствѣ. До самой кончины своей, онъ не могъ безъ трепета слышать звонъ колокольчика. Когда императрица Елисавета взошла на престолъ, тогда Ганнибалъ написалъ ей евангельскія слова: „помяни мя, егда пріидеши во царствіе свое“. Елисавета тотчасъ призвала его ко двору, произвела въ бригадиры, и вскорѣ потомъ въ генералъ-маіоры и въ генералъ-аншефы, пожаловала ему нѣсколько деревень въ губер-

ніяхъ Псковской и Петербургской—въ первой: Зуево, Боръ, Петровское и другія; во второй: Кобрино, Суйду и Таицы, также деревню Раголу, близъ Ревеля, въ которомъ нѣсколько времени былъ онъ оберъ-комендантомъ. При Петрѣ III вышелъ онъ въ отставку и умеръ философомъ (говоритъ его нѣмецкій біографъ), въ 1781 году, на 93-мъ году своей жизни. Онъ написалъ было свои записки на французскомъ языкѣ, но въ припадкѣ паническаго страха, коему былъ подверженъ, велѣлъ ихъ сжечь вмѣстѣ съ другими драгоцѣнными бумагами.

Въ семейственной жизни прадѣдъ мой Ганнибалъ такъ же былъ несчастливъ, какъ и прадѣдъ Пушкинъ. Первая жена его, красавица, родомъ гречанка, родила ему бѣлую дочь. Онъ съ нею развелся и принудилъ ее постричься въ Тихвинскомъ монастырѣ, а дочь ея Поликсену оставилъ при себѣ, далъ ей тщательное воспитаніе, богатое приданое, но никогда не пускалъ ее къ себѣ на глаза. Вторая жена его, Христина-Регина фонъ-Шеберхъ, вышла за него въ бытность его въ Ревелѣ оберъ-комендантомъ, и родила ему множество черныхъ дѣтей обоего пола.

Старшій сынъ Иванъ Абрамовичъ столь же достоинъ замѣчанія, какъ и его отецъ. Онъ пошелъ въ военную службу, вопреки волѣ родителя, отличился и, ползая на колѣнахъ, выпросилъ отцовское прощеніе. Подъ Чесмою онъ рас-

порядкал брандерами и былъ одинъ изъ тѣхъ, которые спаслись съ корабля, взлетѣвшаго на воздухъ. Въ 1770 году взялъ Наваринъ; въ 1779 выстроилъ Херсонь. Его постановленія донынѣ уважаются въ полуденномъ краю Россіи, гдѣ въ 1821 году видѣлъ я стариковъ, живо еще хранившихъ его память. Онъ поссорился съ Потемкинымъ. Государыня оправдала Ганнибала и надѣла на него александровскую ленту; но онъ оставилъ службу и съ тѣхъ поръ жилъ по большей части въ Суйдѣ, уважаемый всѣми замѣчательными людьми славнаго вѣка, между прочими Суворовымъ, который при немъ оставлялъ свои проказы и котораго принималъ онъ не завѣшивая *зеркалъ* и не наблюдая никакихъ тому подобныхъ церемоній.

Дѣдъ мой, Осипъ Абрамовичъ—настоящее имя его было Януарій, но прабабушка моя не согласилась звать его этимъ именемъ, труднымъ для ея нѣмецкаго произношенія („шорнъ шортъ“, говорила она, делать мнѣ шорна репятъ и даетъ имъ шертовскъ имя“)—дѣдъ мой служилъ во флотѣ и женился на Марьѣ Алексѣевнѣ Пушкиной, дочери тамбовскаго воеводы, роднаго брата дѣду отца моего (который доводился внучатнымъ братомъ моей матери), и сей бракъ былъ несчастливъ: ревность жены и непостоянство мужа были причиною неудовольствій и ссоръ, которыя кончились разводомъ.

Африканскій характеръ моего дѣда, пылкія страсти, соединенныя съ ужаснымъ легкомысліемъ, вовлекли его въ удивительныя заблужденія. Онъ женился на другой женѣ, представя фальшивое свидѣтельство о смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя императрицы, которая съ живостію вмѣшалась въ это дѣло. Новый бракъ дѣда моего объявленъ былъ незаконнымъ; бабушкѣ моей возвращена трехлѣтняя ея дочь, а дѣдушка посланъ на службу въ черноморскій флотъ. 30 лѣтъ они жили розно. Дѣдъ мой умеръ въ 1797 году, въ своей Псковской деревнѣ, отъ слѣдствій невоздержной жизни. Одиннадцать лѣтъ послѣ того, бабушка скончалась въ той же деревнѣ. Смерть соединила ихъ. Они покоятся другъ подлѣ друга въ Святогорскомъ монастырѣ.

О Дуровѣ (1833).

Дуровъ—братъ той Дуровой, которая въ 1807 году вошла въ военную службу, заслужила георгіевскій крестъ и теперь издаетъ свои записки. Братъ въ своемъ родѣ не уступаетъ въ странности сестрѣ. Я познакомился съ нимъ на Кавказѣ въ 1829 г., возвращаясь изъ Арзрума. Онъ лечился отъ какой-то удивительной болѣзни, въ родѣ каталепсіи, и игралъ съ утра до

ночи въ карты. Наконецъ онъ проигрался, и я довезъ его до Москвы въ моей коляскѣ. Дуровъ помѣшанъ былъ на одномъ пунктѣ: ему непремѣнно хотѣлось имѣть сто тысячъ рублей. Всевозможные способы достать ихъ были имъ придуманы и передуманы. Иногда ночью, въ дорогѣ, онъ будилъ меня вопросомъ: „Александръ Сергѣевичъ! Александръ Сергѣевичъ! какъ бы, ду маете вы, достать мнѣ сто тысячъ?“ Однажды сказалъ я ему, что на его мѣстѣ, если ужъ сто тысячъ были необходимы, то я бы ихъ укралъ. „Я объ этомъ думалъ,“ отвѣчалъ мнѣ Дуровъ. —Ну, что же?—„Мудрено; не у всякаго въ карманѣ можно найти сто тысячъ, а зарѣзать или обокрасть человѣка за бездѣлицу не хочу, у меня есть *совѣсть.*“—Ну, такъ украдьте полковую казну.— „Я объ этомъ думалъ.“—Что же?—„Это можно сдѣлать лѣтомъ, когда полкъ въ лагерѣ, а фура съ казною стоитъ у палатки полковаго командира. Можно накинуть на дышло длинную веревку и припречь издали лошадей, а тамъ на ней и ускакать; часовой, увидя, что фура скачетъ без лошадей, вѣроятно испугается и не будетъ знать что дѣлать; въ двухъ или трехъ верстахъ можно разбить фуру, а съ казною бѣжать. Но тутъ много также неудобства. Не знаете ли вы иного способа?“—Просите денегъ у государя.—„Я объ этомъ думалъ.“—Что же? „Я даже и просилъ.“—Какъ! безо взякаго права?—„Я съ

того и началъ: ваше величество! я никакого права не имѣю просить у васъ то, что составило бы счастіе моей жизни; но, ваше величество, на милость образца нѣтъ, и такъ далѣе.“—Что же вамъ отвѣчали? „Ничего.“ —Это удивительно. Вы бы обратились къ Ротшильду. „Я объ этомъ думалъ.“—Что же, за чѣмъ дѣло стало? „Да видите ли: одинъ способъ выманить у Ротшильда сто тысячъ; это было бы такъ странно и забавно; надобно бы написать эту просьбу, чтобъ ему было весело, потомъ разсказать анекдотъ, который стоилъ бы ста тысячъ. Но сколько трудностей!...“ Словомъ, нельзя было придумать несообразности и нелѣпости, о которой бы Дуровъ уже не подумалъ. Послѣдній проектъ его былъ— выманить эти деньги у англичанъ, подстрекнувъ ихъ народное самолюбіе и въ надеждѣ на ихъ любовь къ странностямъ. Онъ хотѣлъ обратиться къ нимъ съ слѣдующимъ письмомъ: „Гг. англичане! я бился объ закладъ объ 10,000 рублей, что вы не откажетесь мнѣ дать взаймы 100,000 рублей. Гг. англичане, избавьте меня отъ проигрыша, на который навязался я, въ надеждѣ на ваше всему свѣту извѣстное великодушіе.“ Дуровъ просилъ меня похлопотать объ этомъ въ Петербургѣ чрезъ англійскаго посланника, и свой проектъ высказалъ мнѣ не иначе, какъ взявъ съ меня честное слово не воспользоваться имъ. Онъ готовъ былъ всегда биться объ

закладъ, и о чемъ бы то ни было. Говорили ли о женщинѣ — „хотите со мной биться объ закладъ, прерывалъ Дуровъ, что черезъ три дня она меня полюбитъ?“ Стрѣляли ли въ цѣль изъ пистолета—Дуровъ предлагалъ стать въ 25-ти шагахъ и бился о 1,000 рублей, что вы въ него не попадете. Страсть его къ женщинамъ была также очень замѣчательна. Бывши городничимъ въ Ямбургѣ, влюбился онъ въ одну рыжую бабу, осужденную къ кнуту, въ ту самую минуту, какъ она уже была привязана къ столбу, а онъ по должности своей присутствовалъ при ея казни. Онъ шепнулъ палачу, чтобы онъ ее поберегъ и не трогалъ ея прелестей, бѣлыхъ и жирныхъ, что̀ и было исполнено; послѣ чего Дуровъ жилъ нѣсколько дней съ прекрасной каторжницею. Недавно я получилъ отъ него письмо. Онъ пишетъ: исторія моя коротка: я женился, а денегъ все нѣтъ. Я отвѣчалъ ему: жалѣю, что изъ 100,000 способовъ достать 100,000 рублей ни одинъ еще, видно, вамъ не удался.

3 октября.

Отрывки изъ дневника (1833—1834).

24-го ноября (1833). Обѣдалъ у К. А. Карамзиной. Видѣлъ Жуковскаго. Онъ здоровъ и помолодѣлъ. Вечеромъ раутъ у Фикельмонтъ.[1] Стран-

[1] Австрійскій посланникъ. Онъ былъ женатъ на дочери Елисаветы Мих. Хитровой, внучкѣ Кутузова.

ная встрѣча: ко мнѣ подошелъ мужчина лѣтъ 45, въ усахъ и съ просѣдью. Я узналъ по лицу грека, и принялъ за одного изъ моихъ старыхъ кишиневскихъ пріятелей. Это былъ Суццо, бывшій молдавскій господарь. Онъ теперь посланникомъ въ Парижѣ. Не знаю еще, зачѣмъ здѣсь. Онъ напомнилъ мнѣ, что въ 1821 году былъ я у него въ Кишиневѣ вмѣстѣ съ Пестелемъ.[1] Я разсказалъ ему, какимъ образомъ Пестель обманулъ его и предалъ этерію, представя ее императору Александру отраслію карбонаризма. Суццо не могъ скрыть ни своего удивленія, ни досады· тонкость фанаріота была побѣждена хитростію русскаго офицера! это оскорбило его самолюбіе.

30-го ноября. Вчера балъ у Бутурлина. Жомини. Любопытный разговоръ съ Блайемъ. Зачѣмъ у васъ флотъ въ Балтійскомъ морѣ? — Для безопасности Петербурга? Но онъ защищенъ Кронштадтомъ. Игрушка! — Долго ли вамъ распространяться? (Мы смотрѣли карту постепеннаго распространенія Россіи, составленную Бутурлинымъ). Ваше мѣсто Азія: тамъ совершите вы достойный подвигъ цивилизаціи... etc.

Нѣсколько офицеровъ подъ судомъ за неисправность въ дежурствѣ. Великій князь засталъ ихъ за ужиномъ: кого въ шлафрокѣ, кого безъ

[1] Павелъ Ивановичъ, декабристъ, казненный 13 іюля 1826 г.

шарфа. Онъ пораженъ мыслію объ упадкѣ гвардіи. Но какими средствами думаетъ онъ возвысить ея духъ? При Екатеринѣ караульный офицеръ ѣхалъ за своимъ взводомъ въ возкѣ и въ лисьей шубѣ. Въ началѣ царствованія Александра офицеры были своевольны, заносчивы, неисправны, а гвардія была въ своемъ цвѣтущемъ состояніи.

4-го декабря. Вечеромъ у Загряжской (Натальи Кирилловны). Разговоръ о Екатеринѣ. Наталья Кирилловна была на галерѣ вмѣстѣ съ Петромъ III, во время революціи. Только два раза видѣла она Екатерину сердитою, и оба раза на княгиню Дашкову. Екатерина звала ее въ Эрмитажъ. Княгиня Дашкова спросила у придворныхъ, какъ ходятъ они туда. Ей отвѣчали: черезъ алтарь. Дашкова на другой день съ десятилѣтнимъ сыномъ прямо забралась въ алтарь, остановилась на минуту, поговорила съ сыномъ о святости того мѣста, и прошла съ нимъ въ Эрмитажъ. На другой день всѣ ожидали государыню, въ томъ числѣ и Дашкова. Вдругъ дверь отворилась, государыня влетѣла и прямо къ Дашковой. Всѣ замѣтили по краскѣ ея лица и по живости рѣчи, что она была сердита. Фрейлины перепугались. Дашкова извинялась во вчерашнемъ поступкѣ, говоря, что она не знала, чтобъ женщинѣ былъ запрещенъ входъ въ алтарь.—Какъ вамъ не стыдно! отвѣчала Екате-

рина. Вы русская и не знаете своего закона; священникъ принужденъ на васъ мнѣ жаловаться.... Наталья Кирилловна разсказала анекдотъ съ большой живостью. Княгиня Кочубей замѣтила, что Дашкова вошла вѣроятно въ качествѣ президента русской академіи. Втораго анекдота я не выслушалъ.

1-го января 1834. Третьяго дня я пожалованъ въ камеръ-юнкеры (что довольно неприлично моимъ лѣтамъ). Меня спрашивали, доволенъ ли я моимъ камеръ-юнкерствомъ? — Доволенъ, потому что государь имѣлъ намѣреніе отличить меня, а не сдѣлать смѣшнымъ; а по мнѣ хоть въ камеръ-пажи, только-бъ не заставили меня учиться французскимъ вокабуламъ и ариѳметикѣ.

7-го января. Государь сказалъ княгинѣ Вяземской: „J'espère que Pouchkine a pris en bonne part sa nomination. Jusqu'à présent il m'a tenu parole, et j'ai été content de lui, etc. Великій князь намедни поздравилъ меня въ театрѣ. — Покорнѣйше благодарю, ваше высочество; до сихъ поръ всѣ надо мною смѣялись: вы первый меня поздравили.

17-го января. Балъ у графа Бобринскаго (Алексѣя Алексѣевича) одинъ изъ самыхъ блистательныхъ. Государь мнѣ о моемъ камеръ-юнкерствѣ не говорилъ, а я не благодарилъ его. Говоря о моемъ Пугачевѣ, онъ сказалъ мнѣ: „Жаль,

что я не зналъ, что ты о немъ пишешь; я бы тебя познакомилъ съ его сестрицей, которая тому три недѣли умерла въ крѣпости." —Возможно ли? Съ 1774 года! Правда, она жила на свободѣ, въ предмѣстьи, но далеко отъ своей донской станицы, на чужой, холодной сторонѣ. Государыня спросила у меня, куда ѣздилъ я лѣтомъ. Узнавъ, что въ Оренбургъ, освѣдомилась о Перовскомъ съ большимъ добродушіемъ.

26-го января. Въ прошедшій вторникъ званъ я былъ въ Аничковъ. Пріѣхалъ въ мундирѣ. Мнѣ сказали, что гости во фракахъ. Я уѣхалъ, оставя Наталью Николаевну и, переодѣвшись, отправился на вечеръ къ Сергѣю Васильевичу Салтыкову. Государь былъ недоволенъ и нѣсколько *разъ* принимался говорить обо мнѣ. Il aurait pu se donner la peine d'aller mettre un frac et de revenir. Faites lui des reproches.

Въ четвергъ балъ у кн. Трубецкаго (Василія Сергѣевича). Государь пріѣхалъ неожиданно, былъ на полчаса. Сказалъ женѣ: Est-ce à propos de bottes ou de boutons que votre mari n'est pas venu dernièrement? (Мундирныя пуговицы). Старуха графиня Бобринская извинила меня тѣмъ, что у меня не были онѣ нашиты.

Баронъ д'Антесъ[1] и маркизъ де-Пина, два

[1] Здѣсь Пушкинъ въ первый разъ упоминаетъ имя Дантеса, которому суждено было впослѣдствіи играть

шуана, будутъ приняты въ гвардію прямо офицерами. Гвардія ропщетъ.

28-го февраля. Протекшій мѣсяцъ былъ довольно шуменъ. Множество баловъ, раутовъ, etc. Масляница. Я представлялся. Государь позволилъ мнѣ печатать Пугачева; мнѣ возвращена моя рукопись съ его замѣчаніями (очень дѣльными). Въ воскресенье, на балѣ въ концертной, государь долго со мною разговаривалъ. Онъ говоритъ очень хорошо, не смѣшивая обоихъ языковъ, не дѣлая обыкновенныхъ ошибокъ и употребляя настоящія выраженія.

6-го марта. Царь далъ мнѣ взаймы 20,000 на напечатаніе Пугачева. Спасибо!

13 іюля 1826 года въ полдень государь находился въ Царскомъ Селѣ. Онъ стоялъ надъ прудомъ, что за кагульскимъ памятникомъ, и бросалъ платокъ въ воду, заставляя собаку свою выносить его на берегъ. Въ эту минуту слуга прибѣжалъ сказать ему что-то на ухо.[1] Царь бросилъ и собаку и платокъ, и побѣжалъ во дво-

такую роковую роль въ его жизни. Баронъ Жоржъ Дантесъ (D'Anthès), усыновленный голландскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ барономъ Геккерномъ (Heckeren de Beverwaard) и присоединившій къ своему фамильному имени его имя, получилъ отъ императора Николая дозволеніе вступить въ Кавалергардскій полкъ.

[1] Т. е. извѣстіе о совершеніи поутру казни пяти декабристовъ.

рецъ. Собака, выплывъ на берегъ и не нашедъ его, оставила платокъ и побѣжала за нимъ. Фрейлина подняла платокъ въ память историческаго дня.

17-го марта. Вчера было совѣщаніе литературное у Греча объ изданіи русскаго „Conversations-Lexicon". Насъ было человѣкъ со сто, большею частью неизвѣстныхъ мнѣ русскихъ великихъ людей. Гречъ сказалъ мнѣ предварительно: „Плюшаръ въ этомъ дѣлѣ есть шарлатанъ, а я пальясъ; пью его лекарство и хвалю его." Такъ и вышло. Я подсмотрѣлъ много шарлатанства и очень мало толку. Предпріятіе въ милліонъ, а выгоды не вижу, не говоря уже о чести. Охота *лѣзть въ* омутъ, гдѣ полощутся Булгаринъ, По*левой* и Свиньинъ! Гаевскій подписался, но съ условіемъ. Кн. Одоевскій и я послѣдовали его примѣру. Вяземскій не былъ приглашенъ на сіе литературное сборище.—Тутъ я встрѣтилъ добраго Галича и очень ему обрадовался. Онъ былъ нѣкогда моимъ профессоромъ, ободрялъ меня на поприщѣ, мною избранномъ. Онъ заставилъ меня написать для экзамена 1814 года мои „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ". Устряловъ сказывалъ мнѣ, что издаетъ процессъ Никоновъ. Важная вещь!

Третьяго дня обѣдъ у австрійскаго посланника (гр. Фикельмонтъ). Я сдѣлалъ нѣсколько промаховъ: 1) пріѣхалъ въ 5 часовъ вмѣсто 5½

и ждалъ нѣсколько времени хозяйку; 2) пріѣхалъ въ сапогахъ, что сердило меня во все время. Сидя втроемъ съ посланникомъ и его женою, разговорился я объ 11 марта.... Государь, нынѣ царствующій, первый у насъ имѣлъ право и возможность казнить цареубійцъ или помышленія о цареубійствѣ; его предшественники принуждены были терпѣть и прощать.

2-го апрѣля. На дняхъ (въ прошедшій четвергъ) обѣдалъ у князя Трубецкаго съ Вяземскимъ, Нарышкинымъ, съ Кукольникомъ, котораго видѣлъ въ первый разъ. Онъ кажется очень порядочный молодой человѣкъ. Не знаю, имѣетъ ли онъ талантъ. Я не дочелъ его „Тасса" и не видалъ его „Руки" etc. Онъ хорошій музыкантъ. Вяземскій сказалъ объ его игрѣ на фортепіано: il brédouille en musique, comme en vers. Кукольникъ пишетъ „Ляпунова". Хомяковъ тоже. Ни тотъ, ни другой не напишутъ хорошей трагедіи. Баронъ Розенъ имѣетъ болѣе таланта.

Князь Одоевскій, Диринъ, Гаевскій, Зайцевскій и я выключены изъ числа издателей „Conversations-Lexicon". Прочіе были обижены нашею оговоркою; но честный человѣкъ, говоритъ Одоевскій, можетъ быть однажды обманутъ, но въ другой разъ обманутъ только дурака. Этотъ Лексиконъ будетъ не что иное какъ Сѣверная Пчела и Библіотека для Чтенія въ новомъ порядкѣ и объемѣ.

Въ прошлое воскресенье обѣдалъ я у Сперанскаго. Онъ разсказывалъ мнѣ о своемъ изгнаніи въ 1812 году. Онъ посланъ былъ изъ Петербурга по тихвинской глухой дорогѣ. Ему данъ былъ въ провожатые полицейскій чиновникъ, человѣкъ добрый и глупый. На одной станціи не давали ему лошадей; чиновникъ пришелъ просить покровительства у своего арестанта. Ваше превосходительство! помилуйте! заступитесь великодушно: эти канальи лошадей намъ не даютъ.—Сперанскій у себя очень любезенъ. Я говорилъ ему о прекрасномъ началѣ царствованія Александра. „Вы и Аракчеевъ, вы стоите въ дверяхъ противоположныхъ этого царствованія, какъ геніи зла и блага.“ Онъ отвѣчалъ комплиментами и совѣтовалъ мнѣ писать исторію моего времени.

7-го апрѣля. „Телеграфъ“ запрещенъ. Уваровъ представилъ государю выписки, веденныя нѣсколько мѣсяцевъ и обнаруживающія неблагонамѣренное направленіе, данное Полевымъ его журналу (выписки ведены Бруновымъ по совѣту Блудова). Жуковскій говоритъ: „Я радъ, что „Телеграфъ“ запрещенъ, хотя жалѣю, что запретили.“ „Телеграфъ“ достоинъ былъ участи своей. Мудрено съ большею наглостью проповѣдывать якобинизмъ передъ носомъ правительства; но Полевой былъ баловень полиціи. Онъ умѣлъ увѣрить ее, что его либерализмъ пустая только маска.

Моя Пиковая Дама въ большой модѣ. Игроки понтируютъ на тройку, семерку и туза. При дворѣ нашли сходство между старой графиней и кн. Натальей Петровной (Голицыной) и, кажется, не сердятся.

Вчера Гоголь читалъ мнѣ сказку, какъ Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Тимофѣичемъ (sic). Очень оригинально и очень смѣшно.

Гоголь, по моему совѣту, началъ исторію русской критики.

8-го апрѣля. Сейчасъ ѣду во дворецъ представиться царицѣ.

2 часа.—Представлялся. Ждали царицу часа три. Насъ было человѣкъ 20: братъ Паскевича, Шереметевъ, Болховской, два Корфа, Вальховскій и др. Я по списку былъ послѣдній. Царица подошла ко мнѣ смѣясь: Non, c'est unique! Je me creusais la tête pour savoir quel P. me sera présenté. Il se trouve que c'est vous!... Comment va votre femme? Sa tante (Ек. Ив. Загряжская) est bien impatiente de la voir en bonne santé la fille de son coeur, sa fille d'adoption.... и перевернулась. Я ужасно люблю царицу, не смотря на то, что ей уже 35 лѣтъ, и даже 36.

11-го апрѣля. Сейчасъ получаю отъ графа Строганова листокъ франкфуртскаго журнала, гдѣ напечатана слѣдующая статья:

St. Pétersbourg, 27 Février. Depuis la catastrophe de la révolte de Varsovie, les coryphées

de l'émigration polonaise nous ont démontré trop souvent par leur paroles et leurs écrits que pour avancer leur desseins et disculper leur conduite antérieure, ils ne craignent pas le mensonge et la calomnie; aussi personne ne s'étonnera des nouvelles preuves de leur imprudence obstinée....[1]

.... Après avoir faussé de la sorte l'histoire des siècles passés pour la faire parler en faveur de la cause, m-r Lelevel maltraite de même l'histoire moderne. En ce point il est conséquent.

Il nous retrace à sa manière le dévéloppement progressif du principe révolutionnaire en Russie; il nous cite l'un des meilleurs poètes russes de nos jours afin de révéler par son exemple la tendance politique de la jeunesse russe. Nous ignorons si A. Pouchkine, à une epoque où son talent imminent en fermentation ne s'était pas débarassé encore de son écume, a composé les strophes citées par Lelevel; mais nous pouvons assurer avec conviction qu'il se repentira d'autant plus de premiers essais de sa muse, qu'ils ont fourni à un ennemi de sa patrie l'occasion de lui supposer une conformité quelconque d'idées ou d'intentions. Quant au jugement porté par Pouchkine relativement à la rébellion polonaise, il se trouve enoncé

[1] Дѣло идетъ о праздникѣ, данномъ въ Брюсселѣ польскими эмигрантами, и о рѣчахъ, произнесенныхъ Лелевелемъ, Пулавскимъ, Ворцелемъ и другими. Праздникъ былъ данъ въ годовщину 14 декабря.

dans son poëme: Aux détracteurs de la Russie qu'il a fait paraître dans le temps.

Puisque cependant le s. Lelevel semble éprouver de l'interêt sur le sort de ce poète relegué aux confins reculés de l'empire, notre humanité naturelle nous porte à l'informer de la présence de Pouchkine à Pétersbourg, en remarquant qu'on le voit souvent à la cour et qu'il y est traîté par son souverain avec bonté et bienveillance.

14-го апрѣля. Вчера концертъ для бѣдныхъ. Дворъ въ концертѣ. 300 мѣстъ и 2,000 билетовъ.

Слухъ о томъ, что Полевой былъ взятъ и привезенъ въ Петербургъ, подтверждается. Говорятъ, кто-то его встрѣтилъ въ большомъ смущеніи, здѣсь, на улицѣ, тому съ недѣлю.

16-го. Вчера проводилъ Наталью Николаевну до Ижоры. Возвратясь, нашелъ у себя на столѣ приглашеніе на дворянскій балъ и приказъ явиться къ графу Литтѣ. Я догадался, что дѣло идетъ о томъ, что я не явился въ придворную церковь ни къ вечернѣ въ субботу, ни къ обѣднѣ въ вербное воскресенье. Такъ и вышло. Жуковскій сказалъ мнѣ, что государь былъ недоволенъ отсутствіемъ многихъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ и сказалъ: „если имъ тяжело выполнять свои обязанности, то я найду средства ихъ избавить." Однакожъ я не поѣхалъ на головомытье, а написалъ изъясненіе.

Говорятъ, будто бы на дняхъ выйдетъ указъ о томъ, что уничтожается право русскимъ подданнымъ пребывать въ чужихъ краяхъ. Жаль во всѣхъ отношеніяхъ, если слухъ сей оправдается.

Середа на святой недѣлѣ. — Праздникъ совершеннолѣтія [1] совершился. Я не былъ свидѣтелемъ. Это было вмѣстѣ торжество государственное и семейственное. Всѣ были въ восхищеніи отъ необыкновеннаго зрѣлища. Многіе плакали, а кто не плакалъ, тотъ обтиралъ сухіе глаза, силясь выжать нѣсколько слезъ. Дворецъ былъ полонъ народу. Мнѣ надобно было свидѣться съ Катериною Ивановною Загряжской. Я къ ней пошелъ по задней лѣстницѣ, надѣясь никого не встрѣтить, но и тутъ была давка. Придворные ропщутъ: ихъ не пустили въ церковь, куда, говорятъ, всѣхъ пускали.

Мёрдеръ [2] умеръ. Человѣкъ добрый и честный, незамѣнимый. Великій князь еще того не знаетъ: отъ него таятъ извѣстіе, чтобъ не отравить его радости. Откроютъ ему послѣ бала 28. Также умеръ Аракчеевъ, и смерть этого самодержца не произвела никакого впечатлѣнія. Губернаторъ новогородскій пріѣхалъ въ Петербургъ и явился къ Блудову съ извѣстіемъ о его

[1] Великаго князя Александра Николаевича.

[2] Карлъ Карловичъ, генералъ-адъютантъ, воспитатель великаго князя, р. 1788, ум. 24 марта 1834.

болѣзни и для принятія приказаній на счетъ бумагъ, у графа находящихся. Это не мое дѣло, отвѣчалъ Блудовъ, отнеситесь къ Бенкендорфу. Въ Грузино посланы Клейнмихель и Игнатьевъ.

Петербургъ полонъ вѣстями и толками о минувшемъ торжествѣ. Разговоры несносны: слышишь вездѣ одно и то же. Одна Смирнова по прежнему мила и холодна въ окружающей суетѣ. Дай Богъ ей счастливо родить, а страшно за нее.

Вышелъ указъ о русскихъ подданныхъ, пребывающихъ въ чужихъ краяхъ. Онъ есть явное нарушеніе права, даннаго дворянству Петромъ III; но такъ какъ допускаются исключенія, то и будетъ одною изъ безчисленныхъ пустыхъ мѣръ, принимаемыхъ ежедневно къ досадѣ благомыслящихъ людей и ко вреду правительства.

~~ Гулянье 1-го мая не удалось отъ дурной погоды: было экипажей десять. Случилось несчастіе: какая-то деревянная башня, памятникъ затѣй Милорадовича въ Екатерингофѣ, обрушилась и нѣсколько людей, бывшихъ на ней, ушиблись. Кстати, вотъ надпись къ воротамъ Екатерингофа:

Хвостовымъ нѣкогда воспѣтая дыра!
Провозглашаешь ты природы русской скупость,
Самодержавіе Петра
И Милорадовича глупость.

Гоголь читалъ у Дашкова свою комедію. Дашковъ звалъ Вяземскаго на свой вечеръ, говоря въ своей запискѣ:

Molière avec Tartuffe y doit jouer son rôle,
Et Lambert, qui plus est, m'a donné sa parole etc.

Вяземскій отвѣчалъ: Какъ? будетъ графъ Ламбертъ и съ нимъ его супруга? Зовите-жь и Лаваль.

21-го. Вчера обѣдалъ у Смирновыхъ съ Полетикой,[1] съ Велегорскимъ и съ Жуковскимъ. Разговоръ коснулся Екатерины. Полетика разсказалъ нѣсколько анекдотовъ. Нѣкто Чертковъ, человѣкъ крутой и неустойчивый, былъ однажды во дворцѣ. Зубовъ подошелъ къ нему и обнялъ его, говоря: „ахъ ты, мой красавецъ!“ Чертковъ былъ очень дуренъ лицомъ. Онъ осердился и, обратясь къ Зубову, сказалъ: „я, сударь, своею фигурою фортуны себѣ не ищу.“ Всѣ замолчали. Екатерина, игравшая тутъ же въ карты, обратилась къ Зубову и сказала: „вы не можете помнить такого-то (Черткова по имени и отчеству), а я его помню и могу васъ увѣрить, что онъ очень былъ не дуренъ.“

2-го іюня. Много говорятъ въ городѣ объ Медемѣ, назначенномъ министромъ въ Лондонъ.

[1] Петръ Ивановичъ нѣкогда членъ „Арзамаса“, въ это время вернувшійся изъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ онъ былъ посланникомъ.

Это дипломатическія суспиціи, какъ говорятъ городничихи. Англія не посылала намъ посланника: мы отзываемъ Ливена. Бива недоволенъ. Онъ говоритъ: mais Medem c'est un tout jeune homme, c'est à dire un blanc bec. Государь не хотѣлъ принять Каннинга (Stratford), потому что, будучи великимъ княземъ, имѣлъ съ нимъ какую-то непріятность.

26-го мая былъ я на пароходѣ и провожалъ Мещерскихъ,[1] отправляющихся въ Италію.

На другой день представлялся великой княгинѣ (Еленѣ Павловнѣ). Насъ было человѣкъ 8, между прочими Красовскій, славный цензоръ. Великая княгиня спросила его: „Cela doit bien vous ennuyer d'être obligé de lire tout ce qui paraît?“ — Oui, v. a. i., отвѣчалъ онъ: — la littérature actuelle est si détestable que c'est un supplice“. Великая княгиня скорѣй отъ него отошла. Говорила со мной о Пугачевѣ.

Вчера вечеръ у Катерины Андреевны (Карамзиной). Она ѣдетъ въ Таицы, принадлежавшія нѣкогда Ганнибалу, моему прадѣду. У нея были Вяземскій, Жуковскій и Полетика. Я очень люблю Полетику. Говорили много о Павлѣ І-мъ, романтическомъ нашемъ императорѣ.

[1] Кн. Петръ Иван. и княг. Катер. Никол., дочь Карамзина.

3-го іюня. Обѣдали мы у Вяземскаго, Жуковскій, Давыдовъ и Киселевъ.[1] Много говорили объ его управленіи въ Валахіи. Онъ, можетъ, самый замѣчательный изъ нашихъ государственныхъ людей, не исключая Ермолова....

Генералъ Болховской[2] хотѣлъ писать свои записки (и даже началъ ихъ; нѣкогда, въ бытность мою въ Кишиневѣ, онъ ихъ мнѣ читалъ). Киселевъ сказалъ ему: помилуй! да о чемъ ты будешь писать? что ты видѣлъ? — Что я видѣлъ? возразилъ Болховской. Да я видѣлъ такія вещи, о которыхъ никто и понятія не имѣетъ.

Тому недѣли двѣ получено здѣсь извѣстіе о смерти кн. Кочубея. Оно произвело сильное дѣйствіе. Государь былъ неутѣшенъ. Новые министры повѣсили головы.... Вотъ сужденіе о немъ: c'était un esprit éminnement conciliant; nul n'excellait comme lui à trancher une question difficile, à amener les opinions à s'entendre, etc. Безъ него Совѣтъ иногда превращался только что не въ драку, такъ что принуждены были посылать за нимъ больнымъ, чтобъ его присутствіемъ усмирить волненіе. Дѣло въ томъ, что онъ былъ человѣкъ хорошо воспитанный, а это у насъ рѣдко. И за то спасибо!

[1] Павелъ Дмитріевичъ, впослѣдствіи графъ.

[2] Или Бологовской, тотъ самый, который упоминается въ разсказѣ Липранди о Кирджали.

22-го іюля. Прошедшій мѣсяцъ былъ буренъ. Чуть было не поссорился я со дворомъ; но все перемололось. Однако это мнѣ не пройдетъ.

Маршалъ Мезонъ упалъ на маневрахъ съ лошади и чуть не былъ раздавленъ образцовымъ полкомъ. Арендъ объявилъ, что онъ внѣ опасности. Подъ Аустерлицемъ онъ искрошилъ кавалергардовъ. Долгъ платежемъ красёнъ.

9-го августа. Трощинскій въ концѣ царствованія Павла былъ въ опалѣ. Исключенный изъ службы, просился онъ въ деревню. Государь не велѣлъ ему выѣзжать изъ города. Трощинскій остался въ Петербургѣ, никуда не являясь, сидя дома, вставая рано, ложась рано. Однажды, въ два часа ночи, является къ его воротамъ фельдъегерь. Ворота заперты. Весь домъ спитъ. Онъ стучится, никто нейдетъ. Фельдъегерь въ протаявшемъ снѣгу отыскалъ камень и пустилъ его въ окошко. Въ домѣ проснулись, начали отворять ворота и поспѣшно прибѣжали къ спящему Трощинскому, объявляя ему, что государь его требуетъ и что фельдъегерь за нимъ пріѣхалъ. Трощинскій встаетъ, одѣвается, садится въ сани и ѣдетъ. Фельдъегерь привозитъ его прямо къ зимнему дворцу. Трощинскій не можетъ понять, что съ нимъ дѣлается. Наконецъ, видитъ онъ, что его ведутъ на половину великаго князя Александра. Тутъ только догадался онъ о перемѣнѣ, происшедшей въ государствѣ. У две-

рей кабинета встрѣтилъ его Паленъ, обнялъ и поздравилъ съ новымъ императоромъ. Трощинскій нашелъ государя въ мундирѣ, облокотившимся на столъ и всего въ слезахъ. Александръ кинулся къ нему на шею и сказалъ: „будь моимъ руководителемъ.“ Тутъ былъ тотчасъ же написанъ манифестъ и подписанъ государемъ, не имѣвшимъ силы ничѣмъ заняться.

28-го ноября. Я ничего не записывалъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Я былъ въ отсутствіи. Выѣхалъ изъ Петербурга за пять дней до открытія Александровской колонны,[1] чтобы не присутствовать при церемоніи вмѣстѣ съ камеръ-юнкерами, своими сотоварищами, былъ въ Москвѣ нѣсколько часовъ, видѣлъ А. Раевскаго, котораго нашелъ поглупѣвшимъ отъ ревматизмовъ въ головѣ. Можетъ быть это пройдетъ. Отправился потомъ въ Калугу на перекладныхъ безъ человѣка. Въ Тарутинѣ пьяные ямщики чуть меня не убили, но я поставилъ на своемъ. „Какіе мы разбойники? говорили мнѣ они: намъ дана вольность, и поставленъ столпъ намъ въ честь.“ Графа Румянцова вообще не хвалятъ за его памятникъ[2] и увѣряютъ, что церковь была бы приличнѣе. Я довольно съ этимъ согласенъ. Церковь и при ней школа полезнѣе колонны съ

[1] 30 августа 1834 года.

[2] Въ Тарутинѣ, его имѣніи, въ память 1812 года.

орломъ и длинною надписью, которой безграмотный мужикъ нашъ долго не разберетъ. Въ Заводахъ прожилъ я двѣ недѣли, потомъ привезъ Наталью Николаевну въ Москву, а самъ съѣздилъ въ нижегородскую деревню, гдѣ управители меня морочили, а я передъ ними шарлатанилъ и, кажется, неудачно. Воротился къ 15-му октября въ Петербургъ, гдѣ и проживаю. Пугачевъ мой отпечатанъ. Я ждалъ все возвращенія царя изъ Пруссіи. Вечоръ онъ пріѣхалъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ привезъ эту новость на балъ Бутурлина. Балъ былъ прекрасенъ. Воротились въ 3 часа.

5-го декабря. Завтра надобно будетъ явиться во дворецъ. У меня еще нѣтъ мундира. Ни за что не поѣду представляться съ моими товарищами камеръ-юнкерами, молокососами 18-лѣтними. Царь разсердится. Да что мнѣ дѣлать?

Баратынскій (1831).

Пора Баратынскому занять на русскомъ Парнасѣ мѣсто давно ему принадлежащее. Наши поэты не могутъ жаловаться на излишнюю строгость критиковъ и публики; напротивъ: едва замѣтимъ въ молодомъ писателѣ навыкъ къ стихосложенію, знаніе языка и средствъ онаго, уже тотчасъ спѣшимъ привѣтствовать его титломъ генія за гладкіе стишки и нѣжно благодаримъ его въ журналахъ отъ имени человѣчества;

невѣрный переводъ, блѣдное подражаніе сравниваемъ безъ церемоніи съ безсмертными произведеніями Гёте и Байрона: добродушіе смѣшное, но безвредное! Истинный талантъ довѣряетъ болѣе собственному сужденію, основанному на любви къ искусству, нежели малообдуманному рѣшенію записныхъ аристарховъ. Зачѣмъ лишать златую посредственность невинныхъ удовольствій, доставляемыхъ журнальнымъ торжествомъ?

Изъ нашихъ поэтовъ Баратынскій всѣхъ менѣе пользуется обычной благосклонностію журналовъ—оттого ли, что вѣрность ума, чувства, точность выраженія, вкусъ, ясность и стройность менѣе дѣйствуютъ на толпу, нежели преувеличеніе (exagération) модной поэзіи, или потому, что нашъ поэтъ нѣкоторыми эпиграммами заслужилъ негодованіе братіи, не всегда смиренной. Какъ бы то ни было, критики изъявляли въ отношеніи къ нему или недобросовѣстное равнодушіе, или даже непріязненнее расположеніе. Не упоминая уже объ извѣстныхъ шуткахъ покойнаго „Благонамѣреннаго“, извѣстнаго весельчака, замѣтимъ, что появленіе „Эды“, произведенія столь замѣчательнаго оригинальной своей простотою, прелестью разсказа, живостью красокъ и очеркомъ характеровъ, слегка, но мастерски означенныхъ, появленіе „Эды“ подало только поводъ къ неприличной статейкѣ въ

„Сѣверной Пчелѣ“ и слабому возраженію на нее въ „Московскомъ Телеграфѣ“.

Какъ отозвался „Московскій Вѣстникъ“ о собраніи стихотвореній нашего перваго элегическаго поэта? (Упоминаю объ всемъ этомъ для назиданія молодыхъ писателей). Между тѣмъ, Баратынскій спокойно совершенствовался. Послѣднія его произведенія являются плодами зрѣлаго таланта. Послѣдняя поэма „Балъ“ (напечатанная въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“) подтверждаетъ наше мнѣніе. Сіе блестящее произведеніе исполнено оригинальныхъ красотъ и прелести необыкновенной. Поэтъ съ удивительнымъ искусствомъ соединилъ въ своемъ разсказѣ тонъ шутливый и страстный, метафизику и поэзію (два лица являются передъ нами; одно исключительно занимаетъ интересъ). Характеръ героини совершенно новый, развитый con amore, широко и съ удивительнымъ искусствомъ; для него поэтъ нашъ создалъ совершенно новый языкъ и выразилъ на немъ всѣ оттѣнки своей метафизики, для него расточилъ онъ всю элегическую нѣгу, всю прелесть своей поэзіи.

Напрасно поэтъ беретъ иногда строгій тонъ укоризны, напрасно онъ съ принужденной холодностью говоритъ о смерти Нины, сатирически описываетъ намъ ея похороны и шуткою кончаетъ поэму свою: мы чувствуемъ, что онъ любитъ свою бѣдную, страстную героиню; онъ

заставляетъ и насъ принимать болѣзненное соучастіе въ судьбѣ падшаго, но еще очаровательнаго созданія.

Арсеній есть тотъ самый, кого должна была полюбить бѣдная Нина. Онъ сильно овладѣлъ ея воображеніемъ, и—никогда вполнѣ не удовлетворяя ни ея страсти, ни любопытству—долженъ былъ до конца сохранить надъ нею роковое свое вліяніе (ascendant).

Перечтите его „Эду“ (которую критики наши нашли ничтожной, ибо, какъ дѣти, отъ поэмы требуютъ они происшествій), перечтите сію краткую, восхитительную повѣсть: вы увидите, съ какою глубиною чувства развита въ ней женская любовь. Посмотрите на Эду послѣ перваго поцѣлуя предпріимчиваго обольстителя:

Взоръ укоризны, даже гнѣва
Тогда поднять хотѣла дѣва,
Но гнѣва взоръ не выражалъ:
Веселость ясная сіяла
Въ ея младенческихъ очахъ...

Она любитъ какъ дитя, радуется его подаркамъ, рѣзвится съ нимъ, безпечно привыкаетъ къ его ласкамъ... Но время идетъ: Эда уже не ребенокъ.

На камняхъ розовыхъ твоихъ
Весна игриво засвѣтлѣла,
И ярко-зеленъ мохъ на нихъ,
И птичка весело запѣла,
И по гранитному одру

Свѣтло бѣжитъ ручей сребристый,
И лѣсъ прохладою душистой
Съ востока вѣетъ поутру;
Тамъ за горою даль таится;
Уже цвѣты пестрѣютъ тамъ;
Уже черемухъ ѳиміамъ
Тамъ въ чистомъ воздухѣ струится...
Своею нѣгою страшна
Тебѣ волшебная весна.
Не слушай птички сладкогласной!
Отъ сна возставшая, съ крыльца
Къ прохладѣ утренней лица
Не обращай, и въ долъ прекрасный
Не приходи...

Какая роскошная черта, какъ весь отрывокъ исполненъ нѣги!

Баратынскій принадлежитъ къ числу отличныхъ нашихъ поэтовъ. Онъ у насъ оригиналенъ—ибо мыслитъ. Онъ былъ бы оригиналенъ и вездѣ, ибо мыслитъ по-своему, правильно и независимо, между тѣмъ какъ чувствуетъ сильно и глубоко. Гармонія его стиховъ, свѣжесть слога, живость и точность выраженія должны поразить всякаго, хотя нѣсколько одареннаго вкусомъ, чувствомъ. Кромѣ прелестныхъ элегій и мелкихъ стихотвореній, знаемыхъ всѣми наизусть и столь неудачно подражаемыхъ, Баратынскій написалъ двѣ повѣсти, которыя въ Европѣ доставили бы ему славу, а у насъ были замѣчены одними знатоками. Первыя, юношескія произведенія Баратынскаго были нѣкогда при-

няты съ восторгомъ; послѣднія, болѣе зрѣлыя, болѣе близкія къ совершенству, въ публикѣ имѣли малый успѣхъ. Постараемся объяснить тому причины. Первою должно почесть самое сіе совершенствованіе, самую зрѣлость его произведеній. Понятія, чувства 18-ти-лѣтняго поэта еще близки и сродны всякому; молодые читатели понимаютъ его и съ восхищеніемъ въ его произведеніяхъ узнаютъ собственныя чувства и мысли, выраженныя ясно, живо и гармонически. Но лѣта идутъ—юный поэтъ мужаетъ, талантъ его растетъ, понятія становятся выше, чувства измѣняются—пѣсни его уже не тѣ, а читатели все тѣ же, и развѣ только сдѣлались холоднѣе сердцемъ и равнодушнѣе къ поэзіи жизни. Поэтъ отдѣляется отъ нихъ и мало по малу уединяется совершенно. Онъ творитъ для самого себя, и если изрѣдка еще обнародываетъ свои произведенія, то встрѣчаетъ холодность, невниманіе и находитъ отголосокъ своимъ звукамъ только въ сердцахъ нѣкоторыхъ поклонниковъ поэзіи, какъ онъ, уединенныхъ въ свѣтѣ. Вторая причина есть отсутствіе критики и общаго мнѣнія. У насъ литература не есть потребность народная. Писатели получаютъ извѣстность посторонними обстоятельствами, публика мало ими занимается; классъ писателей ограниченъ, и имъ управляютъ журналы, которые судятъ о литературѣ какъ о политической экономіи, о

политической экономіи какъ о музыкѣ, т. е. на-обумъ, по наслышкѣ, безъ всякихъ основательныхъ правилъ и свѣдѣній, а большею частію по личнымъ разсчетамъ. Будучи предметомъ ихъ неблагосклонности, Баратынскій никогда за себя не вступался, не отвѣчалъ ни на одну журнальную статью. Правда, что довольно трудно оправдываться тамъ, гдѣ не было обвиненія, и что съ другой стороны довольно легко презирать ребяческую злость и площадныя насмѣшки—тѣмъ не менѣе, ихъ приговоры имѣютъ рѣшительное вліяніе.

Третья причина—эпиграммы Баратынскаго; сіи мастерскія, образцовыя эпиграммы не щадили правителей русскаго Парнаса. Поэтъ нашъ никогда не находилъ ума въ полемикѣ и не любилъ состязаться съ нашими аристархами, не смотря на необыкновенную силу своей діалектики; но онъ не могъ удержаться, чтобъ сильно не выразить иногда своего мнѣнія въ этихъ маленькихъ сатирахъ, столь забавныхъ и язвительныхъ. Не смѣемъ упрекать его за нихъ. Слишкомъ было бы жаль, еслибъ онѣ не существовали.[1]

[1] Эпиграмма, опредѣленная законодателемъ французской піитики: „Un bon mot de deux rimes orné“, скоро старѣетъ и, живѣе дѣйствуя въ первую минуту, какъ и всякое острое слово, теряетъ всю свою силу при повтореніи. Напротивъ съ эпиграммами Баратынскаго. Сати-

Сія безпечность о судьбѣ своихъ произведеній, сіе неизмѣнное равнодушіе къ успѣху и похваламъ, не только въ отношеніи къ журналистамъ, но и въ отношеніи къ публикѣ, очень замѣчательны. Никогда не старался онъ малодушно угождать господствующему вкусу и требованіямъ мгновенной моды, никогда не прибѣгалъ къ шарлатанству, преувеличенію (exagération) для произведенія большаго эффекта, никогда не пренебрегалъ трудами неблагодарными, рѣдко замѣчаемыми, трудами отдѣлки и отчетливости. Никогда не тащился онъ по пятамъ свой вѣкъ увлекающаго генія, подбирая имъ оброненные колосья: онъ шелъ своею дорогою одинъ и независимъ. Время ему занять степень, ему принадлежащую, и стать подлѣ Жуковскаго и выше пѣвца Пенатовъ и Тавриды....

Дельвигъ (1831).

Дельвигъ родился въ Москвѣ (1798....). Отецъ его, умершій генералъ-маіоромъ въ 1828 году, былъ женатъ на дѣвицѣ Рахмановой.[1]

рическая мысль пріемлетъ оборотъ то сказочный, то драматическій, и улыбнувшись ей, какъ острому слову, съ наслажденіемъ перечитываешь ее, какъ произведеніе искусства. — А. П.

[1] Ошибка. Одна изъ сестеръ Дельвига была за Рахмановымъ, мать же поэта была урожденная Красильникова.

Дельвигъ первоначальное образованіе получилъ въ частномъ пансіонѣ; въ концѣ 1811 года вступилъ онъ въ Царскосельскій лицей. Способности его развивались медленно. Память у него была тупа; понятія лѣнивы. На 14-мъ году онъ не зналъ никакого иностраннаго языка и не оказывалъ склонности ни къ какой наукѣ. Въ немъ замѣтна была только живость воображенія. Однажды вздумалось ему разсказать нѣсколькимъ изъ своихъ товарищей походъ 1807-го года, выдавая себя за очевидца тогдашнихъ происшествій. Его повѣствованіе было такъ живо и правдоподобно и такъ сильно подѣйствовало на воображеніе молодыхъ слушателей, что нѣсколько дней около него собирался кружокъ любопытныхъ, требовавшихъ новыхъ подробностей о походѣ. Слухъ о томъ дошелъ до нашего директора А. Ѳ. Малиновскаго, который захотѣлъ услышать отъ самого Дельвига разсказъ о его приключеніяхъ. Дельвигъ постыдился признаться во лжи, столь же невинной, какъ и замысловатой, и рѣшился ее поддержать, что и сдѣлалъ съ удивительнымъ успѣхомъ, такъ что никто изъ насъ не сомнѣвался въ истинѣ его разсказовъ, покамѣстъ онъ самъ не признался

Отецъ долго былъ плацъ-маіоромъ въ Москвѣ, потомъ бригаднымъ генераломъ въ Ригѣ и въ Кременчугѣ и наконецъ начальникомъ округа внутренней стражи въ Витебскѣ.

въ своемъ вымыслѣ. Будучи еще пяти лѣтъ отъ роду, вздумалъ онъ разсказывать о какомъ-то чудесномъ видѣніи и смутилъ имъ всю свою семью. Въ дѣтяхъ, одаренныхъ игривостію ума, склонность ко лжи не мѣшаетъ искренности и прямодушію. Дельвигъ, разсказывающій о таинственныхъ своихъ видѣніяхъ и о мнимыхъ опасностяхъ, которымъ будто бы подвергался въ обозѣ отца своего, никогда не лгалъ въ оправданіе какой нибудь вины, для избѣжанія выговора или наказанія.

Любовь къ поэзіи пробудилась въ немъ рано. Онъ зналъ почти наизусть собраніе русскихъ стихотвореній, изданное Жуковскимъ. Съ Державинымъ онъ не разставался. Клопштока, Шиллера и Гёте прочелъ онъ съ однимъ изъ своихъ товарищей, живымъ лексикономъ и вдохновеннымъ комментаріемъ. Горація изучилъ въ классѣ, подъ руководствомъ профессора Кошанскаго. Дельвигъ никогда не вмѣшивался въ игры, требовавшія проворства и силы; онъ предпочиталъ прогулки по аллеямъ Царскаго Села и разговоры съ товарищами, коихъ умственныя склонности сходствовали съ его собственными. Первыми его опытами въ стихотворствѣ были подражанія Горацію. Оды: къ Діону, къ Лилетѣ, Доридѣ, писаны имъ на пятнадцатомъ году и напечатаны въ собраніи его сочиненій безъ всякой перемѣны. Въ нихъ уже замѣтно необыкновенное

чувство гармоніи и той классической стройности, которой никогда онъ не измѣнялъ. Какимъ образомъ никто не обратилъ тогда вниманія на ранніе отпрыски столь прекраснаго таланта? Никто не привѣтствовалъ вдохновеннаго юношу, между тѣмъ какъ стихи одного изъ его товарищей, стихи посредственные, замѣтные только по нѣкоторой легкости и чистотѣ мелочной отдѣлки, въ то же время были расхвалены и прославлены какъ нѣкоторое чудо. Но такова участь Дельвига: онъ не былъ оцѣненъ при раннемъ появленіи на краткомъ своемъ поприщѣ; онъ еще не оцѣненъ и теперь, когда покоится въ своей безвременной могилѣ!

I. Я ѣхалъ съ Вяземскимъ изъ Петербурга въ Москву. Дельвигъ хотѣлъ проводить меня до Царскаго Села. 10 августа (1830) поутру мы вышли изъ города. Вяземскій долженъ былъ насъ догнать на дорогѣ.—Дельвигъ обыкновенно просыпался очень поздно и разбудить его преждевременно было почти невозможно. Но въ этотъ день всталъ онъ въ восьмомъ часу и у него съ непривычки кружилась и болѣла голова. Мы принуждены были зайти въ низенькій трактиръ. Дельвигъ позавтракалъ. Мы пошли далѣе. Ему стало легче; головная боль прошла. Онъ сталъ веселъ и говорливъ.—Завтракъ въ трактирѣ напомнилъ ему повѣсть, которую намѣревался онъ написать. Дельвигъ долго обдумывалъ свои

произведенія, даже самыя мелкія. La raison de ce que Delvig a si peu écrit tient à sa manière de composer. Онъ любилъ въ разговорахъ развивать свои поэтическіе помыслы и мы знали его прекрасныя созданія нѣсколько лѣтъ прежде, нежели были они написаны, но когда наконецъ онъ ихъ читалъ, облеченные въ звучные гекзаметры, они казались намъ новыми и неожиданными. Такимъ образомъ „Русская его идиллія", напечатанная въ самый годъ его смерти,[1] была въ первый разъ разсказана мнѣ еще въ лицейской залѣ, послѣ скучнаго математическаго класса.

II. Идилліи Дельвига для меня удивительны: какую силу воображенія должно имѣть, дабы такъ совершенно перенестись изъ 19-го столѣтія въ золотой вѣкъ, и какое необыкновенное чутье изящнаго, дабы такъ угадать греческую поэзію сквозь латинскія подражанія или нѣмецкіе переводы; эту роскошь, эту нѣгу, эту прелесть болѣе отрицательную, чѣмъ положитель ную, которая не допускаетъ ничего напряженнаго въ чувствахъ, тонкаго, запутаннаго въ мысляхъ, лишняго, неестественнаго въ описаніяхъ.

[1] Отставной солдатъ (русская идиллія) — „Сѣвер. Цвѣты" на 1830 г.

Литературныя замѣтки.

О слогѣ (1822).

Д'Аламберъ сказалъ однажды Лагарпу: не выхваляйте мнѣ Бюффона; этотъ человѣкъ пишетъ: — благороднѣйшее изо всѣхъ пріобрѣтеній человѣка было сіе животное гордое, пылкое и проч. Зачѣмъ просто не сказать—лошадь? Лагарпъ удивляется сухому разсужденію философа, но д'Аламберъ очень умный человѣкъ и, признаюсь, я почти согласенъ съ его мнѣніемъ. Замѣчу мимоходомъ, что дѣло шло о Боффонѣ, великомъ живописцѣ природы. Слогъ его, цвѣтущій, полный, всегда будетъ образцомъ описательной прозы. Но что̀ сказать объ нашихъ писателяхъ, которые, почитая за низость изъяснять просто вещи самыя обыкновенныя, думаютъ оживить дѣтскую прозу дополненіями и вялыми метафорами? Эти люди никогда не скажутъ д р у ж б а, не прибавивъ: сіе священное чувство, коего благородный пламень и пр. Должно бы сказать: рано поутру, а они пишутъ: едва первые лучи восходящаго солнца озарили восточные края лазурнаго неба. Какъ это все ново и свѣжо! развѣ оно лучше потому только, что длиннѣе?

Читаютъ отчетъ новаго любителя театра: сія

юная питомица Таліи и Мельпомены, щедро одаренная Апол... Боже мой! а поставь: эта молодая хорошая актриса, и продолжай такъ же,— будь увѣренъ, что никто не замѣтитъ твоихъ выраженій, никто спасибо не скажетъ. И развѣ завистливый зоилъ, коего неусыпная зависть изливаетъ усыпительный свой ядъ на лавры русскаго Парнаса, коего утомительная тупость можетъ только сравниться съ неутомимой злостію... Боже мой! зачѣмъ просто не сказать лошадь, не короче ли?

Вольтеръ можетъ почесться прекраснымъ образцомъ благороднѣйшаго слога. Онъ осмѣялъ въ одномъ своемъ сочиненіи изысканность выраженій Фонтенеля, который никогда не могъ ему того простить.[1]

Точность, опрятность—вотъ первыя достоинства прозы. Она требуетъ мыслей и мыслей; блестящія выраженія ни къ чему не служатъ; стихи — дѣло другое (впрочемъ, и въ нихъ не мѣшало бы нашимъ поэтамъ имѣть сумму

[1] Было первоначально написано: „не могъ ему простить его справедливыя насмѣшки" и сдѣлана внизу выноска: Кстати: должно ли въ семъ случаѣ сказать: не могъ ему и пр. или: не могъ ему простить справедливыхъ насмѣшекъ". Кажется, что слова сіи зависятъ не отъ глагола могъ, управляемаго частицею не, но отъ неопредѣленнаго наклоненія простить, требующаго винительнаго падежа. Впрочемъ, Н. М. Карамзинъ пишетъ иначе.

идей гораздо позначительнѣе, чѣмъ у нихъ обыкновенно; съ воспоминаніями о протекшей юности литература наша далеко неподвинется).

Вопросъ: чья проза лучшая въ нашей литературѣ? Отвѣтъ: Карамзина. Это еще похвала небольшая.

О вдохновеніи и восторгѣ (1824).

Критикъ смѣшиваетъ вдохновеніе съ восторгомъ. Вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображеній понятій, слѣдственно и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи. Восторгъ исключаетъ спокойствіе—необходимое условіе прекраснаго. Восторгъ не предполагаетъ силы ума, располагающаго частями въ отношеніи къ цѣлому. Восторгъ непродолжителенъ, непостояненъ, слѣдовательно не въ силахъ произвесть истинное, великое совершенство. Гомеръ неизмѣримо выше Пиндара. Ода стоитъ на низшихъ ступеняхъ творчества. Она исключаетъ постоянный трудъ, безъ коего нѣтъ истинно великаго. Трагедія, комедія, сатира — все болѣе ея требуютъ творчества, fantaisie, воображенія, знанія природы. И плана не можетъ быть въ одѣ! Единый планъ Дантова „Ада“ есть уже плодъ высокаго генія! Какой планъ въ одахъ Пиндара? Какой планъ въ „Водопадѣ“, лучшемъ произведеніи Державина?

О причинахъ, замедлившихъ ходъ нашей словесности (1824).

Причинами, замедлившими ходъ нашей словесности, обыкновенно почитаются: 1-е, общее употребленіе французскаго языка и пренебреженіе русскаго. Всѣ наши писатели на то жаловались, но кто же виноватъ, какъ не они сами? Исключая тѣхъ, которые занимаются сплетнями литературными, у насъ нѣтъ еще ни словесности, ни книгъ; всѣ наши знанія, всѣ наши понятія съ младенчества почерпнули мы въ книгахъ иностранныхъ; мы привыкли мыслить на чужомъ языкѣ, метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ. Просвѣщеніе вѣка требуетъ важныхъ предметовъ для пищи умовъ, которые уже не могутъ довольствоваться блестящими игрушками, но ученость, политика, философія по-русски еще не изъяснялись. Проза наша еще такъ мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуждены создавать обороты для понятій самыхъ обыкновенныхъ, и лѣность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, механическія формы котораго давно уже извѣстны. Но, скажутъ мнѣ, русская поэзія достигла высокой степени образованности. Согласенъ, что нѣкоторыя оды Державина, несмотря на неправильность языка и неровность слога, исполнены порывами

генія, что въ „Душенькѣ" Богдановича встрѣчаются стихи и цѣлыя страницы, достойныя Лафонтена, что Крыловъ превзошелъ всѣхъ намъ извѣстныхъ баснописцевъ, исключая, можетъ быть, того же самаго Лафонтена, что счастливые сподвижники Ломоносова... [оставленъ пробѣлъ], что Батюшковъ сдѣлалъ для русскаго языка то же самое, что Петрарка для италіянцевъ, что Жуковскаго перевели бы на всѣ языки, если бы онъ самъ менѣе переводилъ.

Одесса.

О народности въ литературѣ (1825).

Съ нѣкотораго времени у насъ вошло въ обыкновеніе говорить о народности, жаловаться на отсутствіе народности; но никто не думалъ опредѣлить, что̀ разумѣетъ онъ подъ словомъ народность.

Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется, полагаетъ, что народность состоитъ въ выборѣ предметовъ изъ отечественной исторіи. Другіе видятъ народность въ словахъ, оборотахъ, выраженіяхъ, т е. радуются тому, что, изъясняясь по-русски, употребляютъ русскія выраженія.

Народность въ писателѣ есть достоинство, которое вполнѣ можетъ быть оцѣнено одними соотечественниками: для другихъ оно или не существуетъ, или даже можетъ показаться по-

рокомъ. Ученый нѣмецъ негодуетъ на учтивость героевъ Расина; французъ смѣется, видя въ Кальдеронѣ — Коріона, вызывающаго на дуэль своего противника, и проч. Все это однакожъ носитъ печать народности. Есть образъ мыслей и чувствованій, есть тьма обычаевъ, повѣрій и привычекъ, принадлежащихъ исключительно какому нибудь народу. Климатъ, образъ жизни, вѣра даютъ каждому народу особенную физіономію, которая болѣе или менѣе отражается и въ поэзіи.[1]

Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія (1825—1827).

Переводчики суть подставныя лошади просвѣщенія.

Первый обожатель возбуждаетъ чувствительность женщины, прочіе бываютъ едва замѣчены. Такъ въ началѣ сраженія первый раненый производитъ болѣзненное впечатлѣніе и истощаетъ состраданіе наше.

Истинный вкусъ состоитъ не въ безотчетномъ

[1] Замѣтка не докончена, но далѣе набросано, что Шекспиръ народенъ въ Отелло и Гамлетѣ; Вега и Кальдеронъ—во всѣхъ частяхъ свѣта, гдѣ дѣйствуютъ ихъ герои; Аріостъ — въ описаніи китайскихъ своихъ красавицъ и пр.

отверженіи такого-то слова, такого оборота, но въ чувствѣ соразмѣрности и сообразности.

Ученый безъ дарованія подобенъ тому бѣдному муллѣ, который изрѣзалъ и съѣлъ Коранъ, думая исполниться духа Магомета.

Однообразность въ писателѣ доказываетъ односторонность ума, хоть, можетъ быть, и глубокомысленнаго.

Жалуются на равнодушіе русскихъ женщинъ къ нашей поэзіи, полагая тому причиною незнаніе отечественнаго языка; но какая же дама не пойметъ стиховъ Жуковскаго, Вяземскаго или Баратынскаго? Дѣло въ томъ, что женщины вездѣ тѣ же. Природа, одаривъ ихъ тонкимъ умомъ и чувствительностію самой раздражительною, едва ли не отказала имъ въ чувствѣ изящнаго. Поэзія скользитъ по слуху ихъ, не досягая души; онѣ безчувственны къ ея гармоніи; примѣчайте, какъ онѣ поютъ модные романсы, какъ искажаютъ стихи самые естественные, разстроиваютъ мѣру, уничтожаютъ риѳму. Вслушивайтесь въ ихъ литературныя сужденія и вы удивитесь кривизнѣ и даже грубости ихъ понятія... Исключенія рѣдки.

Мнѣ пришла въ голову мысль, говорите вы: не можетъ быть. Нѣтъ, N. N., вы изъясняетесь ошибочно; что нибудь да не такъ.

Чѣмъ болѣе мы холодны, разсчетливы, осмотрительны, тѣмъ менѣе подвергаемся на-

паденіямъ насмѣшки. Эгоизмъ можетъ быть отвратительнымъ, но онъ не смѣшонъ, ибо отмѣнно благоразуменъ. Однако, есть люди, которые любятъ себя съ такою нѣжностію, удивляются своему генію съ такимъ восторгомъ, думаютъ о своемъ благостояніи съ такимъ умиленіемъ, о своихъ неудовольствіяхъ съ такимъ состраданіемъ, что въ нихъ и эгоизмъ имѣетъ всю смѣшную сторону энтузіазма и чувствительности.

Никто болѣе Баратынскаго не имѣетъ чувства въ своихъ мысляхъ и вкуса въ своихъ чувствахъ.

~ Примѣры невѣжливости.—Въ нѣкоторомъ азіятскомъ народѣ, мужчины каждый день, возставъ отъ сна, благодарятъ Бога, создавшаго ихъ не женщинами.

Магометъ оспариваетъ у дамъ существованіе души.

Во Франціи, въ землѣ, прославленной своею учтивостію, грамматика торжественно провозгласила мужескій родъ благороднѣйшимъ.

Стихотворецъ отдалъ свою трагедію на разсмотрѣніе извѣстному критику. Въ рукописи находился стихъ:

Я человѣкъ и шла путями заблужденій...

Критикъ подчеркнулъ стихъ, усомнясь, можетъ ли женщина называться человѣкомъ. Это напоминаетъ извѣстное рѣшеніе: женщина не

человѣкъ, курица не птица, прапорщикъ не офицеръ.

Даже люди, выдающіе себя за усерднѣйшихъ почитателей прекраснаго пола, не предполагаютъ въ женщинахъ ума, равнаго нашему, и приноравливаясь къ слабости ихъ понятія, издаютъ ученыя книжки для дамъ, какъ будто для дѣтей, и. т. п.

〰 Тредьяковскій пришелъ однажды жаловаться Шувалову на Сумарокова. „Ваше высокопревосходительство! меня Александръ Петровичъ такъ ударилъ въ правую щеку, что она до сихъ поръ у меня болитъ.“—Какъ же, братецъ?—отвѣчалъ ему Шуваловъ—у тебя болитъ правая щека, а ты держишься за лѣвую. „Ахъ, ваше высокопревосходительство, вы имѣете резонъ“, отвѣчалъ Тредьяковскій и перенесъ руку на другую сторону. Тредьяковскому не разъ случалось быть битымъ. Въ дѣлѣ Волынскаго сказано, что сей однажды въ какой-то праздникъ потребовалъ оду у придворнаго піиты Василія Тредьяковскаго; но ода была не готова, и пылкій статсъ-секретарь наказалъ тростію оплошнаго стихотворца.

〰 Одинъ изъ нашихъ поэтовъ говорилъ гордо: пускай въ стихахъ моихъ найдется безсмыслица, за то ужь прозы не найдется. Байронъ не могъ изъяснить нѣкоторые свои стихи. Есть два рода безсмыслицы: одна происходитъ отъ недостатка

чувствъ и мыслей, замѣняемаго словами, другая — отъ полноты чувствъ и мыслей и недостатка словъ для ихъ выраженія.

— „Все, что̀ превышаетъ геометрію, превышаетъ насъ“, сказалъ Паскаль — и вслѣдствіе того написалъ свои философическія мысли.

— Un sonnet sans défaut vaut seul un long poëme. Хорошая эпиграмма лучше плохой трагедіи... Что̀ это значитъ? Можно ли сказать, что хорошій завтракъ лучше дурной погоды? Tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux. Хорошо было сказать это въ первый разъ; но какъ можно важно повторять столь великую истину? Эта шутка Вольтера служитъ основаніемъ поверхностной критикѣ литературныхъ скептиковъ; но скептицизмъ во всякомъ случаѣ есть только первый шагъ умствованія. Впрочемъ, нѣкто замѣтилъ, что и Вольтеръ не сказалъ: également bons.

— Путешественникъ Ансело говоритъ о какой-то грамматикѣ, утвердившей правила нашего языка и еще неизданной, о какомъ-то русскомъ романѣ, прославившемъ автора и еще находящемся въ рукописи, и о какой-то комедіи, лучшей изъ всего русскаго театра и еще неигранной и ненапечатанной. Забавная словесность![1]

[1] Дѣло идетъ о грамматикѣ Греча, романѣ Булгарина „Иванъ Выжигинъ“ и „Горѣ отъ ума“.

~ Л., состарѣвшійся волокита, говорилъ: Moralement je suis toujours physique, mais physiquement je suis devenu moral.

~ Иностранцы, утверждающіе, что въ древнемъ нашемъ дворянствѣ не существовало понятіе о чести (point d'honneur), очень ошибаются. Сія честь, состоящая въ готовности пожертвовать всѣмъ для поддержанія какого нибудь условнаго правила, во всемъ блескѣ своего безумія видна въ древнемъ нашемъ мѣстничествѣ. Бояре шли на опалу и на казнь, подвергая суду царскому свои родословныя распри. Юный Ѳеодоръ, уничтоживъ сію спѣсивую дворянскую оппозицію, сдѣлалъ то, на что не рѣшились ни могучій Іоаннъ III, ни нетерпѣливый внукъ его, ни тайно злобствующій Годуновъ.

~ Гордиться славою своихъ предковъ не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушіе. „Государственное правило — говоритъ Карамзинъ — ставитъ уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданину образованному." Греки въ самомъ своемъ униженіи помнили славное происхожденіе свое и тѣмъ самымъ уже были достойны своего освобожденія.... Можетъ ли быть порокомъ въ частномъ человѣкѣ то, что̀ почитается добродѣтелью въ цѣломъ народѣ? Предразсудокъ сей, утвержденный демократической завистію нѣкоторыхъ философовъ, служитъ только къ распростране-

нію низкаго эгоизма. Безкорыстная мысль, что внуки будутъ уважены за имя, нами имъ переданное, не есть ли благороднѣйшая надежда человѣческаго сердца?

Mes arrière-neveux me devront cet ombrage!

— Сказано: les sociétés secrètes sont la diplomatie des peuples. Но какой же народъ ввѣритъ права свои тайнымъ обществамъ, и какое правительство, уважающее себя, войдетъ съ оными въ переговоры?

— Байронъ говорилъ, что никогда не возьмется описывать страну, которой не видалъ бы собственными глазами. Однакожь, въ Донъ-Жуанѣ описываетъ онъ Россію; за то примѣтны нѣкоторыя погрѣшности противу мѣстности. Напримѣръ, онъ говоритъ о грязи улицъ Измаила; Донъ-Жуанъ отправляется въ Петербургъ въ кибиткѣ, безпокойной повозкѣ безъ рессоръ, по дурной каменистой дорогѣ. Измаилъ взятъ былъ зимою, въ жестокій морозъ. На улицахъ непріятельскіе трупы прикрыты были снѣгомъ, и побѣдитель ѣхалъ по нимъ, удивляясь опрятности города: „помилуй Богъ, какъ чисто!...“ Зимняя кибитка не безпокойна, а зимняя дорога не камениста. Есть и другія ошибки болѣе важныя.—Байронъ много читалъ и разспрашивалъ о Россіи. Онъ, кажется, любилъ ее и хорошо зналъ ея новѣйшую исторію. Въ своихъ поэмахъ онъ часто говоритъ о Россіи, о

нашихъ обычаяхъ. Сонъ Сарданапаловъ напоминаетъ извѣстную политическую каррикатуру, изданную въ Варшавѣ во время суворовскихъ войнъ. Въ лицѣ Нимврода изобразилъ онъ Петра Великаго. Въ 1813 году Байронъ намѣревался черезъ Персію пріѣхать на Кавказъ.

~~ Тонкость не доказываетъ еще ума. Глупцы и даже сумасшедшіе бываютъ удивительно тонки. Прибавить можно, что тонкость рѣдко соединяется съ геніемъ, обыкновенно простодушнымъ, и съ великимъ характеромъ, всегда откровеннымъ.

Не знаю гдѣ, но не у насъ,
Достопочтенный лордъ Мидасъ,[1]
Съ душой посредственной и низкой,
Чтобъ не упасть дорогой склизкой,
Ползкомъ проползъ въ извѣстный чинъ
И сталъ извѣстный господинъ.
Еще два слова объ Мидасѣ:
Онъ не хранилъ въ своемъ запасѣ
Глубокихъ замысловъ и думъ;
Имѣлъ онъ не блестящій умъ,
Душой не слишкомъ былъ отваженъ;
За то былъ сухъ, учтивъ и важенъ.
Льстецы героя моего,
Не зная, какъ хвалить его,
Провозгласить рѣшились тонкимъ... и проч.

[1] Изъ письма Н. С. Алексѣева къ Пушкину (Р. Арх. 1881, I, 173) видно, что лордомъ Мидасомъ названъ М. С. Воронцовъ.

— Coquette, prude. Слово кокетка обрусѣло, но prude не переведено и не вошло еще въ употребленіе. Слово это означаетъ женщину, чрезмѣрно щекотливую въ своихъ понятіяхъ о чести (женской) — недотрогу. Таковое свойство предполагаетъ нечистоту воображенія, отвратительную въ женщинѣ, особенно молодой. Пожилой женщинѣ позволяется многое знать и многаго опасаться; но невинность есть лучшее украшеніе молодости. Во всякомъ случаѣ, прюдство или смѣшно, или несносно. Prude мужескаго рода не имѣетъ; но есть мужья prudes въ отношеніи своихъ женъ,—животныя самыя глупыя и скучныя.

— Нѣкоторые люди не заботятся ни о славѣ, ни о бѣдствіяхъ отечества, его исторію знаютъ только со времени князя Потемкина, имѣютъ нѣкоторое понятіе о статистикѣ только той губерніи, въ которой находятся ихъ помѣстья; со всѣмъ тѣмъ почитаютъ себя патріотами, потому что любятъ ботвинью и что дѣти ихъ бѣгаютъ въ красной рубашкѣ.

— Должно стараться имѣть большинство голосовъ на своей сторонѣ: не оскорбляйте же глупцовъ.

— Французская словесность родилась въ передней и далѣе гостиной не доходила.

— Есть различная смѣлость; Державинъ написалъ; „Былъ на высотѣ... Счастіе къ тебѣ хре-

бетъ свой съ грознымъ смѣхомъ повернуло... Ты видишь, видишь, какъ мечты сіянье вкругъ тебя заснуло..."—Жуковскій говоритъ о Богѣ:

Онъ въ дымъ могилъ себя облекъ.

Мы находимъ эти выраженія смѣлыми. Крыловъ говоритъ о храбромъ мужикѣ:

Онъ даже хаживалъ одинъ на паука.

Французы донынѣ еще удивляются смѣлости Расина, употребившаго слово pavé, помостъ:

En voyant l'étranger d'un pied silencieux
Fouler avec respect le pavé de ces lieux.

И Делиль гордится тѣмъ, что онъ употребилъ слово vache. Жалка словесность, повинующаяся таковой мелочной и своенравной критикѣ. Жалка участь поэтовъ (какого бы достоинства они, впрочемъ, ни были), если они принуждены славиться позабытыми побѣдами надъ предразсудками вкуса.

Описаніе водопада:

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ... и проч.

есть высшая смѣлость,—смѣлость воображенія, созданія, гдѣ планъ обширный объемлется творческою мыслію; такова смѣлость Шекспира, Dante, Milton, Гёте въ Фаустѣ, Моліера въ Тартюфѣ, Фонвизина въ Недорослѣ.

Кальдеронъ называетъ молнію огненными языками небесъ, глаголющихъ землѣ. Мильтонъ говоритъ, что адское пламя давало только различать вѣчную тьму преисподней.

Мелкія замѣтки (1829—1831).

Одна дама сказывала мнѣ, что если мужчина начинаетъ съ нею говорить о предметахъ ничтожныхъ, какъ бы приноравливаясь къ слабости женскаго понятія, то въ ея глазахъ онъ тотчасъ обличаетъ свое незнаніе женщинъ. Въ самомъ дѣлѣ, не смѣшно ли почитать женщинъ, которыя такъ часто поражаютъ насъ быстротою понятія и тонкостію чувства и разума, существами низшими въ сравненіи съ нами? Это особенно странно въ Россіи, гдѣ царствовала Екатерина II и гдѣ женщины вообще болѣе просвѣщены, болѣе читаютъ, болѣе слѣдуютъ за европейскимъ ходомъ вещей, нежели мы, гордые Богъ вѣдаетъ почему?

~ Браните мужчинъ вообще, разбирайте всѣ ихъ пороки,—ни одинъ не подумаетъ заступиться. Но дотроньтесь сатирически до прекраснаго пола, — всѣ женщины возстанутъ на васъ единодушно, — онѣ составляютъ одинъ народъ, одну секту.

~ Езуитъ Поссевинъ, столь извѣстный въ

нашей исторіи, былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ гонителей памяти Макіавелевой. Онъ соединилъ въ одной книгѣ всѣ клеветы, всѣ нападенія, которыя навлекъ на свои сочиненія безсмертный флорентинецъ, и тѣмъ остановилъ новое изданіе оныхъ. Ученый Coringius, издавшій Il principe въ 1660 году, доказалъ, что Поссевинъ никогда не читалъ Макіавеля, а толковалъ о немъ по наслышкѣ.

~~ Гёте имѣлъ большое вліяніе на Байрона. Фаустъ тревожилъ воображеніе Чайльдъ Гарольда. Два раза Байронъ пытался бороться съ великаномъ романтической поэзіи — и остался хромъ, какъ Іаковъ.

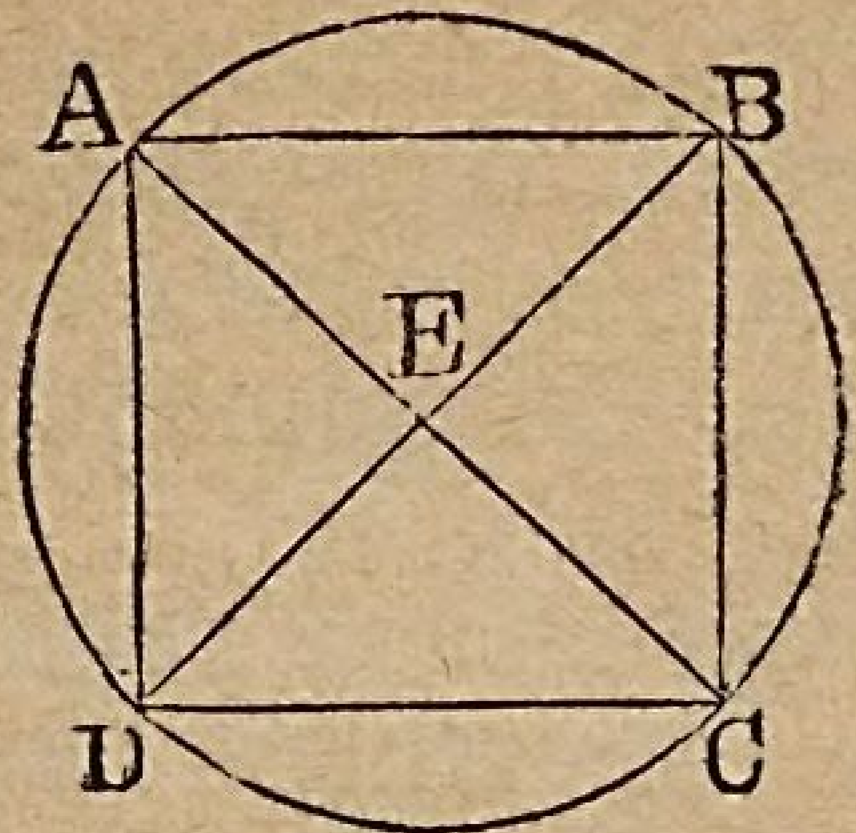
~~ Дельвигъ не любилъ поэзіи мистической Онъ говаривалъ: „чѣмъ ближе къ небу, тѣмъ холоднѣе."

~~ Отелло отъ природы не ревнивъ; напротивъ, онъ довѣрчивъ. Вольтеръ это понялъ и, развивая въ своемъ подражаніи созданіе Шекспира, вложилъ въ уста своего Орозмана слѣдующій стихъ:

Je ne suis point jaloux....
Si je l'etais jamais!...

~~ Какой-то лордъ, извѣстный лѣнивецъ, для своего сына пародировалъ извѣстное изреченіе: „не дѣлай никогда самъ то, что можешь заставить сдѣлать чрезъ другаго." N., извѣстный эгоистъ, прибавилъ: „не дѣлай никогда для другаго то, что можешь сдѣлать для себя."

~~ Форма цифръ арабскихъ составлена изъ слѣдующей фигуры:

AD [1], EABDC [2], ABECD [3], ABD+AE [4] и проч. Римскія цифры составлены потому же образцу.

~~ Многіе негодуютъ на журнальную критику за дурной ея тонъ, незнаніе приличія и тому подобное: неудовольствіе ихъ несправедливо. Ученый человѣкъ, занятый своимъ дѣломъ, погруженный въ свои размышленія, не имѣетъ времени являться въ общество и пріобрѣтать навыкъ къ суетной образованности, подобно праздному жителю большаго свѣта. Мы должны быть снисходительны къ его простодушной грубости, залогу добросовѣстности и любви къ истинѣ. Педантизмъ имѣетъ свою хорошую сторону. Онъ только тогда смѣшонъ и отвратителенъ, когда мелкомысліе и невѣжество выражаются его языкомъ.

~~ Будемъ справедливы: г. Полеваго нельзя упрекнуть въ низкомъ подобострастіи предъ

знатными; напротивъ, мы готовы обвинить его въ юношеской заносчивости, не уважающей ни лѣтъ, ни званія, ни славы и оскорбляющей равно память мертвыхъ и отношенія къ живымъ.

~ Человѣкъ по природѣ своей склоненъ болѣе къ осужденію, нежели къ похвалѣ... (говоритъ Макіавель, сей великій знатокъ природы человѣческой).

Глупость осужденія не столь замѣтна, какъ глупость похвалы; глупецъ не видитъ никакого достоинства въ Шекспирѣ и это приписано разборчивости его вкуса, странности и т. п. Тотъ же глупецъ восхищается романомъ Дюкре-Дюмениля и на него смотрятъ съ презрѣніемъ, хотя въ первомъ случаѣ глупость его выразилась яснѣе для человѣка мыслящаго.

~ Divide et impera—есть правило государственное, не только Макіавелическое (принимаю это слово въ общенародномъ значеніи).

~ Повторенное острое слово становится глупостью. Какъ можно переводить эпиграммы — разумѣю не антологическія, въ которыхъ развертывается поэтическая прелесть,—но ту, которую Буало опредѣлилъ: Un bon mot de deux rimes orné.

~ Д. говаривалъ, что самая полная сатира на нѣкоторыя литературныя общества былъ бы списокъ членовъ съ означеніемъ того, что̀ кѣмъ написано.

〰 Одна изъ причинъ жадности, съ которой мы читаемъ записки великихъ людей, — наше самолюбіе; мы рады, ежели сходствуемъ съ замѣчательнымъ человѣкомъ чѣмъ бы то ни было, — мнѣніями, привычками, даже слабостями и пороками; вѣроятно большее сходство имѣли бы мы съ мнѣніями, привычками и слабостами людей вовсе ничтожныхъ, если бы они оставляли намъ свои признанія.

〰 Грамматика не предписываетъ законовъ языку, но изъясняетъ и утверждаетъ его обычаи.

〰 Проза кн. Вяземскаго чрезвычайно жива. Онъ обладаетъ рѣдкой способностью оригинально выражать свои мысли; къ счастью, онъ мыслитъ, что̀ довольно рѣдко... ибо должно стараться имѣть большинство голосовъ на своей сторонѣ: уважайте глупцовъ.

〰 К. находитъ какое-то сочиненіе глупымъ. Чѣмъ вы это докажете? — Помилуйте, простодушно увѣряетъ онъ, да я могъ бы такъ написать.

〰 Буквы, составляющія славянскую азбуку, не представляютъ никакого смысла. Азъ, буки, вѣди, глаголъ, добро etc, суть отдѣльныя слова, выбранныя для начальнаго ихъ звука. У насъ Грамотинъ[1] первый, кажется, вздумалъ соста-

[1] Николай Ѳедоровичъ Грамотинъ (1786—1827), извѣстный въ свое время литераторъ, авторъ „Разсужденія о древней русской словесности“ (1804), гдѣ и находится его объясненіе азбуки.

вить апофеегмы изъ нашей азбуки. Онъ пишетъ: первоначальное значеніе буквъ вѣроятно было слѣдующее: Азъ Букъ (или Бугъ!) вѣдю, т. е. я Бога вѣдаю; глаголъ добро есть; живетъ на землѣ; кто и какъ люди мыслютъ; нашъ онъ покой рцу. Слово (Λόγος) твержу... (и прочая, говоритъ Грамотинъ; вѣроятно, что въ прочемъ не могъ уже найти никакого смысла). Какъ это все натянуто! Мнѣ гораздо болѣе нравится трагедія, составленная изъ азбуки французской. Вотъ она:

ENO ET IKAËL. Tragédie.

Personages:

Le prince Eno.
La princesse Ikaël, amante du prince Eno.
L'abbé Pécu, rival du prince Eno.
Ixe, Igrec, Zède — gardes du prince Eno.

Scène unique.

LE PRINCE ENO, LA PRINCESSE IKAEL, L'ABBÉ PECU. GARDES.

ENO. Abbé! Cédez...
L'ABBÉ. Eh! f...
ENO (mettant la main sur sa hâche d'arme). J'ai hâche...
IKAËL (se jetant dans les bras d'Eno). Ikaël aime Eno! (Ils s'embrassent avec tendresse).
ENO (se retournant vivement). Pécu est resté. Ixe, Igrec, Zède! Prenez m-r l'abbé et jetez le par la fenêtre.

Критическія замѣтки (1830—1831).

Сколь ни удаленъ я моими привычками и правилами отъ полемики всякаго рода, но еще не отрекся я совершенно отъ права самозащищенія.

Southey.

Нѣкоторые писатели ввели обыкновеніе, весьма вредное литературѣ: не отвѣчать на критики. Рѣдко кто изъ нихъ отзовется и подастъ голосъ, и то не за себя. Развѣ и впрямь они гнушаются своимъ братомъ-литераторомъ?.. Если они принадлежатъ хорошему обществу, какъ благовоспитанные и порядочные люди, то это статья особая и литературы не касается... Одинъ писатель извинялся тѣмъ, что-де съ нѣкоторыми людьми неприлично связываться человѣку, уважающему себя и общее мнѣніе, что разница-де между споромъ и дракой, что наконецъ никто-де не въ правѣ требовать, чтобъ человѣкъ разговаривалъ съ кѣмъ не хочетъ разговаривать. Все это не отговорка. Если уже ты пришелъ на сходку, то не прогнѣвайся — какова компанія, таковъ и разговоръ; если шалунъ швырнетъ въ тебя грязью, то смѣшно вызывать его биться на шпагахъ, а не поколотить его просто; а если будешь молчать съ человѣкомъ

который съ тобой разговариваетъ, то это съ твоей стороны обида и недостойная гордость...

Будучи русскимъ писателемъ, я всегда почиталъ долгомъ слѣдовать за текущей литературой и всегда читалъ съ особеннымъ вниманіемъ критики, коимъ я подавалъ поводъ. Чистосердечно признаюсь, что похвалы трогали меня, какъ явные и вѣроятно искренніе знаки благосклонности и дружелюбія. Читая разборы самые непріязненные, смѣю сказать, что всегда старался войти въ образъ мыслей моего противника и слѣдовать за его сужденіями, не отвергая оныхъ съ самолюбивымъ нетерпѣніемъ, но желая съ нимъ согласиться со всевозможнымъ авторскимъ самоотверженіемъ; къ несчастію замѣчалъ я, что по большей части мы другъ друга не понимали. Что касается до критическихъ статей, написанныхъ съ одною цѣлію оскорбить меня какимъ бы то ни было образомъ, скажу только, что онѣ очень сердили меня, по крайней мѣрѣ въ первыя минуты, и что слѣдственно сочинители оныхъ могутъ быть довольны, удостовѣрясь, что труды ихъ не пропали.

Если въ теченіе 16-лѣтней авторской жизни я никогда не отвѣчалъ ни на одну критику (не говорю ужь о ругательствахъ), то сіе происходило конечно не изъ презрѣнія.

Состояніе критики само по себѣ доказываетъ

степень образованности всей литературы вообще. Если приговоры журналовъ нашихъ достаточны для насъ, то изъ сего слѣдуетъ, что мы не имѣемъ еще нужды ни въ Шлегеляхъ, ни даже въ Лагарпахъ. Презирать критику значило бы презирать публику (чего Боже сохрани!). Какъ наша словесность съ гордостію можетъ выставить передъ Европою Исторію Карамзина, нѣсколько одъ, нѣсколько басенъ, поэмъ, переводъ Иліады, нѣсколько цвѣтовъ элегической поэзіи, такъ и наша критика можетъ представить нѣсколько отдѣльныхъ статей, исполненныхъ свѣтлыхъ мыслей и важнаго остроумія. Но онѣ являлись отдѣльно, въ разстояніи одна отъ другой, и не получили еще вѣса и постояннаго вліянія. Время ихъ еще не приспѣло.

Не отвѣчалъ я моимъ критикамъ не потому также, чтобъ недоставало во мнѣ веселости и педантства, не потому также, чтобъ я не полагалъ въ сихъ критикахъ никакого вліянія на читающую публику: мнѣ совѣстно было идти судиться передъ публикою и стараться насмѣшить ее (къ чему ни малѣйшей не имѣю склонности); мнѣ было совѣстно, для опроверженія критикъ, повторять школьныя или пошлыя истины, толковать объ азбукѣ, риторикѣ; оправдываться тамъ, гдѣ не было обвиненій, а что всего затруднительнѣе—важно говорить: Et moi je vous soutiens que mes vers sont très bons.

Напримѣръ, одинъ изъ моихъ критиковъ, человѣкъ, впрочемъ, добрый и благонамѣренный, разбирая, кажется, Полтаву, выставилъ нѣсколько отрывковъ и вмѣсто всякой критики увѣрялъ, что таковые стихи сами себя дурно рекомендуютъ. Что̀ бы я могъ отвѣчать ему на это? А такъ поступали почти всѣ его товарищи. Ибо критики наши говорятъ обыкновенно: хорошо потому, что прекрасно; а это дурно потому, что скверно. Отселѣ ихъ никакъ не выманишь.

Еще причина, и главная: лѣность. Никогда не могъ я до того разсердиться на непонятливость или недобросовѣстность, чтобъ взять перо и приняться за возраженія и доказательства. Нынче, въ несносные часы карантиннаго заключенія, не имѣя съ собою ни книгъ, ни товарищей, вздумалъ я, для препровожденія времени, писать возраженія не на критики (на это никакъ не могу рѣшиться), но на обвиненія не литературныя, которыя нынче въ большой модѣ. Смѣю увѣрить моего читателя (если Господь пошлетъ мнѣ читателя), что глупѣе сего занятія отъ роду ничего не могъ я выдумать.

2 октября (1830). Болдино.

~~ У одного изъ нашихъ извѣстныхъ писателей спрашивали, зачѣмъ не возражаетъ онъ никогда на критики.—Критики не понимаютъ меня, отвѣчалъ онъ,—а я не понимаю критиковъ. Если

удемъ сердиться передъ публикой, вѣроятно, она насъ не пойметъ, и мы напомнимъ старинную эпиграмму:

Глухой глухаго звалъ на судъ судьи глухаго.
Глухой кричалъ: „Моя имъ сведена корова!“
— Помилуй! возопилъ глухой тому въ отвѣтъ:
Сей пустошью владѣлъ еще покойный дѣдъ!
Судья рѣшилъ: „Почто идти вамъ братъ на брата?
Не тотъ и не другой, а дѣвка виновата!“ [1]

Можно не удостоивать отвѣтомъ своихъ критиковъ (какъ аристократически говоритъ себѣ издатель Исторіи Русскаго Народа), когда нападенія суть чисто-литературныя и вредятъ развѣ одной продажѣ разбраненной книги. Но не должно оставлять безъ вниманія, по лѣности или по добродушію, оскорбленія личныя и клеветы, нынѣ, къ несчастію, слишкомъ обыкновенныя. Публика не заслуживаетъ такого неуваженія. Предлагаемъ нашимъ читателямъ опытъ отраженія оныхъ.

ОПЫТЪ ОТРАЖЕНІЯ НѢКОТОРЫХЪ НЕЛИТЕРАТУРНЫХЪ ОБВИНЕНІЙ.

§ 1.—О личной сатирѣ. — Китайскій анекдотъ.— Самъ ѣшь.

§ 2.—О нравственности; о графѣ Нулинѣ. — Что есть безнравственное сочиненіе?—О Видокѣ.

[1] Это стихотвореніе напоминаетъ шутку Pallissot „Les trois sourds“.

§ 3.—Объ литературной аристократіи, о дворянствѣ.
§ 4.—Разговоръ о примѣч.
Заключеніе.[1]

Перечитывая самыя бранчивыя критики, я нахожу ихъ столь забавными, что не понимаю, какъ я могъ на нихъ досадовать; кажется, еслибъ я хотѣлъ надъ ними посмѣяться, то ничего не могъ бы лучшаго придумать, какъ только ихъ перепечатать безо всякаго замѣчанія. Однакожъ я видѣлъ, что самое глупое ругательство и неосновательное сужденіе получаютъ вѣсъ отъ волшебнаго вліянія типографіи. Намъ все еще печатный листъ быть кажется святымъ. Мы все думаемъ: какъ это можетъ быть глупо или несправедливо? Вѣдь это печатно!

— Кстати. Началъ я писать съ 13-ти лѣтняго возраста и печатать почти съ того же времени. Многое желалъ бы я уничтожить, какъ недостойное даже и моего дарованія, каково бы оно ни было. Иное тяготѣетъ, какъ упрекъ, на совѣсти моей. По крайней мѣрѣ, не долженъ я отвѣчать за перепечатаніе грѣховъ моего отрочества, а тѣмъ паче за чужія проказы. Въ альманахѣ, изданномъ г-мъ Б. Федоровымъ, между найденными, Богъ знаетъ гдѣ, стихами моими, напечатана идиллія, писанная слогомъ переписчика

[1] Далѣе зачеркнуто: §... хи-хи. § О цѣнѣ Евгенія Онѣгина. § О знаменитости.

стиховъ г-на Панаева. Г-нъ Бестужевъ, въ предисловіи какого-то альманаха, благодаритъ какого-то Ап. за доставленіе стихотвореній, объявляя, что не всѣ удостоились напечатанія.

Г-нъ Ап. не имѣлъ никакого права располагать моими стихами, поправлять ихъ по-своему, и отсылать въ альманахъ г. Бестужева вмѣстѣ съ собственными произведеніями стихи, преданные мною забвенію или написанные не для печати (напримѣръ: Она мила, скажу межъ нами), или которые простительно мнѣ было написать на 19-мъ году, но непростительно признать публично въ возрастѣ болѣе зрѣломъ и степенномъ (напримѣръ, Посланіе къ Ю.).

~~ Самъ съѣшь.[1] Симъ выраженіемъ въ энергическомъ нарѣчіи нашего народа замѣняется болѣе учтивое, но столь же затѣйливое выраженіе: обратите это на себя. То и другое употребляется нецеремонными людьми, которые пользуются удачно, безъ церемоніи, шутками и колкостями своихъ же противниковъ. Самъ съѣшь есть нынѣ главная причина нашей жур-

[1] Происхожденіе сего слова: остроумный человѣкъ показываетъ шишъ и говоритъ язвительно: съѣшь, а догадливый противникъ отвѣчаетъ: самъ съѣшь. (Замѣчаніе для будуарныхъ, или даже для паркетныхъ дамъ, какъ журналисты называютъ дамъ, имъ незнакомыхъ).—А. П.

нальной полемики. Является колкое стихотвореніе, въ коемъ сказано, что Фебъ, усадивъ-было такого-то, велѣлъ его послѣ вывести лакею за дурной тонъ и заносчивость, не терпимую въ хорошемъ обществѣ,—и тотчасъ въ отвѣтъ явилась эпиграмма, гдѣ то же самое пересказано немного похуже, съ надписью: самъ съѣшь.

Поэтъ вздумалъ описать любопытное собраніе букашекъ.—Самъ ты букашка, закричали бойко журналы, и стихи твои букашки, и друзья твои букашки. Самъ съѣшь.

Гг. чиновные журналисты вздумали было напасть на одного изъ своихъ собратьевъ за то, что онъ не дворянинъ. Другіе литераторы позволили себѣ посмѣяться надъ нетерпимостью дворянъ-журналистовъ, осмѣлились спросить: кто сіи феодальные бароны, сіи незнакомые рыцари, гордо требующіе гербовъ и грамотъ отъ смиренной братьи нашей? Что же они въ отвѣтъ? Помолчавъ немного, гг. чиновные журналисты съ жаромъ возразили, что въ литературѣ дворянства нѣтъ, что чваниться своимъ дворянствомъ передъ своею братьею (особенно мѣщанамъ во дворянствѣ) уморительно смѣшно, что и настоящему дворянину 600-лѣтнія его грамоты не помогутъ въ плохой прозѣ или посредственныхъ стихахъ. Ужасное самъ съѣшь! Къ несчастію, въ „Литературной Газетѣ“ отыскали, кто были аристократическіе литераторы, от-

крывшіе гоненіе на не-дворянство. А публика-то что? Публика, какъ судія безпристрастный и благоразумный, всегда соглашается съ тѣмъ, кто послѣдній жалуется ей. Напримѣръ, въ сію минуту она, покамѣстъ, согласна съ нашимъ мнѣніемъ, т. е. что самъ съѣшь вообще показываетъ или мало остроумія, или большую надѣянность на безпамятство читателей, и это фиглярство и недобросовѣстность унижаетъ почтенное званіе литераторовъ, какъ сказано въ китайскомъ анекдотѣ № 1.

Отчего издателя „Литературной Газеты" и его сотрудниковъ называютъ аристократами (разумѣется, въ ироническомъ смыслѣ, пишутъ остроумно журналы)? Въ чемъ же состоитъ ихъ аристократія? Въ томъ ли, что они дворяне? Нѣтъ: всѣ журналы, побожились уже, что надъ званіемъ никто не имѣлъ и намѣренія смѣяться. Стало быть,—въ дворянской спѣси? Нѣтъ: въ „Литературной Газетѣ" доказано, что главные сотрудники оной одни и вооружились противу сего смѣшнаго чванства и заставили чиновныхъ литераторовъ уважать собратіевъ-мѣщанъ. Можетъ быть,—въ притязаніи на тонъ высшаго общества? Нѣтъ: они стараются сохранить тонъ *хорошаго* общества, проповѣдуютъ сей тонъ и другимъ собратіямъ, но проповѣдуютъ въ пустынѣ. Не они поминутно находятъ одно выраженіе *бурлацкимъ*, другое — *му-*

жицкимъ, третье—неприличнымъ для дамскихъ ушей и т. п.; не они гнушаются просторѣчіемъ и замѣняютъ его простомысліемъ (niaiserie, NB не одно просторѣчіе); не они провозгласили себя опекунами высшаго общества; не они вѣчно пишутъ приторныя статейки, гдѣ стараются поддѣлаться подъ свѣтскій тонъ такъ же удачно, какъ горничныя и камердинеры пересказываютъ разговоры своихъ господъ; не они comme un homme de noble race outrage et ne se bat pas; не они находятъ 600-лѣтнее дворянство мѣщанствомъ; не они почитаютъ свои портреты съ гербами весьма сомнительными; не они разбираютъ дворянскія грамоты и провозглашаютъ такого-то мѣщаниномъ, такого-то аристократомъ; не они толкуютъ вѣчно о будуарныхъ читательницахъ, о паркетныхъ дамахъ (?). Отчего же они аристократы (разумѣется, въ ироническомъ смыслѣ)?

Въ одной газетѣ, оффиціальной, сказано было, что я — мѣщанинъ во дворянствѣ. Справедливѣе было бы сказать: дворянинъ во мѣщанствѣ. Родъ мой одинъ изъ самыхъ старинныхъ дворянскихъ. Мы происходимъ отъ прусскаго выходца Радши или Рачи, человѣка знатнаго (мужа честна, говоритъ лѣтописецъ), пріѣхавшаго въ Россію во время княженія Александра Ярославича Невскаго (см. Русскія Лѣтописи и Исторію Государства Россійскаго). Отъ него про-

изошли Пушкины, Мусины-Пушкины, Бобрищевы-Пушкины, Батурлины, Мятлевы, Поводовы и другіе. Карамзинъ упоминаетъ объ однихъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ изъ учтивости къ покойному гр. Алексѣю Ивановичу. Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ, уцѣлѣвшихъ отъ кровавыхъ опалъ царя Ивана Васильевича Грознаго, исторіографъ именуетъ и Пушкиныхъ.

Въ царствованіе Бориса Годунова Пушкины были гонимы и явнымъ образомъ обижаемы въ спорахъ мѣстничества. Г. Г. Пушкинъ, тотъ самый, который выведенъ въ моей трагедіи, принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ этой эпохи, столь богатой историческими характерами. Другой Пушкинъ во время междуцарствія, начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, сдѣлалъ честно свое дѣло. Четверо Пушкиныхъ подписались подъ грамотою о избраніи Романовыхъ на царство, а одинъ изъ нихъ, окольничій Матвѣй Степановичъ,—подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества (что̀ мало дѣлаетъ чести его характеру). При Петрѣ они были въ оппозиціи и одинъ изъ нихъ, стольникъ Ѳедоръ Алексѣевичъ, былъ замѣшанъ въ заговорѣ Цыклера и казненъ вмѣстѣ съ нимъ и съ Соковнинымъ. Прадѣдъ мой былъ женатъ на меньшей дочери адмирала графа Головина, перваго въ Россіи Андреевскаго кавалера и пр. Онъ

Bayerische
Staatsbibliothek
München

умеръ очень молодъ и въ заточеніи, въ припадкѣ ревности или сумасшествія зарѣзавъ свою жену, находившуюся въ родахъ. Единственный сынъ его, дѣдъ мой, Левъ Александровичъ, во время мятежа 1762 года, остался вѣренъ Петру III и не хотѣлъ присягать Екатеринѣ, и былъ посаженъ въ крѣпость вмѣстѣ съ Измайловымъ (странны судьба и союзъ сихъ именъ), см. Рюліера и Кастера. Черезъ два года выпущенъ по приказанію Екатерины, и всегда пользовался ея уваженіемъ. Онъ уже никогда не вступалъ въ службу и жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ. Вообще имя моихъ предковъ встрѣчается почти на каждой страницѣ нашей исторіи.

Нынѣ огромныя имѣнія Пушкиныхъ раздробились и пришли въ упадокъ; послѣднее родовое имѣніе скоро исчезнетъ; имя ихъ останется честнымъ, единственнымъ достояніемъ темныхъ потомковъ нѣкогда знатнаго боярскаго рода.

Я русскій дворянинъ, и я зналъ своихъ предковъ прежде, чѣмъ узналъ Байрона. Если быть стариннымъ дворяниномъ значитъ подражать англійскому поэту, то сіе подражаніе весьма невольное. Но что есть общаго между привязанностію лорда къ своимъ феодальнымъ преимуществамъ и безкорыстнымъ уваженіемъ къ мертвымъ прадѣдамъ, коихъ минувшая знаменитость не можетъ доставить намъ ни чиновъ, ни покровительства? Ибо нынѣ знать нашу большею

частію составляютъ люди новые, получившіе существованіе уже при императорахъ. Каковъ бы ни былъ образъ моихъ мыслей, никогда не раздѣлялъ я съ кѣмъ бы то ни было демократической ненависти къ дворянству. Оно всегда казалось мнѣ необходимымъ и естественнымъ сословіемъ всякаго образованнаго народа. Смотря около себя и читая старыя наши лѣтописи, я сожалѣлъ, видя, какъ древніе дворянскіе роды уничтожились, какъ всѣ остальные упадаютъ и исчезаютъ, какъ новыя фамиліи, новыя историческія имена, заступивъ мѣсто прежнихъ, уже падаютъ, ничѣмъ не огражденныя, и какъ имя дворянина, часъ отъ часу униженное, стало, наконецъ, въ притчу и въ посмѣяніе даже разночинцамъ, вышедшимъ въ дворяне, и досужимъ журнальнымъ балагурамъ.

Образованный французъ или англичанинъ дорожитъ строкою стараго лѣтописца, въ которой упомянуто имя его предка, честнаго рыцаря, падшаго въ такой-то битвѣ, или въ такомъ-то году возвратившагося изъ Палестины; но калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи. Дикость, подлость и невѣжество не уважаетъ прошедшаго, пресмыкаясь предъ однимъ настоящимъ, и у насъ иной потомокъ Рюрика болѣе дорожитъ звѣздою двоюроднаго дядюшки, чѣмъ исторіею своего дома, т. е. исторіею отечества. И это ставите вы ему въ достоинство!

Конечно, есть достоинства выше знатности рода, именно—достоинство личное; но я видѣлъ родословную Суворова, писанную имъ самимъ: Суворовъ не презиралъ своимъ дворянскимъ происхожденіемъ.

Имена Минина и Ломоносова вдвойнѣ перевѣсятъ, можетъ быть, всѣ наши старинныя родословныя; но неужто потомству ихъ смѣшно было бы гордиться сими именами?

Одинъ изъ великихъ нашихъ согражданъ сказалъ однажды мнѣ (онъ удостоивалъ меня своего вниманія и часто оспаривалъ мои мнѣнія), что если у насъ была бы свобода книгопечатанія, то онъ съ женою и дѣтьми уѣхалъ бы въ Константинополь. Все имѣетъ свою злую сторону,—и неуваженіе къ чести гражданъ и удобность клеветы суть однѣ изъ главнѣйшихъ невыгодъ свободы тисненія. У насъ, гдѣ личность ограждена цензурою, естественно нашли косвенный путь для личной сатиры, именно обиняки. Первымъ примѣромъ обязаны мы **, который въ своемъ журналѣ напечаталъ уморительный анекдотъ о двухъ китайскихъ журналистахъ, которыхъ судія наказалъ бамбуковою палкою за плутни, унижающія честное званіе литератора Этотъ китайскій анекдотъ такъ насмѣшилъ публику и такъ понравился журналистамъ, что съ тѣхъ поръ, коль скоро газетчикъ прогнѣвался на кого нибудь, тотчасъ въ

листкахъ его является извѣстіе изъ-за границы (и большею частью изъ-за китайской), въ коемъ противникъ расписанъ самыми черными красками въ лицѣ какого нибудь вымышленнаго или безыменнаго писателя. Большею частью, китайскіе анекдоты, если не дѣлаютъ чести изобрѣтательности и остроумію сочинителя, то по крайней мѣрѣ достигаютъ цѣли своей, по злости, съ каковою они написаны. Не узнавать себя въ пасквилѣ безыменномъ, но явно направленномъ, было бы малодушіемъ. Тотъ, о которомъ напечатаютъ, что человѣкъ такого-то званія, такихъ-то лѣтъ, такихъ-то примѣтъ, крадетъ, напримѣръ, платки изъ кармановъ,—все-таки долженъ отозваться и вступиться за себя, конечно, не изъ уваженія къ газетчику, но изъ уваженія къ публикѣ. Что за аристократическая гордость дозволять всякому негодяю швырять въ насъ грязью? Англійскій лордъ равно не отказывается и отъ поединка на кухенрейтерскихъ пистолетахъ съ учтивымъ джентельменомъ и отъ кулачнаго боя съ пьянымъ конюхомъ. Одинъ изъ нашихъ литераторовъ, бывшій, говорятъ, въ военной службѣ, отказывался отъ пистолетовъ подъ предлогомъ, что на своемъ вѣку онъ видѣлъ болѣе крови, чѣмъ его противникъ чернилъ.[1] Отговорка забавная, но въ та-

[1] Такъ отвѣтилъ Булгаринъ на вызовъ Дельвига.

комъ случаѣ что̀ прикажете дѣлать съ тѣмъ, который, по выраженію Шатобріана, comme un homme de noble race outrage et ne se bat pas. Однажды (оффиціально) напечаталъ кто-то, что такой-то французскій стихотворецъ, подражатель Байрону, печатающій критическія статьи въ „Литературной Газетѣ", — человѣкъ умный скромный, храбрый, служилъ съ честью сперва одному отечеству, потомъ другому. Французскій стихотворецъ отвѣчалъ подлинно такъ, что скромный и храбрый журналистъ объ двухъ отечествахъ, вѣроятно, долго будетъ его помнить. On en rit, j'en ris moi-même.

Въ другой газетѣ объявили, что я собою весьма неблагообразенъ, и что портреты мои слишкомъ льстивы. На эту личность я не отвѣчалъ, хотя она меня глубоко тронула.

Иной говоритъ: какое дѣло критику или читателю, хорошъ ли я собою или дуренъ, старинный ли дворянинъ или изъ разночинцевъ, добръ ли или золъ, ползаю ли въ ногахъ сильныхъ, или даже съ ними не кланяюсь, играю ли я въ карты и т. п.? Будущій мой біографъ, если Богъ пошлетъ мнѣ біографа, объ этомъ будетъ заботиться. А критику и читателю дѣло только до моихъ книгъ. Сужденіе, кажется, поверхностное. Нападенія на писателя и оправданія, къ коимъ подаютъ они поводъ, суть важный шагъ въ гласности преній о дѣйствіяхъ такъ называе-

мыхъ общественныхъ лицъ (hommes publics),— къ одному изъ главнѣйшихъ условій высокообразованныхъ обществъ; въ семъ отношеніи и писатели, справедливо заслуживающіе презрѣніе наше, ругатели и клеветники, приносятъ истинную пользу.

Такимъ образомъ, дружина ученыхъ и писателей стоитъ всегда впереди во всѣхъ набѣгахъ просвѣщенія, на всѣхъ приступахъ образованности. Не должно имъ малодушно негодовать, что вѣчно имъ опредѣлено выносить первые выстрѣлы и всѣ невзгоды, всѣ опасности ремесла. Такимъ образомъ и возрастаетъ могущество общаго мнѣнія, на которомъ въ просвѣщенномъ народѣ основана чистота нравовъ. Мало по малу образуется и уваженіе къ личной чести гражданина.

~ Руслана и Людмилу вообще приняли благосклонно. Кромѣ одной статьи въ Вѣстникѣ Европы, въ которой побранили весьма неосновательно, и весьма дѣльныхъ вопросовъ, изобличающихъ слабость созданія поэмы, кажется, не было объ ней сказано худаго слова. Никто не замѣтилъ даже, что она холодна. Обвиняли ее въ безнравственности за нѣкоторыя, слегка сладострастныя описанія, за стихи, мною выпущенные во второмъ изданіи:

О страшный видъ! волшебникъ хилый
Ласкаетъ сморщенной рукой etc.,

за вступленіе, не помню, которой пѣсни:

Напрасно вы въ тѣни таились etc.

и за пародію Двѣнадцати спящихъ дѣвъ. За послѣднее можно было меня пожурить порядкомъ, какъ за недостатокъ эстестическаг чувства. Непростительно было (особенно въ мо лѣта) пародировать, въ угожденіе черни, дѣ ственно поэтическое созданіе. Были прочіе упре ки, довольно пустые. Есть ли въ Русланѣ хот одно мѣсто, которое въ вольности шутокъ могл быть сравнено съ шалостями, хоть напримѣръ Аріоста, о которомъ поминутно твердили мнѣ Да и выпущенное мною мѣсто было очень смя ченное подражаніе Аріосту.

— Не помню, кто замѣтилъ мнѣ, что невѣ роятно, чтобы скованные вмѣстѣ разбойник могли переплыть рѣку. Все это происшестві справедливо и случилось въ 1820 году, въ бы ность мою въ Екатеринославѣ.

— О Цыганахъ одна дама замѣтила, что в всей поэмѣ одинъ только честный человѣкъ, то медвѣдь. Покойный Рылѣевъ негодовалъ, за чѣмъ Алеко водитъ медвѣдя и еще собирает деньги съ глазѣющей публики. Вяземскій повт рилъ то же замѣчаніе. (Рылѣевъ просилъ мен сдѣлать изъ Алеко хоть кузнеца, что было бы въ примѣръ благороднѣе). Всего бы лучше сд лать изъ него чиновника или помѣщика, а цыгана. Въ такомъ случаѣ, правда, не было и всей поэмы: ma tanto meglio.

Въ „Вѣстникѣ Европы“ съ негодованіемъ говорили о сравненіи Нулина съ котомъ, цапцарапствующимъ кошку (забавный глаголъ: цапцарапствую, цапцарапствуешь, цапцарапствуетъ). Правда, во всемъ Графѣ Нулинѣ этого сравненія не находится, такъ же какъ и глагола цапцарапствую, но хоть бы и было, что за бѣда.

Графъ Нулинъ надѣлалъ мнѣ большихъ хлопотъ. Нашли его безнравственнымъ, разумѣется, въ журналахъ (въ свѣтѣ приняли его благосклонно), и никто изъ журналистовъ не захотѣлъ за него вступиться. Молодой человѣкъ ночью осмѣлился войти въ спальню молодой женщины и получилъ пощечину. Какой ужасъ! Какъ смѣть писать такія отвратительныя гадости? Авторъ спрашивалъ, что̀ бы на мѣстѣ Натальи Павловны сдѣлали петербургскія дамы? Какая дерзость!

Кстати о моей бѣдной сказкѣ (писанной, будь сказано мимоходомъ, самымъ трезвымъ и благопристойнымъ образомъ): подняли противъ меня всю классическую древность и всю европейскую литературу! Вѣрю стыдливости моихъ критиковъ; вѣрю, что графъ Нулинъ точно кажется имъ предосудительнымъ. Но какъ же упоминать о древнихъ, когда дѣло идетъ о благопристойности? И ужели творцы шутливыхъ повѣстей: Аріостъ, Боккачіо, Лафонтенъ, Касти, Спенсеръ, Чаусеръ, Виландъ, Байронъ, извѣстны имъ по однимъ лишь именамъ? Ужели, по крайней мѣ-

рѣ, не читали они Богдановича и Дмитріева? Какой несчастный педантъ осмѣлится укорить Душеньку въ безнравственности и неблагопристойности? Какой угрюмый дуракъ станетъ важно осуждать Модную жену, сей прелестный образецъ легкаго и шутливаго разсказа? А эротическія стихотворенія Державина? Но, отстранивъ неравенство поэтическаго достоинства, Графъ Нулинъ долженъ имъ уступить и въ вольности, и въ живости шутокъ.

Эти гг. критики нашли странный способъ судить о степени нравственности какого нибудь стихотворенія. У одного изъ нихъ есть 15-лѣтняя племянница, у другаго 15-лѣтняя знакомая, и все, что по благоусмотрѣнію родителей не дозволяется имъ читать, провозглашено неприличнымъ, безнравственнымъ, похабнымъ! Какъ будто литература и существуетъ только для 16-лѣтнихъ дѣвушекъ! Благоразумный наставникъ, вѣроятно, не дастъ въ руки ни имъ, ни даже ихъ братцамъ, ни единаго изъ полныхъ сочиненій классическаго поэта, особенно древняго; на то издаются хрестоматіи, выбранныя мѣста и т. п.; но публика не 15-лѣтняя дѣвица и не 13-лѣтній мальчикъ. Она, слава Богу, можетъ себѣ прочесть безъ опасенія сказки добраго Лафонтена и эклогу добраго Виргилія и все, что про себя читаютъ сами гг. критики, если критики наши что нибудь читаютъ, кромѣ корректурныхъ листовъ своихъ журналовъ.

Всѣ эти господа, столь щекотливые на счетъ благопристойности, напоминаютъ стыдливость Тартюфа, накидывающаго платокъ на открытую грудь Дорины, и заслуживаютъ забавное возраженіе горничной:

Vous êtes donc bien tendre à la tentation
Et la chaire sur vos sens fait grande impression!
Certes, je ne sais pas quelle chaleur vous monte;
Mais à convoiter, moi, je ne suis point si prompte,
Et je vous verrais nu, du haut jusque en bas,
Que toute votre peau ne me tenterait pas.
(Tartufe, acte III, scène 2).

Безнравственное сочиненіе есть то, коего цѣлію или дѣйствіемъ бываетъ потрясеніе правилъ, на коихъ основано общественное счастіе или достоинство человѣческое. Стихотворенія, коихъ цѣль горячить воображеніе любострастными описаніями, унижаютъ поэзію, превращая ея божественный нектаръ въ воспалительный составъ. Но шутка, вдохновенная сердечною веселостію и минутною игрою воображенія, можетъ показаться безнравственною только тѣмъ, которые о нравственности имѣютъ дѣтское или темное понятіе, смѣшивая ее съ нравоученіемъ, и видятъ въ литературѣ одно педагогическое занятіе.

~~ Мы такъ привыкли читать ребяческія критики, что онѣ даже насъ и не смѣшатъ. Сравнивая Шекспира съ Байрономъ, недавно одинъ изъ нашихъ критиковъ считалъ по пальцамъ: гдѣ болѣе мертвыхъ? Но что сказали бы мы, прочитавъ, напримѣръ, слѣдующій разборъ Федры,

еслибъ, къ несчастію, написалъ ее русскій и въ наше время? Извольте. „Нѣтъ ничего отвратительнѣе предмета, избраннаго г-мъ сочинителемъ: женщина замужняя, мать семейства, влюблена въ молодаго олуха, побочнаго сына ея мужа (!!!!). Какое неприличіе! Она не стыдится въ глаза ему признаваться въ развратной страсти своей (!!!!). Сего не довольно: сія фурія, употребляя во зло глупую легковѣрность супруга своего, взноситъ на невиннаго Ипполита гнусную небывальщину, которую, изъ уваженія къ нашимъ читательницамъ, не смѣемъ объяснить (!!!). Злой старичишка, не входя въ обстоятельства, не разобравъ дѣла, проклинаетъ своего собственнаго сына (!!), послѣ чего Ипполита разбиваютъ лошади (!!!); Федра отравливается; ея гнусная наперсница утопляется и только. Вотъ что пишутъ, не краснѣя, писатели, которые, и проч. (тутъ личности и ругательства). Вотъ до какого разврата дошла у насъ литература, кровожадная, развратная вѣдьма съ прыщиками на лицѣ! Шлюсь на совѣсть самихъ критиковъ!“[1]

Но должно ли и можно ли серьёзно отвѣчать на таковыя критики, хотя-бъ онѣ были писаны и по-латыни? Не такъ ли, хотя и болѣе кудря-

[1] Въ разборѣ Гр. Нулина, въ „Вѣстн. Евр.“ 1829 г. № 3, Надеждинъ писалъ: „это суть прыщики на лицѣ вдовствующей нашей литературы; они и красны, и пухлы, и зрѣлы, но... Che chi ha i duo' occhi le veda.“

вымъ слогомъ, разбираютъ онѣ каждый день сочиненія, конечно, не равныя достоинствомъ произведеніямъ Расина, но вѣрно ничуть не предосудительнѣе оныхъ въ нравственномъ отношеніи? А пріятели называютъ этотъ вздоръ глубокомысліемъ.

Еслибъ Недоросль, сей единственный памятникъ народной сатиры, явился въ наше время, то въ нашихъ журналахъ, посмѣясь надъ правописаніемъ Фонвизина, съ ужасомъ замѣтили бы, что Простакова бранитъ Палашку канальей и собачьей дочерью, а себя сравниваетъ съ сукою (!!). „Что скажутъ дамы, воскликнулъ бы критикъ? вѣдь эта комедія можетъ попасться дамамъ!“ Въ самомъ дѣлѣ странно. Что за нѣжный и разборчивый языкъ должны употреблять господа сіи съ дамами! Гдѣ бы, какъ бы послушать! А дамы наши (Богъ имъ судья) ихъ и не слушаютъ, и не читаютъ, а читаютъ этого грубаго В.-Скотта, который никакъ не умѣетъ замѣнить просторѣчіе простомысліемъ.

Отчего происходитъ это мѣщанское, отвратительное жеманство, эта чопорность деревенской дьячихи, пришедшей въ гости къ петербургской барынѣ, засѣдательницы въ гостяхъ у пріѣзжей горожанки?

Оттого, что нашимъ литераторамъ хочется доказать, что они принадлежатъ высшему обществу (high life), что имъ извѣстны его законы;

не лучше ли было бы имъ постараться по своему тону и поведенію принадлежать къ хорошему обществу (bonne société)?

Но не смѣшно ли имъ судить о томъ, что̀ принято или не принято въ свѣтѣ, что̀ могутъ, чего не могутъ читать наши дамы, какое выраженіе принадлежитъ гостиной (или будуару, какъ говорятъ эти господа)? Не забавно ли видѣть ихъ опекунами высшаго общества, куда, вѣроятно, имъ и некогда, и вовсе не нужно являться? Не странно ли въ ученыхъ изданіяхъ встрѣчать важныя разсужденія объ отвратительной безнравственности такого-то выраженія и ссылки на паркетныхъ дамъ? Не совѣстно ли въ душѣ видѣть почтенныхъ профессоровъ краснѣющихъ отъ свѣтской шутки? Почему имъ знать, что вычурное жеманство и напыщенность нестерпимы, еще болѣе выказываютъ мелкое общество, чѣмъ простонародность (vulgarité), и что оно-то именно и обличаетъ свѣтъ? Почему имъ знать, что откровенныя оригинальныя выраженія простолюдиновъ повторяются и въ высшемъ обществѣ, не оскорбляя слуха, между тѣмъ какъ чопорные обиняки провинціальной вѣжливости возбудили бы общую невольную улыбку? Хорошее общество можетъ существовать и не въ одномъ кругу, а вездѣ, гдѣ есть люди честные, умные и образованные.

Эта охота выдавать себя за членовъ высшаго

общества вводила иногда нашихъ журналистовъ въ забавные промахи. Одинъ изъ нихъ думалъ, что невозможно говорить при дамахъ о блохахъ, и далъ строгій за то выговоръ—кому же?—одному изъ молодыхъ блестящихъ царедворцевъ. Въ одномъ журналѣ сильно напали на неблагопристойность поэмы, гдѣ сказано, что молодой человѣкъ осмѣлился войти ночью къ спящей красавицѣ; и между тѣмъ какъ стыдливый рецензентъ разбиралъ ее, какъ самую высокую сказку Боккачіо или Лафонтена, всѣ петербургскія дамы читали ее и знали цѣлые отрывки наизусть. Недавно одинъ историческій романъ обратилъ на себя вниманіе всеобщее и отвлекъ на нѣсколько дней всѣхъ нашихъ дамъ отъ fashionable tales и историческихъ записокъ. Что же? Газета[1] важно дала замѣтить автору, что въ простонародныхъ сценахъ находятся слова ужасныя: с..... сынъ. Возможно ли? Что̀ скажутъ дамы, если, паче чаянья, взоръ ихъ упадетъ на это неслыханное выраженіе? Что̀ бы онѣ сказали Фонвизину, который императрицѣ Екатеринѣ читалъ своего „Недоросля", гдѣ на каждой страницѣ эта невѣжественная Простакова бранитъ Еремѣевну собачьей дочерью? Что сказали бы нынѣшніе блюстители нравственности

[1] „Сѣверн. Пчела", въ разборѣ „Юрія Милославскаго". 1830 г., № 7—9.

и о чтеніи Душеньки, и объ успѣхѣ сего прелестнаго произведенія? Что думаютъ они о шутливыхъ одахъ Державина, о прелестныхъ сказкахъ Дмитріева? Молодая жена не столь же ли безнравственна, какъ и Графъ Нулинъ?

— Наши критики долго оставляли меня въ покоѣ. Это дѣлаетъ имъ честь: я былъ далеко, и въ обстоятельствахъ неблагопріятныхъ. По привычкѣ, полагали меня все еще очень молодымъ человѣкомъ. Первыя непріязненныя статьи, помнится, стали появляться по напечатаніи четвертой и пятой пѣсни Евгенія Онѣгина. Разборъ сихъ главъ, напечатанный въ Атенеѣ, удивилъ меня хорошимъ тономъ, хорошимъ слогомъ и странностію привязокъ. Самыя обыкновенныя риторическія фигуры и тропы останавливали критика, напримѣръ: „можно ли сказать стаканъ шипитъ, вмѣсто вино шипитъ въ стаканѣ? Каминъ дымитъ, вмѣсто паръ идетъ изъ камина? Не слишкомъ ли смѣло ревнивое подозрѣніе? невѣрный ледъ? Какъ думаете, что̀ бы такое значило:

Мальчишки
Коньками звучно рѣжутъ ледъ?“

Критикъ догадывается, однакожъ, что это значитъ: мальчишки бѣгаютъ по льду на конькахъ

Вмѣсто:

> На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый
> (Задумавъ плыть по лону водъ)
> Ступаетъ бережно на ледъ.

Критикъ читалъ:

> На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый
> Задумалъ плыть...

и справедливо замѣтилъ, что недалеко уплывешь на красныхъ лапкахъ.

~ Г-нъ Б. Федоровъ въ журналѣ, который началъ было издавать, разбирая довольно благосклонно IV и V главы Онѣгина, замѣтилъ однакожъ мнѣ, что въ описаніи осени нѣсколько стиховъ сряду начинаются у меня частицею ужъ, что и назвалъ ужами, и что въ риторикѣ зовется единоначатіемъ. Осудилъ онъ также слово корова и выговорилъ мнѣ за то, что я барышень благородныхъ и, вѣроятно, чиновныхъ, назвалъ дѣвчонками (что, конечно, неучтиво), между тѣмъ какъ простую деревенскую дѣвку назвалъ дѣвою:

> Въ избушкѣ распѣвая дѣва прядетъ.

~ Стихъ: Два вѣка ссорить не хочу, критику показался неправильнымъ. Что гласитъ грамматика? Что дѣйствительный глаголъ съ отрицательною частицею требуетъ не винительнаго, а родительнаго падежа; напримѣръ: я не пишу стиховъ. Но въ моемъ стихѣ частица не относится къ глаголу „хочу", а не къ

„ссорить“ [1]). Ergo, правило сюда нейдетъ. Возьмемъ, напримѣръ, слѣдующее предложеніе: я не могу вамъ позволить начатъ писать стихи, а ужь конечно не стиховъ. Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цѣпь глаголовъ и отозваться въ существительномъ? Не думаю.

Кстати о грамматикѣ. Я пишу цыганы, а не цыгане, татаре, а не татары. Почему? Потому что всѣ имена существительныя, кончающіяся на анинъ, янинъ, аринъ и яринъ, имѣютъ свой родительный во множественномъ на анъ, янъ, аръ и яръ, а именительный множественнаго на ане, яне, аре и яре. Всѣ же существительныя, кончащіяся на анъ и янъ, аръ и яръ, имѣютъ во множественномъ именительный на аны, яны, ары и яры, а родительный на ановъ, яновъ, аровъ, яровъ.

Единственное исключеніе: имена собственныя. Потомки г-на Булгарина будутъ г-да Булгарины, а не Булгаре.

— Нѣкоторыя стихотворческія вольности: послѣ отрицательной частицы не—винительный, а не родительный падежъ; времянъ, вмѣсто временъ (какъ, напримѣръ, у Батюшкова:

[1] Варіантъ: Но въ моемъ стихѣ глаголъ „ссорить“ управляетъ не частицею „не“, а глаголомъ „хочу“. Ergo... и проч.

То древню Русь и нравы
Владиміра времянъ...)

приводили критика моего въ великое недоумѣніе; но болѣе всего раздражалъ его стихъ:

Людскую молвь и конскій топъ.

„Такъ ли изъясняемся мы, учившіеся по стариннымъ грамматикамъ? можно ли такъ коверкать русскій языкъ?“ Надъ этимъ стихомъ жестоко потомъ посмѣялись и въ „Вѣстникѣ Европы“. Молвь (рѣчь) слово коренное русское. Топъ вмѣсто топотъ (слѣдственно, и хлопъ вмѣсто хлопаніе) вовсе не противно духу русскаго языка, какъ и шипъ вмѣсто шипѣніе:

Онъ шипъ пустилъ по змѣиному.

(Древ. Русскія Стихотворенія).

На ту бѣду и стихъ-то весь не мой, а взятъ цѣликомъ изъ русской сказки:

И вышелъ онъ за ворота градскія, и услышалъ конскій топъ и людскую молвь.

Бова Королевичъ.

Изученіе старинныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. необходимо для совершеннаго знанія свойствъ русскаго языка; критики наши напрасно ими презираютъ.

— Шутки нашихъ критиковъ приводятъ

иногда въ изумленіе своею невинностію. Вотъ истинный анекдотъ: въ Лицеѣ одинъ изъ младшихъ нашихъ товарищей, и не тѣмъ будь помянутъ, добрый мальчикъ, но довольно простой и во всѣхъ классахъ послѣдній, сочинилъ однажды два стиха, извѣстные всему Лицею:

Ха, ха, ха, хи, хи, хи,
Дельвигъ пишетъ стихи.

Каково же было намъ, Дельвигу и мнѣ, въ прошломъ 1830 году, въ первой книжкѣ важнаго „Вѣстника Европы" найти слѣдующую шутку: „Альманахъ Сѣверные Цвѣты раздѣляется на прозу и стихи—хи, хи!" Вообразите себѣ, какъ обрадовались мы старой нашей знакомкѣ! Сего не довольно. Это хи, хи показалось видно столь затѣйливымъ, что его перепечатали съ большой похвалой въ „Сѣверной Пчелѣ":

„Хи, хи, какъ весьма остроумно сказано было въ „Вѣстникѣ Европы", etc.

~~ Молодой Кирѣевскій, въ краснорѣчивомъ и полномъ мыслей обозрѣніи нашей словесности,[1] говоря о Дельвигѣ, употребилъ сіе изысканное выраженіе: древняя муза его покры-

[1] Въ альманахѣ Максимовича „Денница" на 1830 годъ.

вается иногда душегрѣйкою новѣйшаго унынія. Выраженіе конечно смѣшное. Зачѣмъ не сказать было просто: въ стихахъ Дельвига отзывается иногда уныніе новѣйшей поэзіи? Журналисты наши, о которыхъ г. Кирѣевскій отозвался довольно непочтительно, обрадовались, подхватили эту душегрѣйку, разорвали на мелкіе лоскутки и вотъ уже годъ какъ ими щеголяютъ, стараясь насмѣшить свою публику. Но какая имъ оттого прибыль? Публикѣ почти дѣла нѣтъ до литературы, а малое число любителей вѣритъ наконецъ не шуткѣ, безпрестанно повторяемой, но постоянно, хотя и медленно, пробивающимся мнѣніямъ и безпристрастію здоровой критики.

— Habent sua fata libelli. Полтава не имѣла успѣха. Вѣроятно она и не стоила его, но я былъ избалованъ пріемомъ, оказаннымъ моимъ прежнимъ, гораздо слабѣйшимъ произведеніямъ; къ тому-жь это сочиненіе совсѣмъ оригинальное, а мы изъ того и бьемся.

Журналы взялись объяснить мнѣ причину моей неудачи и вотъ какимъ образомъ. Они, во-первыхъ, объявили мнѣ, что отъ роду никто не видывалъ, чтобъ женщина влюбилась въ старика, и что, слѣдственно, любовь Маріи къ старому гетману, NB. исторически доказанная, не могла существовать.

„Такъ что-жь, что ты Честонъ? хоть знаю, да не вѣрю.“

Этимъ я не могъ довольствоваться: любовь есть самая своенравная страсть. Не говоря уже о безобразіи и глупости, ежедневно предпочитаемыхъ молодости, уму и красотѣ, я вспомнилъ преданія миѳологическія, Превращенія Овидіевы, Леду, Филлиру, Пазифаю, Олимпію, Пигмаліона — и принужденъ былъ признаться, что всѣ сіи вымыслы не чужды поэзіи или, справедливѣе, ей принадлежатъ. А Отелло, старый негръ, плѣнившій Дездемону разсказами о своихъ странствіяхъ и битвахъ?.. А Мирра, внушившая итальянскому поэту одну изъ лучшихъ его трагедій?..Марія (или Матрена) увлечена была, говорили мнѣ, тщеславіемъ, а не любовію — велика честь для дочери генеральнаго судіи быть наложницею гетмана! — Далѣе говорили мнѣ, что мой Мазепа злой и глупый старичишка (старичишка, вмѣсто старикъ — ради затѣйливости); что изобразилъ я Мазепу злымъ, въ томъ каюсь. Добрымъ я его не нахожу, особенно въ минуту, когда онъ хлопочетъ о казни отца дѣвушки, имъ обольщенной. Глупость же человѣка оказывается или изъ его дѣйствій, или изъ его словъ. Мазепа дѣйствуетъ въ моей поэмѣ точь въ точь какъ и въ исторіи. Рѣчи его объясняютъ его историческій характеръ. Не довольно, если критикъ и рѣшитъ, что такое-то лицо въ поэмѣ глупо: не худо, если онъ чѣмъ нибудь это и докажетъ. Потомъ замѣтили мнѣ,

что Мазепа слишкомъ у меня злопамятенъ; что малороссійскій гетманъ не студентъ и за пощечину или за дерганіе усовъ мстить не захочетъ. Опять исторія, опроверженная литературною критикой: хоть знаю, да не вѣрю.

Мазепа, воспитанный въ Европѣ въ то время, какъ понятія о дворянской чести были на высшей степени силы, Мазепа могъ помнить долго обиду московскаго царя и отомстить ему при случаѣ. Въ этой чертѣ весь его характеръ, скрытный, жестокій, постоянный. Дернуть поляка или казака за усы, все равно было, что схватить россіянина за бороду. Хмѣльницкій за всѣ обиды, имъ претерпѣнныя, помнится, отъ Чаплицкаго (Чернѣцкаго), получилъ въ возмездіе, по приговору Рѣчи Посполитой, остриженный усъ своего непріятеля (см. Кониссдаго).

Старый гетманъ, предвидя неудачу, наединѣ съ наперсникомъ, бранитъ въ моей поэмѣ молодаго Карла и называетъ его, помнится, мальчишкой и сумасбродомъ. Критики важно укоряли меня въ неосновательномъ мнѣніи о шведскомъ королѣ. У меня сказано гдѣ-то, что Мазепа ни къ кому не былъ привязанъ; критики ссылались на собственныя слова гетмана, увѣряющаго Марію, что онъ любитъ ее „больше славы, больше власти“. Какъ отвѣчать на таковыя критики?

Такъ понимали они драматическое искус-

ство! — Потомъ слѣдовала критика мелочная, критика буквъ, отъ которой пора бы намъ отвыкнуть.

Слова: усы, визжать, вставай, разсвѣтаетъ, ого, пора показались критикамъ низкими, бурлацкими выраженіями. Какъ быть! (Никогда не пожертвую краткостію выраженія провинціальной чопорности, изъ боязни казаться простонароднымъ славянофиломъ и т. п.).

Въ „Вѣстникѣ Европы" замѣтили, что заглавіе поэмы ошибочно, и что, вѣроятно, не назвалъ я ее Мазепой, чтобъ не напомнить о Байронѣ. Справедливо — но была тутъ и другая причина: эпиграфъ. Такъ и Бахчисарайскій Фонтанъ въ рукописи названъ былъ Харемомъ: но меланхолическій эпиграфъ, который конечно лучше всей поэмы, соблазнилъ меня.

Кстати о Полтавѣ, критики упомянули однакожъ о Байроновомъ Мазепѣ. Но какъ они понимали его (или, справедливѣе, какъ не понимали!) Байронъ зналъ Мазепу только по Вольтеровой исторіи Карла XII. Онъ пораженъ былъ только картиной человѣка, привязаннаго къ дикой лошади и несущагося по степямъ. Картина конечно поэтическая, и за то посмотрите, что онъ изъ нея сдѣлалъ! Но не ищите тутъ ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачнаго, ненавистнаго, мучительнаго лица, которое проявляется во всѣхъ почти произведеніяхъ Байрона, но ко-

тораго, на бѣду одному изъ моихъ критиковъ, какъ нарочно, въ Мазепѣ и нѣтъ. Байронъ и не думалъ о немъ: онъ выставилъ рядъ картинъ, одна другой разительнѣе — вотъ и все; но какое пламенное созданіе, какая широкая, быстрая кисть! Если-жь бы ему подъ перо его попалась исторія обольщенной дочери и казненнаго отца, то вѣроятно никто бы не осмѣлился послѣ него коснуться сего ужаснаго предмета.

Прочитавъ въ первый разъ стихи:

Жену страдальца Кочубея
И обольщенную имъ дочь...[1]

я изумился, какъ могъ поэтъ пройти мимо столь страшнаго обстоятельства. Обременять вымышленными ужасами историческіе характеры — и немудрено, и невеликодушно. Клевета и въ поэмахъ всегда казалась мнѣ непохвальною. Но въ описаніи Мазепы пропустить столь разительную черту было непростительно. Однакожъ какой отвратительный предметъ! Ни одного добраго, благосклоннаго чувства! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость... Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, наброшенная на всѣ эти ужасы — вотъ что увлекло меня. Полтаву написалъ я въ нѣсколько дней, далѣе не могъ бы ею заниматься и бросилъ бы все.

[1] Въ „Войнаровскомъ“ Рылѣева.

~ Китайскій анекдотъ. Недавно въ Пекинѣ случилось очень забавное происшествіе. Нѣкто изъ класса грамотѣевъ написалъ трагедію, долго не отдавалъ ее въ печать, но читалъ ее неоднократно въ порядочныхъ пекинскихъ обществахъ и даже ввѣрялъ свою рукопись нѣкоторымъ мандаринамъ. Другой грамотѣй (слѣдуютъ китайскія ругательства) или подслушалъ трагедію изъ прихожей, что, говорятъ, за нимъ важивалось, или тихонько взялъ рукопись изъ шкатулки мандарина (что въ старину также съ нимъ случалось) и склеилъ на скорую руку изъ довольно нескладной трагедіи чрезвычайно скучный романъ. Грамотѣй-трагикъ, человѣкъ безталанный, но смирный, поворчавъ немного, оставилъ было въ покоѣ похитителя; но грамотѣй-романистъ, опасаясь быть обличеннымъ, сталъ кричать изо всей мочи, что трагикъ Фанъ-хо обокралъ его безстыднымъобразомъ. Трагикъ Фанъ-хо, разсердясь не на шутку, позвалъ романиста Фанъ-хи въ совѣстный пекинскій судъ, и проч. и проч.[1]

~ Вотъ уже 16 лѣтъ, какъ я печатаю, и критики замѣтили въ моихъ стихахъ пять грамматическихъ ошибокъ (и справедливо); я всегда былъ имъ искренно благодаренъ и всегда по-

[1] Дѣло идетъ о „Борисѣ Годуновѣ“ и романѣ Булгарина „Димитрій Самозванецъ“.

правлялъ замѣченное мѣсто.[1] Прозой пишу я гораздо неправильнѣе, а говорю еще хуже и почти такъ, какъ пишетъ Гоголь.

— У насъ многіе (между прочимъ и г-нъ Каченовскій, котораго, кажется, нельзя упрекнуть въ незнаніи русскаго языка) спрягаютъ. рѣшаю, рѣшаешь, рѣшаетъ — рѣшаемъ, рѣшаете, рѣшаютъ, вмѣсто рѣшу, рѣшишь и проч. Рѣшу спрягается, какъ грѣшу.

— Иностранныя собственныя имена, кончащіяся на е, и, о, не склоняются. Кончащіяся на а, ъ и ь склоняются въ мужескомъ родѣ, а въ женскомъ нѣтъ; и противъ этого многіе у насъ погрѣшаютъ, пишутъ: книга, сочиненная Гётемъ, и проч.

— Какъ надобно писать: турковъ или турокъ? То и другое правильно. Турокъ и турка равно употребительны.

— Многіе пишутъ: юпка, сватьба. Никогда въ производныхъ словахъ т не перемѣняется на д, ни п на б, а мы говоримъ юбочница, свадебный.

[1] Сбоку выписаны эти ошибки:
1) остановлялъ я взоръ на отдаленныя громады;
2) на темѣ горъ (темени);
3) воилъ вм. вылъ;
4) былъ отказанъ вм. ему отказали;
5) игумену вм. игумну.

〰 Двенадцать, а не двѣнадцать—сокращено изъ двое, какъ три изъ трое.

〰 Пишутъ тѣлега, телѣга. Не правильнѣе ли телега (отъ слова телецъ; телега, запряженная волами)?

〰 Разговорный языкъ простаго народа (не читающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на французскомъ языкѣ) достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій.
Альфіери изучалъ итальянскій языкъ на флорентинскомъ базарѣ. Не худо намъ иногда прислушаться къ московскимъ просвирнямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ.

〰 Московскій выговоръ чрезвычайно изнѣженъ и прихотливъ. Звучныя буквы ш и ч передъ другими согласными въ немъ измѣнены. Мы даже говоримъ: женшины, нослегъ (см. Богдановича).

〰 Шпіоны подобны буквѣ ъ: нужны они только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но и тутъ можно безъ нихъ обойтиться, а они привыкли всюду соваться.

〰 Множество словъ и выраженій, насильственнымъ образомъ введенныхъ въ употребленіе, остались и укоренились въ нашемъ языкѣ.

Напримѣръ: трогательный отъ слова touchant (см. справедливое о томъ разсужденіе г. Шишкова). Хладнокровіе — это слово не только переводъ буквальный, но еще и ошибочный; настоящее выраженіе французское есть sens froid—хладномысліе, а не sang froid. Такъ и писали это слово до самаго 18-го столѣтія. Dans son assiette ordinaire. Assiette значитъ— положеніе, отъ слова asseoir, но мы перевели каламбуромъ: не въ своей тарелкѣ.

Любезнѣйшій, ты не въ своей тарелкѣ.
(Горе отъ ума).[1]

～ „Не твоя печаль чужихъ дѣтей качать", т. е. не твоя забота.

„Бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ"—пословица латинская.

„Нужда научитъ калачи ѣсть", т. е. нужда мать изобрѣтенія и роскоши.

„Кто въ дѣлѣ, тотъ и въ отвѣтѣ". Въ дѣлѣ, т. е. въ должности; въ отвѣтѣ, т. е. въ посольствѣ.

„Не суйся середа прежде четверга". Смыслъ ироническій и относится къ тѣмъ, которые хо-

[1] Эту замѣтку Пушкинъ взялъ изъ книги А. С. Шишкова: „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка". Спб. 1803.

тятъ оспаривать явныя, законныя преимущества; вѣроятно, выдумана во время мѣстничества.

„Горе лыкомъ подпоясано". Разительное изображеніе нищеты; см. „Древн. стих."

„Иже не ври же, его же пригоже". Насмѣшка надъ книжнымъ языкомъ: и въ старину надъ этимъ острились.

(Изъ „Урядника" царя Алексѣя Михайловича разные термины соколиной охоты).

Семеновскій потѣшной дворъ.

Свѣтлица для выдержанія птицъ.

Челигъ—самецъ, дикомытъ—самка.

Оленья перчатка.

Обносцы — ремешокъ оленій съ краснымъ сукномъ.

Кречетъ — больше и сѣрѣе сокола. Соколъ посизѣе.

Должникъ — въ два аршина ремень сыромятный.

Вабилъ, свабило—гусиныя крылья съ сырымъ мясомъ для вабки.

Шалгачъ — мѣшокъ для живой птицы на ремнѣ).

Пущенная птица — для обученія сокола.

Дербнички напущаютъ попарно — одинъ снизу, другой сверху (дермлички).

Колокольчикъ привязанъ къ ногѣ; коли соколъ отбудетъ, то начинаетъ чесаться, etc.

Дермлички съ кречетомъ, копчикъ съ соколомъ.

Вертлугъ желѣзный — на немъ вертится вабилъ.

Помычки—ловчіе крестьяне.

Стулъ—гдѣ сначала сидятъ кречеты.

Толунбасы — родъ барабана для пуганья птицъ.

Помцы
Тайникъ } сѣти.

Съ Благовѣщенія ихъ подымаютъ, т. е. на руки берутъ, до Петрова дня учатъ. Учатъ сокола, заструнивъ носъ воронѣ. Соколъ бьетъ ее когтями, за голову носомъ, глотку... добудетъ грачей, галокъ, воронъ, голубей, утку.

Вечеровое поле.

Зарьялъ, зарьяелъ—отъ зноя утомился.

Юрчакъ — конвульція, корчь—болѣзнь сокола.

Чины: Ястребникъ, Сокольникъ — унт.-офицеръ, Кречетникъ.

Начальники: Статейничій, главный. Подъстатейничій. Секретарь—расходчикъ.

Анекдоты (1834—1836).

I. Славный анекдотъ объ указѣ, разорванномъ княземъ Яковомъ Долгорукимъ, разсказанъ у Голикова ошибочно и не вполнѣ. Долгорукій послѣ дерзкаго своего поступка уѣхалъ домой изъ сената. Государь, узнавъ обо всемъ, очень прогнѣвался и пріѣхалъ къ нему. Князь Яковъ сталъ передъ нимъ на колѣна и просилъ помилованія. Государь, побранивъ его, сталъ съ нимъ разсуждать о сущности разорваннаго указа. Долгорукій изложилъ ему свое мнѣніе. „Развѣ не могъ ты то же самое сказать, замѣтилъ ему Петръ, не раздирая моего указа?" Правда твоя, государь, отвѣчалъ Долгорукій; но я зналъ, что если я его раздеру, то уже впредь таковыхъ подписывать не станешь, жалѣя мою старость и усердіе.— Государь съ нимъ помирился, но, пріѣхавъ къ себѣ, приказалъ царицѣ, которая къ князьямъ Долгорукимъ была особенно милостива, призвать князя Якова и присовѣтовать ему на другой день при всемъ сенатѣ просить прощенія у государя. Князь Яковъ начисто отказался. На другой день онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, встрѣтилъ въ сенатѣ государя и болѣе, нежели когда нибудь, его оспаривалъ. Петръ, видя, что съ нимъ дѣлать нечего, оставилъ это дѣло, и болѣе о томъ уже не упоминалъ. (Сл. отъ кн. А. Н. Г.).

II. Кречетниковъ, по возвращеніи своемъ изъ Польши, позванъ былъ въ кабинетъ императрицы. „Исполнилъ ли ты мои приказанія?“ спросила императрица.—Нѣтъ, государыня, отвѣчалъ Кречетниковъ. Государыня вспыхнула. „Какъ нѣтъ?“ Кречетниковъ сталъ излагать причины, не дозволившія ему исполнить высочайшія повелѣнія. Императрица его не слушала: въ порывѣ величайшаго гнѣва, она осыпала его укоризнами и угрозами. Кречетниковъ ожидалъ своей погибели. Наконецъ императрица умолкла и стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Кречетниковъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Чрезъ нѣсколько минутъ, государыня снова обратилась къ нему и сказала уже гораздо тише: „скажите же мнѣ, какія причины помѣшали вамъ исполнить мою волю?“ Кречетниковъ повторилъ свои прежнія оправданія. Екатерина, чувствуя его справедливость, но не желая признаться въ своей вспыльчивости, сказала ему съ видомъ совершенно успокоеннымъ. „Это дѣло другое. Зачѣмъ же ты мнѣ тотчасъ этого не сказалъ?“

III. Нѣкто кн. Х., возвратясь изъ Парижа въ Москву, отличался невоздержностію языка и при всякомъ случаѣ язвительно поносилъ Екатерину. Императрица велѣла сказать ему черезъ фельдмаршала графа Салтыкова, что за таковыя дерзости въ Парижѣ сажаютъ въ Бастилію, а у насъ недавно рѣзали языки; что, не будучи отъ

природы жестока, она для такого бездѣльника, каковъ X., нравъ свой перемѣнять не намѣрена; однако, совѣтуетъ ему впредь быть осторожнѣе.

IV. Когда графъ д'Артуа пріѣзжалъ въ Петербургъ, то государыня приняла его самымъ ласковымъ и блистательнымъ образомъ. Онъ ей однако надоѣлъ, и она велѣла сказать дамамъ своимъ, чтобъ онѣ постарались его занять. Однажды посадила она графа д'Артуа въ свою карету. Графъ Д. Ав..., капитанъ гвардіи принца, имѣя право повсюду слѣдовать за нимъ, хотѣлъ было сѣсть также въ карету, но государыня остановила его, сказавъ: Cette fois-ci c'est moi qui me charge d'être le capitaine de gardes de m-r. le comte d'Artois. (Сл. отъ кн. К. Ѳ. Долг.).

V. Французскіе принцы имѣли большой успѣхъ при всѣхъ дворахъ, куда они являлись. Были однакожь съ ихъ стороны нѣкоторые промахи. Они сыпали деньги и дорогіе подарки. Въ Берлинѣ старый князь Витгенштейнъ сказалъ Брессону, который хвастался ихъ расточительностію: „mais, mon cher Mr. Bresson, ce n'est pas convenable du tout; vos princes sont de la maison de Bourbon et non pas de la maison Rotschild“.

VI. Потемкину доложили однажды, что нѣкто графъ Морелли, житель Флоренціи, превосходно играетъ на скрипкѣ. Потемкину захотѣлось послушать; онъ приказалъ его выписать. Одинъ изъ адъютантовъ отправился курьеромъ въ Ита-

лію, явился къ графу Морелли, объявилъ ему приказъ свѣтлѣйшаго и предложилъ тотъ же часъ садиться въ его тележку и скакать въ Россію. Благородный виртуозъ взбѣсился и послалъ къ чорту и Петербургъ, и курьера съ его тележкою. Дѣлать было нечего. Но какъ явиться къ князю, не исполнивъ его приказанія? Догадливый адъютантъ отыскалъ какого-то скрипача, бѣдняка не безъ таланта, и легко уговорилъ его назваться графомъ Морелли и ѣхать въ Россію. Его привезли и представили Потемкину, который остался доволенъ его игрою. Онъ принятъ былъ потомъ въ службу подъ именемъ графа Морелли и дослужился до полковничьяго чина.

VII. Одинъ изъ адъютантовъ Потемкина, жившій въ Москвѣ и считавшійся въ отпуску (Спечинскій), получилъ приказъ немедленно явиться къ своей должности. Родственники засуетились; не знаютъ, чему приписать требованіе свѣтлѣйшаго. Одни боятся внезапной немилости, другіе видятъ неожиданное счастіе. Молодаго человѣка снаряжаютъ наскоро въ путь. Онъ отправляется изъ Москвы, скачетъ день и ночь и пріѣзжаетъ въ лагерь свѣтлѣйшаго. Объ немъ тотчасъ докладываютъ. Потемкинъ приказываетъ ему явиться. Адъютантъ съ трепетомъ входитъ въ его палатку и находитъ Потемкина въ постели, со святцами въ рукахъ. Вотъ ихъ разговоръ: Потемкинъ. Ты, братецъ, мой адъютантъ такой-

то? — Адъютантъ. Точно такъ, ваша свѣтлость. — Потемкинъ. Правда-ли, что ты святцы знаешь наизусть? — Адъютантъ. Точно такъ. Потемкинъ [смотря въ святцы]. Какого же святаго празднуютъ 18 мая? — Адъютантъ. Мученика Θеодота, ваша свѣтлость. — Потемкинъ. Такъ. А 29 сентября? — Адъютантъ. Преп. Кvріака. — Потемкинъ. Точно. А 5 февраля? — Адъютантъ. Муч-цы Агаѳьи. — Потемкинъ [закрывая святцы]. Ну, поѣзжай же себѣ домой.

VIII. N. N., вышедшій изъ пѣвчихъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, былъ недоволенъ обхожденіемъ князя Потемкина. „Развѣ не знаетъ князь, говорилъ онъ на своемъ нарѣчіи,[1] что я такой же генералъ?“ Это пересказали Потемкину, который сказалъ ему при первой встрѣчѣ: „что ты врешь? какой ты генералъ? ты генералъ-басъ!“

IX. Разговоры Н. К. Загряжской.

1) 12 августа 1835 г. — Вы слыхали про Ветошкина? Это удивительно, что никто его не знаетъ. Надобно вамъ сказать, что Торжокъ былъ въ то время деревушка. Государыня сдѣлала изъ него порядочный городокъ. Жители торговали (не знаю, какъ это сказать: ils fai-

[1] „Хиба винъ не тямитъ того, що я такій еднoралъ, якъ винъ самъ“.

saient le commerce des grains) крупами, что ли? и привозили на баркахъ, не помню куда. Вотъ этотъ Ветошкинъ былъ прикащикомъ на этихъ баркахъ. Онъ былъ раскольникъ. Однажды онъ является къ митрополиту и проситъ объяснить ему догматы православія. Митрополитъ отвѣчалъ ему, что для того нужно быть ученымъ, знать по-гречески, по-еврейски и Богъ вѣдаетъ, что еще. Ветошкинъ уходитъ отъ него и черезъ два года является опять. Вообразите, что въ это время успѣлъ онъ выучиться всему этому. Онъ отрекся отъ своего раскола и принялъ истинную вѣру. Въ городѣ только что про него и говорили. Я жила тогда на Мойкѣ, дверь объ дверь съ графомъ А. С. Строгановымъ. Ромъ жилъ у нихъ въ учителяхъ, тотъ самый, что подписалъ потомъ опредѣленіе о казни Людовика XVI. Онъ очень былъ умный человѣкъ, c'était une forte tête, un grand raisonneur, il vous eut rendu claire l'Apocalypse. Онъ у меня былъ каждый день съ своимъ питомцемъ. Я ему разсказываю про Ветошкина. „Madame, c'est impossible.“ Mon cher Mr. Rom, je vous répète ce que tout le monde me dit. Au reste si vous êtes curieux de voir Ветошкинъ chez le prince Potemkine, il y vient tous les jours. — „Madame, je n'y manquerai pas.“ Ромъ отправился къ Потемкину и увидѣлся съ Ветошкинымъ. Онъ приходитъ ко мнѣ. Hé bien, M-r? —

„Madame, je n'en reviens pas: c'est que véritablement c'est un savant.“ Мнѣ очень хотѣлось встрѣтить Ветошкина. И. И. Шуваловъ доставилъ мнѣ случай увидѣть его въ своемъ домѣ. Я застала тамъ двухъ молодыхъ раскольниковъ, съ которыми Ветошкинъ имѣлъ une controverse (преніе). Ветошкинъ былъ тщедушный мужчина лѣтъ 35. Преніе ихъ очень меня занимало. Послѣ того за ужиномъ я сидѣла противъ Ветошкина. Я спросила его, какимъ образомъ добился онъ учености. „Сначала было трудно, отвѣчалъ онъ, а потомъ все легче и легче. Книги доставляли мнѣ добрые люди, графъ Иванъ Ивановичъ да князь Григорій Александровичъ.“ — Вамъ, думаю, скучно въ Торжкѣ. — „Нѣтъ, сударыня, я живу съ моими родителями и цѣлый день занятъ книгами.“ Потемкинъ, страстный ко всему необыкновенному, наконецъ такъ полюбилъ Ветошкина, что не могъ съ нимъ разстаться. Онъ взялъ его съ собою въ Молдавію, гдѣ Ветошкинъ занемогъ тамошней лихорадкою и умеръ почти въ одно время съ княземъ. Очень странный человѣкъ этотъ Ветошкинъ.

2) 12 августа. — Это было передъ самымъ Петровымъ днемъ. Мы ѣхали въ Знаменское: матушка, сестра Елисавета Кириловна, я — въ одной каретѣ; батюшка (гр. Разумовскій) съ Василіемъ Ивановичемъ (Чулковымъ) — въ другой. На дорогѣ останавливаетъ насъ курьеръ изъ

Кабинета, подходитъ къ каретамъ и объявляетъ, что государь (Петръ III) приказалъ звать насъ въ Петергофъ. Батюшка велѣлъ было ѣхать, а Василій Ивановичъ сказалъ ему: „полно, не слушайся; знаю, что такое. Государь сказалъ, что онъ когда нибудь пошлетъ за дамами, чтобъ онѣ явились во дворецъ, какъ ихъ застанутъ, хоть въ однѣхъ рубашкахъ. И охота ему проказить наканунѣ праздника.“ Но курьеръ попросилъ батюшку выдти на минуту. Они поговорили — и батюшка велѣлъ тотчасъ ѣхать въ Петергофъ. Подъѣзжаемъ ко дворцу; насъ не пускаютъ; часовой сунулъ намъ въ окошко пистолетъ или что-то эдакое. Я испугалась и начала плакать и кричать. Отецъ мнѣ сказалъ: „полно, перестань; что за глупость,“ и потомъ, оборотясь къ часовому: „мы пріѣхали по приказанію государя.“ — „Извольте же идти въ караульню.“ Батюшка пошелъ, а насъ отправили къ ***, который жилъ въ домикахъ. Насъ приняли. Часа черезъ два приходятъ отъ батюшки просить насъ на Monplaisir; всѣ поѣхали; матушка въ спальномъ платьѣ, какъ была. Пріѣзжаемъ въ Monplaisir, видимъ множество дамъ разряженныхъ en robe de cour, а государь съ шляпою на бекрень и ужасно сердитый. Увидя государя, я испугалась, сѣла на полъ и закричала: „ни за что не пойду на галеру“. Насилу меня уговорили. Минихъ былъ съ нами. Мы пріѣ-

ѣхали въ Кронштадтъ. Государь первый вышелъ на берегъ; всѣ дамы за нимъ; матушка осталась съ нами на галерѣ (мы не принадлежали той партіи). Графиня Анна Карловна Воронцова обѣщала прислать за нами шлюбку. Вмѣсто шлюбки черезъ нѣсколько минутъ видимъ государя и всю его компанію. Бѣгутъ назадъ всѣ опять на галеру. Кричатъ, что сейчасъ станутъ насъ бомбардировать. Государь ушелъ à fond de cale съ графиней Лизаветой Романовной; а Минихъ, какъ ни въ чемъ не бывало, разговариваетъ съ дамами, leur faisant la cour. Мы пріѣхали въ Ораніенбаумъ. Государь пошелъ въ крѣпость, а мы во дворецъ. — На другой день зовутъ насъ къ обѣднѣ. Мы знали уже все. Государь былъ очень жалокъ. На эктиньѣ его еще поминали. Мы съ нимъ простились. Онъ далъ матушкѣ траурную свою карету съ короною. Мы поѣхали въ ней. Въ Петербургѣ народъ принялъ насъ за императрицу и кричалъ намъ ура. На другой день государыня привезла матушкѣ ленту.

3) 12 августа. — Потемкинъ очень меня любилъ; не знаю, что̀ бы онъ для меня не сдѣлалъ. У Машеньки была une maitresse de clavecin. Разъ она мнѣ говоритъ: „Madame, je ne puis rester à Pétersbourg." — Pourquoi ça? — „Pendant l'hiver je puis donner de leçons, mais en été tout le monde est à la campagne et je ne suis pas en état de

payer un équipage, ou bien de rester oisive." — Mademoiselle, vous ne partirez pas; il faut arranger cela de manière ou d'autre. Пріѣзжаетъ ко мнѣ Потемкинъ. Я говорю ему: „какъ ты хочешь, Потемкинъ, а мамзель мою пристрой куда нибудь." — Ахъ, моя голубушка, сердечно радъ; да что для нея сдѣлать, право, не знаю. — Что же? черезъ нѣсколько дней приписали мою мамзель къ какому-то полку и дали ей жалованье. Нынче этого сдѣлать уже нельзя.

4) Orloff était mal élevé et avait un très mauvais ton. Однажды у государыни сказалъ онъ при насъ: по одёжкѣ держи ножки. Je trouvai cette expression bien triviale et bien inconvenante: c'était un homme d'esprit et depuis je crois qu'il s'est formé. Il avait l'air de brigand avec sa balafre.

5) Потемкинъ, сидя у меня, сказалъ мнѣ однажды: „Наталья Кириловна, хочешь ты зѐмли?" — Какія земли? — „У меня тамъ есть въ Крыму." — Зачѣмъ мнѣ брать у тебя земли, къ какой стати! — „Разумѣется, государыня подаритъ, а я только ей скажу." — Сдѣлай одолженіе. — Я говорила объ этомъ съ Тепловымъ, который мнѣ сказалъ: „спросите у князя планы, а я вамъ выберу земли." Такъ и сдѣлалось. Проходитъ годъ, мнѣ приносятъ 80 рублей. „Откуда, батюшки? — Съ вашихъ новыхъ земель; тамъ ходятъ стада, и за это вотъ вамъ деньги.—

„Спасибо, батюшки.“ Проходитъ еще годъ, другой, Тепловъ говоритъ мнѣ: „что же вы не думаете о заселеніи вашихъ земель? Десять лѣтъ пройдетъ, такъ худо будетъ: вы заплатите большой штрафъ. — Да что же мнѣ дѣлать? — „Напишите вашему батюшкѣ письмо: онъ не откажетъ вамъ дать крестьянъ на заселеніе.“ Я такъ и сдѣлала: батюшка пожаловалъ мнѣ 300 душъ; я ихъ поселила; на другой годъ они всѣ разбѣжались, не знаю отчего. Въ то время сватался К. за Машу. Я ему и сказала: „возьми пожалуйста мои крымскія земли, мнѣ съ ними только что хлопоты.“ Что-же? Эти земли давали послѣ К. 50,000 рублей доходу. Я очень была рада.

6) Я была очень смѣшлива. Государь, который часто ѣзжалъ къ матушкѣ, бывало нарочно смѣшилъ меня разными гримасами. Онъ не похожъ былъ на государя.

7) Государь однажды объявилъ, что будетъ въ нашемъ домѣ церемонія въ сѣняхъ. У него былъ арапъ Нарцисъ. Этотъ арапъ Нарцисъ подрался на улицѣ съ палачемъ, и государь хотѣлъ снять съ него безчестье (il voulait le réhabiliter). Привели арапа къ намъ въ сѣни, принесли знамена и прикрыли его ими. Тѣмъ и дѣло кончилось.

8) Потемкинъ пріѣхалъ со мною проститься. Я сказала ему: „Ты не повѣришь, какъ я о тебѣ грущу.“ — А что такое? — „Не знаю, куда мнѣ

будетъ тебя дѣвать.“—Какъ такъ?—„Ты моложе государыни; ты ее переживешь; что тогда изъ тебя будетъ? Я знаю тебя какъ свои руки: ты никогда не согласишься быть вторымъ человѣкомъ.“ Потемкинъ задумался и сказалъ: „не безпокойся; я умру прежде государыни; я умру скоро“. И предчувствіе его сбылось. Ужь я больше его не видала.

9) Orloff était regicide dans l'ame; c'etait comme une mauvaise habitude. Я встрѣтилась съ нимъ въ Дрезденѣ, въ загородномъ саду. Онъ сѣлъ подлѣ меня на лавочкѣ. Мы разговорились о комъ-то. „Что за уродъ! какъ это его терпятъ?“—Ахъ, батюшка, да что же ты прикажешь дѣлать. Вѣдь не задушить же его? „А почему же и нѣтъ, матушка?“—Какъ! и ты согласился бы, чтобы дочь твоя Анна Алексѣевна вмѣшалась въ это дѣло? „Не только согласился бы, а былъ бы очень тому радъ.“ Вотъ каковъ былъ человѣкъ!

X. Когда Пугачевъ сидѣлъ на Мѣновомъ дворѣ, праздные москвичи, между обѣдомъ и вечеромъ, заѣзжали на него поглядѣть, подхватить какое нибудь отъ него слово, которое спѣшили потомъ развозить по городу. Однажды сидѣлъ онъ задумавшись. Посѣтители молча окружали его, ожидая, чтобъ онъ заговорилъ. Пугачевъ сказалъ: „извѣстно по преданіямъ, что Петръ I, во время персидскаго похода, услыша, что могила Стеньки Разина находилась невдалекѣ, нарочно къ

ней поѣхалъ и велѣлъ разметать курганъ, дабы увидѣть его кости...“ Всѣмъ извѣстно, что Разинъ былъ четвертованъ и сожженъ въ Москвѣ. Тѣмъ не менѣе сказка замѣчательна, особенно въ устахъ Пугачева. Въ другой разъ нѣкто ***, симбирскій дворянинъ, бѣжавшій отъ него, пріѣхалъ на него посмотрѣть и, видя его крѣпко привинченнаго къ цѣпи, сталъ осыпать его укоризнами.*** былъ очень дуренъ лицомъ, къ тому же и безъ носу. Пугачевъ, на него посмотрѣвъ, сказалъ: „правда, много перевѣшалъ я вашей братіи, но такой гнусной образины, признаюсь, не видывалъ.“

XI. Денисъ Давыдовъ явился однажды въ авангардъ къ князю Багратіону и сказалъ: „главнокомандующій приказалъ доложить вашему сіятельству, что непріятель у насъ на носу, и проситъ васъ немедленно отступить.“ Багратіонъ[1] отвѣчалъ: непріятель у насъ на носу? на чьемъ? если на твоемъ, такъ онъ близко; а коли на моемъ, такъ мы успѣемъ еще отобѣдать.

XII. Генералъ Раевскій былъ насмѣшливъ и желченъ. Во время турецкой войны, обѣдая у главнокомандующаго гр. Каменскаго, онъ замѣтилъ, что кондитеръ вздумалъ выставить вензель на крыльяхъ мельницы изъ сахара, и сказалъ какую-то колкую шутку. Въ тотъ-же день

[1] Можетъ быть не всѣмъ извѣстно, что у князя Багратіона былъ очень большой носъ. — А. П.

Раевскій былъ высланъ изъ главной квартиры. Онъ сказывалъ мнѣ, что Каменскій былъ трусъ и не могъ хладнокровно слышать ядра; однако, подъ какою-то крѣпостію онъ видѣлъ Каменскаго, вдавшагося въ опасность. Одинъ изъ нашихъ генераловъ, не пользующійся блистательною славой, въ 1812 году взялъ нѣсколько пушекъ, брошенныхъ непріятелемъ, и выпросилъ себѣ за то награжденіе. Встрѣтясь съ ген. Раевскимъ и боясь его шутокъ, чтобы ихъ предупредить, онъ бросился было его обнимать; Раевскій отступилъ и сказалъ ему съ улыбкою: „кажется, ваше превосходительство принимаете меня за пушку безъ прикрытія.“

XIII. Херасковъ очень уважалъ Кострова и предпочиталъ его талантъ своему собственному. Это приноситъ большую честь и его сердцу, и его вкусу. Костровъ нѣсколько времени жилъ у Хераскова, который не давалъ ему напиваться. Это наскучило Кострову. Онъ однажды пропалъ. Его бросились искать по всей Москвѣ и не нашли. Вдругъ Херасковъ получаетъ отъ него письмо изъ Казани. Костровъ благодарилъ его за всѣ его милости, „но, писалъ поэтъ, воля для меня всего дороже.“

Костровъ былъ отъ императрицы Екатерины наименованъ университетскимъ стихотворцемъ и въ семъ званіи получалъ 1,500 рублей жалованья.

Когда наступали торжественные дни, Кострова искали по всему городу для сочиненія стиховъ и находили обыкновенно въ кабакѣ или у дьячка, великаго пьяницы, съ которымъ былъ онъ въ тѣсной дружбѣ.

Однажды въ университетѣ сдѣлался шумъ. Студенты, недовольные своимъ столомъ, разбили нѣсколько тарелокъ и швырнули въ эконома нѣсколькими пирогами. Начальники, разбирая это дѣло, въ числѣ бунтовщиковъ нашли баккалавра Ермила Кострова. Всѣ очень изумились. Костровъ былъ нрава самаго кроткаго, да ужь и не въ такихъ лѣтахъ, чтобъ бить тарелки и швырять пирогами. Его позвали въ конференцію. „Помилуй, Ермилъ Ивановичъ, сказалъ ему ректоръ, ты-то какъ сюда попался?“ — „Изъ состраданія къ человѣчеству“, отвѣчалъ добрый Костровъ.

XIV. Никто такъ не умѣлъ сердить Сумарокова, какъ Барковъ. Сумароковъ очень уважалъ Баркова, какъ ученаго и остраго критика, и всегда требовалъ его мнѣнія касательно своихъ сочиненій. Барковъ, который обыкновенно его не баловалъ, придя однажды къ Сумарокову, сказалъ ему: „Сумароковъ великій человѣкъ! Сумароковъ первый русскій стихотворецъ!“ Обрадованный Сумароковъ велѣлъ тотчасъ подать ему водки, а Баркову только того и хотѣлось. Онъ напился. Выходя, сказалъ онъ ему: „нѣтъ,

Александръ Петровичъ, я тебѣ солгалъ: первый-то русскій стихотворецъ — я, второй Ломоносовъ, а ты только что третій." Сумароковъ чуть его не зарѣзалъ.

XV. Дельвигъ однажды вызвалъ на дуэль Булгарина. Булгаринъ отказался, сказавъ: „скажите Дельвигу, что я на своемъ вѣку видѣлъ болѣе крови, нежели онъ чернилъ."

XVI. Сатирикъ Милоновъ пришелъ однажды къ Гнѣдичу пьяный, по своему обыкновенію, оборванный и растрепанный. Гнѣдичъ принялся увѣщевать его. Растроганный Милоновъ заплакалъ и, указывая на небо, сказалъ: „тамъ найду я награду за всѣ мои страданія..." — Братецъ, возразилъ ему Гнѣдичъ, посмотри на себя въ зеркало: пустятъ ли тебя туда?

XVII. У Крылова надъ диваномъ (гдѣ онъ обыкновенно сиживалъ), сорвавшись съ одного гвоздика, висѣла наискось по стѣнѣ большая картина въ тяжелой рамѣ. Кто-то ему далъ замѣтить, что и остальной гвоздь, на которомъ она еще держалась, не проченъ, и что картина когда нибудь можетъ упасть и убить его. „Нѣтъ, отвѣчалъ Крыловъ, уголъ рамы долженъ будетъ въ такомъ случаѣ непремѣнно описать косвенную линію и миновать мою голову."

XVIII. На Потемкина часто находила хандра. Онъ по цѣлымъ суткамъ сидѣлъ одинъ, никого къ себѣ не пуская, въ совершенномъ бездѣй-

ствіи. Однажды, когда былъ онъ въ такомъ состояніи, множество накопилось бумагъ, требовавшихъ немедленнаго его разрѣшенія; но никто не смѣлъ къ нему войти съ докладомъ. Молодой чиновникъ, по имени Пѣтушковъ, подслушавъ толки, вызвался представить нужныя бумаги князю для подписи. Ему поручили ихъ съ охотою, и съ нетерпѣніемъ ожидали, что изъ этого будетъ. Потемкинъ сидѣлъ въ халатѣ, босой, нечесаный, грызя ногти въ задумчивости. Пѣтушковъ смѣло объяснилъ ему въ чемъ дѣло и положилъ предъ нимъ бумаги. Потемкинъ, молча, взялъ перо и подписалъ ихъ одну за другою. Пѣтушковъ поклонился и вышелъ въ переднюю съ торжествующимъ лицомъ. „Подписалъ!..“ Всѣ къ нему кинулись, глядятъ: всѣ бумаги въ самомъ дѣлѣ подписаны. Пѣтушкова поздравляютъ. „Молодецъ! нечего сказать.“ Но кто-то всматривается въ подпись — что-же? На всѣхъ бумагахъ вмѣсто: князь Потемкинъ—подписано Пѣтушковъ, Пѣтушковъ, Пѣтушковъ...

XIX. Надменный въ сношеніяхъ своихъ съ вельможами, Потемкинъ былъ снисходителенъ къ низшимъ. Однажды ночью онъ проснулся и началъ звонить. Никто не шелъ. Потемкинъ соскочилъ съ постели, отворилъ дверь и увидѣлъ ординарца своего, спящаго въ креслахъ. Потемкинъ сбросилъ съ себя туфли и босой прошелъ

въ переднюю тихонько, чтобъ не разбудить молодаго офицера.

XX. Молодой Ш. какъ-то напроказилъ. Князь Безбородко собирался пожаловаться на него самой государынѣ. Родня перепугалась. Кинулись къ князю Потемкину, прося его заступиться за молодаго человѣка. Потемкинъ велѣлъ Ш. быть на другой день у него и прибавилъ: „да сказать ему, чтобъ онъ со мною былъ посмѣлѣе.“ — Ш. явился въ назначенное время. Потемкинъ вышелъ изъ кабинета въ обыкновенномъ своемъ нарядѣ, не сказалъ никому ни слова и сѣлъ играть въ карты. Въ это время пріѣзжаетъ князь Безбородко. Потемкинъ принимаетъ его какъ нельзя хуже и продолжаетъ играть. Вдругъ онъ подзываетъ къ себѣ Ш. „Скажи, братъ, говоритъ Потемкинъ, показывая ему свои карты, какъ мнѣ тутъ сыграть?“—Да мнѣ какое дѣло, ваша свѣтлость, отвѣчалъ ему Ш., играйте какъ умѣете! „Ахъ, мой батюшка, возразилъ Потемкинъ, и слова нельзя тебѣ скать; ужь и разсердился!“ Услыша таковой разговоръ, князь Безбородко раздумалъ жаловаться.

XXI. Графъ Румянцевъ однажды рано утромъ расхаживалъ по своему лагерю. Какой-то маіоръ въ шлафрокѣ и въ колпакѣ стоялъ передъ своею палаткою и въ утренней темнотѣ не узналъ приближающагося фельдмаршала, пока не увидѣлъ его передъ собою лицомъ къ лицу. Маіоръ

хотѣлъ было скрыться, но Румянцевъ взялъ его подъ руку и, дѣлая ему разные вопросы, повелъ съ собою по лагерю, который между тѣмъ проснулся. Бѣдный маіоръ былъ въ отчаяніи. Фельдмаршалъ, разгуливая такимъ образомъ, возвратился въ свою ставку, гдѣ уже вся свита ожидала его. Маіоръ, умирая отъ стыда, очутился посреди генераловъ, одѣтыхъ во всей формѣ. Румянцевъ, тѣмъ еще недовольный, имѣлъ жестокость напоить его чаемъ и потомъ уже отпустилъ, не сдѣлавъ никакого замѣчанія.

XXII. Нѣкто, отставной мичманъ, будучи еще ребенкомъ, представленъ былъ Петру I въ числѣ дворянъ, присланныхъ на службу. Государь открылъ ему лобъ, взглянулъ въ лицо и сказалъ: „Ну! этотъ плохъ. Однако, записать его во флотъ. До мичмановъ авось дослужится.“ Старикъ любилъ разсказывать этотъ анекдотъ и всегда прибавлялъ: „таковъ былъ пророкъ, что и въ мичманы-то попалъ я только при отставкѣ!“

XXIII. Всѣмъ извѣстны слова Петра Великаго, когда представили ему двѣнадцатилѣтняго школьника Василія Тредьяковскаго: „вѣчный труженикъ!“ Какой взглядъ! какая точность въ опредѣленіи! Въ самомъ дѣлѣ, что былъ Тредьяковскій, какъ не вѣчный труженикъ?

XXIV. Графъ Самойловъ получилъ Георгія на шею въ чинѣ полковника. Однажды во дворцѣ

государыня замѣтила его, заслоненнаго толпою генераловъ и придворныхъ. „Графъ Александръ Николаевичъ, сказала она ему, ваше мѣсто здѣсь впереди, какъ и на войнѣ".

XXV. Государыня Екатерина II говаривала: „когда хочу заняться какимъ нибудь новымъ установленіемъ, я приказываю порыться въ архивахъ и отыскать, не говорено ли было уже о томъ при Петрѣ Великомъ — и почти всегда открывается, что предполагаемое дѣло было уже имъ обдумано."

XXVI. Петръ I говаривалъ: „несчастія бояться—счастья не видать."

XXVII. Любимый изъ племянниковъ князя Потемкина былъ покойный Н. Н. Раевскій. Потемкинъ для него написалъ нѣсколько наставленій; Н. Н. ихъ потерялъ и помнилъ только первыя строки: „во-первыхъ, старайся испытать, не трусъ-ли ты; если нѣтъ, то укрѣпляй врожденную смѣлость частымъ обхожденіемъ съ непріятелемъ."

XXVIII. Я встрѣтился съ Надеждинымъ у Погодина. Онъ показался мнѣ весьма простонароднымъ, vulgar, скученъ, заносчивъ и безъ всякаго приличія. Напримѣръ, онъ поднялъ платокъ, мною уроненный. Критики его были очень глупо написаны, но съ живостью, а иногда и съ краснорѣчіемъ. Въ нихъ не было мыслей, но было движеніе; шутки были плоски.

XXIX. Графа Кочубея похоронили въ Невскомъ монастырѣ. Графиня выпросила у государя позволеніе огородить рѣшеткою часть пола, подъ которой онъ лежитъ. Старушка Новосильцева сказала: посмотримъ, каково-то ему будетъ въ день втораго пришествія; онъ еще будетъ карабкаться черезъ свою рѣшетку, а другіе давно ужь будутъ на небесахъ.

XXX. Будри, профессоръ французской словесности въ Царскосельскомъ лицеѣ, былъ родной братъ Марату. Екатерина II перемѣнила ему фамилію по просьбѣ его, придавъ ему аристократическую частицу de, которую Будри тщательно сохранялъ. Онъ былъ родомъ изъ Будри. Онъ очень уважалъ память своего брата и однажды въ классѣ, говоря о Робеспьерѣ, сказалъ намъ, какъ ни въ чемъ не бывало: „C'est lui qui sous main travailla l'esprit de Charlotte Corday et fit de cette fille un second Ravaillac.“ Впрочемъ Будри, не смотря на свое родство, демократическія мысли, замасленный жилетъ и вообще наружность, напоминавшую якобинца, былъ на своихъ коротенькихъ ножкахъ очень ловкій придворный. Будри сказывалъ, что братъ его былъ необыкновенно силенъ, не смотря на свою сухощавость и малый ростъ. Онъ разсказывалъ также много о его добродушіи, любви къ родственникамъ etc., etc. Въ молодости его, чтобы отвратить брата отъ развратныхъ жен-

щинъ, Маратъ повелъ его въ госпиталь, гдѣ показалъ ему ужасы венерической болѣзни.

XXXI. Голландская королева, женщина съ умомъ замѣчательнымъ и рѣзкимъ, сказала принцу Орлеанскому на балѣ: „J'avais des projets hostiles pour vous". Et quoi donc, madame?— „Je voulais paraitre inondée de fleurs de lis." Madame, отвѣчалъ принцъ, croyez que j'aurais donné tout mon sang pour avoir le droit de porter cet emblême.

(1836 іюнь).

XXXII. Когда въ 1815 году дѣло шло о возстановленіи Польши, тогда графъ Поццо-ди-Борго прислалъ государю свое мнѣніе. (Графъ противился всѣми силами исполненію сей великой ошибки). Государь, прочитавъ его, сказалъ князю Козловскому: Le comte Pozzo a plus d'esprit que moi, je le lui accorde. Mais ce que je sais bien, c'est que j'ai plus de conscience, et vous pouvez le lui dire. Козловскій не преминулъ. Поццо отвѣчалъ: celá peut-être, aussi dans cette occasion, n'ai-je pas parlé comme confesseur.

XXXIII. Однажды маленькій арапъ, сопровождавшій Петра I въ его прогулкѣ, остановился за нѣкоторой нуждой и вдругъ закричалъ въ испугѣ: „государь! государь! изъ меня кишка лѣзетъ". Петръ подошелъ къ нему и, увидя въ чемъ дѣло, сказалъ: „врешь, это не кишка, а глиста!"— и выдернулъ глисту своими паль-

цами. Анекдотъ довольно не чистъ, но рисуетъ обычаи Петра.

XXXIV. Объ арапѣ гр. Ст. — У графа С** былъ арапъ, молодой и статный мужчина. Дочь его отъ него родила. Въ городѣ о томъ узнали вотъ по какому случаю. У графа С** по субботамъ раздавали милостыню. Въ назначенный день нищіе пришли по своему обыкновенію, но швейцаръ прогналъ ихъ, говоря сердито: „ступайте прочь, не до васъ! у насъ графинюшка родила арапченка, а вы лѣзете за милостыней.“

XXXV. О Потемкинѣ. — Однажды Потемкинъ, недовольный запорожцами, сказалъ одному изъ нихъ: „Знаете ли вы, хохлачи, что у меня въ Николаевѣ строится такая колокольня, что какъ станутъ звонить, такъ въ Сѣчѣ будетъ слышно“.—Тутъ дива нѣтъ, отвѣчалъ запорожецъ, у насъ есть такіе бандуристы, что какъ заиграютъ въ Сѣчѣ, такъ въ Петербургѣ затанцуютъ“. (Перевести по-малороссійски, прибавляетъ Пушкинъ, и внизу переводитъ: то не диво: у насъ у Запорощинѣ е такіе кобзары, що якъ заграютъ, то ажъ у Петербурси затанцюютъ).

XXXVI. Князь Потемникъ, во время очаковскаго похода, влюбленъ былъ въ графиню***. Добившись свиданія и находясь съ нею наединѣ въ своей ставкѣ, онъ вдругъ дернулъ за звонокъ, и пушки кругомъ всего лагеря загремѣли. Мужъ графини***, человѣкъ острый и безнравствен-

ный, узнавъ о причинѣ пальбы, сказалъ, пожимая плечами: экое кирикуку!

XXXVII. Зоричъ былъ очень простъ. Собираясь въ чужіе края, онъ не зналъ, какъ назвать себя, и непремѣнно думалъ путешествовать подъ чужимъ именемъ, чтобъ не обезпокоить Европу. Онъ былъ влюбленъ въ кн. Долгорукую, которая жила въ Москвѣ, гдѣ мужъ ея начальствовалъ дивизіей. У Зорича былъ домашній театръ, и княгиня играла въ немъ въ оперѣ Annette et Lubin. Зоричъ, не зная, какъ ее угостить, вздумалъ велѣть палить изъ пушекъ, когда Annette войдетъ хозяйкой въ свою хижину. Когда она бросается на колѣна передъ своимъ господиномъ, то изъ-за кулисъ велѣно было выдвинуть ей бархатную подушку, etc.

XXXVIII. Государь долго не производилъ въ генералы Болдырева за карточную игру. Однажды въ какой-то праздникъ во дворцѣ, проходя мимо его въ церковь, онъ сказалъ: „Болдыревъ, поздравляю тебя.“ Болдыревъ обрадовался; всѣ бывшіе тутъ думали, какъ и онъ, и поздравили его. Государь, вышедъ изъ церкви и проходя опять мимо Болдырева, сказалъ ему: „поздравляю тебя—ты, говорятъ, вчера выигралъ.“—Болдыревъ былъ въ отчаяніи.

XXXIX. Дельвигъ звалъ однажды Рылѣева къ д...мъ. Я женатъ, отвѣчалъ Рылѣевъ. „Такъ что же, отвѣчалъ Дельвигъ, развѣ ты не можешь ото-

бѣдать въ ресторацiи, потому только, что у тебя дома есть кухня."

XL. Когда Потемкинъ вошелъ въ силу, онъ вспомнилъ объ одномъ изъ своихъ деревенскихъ прiятелей и написалъ ему слѣдующiе стишки:

Любезный другъ,
Коль тебѣ досугъ—
Прiѣзжай ко мнѣ.
Коли не такъ,
.
Лежи въ дермѣ.

Любезный другъ поспѣшилъ прiѣхать на ласковое приглашенiе.

XLI. Графъ К. Разумовскiй былъ въ заговорѣ 1762 г. Исполненiе было ускорено измѣною одного изъ сообщниковъ. Екатерина уже бѣжала изъ Петергофа, а Разумовскiй еще ничего не зналъ. Онъ былъ дома. Вдругъ слышитъ къ нему стучатся. „Кто тамъ?"—„Орловъ. Отоприте." Алексѣй Орловъ, котораго до тѣхъ поръ гр. Разумовскiй не видывалъ, вошелъ и объявилъ, что Екатерина въ Измайловскомъ полку; но что полкъ, взволнованный двумя офицерами (дѣдомъ моимъ А. А. Пушкинымъ и не помню кѣмъ еще), не хочетъ ей присягать. Разумовскiй взялъ пистолеты въ карманы, поѣхалъ въ фурѣ, приготовленной для посуды, явился въ полкъ и увлекъ его. Дѣдъ мой посаженъ былъ въ крѣпость, гдѣ и сидѣлъ два года.

XLII. 6 октября 1834 г.—Дмитріевъ предлагалъ императору А. Муравьева въ сенаторы. Царь отказалъ начисто и, помолчавъ, объяснилъ на то причину. Онъ былъ въ заговорѣ Палена. Паленъ заставилъ Муравьева писать конституцію и между тѣмъ произошло—11 марта. Муравьевъ хвастался, въ послѣдствіи времени, что будто бы онъ не иначе соглашался на перемѣны, какъ съ тѣмъ, чтобы наслѣдникъ подписалъ хартію. Вздоръ. Планъ былъ начертанъ Рибасомъ и Паленомъ. Первый отсталъ, раскаясь и будучи осыпанъ милостями.—Паденіе Палена произошло оттого, что онъ сказалъ, что все произошло по его плану. Слова сіи были доведены—и Паленъ былъ удаленъ. (Слышалъ отъ Дм.).

XLIII. Потемкинъ, встрѣчаясь съ Шешковскимъ (или Шишковскимъ), обыкновенно говаривалъ ему: „что, Степанъ Ивановичъ, каково кнутобойничаешь?“ На что Шешковскій отвѣчалъ всегда съ низкимъ поклономъ: „помаленьку, ваша свѣтлость!“

XLIV. Когда родился Иванъ Антоновичъ, то императрица Анна Ивановна послала къ Эйлеру приказаніе составить гороскопъ новорожденному. Эйлеръ сначала отказывался, но принужденъ былъ повиноваться. Онъ занялся гороскопомъ вмѣстѣ съ другимъ академикомъ—и какъ добросовѣстные нѣмцы, они составили его по всѣмъ правиламъ астрологіи, хотя и не вѣрили

ей. Заключеніе, выведенное ими, ужаснуло обоихъ математиковъ, и они послали императрицѣ другой гороскопъ, въ которомъ предсказывали новорожденному всякія благополучія. Эйлеръ сохранилъ однако первый и показывалъ его графу К. Разумовскому, когда судьба несчастнаго Ивана VI совершилась. (Слышалъ отъ Загряжской Н. К.)

XLV. Барковъ заспорилъ съ Сумароковымъ о томъ, кто изъ нихъ скорѣе напишетъ оду. Сумароковъ заперся въ своемъ кабинетѣ, оставя Баркова въ гостинной. Черезъ четверть часа Сумароковъ входитъ съ готовой одой и не застаетъ уже Баркова. Люди докладываютъ, что онъ ушелъ и приказалъ сказать Александру Петровичу, что-де его дѣло въ шляпѣ. Сумароковъ догадывается, что тутъ какія нибудь проказы. Въ самомъ дѣлѣ, видитъ онъ на полу свою шляпу и въ ней..

XLVI. Суворовъ соблюдалъ посты. Потемкинъ однажды сказалъ ему, смѣясь: „видно, графъ, хотите вы въѣхать въ рай верхомъ на осетрѣ.“ Эта шутка, разумѣется, принята была съ восторгомъ придворными свѣтлѣйшаго. Нѣсколько дней послѣ, одинъ изъ самыхъ низкихъ угодниковъ Потемкина, прозванный имъ Сенькою-Бандуристомъ, вздумалъ повторить самому Суворову: „правда ли, ваше сіятельство, что вы хотите въѣхать въ рай на осетрѣ?“ Суворовъ обра-

тился къ забавнику и сказалъ ему холодно: „знайте, что Суворовъ иногда дѣлаетъ вопросы, а никогда не отвѣчаетъ.“

XLVII. Старый генералъ Щ. представлялся однажды Екатеринѣ II-й. „Я до сихъ поръ не зналъ васъ,“ сказала императрица. „Да и я, матушка государыня, не зналъ васъ до сихъ поръ,“ отвѣчалъ онъ простодушно. „Вѣрю,“ возразила она съ улыбкой; „гдѣ и знать меня, бѣдную вдову!“

XLVIII. Шуваловъ, заспоривъ однажды съ Ломоносовымъ, сказалъ ему сердито: „Мы отставимъ тебя отъ академіи.“ — „Нѣтъ, возразилъ великій человѣкъ; развѣ академію отставите отъ меня.“

Замѣтки при чтеніи книгъ (1825).

О РОМАНАХЪ ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТА.

Главная прелесть романовъ W. Scott состоитъ въ томъ, что мы знакомимся съ прошедшимъ временемъ, не съ enflure французской трагедіи, не съ чопорностію чувствительныхъ романовъ, не съ dignité исторіи, но современно, но домашнимъ образомъ. Они не походятъ (какъ герои французскіе) на холопей, передразнивающихъ la dignité et la noblesse. Ils sont familiers dans les circonstances ordinaires de la vie, leur parole

n'a rien d'affecté, de theâtral, même dans les circonstances solennelles—car les grandes circonstances leur sont famillières.

О ШЕНЬЕ, КАКЪ КЛАССИКѢ.

Французскіе критики имѣютъ свое понятіе о романтизмѣ. Они относятъ къ нему всѣ произведенія, носящія на себѣ печать унынія или мечтательности. Иные даже называютъ романтизмомъ неологизмъ и ошибки грамматическія. Такимъ образомъ Андрей Шенье—поэтъ, напитанный древностью, коего даже недостатки проистекаютъ отъ желанія дать французскому языку формы греческаго стихосложенія, — попалъ у нихъ въ романтическіе поэты.

О ДѢЛЕНІИ ЕВРОПЫ НА КЛАССИЧЕСКУЮ И РОМАНТИЧЕСКУЮ.

Побѣда будетъ несомнѣнно принадлежать классицизму, благодаря неожиданной помощи, доставленной журналомъ.[1] Данте (il grand padre Alighieri), Аріосто, Лопецъ, Кальдеронъ, Сервантесъ попали въ классическую фалангу.

[1] «Моск. Телеграфомъ», дѣлившимъ такъ Европу и относившимъ къ классической—народы латинскаго юга, къ романтической—германскія племена.

V. ЗАМѢЧАНІЯ НА АННАЛЫ ТАЦИТА.

I. Тиберій былъ въ Иллиріи, когда получилъ извѣстіе о болѣзни престарѣлаго Августа. Неизвѣстно, засталъ ли онъ его въ живыхъ. Первое его злодѣяніе (замѣчаетъ Тацитъ) было умерщвленіе Постума Агриппы, внука Августова. Если убійство политическое можетъ быть извинено государственной необходимостью, то Тиберій правъ. Агриппа — родной внукъ Августа, имѣлъ право на власть и нравился черни — необычайною силою, дерзостью и даже простотою ума. Таковыя лица всегда могутъ имѣть большое число приверженцевъ или сдѣлаться орудіемъ хитраго мятежника. Неизвѣстно, говоритъ Тацитъ, Тиберій или его мать Ливія убійство сіе приказали. Вѣроятно—Ливія, но и Тиберій не пощадилъ бы его.

II. Когда сенатъ просилъ дозволенія нести тѣло Августа на мѣсто сожженія, Тиберій позволилъ сіе съ **насмѣшливой скромностью**. Тиберій никогда не мѣшалъ изъявленію подлости, хотя и притворялся иногда, будто бы негодовалъ на оную. Вначалѣ же рѣшительный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, кажется онъ запутаннымъ и скрытнымъ въ однихъ отношеніяхъ своихъ къ сенату.

III. Августъ вторично испрашивалъ для Тиберія трибунства. Точно ли въ **насмѣшку** и

для невыгоднаго сравненія съ самимъ с
бою хвалилъ онъ наружность своего пасынка
наслѣдника? Въ своемъ завѣщаніи изъ едино
ли зависти совѣтовалъ не распространять пр
дѣловъ имперіи, простиравшейся тогда отъ-
до—?

IV. Тиберій не могъ быть доволенъ Германі
комъ, оказавшимъ много слабости въ погашені
бунта легіоновъ. Германикъ соглашается на тр
бованія мятежниковъ, ограничиваетъ врем
службы, допускаетъ самовольныя казни, да
междоусобную битву. Блестящія пораженія не
пріятеля при Марсорскихъ селеніяхъ не загла
живаютъ столь явныхъ ошибокъ. Тиберій в
своей рѣчи старался ихъ прикрыть риториче
скими украшеніями; меньше хвалилъ онъ Друза
но откровеннѣе и вѣрнѣе. Счастливыя обстоя
тельства благопріятствовали Друзу, но сей ока
залъ и много благоразумія: не склонился на тре
бованія мятежниковъ, самъ казнилъ первых
возмутителей, самъ водворилъ порядокъ..

V. Германикъ, тщетно стараясь усмирит
бунтъ легіоновъ, хотѣлъ заколоться въ гла
захъ воиновъ. Его удержали. Тогда одинъ из
нихъ подалъ свой мечъ, говоря: „онъ вострѣе.
Это показалось, говоритъ Тацитъ, слишком
злобно и жестоко самымъ яростнымъ мятежни
камъ.

Самоубійство было обыкновенно въ древности

Мать Мессалины совѣтуетъ ей убиться. Мессалина въ нерѣшимости подноситъ ножъ то къ горлу, то къ груди, и мать ее не останавливаетъ. Сенека не препятствуетъ своей женѣ Паулинѣ послѣдовать за нимъ и проч. Предложеніе воина есть хладнокровный вызовъ, а не неумѣстная шутка.

VI. Юлія, дочь Августа, извѣстная ссылкой Овидія, умираетъ въ изгнаніи и въ нищетѣ, *но* не отъ нищенства и голода, какъ пишетъ Тацитъ. Голодомъ можно заморить въ тюрьмѣ.

VII. Тиберій отказывается отъ управленія государства, но изъявляетъ готовность принять на себя ту часть онаго, которую на него возложатъ.

Сквозь раболѣпства Галла Азинія видитъ онъ его гордость и предпріимчивость, негодуетъ на Скавра, нападаетъ на Гонорія, который подвергается опасности быть убиту воинами. Они спасены просьбами Августа и Ливіи.

Тиберій не допускалъ, чтобы Ливія имѣла много почестей и вліянія. — Не изъ зависти, какъ думаетъ Тацитъ, онъ не увеличиваетъ, вопреки мнѣнію сената, число преторовъ, установленное Августомъ.

VIII. Первое дѣйствіе Тиберіевой власти есть уничтоженіе народныхъ собраній на Марсовомъ полѣ, слѣдственно и совершенное уничтоженіе

республики. Народъ ропщетъ, сенатъ охотно соглашается. (Тѣнь правленія перенесена въ сенатъ).

IX. Нѣкто Вибій Серенъ, по доносу своего сына, былъ присужденъ римскимъ сенатомъ къ заключенію на какомъ-то безлюдномъ островѣ. Тиберій воспротивился сему рѣшенію, говоря, что человѣка, коему дарована жизнь, не слѣдуетъ лишать способовъ къ поддержанію жизни. Слова, достойныя ума свѣтлаго и человѣколюбиваго! Чѣмъ болѣе читаю Тацита, тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ государственныхъ умовъ древности.

X. Съ таковыми сужденіями не удивительно, что Тацитъ, бичъ тирановъ, не нравился Наполеону,—но удивительно чистосердечіе Наполеона, въ томъ признававшагося, не думая о добрыхъ людяхъ, готовыхъ видѣть тутъ ненависть тирана къ своему мертвому карателю...

Тацитъ говоритъ о Тиберіи, что онъ не любилъ смѣнять своихъ проконсуловъ, однажды назначенныхъ. Ибо, прибавляетъ онъ важно, злая душа его не желала счастія многихъ...

О приличіи въ литературѣ (1830).

ПО ПОВОДУ АЛЬФРЕДА ДЕ МЮССЕ.

Между тѣмъ какъ сладкозвучный, но однообразный Ламартинъ готовилъ новыя благоче-

ствивыя размышленія, подъ заслуженнымъ названіемъ Harmonies rèligieuses; между тѣмъ какъ важный Victor Hugo издавалъ свои блестящія, хотя и натянутыя Восточныя Стихотворенія (les Orientales); между тѣмъ какъ бѣдный скептикъ Делормъ воскресалъ въ видѣ исправляющагося неофита и строгость приличій была объявлена въ приказѣ по всей французской литературѣ — вдругъ явился молодой поэтъ съ книжечкой сказекъ и пѣсенъ и произвелъ недоумѣніе... Какъ приняли молодаго проказника? За него страшно. Кажется видишь негодованіе журналовъ и всѣ ферулы, поднятыя на него. Ничуть не бывало. Откровенная шалость любезнаго повѣсы такъ изумила, такъ понравилась, что критика не только его не побранила, но еще сама взялась его оправдать, объявила, что можно описывать разбойниковъ и убійцъ, даже не имѣя цѣлію объяснить, сколь непохвально это ремесло—и быть добрымъ и честнымъ человѣкомъ; что вѣроятно семейство его, читая его стихи, не станетъ раздѣлять ужаса нѣкоторыхъ и видѣть въ немъ изверга; что, однимъ словомъ, поэзія—вымыселъ и ничего съ прозаической истиной жизни общаго не имѣетъ. Давно бы такъ, милостивые государи...

Итальянскія и испанскія сказки Мюссе отличаются живостію необыкновенной. Изъ нихъ Portia, кажется, имѣетъ болѣе всего достоин-

ства: сцена ночнаго свиданія, картина ревнивца, посѣдѣвшаго вдругъ, разговоръ двухъ любовниковъ на морѣ, все это прелесть. Драматическій очеркъ: Les marons du feu обѣщаетъ Франціи романтическаго трагика, а въ повѣсти „Mardoche“ Musset первый изъ французскихъ поэтовъ умѣлъ схватить тонъ Байрона въ его шуточныхъ произведеніяхъ, что вовсе не шутка. Если мы будемъ понимать слова Горація; difficilia est propria communia dicere, какъ понялъ ихъ англійскій поэтъ въ эпиграфѣ къ Донъ-Жуану, то мы согласимся съ его мнѣніемъ: трудно прилично выражать обыкновенные предметы. Communia значитъ не обыкновенные предметы, но общіе всѣмъ. (Дѣло идетъ о предметахъ трагическихъ, всѣмъ извѣстныхъ, общихъ, въ противоположность предметамъ вымышленнымъ.)

Современные французскіе писатели (1830).

Всѣмъ извѣстно, что французы народъ самый антипоэтическій. Славнѣйшіе представители сего остроумнаго и положительнаго народа: Монтань, Монтескьё, Вольтеръ, доказали это. Монтань, путешествовавшій по Италіи, не упоминаетъ ни о Микель-Анджело, ни о Рафаэлѣ; Монтескьё смѣется надъ Гомеромъ; Вольтеръ, кромѣ Расина и Горація, кажется, не понялъ ни

одного поэта.... Если обратимъ вниманіе на критическіе результаты, обращающіеся въ народѣ и принятые за литературныя аксіомы, то мы изумимся ихъ бѣдности....

Ламартинъ скучнѣе Юма и не имѣетъ его глубины. Не знаю, признались ли они въ тощемъ однообразіи, въ вялой безцвѣтности своего Ламартина, но тому лѣтъ 10—его ставили наравнѣ съ Байрономъ и Шекспиромъ.

Ромео и Джюльета, Шекспира (1831).

Многія изъ трагедій, приписываемыхъ Шекспиру, ему не принадлежатъ, а только имъ поправлены. Трагедія Ромео и Джюльета, хотя слогомъ своимъ и совершенно отдѣляется отъ извѣстныхъ его пріемовъ, но она такъ явно входитъ въ его драматическую систему и носитъ на себѣ такъ много слѣдовъ вольной и широкой его кисти, что ее должны почесть сочиненіемъ Шекспира. Въ ней отразилась Италія, современная поэту, съ ея климатомъ, страстями, праздниками, нѣгой, сонетами, съ ея роскошнымъ языкомъ, исполненнымъ блеска и concetti. Такъ понялъ Шекспиръ драматическую мѣстность. Послѣ Джюльеты, послѣ Ромео, сихъ двухъ очаровательныхъ созданій Шекспировской граціи, Меркутіо, образецъ молодаго ка-

валера того времени, изысканный, привязчивый, благородный Меркутіо, есть замѣчательнѣйшее лицо изо всей трагедіи. Поэтъ избралъ его въ представители итальянцевъ, бывшихъ моднымъ народомъ Европы, французами XVI вѣка.

Шайлокъ, Анджелло и Фальстафъ Шекспира (1833).

Лица, созданныя Шекспиромъ, не суть, какъ у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живыя, исполненныя многихъ страстей, многихъ пороковъ; обстоятельства развиваютъ передъ зрителемъ ихъ разнообразные, многосложные характеры. У Мольера скупой—скупъ и только; у Шекспира Шайлокъ скупъ, сметливъ, мстителенъ, чадолюбивъ, остроуменъ. У Мольера лицемѣръ волочится за женою своего благодѣтеля, лицемѣря; принимаетъ имѣніе подъ храненіе, лицемѣря; спрашиваетъ стаканъ воды, лицемѣря. у Шекспира лицемѣръ произноситъ судебный приговоръ съ тщеславною строгостію, но справедливо; онъ оправдываетъ свою жестокость глубокомысленнымъ сужденіемъ государственнаго человѣка; онъ обольщаетъ невинность сильными увлекательными софизмами, не смѣшною смѣсью набожности и волокитства. Анджелло лицемѣръ, потому что его гласныя дѣйствія противорѣчатъ тайнымъ страстямъ! Какая глубина въ этомъ характерѣ!

Но нигдѣ, можетъ быть, многосторонній геній Шекспира не отразился съ такимъ многообразіемъ, какъ въ Фальстафѣ, коего пороки, одинъ съ другимъ связанные, составляютъ забавную, уродливую цѣпь, подобную древней вакханаліи. Разбирая характеръ Фальстафа, мы видимъ, что главная черта его есть сластолюбіе. Смолоду, вѣроятно, грубое, дешевое волокитство было первою для него заботою, но ему уже за пятьдесятъ. Онъ растолстѣлъ, одряхъ; обжорство и вино взяли верхъ надъ Венерою. Во-вторыхъ, онъ трусъ; но, проведя свою жизнь съ молодыми повѣсами, поминутно подверженный ихъ насмѣшкамъ и проказамъ, онъ прикрываетъ свою трусость дерзостью уклончивой и насмѣшливой. онъ хвастливъ по привычкѣ и по разсчету; Фальстафъ совсѣмъ не глупъ; напротивъ, онъ имѣетъ и нѣкоторыя привычки человѣка нерѣдко видавшаго хорошее общество. Правилъ нѣтъ у него никакихъ. Онъ слабъ какъ баба. Ему нужно крѣпкое испанское вино (thy sack), жирный обѣдъ и деньги для своихъ любовницъ; чтобъ достать ихъ, онъ готовъ на все, только-бъ не на явную опасность.

Въ молодости моей случай сблизилъ меня съ человѣкомъ, въ коемъ природа, казалось, желая подражать Шекспиру, повторила его геніальное созданіе. *** былъ второй Фальстафъ: сластолюбивъ, трусъ, хвастливъ, не глупъ, забавенъ безъ всякихъ правилъ, слезливъ и толстъ. Одно

обстоятельство придавало ему прелесть оригинальную. Онъ былъ женатъ. Шекспиръ не успѣлъ женить своего холостяка. Фальстафъ умеръ у своихъ пріятельницъ, не успѣвъ быть ни рогатымъ супругомъ, ни отцемъ семейства. Сколько сценъ, потерянныхъ для кисти Шекспира!

Вотъ черта изъ домашней жизни моего почтеннаго друга. Четырехлѣтній сынокъ его, вылитый отецъ, маленькій Фальстафъ III, однажды, въ его отсутствіи, повторялъ про себя: „какой папенька хлаблій! какъ папеньку госудаль любитъ!“ Мальчика подслушали и кликнули. „Кто тебѣ это сазалъ, Володя?“ — Папенька, отвѣчалъ Володя.

О Байронѣ (1827).

Ни одно изъ произведеній лорда Байрона не сдѣлало въ Англіи такого сильнаго впечатлѣнія, какъ его поэма Корсаръ, несмотря на то, что оно достоинствомъ уступаетъ многимъ другимъ: Гяуру въ пламенномъ изображеніи страстей, Осадѣ Коринѳа, Шильонскому Узнику въ трогательномъ развитіи сердца человѣческаго, Паризинѣ въ трагической силѣ, Чайльдъ Гарольду въ глубокомысліи и высотѣ паренія и въ удивительномъ Шекспировскомъ разнообразіи—Донъ-Жуану. Корсаръ неимовѣрнымъ своимъ успѣхомъ былъ обязанъ характеру глав-

наго лица, таинственно напоминавшаго намъ человѣка, коего роковая воля правила тогда одной частью Европы, угрожая другой. По крайней мѣрѣ, английскіе критики предполагаютъ въ Байронѣ сіе намѣреніе, но вѣроятно, что поэтъ и здѣсь вывелъ на сцену лицо, являющееся во всѣхъ его созданіяхъ и которое наконецъ принялъ онъ самъ на себя въ Чайльдъ Гарольдѣ. Какъ бы то ни было, поэтъ никогда не изъяснялъ своего намѣренія: сближеніе съ Наполеономъ нравилось его самолюбію.

Байронъ много заботился о планахъ своихъ произведеній, или даже вовсе не думалъ о нихъ. Нѣсколько сценъ, слабо между собою связанныхъ, было ему достаточно для бездны мыслей, чувствъ и картинъ. Что̀ же мы подумаемъ о писателѣ, который изъ поэмы Корсаръ выбираетъ одинъ только планъ, достойный нелѣпой повѣсти, и по сему дѣтскому плану составляетъ длинную трагедію, замѣнивъ очаровательную и глубокую поэзію Байрона прозой надутой и уродливой, достойной нашихъ несчастныхъ подражателей покойному Коцебу? Спрашивается, что̀ же въ Байроновой поэмѣ его поразило? Неужели планъ? O miratores!

Английскіе критики оспаривали у лорда Байрона драматическій талантъ; они, кажется, правы. Байронъ, столь оригинальный въ Чайльдъ Гарольдѣ, въ Гяурѣ и въ Донъ-Жуанѣ, дѣлается подражателемъ, какъ скоро вступаетъ

на поприще драмы. Въ Manfred онъ подражалъ Фаусту,—замѣняя простонародныя сцены и субботы другими, по его мнѣнію, благороднѣйшими. Но Фаустъ есть величайшее созданіе поэтическаго духа, служитъ представителемъ новѣйшей поэзіи, точно какъ Иліада служитъ памятникомъ классической древности.

Въ другихъ трагедіяхъ, кажется, образцомъ Байрону былъ Alfieri. Каинъ имѣетъ одну только форму драмы, но по безсвязности сцены и отвлеченнымъ разсужденіямъ въ самомъ дѣлѣ относится къ роду скептической поэзіи Чайльдъ Гарольда. Байронъ бросилъ односторонній взглядъ на міръ и природу человѣческую, потомъ отвратился отъ нихъ и погрузился въ описаніе самого себя, въ коемъ онъ поэтически создалъ и описалъ единый характеръ (именно—свой); все, кромѣ...etc. отнесъ онъ къ сему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно плѣнительному. Когда же онъ сталъ составлять свою трагедію, то каждому дѣйствующему лицу роздалъ онъ по одной изъ составныхъ частей сильнаго и сложнаго характера... и такимъ образомъ раздробилъ величественное свое созданіе на нѣсколько лицъ мелкихъ и незначительныхъ. Байронъ чувствовалъ свою ошибку и впослѣдствіи времени снова принялся за Фауста, подражая ему въ своемъ Превращенномъ Уродѣ (думая тѣмъ исправить le chef d'oeuvre).

Лордъ Байронъ (1835).

Родъ Байроновъ, одинъ изъ самыхъ старинныхъ въ англійской аристократіи, младшей между европейскими, произошелъ отъ нормандца Ральфа де-Бюронъ (или Бирона), одного изъ сподвижниковъ Вильгельма-Завоевателя. Имя Байроновъ съ честію упоминается въ англійскихъ лѣтописяхъ. Лордство дано ихъ фамиліи въ 1643 г. Говорятъ, что Байронъ своею родословною дорожилъ болѣе, нежели своими твореніями. Чувство весьма понятное! Блескъ его предковъ и почести, которыя наслѣдовалъ отъ нихъ, возвышали поэта; напротивъ того слава, имъ самимъ пріобрѣтенная, принесла ему мелочныя оскорбленія, часто унижавшія благороднаго лорда, предавая его на произволъ молвы, ко всему равнодушной и ничего не уважающей.

Капитанъ Байронъ, сынъ знаменитаго адмирала и отецъ великаго поэта, навлекъ на себя соблазнительную славу. Онъ увезъ супругу лорда Cormorthen и женился на ней тотчасъ послѣ ея развода. Вскорѣ потомъ она умерла, въ 1784 году, оставя ему одну дочь. На другой годъ разсчетливый вдовецъ, для поправленія своего разстроеннаго состоянія, женился на миссъ Gordon, единственной дочери и наслѣдницѣ Георгія Gordon, владѣльца гайфскаго. Бракъ сей былъ

несчастливъ: 23,500 фунт. стерл. (587,500 руб.) были растрачены въ два года—и mistress Байронъ осталась при 150 ф. стерл. годоваго дохода. Въ 1786 году мужъ и жена отправились во Францію и возвратились въ Лондонъ въ концѣ 1787 г.

Въ слѣдующемъ году, 22-го января, леди Байронъ родила единственнаго своего сына Георгія Гордона Байрона. (Вслѣдствіе распоряженій фамильныхъ, наслѣдница гайфская должна была сыну своему передать имя Гордона). Новорожденнаго крестили герцогъ Гордонъ и полковникъ Дофъ. При его рожденіи повредили ему ногу, и л. Байронъ полагалъ тому причиною стыдливость или упрямство своей матери.

Въ 1790 году, леди Байронъ удалилась въ Абердинъ, и мужъ ея за нею послѣдовалъ. Нѣсколько времени жили они вмѣстѣ; но характеры были слишкомъ несовмѣстны; вскорѣ потомъ они разошлись. Мужъ уѣхалъ во Францію, выманивъ прежде у бѣдной жены своей деньги, нужныя ему на дорогу. Онъ умеръ въ Валансьенѣ въ слѣдующемъ 1791 году.

Во время краткаго пребыванія своего въ Абердинѣ, онъ однажды взялъ къ себѣ маленькаго сына, который у него и ночевалъ, но на другой же день онъ отослалъ неугомоннаго ребенка къ его матери, и съ тѣхъ поръ уже его не приглашалъ.

Мистриссъ Байронъ была проста, вспыльчива и во многихъ отношеніяхъ безразсудна; но твердость, съ которою она умѣла перенести бѣдность, дѣлаетъ честь ея правиламъ. Она держала одну только служанку, и когда, въ 1798 году, повезла она молодаго Байрона вступать во владѣніе Ньюстида, долги ея не превышали шестидесяти фунтовъ стерлинговъ.

Достойно замѣчанія и то, что Байронъ никогда не упоминалъ о домашнихъ обстоятельствахъ своего дѣтства, находя ихъ унизительными.

Маленькій Байронъ выучился читать и писать въ абердинской школѣ. Въ классахъ онъ былъ изъ послѣднихъ учениковъ и болѣе отличался въ играхъ. По свидѣтельству его товарищей, онъ былъ рѣзвый, вспыльчивый и злопамятный мальчикъ, всегда готовый подраться и отплатить старую обиду.

Нѣкто Питерсонъ, строгій пресвитеріанецъ, но тихій и ученый, былъ потомъ его наставникомъ, и Байронъ сохранилъ о немъ благодарное воспоминаніе.

Въ 1796 году леди Байронъ повезла его въ горы, для поправленія его здоровья послѣ скарлатины. Она поселилась близъ Бематера.

Суровыя красоты шотландской природы глубоко впечатлѣлись въ воображеніи отрока.

Около того же времени осьмилѣтній Байронъ

влюбился въ Марію Дофъ. Семнадцать лѣтъ послѣ того, въ одномъ изъ своихъ журналовъ, онъ описалъ свою раннюю любовь.

Въ 1798 году умеръ въ Ньюстидѣ старый лордъ Вильгельмъ Байронъ. За четыре года передъ симъ родной внукъ его скончался въ Корсикѣ, и маленькій Георгій Байронъ остался единственнымъ наслѣдникомъ имѣній и титула своего рода; но, какъ несовершеннолѣтній, онъ отданъ былъ въ опеку лорду Карлилю, дальнему его родственнику, и восхищенная mistress Байронъ осенью того же года оставила Абердинъ и отправилась въ древній Ньюстидъ съ единственнымъ своимъ сыномъ и вѣрною служанкою Лили Гре.

Лордъ Вильгельмъ, братъ адмирала Байрона, роднаго дѣда его, былъ человѣкъ странный и несчастный. Нѣкогда на поединкѣ закололъ онъ своего родственника. Они дрались безъ свидѣтелей, въ трактирѣ, при свѣчкѣ. Дѣло это произвело много шуму, и палата перовъ признала убійцу виновнымъ. Онъ былъ однакожъ освобожденъ отъ наказанія; съ тѣхъ поръ жилъ въ Ньюстидѣ, гдѣ его причуды, скупость и мрачный характеръ сдѣлали его предметомъ сплетенъ и клеветы. Носились самые нелѣпые слухи о причинѣ развода его съ женою. Увѣряли, что онъ однажды покушался ее утопить въ ньюстидскомъ пруду.

Онъ старался разорить свои владѣнія изъ ненависти къ своимъ наслѣдникамъ. Единственные собесѣдники его были старый слуга и ключница, занимавшая при немъ и другое мѣсто. Сверхъ того домъ былъ полонъ сверчками, которыхъ лордъ Вильгельмъ кормилъ и воспитывалъ. Не смотря на свою скупость, старый лордъ имѣлъ часто нужду въ деньгахъ и доставалъ ихъ способами, иногда весьма предосудительными. Такимъ образомъ продалъ онъ Рогдаль, родовое владѣніе, безъ всякаго на то права (что знали и покупщики, но они надѣялись выручить себѣ выгоды прежде, нежели наслѣдники успѣютъ уничтожить незаконную куплю). Лордъ Вильгельмъ никогда не входилъ въ сношенія съ молодымъ своимъ наслѣдникомъ, котораго звалъ не иначе, какъ мальчикъ, что живетъ въ Абердинѣ.

Первые годы, проведенные лордомъ Байрономъ въ состояніи бѣдномъ, не соотвѣтствовавшемъ его рожденію, подъ надзоромъ пылкой матери, столь же безразсудной въ своихъ ласкахъ, какъ и въ порывахъ гнѣва, имѣли сильное, продолжительное вліяніе на всю его жизнь. Уязвленное самолюбіе, поминутно потрясаемая чувствительность, оставили въ сердцѣ его эту горечь, эту раздражительность, которыя потомъ сдѣлались главными признаками его характера.

Странности лорда Байрона—частію врожденныя, частію заимствованныя. Муръ замѣчаетъ справедливо, что въ характерѣ Байрона ясно отразились и достоинства, и пороки многихъ изъ его предковъ: съ одной стороны смѣлая предпріимчивость, великодушіе, благородство чувствъ; съ другой — необузданныя страсти, причуды и дерзкое презрѣніе къ общему мнѣнію. Сомнѣнія нѣтъ, что память, оставленная по себѣ лордомъ Вильгельмомъ, сильно подѣйствовала на воображеніе его наслѣдника: многое перенялъ онъ у своего страннаго дѣда въ его обычаяхъ; и нельзя не согласиться въ томъ, что Манфредъ и Лара напоминаютъ уединеннаго ньюстидскаго барона.

Обстоятельство, повидимому маловажное, имѣло столь же сильное вліяніе на его душу. Въ самую минуту его рожденія нога его была повреждена, и Байронъ остался хромъ на всю свою жизнь. Этотъ физическій недостатокъ оскорблялъ его самолюбіе. Онъ воображалъ себя уродомъ. Ничто не могло сравниться съ его бѣшенствомъ, когда однажды мистриссъ Байронъ выбранила его хромымъ мальчишкою. Будучи собою красавецъ, онъ дичился общества людей, мало ему знакомыхъ, опасаясь ихъ насмѣшливаго взгляда. Самый сей недостатокъ усиливалъ въ немъ желаніе отличиться во всѣхъ упражненіяхъ, требующихъ силы физической и проворства.

Письмо къ издателю „Сына Отечества“ (апрѣль 1824).

Въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ мнѣ случилось быть предметомъ журнальныхъ замѣчаній. Часто несправедливыя, часто непристойныя, иныя не заслуживали никакого вниманія; на другія издали отвѣчать было невозможно. Оправданія оскорбленнаго авторскаго самолюбія не могли быть занимательны для публики; я молча предполагалъ исправить въ новомъ изданіи недостатки, указанные мнѣ какимъ бы то ни было образомъ, и съ живѣйшей благодарностію читалъ изрѣдка лестныя похвалы и ободренія, чувствуя, что не одно, довольно слабое, достоинство моихъ стихотвореній давало поводъ благородному изъявленію снисходительности и дружелюбія.

Нынѣ нахожусь въ необходимости прервать молчаніе. Князь П. А. Вяземскій, предпринявъ изъ дружбы ко мнѣ изданіе Бахчисарайскаго Фонтана, присоединилъ къ оному „Разговоръ между издателемъ и антиромантикомъ“ — разговоръ, вѣроятно, вымышленный: по крайней мѣрѣ, если между нашими печатными классиками многіе силою своихъ сужденій сходствуютъ съ классикомъ Выборгской стороны, то, кажется, ни одинъ изъ нихъ не выражается съ его остротой и свѣтской вѣжливостью.

Сей разговоръ не понравился одному изъ судей нашей словесности. Онъ напечаталъ въ 5-мъ № „Вѣстника Европы“ второй разговоръ между издателемъ и классикомъ, гдѣ, между прочимъ, прочелъ я слѣдующее:

„Изд. Итакъ разговоръ мой вамъ не нравится? Класс. Признаюсь, жаль, что вы напечатали его при прекрасномъ стихотвореніи Пушкина, думаю и самъ авторъ объ этомъ пожалѣетъ.“

Авторъ очень радъ, что имѣетъ случай благодарить князя Вяземскаго за прекрасный его подарокъ. „Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны или съ Васильевскаго Острова“ писанъ болѣе для Европы вообще, чѣмъ исключительно для Россіи, гдѣ противники романтизма слишкомъ слабы и незамѣтны и не стоятъ столь блистательнаго отраженія.

Не хочу, или не имѣю права жаловаться по другому отношенію и съ искреннимъ смиреніемъ принимаю похвалы извѣстнаго критика.

Одесса.

О г-жѣ Сталь и г-нѣ Мухановѣ (1825).

Изъ всѣхъ сочиненій г-жи Сталь, книга: „Десятилѣтнее изгнаніе“ должна было преимущественно обратить на себя вниманіе русскихъ. Взглядъ быстрый и проницательный, замѣчанія

разительныя по своей новости и истинѣ, благодарность и доброжелательство, водившія перомъ сочинительницы — все приноситъ честь уму и чувствамъ необыкновенной женщины. Вотъ что̀ сказано объ ней въ одной рукописи: „Читая ея книгу Dix ans d'exil, можно видѣть ясно, что, тронутая ласковымъ пріемомъ русскихъ бояръ, она не высказала всего, что бросилось ей въ глаза.[1] Не смѣю въ томъ укорять краснорѣчивую, благородную чужеземку, которая первая отдала полную справедливость русскому народу, вѣчному предмету невѣжественной клеветы писателей иностранныхъ.“ Эта снисходительность, которую не смѣетъ порицать авторъ рукописи, именно и составляетъ главную прелесть той части книги, которая посвящена описанію нашего отечества. Г-жа Сталь оставила Россію какъ священное убѣжище, какъ семейство, въ которое она была принята съ довѣренностью и радушіемъ. Исполняя долгъ благороднаго сердца, она говоритъ объ насъ съ уваженіемъ и скромностію, съ полнотою душевною хвалитъ, порицаетъ осторожно, не выноситъ сора изъ избы. Будемъ же и мы благодарны знаменитой гостьѣ нашей: почтимъ ея славную память, какъ она почтила гостепріимство наше...

[1] Рѣчь идетъ о большомъ петербургскомъ обществѣ прежде 1812 года. А. П.

Изъ Россіи г-жа Сталь ѣхала въ Швецію по печальнымъ пустынямъ Финляндіи. Въ преклонныхъ лѣтахъ, удаленная отъ всего милаго ея сердцу, семь лѣтъ гонимая дѣятельнымъ деспотизмомъ Наполеона, принимая мучительное участіе въ политическомъ состояніи Европы, она не могла, конечно, въ сіе время (въ осень 1812 года) сохранить ясность души, потребную для наслажденія красотами природы. Не мудрено, что почернѣлыя скалы, дремучіе лѣса и озера наводили на нее уныніе.

Недоконченныя ея записки останавливаются на мрачномъ описаніи Финляндіи...

Г-нъ А. Мухановъ (Сынъ От. № 10), пробѣгая снова книжку г-жи Сталь, набрелъ на сей послѣдній отрывокъ и перевелъ его довольно тяжелою прозою, присовокупивъ къ оному слѣдующія замѣчанія на грёзы г-жи Сталь: „Не говоря уже объ облегченіи вѣтренаго легкомыслія, отсутствія наблюдательности и совершеннаго невѣдѣнія мѣстности, невольно поражающихъ читателей, знакомыхъ съ твореніями автора книги о Германіи, я въ свою очередь былъ пораженъ самымъ разсказомъ, во всемъ подобнымъ пошлому пустомельству тѣхъ щепетильныхъ французиковъ, которые, немного времени тому назадъ, являясь съ скуднымъ запасомъ свѣдѣній и богатыми надеждами въ Россію, такъ радостно при-

нимались щедрыми и подчасъ неумѣстно-добродушными нашими соотечественниками (только по образу мыслей не нашими современниками).“

Что̀ за слогъ и что̀ за тонъ! Какое сношеніе имѣютъ двѣ страницы „Записокъ“ съ Дельфиною, Коринною, Взглядомъ на французскую революцію и проч., и что есть общаго между щепетильными (?) французиками и дочерью Неккера, гонимою Наполеономъ и покровительствуемою великодушіемъ русскаго императора?

„Кто читалъ творенія г-жи Сталь,“ продолжаетъ г-нъ А. Мухановъ, „въ коихъ такъ часто ширяется она и пр... тому точно покажется страннымъ, какъ безпредѣльные лѣса и проч... не сдѣлали другаго впечатлѣнія на автора Коринны, кромѣ скуки отъ единообразія!“ — Засимъ г-нъ А. Мухановъ ставитъ въ примѣръ самого себя. „Нѣтъ! никогда“, говоритъ онъ, „не забуду я волненія души моей, расширявшейся для вмѣщенія столь сильныхъ впечатлѣній. Всегда буду помнить утра....“ и проч. — Слѣдуетъ описаніе сѣверной природы, слогомъ совершенно отличнымъ отъ прозы г-жи Сталь.

Далѣе совѣтуетъ онъ покойной сочинительницѣ, посредствомъ какого либо толмача, разспросить извощиковъ своихъ о точной причинѣ пожаровъ и пр.

Шутка о близости волковъ и медвѣдей къ абовскому университету отмѣнно не понравилась г-ну А. Муханову; но г-нъ А. Мухановъ и самъ распутился. „Ужели,“ говоритъ онъ, „четыреста студентовъ, тамъ воспитывающихся, готовятъ себя въ звѣроловы? Въ этомъ случаѣ, академію сію могла бы она точнѣе назвать псарнымъ дворомъ? Ужели г-жа Сталь не нашла другаго способа отыскивать причинъ, замедляющихъ ходъ просвѣщенія, какъ перерядившись Діаной, заставить читателя рыскать вмѣстѣ съ собою въ лѣсахъ финляндскихъ, по порошамъ за медвѣдями и волками, и зачѣмъ ихъ искать въ берлогахъ?... Наконецъ отъ страха, наведеннаго на робкую душу нашей барыни“ и проч.

О сей барынѣ должно было говорить языкомъ вѣжливымъ образованнаго человѣка. Эту барыню удостоилъ Наполеонъ гоненія, монархи довѣренности, Европа своего уваженія, а г-нъ А. Мухановъ журнальной статейки, не весьма острой и весьма неприличной.

Уваженъ хочешь быть, умѣй другихъ уважить

Ст. Ар.[1]

25 іюня 1825.

[1] Подпись Ст. Ар. означаетъ: Старый Арзамасецъ.

О предисловіи Г-на Лемонте къ переводу басенъ И. А. Крылова (1825).

Любители нашей словесности были обрадованы предпріятіемъ графа Орлова, хотя и догадывались, что способъ перевода, столь блестящій и столь недостаточный, нанесетъ нѣсколько вреда баснямъ неподражаемаго нашего поэта. Многіе съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали предисловія г-на Лемонте; оно въ самомъ дѣлѣ очень замѣчательно, хотя и не совсѣмъ удовлетворительно. Вообще тамъ, гдѣ авторъ долженъ былъ необходимо писать по наслышкѣ, сужденія его могутъ иногда показаться ошибочными; напротивъ того, собственныя догадки и заключенія удивительно правильны. Жаль, что сей знаменитый писатель едва коснулся такихъ предметовъ, о коихъ мнѣнія его должны быть весьма любопытны. Читаешь его статью[1] съ невольной досадою, какъ иногда слушаешь разговоръ очень умнаго человѣка, который, будучи связанъ какими-то приличіями, слишкомъ многаго не договариваетъ и слишкомъ часто отмалчивается.

[1] По крайней мѣрѣ въ переводѣ, напечатанномъ въ „Сынѣ Отечества“. Мы не имѣли случая видѣть французскій подлинникъ.—А. П.

Бросивъ бѣглый взглядъ на исторію нашей словесности, авторъ говоритъ нѣсколько словъ о нашемъ языкѣ, признаетъ его первобытнымъ, не сомнѣвается въ томъ, что онъ способенъ къ усовершенствованію и, ссылаясь на увѣренія русскихъ, предполагаетъ, что онъ богатъ, сладкозвученъ и обиленъ разнообразными оборотами.

Мнѣнія сіи не трудно было оправдать. Какъ матеріалъ словесности, языкъ славяно-русскій имѣетъ неоспоримое превосходство предъ всѣми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. Въ XI вѣкѣ древній греческій языкъ вдругъ открылъ ему свой лексиконъ, сокровищницу гармоніи, даровалъ ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное теченіе рѣчи; словомъ усыновилъ его, избавя такимъ образомъ отъ медленныхъ усовершенствованій времени. Самъ по себѣ уже звучный и выразительный, отселѣ заемлетъ онъ гибкость и правильность. Простонародное нарѣчіе необходимо должно было отдѣлиться отъ книжнаго; но впослѣдствіи они сблизились, и такова стихія, данная намъ для сообщенія нашихъ мыслей.

Г. Лемонте напрасно думаетъ, что владычество татаръ оставило ржавчину на русскомъ языкѣ. Чуждый языкъ распространяется не саблею и пожарами, но собственнымъ обиліемъ и

превосходствомъ. Какія же новыя понятія, требовавшія новыхъ словъ, могло принести намъ кочующее племя варваровъ, не имѣвшихъ ни словесности, ни торговли, ни законодательства? Ихъ нашествіе не оставило никакихъ слѣдовъ въ языкѣ образованныхъ китайцевъ и предки наши, въ теченіе двухъ вѣковъ стоная подъ татарскимъ игомъ, на языкѣ родномъ молились русскому Богу, проклинали грозныхъ властителей и передавали другъ другу свои сѣтованія. Таковой же примѣръ видѣли мы въ новѣйшей Греціи. Какое дѣйствіе имѣетъ на порабощенный народъ сохраненіе его языка? Разсмотрѣніе сего вопроса завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Какъ бы то ни было, едва ли полсотни татарскихъ словъ перешло въ русскій языкъ. Войны литовскія не имѣли также вліянія на судьбу нашего языка; онъ одинъ оставался неприкосновенною собственностію несчастнаго нашего отечества.

Въ царствованіе Петра I началъ онъ примѣтно искажаться отъ необходимаго введенія голландскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ словъ. Сія мода распространяла свое вліяніе и на писателей, въ то время покровительствуемыхъ государями и вельможами; къ счастію, явился Ломоносовъ.

Г. Лемонте въ одномъ замѣчаніи говоритъ о всеобъемлющемъ геніи Ломоносова, но онъ взгля-

нулъ не съ настоящей точки на великаго сподвижника Великаго Петра.

Соединяя необыкновенную силу воли съ необыкновенною силою понятія, Ломоносовъ обнялъ всѣ отрасли просвѣщенія. Жажда науки была сильнѣйшею страстію сей души, исполненной страстей. Историкъ, риторъ, механикъ, химикъ, минералогъ, художникъ и стихотворецъ— онъ все испыталъ и все проникъ... Первый углубляется въ исторію отечества, утверждаетъ правила общественнаго языка его, даетъ законы и образцы классическаго краснорѣчія, съ несчастнымъ Рихманомъ предугадываетъ открытія Франклина, учреждаетъ фабрику, самъ сооружаетъ махины, даритъ художества мозаическими произведеніями и наконецъ открываетъ намъ истинные источники нашего поэтическаго языка.

Поэзія бываетъ исключительно страстію немногихъ, родившихся поэтами: она объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣніями ихъ жизни; но если мы станемъ изслѣдовать жизнь Ломоносова, то найдемъ, что науки точныя были всегда главнымъ и любимымъ его занятіемъ, стихотворство же иногда забавою, но чаще должностнымъ упражненіемъ. Мы напрасно искали бы въ первомъ нашемъ лирикѣ пламенныхъ порывовъ чувства и воображенія. Слогъ его ровный, цвѣтущій и живопис-

ный, заемлетъ главное достоинство отъ глубокаго знанія книжнаго славянскаго языка и отъ счастливаго сліянія онаго съ языкомъ простонароднымъ. Вотъ почему преложенія псалмовъ и другія сильныя и близкія подражанія высокой поэзіи священныхъ книгъ суть его лучшія произведенія.[1] Они останутся вѣчными памятниками русской словесности; по нимъ долго еще должны мы будемъ изучаться стихотворному языку нашему; но странно жаловаться, что свѣтскіе люди не читаютъ Ломоносова, и требовать, чтобъ человѣкъ, умершій семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, оставался и нынѣ любимцемъ публики. Какъ будто нужны для славы великаго Ломоносова мелочныя почести моднаго писателя.

Упомянувъ объ исключительномъ употребленіи французскаго языка въ образованномъ кругу нашихъ обществъ, г. Лемонте, столь же остроумно, какъ и справедливо, замѣчаетъ, что русскій языкъ чрезъ то долженъ былъ непремѣнно сохранить драгоцѣнную свѣжесть, простоту и,

[1] Любопытно видѣть, какъ тонко насмѣхается Тредьяковскій надъ славянщизнами Ломоносова, какъ важно совѣтуетъ онъ ему перенимать легкость и щеголеватость рѣченій изрядной компаніи! Но удивительно, что Сумароковъ съ большею точностію опредѣлилъ въ одномъ полустишіи достоинство Ломоносова-поэта: „Онъ нашихъ странъ Мальгербъ, онъ Пиндару подобенъ! Enfin Malherbe vint et le premier en France“ etc. —

А. П.

такъ сказать, чистосердечность выраженій. Не хочу оправдывать нашего равнодушія къ успѣхамъ отечественной литературы, но нѣтъ сомнѣнія, что если наши писатели чрезъ то теряютъ много удовольствія, по крайней мѣрѣ языкъ и словесность много выигрываютъ. Кто отклонилъ французскую поэзію отъ образцовъ классической древности? Кто напудрилъ и нарумянилъ Мельпомену Расина и даже строгую музу стараго Корнеля? Придворные Людовика XIV. Что̀ навело холодный лоскъ вѣжливости и остроумія на всѣ произведенія писателей XVIII столѣтія? Общество M-mes du Deffand, Boufflers, d'Epinay, очень милыхъ и образованныхъ женщинъ. Но Мильтонъ и Данте писали не для благосклонной улыбки прекраснаго пола.

Строгій и справедливый приговоръ французскому языку дѣлаетъ честь безпристрастію автора. Истинное просвѣщеніе безпристрастно. Приводя въ примѣръ судьбу сего прозаическаго языка, г. Лемонте утверждаетъ, что и нашъ языкъ, не столько отъ своихъ поэтовъ, сколько отъ прозаиковъ, долженъ ожидать европейской своей общежительности. Русскій переводчикъ оскорбился симъ выраженіемъ; но если въ подлинникѣ сказано civilisation européenne, то сочинитель чуть ли не правъ.

Положимъ, что русская поэзія достигла уже высокой степени образованности: просвѣщеніе

вѣка требуетъ пищи для размышленія, умы не могутъ довольствоваться однѣми играми гармоніи и воображенія, но ученость, политика и философія еще по-русски не изъяснились; метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ. Проза наша такъ еще мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуждены создавать обороты для изъясненія понятій самыхъ обыкновенныхъ, такъ что лѣность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, коего механическія формы давно готовы и всѣмъ извѣстны.

Г. Лемонте, входя въ нѣкоторыя подробности касательно жизни и привычекъ нашего Крылова, сказалъ, что онъ не говоритъ ни на какомъ иностранномъ языкѣ и только понимаетъ по-французски. Не правда! рѣзко возражаетъ переводчикъ въ своемъ примѣчаніи. Въ самомъ дѣлѣ, Крыловъ знаетъ главные европейскіе языки и сверхъ того онъ, какъ Альфіери, пятидесяти лѣтъ выучился древнему греческому. Въ другихъ земляхъ таковая характеристическая черта извѣстнаго чоловѣка была бы прославлена во всѣхъ журналахъ; но мы въ біографіи славныхъ писателей нашихъ довольствуемся означеніемъ года ихъ рожденія и подробностями послужнаго списка, да сами же потомъ и жалуемся на невѣдѣніе иностранцевъ о всемъ, что̀ до насъ касается.

Въ заключеніе скажу, что мы должны благодарить графа Орлова, избравшаго истинно-на-

роднаго поэта, дабы познакомить Европу съ литературою Сѣвера. Конечно, ни одинъ французъ не осмѣлится кого бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можемъ предпочитать ему Крылова. Оба они вѣчно останутся любимцами своихъ единоземцевъ. Нѣкто справедливо замѣтилъ, что простодушіе (naïveté, bonhomie) есть врожденное свойство французскаго народа; напротивъ того, отличительная черта въ нашихъ нравахъ есть какое-то веселое лукавство ума, насмѣшливость и живописный способъ выражаться: Лафонтенъ и Крыловъ представители духа обоихъ народовъ.

P. S. Мнѣ показалось излишнимъ замѣчать нѣкоторыя явныя ошибки, простительныя иностранцу, напримѣръ, сближеніе Крылова съ Карамзинымъ (сближеніе, ни на чемъ не основанное), мнимая неспособность языка нашего къ стихосложенію совершенно метрическому и пр.

О народномъ воспитаніи.

Записка, представленная императору Николаю Павловичу въ 1826 году.

Послѣднія происшествія обнаружили много печальныхъ истинъ. Недостатокъ просвѣщенія и нравственности вовлекъ многихъ молодыхъ людей въ преступныя заблужденія. Политическія измѣненія, вынужденныя у другихъ наро-

довъ силою обстоятельствъ и долговременнымъ приготовленіемъ, вдругъ сдѣлались у насъ предметомъ замысловъ и злонамѣренныхъ усилій.

Лѣтъ 15 тому назадъ, молодые люди занимались только военною службою, старались отличиться одною свѣтской образованностію или шалостями. Литература (въ то время столь свободная) не имѣла никакого направленія; воспитаніе ни въ чемъ не отклонялось отъ первоначальныхъ начертаній; десять лѣтъ спустя, мы увидѣли либеральныя идеи необходимой вывѣской хорошаго воспитанія, разговоръ исключительно политическій, литературу (подавленную самою своенравною цензурою) превратившуюся въ рукописные пасквили на правительство и въ возмутительныя пѣсни; наконецъ и тайныя общества, заговоры, замыслы болѣе или менѣе кровавые и безумные...

Ясно, что походамъ 13 и 14 года, пребыванію нашихъ войскъ во Франціи и Германіи, должно приписать сіе вліяніе на духъ и нравы того поколѣнія, коего несчастные представители погибли въ нашихъ глазахъ; должно надѣяться, что люди, раздѣлявшіе образъ мыслей заговорщиковъ, образумились; что, съ одной стороны, они увидѣли ничтожность своихъ замысловъ и средствъ, съ другой—необъятную силу правительства, основанную на силѣ вещей. Вѣроятно братья, друзья, товарищи погибшихъ успоко-

ятся временемъ и размышленіемъ, поймутъ необходимость и простятъ оной въ душѣ своей. Но надлежитъ защитить новое, возрастающее поколѣніе, еще не наученное никакимъ опытомъ и которое скоро явится на поприще жизни со всею пылкостію первой молодости, со всѣмъ ея восторгомъ и готовностію принимать всякія впечатлѣнія.

Не одно вліяніе чужеземнаго идеологизма пагубно для нашего отечества; воспитаніе или, лучше сказать, отсутствіе воспитанія, есть корень всякаго зла. „Не просвѣщенію (сказано въ высочайшемъ манифестѣ отъ 13 іюля 1826 года), но праздности ума, болѣе вредной, чѣмъ праздность тѣлесныхъ силъ, недостатку твердыхъ познаній, должно приписать сіе своевольство мыслей, источникъ буйныхъ страстей, сію пагубную роскошь полупознаній, сей порывъ въ мечтательныя крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ—погибель.“ Скажемъ болѣе: одно просвѣщеніе въ состояніи удержать новыя безумства, новыя общественныя бѣдствія.

Чины сдѣлались страстію русскаго народа. Того хотѣлъ Петръ Великій, того требовало тогдашнее состояніе Россіи. Въ другихъ земляхъ молодой человѣкъ кончаетъ курсъ ученія около 25 лѣтъ; у насъ онъ торопится вступить какъ можно ранѣе въ службу, ибо ему необходимо

30-ти лѣтъ быть полковникомъ или коллежскимъ совѣтникомъ. Онъ входитъ въ свѣтъ безо всякихъ основательныхъ познаній, безъ всякихъ положительныхъ правилъ: всякая мысль для него нова, всякая новость имѣетъ на него вліяніе. Онъ не въ состояніи ни повѣрять, ни возражать; онъ становится слѣпымъ приверженцемъ или жалкимъ повторителемъ перваго товарища, который захочетъ оказать надъ нимъ свое превосходство или сдѣлать изъ него свое орудіе.

Конечно, уничтоженіе чиновъ (по крайней мѣрѣ гражданскихъ) представляетъ великія выгоды, но сія мѣра влечетъ за собою и безпорядки безчисленные, какъ вообще всякое измѣненіе постановленій, освященныхъ временемъ и привычкою. Можно, по крайней мѣрѣ, извлечь нѣкоторую пользу изъ самаго злоупотребленія и представить чины цѣлію и достояніемъ просвѣщенія; должно увлечь все юношество въ общественныя заведенія, подчиненныя надзору правительства; должно его тамъ удержать, дать ему время перекипѣть, обогатиться познаніями, созрѣть въ тишинѣ училищъ, а не въ шумной праздности казармъ. Въ Россіи домашнее воспитаніе есть самое недостаточное, самое безнравственное. Ребенокъ окруженъ одними холопями, видитъ гнусные примѣры, своевольничаетъ или рабствуетъ, не получаетъ ни-

какихъ понятій о справедливости, о взаимныхъ отношеніяхъ людей, объ истинной чести. Воспитаніе его ограничивается изученіемъ двухъ или трехъ иностранныхъ языковъ и начальнымъ основаніемъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ какимъ нибудь нанятымъ учителемъ. Воспитаніе въ частныхъ пансіонахъ не многимъ лучше. Здѣсь и тамъ оно кончается на 16-тилѣтнемъ возрастѣ воспитанника. Нечего колебаться: во что бы то ни стало, подавить воспитаніе частное.

Надлежитъ всѣми средствами умножить невыгоды, сопряженныя съ онымъ (наприм., прибавить годы унтеръ-офицерства и первыхъ гражданскихъ чиновъ). Уничтожить экзамены. Покойный императоръ, удостовѣрясь въ ничтожествѣ ему предшествовавшаго поколѣнія, желалъ открыть дорогу просвѣщенному юношеству и задержать какъ нибудь стариковъ, закоренѣлыхъ въ безнравствіи и невѣжествѣ. Отселѣ указъ объ экзаменахъ — мѣра слишкомъ демократическая и ошибочная, ибо она нанесла послѣдній ударъ дворянскому просвѣщенію и гражданской администраціи, вытѣснивъ все новое поколѣніе въ военную службу. А такъ какъ въ Россіи все продажно, то и экзаменъ сдѣлался новой отраслію промышленности для профессоровъ. Онъ походитъ на плохую таможенную заставу, въ которую старые инвалиды пропу-

скаютъ за деньги тѣхъ, которые не умѣли проѣхать стороною. Итакъ (съ такого-то года) молодой человѣкъ, не воспитанный въ государственномъ училищѣ, вступая въ службу, не получаетъ впередъ никакихъ выгодъ и не имѣетъ права требовать экзамена.

Уничтоженіе экзаменовъ произведетъ большую радость въ старыхъ титулярныхъ и коллежскихъ совѣтникахъ, что̀ и будетъ хорошимъ противодѣйствіемъ ропоту родителей, почитающихъ своихъ дѣтей обиженными.

Что̀ касается до воспитанія заграничнаго, то запрещать его нѣтъ никакой надобности. Довольно будетъ опутать его однѣми невыгодами, сопряженными съ воспитаніемъ домашнимъ, ибо, первое, весьма немногіе станутъ пользоваться симъ позволеніемъ; второе, воспитаніе иностранныхъ университетовъ, не смотря на всѣ свои неудобства, не въ примѣръ для насъ менѣе вредно воспитанія патріархальнаго. Мы видимъ, что Н. Тургеневъ, воспитывавшійся въ гетингенскомъ университетѣ, не смотря на свой политическій фанатизмъ, отличался посреди буйныхъ своихъ сообщниковъ нравственностію и умѣренностію правилъ, слѣдствіемъ просвѣщенія истиннаго и положительныхъ познаній. Такимъ образомъ, уничтоживъ, или, по крайней мѣрѣ, сильно затруднивъ воспитаніе част-

ное, правительству легко будетъ заняться улучшеніемъ воспитанія общественнаго.

Ланкастерскія школы входятъ у насъ въ систему военнаго образованія и слѣдовательно состоятъ въ самомъ лучшемъ порядкѣ.

Кадетскіе корпуса, разсадникъ офицеровъ русской арміи, требуютъ физическаго преобразованія, бо̀льшаго присмотра за нравами, кои находятся въ самомъ гнусномъ запущеніи. Для сего нужна полиція, составленная изъ лучшихъ воспитанниковъ; доносы другихъ должны быть оставлены безъ изслѣдованія и даже подвергаться наказанію. Чрезъ сію полицію должны будутъ доходить до начальства и жалобы. Должно обратить строгое вниманіе на рукописи, ходящія между воспитанниками. За найденную похабную рукопись положить тягчайшее наказаніе, за возмутительную—исключеніе изъ училища, но безъ дальнѣйшаго гоненія по службѣ: наказывать юношу или взрослаго человѣка за вину отрока есть дѣло ужасное и, къ несчастію, слишкомъ у насъ обыкновенное.

Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній необходимо. Надлежитъ заранѣе внушить воспитанникамъ правила чести и человѣколюбія. Не должно забывать, что они будутъ имѣть право розги и палки надъ солдатомъ. Слишкомъ жестокое воспитаніе дѣлаетъ изъ нихъ палачей, а не начальниковъ.

Въ гимназіяхъ, лицеяхъ и пансіонахъ при университетахъ должно будетъ продлить по крайней мѣрѣ 3-мя годами кругъ обыкновенный ученія, по мѣрѣ того повышая и чины, даваемые при выпускѣ.

Преобразованіе семинарій, разсадника нашего духовенства, какъ дѣло высшей государственной важности, требуетъ полнаго, особеннаго разсмотрѣнія.

Предметы ученія, въ первые годы, не требуютъ значительной перемѣны: кажется, однакожъ, что языки слишкомъ много занимаютъ времени. Къ чему, напримѣръ, шестилѣтнее изученіе французскаго языка, когда навыкъ свѣта и безъ того слишкомъ уже достаточенъ? Къ чему латинскій или греческій? Позволительна ли роскошь тамъ, гдѣ чувствителенъ недостатокъ необходимаго?

Во всѣхъ почти училищахъ дѣти занимаются литературою, составляютъ общества, даже печатаютъ свои сочиненія въ свѣтскихъ журналахъ. Все это отвлекаетъ отъ ученія, пріучаетъ дѣтей къ мелочнымъ успѣхамъ и ограничиваетъ идеи, уже и безъ того слишкомъ у насъ ограниченныя.

Высшія политическія науки займутъ окончательные годы: преподаваніе правъ, политическая экономія по новѣйшей системѣ Сея и Сисмонди, статистика, исторія.

Исторія въ первые годы ученія должна быть голымъ хронологическимъ разсказомъ происшествій, безо всякихъ нравственныхъ или политическихъ разсужденій. Къ чему давать младенствующимъ умамъ направленіе одностороннее, всегда непрочное? Но въ окончательномъ курсѣ преподаваніе исторіи (особенно новѣйшей) должно будетъ совершенно измѣниться. Можно будетъ съ хладнокровіемъ показать разницу духа народовъ, источника нуждъ и требованій государственныхъ; не хитрить, не искажать республиканскихъ разсужденій, не позорить убійства Кесаря, превознесеннаго 2000-ми лѣтъ; но представить Брута защитникомъ и мстителемъ коренныхъ постановленій отечества, а Кесаря честолюбивымъ возмутителемъ. Вообще не должно, чтобы республиканскія идеи изумили воспитанниковъ при вступленіи въ свѣтъ и имѣли для нихъ прелесть новизны.

Исторію русскую должно будетъ преподавать по Карамзину. Исторія Государства Россійскаго есть не только произведеніе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка. Россія слишкомъ мало извѣстна русскимъ; сверхъ ея исторіи, ея статистика, ея законодательство требуютъ особенныхъ каѳедръ. Изученіе Россіи должно будетъ преимущественно занять, въ окончательные годы, умы молодыхъ дворянъ, готовящихся служить отечеству вѣрою и правдою,

имѣя цѣлію искренно, усердно соединиться съ правительствомъ въ великомъ подвигѣ улучшенія государственныхъ постановленій, а не препятствовать ему, безумно упорствуя въ тайномъ недоброжелательствѣ.

Самъ отъ себя я бы никогда не осмѣлился представить на разсмотрѣніе правительства столь недостаточныя замѣчанія о предметѣ столь важномъ, каково есть народное воспитаніе; одно желаніе усердіемъ и искренностію оправдать высочайшія милости, мною незаслуженныя, понудило меня исполнить ввѣренное мнѣ препорученіе. Ободренный первымъ вниманіемъ государя императора, всеподданнѣйше прошу его величество дозволить мнѣ повергнуть предъ нимъ мысли касательно предметовъ болѣе мнѣ близкихъ и знакомыхъ.

Михайловское. 15 ноября 1826 года.

Предисловіе ко 2-му изданію Руслана и Людмилы (1828).

Автору было двадцать лѣтъ отъ роду, когда кончилъ онъ Руслана и Людмилу. Онъ началъ свою поэму, будучи еще воспитанникомъ Царскосельскаго Лицея и продолжалъ ее среди самой разсѣянной жизни. Этимъ до нѣкоторой степени можно извинить ея недостатки.

При ея появленіи, въ 1820 году, тогдашніе

журналы наполнились критиками болѣе или менѣе снисходительными.[1] Самая пространная писана г. Воейковымъ и помѣщена въ „Сынѣ Отечества“. Вслѣдъ за нею появились вопросы Неизвѣстнаго. Приведемъ изъ нихъ нѣкоторые.

„Начнемъ съ первой пѣсни. Commençons par le commencement:

„Зачѣмъ Финнъ дожидался Руслана?..

„Зачѣмъ онъ разсказываетъ свою исторію, и какъ можетъ Русланъ въ такомъ несчастномъ положеніи съ жадностію внимать разсказъ (или по-русски разсказамъ) старца?

„Зачѣмъ Русланъ присвистываетъ, отправляясь въ путь? Показываетъ ли это огорченнаго человѣка? Зачѣмъ Фарлафъ съ своею трусостью поѣхалъ искать Людмилы? Иные скажутъ: затѣмъ, чтобы упасть въ грязный ровъ: et puis on en rit cela fait toujours plaisir.

„Справедливо ли сравненіе, стр. 45, которое вы такъ хвалите? Случилось ли вамъ это видѣть?[2]

„Зачѣмъ маленькій карла съ большою бородою (что̀ между прочимъ совсѣмъ не забавно)

[1] Одна изъ нихъ подала поводъ къ эпиграммѣ, приписываемой Крылову:

Напрасно говорятъ, что критика легка:
Я критику читалъ Руслана и Людмилы:
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно какъ тяжка. А. П.

[2] Указаніе страницы относится къ 1-му изд. поэмы.

приходитъ къ Людмилѣ? Какъ Людмилѣ пришла въ голову странная мысль схватить съ колдуна шапку (впрочемъ, въ испугѣ чего не надѣлаешь?) и какъ колдунъ позволилъ ей это сдѣлать?

„Какимъ образомъ Русланъ бросилъ Рогдая, какъ ребенка, въ воду, когда

Они схватились на коняхъ;

.

Ихъ члены злобой сведены;
Объяты, молча, костенѣютъ,

и проч.? Не знаю, какъ Орловскій нарисовалъ бы это.

„Зачѣмъ Русланъ говоритъ, увидѣвши поле битвы (которое совершенный hors d'oeuvre), зачѣмъ говоритъ онъ:

О поле, поле, кто тебя
Усѣялъ мертвыми костями?..

.

Зачѣмъ же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья?..
Временъ отъ вѣчной темноты,
Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья!

и проч.?

„Такъ ли говорили русскіе богатыри? И похожъ ли Русланъ, говорящій о травѣ забвенья и вѣчной темнотѣ временъ, на Руслана, который чрезъ минуту послѣ восклицаетъ съ важностью сердитой:

Молчи, пустая голова!

.

Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало:
Я ѣду, ѣду не свищу,
А какъ наѣду, не спущу!
. Знай нашихъ!

и проч.?

„Зачѣмъ Черноморъ, доставши чудесный мечъ, положилъ его на полѣ, подъ головою брата? Не лучше ли бы было взять его домой?

„Зачѣмъ будить двѣнадцать спящихъ дѣвъ и поселять ихъ въ какую-то степь, куда, не знаю какъ, заѣхалъ Ратмиръ? Долго ли онъ пробылъ тамъ? Куда поѣхалъ? Зачѣмъ сдѣлался рыбакомъ? Кто такая его новая подруга? Вѣроятно ли, что Русланъ, побѣдивъ Черномора и пришедъ въ отчаяніе, не находя Людмилы, махалъ до тѣхъ поръ мечемъ, что сшибъ шапку съ лежащей на землѣ супруги?

„Зачѣмъ карла не вылѣзъ изъ котомки убитаго Руслана? Что̀ предвѣщаетъ сонъ Руслана? Зачѣмъ это множество точекъ послѣ стиховъ:

Шатры бѣлѣютъ на холмахъ?

„Зачѣмъ, разбирая Руслана и Людмилу, говорить объ Иліадѣ и Энеидѣ? Что̀ есть общаго между ними? Какъ писать (и кажется серьезно), что рѣчи Владиміра, Руслана, Финна и проч. нейдутъ въ сравненіе съ Гомеровыми? Вотъ вещи, которыхъ я не понимаю и которыхъ многіе другіе также не понимаютъ. Если вы намъ объясните ихъ, то мы скажемъ: cujusvis hominis est

errare: nullius, nisi insipientis, in errore perseverare (Philippis. XII, 2)".

Tes pourquoi, dit le dieu, ne finiront jamais,

Конечно, многія обвиненія сего допроса основательны, особенно послѣдній. Нѣкто взялъ на себя трудъ отвѣчать на оныя. Его антикритика остроумна и забавна.

Впрочемъ, нашлись рецензенты совсѣмъ иного разбора. Наприм., въ „Вѣстникѣ Европы", №11 1820, мы находимъ слѣдующую благонамѣренную статью:

„Теперь прошу обратить ваше вниманіе на новый ужасный предметъ, который, какъ у Камоэнса Мысъ Бурь, выходитъ изъ нѣдръ морскихъ и показывается посреди океана россійской словесности. Пожалуйте напечатайте мое письмо: быть можетъ, люди, которые грозятъ нашему терпѣнію новымъ бѣдствіемъ, опомнятся, разсмѣются и оставятъ намѣреніе сдѣлаться изобрѣтателями новаго рода русскихъ сочиненій.

„Дѣло вотъ въ чемъ: вамъ извѣстно, что мы отъ предковъ получили небольшое бѣдное наслѣдство литературы, т. е. сказки и пѣсни народныя. Что́ о нихъ сказать? Если мы бережемъ старинныя монеты, даже самыя безобразныя, то не должны ли тщательно хранить и остатки словесности нашихъ предковъ? Безъ всякаго сомнѣнія. Мы любимъ вспоминать все, относящее-

ся къ нашему младенчеству, къ тому счастливому времени дѣтства, когда какая нибудь пѣсня или сказка служила намъ невинною забавой и составляла все богатство познаній. Видите сами, что я не прочь отъ собиранія и изысканія русскихъ сказокъ и пѣсенъ; но когда узналъ я, что наши словесники приняли старинныя пѣсни совсѣмъ съ другой стороны, громко закричали о величіи, плавности, силѣ, красотахъ, богатствѣ нашихъ старинныхъ пѣсенъ, начали переводить ихъ на нѣмецкій языкъ и наконецъ такъ влюбились въ сказки и пѣсни, что въ стихотвореніяхъ XIX вѣка заблистали Ерусланы и Бовы на новый манеръ, то я вамъ слуга покорный.

„Чего добраго ждать отъ повторенія болѣе жалкихъ, нежели смѣшныхъ лепетаній?... Чего ждать, когда наши поэты начинаютъ пародировать Киршу Данилова?

„Возможно ли просвѣщенному, или хоть немного свѣдущему человѣку терпѣть, когда ему предлагаютъ новую поэму, написанную въ подраженіе Еруслану Лазаревичу? Извольте же заглянуть въ 15 и 16 №№ Сына Отечества. Тамъ неизвѣстный піитъ на образчикъ выставляетъ намъ отрывокъ изъ поэмы своей Людмила и Русланъ (не Еруслань-ли?). Не знаю, чтò будетъ содержать цѣлая поэма; но образчикъ хоть кого выведетъ изъ терпѣнія. Піитъ оживляетъ мужичка самъ съ ноготь, а борода съ локоть, придаетъ ему еще безконечные усы (С. От.,

стр. 121), показываетъ намъ вѣдьму, шапочку-невидимку и проч. Но вотъ что̀ всего драгоцѣннѣе: Русланъ наѣзжаетъ въ полѣ на побитую рать, видитъ богатырскую голову, подъ которою лежитъ мечъ-кладенецъ; голова съ нимъ разглагольствуетъ, сражается... Живо помню, какъ все это, бывало, я слушалъ отъ няньки моей; теперь на старости сподобился вновь то же самое услышать отъ поэтовъ нынѣшняго времени!... Для большей точности, или чтобы лучше выразить всю прелесть стариннаго нашего пѣснословія, поэтъ и въ выраженіяхъ уподобился Еруслану разскащику, напримѣръ:

....Шутите вы со мною—
Всѣхъ удавлю васъ бородою!..

„Каково?

....Объѣхалъ голову кругомъ
И сталъ предъ носомъ молчаливо.
Щекотитъ ноздри копіемъ...

„Картина, достойная Кирши Данилова!

„Далѣе: чихнула голова, за нею и эхо чихаетъ...

Я ѣду, ѣду не свищу,
А какъ наѣду, не спущу...

„Потомъ витязъ ударяетъ въ щеку тяжкой рукавицей... Но увольте меня отъ подробнаго описанія и позвольте спросить: если бы въ московское благородное собраніе какъ нибудь втерся (предполагаю невозможное возможнымъ) гость съ бородою, въ армякѣ, въ лаптяхъ и за-

кричалъ бы зычнымъ голосомъ: здорово, ребята! Неужели бы стали такимъ проказникомъ любоваться? Бога ради, позвольте мнѣ, старику, сказать публикѣ, посредствомъ вашего журнала, чтобы она каждый разъ жмурила глаза при появленіи подобныхъ странностей. Зачѣмъ допускать, чтобы плоскія шутки старины снова появлялись между нами! Шутка грубая, не одобряемая вкусомъ просвѣщеннымъ, отвратительна, а нимало не смѣшна и не забавна. Dixi."

Долгъ искренности требуетъ также упомянуть и о мнѣніи одного изъ увѣнчанныхъ, первоклассныхъ отечественныхъ писателей, который, прочитавъ Руслана и Людмилу, сказалъ: я тутъ не вижу ни мыслей, ни чувства, вижу только чувственность[1]. Другой (а можетъ быть и тотъ же) увѣнчанный, первоклассный отечественный писатель привѣтствовалъ сей первый опытъ молодаго поэта слѣдующимъ стихомъ:

Мать дочери велитъ на эту сказку плюнуть.

12 февраля 1828.

Предисловіе ко 2-му изданію Кавказскаго Плѣнника (1828).

Сія повѣсть, снисходительно принятая публикою, обязана своимъ успѣхомъ вѣрному, хотя

[1] Ив. Ив. Дмитріевъ.

ДМД

слегка означенному, изображенію Кавказа и горскихъ нравовъ. Авторъ также соглашается съ общимъ голосомъ критиковъ, справедливо осудившимъ характеръ плѣнника, нѣкоторыя отдѣльныя черты и проч.

Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей (1829).

Tantae ne animis scholasticis irae!

Распря между двумя извѣстными журналистами надѣлала шуму.—Постараемся изложить исторически все дѣло, sine ira et studio.

Въ концѣ минувшаго года редакторъ „Вѣстника Европы", желая въ слѣдующемъ 1829 году потрудиться еще въ качествѣ издателя, объявилъ о томъ публикѣ, все еще худо понимающей различіе между сими двумя учеными званіями. Убѣдившись единогласнымъ мнѣніемъ критиковъ въ односторонности и скудости Вѣстника Европы, сверхъ того движимый глубокимъ чувствомъ состраданія при видѣ безпомощнаго состоянія литературы, онъ обѣщалъ употребить наконецъ свои старанія, чтобы сдѣлать журналъ сей обширнѣе и разнообразнѣе. Онъ надѣялся отнынѣ далѣе видѣть, свободнѣе соображать и рѣшительнѣе дѣйствовать. Онъ собирался пуститься въ неизмѣримую область быто-

писанія, по которой Карамзинъ, какъ всѣмъ извѣстно, проложилъ тропинку, теряющуюся въ тундрахъ безплодныхъ. „Предполагаю работать самъ“, говорилъ почтенный редакторъ, „не отказывая однакожъ и другимъ литераторамъ участвовать въ трудахъ моихъ.„ Сіи поздній, но тѣмъ не менѣе благія намѣренія, сія похвальная заботливость о русской литературѣ, сія великодушная снисходительность къ сотрудникамъ, тронули и обрадовали насъ чрезвычайно. Пріятно было бы намъ привѣтствовать первые труды, первые успѣхи знаменитаго редактора Вѣстника Европы. Его глубокія знанія (думали мы), столь извѣстныя намъ по слуху, дадутъ плодъ во время свое (въ нынѣшнемъ 1829 году). Свѣтильникъ исторической его критики озаритъ вышеупомянутыя тундры области бытописаній, а законы словесности, умолкшіе при звукахъ журнальной полемики, заговорятъ устами ученаго редактора. Онъ не ограничитъ своихъ глубокомысленныхъ изслѣдованій замѣчаніями о заглавномъ листѣ Исторіи Государства Россійскаго, или даже разсужденіями о куньихъ мордкахъ,[1] но вѣрнымъ взоромъ обниметъ наконецъ тво-

[1] Въ „Вѣстн. Евр.“ 1828 г. № 13 напечатана статья Каченовскаго: „О бѣльихъ лобкахъ и куньихъ мордкахъ“.

ренie Карамзина, оцѣнитъ систему его розысканiй, укажетъ источники новыхъ соображенiй, дополнитъ недосказанное. Въ критикахъ собственно-литературныхъ мы не будемъ слышать: то брюзгливаго ворчанья какого нибудь стараго педанта, то непристойныхъ криковъ пьянаго семинариста. Критики г. Каченовскаго должны будутъ имѣть рѣшительное влiянiе на словесность. Молодые писатели не будутъ ими забавляться, какъ пошлыми шуточками журнальнаго гаера. Писатели извѣстные не будутъ ими презирать, ибо услышатъ окончательный судъ своимъ произведенiямъ, оцѣненнымъ ученостью, вкусомъ и хладнокровiемъ.

Можемъ смѣло сказать, что мы ни единой минуты не усомнились въ исполненiи плановъ г. Каченовскаго, изложенныхъ поэтическимъ слогомъ въ газетномъ объявленiи о подпискѣ на Вѣстникъ Европы. Но г. Полевой, долгое время наблюдавшiй литературное поведенiе своихъ товарищей-журналистовъ, худо повѣрилъ новымъ обѣщанiямъ Вѣстника. Не ограничиваясь безмолвными сомнѣнiями, онъ напечаталъ, въ 20-й книжкѣ Московскаго Телеграфа прошедшаго года, статью, въ которой сильно напалъ онъ на почтеннаго редактора Вѣстника Европы. Давъ замѣтить неприличiе нѣкоторыхъ выраженiй, употребленныхъ, вѣроятно неумышленно, г. Каченовскимъ, онъ говоритъ:

„Если бы онъ (Вѣстникъ Европы), старецъ по лѣтамъ, признался въ незнаніи своемъ, принялся за дѣло скромно, поучился, бросилъ свои смѣшные предразсудки, заговорилъ голосомъ безпристрастія; мы всѣ охотно уважили бы его сознаніе въ слабости, желаніе учиться и познавать истину, всѣ охотно стали бы слушать его."

Странныя требованія! Въ лѣтахъ Вѣстника Европы уже не учатся и не бросаютъ предразсудковъ закоренѣлыхъ. Скромность, украшеніе сѣдинъ, не есть необходимость литературная; а если сознанія, требуемыя г. Полевымъ, и заслуживаютъ какое нибудь уваженіе, то можно ли намъ оныя слушать изъ устъ почтеннаго старца, безъ болѣзненнаго чувства стыда и состраданія?

„Но что̀ сдѣлалъ до сихъ поръ издатель Вѣстника Европы?" продолжаетъ г. Полевой. „Гдѣ его права, и на какой воздѣланной его трудами землѣ онъ водрузитъ свои знамена: гдѣ, за какимъ океаномъ эта обѣтованная земля? Юноши, обогнавшіе издателя Вѣстника Европы, не виноваты, что они шли впередъ, когда издатель Вѣстника Европы засѣлъ на одномъ мѣстѣ и неподвижно просидѣлъ болѣе двадцати лѣтъ. Дивиться ли, что теперь Вѣстнику Европы видятся чудныя распри, грезятся кимвалы бряцающіе и мѣдь звенящая?"

На сіе отвѣтствуемъ:

Если г. Каченовскій, не написавъ ни одной книги, достойной нѣкотораго вниманія, не напечатавъ, въ теченіе двадцати шести лѣтъ, ни одной замѣчательной статьи, снискалъ однакожь себѣ безсмертную славу; то чего же должно намъ ожидать отъ него, когда наконецъ онъ примется за дѣло не на шутку?

Г. Каченовскій просидѣлъ двадцать шесть лѣтъ на одномъ мѣстѣ—согласенъ; но какъ могли юноши обогнать его, если онъ ни за чѣмъ и не гнался? Г. Каченовскій ошибочно судилъ о музыкѣ Верстовскаго—но развѣ онъ музыкантъ? Г. Каченовскій перевелъ „Терезу и Фальдони"—что̀ за бѣда?

Доселѣ казалось намъ, что г. Полевой не правъ, ибо обнаруживается какое-то пристрастіе въ замѣчаніяхъ, которыя съ перваго взгляда являются довольно основательными. Мы ожидали отъ г. Каченовскаго возраженій неспоримыхъ или благороднаго молчанія, каковымъ нѣкоторые извѣстные писатели всегда отвѣтствовали на неприличныя и пристрастныя выходки нѣкоторыхъ журналистовъ. Но сколь изумились мы, прочитавъ въ 24 № Вѣстника Европы слѣдующее примѣчаніе редактора къ статьѣ своего почтеннаго сотрудника, г. Недоумки (одного изъ великихъ писателей, приносящихъ истинную честь и своему вѣку и журналу, въ коемъ они участвуютъ).

„Здѣсь приличнымъ считаю объявить, что препираться съ Бенигною я не имѣю охоты, отказавшись навсегда отъ безплодной полемики; а теперь не имѣю на то и права, предпринявъ другія мѣры къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола сего Бенигны и всѣхъ прочихъ. Я даже не читалъ бы статьи Телеграфической, еслибъ не былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и къ достоинству мѣста, при которомъ имѣю счастіе продолжать оную. Рдръ".

Сіе загадочное примѣчаніе привело насъ въ большое безпокойство. Какія мѣры къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола г. Бенигны предпринялъ почтенный редакторъ? что̀ значитъ игривый произволъ г. Бенигны? что̀ такое: былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и достоинству мѣста? (Впрочемъ, смыслъ послѣдней фразы донынѣ остается теменъ, какъ въ логическомъ, такъ и въ грамматическомъ отношеніи). Многочисленные почитатели Вѣстника Европы затрепетали, прочитавъ сіи мрачныя, грозныя, безпорядочныя строки. Не смѣли вообразить, на что̀ могло рѣшиться рыцарское негодованіе Міхаила Трофімовича. Къ счастію, скоро все объяснилось. Оскорбленный, какъ издатель „Вѣстника Европы", г. Каченовскій рѣшился

требовать защиты законовъ, какъ ординарный профессоръ, статскій совѣтникъ и кавалеръ, и явился въ цензурный комитетъ съ жалобою на цензора, пропустившаго статью г. Полеваго.

Успокоясь на счетъ ужаснаго смысла вышеупомянутаго примѣчанія, мы сожалѣли о безполезномъ дѣйствіи почтеннаго редактора. Всѣ предвидѣли послѣдствія онаго. Въ статьѣ г. Полеваго личная честь г. Каченовскаго не была оскорблена. Говоря съ неуваженіемъ о его занятіяхъ литературныхъ, издатель Московскаго Телеграфа не упомянулъ ни о его службѣ, ни о тайнахъ домашней жизни, ни о качествахъ его души. Новое лицо выступило на сцену: цензоръ С. Н. Глинка явился отвѣтчикомъ. Пылкость и неустрашимость духа обнаружились въ его рѣчахъ, письмахъ и дѣловыхъ запискахъ. Онъ увлекъ сердце краснорѣчіемъ сердца и, вопреки чувству уваженія и преданности, глубоко питаемому нами къ почтенному профессору, мы желали побѣды храброму его противнику, ибо польза просвѣщенія и словесности требуетъ степени свободы, которая намъ дарована мудрымъ и благодѣтельнымъ уставомъ. В. В. Измайловъ, которому отечественная словесность уже многимъ обязана, снискалъ себѣ новое право на общую благодарность свободнымъ изъясненіемъ мнѣнія столь же умѣреннаго, какъ и справедливаго.

Между тѣмъ, ожесточенный издатель Московскаго Телеграфа напечаталъ другую статью, въ коей дерзновенно подтвердилъ и оправдалъ первыя свои показанія. Вся литературная жизнь г. Каченовскаго была разобрана по годамъ, всѣ занятія оцѣнены, всѣ простодушныя обмолвки выведены на позоръ. Г. Полевой доказалъ, что почтенный редакторъ пользуется славою ученаго мужа, такъ сказать, на честное слово; а донынѣ, кромѣ переводовъ съ переводовъ и кой-какихъ заимствованныхъ кое-гдѣ статеекъ, ничего не произвелъ. Скудость, болѣе достойная сожалѣнія, нежели укоризны! Но что̀ всего важнѣе, г. Полевой доказалъ, что Міхаилъ Трофімовичъ нѣсколько разъ дозволялъ себѣ личности въ своихъ критическихъ статейкахъ, что онъ упрекалъ издателя Телеграфа виннымъ заводомъ (пятномъ укаснымъ, какъ извѣстно всему нашему дворянству!); что онъ неоднократно съ упрекомъ повторялъ г. Полевому, что сей послѣдній купецъ (другое, столь же ужасное обвиненіе!) и все сіе въ непристойныхъ, оскорбительныхъ выраженіяхъ. Тутъ уже мы приняли совершенно сторону г. Полеваго. Никто, болѣе нашего, не уважаетъ истиннаго, родоваго дворянства, коего существованіе столь важно въ смыслѣ государственномъ; но въ мирной республикѣ наукъ—какое намъ дѣло до гербовъ и пыльныхъ грамотъ? Потомокъ Трувора или Го-

стомысла, трудолюбивый профессоръ, честный аудиторъ и странствующій купецъ, равны предъ законами критики. Князь Вяземскій уже далъ однажды замѣтить неприличность сихъ аристократическихъ выходокъ; но не худо повторять полезныя истины.

Однакожъ, таково дѣйствіе долговременнаго уваженія! и тутъ мы укоряли г. Полеваго въ запальчивости и неумѣренности. Мы съ умиленіемъ взирали на почтеннаго старца, разстроеннаго до такой степени, что для поддержанія ученой своей славы принужденъ онъ былъ обратиться къ русскому букварю и преобразовать оный, такъ что свѣдѣнія Міхаила Трофімовича въ греческой азбукѣ отнынѣ не подлежатъ уже никакому сомнѣнію.

Съ нетерпѣніемъ ожидали мы развязки дѣла. Наконецъ водворилось спокойствіе въ области словесности и прекратилась междоусобная распря миромъ, равно выгоднымъ для побѣдителей и побѣжденныхъ...

Литературное общество (1829).

Нѣсколько московскихъ литераторовъ, приносящихъ истинную честь нашему вѣку какъ своими произведеніями, такъ и нравственностію, видя безпомощное состояніе нашей словесности и наскуча звуками кимвала звенящаго,

рѣшились составить общество для распространенія правилъ критики Курганова и Тредьяковскаго и для удержанія въ границахъ повиновенія и благопристойности отступниковъ и насмѣшниковъ.

Общество имѣло первое свое засѣданіе на Малой Бронной, въ домѣ г-на X., бывшаго корректора типографіи, — 17 октября сего года. Приглашеніе многочисленной публики. Нѣкоторыя сосѣднія дамы удостоили засѣданіе своимъ присутствіемъ. Предсѣдателемъ былъ избранъ единогласно г-нъ Трандофырь, знаменитый переводчикъ одного безсмертнаго романа.[1] Секретаремъ былъ избранъ, единогласно же, Никодимъ Невѣждинъ,[2] изъ честнаго сословія слугъ, скромный молодой человѣкъ, оказавшій недавно отличные успѣхи въ словесности и, не смотря на лакейскій тонъ своихъ статеекъ, обѣщающій быть законодателемъ вкуса.

Ждали г-на....цова, но онъ не могъ придти по причинѣ флюса, полученнаго имъ на ярмонкѣ, во время метанія чрезвычайно счастливой тальи.

Г-нъ Трандофырь открылъ засѣданіе прекрасной рѣчью, въ которой трогательно изобразилъ онъ безпомощное состояніе нашей словесности,

[1] Здѣсь разумѣется Каченовскій.
[2] Н. И. Надеждинъ.

недоумѣніе нашихъ писателей, подвизающихся во мракѣ, не озаренныхъ свѣтильникомъ критики. Г-нъ Трандофырь краснорѣчиво убѣждалъ приняться за дѣло: „что̀ сдѣлали мы до сихъ поръ, почтенные слушатели? сказалъ онъ:—перевели романы, доставившіе намъ 700 рублей отъ Ширяева, и разобрали заглавный листъ Исторіи Государства Россійскаго; труды безсмертные, безспорно, но недостаточные для новаго преобразованія словесности, для истребленія неутомимыхъ нашихъ враговъ". Послѣ рѣчи г-на предсѣдателя, г. Невѣждинъ прочелъ проектъ новаго журнала, имѣющаго быть издаваемымъ въ слѣдующемъ 1830 году, подъ названіемъ Азіатскій Ракъ. Журналъ сей будетъ выходить каждый мѣсяцъ по одной книжкѣ; каждая книжка будетъ заключать въ себѣ четыре отдѣла. Отдѣлъ I. Изящная словесность. Переводы Байрона—съ польскаго; стихи молодыхъ семинаристовъ; отрывки изъ записокъ г-на Трандофыря (для примѣра г. секретарь прочелъ плѣнительное описаніе отрочества почтеннаго Трандофыря. Всѣ съ удовольствіемъ слушали милыя проказы маленькаго купчика, тогда уже столь много обѣщавшаго). Отдѣлъ II. Критика...

Статьи и замѣтки изъ Литературной Газеты

(1830).

I. О некрологіи Раевскаго.

Въ концѣ истекшаго года вышла въ свѣтъ „Некрологія генерала отъ кавалеріи Н. Н. Раевскаго“, умершаго 16 сентября 1829 года. Сіе сжатое обозрѣніе, писанное, какъ намъ кажется, человѣкомъ свѣдущимъ въ военномъ дѣлѣ, отличается благородною теплотою слога и чувствъ. Желательно, чтобы то же перо описало пространнѣе подвиги и приватную жизнь героя и добродѣтельнаго человѣка. Съ удивленіемъ замѣтили мы непонятное упущеніе со стороны неизвѣстнаго автора некролога: онъ не упомянулъ о двухъ отрокахъ, приведенныхъ отцомъ на поля сраженій въ кровавомъ 1812-мъ году!.. Отечество того не забыло.

II. О выходѣ Иліады въ переводѣ Гнѣдича.

Наконецъ вышелъ въ свѣтъ такъ давно и такъ нетерпѣливо ожиданный переводъ Иліады! Когда писатели, избалованные минутными успѣхами, большею частію устремились на блестящія бездѣлки, когда талантъ чуждается труда, а мода пренебрегаетъ образцами величавой древности, когда поэзія не есть благоговѣйное служеніе, но токмо легкомысленное занятіе: съ чувствомъ глубокимъ уваженія и благодарности взираемъ на поэта, посвятившаго гордо лучшіе годы жизни исключительному труду, безкорыстнымъ вдохновеніямъ и совершенію единаго, высокаго подвига. Русская Иліада передъ нами. Приступаемъ къ ея изученію, дабы современемъ отдать отчетъ нашимъ читателямъ о книгѣ, долженствующей имѣть столь важное вліяніе на отечественную словесность.

III. О литературной критикѣ.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ даютъ замѣтить, что „Литературная Газета" у насъ не можетъ существовать по весьма простой причинѣ: у насъ нѣтъ литературы. Еслибъ это было справедливо, то мы не нуждались бы и въ критикѣ; однакожъ, произведенія нашей литературы, какъ ни рѣдки, но являются, живутъ и умираютъ, не оцѣненныя по достоинству. Кри-

тика въ нашихъ журналахъ или ограничивается сухими библіографическими извѣстіями, сатирическими замѣчаніями, болѣе или менѣе остроумными, общими дружескими похвалами, или просто превращается въ домашнюю переписку издателя съ сотрудниками, съ корректоромъ и проч. — „Очистите мѣсто для новой статьи моей“, пишетъ сотрудникъ. „Съ удовольствіемъ“, отвѣчаетъ издатель. И это все напечатано. Недавно въ одномъ журналѣ было упомянуто о порохѣ. „Вотъ ужо вамъ будетъ порохъ!“ сказано въ замѣчаніи наборщика, а самъ издатель возражаетъ на сіе:

„Могущему пороку — брань,
Безсильному—презрѣнье“.

Эти семейныя шутки должны имѣть свой ключъ и вѣроятно очень забавны; но для насъ онѣ покамѣстъ не имѣютъ никакого смысла.

Скажутъ, что критика должна единственно заниматься произведеніями, имѣющими видимое достоинство; не думаю. Иное сочиненіе само по себѣ ничтожно, но замѣчательно по своему успѣху или вліянію, и въ семъ отношеніи нравственныя наблюденія важнѣе наблюденій литературныхъ. Въ прошломъ году напечатано нѣсколько книгъ (между прочими Иванъ Выжигинъ), о коихъ критика могла бы сказать много поучительнаго и любопытнаго. Но гдѣ же онѣ были разобраны, пояснены? Не говоря

уже о живыхъ писателяхъ, Ломоносовъ, Державинъ, Фонвизинъ ожидаютъ еще египетскаго суда. Высокопарныя прозвища, безусловныя похвалы, пошлыя восклицанія уже не могутъ удовлетворить людей здравомыслящихъ. Впрочемъ, „Литературная Газета“ была у насъ необходима не столько для публики, сколько для нѣкотораго числа писателей, не могшихъ по разнымъ отношеніямъ являться подъ своимъ именемъ ни въ одномъ изъ петербургскихъ или московскихъ журналовъ.

IV. Объ исторіи Русскаго Народа, Полеваго.

Статья 1.

Мы не охотники разбирать заглавія и предисловія книгъ, о коихъ обязываемся отдавать отчетъ публикѣ; но передъ нами первый томъ Исторіи Русскаго Народа, соч. г. Полевымъ, и поневолѣ должны мы остановиться на первой строкѣ посвященія: Г-ну Нибуру, первому историку нашего вѣка. Спрашивается: кѣмъ и какимъ образомъ г. Полевой уполномоченъ назначать мѣста писателямъ, заслужившимъ всемірную извѣстность? Долженъ ли г. Нибуръ быть благодаренъ г. Полевому за милостивое производство въ первые историки нашего вѣка, не въ примѣръ другимъ? Нѣтъ ли тутъ, со стороны г. Полеваго, излишней самонадѣянности? Зачѣмъ

съ первой страницы вооружать уже на себя читателя, всегда недовѣрчиваго къ выходкамъ авторскаго самолюбія и предубѣжденнаго противъ нескромности? Самое посвященіе, вѣроятно, не помиритъ его съ г. Полевымъ. Въ немъ господствуетъ единая мысль, единое слово: Я, еще болѣе неловкое, чѣмъ ненавистное Я. Послушаемъ г. Полеваго: „Въ то время, когда образованность и просвѣщеніе соединяютъ всѣ народы союзомъ дружбы, основанной на высшемъ созерцаніи жребія человѣчества, когда высокія помышленія, плоды философскихъ наблюденій, и великія истины прошедшаго и настоящаго составляютъ общее наслѣдіе различныхъ народовъ и быстро раздѣляются между обитателями отдаленныхъ одна отъ другой странъ,...“ тогда — что̀ бы вы думали? „я осмѣливаюсь поднести вамъ мою Исторію Русскаго Народа“.

Belle conclusion et digne de l'exorde!

Далѣе: „Я не поколебался писать Исторію Россіи послѣ Карамзина: утвердительно скажу, что я вѣрно изобразилъ Исторію Россіи; я зналъ подробности событій, я чувствовалъ ихъ, какъ русскій; я былъ безпристрастенъ, какъ гражданинъ міра...“ Воля ваша: хвалить себя немножко можно; зачѣмъ терять хоть единый голосъ въ собственную пользу? Но есть мѣра всему. Далѣе: „Она (картина г-на Полеваго) достойна вашего взора (Нибурова). Пусть приношеніе мое пока-

жетъ вамъ, что въ Россіи столько же умѣютъ цѣнить и почитать васъ, какъ и въ другихъ просвѣщенныхъ странахъ міра.“ Опять! какъ можно самому себя выдавать за представителя всей Россіи? За посвященіемъ слѣдуетъ предисловіе. Вступленіе въ оное писано темнымъ, изысканнымъ слогомъ и своими противорѣчіями и многословіемъ напоминаетъ философическую статью о Русской Исторіи, напечатанную въ Московскомъ Телеграфѣ и разобранную съ такою оригинальной веселостію въ Славянинѣ.

Пріемлемъ смѣлость замѣтить г-ну Полевому, что онъ поступилъ по крайней мѣрѣ неискусно, напавъ на Исторію Государства Россійскаго въ то самое время, какъ начиналъ печатать Исторію Русскаго Народа. Чѣмъ полнѣе, чѣмъ искреннѣе отдалъ бы онъ справедливость Карамзину, чѣмъ смиреннѣе отозвался бы онъ о самомъ себѣ, тѣмъ охотнѣе были бы всѣ готовы привѣтствовать его появленіе на поприщѣ, ознаменованномъ безсмертнымъ трудомъ его предшественника. Онъ отдалилъ бы отъ себя нареканія, правдоподобныя, если не совсѣмъ справедливыя. Уваженіе къ именамъ, освященнымъ славою, не есть подлость (какъ осмѣлился кто-то напечатать), но первый признакъ ума просвѣщеннаго. Позорить ихъ дозволяется токмо вѣтреному невѣжеству, какъ нѣ-

когда, по указу эфоровъ, однимъ хіосскимъ жителямъ дозволено было пакостить всенародно.

Карамзинъ есть первый нашъ историкъ и последній лѣтописецъ. Своею критикой онъ принадлежитъ исторіи, простодушіемъ и апофѳегмами—хроникѣ. Критика его состоитъ въ ученомъ сличеніи преданій, въ остроумномъ изысканіи истины, въ ясномъ и вѣрномъ изображеніи событій. Нѣтъ ни единой эпохи, ни единаго важнаго происшествія, которыя не были бы удовлетворительно развиты Карамзинымъ. Гдѣ разсказъ его неудовлетворителенъ, тамъ недоставало ему источниковъ: онъ ихъ не замѣнялъ своевольными догадками. Нравственныя его размышленія, своею иноческою простотою, даютъ его повѣствованію всю неизъяснимую прелесть древней лѣтописи. Онъ ихъ употреблялъ какъ краски, но не полагалъ въ нихъ никакой существенной важности. „Замѣтимъ, что сіи апофѳегмы“, говоритъ онъ въ предисловіи, столь много критикованномъ и столь еще мало понятомъ, „бываютъ для основательныхъ умовъ или полу-истинами, или весьма обыкновенными истинами, которыя не имѣютъ большой цѣны въ исторіи, гдѣ ищемъ дѣйствія и характеровъ.“ Не должно видѣть въ отдѣльныхъ размышленіяхъ насильственнаго направленія повѣствованія къ какой нибудь извѣстной цѣли. Историкъ, добросовѣстно разсказавъ происшествіе, выво-

дитъ одно заключеніе, вы другое, г-нъ Полевой никакого: вольному воля, какъ говорили наши предки.

Г. Полевой замѣчаетъ, что 5-я глава XII тома была еще недописана Карамзинымъ, а начало ея, вмѣстѣ съ первыми четырьмя главами, было уже переписано и готово къ печати, и дѣлаетъ вопросъ: „Когда же думалъ историкъ?"

На сіе отвѣтствуемъ:

Когда первые труды Карамзина были съ жадностію принимаемы публикою, имъ образуемою, когда лестный успѣхъ слѣдовалъ за каждымъ новымъ произведеніемъ его гармоническаго пера, тогда уже думалъ онъ объ исторіи Россіи и мысленно обнималъ свое будущее созданіе. Вѣроятно, что XII томъ не былъ имъ еще начатъ, а уже историкъ думалъ о той страницѣ, на которой смерть застала послѣднюю его мысль... Г-нъ Полевой, немного подумавъ, конечно, самъ удивится своему легкомысленному вопросу.

СТАТЬЯ 2.

Дѣйствіе Вальтеръ Скотта ощутительно во всѣхъ отрасляхъ ему современной словесности. Новая школа французскихъ историковъ образовалась подъ вліяніемъ шотландскаго романиста. Онъ указалъ имъ источники совершенно новые, неподозрѣваемые прежде, не смотря на суще-

ствованіе исторической драмы, созданной Шекспиромъ и Гёте.

Г-нъ Полевой сильно почувствовалъ достоинства Баранта и Тьерри и принялъ ихъ образъ мнѣній съ неограниченнымъ энтузіазмомъ молодаго неофита. Плѣняясь романическою живостію истины, выведенной передъ насъ въ простодушной наготѣ лѣтописи, онъ фанатически отвергнулъ существованіе всякой другой исторіи. Судимъ не по словамъ г-на Полеваго, ибо изъ нихъ невозможно вывести никакого положительнаго заключенія; но основываемся на самомъ духѣ, въ которомъ вообще писана Исторія Русскаго Народа, на стараніи г-на Полеваго сохранить драгоцѣнныя краски старины и частыхъ его заимствованіяхъ у лѣтописей. Но желаніе отличиться отъ Карамзина слишкомъ явно въ г-нѣ Полевомъ, и какъ заглавіе его книги есть не что иное, какъ пустая пародія заглавія Исторіи Государства Россійскаго, такъ и разсказъ г-на Полеваго слишкомъ часто не что иное, какъ пародія разсказа исторіографа.

Исторія Русскаго Народа начинается живымъ географическимъ изображеніемъ Скандинавіи и нравовъ дикихъ ея обитателей (подражаніе Тьерри); но переходя къ описанію странъ, Россіею нынѣ именуемыхъ, и народовъ, нѣкогда тамъ обитавшихъ, г-нъ Полевой становится столь же теменъ въ изложеніи своихъ этногра-

фическихъ понятій, какъ въ философическихъ разсужденіяхъ своего предисловія. Онъ или повторяетъ сбивчиво то, что̀ было ясно изложено Карамзинымъ, или касается предметовъ, вовсе чуждыхъ исторіи русскаго народа, и, утомляя вниманіе читателя, говоритъ поминутно: „И такъ мы видимъ... Изъ сего слѣдуетъ... Мы въ нѣсколькихъ словахъ означили главныя черты великой картины...“ между тѣмъ, какъ мы ничего не видимъ, какъ изъ этого ничего не слѣдуетъ и какъ г-нъ Полевой въ весьма многихъ словахъ означилъ не главныя черты великой картины.

Желаніе противорѣчить Карамзину поминутно завлекаетъ г-на Полеваго въ мелочныя придирки, въ пустыя замѣчанія, большею частію несправедливыя. Онъ то соглашается съ Татищевымъ, то ссылается на Розенкампфа, то утвердительно и безъ доказательства повторяетъ нѣкоторые скептическіе намеки г-на Каченовскаго. Признавъ уже достовѣрность похода къ Царюграду, онъ сомнѣвается, имѣлъ ли Олегъ съ собою сухопутное войско. „Гдѣ могли пройти его дружины“, говоритъ г-нъ Полевой, „не чрезъ Булгарію по крайней мѣрѣ.“ Почему же нѣтъ? Какая тутъ физическая невозможность? Оспаривая у Карамзина смыслъ выраженія: на ключъ, онъ пускается въ догадки, ни на чемъ не основанныя. Быть можетъ, и Карамзинъ ошибся въ

примѣненіи своей догадки: ключъ (символъ хозяйства), какъ котелъ у казаковъ, означалъ, вѣроятно, общее хозяйство, артель.[1] Въ древнемъ договорѣ Карамзинъ читаетъ: милымъ ближникамъ, ссылаясь на сгорѣвшій Троицкій списокъ. Г-нъ Полевой, признавая, что въ другихъ спискахъ поставлено ad libita librarii милымъ и малымъ, подчеркиваетъ однакожъ слово сгорѣвшій, читаетъ малымъ (малолѣтнимъ, младшимъ) и переводитъ: дальнимъ (дальнимъ ближнимъ!). Не говоримъ уже о довольно смѣшномъ противорѣчіи; но что̀ за мысль отдавать наслѣдство дальнимъ родственникамъ мимо ближайшихъ?

Первый томъ Исторіи Русскаго Народа писанъ съ удивительною опрометчивостію. Г-нъ Полевой утверждаетъ, что дикая поэзія согрѣвала душу скандинава, что пѣснопѣнія скальда воспламеняли его, что религія усиливала въ немъ врожденную склонность къ независимости и презрѣнію смерти (склонность къ презрѣнію смерти!), что онъ гордился названіемъ берсеркера и пр.; а черезъ три страницы г-нъ Полевой увѣряетъ, что не слава вела его въ битвы; что онъ ея не зналъ; что недостатокъ пищи,

[1] Стряпчій съ ключемъ вѣдалъ хозяйственною частію двора. Въ Малороссіи ключевать значитъ управлять хозяйствомъ.—А. П.

одежды, жадность добычи были причинами его походовъ. Г-нъ Полевой не видитъ еще государства россійскаго въ начальныхъ княженіяхъ скандинавскихъ витязей, а въ Ольгѣ признаетъ уже мудрую образовательницу системы скрѣпленія частей въ единое цѣлое, а у Владиміра стремленіе къ единовластію. Въ удѣлахъ г-нъ Полевой видитъ: то образъ восточнаго самодержавія, то феодальную систему, общую тогда въ Европѣ. Промахи, указанные въ Московскомъ Вѣстникѣ, почти невѣроятны.

Г-нъ Полевой въ своемъ предисловіи весьма искусно даетъ замѣтить, что слогъ въ исторіи есть дѣло весьма второстепенное, если уже не совсѣмъ излишнее; онъ говоритъ о немъ почти съ презрѣніемъ.

Maître renard, peut-être on vous croirait...

По крайней мѣрѣ, слогъ есть самая слабая сторона Исторіи Русскаго Народа. Невозможно отвергать у г-на Полеваго ни остроумія, ни воображенія, ни способности живо чувствовать; но искусство писать до такой степени чуждо ему, что въ его сочиненіи картины, мысли, слова—все обезображено, перепутано и затемнено.

P. S. Сказавъ откровенно нашъ образъ мыслей на счетъ Исторіи Русскаго Народа, не можемъ умолчать о критикахъ, которымъ она подала поводъ. Въ журналѣ, издаваемомъ ученымъ,

извѣстнымъ профессоромъ, напечатана статья, въ коей брань доведена до изступленія; болѣе чѣмъ на тридцати страницахъ грубыхъ насмѣшекъ и ругательства, нѣтъ ни одного дѣльнаго обвиненія, ни одного поучительнаго показанія, кромѣ ссылки на мнѣніе самого издателя, мнѣніе весьма любопытное, коему доказательства съ нетерпѣніемъ должны ожидать любители отечественной исторіи.[1] Московскій Вѣстникъ... (et tu autem, Brute!) сказалъ свое мнѣніе на счетъ г-на Полеваго еще съ бòльшимъ, непростительнѣйшимъ забвеніемъ своей обязанности, непростительнѣйшимъ, ибо издатель Московскаго Вѣстника доказалъ, что чувство приличія ему сродно, и что слѣдственно онъ добровольно пренебрегаетъ онымъ. Ужели такъ трудно нашей братьѣ критикамъ сохранять хладнокровіе? Какъ не вспомнить, по крайней мѣрѣ, совѣта старинной сказки:

То же бы ты слово,
Да не такъ бы молвилъ.

ПРОГРАММА 3-Й СТАТЬИ.

I.

Феодальное право, основанное на правѣ завоеванія.

[1] Выписки, коими наполнена сія статья, въ самомъ дѣлѣ пойдутъ въ примѣръ галиматьи: но самый текстъ почти отъ нихъ не отличается.—А. П.

Что̀ были предводители?
Что̀ былъ народъ?
Тѣлохранители.
Власть королевская.
Продажа вольности городамъ.
Парламенты.
Vénalité des charges.
Ришельё.
Споры аристократіи съ парламентами.
Уничтоженіе феодализма.

1) Феодальное правленіе — система простая и сильная, было основано на правѣ завоеванія. Побѣдители, присвоивъ себѣ землю и собственность побѣжденныхъ, обратили ихъ самихъ въ рабство и раздѣлили все между собою. Предводители получили большіе участки. Слабые прибѣгнули къ прокровительству сильнѣйшихъ, и феодальная іерархія установилась.

2) Каждый владѣлецъ управлялъ въ своемъ участкѣ по своему, устанавливая свои законы, соблюдая свои выгоды и стараясь окружить себя достаточнымъ числомъ приверженцевъ, для удержанія въ повиновеніи своихъ вассаловъ или для отраженія хищныхъ сосѣдей. Для сего избирались бо̀льшею частію вольные люди, составлявшіе нѣкогда войско завоевателей. Современемъ они смѣшались съ побѣжденными, и такимъ образомъ установились взаимныя обязательства между владѣльцами и вассалами.

3) Короли, избираемые вначалѣ владѣльцами, были властителями только въ собственномъ своемъ участкѣ. Въ случаѣ войны съ непріятелемъ, новыхъ налоговъ или споровъ между двумя могущими сосѣдями, они созывали сеймы. Сеймы сіи составляли сначала одни знатные владѣльцы и военные люди. Духовенство было призвано впослѣдствіи властолюбивыми палатными мерами (Maire du Palais), а народъ гораздо позже, когда королевская власть почувствовала необходимость противупоставить новую силу дворянству, соединенному съ духовенствомъ.

4) Судопроизводство находилось въ рукахъ владѣльцевъ. Для записыванія ихъ постановленій избирались грамотеи изъ простолюдиновъ, ибо знатные люди занимались единственно военной наукою и не умѣли читать. Когда же война призывала бароновъ къ защитѣ королевскихъ владѣній или собственныхъ зàмковъ, то въ ихъ отсутствіи сіи грамотеи чинили судъ и расправу, сначала отъ имени бароновъ, а впослѣдствіи сами отъ себя. Продолжительныя войны дали имъ время основать свою самобытность. Такимъ образомъ родились парламенты.

5) Нужда въ деньгахъ заставила бароновъ и епископовъ продавать вассаламъ права, нѣкогда присвоенныя завоевателями. Сначала откупились рабы отъ вассаловъ, затѣмъ общины

пріобрѣли привилегіи. Въ послѣдствіи времени, короли, для уничтоженія власти сильныхъ владѣльцевъ, непрестанно покровительствовали общины, и когда мало по малу народъ откупился, владѣльцы обѣднѣли и стали проситься на жалованье королей. Они выбрались изъ феодальныхъ своихъ вертеповъ....

6) Короли почувствовали всю выгоду новаго положенія. Дабы покрыть новые, необходимые расходы, они прибѣгнули къ продажѣ судебныхъ мѣстъ, ибо доходы отъ правъ, покупаемыхъ городами, начали истощаться и казались уже опасными. Сія мѣра утвердила независимость гражданскихъ чиновниковъ (de la Magistrature) и сіе сословіе вошло въ соперничество съ дворянствомъ, которое возненавидѣло его.

7) Продажа гражданскихъ мѣстъ упрочила вліяніе достаточной части народа, слѣдовательно столь же благоразумна, какъ и другіе законы. Напрасно пошли противъ сей мѣры, будто бы варварской и нелѣпой.

8) Но вскорѣ замѣтили, до какой степени сія мѣра укрѣпила независимость чиновниковъ. Ришельё установилъ комиссаровъ, т е. временныхъ сановниковъ, уполномоченныхъ королемъ. Законники возроптали, какъ на нарушеніе правъ своихъ и злоупотребленіе общественной довѣренности. Ихъ не послушали и могущество министра подавило и ихъ, и феодализмъ.

Не смотря на то, что Исторія Русскаго Народа писана наобумъ, ошибки и промахи, указанные въ разныхъ журналахъ, доказываютъ, конечно, не невѣжество г-на Полеваго (ибо онъ могъ бы ихъ избѣжать, давъ себѣ время подумать и справиться), но только непростительную опрометчивость и поспѣшность. Презрѣніе, съ какимъ г. Полевой отзывался въ своихъ примѣчаніяхъ о Карамзинѣ, издѣваясь надъ его трудомъ, оскорбляло нравственное чувство уваженія нашего къ великому соотечественнику. Но сія опрометчивость и необдуманность сильно повредили г. Полевому въ мнѣніи малаго числа просвѣщенныхъ и благоразумныхъ читателей, ибо онѣ поколебали, или и вовсе уничтожили, довѣренность, которую онъ способенъ былъ внушить. Теперь мы читаемъ Исторію Русскаго Народа, не полагаясь на добросовѣстность труда и вѣрность разысканій, но на каждое слово невольно требуемъ подтвержденія повтореннаго, если не имѣемъ терпѣнія или способовъ справляться сами.—Исторія Русскаго Народа состоитъ изъ отдѣльныхъ отрывковъ, часто не имѣющихъ между собой связи по духу, въ коемъ они писаны, и походитъ болѣе на журнальныя статьи, чѣмъ на книгу, обдуманную однимъ человѣкомъ и проникнутую единствомъ духа.

Не смотря на сіи недостатки, Исторія Рус-

скаго Народа заслуживаетъ вниманія по многимъ остроумнымъ замѣчаніямъ (Остроуміемъ мы называемъ вовсе не шуточки, столь любезныя нашимъ веселымъ критикамъ, но способность сближать понятія и выводить изъ нихъ новыя и правильныя заключенія), по своей живости, хоть и неправильной, по взглядамъ и воззрѣніямъ недальнимъ и часто невѣрнымъ, но вообще новымъ и достойнымъ критическихъ изслѣдованій.

Второй томъ, нынѣ вышедшій изъ печати, имѣетъ, по нашему мнѣнію, большое преимущество передъ первымъ.

1) Въ немъ нѣтъ сбивчиваго предисловія и гораздо менѣе болтовни и противорѣчій.

2) Тонъ нападеній на Карамзина уже гораздо благопристойнѣе.

3) Самый разсказъ не есть уже пародія разсказа Карамзина, но нѣчто собственно принадлежащее г. Полевому.

II-й томъ начинается взглядомъ на всеобщее состояніе Европы въ XI столѣтіи.

Г. Полевой предчувствуетъ истину, но не умѣетъ ее отыскать и вьется около. Онъ чувствуетъ, что Россія была совершенно отдѣлена отъ Западной Европы. Онъ предчувствуетъ тому причину, но вскорѣ желаніе приноровить систему новѣйшихъ историковъ къ Россіи увлекаетъ его. Онъ видитъ опять феодализмъ (на-

ываетъ его семейственнымъ феодализмомъ) и въ семъ феодализмѣ—средство задушить феодализмъ же, и полагаетъ его необходимымъ для развитія силъ юной Россіи. Дѣло въ томъ, что въ Россіи еще не было феодализма, а были удѣлы, князья и ихъ дружина; что въ древнихъ удѣльныхъ княжествахъ не было никакой силы (доказательство—нашествіе татаръ); что Россія не окрѣпла и не развилась въ удѣльныя междоусобія, но, напротивъ, ослабѣла и сдѣлалась легкою добычею татаръ; что боярство не есть феодализмъ; феодализмъ — частность, аристократія—общность.

Феодализма въ Россіи не было. Одна фамилія варяжская властвовала независимо, добиваясь великаго княжества. Бояре жили въ городахъ при дворѣ княжескомъ, не укрѣпляя своихъ помѣстій, не сосредоточиваясь въ маломъ семействѣ, не враждуя противу королей, не продавая своей помощи городамъ; они были вмѣстѣ придворные и товарищи, но составляли союзы, считались старшинствомъ, крамольничали.

Великіе князья не имѣли нужды соединяться съ народомъ, дабы ихъ усмирить.

Феодализма у насъ не было—и тѣмъ хуже.

Освобожденія городовъ не существовало въ Россіи. Новгородъ на краю Россіи и сосѣдній ему Псковъ были истинныя республики, а не общины (communes), удаленныя отъ великаго

княжества и обязанныя своимъ бытіемъ сперва хитрой покорности, а потомъ—слабости враждующихъ князей. Феодализмъ могъ бы развиться, какъ первый шагъ учрежденій независимости (общины были бы второй), но онъ не успѣлъ. Онъ разсѣялся во времена татаръ, былъ подавленъ Иваномъ III, гонимъ, истребляемъ Иваномъ IV.—Мѣсто феодализма заступила аристократія, и могущество ея въ междуцарствіе возросло до высочайшей степени. Она была наслѣдственная—отселѣ мѣстничество, на которое до сихъ поръ привыкли смотрѣть самымъ дѣтскимъ образомъ. Не Ѳедоръ, а Языковъ и меньшое дворянство уничтожили мѣстничество и боярство. Съ Ѳеодора и Петра начинается революція въ Россіи, которая продолжается и до сего дня.

Какое время силы нашего боярства?—Во время удѣловъ, когда удѣльные князья сами сдѣлались боярами. — Когда пало боярство? — При Іоаннахъ, которые къ одному мѣстничеству не дерзнули прикоснуться.—Были ли дворянскія грамоты? — Мининъ! — Было ли зло мѣстничество?.. Вездѣ ли существовало оно? Зачѣмъ уничтожено было оно? И было ли оно въ самомъ дѣлѣ уничтожено?—Петръ.

Исторія древняя кончилась Богочеловѣкомъ, говоритъ г. Полевой. Справедливо. Великій духовный и политическій переворотъ нашей планеты есть христіанство. Въ этой священной

стихіи исчезъ и обновился міръ. Исторія древняя есть исторія Египта, Персіи, Греціи, Рима,— исторія новѣйшая есть исторія христіанства. Горе странѣ, находящейся внѣ его! Зачѣмъ же г. Полевой за нѣсколько страницъ выше повторилъ пристрастное мнѣніе XVIII столѣтія и призналъ концомъ древней исторіи паденіе Западной римской имперіи,—какъ будто самое распаденіе оной на Восточную и Западную не есть уже конецъ Рима и ветхой системы его?

Гизо объясняетъ одно изъ событій христіанской исторіи,—европейское просвѣщеніе. Онъ обрѣтаетъ его зародышъ, описываетъ постепенное развитіе и, отклоняя все отдаленное, случайное и постороннее, доводитъ до насъ сквозь рядъ темныхъ и кровавыхъ, тяжелыхъ и расцвѣтающихъ вѣковъ.

Вы поняли всѣ достоинства французскаго историка, поймите-жь и то, что Россія никогда ничего не имѣла общаго съ остальною Европою, что исторія ея требуетъ другой мысли, другой формулы, чѣмъ мысли и формулы, выведенныя Гизотомъ изъ исторіи христіанскаго Запада. Не говорите: иначе нельзя было быть. Коли было бы это правда, то историкъ былъ бы астрономъ и событія жизни человѣческой были бы предсказаны въ календаряхъ, какъ и затмѣнія солнечныя. Но провидѣніе—не алгебра; умъ человѣческій, по простонародному выраже-

нію,—не пророкъ, а угадчикъ. Онъ видитъ общій ходъ вещей и можетъ выводить изъ онаго глубокія предположенія, часто оправданныя временемъ, но невозможно предвидѣть ему случая. Одинъ изъ остроумныхъ людей XVIII столѣтія предсказалъ камеру депутатовъ, но никто не могъ предсказать ни Наполеона, ни Полиньяка.

V. О романѣ Загоскина: Юрій Милославскій.

Въ наше время, подъ словомъ романъ разумѣемъ историческую эпоху, развитую въ вымышленномъ повѣствованіи. Вальтеръ Скоттъ увлекъ за собою цѣлую толпу подражателей. Но какъ они всѣ далеки отъ шотландскаго чародѣя! Подобно ученику Агриппы, они, вызвавъ демона старины, не умѣли имъ управлять и сдѣлались жертвами своей дерзости. Въ вѣкъ, въ который хотятъ они перенести читателя, перебираются они сами съ тяжелымъ запасомъ домашнихъ привычекъ, предразсудковъ и дневныхъ впечатлѣній. Подъ беретомъ, осѣненнымъ перьями, узнаете вы голову, причесанную вашимъ парикмахеромъ; сквозь кружевную фрезу à la Henri IV проглядываетъ накрахмаленный галстухъ нынѣшняго dandy. Готическія героини воспитаны у madame Campan, а государственные люди XVI столѣтія читаютъ Times и Jour-

nal des Débats. Сколько несообразностей, ненужныхъ мелочей, важныхъ упущеній! сколько изысканности, а сверхъ всего какъ мало жизни! Однакожь сіи бѣдныя произведенія читаются въ Европѣ. Потому ли, что люди, какъ утверждала madame de Staël, знаютъ только исторію своего времени и, слѣдственно, не въ состояніи замѣтить нелѣпости романическихъ анахронизмовъ? Потому ли, что изображеніе старины, даже слабое и невѣрное, имѣетъ неизъяснимую прелесть для воображенія, притупленнаго однообразной пестротою настоящаго, ежедневнаго?

Спѣшимъ замѣтить, что упреки сіи вовсе не касаются „Юрія Милославскаго". Г. Загоскинъ точно переноситъ насъ въ 1612 годъ. Добрый нашъ народъ, бояре, казаки, монахи, буйные шиши — все это угадано, все это дѣйствуетъ, чувствуетъ, какъ должно было дѣйствовать, чувствовать въ смутныя времена Минина и Аврамія Палицына. Какъ живы, какъ занимательны сцены старинной русской жизни, сколько истины, добродушной веселости въ изображеніи характеровъ Кирши, Алексѣя Бурнаша, Ѳедьки Хомяка, пана Копычинскаго, батьки Еремѣя! Романическое происшествіе безъ насилія входитъ въ раму обширнѣйшую происшествія историческаго. Авторъ не спѣшитъ своимъ разсказомъ, останавливается на подробностяхъ, заглядываетъ и въ сторону, но никогда не уто-

мляетъ читателя. Разговоръ (живой, драматическій вездѣ, гдѣ онъ простонароденъ) обличаетъ мастера своего дѣла. Но неоспоримое дарованіе г. Загоскина замѣтно измѣняетъ ему, когда онъ приближается къ лицамъ историческимъ. Рѣчь Минина на нижегородской площади слаба: въ ней нѣтъ порывовъ народнаго краснорѣчія. Боярская дума изображена холодно. Можно замѣтить два-три легкіе анахронизма и нѣкоторыя погрѣшности противъ языка и костюма. Напр., новѣйшее выраженіе: столбовой дворянинъ, употреблено въ смыслѣ человѣка знатнаго рода (мужа честна, какъ говорятъ лѣтописцы); охотиться, вмѣсто: ѣздить на охоту; пользовать, вмѣсто лечить. Эти два послѣднія выраженія не простонародныя, какъ, видно, полагаетъ авторъ, но просто принадлежатъ языку дурнаго общества. Быть въ отвѣтѣ, значило въ старину: быть въ посольствѣ. Нѣкоторыя пословицы употреблены авторомъ не въ ихъ первобытномъ смыслѣ: изъ сказки слòва не выкинешь, вмѣсто изъ пѣсни. Въ пѣснѣ слова составляютъ стихъ, и слòва не выкинешь, не испортивъ склада; сказка — дѣло другое. Но сіи мелкія погрѣшности и другія, замѣченныя въ 1-мъ № „Московскаго Вѣстника“ нынѣшняго года, не могутъ повредить блистательному, вполнѣ заслуженному успѣху „Юрія Милославскаго“.

VI. О запискахъ Самсона.

Французскіе журналы извѣщаютъ насъ о скоромъ появленіи Записокъ Самсона, парижскаго палача. Этого должно было ожидать. Вотъ до чего довела насъ жажда новизны и сильныхъ впечатлѣній!

Послѣ соблазнительныхъ исповѣдей философіи XVIII вѣка, явились политическія, не менѣе соблазнительныя откровенія. Мы не довольствовались видѣть людей извѣстныхъ въ колпакѣ и въ шлафрокѣ, мы захотѣли послѣдовать за ними въ ихъ спальню и далѣе. Когда намъ и это надоѣло, явилась толпа людей темныхъ, съ позорными своими сказаніями. Но мы не остановились на безстыдныхъ запискахъ Генріетты Вильсонъ, Казановы и Современницы. Мы кинулись на плутовскія признанія полицейскаго шпіона и на поясненія оныхъ клейменаго каторжника. Журналы наполнились выписками изъ Видока. Поэтъ Гюго не постыдился въ немъ искать вдохновеній для романа, исполненнаго огня и грязи. Недоставало палача въ числѣ новѣйшихъ литераторовъ. Наконецъ и онъ явился, и къ стыду нашему скажемъ, что успѣхъ его Записокъ кажется несомнительнымъ.

Не завидуемъ людямъ, которые, основавъ свои разсчеты на безнравственности нашего любопытства, посвятили свое перо повторенію ска-

заній, вѣроятно, безграмотнаго Самсона. Но признаемся же и мы, живущіе въ вѣкѣ признаній: съ нетерпѣливостію, хотя и съ отвращеніемъ, ожидаемъ мы Записокъ парижскаго палача. Посмотримъ, что есть общаго между нимъ и людьми живыми? На какомъ звѣриномъ ревѣ объяснитъ онъ свои мысли? Что скажетъ намъ сіе твореніе, внушившее графу Мейстру столь поэтическую, столь страшную страницу? что скажетъ намъ сей человѣкъ, въ теченіе сорока лѣтъ кровавой жизни своей присутствовавшій при послѣднихъ содроганіяхъ столькихъ жертвъ, и славныхъ и неизвѣстныхъ, и священныхъ и ненавистныхъ? Всѣ, всѣ они — его минутные знакомцы — чредой пройдутъ передъ нами по гильотинѣ, на которой онъ, свирѣпый фигляръ, играетъ свою однообразную роль. Мученики, злодѣи, герои—и царственный страдалецъ, и убійца его, и Шарлотта Кордè, и прелестница Дю-Барри, и безумецъ Лувель, и мятежникъ Бертонъ и лекарь Кастенъ, отравлявшій своихъ ближнихъ, и Папавуанъ, рѣзавшій дѣтей: мы ихъ увидимъ опять въ послѣднюю страшную минуту. Головы, одна за другою, западаютъ передъ нами, произнося каждая свое послѣднее слово... И, насытивъ жестокое наше любопытство, книга палача займетъ свое мѣсто въ библіотекахъ, въ ожиданіи ученыхъ справокъ будущаго историка.

VII. О разговорѣ у княгини Халдиной, Фонвизина.

Недавно въ одномъ изъ нашихъ журналовъ изъявили сомнѣніе: точно ли „Разговоръ у княгини Халдиной“, напечатанный въ 3-мъ № „Литературной Газеты“, есть сочиненіе Фонвизина. Во-первыхъ, родной племянникъ покойнаго автора ручается въ достовѣрности онаго; во-вторыхъ, не такъ легко, какъ думаютъ, поддѣлаться подъ руку творца Недоросля и Бригадира: кто хотя немного изучалъ духъ и слогъ Фонвизина, тотъ узнаетъ тотчасъ ихъ несомнѣнные признаки и въ „Разговорѣ“. Статья сія замѣчательна не только какъ литературная рѣдкость, но и какъ любопытное изображеніе нравовъ и мнѣній, господствовавшихъ у насъ лѣтъ сорокъ тому назадъ. Княгиня Халдина говоритъ Сорванцову ты, онъ ей также. Она бранитъ служанку, зачѣмъ не пустила она гостя въ уборную. „Развѣ ты не знаешь, что я при мужчинахъ люблю одѣваться?“ — Да вѣдь стыдно, В. С., отвѣчаетъ служанка. — „Глупа, радость“, возражаетъ княгиня. Все это, вѣроятно, было списано съ натуры. Мы и тутъ узнаемъ подражаніе нравамъ парижскимъ. Изображеніе Сорванцова достойно кисти, нарисовавшей семью Простаковыхъ. Онъ записался въ службу, чтобы ѣздить цугомъ. Онъ проводитъ ночи за картами — и спитъ въ присутственномъ мѣстѣ во

время чтенія запутаннаго дѣла. Онъ чувствуетъ нелѣпость дѣловой бумаги — и соглашается съ мнѣніемъ прочихъ изъ лѣности и безпечности. Онъ продаетъ крестьянъ въ рекруты — и умно разсуждаетъ о просвѣщеніи. Онъ взятокъ не беретъ изъ тщеславія—и хладнокровно извиняетъ бѣдныхъ взяткобрателей. Словомъ, онъ истинно русскій баричъ прошлаго вѣка, каковымъ образовала его природа и полупросвѣщеніе. Здравомыслъ напоминаетъ Правдина и Стародума, хотъ въ немъ и менѣе педантства. Прочитавъ „Разговоръ у княгини Халдиной", пожалѣешь невольно, что не Фонвизину досталось изображать новѣйшіе наши нравы.

VIII. О статьяхъ кн. Вяземскаго.

Нѣкоторые журналы, обвиненные въ неприличности ихъ полемики, указали на кн. Вяземскаго, какъ на зачинщика брани, господствующей въ нашей литературѣ. Указаніе не искреннее. Критическія статьи кн. Вяземскаго носятъ на себѣ отпечатокъ ума тонкаго, наблюдательнаго, оригинальнаго. Часто не соглашаешься съ его мыслями, но онъ заставляетъ мыслить. Даже тамъ, гдѣ его мнѣнія явно противорѣчатъ нами принятымъ понятіямъ, онъ невольно увлекаетъ необыкновенною силою разсужденія (discussion) и ловкостію самаго софизма. Эпиграм-

матическіе же разборы его могутъ казаться обидными самолюбію авторскому, но кн. Вяземскій можетъ смѣло сказать, что личность его противниковъ никогда не была имъ оскорблена; они же всегда преступаютъ черту литературныхъ преній, и поминутно, думая напасть на писателя, вызываютъ на себя негодованіе члена общества и даже гражданина. Но должно ли на нихъ негодовать? Не думаемъ. Въ нихъ болѣе извинительнаго незнанія приличій, чѣмъ предосудительнаго намѣренія. Чувство приличія зависитъ отъ воспитанія и другихъ обстоятельствъ. Люди свѣтскіе имѣютъ свой образъ мыслей, свои предразсудки, непонятные для другой касты. Какимъ образомъ растолкуете вы мирному алеуту поединокъ двухъ французскихъ офицеровъ? Щекотливость ихъ покажется ему чрезвычайно странною, и онъ чуть ли не будетъ правъ.

Доказательствомъ, что журналы наши никогда не думали выходить изъ границъ благопристойности, служитъ ихъ добродушное изумленіе при таковыхъ обвиненіяхъ и ихъ единогласное указаніе на того, чьи произведенія болѣе всего носятъ на себѣ печать ума свѣтскаго и тонкаго знанія общежитія.

IX. О каррикатурѣ въ Англіи.

Англія есть отечество каррикатуры и пародіи. Всякое замѣчательное происшествіе подаетъ поводъ къ сатирической картинкѣ; всякое сочиненіе, ознаменованное успѣхомъ, подпадаетъ подъ пародію. Искусство поддѣлываться подъ слогъ извѣстныхъ писателей доведено въ Англіи до совершенства. Вальтеръ-Скотту показывали однажды стихи, будто бы имъ сочиненные. „Стихи кажется мои", отвѣчалъ онъ смѣясь; „я такъ много и такъ давно пишу, что не смѣю отречься отъ этой безсмыслицы!" — Не думаю, чтобы кто нибудь изъ извѣстныхъ нашихъ писателей могъ узнать себя въ пародіяхъ, напечатанныхъ недавно въ одномъ изъ московскихъ журналовъ.[1] Сей родъ шутокъ требуетъ рѣдкой гибкости слога; хорошій пародистъ обладаетъ всѣми слогами, а нашъ едва ли и однимъ. Впро-

[1] Въ особомъ сатирическомъ приложеніи къ „Московскому Телеграфу" Полеваго помѣщались тогда пародіи стихотвореній поэтовъ Пушкинскаго кружка подъ заглавіемъ: „Выдержки изъ новаго альманаха: „Литературное Зеркало". Здѣсь пародировались особенно стихотворенія бар. Дельвига (съ подписью Өеокритовъ), затѣмъ князя Вяземскаго (Шольё-Андреевъ), Баратынскаго (И. Пустоцвѣтовъ) и, наконецъ, Пушкина (Гамлетовъ). — Замѣтка Пушкина напечатана въ „Литературной Газетѣ", тотчасъ за 2-й статьей объ Исторіи Полеваго.

чемъ, и у насъ есть очень удачный опытъ: г-нъ Полевой очень забавно пародировалъ Гизота и Тьерри.

X. О гекзаметрахъ Мерзлякова.

Въ третьемъ нумерѣ „Московскаго Вѣстника" на нынѣшній годъ мы прочли слѣдующее замѣчаніе. „Въ предисловіи къ переводу Иліады, которымъ подарилъ русскую словесность г. Гнѣдичъ, говорится объ опытахъ гекзаметрами Жуковскаго и Дельвига — и ни слова о гекзаметрахъ Мерзлякова, который прежде всѣхъ въ наше время ввелъ эту мѣру. Не понимаемъ, что̀ значитъ такое упущеніе, и въ слѣдующемъ нумерѣ предложимъ документы въ подтвержденіе истины нашихъ словъ, въ пособіе будущему историку русской словесности." Странно, подумали мы, обвинять Гнѣдича въ проступкѣ, имъ не сдѣланномъ! Въ предисловіи въ Иліадѣ не говорится, кто у насъ первый по возобновленіи началъ слагать гекзаметры, а именуются два писателя, которыхъ стихи нравятся переводчику Гомера. Можно не раздѣлять съ человѣкомъ образа мыслей, даже осуждать вкусъ его; но требовать, чтобы онъ чувствовалъ, какъ мы, или еще болѣе, укорять его, какъ сдѣлано въ Московскомъ Вѣстникѣ, зачѣмъ онъ не говоритъ, чего мы желаемъ—несправедливо. Тѣмъ

не менѣе ожидали мы четвертаго нумера сего журнала, надѣясь найти въ немъ, для повѣрки нашего мнѣнія о трудахъ г. Мерзлякова, исчисленіе его гекзаметрическихъ пьесъ и хотя поверхностное сужденіе объ оныхъ. Ожидали съ любопытствомъ, потому что знали изъ числа ихъ только двѣ-три небрежныя попытки въ переводахъ съ древнихъ, и читали въ „Трудахъ московскаго общества любителей словесности“ его мнѣніе, что гекзаметръ у насъ существовать не можетъ, ибо русскій языкъ не пѣвучій. Наконецъ желанный нумеръ вышелъ, и въ длинной, ученической диссертаціи о старикѣ Гомерѣ, мы прочли: „что честь торжественнаго введенія гекзаметра въ святилище русской словесности составляетъ одну изъ многочисленныхъ заслугъ почтеннаго профессора и поэта, подарившаго насъ прекраснымъ переводомъ изъ Одиссеи и нѣкоторыми оригинальными стихотвореніями въ гекзаметрахъ, задолго до появленія первыхъ отрывковъ изъ настоящаго преложенія Иліады.“ Признаемся къ стыду нашему, мы не знаемъ ни одного оригинальнаго гекзаметрическаго стихотворенія г. Мерзлякова; на переводъ же Одиссеи ссылаться нельзя, хотя при первомъ изданіи его и было сказано, что онъ переведенъ размѣромъ подлинника. Всякій, умѣющій скандовать стихъ, увидитъ, что помянутый отрывокъ переведенъ не древними

гекзаметрами, а неровными амфибрахіями: то шестистопными, то пятистопными, и даже есть одинъ стихъ четырехстопный. Такъ неотчетливо привыкли и осуждать и хвалить въ нашихъ журналахъ. Такъ, въ Московскомъ же Вѣстникѣ прошлаго года, укоряли барона Дельвига, зачѣмъ онъ иногда въ пятой стопѣ гекзаметра замѣняетъ дактиль хореемъ. Баронъ Дельвигъ виноватъ въ этомъ только тѣмъ, что, не зная правилъ своего критика, слѣдовалъ примѣру Гомера, Виргилія, Горація, Фосса, и правиламъ, изложеннымъ Германомъ и другими европейскими учеными. Обратимся къ переводамъ г. Мерзлякова. Гекзаметрами онъ переложилъ: изъ Иліады начало пѣсни VII-й, единоборство Аякса и Гектора; изъ Каллимаха — Гимнъ Аполлону; изъ идиллій Мосха — Европа; изъ Овидіевыхъ Превращеній — Дафна и Пирамъ и Тизбе. Если произведенія каждаго искусства вначалѣ должны носить на себѣ печать несовершенства, то сіи пьесы имѣютъ неотъемлемое право на первородство. Въ нихъ напрасно вы будете искать важной и вѣрной гармоніи Гомера, роскошнаго благозвучія Мосха, и до изысканности щеголеватыхъ стиховъ Овидія; въ нихъ вы замѣтите одно намѣреніе кое-какъ высказать нечистымъ прозаическимъ языкомъ поэзію подлинника. Словомъ, если г. Гнѣдичъ и зналъ о сихъ опытахъ, то умолчалъ о нихъ по

причинамъ понятнымъ. Онъ первый изъ русскихъ переводчиковъ съ древнихъ — чувствовалъ все достоинство своего подлинника и все неприличіе шутить надъ искусствомъ и своими читателями.

XI. Объясненіе къ замѣткѣ объ Иліадѣ.

Въ одномъ изъ московскихъ журналовъ выписываютъ объявленіе объ „Иліадѣ", напечатанное во 2-мъ № „Литературной Газеты", и говорятъ, что сіе воззваніе на счетъ (?) труда г-на Гнѣдича обнаруживаетъ духъ партіи, которая въ литературѣ не должна быть терпима. Въ доказательсгво чего даютъ замѣтить, что въ „Литературной Газетѣ" сказано: „Русская Иліада должна имѣть важное вліяніе на отечественную словесность"; а что въ предисловіи къ своему переводу Н. И. Гнѣдичъ похвалилъ гекзаметры барона Дельвига.

Вотъ лучшее доказательство правила, слишкомъ пренебрегаемаго нашими критиками: ограничиваться замѣчаніями чисто-литературными, не примѣшивая къ онымъ догадокъ на счетъ постороннихъ обстоятельствъ, догадокъ, бо̀льшею частію столь же несправедливыхъ, какъ и неблагопристойныхъ. Объявленіе о переводѣ „Иліады" писано мною и напечатано во время отсутствія барона Дельвига. Принужден-

нымъ нахожусь сказать, что нынѣшнія отношенія барона Дельвига къ Н. И. Гнѣдичу не суть дружескія: но, какъ бы то ни было, это не можетъ повредить ихъ взаимному уваженію. Н. И. Гнѣдичъ, по благородству чувствъ, ему свойственному, откровенно сказалъ свое мнѣніе на счетъ таланта барона Дельвига, похваливъ произведенія музы его. Примѣръ утѣшительный въ нынѣшнюю эпоху русской литературы.[1]

XII. О запискахъ Видока.

Въ одномъ изъ нумеровъ Литературной Газеты упоминали о Запискахъ парижскаго палача; нравственныя сочиненія Видока, полицейскаго сыщика, суть явленіе не менѣе отвратительное, не менѣе любопытное.

Представьте себѣ человѣка безъ имени и пристанища, живущаго ежедневными донесеніями, женатаго на одной изъ тѣхъ несчастныхъ, за которыми по своему званію обязанъ онъ имѣть присмотръ, отъявленнаго плута, столь же безстыднаго, какъ и гнуснаго, и потомъ вообразите себѣ, если можете, что̀ должны быть нравственныя сочиненія такого человѣка.

[1] Ужели переводъ „Иліады“ столь незначителенъ, что Н. И. Гнѣдичу нужно покупать себѣ похвалы? Если же нѣтъ, то неужели критикъ, по предполагаемой пріязни съ переводчикомъ, долженъ непремѣнно бранить трудъ его, чтобы показать свое безпристрастіе?—А. П.

Видокъ въ своихъ запискахъ именуетъ себя патріотомъ, кореннымъ французомъ (un bon français), какъ будто Видокъ можетъ имѣть какое нибудь отечество! Онъ увѣряетъ, что служилъ въ военной службѣ, и какъ ему не только дозволено, но и предписано всячески переодѣваться, то и щеголяетъ орденомъ почетнаго легіона, возбуждая въ кофейныхъ негодованіе честныхъ бѣдняковъ, состоящихъ на половинномъ жалованьѣ (officiers à la demi-solde). Онъ нагло хвастается дружбою умершихъ извѣстныхъ людей, находившихся въ сношеніи съ нимъ (кто молодъ не бывалъ? а Видокъ человѣкъ услужливый, дѣловой). Онъ съ удивительной важностью толкуетъ о хорошемъ обществѣ, какъ будто входъ въ оное можетъ ему быть дозволенъ, и строго разсуждаетъ объ извѣстныхъ писателяхъ, отчасти надѣясь на ихъ презрѣніе, отчасти по разсчету: сужденія Видока о Казимирѣ-де-ля Винѣ, о Б. Констанѣ должны быть любопытны именно по своей нелѣпости.

Кто бы могъ повѣрить? Видокъ честолюбивъ! Онъ приходитъ въ бѣшенство, читая неблагосклонный отзывъ журналистовъ о его слогѣ (слогъ г-на Видока!). Онъ при семъ случаѣ пишетъ на своихъ враговъ доносы, обвиняетъ ихъ въ безнравственности и вольнодумствѣ, и толкуетъ (не въ шутку) о благородствѣ чувствъ и независимости мнѣній: раздражительность смѣш-

ная во всякомъ другомъ писакѣ, но въ Видокѣ утѣшительная, ибо видимъ изъ нея, что человѣческая природа, въ самомъ гнусномъ своемъ униженіи, все еще сохраняетъ благоговѣніе передъ понятіями, священными для человѣческаго рода.

Предлагается важный вопросъ:

Сочиненія шпіона Видока, палача Самсона и проч. не оскорбляютъ ни господствующей религіи, ни правительства, ни даже нравственности въ общемъ смыслѣ этого слова; со всѣмъ тѣмъ, нельзя ихъ не признать крайнимъ оскорбленіемъ общественнаго приличія. Не должна ли гражданская власть обратить мудрое вниманіе на соблазнъ новаго рода, совершенно ускользнувшій отъ предусмотрѣнія законодательства?

XIII. О личностяхъ въ критикѣ.

Требуетъ ли публика извѣщенія, что такой-то журналистъ не хочетъ больше снимать шляпы передъ такимъ-то поэтомъ или прозаикомъ? Конечно, нѣтъ; но журналистъ объ этомъ публикуетъ, чтобъ его товарищъ, получающій по пріязни даромъ листки его (къ которому бы не мѣшало ему лучше зайти мимоходомъ, да словесно объявить о томъ), узналъ эту важную для нихъ новость. Впрочемъ, такія извѣщенія излагаютъ иногда съ нѣкоторою дипломатическою

важностію. Въ одномъ московскомъ журналѣ вотъ какъ отзываются ѳ книгѣ, въ которой собраны статьи разныхъ писателей. „Она не блеститъ именами знаменитаго созвѣздія русскихъ поэтовъ и прозаиковъ. Жалѣть ли объ этомъ? По крайней мѣрѣ мы не пожалѣемъ.“ Эти господа мы другъ друга, вѣрно, понимаютъ, но довѣрчивому, скромному и благомыслящему читателю понять здѣсь нечего. Какъ можно не пожалѣть, что въ книгѣ нѣтъ ни одной статьи, написанной человѣкомъ съ отличнымъ талантомъ? Наконецъ всего смѣшнѣе, что и самъ критикъ, сначала обѣщавшій не жалѣть объ этомъ, признается послѣ, что въ этой книгѣ, которой ему не хотѣлось бы осуждать, нѣтъ ни одной статьи путной: въ 1-й статьѣ нѣтъ общности; во 2-й авторъ не умѣетъ разсказывать; 3-ю читать скучно; 4-я старая пѣсня; въ 5-й надоѣдаютъ офицеры съ своимъ питьемъ, ѣдою, чаемъ и трубками; 6-я перепечатана; 7-я тоже и такъ далѣе. Вотъ до какого противорѣчія доводятъ личности. Ужели названія порядочнаго и здравомыслящаго человѣка лишились въ наше время цѣны своей?

XIV. О неблаговидности нападокъ на дворянство.

Съ нѣкоторыхъ поръ журналисты наши упрекаютъ писателей, которымъ неблагосклонству-

ютъ, ихъ дворянскимъ достоинствомъ и лите ратурною извѣстностію. Французская чернь кри чала когда-то: les aristocrates à la lanterne! За мѣчательно, что и у французской черни крик этотъ былъ двусмысленъ и означалъ въ одн время аристократію политическую и литера турную. Подражаніе наше не дѣльно. У насъ в России государственныя званія находятся въ та комъ равновѣсіи, которое предупреждаетъ вся кую ревнивость между ними. Дворянское до стоинство въ особенности, кажется, ни въ ком не можетъ возбуждать непріязненнаго чувства ибо доступно каждому. Военная и статска служба, чины университетскіе легко выводят въ оное людей прочихъ званій. Ежели негоду ющій на преимущества дворянскія неспособен ни къ какой службѣ, ежели онъ не довольн знающъ, чтобы выдержать университетскіе эк замены, жаловаться ему не на что. Враждебно чувство его, конечно, извинительно, ибо необхо димо соединено съ сознаніемъ собственной ни чтожности; но выказывать его неблагоразумно Что касается до литературной извѣстности упреки въ оной отмѣнно простодушны. Извѣст ный баснописецъ, желая объяснить одно изъ са мыхъ жалкихъ чувствъ человѣческаго сердца обыкновенно скрывающееся подъ какою нибуд личиною, написалъ слѣдующую басню:

Со свѣтлымъ червячкомъ встрѣчается змѣя
И ядомъ вмигъ его смертельнымъ обливаетъ.
„Убійца!“ онъ вскричалъ: „за что погибнулъ я?“
— Ты свѣтишь!—отвѣчаетъ.

Современники наши, кажется, желаютъ доказать намъ ребячество подобныхъ примѣненій, и червяковъ и козявокъ замѣнить лицами болѣе выразительными. Все это напоминаетъ эпиграмму (Баратынскаго), помѣщенную въ 32-мъ № Литературной Газеты:

„Онъ вамъ знакомъ. Скажите кстати:
Зачѣмъ онъ такъ не терпитъ знати?“
— Затѣмъ, что онъ не дворянинъ.
„Ага! нѣтъ дѣйствій безъ причинъ!
Но почему чужая слава
Его такъ бѣситъ?“—Потому,
Что славы хочется ему,
А на нее Богъ не далъ права;
Что не хвалилъ его никто.
Что плоскій авторъ онъ. „Вотъ что!“

XV. О выходкахъ противъ литературной аристократіи.

Новыя выходки противу такъ называемой литературной нашей аристократіи столь же недобросовѣстны, какъ и прежнія. Ни одинъ изъ извѣстныхъ писателей, принадлежащихъ будто бы этой партіи, не думалъ величаться своимъ дворянскимъ званіемъ. Напротивъ, Сѣверная Пчела помнитъ, кто упрекалъ поминутно г-на

Полеваго тѣмъ, что онъ купецъ, кто заступился за него, кто осмѣлился посмѣяться надъ феодальной нетерпимостію нѣкоторыхъ чиновныхъ журналистовъ. При семъ случаѣ замѣтимъ, что если большая часть нашихъ писателей дворяне, то сіе доказываетъ только, что дворянство наше (не въ примѣръ прочимъ) грамотное: этому смѣяться нечего. Если же бы званіе дворянина ничего у насъ не значило, то и это было бы вовсе не смѣшно. Но пренебрегать своими предками изъ опасенія шутокъ гг. Полеваго, Греча и Булгарина, непохвально, а не дорожить своими правами и преимуществами—глупо. Недворяне (особливо не русскіе), позволяющіе себѣ насмѣшки на счетъ русскаго дворянства, болѣе извинительны. Но и тутъ шутки ихъ достойны порицанія. Эпиграммы демократическихъ писателей XVIII столѣтія (которыхъ впрочемъ ни въ какомъ отношеніи сравнивать съ нашими невозможно) пріуготовили крики: „аристократовъ къ фонарю“, и ничуть не забавные куплеты съ припѣвомъ: „повѣсимъ ихъ, повѣсимъ“. Avis au lecteur.

XVI. Разговоръ.

А. — Читалъ ты замѣчаніе въ „Литературной Газетѣ“, гдѣ сравниваютъ нашихъ журналистовъ съ демократическими писателями XVIII-го столѣтія?

Б.—Читалъ.

А.—Какъ же ты его находишь?

Б.—Довольно неумѣстнымъ.

А.—Конечно, иначе нельзя и думать. Какъ не стыдно литераторамъ обижать такимъ образомъ свою братію!..

Б.—Согласенъ.

А.—Русскіе журналисты не заслуживали такого унизительнаго сравненія.

Б.—А! такъ извини: я съ тобою не согласенъ.

А.—Какъ такъ?

Б.—Я было тебя не понялъ. Мнѣ показалось, что ты находишь обиженными демократическихъ писателей XVIII столѣтія, которыхъ (какъ очень хорошо сказано въ „Газетѣ") съ нашими никакимъ образомъ сравнивать нельзя,—а между тѣмъ сравниваютъ.

А.—Да помилуй: эти французскіе писатели—такіе люди, что Боже упаси! Посмотри, какъ негодуютъ наши журналисты отъ одной мысли быть имъ уподобленными, этимъ господамъ.

Б.—Да кто же эти французскіе писатели, о коихъ упомянуто въ „Литературной Газетѣ"?

А.—А я почему знаю?

Б.—Такъ я же тебѣ ихъ назову. Добродѣтельный Томасъ, простодушный Дюкло, твердый Шамфоръ и другіе столь же умные, какъ и честные люди, не безпримѣрные геніи, но литераторы съ отличнымъ талантомъ.

А. — Зачѣмъ же они обруганы въ „Литературной Газетѣ“?

Б. — То-то и я говорю.

А. — Какъ можно печатать такую клевету? Умные и честные литераторы станутъ кричать: „повѣсимъ ихъ, повѣсимъ!“ и „аристократовъ къ фонарю!“

Б. — Извини, братъ. Опять было тебя не понялъ. Этого въ „Газетѣ“ не сказано.

А. — Какъ не сказано? Постой, она при мнѣ (вынимаетъ изъ кармана „Газету“]. А! ты правъ, ты правъ. Сказано только, что эпиграммы ихъ пріуготовили крики etc. Такъ неужто въ самомъ дѣлѣ эпиграммы пріуготовили французскую революцію?

Б. — О французской революціи „Литературная Газета“ молчитъ и хорошо дѣлаетъ.

А. — Помилуй, да посмотри — les aristocrates â la lanterne, ça ira, и т. д.

Б. — И ты тутъ видишь французскую революцію?

А. — А ты что тутъ видишь, если смѣю спросить?

Б. — Крики бѣшеной черни.

А. — А что̀ значили эти крики?

Б. — Что тогдашняя чернь остервенилась противу дворянства и вообще противу всего, что̀ не было чернь.

А. — Вотъ я тебя поймалъ; а отчего чернь остервенилась именно на дворянство?

Б. — Потому что съ нѣкоторыхъ поръ дворянство было ей представлено сословіемъ презрѣннымъ и ненавистнымъ.

А. — Слѣдственно и я правъ. Въ крикѣ: les aristocrates à la lanterne—вся революція.

Б. — Ты не правъ. Въ крикѣ: les arictocrates à la lanterne — одинъ жалкій эпизодъ французской революціи — гадкая фарса въ огромной драмѣ.

А. — И честные и добрые писатели были тому причиною? Но если и въ самомъ дѣлѣ, то ужь, конечно, неумышленно!

Б. — Вѣроятно.

А. — A propos, какого ты мнѣнія о Полиньякѣ?

Б. — Милый мой, ты знаешь, что о политикѣ я съ тобою никогда не говорю.

А. — Итакъ, revenons à nos moutons, обратимся къ литераторамъ. Неужто въ самомъ дѣлѣ эпиграммы французскихъ писателей пріуготовили крики: les aristocrates à la lanterne?

Б. — Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе „Литературной Газеты“.

А. — А твое мнѣніе? Нельзя узнать?

Б. — Экій лукавый! заманиваетъ меня опять въ политику: не узнаешь.

А. — И ты мнѣ не будешь отвѣчать?

Б. — Нѣтъ.

А. — Ну, такъ обратимся къ нашимъ литераторамъ. Читалъ ли ты, какъ отдѣлала „Пчела" всю „Литературную Газету", издателя и сотрудниковъ за это замѣчаніе?

Б. — Нѣтъ еще.

А. — Такъ прочти же (даетъ ему журналъ).

Б — Чтó значатъ эти точки?

А. — Ахъ, я спрашивалъ: тутъ были ругательства ужасныя, да цензоръ не пропустилъ.

Б. — (Отдавая журналъ). Жаль, въ этихъ ругательствахъ, можетъ быть, былъ смыслъ, а въ строкахъ печатныхъ—нѣтъ.

А. — Вотъ тебѣ еще что-то (даетъ другой журналъ).

Б. — (Прочитавъ). Тутъ и ругательства есть, а смысла, все-таки, не болѣе.

А. — Такъ ты, видно, стоишь за „Литературную Газету". Давно-ль ты сдѣлался аристократомъ?

Б. — Какъ аристократомъ? Чтó такое аристократъ?

А. — Чтó такое аристократъ? О, да ты журналовъ не читаешь. Вотъ видишь ли: издатель „Литературной Газеты" и сотрудники его, и читатели его—всѣ аристократы (разумѣется, въ ироническомъ смыслѣ).

Б. — Воля твоя, я смысла тутъ никакого не вижу. Будучи самъ литераторомъ, я читаю „Лите-

ратурную Газету", ибо мнѣ любопытно знать ея мнѣнія; мнѣ досадно видѣть въ ней иногда личности и колкости, отвѣты, возраженія, мелочную войну, которую нехудо предоставить литературнымъ башкирцамъ; но никогда не видалъ я въ „Литературной Газетѣ" ни дворянской спѣси, ни гоненія на прочія сословія. Дворяне ли баронъ Дельвигъ, князь Вяземскій, Пушкинъ, Баратынскій — мнѣ до этого и дѣла нѣтъ. Они объ этомъ не толкуютъ. Заступясь за грамотное купечество въ лицѣ г. Полеваго, они сдѣлали хорошо; заступясь нынѣ за просвѣщенное дворянство, они сдѣлали еще лучше.

А. — Это замѣчаніе могло повредить невиннымъ.

Б.—Что̀ ты—шутишь или ты самъ невинный? Кто же сіи невинные?

А. — Какъ кто? Издатели „Сѣверной Пчелы".

Б. — Такъ успокойся же. Образъ мнѣній почтенныхъ издателей „Сѣверной Пчелы" слишкомъ хорошо извѣстенъ, и „Литературная Газета" повредить имъ не можетъ, а г. Полевой въ ихъ компаніи, подъ ихъ покровительствомъ, можетъ быть безопасенъ.

А. — Что̀ значитъ: avis au lecteur? Къ кому это относится?.. Ты скажешь—къ журналистамъ, а я такъ думаю—не къ цензурѣ ли?

Б. — Да хоть бы и къ цензурѣ—что̀ за бѣда?.. Позволяется и нужно нападать на пороки и

слабости каждаго сословія, но смѣяться надъ сословіемъ потому только, что оно такое сословіе, а не другое—нехорошо и непозволительно. И на кого журналисты наши нападаютъ? Вѣдь не на новое дворянство, получившее свое начало при императорѣ Петрѣ I и императрицахъ и по большей части составляющее нашу знать, истинную, богатую, могущественную аристократію. Pas si bête! Наши журналисты передъ этимъ дворянствомъ вѣжливы до крайности; они нападаютъ именно на старинное дворянство, которое нынѣ, по причинѣ раздробленныхъ имѣній, составляетъ у насъ родъ средняго состоянія, состоянія почтеннаго, трудолюбиваго и просвѣщеннаго; состоянія, къ которому принадлежитъ и бо̀льшая часть нашихъ литераторовъ. Издѣваться надъ нимъ (и еще въ оффиціальной газетѣ) нехорошо и даже неблагоразумно. Положимъ, что эпиграммы демократическихъ французскихъ писателей пріуготовили крики: les aristocrates à la lanterne. У насъ таковыя же эпиграммы, хоть и не отличаются остроуміемъ, могутъ имѣть послѣдствія еще пагнубнѣйшія... Подумай о томъ, что значитъ у насъ сіе дворянство вообще и въ какомъ отношеніи находится оно къ народу...

А. — Кажется, ты правъ. Но почему же нѣкоторые журналы вступились съ такою братскою рѣзкостію за „Сѣверную Пчелу?“

Б. — Потому что свой своему поневолѣ братъ.

А. — Отчего же замѣчаніе „Литературной Газеты" показалось сначала столь предосудительнымъ даже людямъ самымъ благомыслящимъ и благороднымъ?

Б. — Потому, что политическіе вопросы никогда не были у насъ разбираемы. Журналы наши, ненарочно наступивъ на одинъ изъ таковыхъ вопросовъ, сами испугались движенія, ими произведеннаго. Нѣтъ пренія безъ двухъ противныхъ сторонъ; ты политикой занимаешься и это тебѣ понятно, не правда ли?—Демократическіе наши журналы, напавъ на дворянство...

А. — Опять демократическіе журналы! Какой ты неблагонамѣренный!

Б.—Какъ же ты прикажешь назвать журналы, объявившіе себя противу аристократіи? Въ прямомъ или переносномъ смыслѣ, все-таки они демократическіе журналы. Итакъ, эти журналы, нападая на дворянство, должны были найти отпоръ и нашли его въ „Газетѣ Литературной". Все это естественно, даже утѣшительно, но, повторяю, вопросы политическіе для насъ еще новость...

А.—Знаешь ли что̀? Мнѣ хочется разговоръ нашъ передать издателю „Литерат. Газеты", чтобъ онъ напечаталъ его себѣ въ оправданье.

Б.—И хорошо сдѣлаешь. Есть обвиненія, которыя не должны быть оставлены безъ вниманія, отъ кого бы они впрочемъ ни происходили.

Альманашникъ

сцены.

(1830).

I.

— Господи Боже мой! Вотъ уже четвертый мѣсяцъ живу въ Петербургѣ, таскаюсь по всѣмъ переднимъ, кланяюсь всѣмъ канцелярскимъ начальникамъ, а до сихъ поръ не могу получить мѣста. Я весь прожился, задолжалъ — я-жъ отставной — того и гляди, въ яму посадятъ.

— А по какой части собираешься служить?

— По какой части? Господи Боже мой! Да развѣ я не русскій человѣкъ? Я на все гожусь. Разумѣется, хотѣлось бы мнѣ мѣстечко потеплѣе, но дѣло до петли доходитъ, теперь я и всякому былъ бы радъ.

— Неужто у тебя нѣтъ таки ни единаго благодѣтеля?

— Благодѣтеля! Господи Боже мой! Да въ каждомъ министерствѣ у меня по три благодѣтеля сидитъ: всѣ обо мнѣ хлопочутъ, всѣ обо мнѣ докладываютъ, а я все-таки безъ куска хлѣба

— Служба тебѣ, знать, не дается. Возьмись-ка за что нибудь другое.

— А за что прикажешь?

— Напримѣръ, за литературу.

— За литературу?Господи Боже мой! Въ сорокъ три года начать свое литературное поприще!

— Что̀ за бѣда? А Руссо?

— Руссо, вѣроятно, ни къ чему другому не былъ способенъ: онъ не имѣлъ въ виду быть виннымъ приставомъ. Да къ тому же онъ былъ человѣкъ ученый; а я учился въ Московскомъ университетѣ.

— Что̀ за бѣда? Затѣвай журналъ.

— Журналъ! а кто же подпишется?

— Мало ли кто? Россія велика, охотниковъ довольно.

— Нѣтъ, братъ, нынче ихъ не надуешь: ихъ отучили. Всѣ говорятъ — деньги возьметъ, а журнала не выдастъ, или не додастъ. Кому охота судиться изъ тридцати пяти рублей?

— Ну, такъ пиши Выжигина.

— Выжигина? Господи Боже мой! написать Выжигина не шутка; пожалуй, я вамъ въ четы-

ре мѣсяца отхватаю четыре тома, не хуже Орлова и Булгарина; но покамѣстъ успѣю съ голоду околѣть.

— Знаешь ли что? Издай альманахъ.

— Какъ такъ?

— Вотъ какъ: выпроси у нашихъ литераторовъ по нѣскольку пьесъ, кой-что перепечатай, закажи въ долгъ виньетку, самъ выдумай заглавіе, да и тисни съ Богомъ!

— Въ самомъ дѣлѣ! Да я ни съ кѣмъ изъ этихъ господъ не знакомъ.

— Чтò нужды. Ступай себѣ къ нимъ; скажи, что ты юный питомецъ музъ, впервые вступаешь на поприще славы и рѣшился издать альманахъ, а между тѣмъ просишь ихъ вспоможенія и покровительства.

— А чтò ты думаешь? Ей-Богу, съ отчаянія готовъ и на альманахъ.

— Совѣтую дѣла не откладывать.

— Сегодня-жь начну свои визиты.

— И дѣло! Желаю тебѣ всякаго успѣха.

II.

Кабинетъ стихотворца. Все въ большомъ безпорядкѣ. Посрединѣ столъ. Стихотворецъ и трое молодыхъ людей играютъ въ кости.

СТИХОТВОРЕЦЪ (гремя стаканчикомъ). Я въ рукѣ... Sept à la main... neuf... sacré-dieu... neuf et sept... neuf... мое! кто держитъ?

гость. Экое счастье: держу.

стихотворецъ. Sept à la main....(Про себя) Это кто?

альманашникъ (входитъ одному изъ гостей). Я давно желалъ имѣть счастіе представиться вамъ. Позвольте одному изъ усерднѣйшихъ вашихъ почитателей... ваши прекрасныя сочиненія... Позвольте одному изъ усерднѣйшихъ...

гость. Вы ошибаетесь: я кромѣ векселей ничего не сочиняю. Вотъ хозяинъ.

альманашникъ. Позвольте одному изъ усерднѣйшихъ...

стихотворецъ. Помилуйте!... Радуюсь, что имѣю честь съ вами познакомиться... садитесь, сдѣлайте милость.

альманашникъ. Извините—вы заняты—я вамъ помѣшалъ.

стихотворецъ. О, нѣтъ... мы будемъ продолжать... Sept à la main... trois крепсъ... Какое несчастіе. (Передаетъ кости).

гость. Сто рублей à prendre.

стихотворецъ. Держу. (Играютъ). Что за несчастіе! (Смотритъ косо на альманашника).

альманашникъ. Я въ первый разъ выступаю на поприще славы и рѣшился издать альманахъ... Я надѣюсь, что вы...

стихотворецъ. Пятую руку проходитъ — и всегда я попадусь... Вы издаете альманахъ? Подъ

какимъ заглавіемъ?.. Прошелъ еще—нѣтъ, я болѣе не держу.

АЛЬМАНАШНИКЪ. „Восточная звѣзда“. Я надѣюсь, что вы не откажете украсить ее драгоцѣнными...

СТИХОТВОРЕЦЪ (беретъ стаканчикъ). Позвольте!.. сто рублей à prendre... Sept à la main... Это удивительно! Первой руки пройти не могу. (Плюетъ и вертитъ стулъ). Несносный альманашникъ! онъ мнѣ принесъ несчастіе!

АЛЬМАНАШНИКЪ. Надѣюсь, что вы не откажетесь украсить мой альманахъ своими драгоцѣннѣйшими произведеніями.

СТИХОТВОРЕЦЪ. Ей-Богу, нѣтъ у меня стиховъ: всѣ разобраны журналистами, альманашниками... Держу все... Что? прошелъ опять; это непостижимо! Проклятый альманашникъ.

АЛЬМАНАШНИКЪ (вставая). Позвольте надѣяться, что если будетъ у васъ свободная пьеска...

СТИХОТВОРЕЦЪ (провожая его до дверей). Отыщу непремѣнно и буду имѣть счастіе вамъ доставить.

АЛЬМАНАШНИКЪ. Повѣрьте, что крайность... бѣдное положеніе... жена и дѣти.

СТИХОТВОРЕЦЪ (выпроводивъ его). Насилу отвязался... Экое дьявольское ремесло!

ГОСТЬ. Чье? твое или его?

СТИХОТВОРЕЦЪ. Ужь вѣрно мое хуже... отдавай стихи одному дураку въ альманахъ, чтобъ

другой обругалъ ихъ въ журналѣ... Жена и дѣти! Чортъ бы его взялъ. Человѣкъ, кто тамъ? (Входитъ слуга). Я говорилъ тебѣ — альманашниковъ не пускать.

слуга. Да кто ихъ знаетъ, альманашникъ ли, нѣтъ ли?

стихотворецъ. Дуракъ! Это по лицу видно... Я въ рукѣ... (Играютъ).

III.

Харчевня. Безстыдинъ (журналистъ) и Альманашникъ (обѣдаютъ).

безстыдинъ. Гей, водки!

альманашникъ. Девятая рюмка!.. Я за все плачу, а что толку?

безстыдинъ. Увидишь, какъ пойдетъ нашъ альманахъ. Съ моей стороны даю тридцать четыре стихотворенія; подъ пятью подпишу А. П., подъ пятью Е. Б., подъ пятью еще К. П. В., остальныя пущу безъ подписи. Въ предисловіи буду благодарить господъ поэтовъ, приславшихъ намъ свои стихотворенія. Прозы у насъ вдоволь.—Лихое „Обозрѣніе словесности“, гдѣ славно обруганы наши знаменитые писатели, аристократы—знаешь?

альманашникъ. Никакъ нѣтъ-съ, не знаю...

безстыдинъ. Не знаешь!.. О, да ты видно журнала моего не читаешь... Аристократы... ра-

зумѣется въ ироническомъ смыслѣ... называются тѣ писатели, которые съ нами не знаются, полагая, вѣроятно, что наше общество незавидное... Теперь понимаешь.

альманашникъ. Понимаю.

безстыдинъ. Водки!.. Эти аристократы (разумѣется, говорю въ ироническомъ смыслѣ) вообразили себѣ, что насъ въ хорошее общество непускаютъ... Желалъ бы я посмотрѣть, кто меня не впуститъ... Чѣмъ я хуже другого? Ты смотришь на мое платье...

альманашникъ. Никакъ нѣтъ, ей-Богу...

безстыдинъ. Оно немного поношено: меня обманули на Вшивомъ рынкѣ... Къ тому же, я не стану франтить въ харчевнѣ, а на балахъ я великій щеголь... Это моя слабость... Если бы ты видѣлъ меня на балахъ... Я славно танцую... Я танцую французскую кадриль... Ты не вѣришь? (Встаетъ, шатаясь танцуетъ). Каково?

альманашникъ. Прекрасно. (Безстыдинъ зацѣпляетъ стаканъ и роняетъ его). Боже мой! стаканъ въ дребезгахъ... Его поставятъ на счетъ — и еще граненый!.

безстыдинъ. Какъ на счетъ? Его склеятъ, вотъ и все. (Подбираетъ стекло и подаетъ).

альманашникъ. (Расплачивается, охая, выводитъ его подъ руку,—онъ на ногахъ не стоитъ). Такъ и быть — взять извозчика.

безстыдинъ. Сдѣлай одолженіе. Посади ме-

ня верхомъ, и самъ садись поперекъ, да поѣдемъ по Невскому... Люблю франтить... Это моя слабость.

АЛЬМАНАШНИКЪ. И вотъ моя послѣдняя опора! Господи, Боже мой!

IV.

(Альманашникъ въ передней сочинителя).

— Можно видѣть барина?
— Никакъ нѣтъ, онъ почиваетъ.
— Какъ, въ 12 часовъ?
— Онъ возвратился съ балу въ шестомъ часу.
— Да когда же его можно застать?
— Да почти никогда.
— Когда же вашъ баринъ сочиняетъ?
— Не могу знать.
— Экое несчастіе! Доложи своему барину, что приходилъ рекомендоваться... Да скажи, не знаешь ли ты какого нибудь сочинителя?

Дѣтскія сказочки [1] (1830).

I. МАЛЕНЬКІЙ ЛЖЕЦЪ.

Павлуша былъ опрятный, добрый, примѣрный мальчикъ, но имѣлъ большой порокъ: онъ не

[1] Первая изъ сказочекъ относится къ издателю „Отеч. Записокъ“ П. П. Свиньину, на котораго Измайловъ написалъ извѣстную свою басню „Лжецъ“; вторая—къ Н. И. Надеждину; третья къ—Н. А. Полевому.

могъ сказать трехъ словъ, чтобъ не солгать. Папенька въ его именины подарилъ ему деревянную лошадку. Павлуша увѣрялъ, что его лошадка принадлежала Карлу XII и была та самая, на которой онъ ускакалъ изъ Полтавскаго сраженія. Павлуша увѣрялъ, что въ домѣ его родителей находится поваренокъ — астрономъ, форрейторъ—историкъ, и что птичникъ Прошка сочиняетъ стихи лучше Ломоносова. Сначала всѣ товарищи ему вѣрили, но скоро догадались и никто уже не хотѣлъ ему вѣрить даже и тогда, когда случалось ему сказать и правду.

II. Исправленный забіяка.

Ванюша, сынъ приходскаго дьячка, былъ ужасный шалунъ. Цѣлый день проводилъ онъ на улицѣ съ мальчиками, валяясь съ ними въ грязи и марая свое праздничное платье. Когда проходилъ мимо нихъ порядочный человѣкъ, Ванюша показывалъ ему языкъ, бѣгалъ за нимъ и изо всѣхъ силъ кричалъ: „пьяница, уродъ, развратникъ, зубоскалъ, писака, безбожникъ!“ — и кидалъ въ него грязью. Однажды степенный человѣкъ, имъ замаранный, разсердился и, поймавъ его за вихоръ, больно побилъ его тросточкою. Ванюша въ слезахъ побѣжалъ жаловаться своему отцу. Старый дьячекъ сказалъ ему: „подѣломъ тебѣ, негодяй; дай Богъ здоровья тому, кто не побрезгалъ поучить тебя.“ Ванюша сталъ

• ПО ОП
ПО ОП • ПО ОП • ПО

очень печаленъ и, почувствовавъ свою вину, исправился.

III. ВѢТРЕНЫЙ МАЛЬЧИКЪ.

Алеша былъ очень неглупый мальчикъ, но слишкомъ вѣтренъ и заносчивъ. Онъ ничему не хотѣлъ порядочно учиться. Когда учитель ему за это выговаривалъ, то онъ старался оправдаться разными увертками. Когда учитель бранилъ его за французскіе и нѣмецкіе вокабулы, то онъ отвѣчалъ, что онъ русскій и что уже знаетъ Шиллинга, Фихте, Кузеня, Геерена, Нибура, Шлегеля и проч. Латинскій языкъ, по его мнѣнію, вышелъ совсѣмъ изъ употребленія, а русской грамматикѣ не хотѣлъ онъ учиться потому, что недоволенъ былъ изданною для народныхъ училищъ и ожидалъ новой, философической, хотя логика казалась ему наукою прошлаго вѣка, недостойною нашихъ просвѣщенныхъ временъ. Что же? При всемъ своемъ умѣ и способностяхъ, Алеша прослылъ невѣждою и всѣ его товарищи надъ нимъ смѣялись.

Отрывки изъ разговоровъ (1830).

I.

А. — Читали вы въ послѣднемъ N „Газеты“ критику N. N.?

В. — Нѣтъ, я не читаю русской критики.

А.—Напрасно. Ничто иное не дастъ вамъ лучшаго понятія о состояніи нашей литературы.

В.—Какъ? неужели вы полагаете, что журнальная критика есть окончательный судъ произведеніямъ нашей словесности?

А.—Нимало. У насъ никогда критика не имѣетъ почти никакого вліянія на судьбу какого нибудь произведенія. Но она даетъ понятіе объ отношеніяхъ писателей между собою, о большей или меньшей ихъ извѣстности, наконецъ — о мнѣніяхъ, господствующихъ въ публикѣ.

В.—Мнѣ не нужно читать „Вѣстникъ Европы", чтобы знать, что̀ находится въ модѣ и что романтической поэзіи у насъ никто не понимаетъ. Что же касается до отношеній г-на Р. къ г-ну Полевому, г. К. къ г. Б.,—то это вовсе не любопытно.

А.—Однакожъ, иногда забавно.

В.—Вамъ нравятся кулачные бойцы?

А.—Почему же нѣтъ? Державинъ ихъ воспѣлъ. Наши бояре ими тѣшились. Мнѣ столь же нравится князь Вяземскій въ схваткѣ съ какимъ нибудь заносчивымъ журнальнымъ буяномъ, какъ графъ Орловъ въ бою съ ямщикомъ. Это—черты народности.

В.—Вы упомянули о князѣ Вяземскомъ; при-

знайтесь, что изъ высшей литературы онъ одинъ пускается въ полемику.

А.—Позвольте: что вы называете высшей литературой?...

II.

... Тѣмъ хуже для литературы... Если бы всѣ писатели, заслуживающіе уваженіе, довѣренность публики, взяли на себя трудъ управлять общимъ мнѣніемъ, то вскорѣ критика сдѣлалась бы не тѣмъ, чѣмъ она есть. Не любопытно ли было бы, напримѣръ, читать мнѣнія Гнѣдича или К[атенина] объ нынѣшней элегической поэзіи? Не пріятно ли было бы видѣть Пушкина, разбирающаго трагедію Хомякова? Эти господа въ связи между собою и, вѣроятно, другъ другу передаютъ взаимныя замѣчанія о новыхъ произведеніяхъ. Зачѣмъ не сдѣлать и насъ участниками въ ихъ критическихъ бесѣдахъ?

— Публика довольно равнодушна къ успѣхамъ словесности, истинная критика для нея не занимательна; она изрѣдка смотритъ на драку двухъ журналистовъ, мимоходомъ слушаетъ монологъ раздраженнаго автора или пожимаетъ плечами...

— Воля ваша, я останавливаюсь, смотрю и слушаю до конца, апплодирую тому, кто сбилъ своего противника. Еслибъ я былъ авторъ, то почелъ бы за малодушіе не отвѣчать на напа-

деніе, какого бы оно рода ни было. Что за аристократическая гордость позволять всякому уличному шалуну метать въ тебя грязью? Посмотрите на англійскаго лорда: онъ готовъ отвѣчать на учтивый вызовъ gentleman и стрѣляться на кухенрейтерскихъ пистолетахъ или снять съ себя фракъ и boх'овать на перекресткѣ съ извощикомъ. Это настоящая смѣлость. Но мы и въ литературѣ, и въ общественномъ быту слишкомъ чопорны, слишкомъ дамоподобны.

— Критика не имѣетъ у насъ никакой самостоятельности; вѣроятно и писатели вашего круга не читаютъ русскихъ журналовъ и не знаютъ, хвалятъ ли ихъ или бранятъ.

— Извините, Пушкинъ читаетъ всѣ №№ „Вѣстника Европы", гдѣ его ругаютъ, что значитъ, по его энергическому выраженію,—подслушивать у дверей, что говорятъ о немъ въ прихожей.

— Куда какъ любопытно!

— Любопытство, по крайней мѣрѣ, весьма понятное. Пушкинъ и отвѣчаетъ эпиграммами.

— Но сатира не критика, эпиграмма — не опроверженіе. Я хлопочу о пользѣ словесности, не только о вашемъ удовольствіи.

О драмѣ (1830).

Драматическое искусство родилось на площади—для народнаго увеселенія. Чтò нравится

народу, что̀ поражаетъ его? Какой языкъ ему понятенъ?

Съ площадей, ярмонки (вольность мистерій) Расинъ переноситъ ее во дворъ. Каково было ея появленіе?

(Корнелъ, поэтъ испанскій).

Сумароковъ, Озеровъ (Катенинъ).

Шекспиръ, Гёте. Вліяніе его на нынѣшній французскій театръ,—на насъ. Блаженное невѣдѣніе критиковъ, осмѣянное Вяземскимъ; они на словахъ согласились, признали романтизмъ, а на дѣлѣ не только его не держатся, но дѣтски нападаютъ на него.

Что развивается въ трагедіи? Какая цѣль ея? Человѣкъ и народъ — судьба человѣческая, судьба народная. Вотъ почему Расинъ великъ, не смотря на узкую форму своей трагедіи. Вотъ почему Шекспиръ великъ, не смотря на неравенство, небрежность, уродливость отдѣлки.

Что нужно драматическому писателю? Философія, безпристрастіе, государственныя мысли историка, догадливость, живость воображенія, никакого предразсудка, любимой мысли. Свобода.

Между тѣмъ какъ правила эстетики со временъ Канта и Лессинга развиты съ такой ясностію и обширностію, мы все еще остаемся при понятіяхъ тяжелаго педанта Готшеда; мы еще повторяемъ, что прекрасное есть подражаніе изящной природѣ и что главное достоинство

искусства есть польза. Почему же статуи раскрашенныя нравятся намъ менѣе чисто мраморныхъ и мѣдныхъ? Почему поэтъ предпочитаетъ выражать мысли свои стихами? И какая польза въ Тиціановой Венерѣ или въ Аполлонѣ Бельведерскомъ?

Правдоподобіе все еще полагается главнымъ условіемъ и основаніемъ драматическаго искусства. Что̀, если докажутъ намъ, что и самая сущность драматическаго искусства именно исключаетъ правдоподобіе?

Читая поэму, романъ, мы часто можемъ забыться и полагать, что описываемое происшествіе не есть вымыселъ, но истина; въ одѣ, въ элегіи можемъ думать, что поэтъ изображалъ свои настоящія чувствованія, въ настоящихъ обстоятельствахъ. Но можетъ ли сей обманъ существовать въ зданіи, раздѣленномъ на двѣ части, изъ коихъ одна наполнена зрителями, которые etc. etc.

~~ Если мы будемъ полагать правдоподобіе въ строгомъ соблюденія костюма, красокъ времени и мѣста, то и тутъ мы увидимъ, что величайшіе драматическіе писатели часто не повиновались сему правилу. У Шекспира римскіе ликторы сохраняютъ обычаи лондонскихъ альдермановъ. У Кальдерона храбрый Коріоланъ вызываетъ противника на дуэль и бросаетъ ему перчатку. У Расина полускиѳъ Ипполитъ ее

поднимаетъ и говоритъ языкомъ молодаго благовоспитаннаго маркиза. Корнеля Клитемнестру сопровождаетъ швейцарская гвардія. Римляне Корнеля суть если не испанскіе рыцари, то гасконскіе бароны. Совсѣмъ тѣмъ, Кальдеронъ, Шекспиръ, Корнель и Расинъ стоятъ на высотѣ недосягаемой, а ихъ произведенія составляютъ вѣчный предметъ нашихъ изученій и восторговъ.

Какого же правдоподобія требовать должны мы отъ драматическаго писателя? Для разрѣшенія сего вопроса разсмотримъ сначала, что̀ такое драма и какая ея цѣль.

Драма родилась на площади и составляла увеселеніе народное. Народъ, какъ дѣти, требуетъ занимательности дѣйствія—драма представляетъ ему необыкновенное истинное происшествіе; народъ требуетъ сильныхъ ощущеній (для него и казни — зрѣлище)—трагедія преимущественно выводитъ предъ нимъ тяжкія злодѣянія, страданія сверхъестественныя, даже физическія (напр. Филоктетъ, Эдипъ, Лиръ). Но привычка притупляетъ ощущенія; воображеніе привыкаетъ къ убійствамъ и казнямъ, смотритъ на нихъ ужь равнодушно; изображеніе же страстей и души человѣческой для него всегда занимательно, велико и поучительно. Драма стала завѣдывать страстями и душою человѣческой.

Смѣхъ, жалость и ужасъ суть три струны нашего воображенія, потрясаемыя волшебствомъ драмы; но смѣхъ скоро ослабѣваетъ, и на немъ одномъ невозможно основать полнаго драматическаго дѣйствія. Древніе трагики пренебрегали сею пружиною. Народная сатира овладѣла ею исключительно и приняла форму драматическую болѣе какъ пародію. Такимъ образомъ родилась комедія, современемъ столь усовершенствованная. Замѣтили, что высокая комедія не основана единственно на смѣхѣ, но на развитіи характеровъ, и что нерѣдко близко подходитъ къ трагедіи.

Истина страстей, правдоподобіе чувствованій въ предполагаемыхъ обстоятельствахъ — вотъ чего требуетъ нашъ умъ отъ драматическаго писателя.

Драма оставила площадь и перенеслась въ чертоги образованнаго, избраннаго общества. Между тѣмъ, драма остается вѣрною первоначальному своему назначенію—дѣйствовать на толпу, занимать ея любопытство. Но тутъ, что привлекаетъ вниманіе образованнаго, просвѣщеннаго зрителя, какъ не изображеніе великихъ, историческихъ происшествій? Отселѣ исторія перенеслась на театръ; и народы и цари выведены передъ нами драматическимъ поэтомъ. Въ чертогахъ драма измѣнилась, голосъ ея понизился; она не имѣла уже нужды въ кри-

кахъ. Она оставила маску преувеличенія, необходимую на площади, но излишнюю въ комнатѣ; она явилась проще, естественнѣе. Чувства, болѣе утонченныя, уже не требовали сильнаго потрясенія. Она перестала изображать отвратительныя страданія, отвыкла отъ ужасовъ, мало по малу сдѣлалась благопристойна и важна.

Отселѣ важная разница. Творецъ трагедіи народной былъ образованнѣе своихъ зрителей; онъ это зналъ и давалъ имъ свои свободныя произведенія съ увѣренностію въ своей возвышенности, и публика безпрекословно это признавала. При дворѣ, наоборотъ, поэтъ чувствовалъ себя ниже своей публики: зрители были образованнѣе его — по крайней мѣрѣ такъ думалъ онъ и они; онъ не предавался вольно и смѣло своимъ вымысламъ; онъ старался угадывать требованія утонченнаго вкуса людей, чуждыхъ ему по состоянію; онъ боялся унизить такое-то высокое званіе, оскорбить такихъ-то спѣсивыхъ своихъ патроновъ: отъ сего и робкая чопорность и отселѣ смѣшная надутость, вошедшая въ пословицу (un héros, un roi de comédie), и привычка влагать въ уста людямъ высшаго состоянія, съ какимъ-то подобострастіемъ, странный, не человѣческій образъ изъясненія. У Расина, напримѣръ, Неронъ не скажетъ просто: je serai caché dans ce cabinet, но caché près de ces lieux, je vous verrai, madame. Агамемнонъ будитъ своего

наперсника, говоритъ ему съ напыщенностью: Oui, c'est Agamemnon, etc.

Мы къ этому привыкли, намъ кажется, что такъ и быть должно; но надобно признаться, что у Шекспира этого не замѣтно. И если иногда герои выражаются въ его трагедіяхъ какъ конюхи, то намъ это не странно, ибо мы чувствуемъ, что и знатные должны выражать простыя понятія какъ простые люди.

Не имѣю цѣлію и не смѣю опредѣлять выгоды и невыгоды той и другой трагедіи, развивать существенныя разницы системъ Расина и Шекспира. Спѣшу обозрѣть исторію драматическаго искусства Россіи.

Драма никогда не была у насъ потребностію народною. Мистеріи Д. Ростовскаго, трагедіи царевны Софьи Алексѣевны были представляемы при царскомъ дворѣ и въ палатахъ ближнихъ бояръ и были необыкновеннымъ празднествомъ, а не постоянными увеселеніями. Первыя труппы, появившіяся въ Россіи, не привлекали народа, непонимавшаго драматизма и непривыкшаго къ его условіямъ, Явился Сумароковъ, несчастнѣйшій изъ подражателей. Трагедіи его, исполненныя противосмыслія, писанныя варварскимъ изнѣженнымъ языкомъ, нравились двору Елисаветы, какъ новость, какъ подражаніе парижскимъ увеселеніямъ. Сіи вялыя, холодныя произведенія не

могли имѣть никакого вліянія на народное пристрастіе. Озеровъ это чувствовалъ. Онъ попытался дать намъ трагедію народную и вообразилъ, что для сего довольно будетъ, если выберетъ предметъ изъ народной исторіи, забывъ, что поэты Франціи брали всѣ предметы для своихъ трагедій изъ греческой, римской и европейской исторіи, и что самыя народныя трагедіи Шекспировы заимствованы имъ изъ итальянскихъ новеллъ.

Послѣ Дмитрія Донскаго, послѣ Пожарскаго (произведенія незрѣлаго таланта), мы все не имѣли трагедіи. Андромаха Катенина (можетъ быть, лучшее произведеніе нашей драмы по силѣ истинныхъ чувствъ, по духу истинно трагическому), не разбудила, однакожь, нашу сцену, опустѣлую послѣ Семеновой.

Ермакъ идеализированный — лирическое произведеніе въ формѣ драмы. Ермакъ, лирическое произведеніе пылкаго юношескаго вдохновенія,[1] не есть произведеніе драматическое. Въ немъ все чуждо нашимъ нравамъ и духу, все, даже самая очаровательная прелесть поэзіи.

Комедія была счастливѣе. Мы имѣемъ двѣ драматическія сатиры.

Отчего же нѣтъ у насъ трагедіи? Не худо

[1] Подразумѣвается трагедія Хомякова, напечатанная въ началѣ 1833 г.

было бы рѣшить: можетъ ли она и быть? Мы видѣли, что народная трагедія родилась на площади, образовалась, и потомъ уже была призвана въ аристократическое общество. У насъ было напротивъ. Мы захотѣли придворную сумароковскую трагедію низвести на площадь; но есть препятствія!

Трагедія наша, образованная по примѣру трагедіи Расина, можетъ ли отказаться отъ аристократическихъ своихъ привычекъ, отъ своего разговора, размѣреннаго, важнаго и напыщенно благопристойнаго? Какъ ей перейти къ грубой откровенности народныхъ страстей, къ вольности сужденій площади? какъ ей вдругъ отстать отъ подобострастія? какъ ей обойтись безъ правилъ, къ которымъ она привыкла? и у кого ей выучиться нарѣчію, понятному народу? какія суть страсти сего народа, какія струны его сердца, гдѣ найдетъ она себѣ созвучія—словомъ: гдѣ зрители, гдѣ публика?

Вмѣсто публики встрѣтитъ она тотъ же малый, ограниченный кругъ и оскорбитъ надменныя его привычки (dédaigneux); вмѣсто созвучія, отголоска и рукоплесканій услышитъ она мелочную, привязчивую критику. Передъ нею возстанутъ непреодолимыя преграды; для того, чтобъ она могла разставить свои подмостки, надобно было бы перемѣнить обычаи, нравы и понятія цѣлыхъ столѣтій.

Передъ нами однакожь опытъ народной трагедіи...

Разборъ драмы: „Мароа Посадница".

Прежде чѣмъ станемъ судить, поблагодаримъ неизвѣстнаго автора за добросовѣстность его труда, поруку истиннаго таланта. Онъ написалъ свою трагедію не по разсчетамъ самолюбія, жаждущаго минутнаго успѣха, не въ угожденіе общей массѣ читателей, не только не пріуготовленныхъ къ романтической драмѣ, но даже рѣшительно ей непріятствующихъ. Онъ написалъ трагедію вслѣдствіе сильнаго внутренняго убѣжденія, вполнѣ предавшись независимому вдохновенію, уединясь въ своемъ трудѣ. Безъ сего самоотверженія въ нынѣшнемъ состояніи нашей литературы ничего нельзя произвести истинно достойнаго вниманія.

Авторъ „Мароы Посадницы" имѣлъ цѣлію развитіе важнѣйшаго историческаго происшествія, паденія Новгорода, рѣшившаго вопросъ о единодержавіи Россіи; два великихъ лица предоставлены ему были исторіею. Первое—Іоаннъ, уже начертанный у Карамзина во всемъ его грозномъ величіи; второе—Новгородъ, коего черты надлежало угадать. Драматическій поэтъ, безпристрастный какъ судьба, долженъ былъ изо-

[1] Драма эта сочин. М. Погодинымъ и вышла въ 1832 г.

бразить столько же искренно отпоръ погибающей вольности, какъ глубоко обдуманный ударъ, утвердившій Россію на ея огромномъ основаніи. Онъ не долженъ былъ хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою. Не онъ, не его политическій образъ мнѣній, не его тайное или явное пристрастіе должно было говорить въ трагедіи, но люди минувшихъ дней, умы ихъ, предразсудки. Не его дѣло оправдывать, обвинять, подсказывать рѣчи. Его дѣло воскресить минувшій вѣкъ во всей его истинѣ. Исполнилъ ли сіи первоначальныя необходимыя условія авторъ „Мареы Посадницы?“ Отвѣчаемъ— исполнилъ, и если не вездѣ, то измѣнило ему не желаніе, не убѣжденіе, не совѣсть, но природа человѣка, всегда несовершенная — сколько глубокое добросовѣстное изслѣдованіе истины и живость воображенія юнаго, пламеннаго ему послужили.

Іоаннъ наполняетъ трагедію. Мысль его приводитъ въ движеніе всю махину, всѣ страсти, всѣ пружины. Въ первой сценѣ новгородцы узнаютъ о властолюбивыхъ его притязаніяхъ и о начатомъ походѣ. Негодованіе, ужасъ, разногласіе, смятеніе, произведенное симъ извѣстіемъ, даютъ уже понятіе о его могуществѣ. Онъ еще не появился, но ужь тутъ; какъ Мареа, мы ужь чувствуемъ его присутствіе. Поэтъ переноситъ насъ въ московскій станъ, среди недовольныхъ

князей, среди бояръ и воеводъ. И тутъ мысль объ Іоаннѣ господствуетъ и правитъ всѣми мыслями, всѣми страстями. Здѣсь видимъ могущество его, владычество, укрощающее мятежныхъ удѣльныхъ князей, страхъ, наведенный на нихъ Іоанномъ, сильную вѣру въ его всемогущество. Князья свободно и ясно понимаютъ его дѣйствія, предвидятъ и объясняютъ высокіе замыслы. Послы новгородскіе ожидаютъ его; является Іоаннъ. Рѣчь его къ посламъ не умаляетъ понятія, которое поэтъ успѣлъ внушить. Хладная, твердая рѣшимость, обвиненія сильныя, притворное великодушіе, хитрое изложеніе обидъ... мы слышимъ точно Іоанна, мы узнаемъ мощный государственный его смыслъ, мы слышимъ духъ его вѣка. Новгородъ отвѣчаетъ ему въ лицѣ своихъ пословъ. Какая сцена, какая вѣрность историческая! Какъ угадана дипломатика русскаго вольнаго города! Іоаннъ не заботится о томъ, правы ли они или нѣтъ; онъ предписываетъ свои послѣднія условія. Между тѣмъ готовится къ рѣшительной битвѣ. Но не однимъ оружіемъ дѣйствуетъ осторожный Іоаннъ. Измѣна помогаетъ силѣ. Сцена между Іоанномъ и Борецкимъ кажется намъ невыдержанною. Поэту не хотѣлось совсѣмъ унизить новгородскаго предателя; отселѣ заносчивость его рѣчей и недраматическая (т. е. неправдоподобная) снисходительность Іоанна. Скажутъ: онъ терпитъ, ибо ему

нуженъ Борецкій; правда. Но предъ его лицомъ не смѣлъ бы забыться Борецкій, и измѣнникъ не говорилъ бы уже сильнымъ языкомъ Новгорода. За то съ какой полнотой, съ какимъ спокойствіемъ развиваетъ Іоаннъ государственныя свои мысли! и замѣтимъ его откровенность: вотъ лучшая лесть властителя и единственно его достойная. Послѣдняя рѣчь Іоанна (россійскіе бояре, вожди, князья и пр.) кажется намъ не въ духѣ властолюбиваго Іоанна. Ему не нужно воспламенять ихъ усердія; онъ не станетъ изъяснять причины своихъ дѣйствій. Довольно, если онъ скажетъ имъ: завтра битва, будьте готовы.

Мы разстаемся съ Іоанномъ, узнавъ его намѣреніе, его мысли, его могучую волю—и уже видимъ его опять, когда молча въѣзжаетъ онъ побѣдителемъ въ преданный ему Новгородъ. Его распоряженія, переданныя намъ исторіей, сохранены въ трагедіи безъ добавленій затѣйливыхъ, безъ объясненій. Мароа предрекаетъ ему семейственныя несчастія и погибель его рода...

Изображеніе Іоанна, согласно съ исторіей, почти вездѣ выдержано. Въ немъ трагикъ не ниже своего предмета. Онъ его понимаетъ ясно, вѣрно, знаетъ коротко и представляетъ намъ безъ театральныхъ преувеличеній, безъ надутости, чопорности, безъ противосмыслія, безъ шарлатанства...

Програмы статей (1831—1832).

1. Что такое потомственное дворянство?—Сословіе народа высшее, т. е. награжденное бо̀льшими преимуществами касательно собственности и частной свободы.—Кѣмъ?—Народомъ или его представителями. — Съ какію цѣлію? — Съ цѣлью имѣть мощныхъ защитниковъ (народа), или близкихъ и непосредственныхъ къ властямъ представителей. — Какіе люди составляютъ сіе сословіе?—Люди, которые имѣютъ время заниматься чужими дѣлами. — Кто сіи люди? — Отмѣнные по своему богатству или образу жизни.— Почему такъ? — Богатство доставляетъ способъ не трудиться, а быть всегда готову по первому призыву du souverain; образъ жизни, т. е. не ремесленный или земледѣльческій, ибо все сіе налагаетъ на работника или земледѣльца различныя узы.—Почему такъ?—Земледѣлецъ зависитъ отъ земли, имъ обработанной, и болѣе всѣхъ неволенъ; ремесленникъ—отъ числа требователей торговыхъ, отъ мастеровъ и покупателей. — Нужно ли для дворянства пріуготовительное воспитаніе? — Нужно. — Чему учится дворянство? — Независимости, храбрости, благородству, чести вообще. — Не суть ли сіи качества природныя?—Такъ, но образъ жизни можетъ ихъ развить, усилить или задушить. — Нужны ли они въ народѣ, такъ же напримѣръ, какъ тру-

долюбіе?—Нужны и дворянство—la sauvegarde трудолюбиваго класса, которому некогда развивать сіи качества.

II. Что составляетъ дворянство въ республикѣ?— Богатые люди, которыми народъ кормится.—А въ государствѣ?—Военные люди, которые составляютъ войско государево. — Чѣмъ кончается (погибаетъ) дворянство въ республикѣ?—Аристократіей правъ.—А въ государствѣ?—Рабствомъ народа. А—В.

III. Наслѣдственныя преимущества высшихъ классовъ общества суть условія ихъ независимости. Въ противномъ случаѣ классы эти становятся наемниками и несутъ ихъ обязанности.

IV. Русское дворянство что̀ нынѣ значитъ? Какими способами дѣлаются дворяне? Что изъ этого слѣдуетъ? NB. Былое презрѣніе къ сему званію. Дворянинъ-помѣщикъ. Его вліяніе и важность; рекрутство; права. Дворянинъ въ службѣ. Дворянинъ въ деревнѣ. Происхожденіе дворянства. Дворянинъ при дворѣ.

V. Lâchetè de la haute noblesse (между прочимъ и моего пращура Никиты Пушкина). Les rangs. Chûte de la noblesse.—Pierre I. Son указъ de 1714. Opposition de Dolgorouky (niaise, dans le genre de celle des Panine).

Pierre III. Истинная причина дворянской грамоты. Екатерина. Alexandre. Новосильцовъ. Чарторижскій. Кочубей. Speransky, popovitch turbulent et ignare. Les moyens avec lesquels on

accomplit une révolution ne sont plus ceux qui la consolident. — Pierre I est tout à la fois Robespierre et Napoléon (la révolution incarnée).—La haute noblesse n'étant pas héréditaire (de fait), elle est donc noblesse à vie. Moyens d'entourer le despotisme de stipendiaires dévoués et d'etouffer toute opposition et toute indépendance. L'hérédité de la haute noblesse est une garantie de son indépendance. Le contraire est nécessairement moyen de tyrannie ou plutôt d'un despotisme lâche etc. Mon despotisme: loix cruelles, coutumes douces.

[Въ другомъ мѣстѣ]: Stabilité—première condition du bonheur public. — Comment s'accomode-t-elle avec la perfectibilité indéfini?

Торжество дружбы, или оправданный Александръ Анѳимовичъ Орловъ.

In arenam cum æqualibus descendi.
Cic.

Посреди полемики, раздирающей бѣдную нашу словесность, Николай Ивановичъ Гречъ и Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ болѣе десяти лѣтъ подаютъ утѣшительный примѣръ согласія, основаннаго на взаимномъ уваженіи, сходствѣ душъ и занятій гражданскихъ и литературныхъ. Сей назидательный союзъ ознаменованъ почтенными памятниками. Ѳаддей Венедиктовичъ скромно призналъ себя ученикомъ Николая Ивановича; Николай Ивановичъ поспѣшно провозгласилъ Ѳаддея Венедиктовича

ловкимъ своимъ товарищемъ; Ѳаддей Венедиктовичъ посвятилъ Николаю Ивановичу своего „Димитрія Самозванца“; Николай Ивановичъ посвятилъ Ѳаддею Венедиктовичу свою „Поѣздку въ Германію“; Ѳаддей Венедиктовичъ написалъ для „Грамматики“ Николая Ивановича хвалебное предисловіе;[1] Николай Ивановичъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ (издаваемой гг. Гречемъ и Булгаринымъ) напечаталъ хвалебное объявленіе „объ Иванѣ Выжигинѣ“. Единодушіе истинно трогательное!

Нынѣ Николай Ивановичъ, почитая Ѳаддея Венедиктовича оскорбленнымъ въ статьѣ, напечатанной въ № 9 Телескопа, заступился за своего товарища со свойственнымъ ему прямодушіемъ и горячностію. Онъ напечаталъ въ Сынѣ Отечества (№ 27) статью, которая конечно заставитъ молчать дерзкихъ противниковъ Ѳаддея Венедиктовича, ибо Николай Ивановичъ доказалъ неоспоримо:

1) Что М. И. Голенищевъ-Кутузовъ возведенъ въ княжеское достоинство въ іюнѣ 1812 г. (с. 65).
2) Что не сраженіе, а планъ сраженія составляетъ тайну главнокомандующаго (с. 65).
3) Что священникъ выходитъ на встрѣчу подступающему непріятелю съ крестомъ и святою водою (с. 65).

[1] См. Грамматику Греча, напечатанную въ типографіи Греча.—Авт.

4) Что секретарь выходитъ изъ дому въ статскомъ изношенномъ мундирѣ, въ треугольной шляпѣ, со шпагою, въ бѣломъ изношенномъ исподнемъ платьѣ (с. 65).
5) Что пословица: vox populi—vox Dei есть пословица латинская и что она есть истинная причина французской революціи (с. 65).
6) Что „Иванъ Выжигинъ“ не есть произведеніе образцовое, но, относительно, явленіе пріятное и полезное (с. 65).
7) Что Ѳаддей Венедиктовичъ живетъ въ своей деревнѣ близъ Дерпта и просилъ его (Николая Ивановича) не посылать къ нему вздоровъ (с. 65).
И что слѣдственно: Ѳ. В. Булгаринъ, своими талантами и трудами, приноситъ честь своимъ согражданамъ: что и доказать надлежало!

Противъ этого нечего и говорить; мы первые громко одобряемъ Николая Ивановича за его откровенное и побѣдоносное возраженіе, приносящее столько же чести его логикѣ, какъ и горячности чувствованій.

Но дружба—(сіе священное чувство)—слишкомъ далеко увлекла пламенную душу Николая Ивановича и съ его пера сорвались нижеслѣдующія строки:

„Тамъ (въ № 9 „Телескопа“) взяли двѣ глупѣйшія, вышедшія въ Москвѣ (да, въ Мо-

сквѣ) книжонки, сочиненныя какимъ-то А. Орловымъ."

О Николай Ивановичъ, Николай Ивановичъ! Какой примѣръ подаете вы молодымъ литераторамъ? Какія выраженія употребляете вы въ статьѣ, начинающейся сими строгими словами: „у насъ издавна, и по справедливости, жалуются на цинизмъ, невѣжество и недобросовѣстность рецензентовъ?" Куда дѣвалась ваша умѣренность, знаніе приличія, ваша извѣстная добросовѣстность? Перечтите, Николай Ивановичъ, перечтите сіи немногія строки — и вы сами, съ прискорбіемъ, сознаетесь въ своей необдуманности!

„Двѣ глупѣйшія книжонки!... Какой-то А. Орловъ!"... Шлюсь на всю почтенную публику: какой критикъ, какой журналистъ рѣшился бы употребить сіи непріятныя выраженія, говоря о произведеніяхъ живаго автора? ибо, слава Богу, почтенный мой другъ — Александръ Анѳимовичъ Орловъ — живъ! Онъ живъ, не смотря на зависть и злобу журналистовъ; онъ живъ, къ радости книгопродавцевъ, къ утѣшенію многочисленныхъ его читателей!

„Двѣ глупѣйшія книжонки!..." Произведенія Александра Анѳимовича, раздѣляющаго съ Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ любовь россійской публики, названы: глупѣйшими книжонками! Дерзость неслыханная, удивитель-

ная, оскорбительная не для моего друга (ибо и онъ живетъ въ своей деревнѣ близъ Сокольниковъ, и онъ просилъ меня не посылать ему всякаго вздору); но оскорбительная для всей читающей публики.[1]

„Глупѣйшія книжонки!...“ Но чѣмъ докажете вы сію глупость? Знаете ли вы, Николай Ивановичъ, что болѣе пяти тысячъ экземпляровъ сихъ глупѣйшихъ книжонокъ разошлись и находятся въ рукахъ читающей публики; что Выжигины г. Орлова пользуются благосклонностью публики наравнѣ съ Выжигиными г. Булгарина; а что образованный классъ читателей, которые гнушаются тѣми и другими, не можетъ и не долженъ судить о книгахъ, которыхъ не читаетъ!

Скрѣпя сердце, продолжаю свой разборъ.

„Двѣ глупѣйшія (глупѣйшія!), вышедшія въ Москвѣ (да, въ Москвѣ) книжонки!...“

Въ Москвѣ, да, въ Москвѣ!... Что же тутъ предосудительнаго? Къ чему такая выходка противу первопрестольнаго града?... Не въ первый разъ замѣтили мы сію странную ненависть къ Москвѣ въ издателяхъ „Сына Отечества“ и „Сѣверной Пчелы“. Больно для русскаго сердца слушать таковые отзывы о матушкѣ-Москвѣ, о Москвѣ бѣлокаменной, о Москвѣ, пострадавшей въ 1612 году

[1] См. разборъ Денницы въ „Сынѣ Отечества“. — Авт.

отъ поляковъ, а въ 1812 году отъ всякаго сброду.

Москва донынѣ центръ нашего просвѣщенія: въ Москвѣ родились и воспитывались, по большей части, писатели коренные русскіе, не выходцы, не переметчики, для коихъ: ubi bene — ibi patria, для коихъ все равно: бѣгать ли имъ подъ орломъ французскимъ, или русскимъ языкомъ позорить все русское — были бы только сыты.

Чѣмъ возгордилась петербургская литература?... Г. Булгаринымъ?... Согласенъ, что сей великій писатель, равно почтенный и дарованіями и характеромъ, заслужилъ безсмертную себѣ славу; но произведенія г. Орлова ставятъ московскаго романиста, если не выше, то по крайней мѣрѣ наравнѣ съ петербургскимъ его соперникомъ. Не смотря на несогласіе, царствующее между Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ и Александромъ Анѳимовичемъ, не смотря на справедливое негодованіе, возбужденное во мнѣ неосторожными строками „Сына Отечества", постараемся сравнить между собою сіи два блистательныя солнца нашей словесности.

Ѳаддей Венедиктовичъ превышаетъ Александра Анѳимовича плѣнительною щеголеватостію выраженій; Александръ Анѳимовичъ беретъ преимущество надъ Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ живостью и остротою разсказа.

Романы Θаддея Венедиктовича болѣе обдуманы, доказываютъ большое терпѣніе[1] въ авторѣ (и требуютъ еще большаго терпѣнія въ читателѣ); повѣсти Александра Анѳимовича болѣе кратки, но болѣе замысловаты и заманчивы.

Θаддей Венедиктовичъ болѣе философъ; Александръ Анѳимовичъ болѣе поэтъ.

Θаддей Венедиктовичъ геній, ибо изобрѣлъ имя Выжигина, и симъ смѣлымъ нововведеніемъ оживилъ пошлыя подражанія Совѣстдралу и Англійскому Милорду; Александръ Анѳимовичъ искусно воспользовался изобрѣтеніемъ г. Булгарина и извлекъ изъ онаго безконечно разнообразные эффекты!

Θаддей Венедиктовичъ, кажется намъ, немного однообразенъ, ибо всѣ его произведенія не что иное, какъ Выжигинъ въ различныхъ измѣненіяхъ: Иванъ Выжигинъ, Петръ Выжигинъ, Дмитрій Самозванецъ или Выжигинъ XVII столѣтія, собственныя записки и нравственныя статейки—все сбивается на тотъ же самый предметъ. Александръ Анѳимовичъ удивительно разнообразенъ! Сверхъ несмѣтнаго числа Выжигиныхъ, сколько цвѣтовъ разсыпалъ онъ на полѣ словесности! Встрѣча Чумы съ Холерою; Соколъ былъ бы Соколъ,

[1] Геній есть терпѣніе въ высочайшей степени — сказалъ извѣстный Бюффонъ. — Авт.

да Курица его съѣла, или Бѣжавшая Жена; Живые Обмороки; Погребеніе Купца, и проч. и проч.

Однако же безпристрастіе требуетъ, чтобъ мы указали сторону, съ коей Ѳаддей Венедиктовичъ беретъ неоспоримое преимущество надъ своимъ счастливымъ соперникомъ: разумѣю нравственную цѣль его сочиненій. Въ самомъ дѣлѣ, любезные слушатели, что можетъ быть нравственнѣе сочиненій г-на Булгарина? Изъ нихъ мы ясно узнаемъ: сколь не похвально лгать, красть, предаваться пьянству, картежной игрѣ и тому под. Г-нъ Булгаринъ наказуетъ лица разными затѣйливыми именами: убійца названъ у него—Ножевымъ, взяточникъ — Взяткинымъ, duракъ—Глаздуринымъ, и проч. Историческая точность одна не дозволила ему назвать Бориса Годунова—Хлопоухинымъ, Димитрія Самозванца—Каторжниковымъ, а Марину Мнишекъ—Княжною Шлюхиной; за то и лица сіи представлены нѣсколько блѣдно.

Въ семъ отношеніи г. Орловъ рѣшительно уступаетъ г-ну Булгарину. Впрочемъ, самые пламенные почитатели Ѳаддея Венедиктовича признаютъ въ немъ нѣкоторую скуку, искупленную назидательностію; а самые ревностные поклонники Александра Анѳимовича осуждаютъ въ немъ иногда необдуманность, извиняемую однакожь порывами генія.

Со всѣмъ тѣмъ Александръ Анѳимовичъ пользуется гораздо меньшею славою, нежели Ѳаддей Венедиктовичъ. Что же причиною сему видимому неравенству?

Оборотливость, любезные читатели, оборотливость Ѳаддея Венедиктовича, ловкаго товарища Николая Ивановича. Иванъ Выжигинъ существовалъ еще только въ воображеніи почтеннаго автора, а уже въ „Сѣверномъ Архивѣ", „Сѣверной Пчелѣ" и „Сынѣ Отечества" отзывались о немъ съ величайшею похвалою. Г-нъ Ансело въ своемъ путешествіи, возбудившемъ въ Парижѣ общее вниманіе, провозгласилъ сего, еще не существовавшаго Ивана Выжигина, лучшимъ изъ русскихъ романовъ. Наконецъ Иванъ Выжигинъ явился—и „Сынъ Отечества", „Сѣверный Архивъ" и „Сѣверная Пчела" превознесли его до небесъ. Всѣ кинулись его читать; многіе прочли до конца; а между тѣмъ похвалы ему не умолкали въ каждомъ нумерѣ „Сѣв. Архива", „Сына Отечества" и „Сѣв. Пчелы". Сіи усердные журналы ласково приглашали покупателей; ободряли, подстрекали лѣнивыхъ читателей; угрожали местью недоброжелателямъ, недочитавшимъ Ивана Выжигина изъ единой низкой зависти.

Между тѣмъ какія воспомогательныя средства употреблялъ Александръ Анѳимовичъ Орловъ?

Никакихъ, любезные читатели!

Онъ не задавалъ обѣдовъ иностраннымъ литераторамъ, незнающимъ русскаго языка, дабы за свою хлѣбъ-соль получить мѣстечко въ ихъ дорожныхъ запискахъ.

Онъ не хвалилъ самого себя въ журналахъ, имъ самимъ издаваемыхъ.

Онъ не заманивалъ унизительными ласкательствами и пышными обѣщаніями подписчиковъ и покупателей.

Онъ не шарлатанилъ газетными объявленіями, писанными слогомъ афишъ собачьей комедіи.

Онъ не отвѣчалъ ни на одну критику; онъ не называлъ своихъ противниковъ дураками, подлецами, пьяницами, устрицами и тому под.

Но—обезоружилъ ли тѣмъ онъ многочисленныхъ враговъ? Нимало. Вотъ какъ отзывались о немъ его собратія.

„Авторъ вышеисчисленныхъ твореній сильно штурмуетъ нашу бѣдную русскую литературу и хочетъ разрушить русскій Парнасъ не бомбами, но каркасами, при помощи услужливыхъ издателей, которые щедро платятъ за каждый манускриптъ знаменитаго сего творца по двадцати рублей ходячею монетою, какъ увѣряли насъ знающіе дѣло книгопродавцы. Авторъ есть мужъ — изъ ученыхъ, какъ видно по латинскимъ фразамъ, которыми испещрены его творенія, а сущность ихъ доказываетъ, что онъ, какъ сказано въ Недорослѣ: „убоясь бездны пре-

мудрости, вспять обратился." Знаменитое лубочное произведенiе: Мыши кота хоронятъ или небылицы въ лицахъ, есть Иліада въ сравненіи съ творенiями г. Орлова, а Бова Королевичъ — герой, до котораго не возвысился еще почтенный авторъ.... Державинъ есть у насъ Альфа, а г. Орловъ—Омега въ литературѣ, то есть послѣднее звено въ цѣпи литературныхъ существъ, и потому заслуживаетъ вниманіе, какъ все необыкновенное.[1] Языкъ его, изложеніе и завязка, могутъ сравняться только съ отвратительными картинами, которыми наполнены сіи чада безвкусія, и съ смѣлостью автора. Никогда въ Петербургѣ подобныя творенія не увидѣли бы свѣта, и ни одинъ изъ петербургскихъ уличныхъ разносчиковъ (не говоримъ о книгопродавцахъ) не взялся бы ихъ издавать. По какому праву г. Орловъ вздумалъ нарѣчь своихъ холопей, Хлыновскихъ степняковъ Игната и Сидора, дѣтьми Ивана Выжигина, и еще въ то самое время, когда авторъ Выжигина издаетъ другой романъ подъ тѣмъ же названіемъ?... Никогда такія омерзительныя картины не появлялись на русскомъ языкѣ. —Да здравствуетъ московское книгопечатаніе!" („Сѣв. Пчела" 1831 г., № 46).

Какая злонамѣренная и несправедливая кри-

[1] Важное сознаніе! Прошу прислушать! — Авт.

тика! Мы замѣтили уже неприличіе нападеній на Москву; но въ чемъ упрекаютъ здѣсь почтеннаго Александра Анѳимовича?... Въ томъ, что за каждое его сочиненіе книгопродавцы платятъ ему по двадцати рублей? Что же? Безкорыстному сердцу моего друга пріятно думать, что, получивъ двадцать рублей, доставилъ онъ другому двѣ тысячи выгоды:[1] между тѣмъ какъ нѣкоторый петербургскій литераторъ, взявъ за свою рукопись тридцать тысячъ, заставилъ охать погорячившагося книгопродавца!!!

Ставятъ ему въ грѣхъ, что онъ знаетъ латинскій языкъ. Конечно: доказано, что Ѳаддей Венедиктовичъ (издавшій Горація съ чужими примѣчаніями) не знаетъ по-латыни; но ужели сему незнанію обязанъ онъ своею безсмертною славою?

Увѣряютъ, что г. Орловъ изъ ученыхъ. Конечно: доказано, что г. Булгаринъ вовсе не ученъ, но опять повторяю: развѣ невѣжество есть достоинство столь завидное?

Этого не довольно: грозно требуютъ отвѣта отъ моего друга: какъ дерзнулъ онъ присвоить своимъ лицамъ имя, освященное Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ?—Но развѣ А. С. Пушкинъ не дерзнулъ вывести въ своемъ Борисѣ Годуновѣ всѣ лица романа г. Булгарина и даже воспользо-

[1] Историческая истина! — Авт.

ваться многими мѣстами въ своей трагедіи (писанной, говорятъ, пять лѣтъ прежде и извѣстной публикѣ еще въ рукописи)?

Смѣло ссылаюсь на совѣсть самихъ издателей „Сѣверной Пчелы": справедливы ли сіи критики? виноватъ ли Александръ Анѳимовичъ Орловъ?

Но еще смѣлѣе ссылаюсь на почтеннаго Николая Ивановича: не чувствуетъ ли онъ глубокаго раскаянія, оскорбивъ напрасно человѣка съ столь отличнымъ дарованіемъ, не состоящаго съ нимъ ни въ какихъ сношеніяхъ, вовсе его не знающаго и не писавшаго о немъ ничего дурнаго?[1]

Ѳеоѳилактъ Косичкинъ.

Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ.

Я не принадлежу къ числу тѣхъ незлопамятныхъ литераторовъ, которые, публично другъ друга обругавъ, обнимаются потомъ всенародно, какъ Пролазъ съ Высоносомъ, говоря въ похвальбу себѣ и въ утѣшеніе:

„Вѣдь, кажется, у насъ по полной оплеухѣ."

Нѣтъ, разсердясь единожды, сержусь я долго и утихаю не прежде, какъ истощивъ весь за-

[1] „Сынъ Отечества", № 27, стр. 60. — Авт.

пасъ оскорбительныхъ примѣчаній, обиняковъ, заграничныхъ анекдотовъ и тому подобнаго. Для поддержанія же себя въ семъ суровомъ расположеніи духа, перечитываю я—тщательно мною переписанныя въ особую тетрадь — статьи, подавшія мнѣ поводъ къ таковому ожесточенію. Такимъ образомъ, пересматривая на дняхъ антикритику, подавшую мнѣ случай заступиться за почтеннаго друга моего А. А. Орлова, напалъ я на слѣдующее мѣсто:

„Я рѣшился на сіе (на оправданіе г. Булгарина) не для того, чтобъ оправдать и защищать Булгарина, который въ этомъ не имѣетъ надобности, ибо у него въ одномъ мизинцѣ болѣе ума и таланта, нежели во многихъ головахъ рецензентовъ“ (см. № 27 „Сына Отечества“, издаваемаго гг. Гречемъ и Булгаринымъ).

Изумился я, какимъ образомъ могъ я пропустить безъ вниманія сіи краснорѣчивыя, но необдуманныя строки! Я сталъ по пальцамъ пересчитывать всевозможныхъ рецензентовъ, у коихъ менѣе ума въ головѣ, нежели у г. Булгарина въ мизинцѣ, и теперь догадываюсь, кому Николай Ивановичъ думалъ погрозить мизинцемъ Ѳаддея Венедиктовича.

Въ самомъ дѣлѣ, къ кому можетъ отнестись это затѣйливое выраженіе? Кто наши записные рецензенты?

Вы, г. Издатель „Телескопа"? Вѣроятно мстительный мизинчикъ указуетъ и на васъ: предоставляю вамъ самимъ вступиться за свою голову.[1] Но кто же другіе?

Г. Полевой? Но не смотря на прежніе раздоры, на письма Бригадирши, на насмѣшки славнаго Грипусье,[2] на недавнее прозвище Верхогляда и проч. и проч., всей Европѣ извѣстно, что „Телеграфъ" состоитъ въ добромъ согласіи съ „Сѣверной Пчелой" и „Сыномъ Отечества": мизинчикъ касается не его.

Г. Воейковъ? Но сей замѣчательный литераторъ рецензіями мало занимается, а извѣстенъ болѣе изданіемъ „Хамелеонистики", остроумнаго сбора статей, въ коихъ выводятся, такъ сказать, на чистую воду нѣкоторыя, такъ сказать, литературныя плутни. Ловкіе издатели „Сѣверной Пчелы" ужъ вѣрно не станутъ, какъ говорится, класть ему палецъ въ ротъ, хотя бы сей палецъ былъ и знаменитый вышеупомянутый мизинчикъ.

Г. Сомовъ? Но, кажется, „Литературная Газета", совершивъ свой единственный подвигъ— совершенное уничтоженіе (литературной) сла-

[1] До мизинцевъ ли мнѣ?—Изд. „Телескопа".

[2] Прозвищемъ Грипусье въ тогдашнихъ журналахъ дразнили Полеваго за то, что онъ такъ передалъ французское слово gris poussière.

вы г. Булгарина—почіетъ на своихъ лаврахъ, и г. Гречъ, вѣроятно, не тревожитъ сего счастливаго усыпленія, щекотя „Газету“ проказливымъ мизинчикомъ.

Кого же оцарапалъ сей мизинецъ? Кто сіи рецензенты, у коихъ — и такъ далѣе? Просвѣщенный читатель уже догадался, что дѣло идетъ обо мнѣ, Ѳеофилактѣ Косичкинѣ.

Всему свѣту извѣстно, что никто постояннѣе моего не слѣдовалъ за исполинскимъ ходомъ нашего вѣка. Сколько глубокихъ и блистательныхъ твореній по части политики, точныхъ наукъ и чистой литературы вышли у насъ изъ печати въ теченіе послѣдняго десятилѣтія (шагнувшаго такъ далеко впередъ) и обратили на себя справедливое вниманіе завидующей намъ Европы! Ни одного изъ таковыхъ явленій не пропустилъ я изъ виду; обо всякомъ, какъ извѣстно, написалъ я по одной статьѣ, отличающейся ученостію, глубокомысліемъ и остроуміемъ. Если долгъ безпристрастія требовалъ, чтобъ я указывалъ иногда на недостатки разбираемаго мною сочиненія, то можетъ ли кто нибудь изъ гг. русскихъ авторовъ жаловаться на заносчивость или невѣжество Ѳеофилакта Косичкина? Можетъ быть, по примѣру г-на Полеваго, я слишкомъ лестно отзываюсь о самомъ себѣ; я могъ бы говорить въ третьемъ лицѣ и попросить моего друга подписать имя свое подъ

сими справедливыми похвалами; но я гнушаюсь таковыми уловками, и гг. русскіе журналисты, вѣроятно, не укорятъ меня въ шарлатанствѣ.

И что-жь! г. Гречъ въ журналѣ, съ жадностію читаемомъ во всей просвѣщенной Европѣ, даетъ понимать, будто бы въ мизинцѣ его товарища болѣе ума и таланта, чѣмъ въ головѣ моей! Отзывъ слишкомъ для меня оскорбительный! Полагаю себя въ правѣ объявить во услышаніе всей Европы, что я ничьихъ мизинцевъ не убоюсь; ибо, не входя въ разсмотрѣніе головъ, увѣряю, что пальцы мои (каждый особо и всѣ пять въ совокупности) готовы воздать сторицею кому бы то ни было. — Dixi!

Взявшись за перо, я не имѣлъ однакожь цѣлію объявить о семъ почтеннѣйшей публикѣ; подобно нашимъ писателямъ-аристократамъ (разумѣю слово сіе въ его ироническомъ смыслѣ), я никогда не отвѣчалъ на журнальныя критики: дружба, оскорбленная дружба призываетъ опять меня на помощь угнетеннаго дарованія.

Признаюсь: послѣ статьи, въ которой такъ торжественно оправдалъ и защитилъ я А. А. Орлова (статьи, принятой московскою и петербургскою публикою съ отличной благосклонностію), не ожидалъ я, чтобъ „Сѣверная Пчела“ возобновила свои нападенія на благороднаго друга моего и на первопрестольную столицу. Прав-

да, сіи нападенія уже гораздо слабѣе прежнихъ, но я не умолкну, доколѣ не принужу къ совершенному безмолвію ожесточенныхъ гонителей моего друга и непочтительнаго „Сына Отечества“, издѣвающагося надъ нашею древнею Москвою.

„Сѣверная Пчела“ (№ 101), объявляя о выходѣ новаго Выжигина, говоритъ: „Заглавіе сего романа заставило насъ подумать, что это одно изъ многочисленныхъ подражаній произведеніямъ нашего блаженнаго г. А. Орлова, знаменитаго автора.... Притомъ же всякое произведеніе московской литературы, носящее на себѣ печать изданія книгопродавцевъ пятнадцатаго класса.... приводитъ насъ въ невольный трепетъ.“ Блаженный г. Орловъ.... Что значитъ блаженный Орловъ? О! конечно: если блаженство состоитъ въ спокойствіи духа, не возмущаемаго ни завистью, ни корыстолюбіемъ; въ чистой совѣсти, не запятнанной или плутнями, ни лживыми доносами; въ честномъ и благородномъ трудѣ; въ смиренномъ развитіи дарованія, даннаго отъ Бога: то добрый и небогатый Орловъ блаженъ, и не станетъ завидовать ни богатству плута, ни чинамъ негодяя, ни извѣстности шарлатана!!! Если же слово блаженный употреблено въ смыслѣ, коего здѣсь изъяснять не стану, то удивляюсь охотѣ нѣкоторыхъ людей, старающихся представлять смѣшными вещи вовсе не

смѣшныя, и которыя даже не могутъ извинять неприличія мысли остроуміемъ или веселостію оборота.

Насмѣшки надъ книгопродавцами пятнадцатаго класса обличаютъ аристократію чиновныхъ издателей, нѣкогда осмѣянную такъ называемыми аристократическими писателями. Повторимъ истину, столь же неоспоримую, какъ и нравственныя размышленія г-на Булгарина: „чины не даютъ ни честности плуту, ни ума глупцу, ни дарованія задорному маракѣ. Фильдингъ и Лабрюеръ не были ни статскими совѣтниками, ни даже коллежскими ассесорами. Разночинцы, вышедшіе въ дворянство, могутъ быть почтенными писателями, если только они люди съ дарованіемъ, образованностію и добросовѣстностію, а не фигляры и не наглецы.“

Надѣюсь, что сей умѣренный мой отзывъ будетъ послѣднимъ, и что почтенные издатели „Сѣверной Пчелы“, „Сына Отечества“ и „Сѣвернаго Архива“ не вызовутъ меня снова на поприще, на которомъ являюсь рѣдко, но не безъ успѣха, какъ изволите видѣть. Я человѣкъ миролюбивый, но всегда готовъ заступиться за моего друга; я не похожу на того китайскаго журналиста, который, потакая своему товарищу и въ глаза выхваляя его бредни, говоритъ на ухо всякому: „этотъ пачкунъ и мерзавецъ ссоритъ меня со всѣми порядочными людьми, мараетъ

меня своимъ товариществомъ; но что дѣлать? онъ человѣкъ дѣловой и расторопный!“

Между тѣмъ, полагаю себя въ правѣ объявить о существованіи романа, коего заглавіе прилагаю здѣсь. Онъ поступитъ въ печать или останется въ рукописи, смотря по обстоятельствамъ:

НАСТОЯЩІЙ ВЫЖИГИНЪ.

ИСТОРИКО-НРАВСТВЕННО-САТИРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ XIX ВѢКА.

СОДЕРЖАНІЕ.

Глава I. Рожденіе Выжигина въ кудлашкиной канурѣ. Воспитаніе ради Христа.—Глава II. Первый пасквиль Выжигина. Гарнизонъ.—Глава III. Драка въ кабакѣ. Ваше благородіе! Дайте опохмѣлиться!—Глава IV. Дружба съ Евсеемъ. Фризовая шинель. Кража. Бѣгство.—Глава V. Ubi bene, ibi patria.—Глава VI. Московскій пожаръ. Выжигинъ грабитъ Москву.—Глава VII. Выжигинъ перебѣгаетъ.—Глава VIII. Выжигинъ безъ куска хлѣба. Выжигинъ ябедникъ. Выжигинъ торгашъ.—Глава IX. Выжигинъ игрокъ. Выжигинъ и отставной квартальный.—Глава X. Встрѣча Выжигина съ Высухинымъ.—Глава XI. Веселая компанія. Курьезный куплетъ и письмо-анонимъ къ знатной особѣ.—Глава XII. Танта. Выжигинъ попадается въ дураки.—Глава XIII. Свадьба Выжигина. Бѣдный племянничекъ! Ай

да дядюшка!—Глава XIV. Господинъ и госпожа Выжигины покупаютъ на трудовыя денежки деревню и съ благодарностію объявляютъ о томъ почтенной публикѣ.—Глава XV. Семейственныя непріятности. Выжигинъ ищетъ утѣшенія въ бесѣдѣ музъ и пишетъ пасквили и доносы.—Глава XVI. Видокъ или маску долой!—Глава XVII. Выжигинъ раскаевается и дѣлается порядочнымъ человѣкомъ.—Глава XVIII и послѣдняя. Мышь въ сырѣ.

Ѳ. Косичкинъ.

Изъ записной книжки.

[образчики статей предполагавшейся газеты].

26 іюля (1831 г.). Вчера государь императоръ отправился въ Военныя Поселенія (въ Новгородской губерніи) для усмиренія возникшихъ тамъ безпокойствъ. Нѣсколько офицеровъ и лекарей убито бунтовщиками. Ихъ депутаты пришли въ Ижору съ повинною головою и съ роспискою одного изъ офицеровъ, котораго передъ смертію принудили бунтовщики письменно показать, будто бы онъ и лекарь отравливали людей. Государь говорилъ съ депутатами мятежниковъ, послалъ ихъ назадъ, приказалъ во всемъ слушаться гр. Орлова, посланнаго въ Поселенія при первомъ извѣстіи о бунтѣ, и обѣщалъ самъ къ нимъ пріѣхать. „Тогда я васъ прощу“, сказалъ

онъ имъ. Кажется, все усмирено, а ежели нѣтъ еще, то все усмирится присутствіемъ государя.

Однакожь сіе рѣшительное средство, какъ послѣднее, не должно быть употребляемо. Народъ не долженъ привыкать къ царскому лицу, какъ обыкновенному явленію. Расправа полицейская должна одна вмѣшиваться въ волненія площади и царскій голосъ не долженъ угрожать ни картечью, ни кнутомъ. Царю не должно сближаться лично съ народомъ. Чернь перестанетъ скоро бояться таинственной власти и начнетъ тщеславиться своими сношеніями съ государемъ. Скоро въ своихъ мятежахъ она будетъ требовать появленія его, какъ необходимаго обряда. Донынѣ государь, обладающій даромъ слова, говорилъ одинъ; но можетъ найтиться въ толпѣ голосъ для возраженія. Таковые разговоры неприличны, а пренія площадныя превращаются тотчасъ въ ревъ и вой голоднаго звѣря. Россія имѣетъ 12,000 верстъ въ ширину. Государь не можетъ явиться вездѣ, гдѣ можетъ вспыхнуть мятежъ.

~~ Покамѣстъ полагали, что холера прилипчива какъ чума, до тѣхъ поръ карантины были зло необходимое. Но какъ скоро начали замѣчать, что холера находится въ воздухѣ, то карантины должны были тотчасъ быть уничтожены. 16 губерній вдругъ не могутъ быть оцѣплены, а карантины, не подкрѣпленные доста-

точною цѣпью, военною силою, суть только средства къ притѣсненію и причины къ общему неудовольствію. Вспомнимъ, что турки предпочитаютъ чуму карантинамъ. Въ прошломъ году карантины остановили всю промышленность, заградили путь обозамъ, привели въ нищету подрядчиковъ и извощиковъ и чуть не взбунтовали 16 губерній. Злоупотребленія неразлучны съ карантинными постановленіями, которыхъ не понимаютъ ни употребляемые на то люди, ни народъ. Уничтожьте карантины—народъ не будетъ отрицать существованія заразы, станетъ принимать предохранительныя мѣры и прибѣгнетъ къ лекарямъ и правительству; но покамѣстъ карантины тутъ, меньшее зло будетъ предпочтено большему, и народъ будетъ болѣе безпокоиться о своемъ продовольствіи, о угрожающей нищетѣ и голодѣ, нежели о болѣзни невѣдомой и коей признаки такъ близки къ отравѣ.

~~ На дняхъ скончался въ Петербургѣ Фонъ-Фокъ, начальникъ III отдѣленія государственной канцеляріи тайной полиціи, человѣкъ добрый, честный и твердый. Государь сказалъ: J'ai perdu Fock; je ne puis que le pleurer et me plaindre de n'avoir pas pu l'aimer.“ Вопросъ: кто будетъ на его мѣстѣ? важнѣе другаго вопроса: что сдѣлаемъ съ Польшей?

~~ **29 іюля** (1831 г.). Третьяго дня государы-

ня родила великаго князя Николая. Наканунѣ она позволила фрейлинѣ Россети выйти за Смирнова.—Государь пріѣхалъ передъ самыми родами императрицы. Бунтъ въ новгородскихъ колоніяхъ усмиренъ его присутствіемъ. Нѣсколько генераловъ, полковниковъ и почти всѣ офицеры полковъ аракчеевскаго и короля прусскаго перерѣзаны. Мятежники имѣли списки мнимыхъ отравителей, т. е. начальниковъ и лекарей. Генерала они засѣкли на плацѣ. Надъ нѣкоторыми жертвами убійцы ругались. Посадивъ на стулъ одного маіора, они подходили къ нему съ шутками: „Ваше высокоблагородіе, что это вы такъ поблѣднѣли? Вы сами не свои. Вы такъ смирны!"—и съ этимъ словомъ били его по лицу. Лекарей убито 15 человѣкъ. Одинъ изъ нихъ спасенъ больными, лежащими въ лазаретѣ. Этотъ лекарь находился 12 лѣтъ въ колоніи, былъ отмѣнно любимъ солдатами за его усердіе и добродушіе. Мятежники отдавали ему справедливость, но хотѣли однако же его зарѣзать, ибо и онъ стоялъ въ спискѣ жертвъ. Больные вытребовали его изъ-подъ караула. Мятежники хотѣли было ѣхать къ Аракчееву въ Грузино, чтобъ убить его, а домъ разграбить. 30 троекъ были уже готовы. Жандармскій офицеръ, взявшій надъ ними власть, успѣлъ уговорить ихъ оставить это намѣреніе. Онъ было спасъ и офицеровъ полка прусскаго короля, уговоривъ

мятежниковъ содержать несчастныхъ подъ арестомъ, но послѣ его отъѣзда убійства совершились. Государь обѣдалъ въ Аракчеевскомъ полку. Солдаты встрѣтили его съ хлѣбомъ и медомъ. Арендъ, находившійся при семъ, сказалъ имъ съ негодованіемъ: „вамъ бы должно вынести кутью.“ Государь собралъ полкъ въ манежѣ, приказалъ попу читать молитвы, приложился и обратился къ мятежникамъ. Онъ разбранилъ ихъ, объявилъ, что не можетъ ихъ простить и требовалъ, чтобы они выдали ему зачинщиковъ. Полкъ обѣщался. Свидѣтели съ восторгомъ и изумленіемъ говорятъ о мужествѣ и силѣ духа императора. Восемь полковъ, возмутившихся въ Старой Русѣ, получили повелѣніе идти въ Гатчино.

Сентября 4. — Суворовъ привезъ сегодня извѣстіе о взятіи Варшавы. Паскевичъ раненъ въ бокъ. Мартыновъ и Ефимовичъ убиты. Гейсмаръ раненъ. Нашихъ пало 6,000. Поляки защищались отчаянно. Приступъ начался 24 августа. Варшава сдалась безусловно 27-го. Раненый Паскевичъ сказалъ: Du moins j'ai fait mon devoir. Гвардія все время стояла подъ ядрами. Суворовъ былъ два раза на переговорахъ и въ опасности быть повѣшеннымъ. Государь пожаловалъ его полковникомъ въ Суворовскомъ полку. Паскевичъ сдѣланъ княземъ свѣтлѣйшимъ. Скржинецкій скрывается. Лелевель при Ромарино. Су-

воровъ видѣлъ въ Варшавѣ Montebello, Высоцкаго, зачинщика революціи, гр. А. Потоцкаго и другихъ. Взятіе подъ стражу еще не началось. Государь тому удивился; мы также.

NB. „Сколько въ Суворовскомъ полку осталось?" спросилъ государь у Суворова.—301 человѣкъ, ваше величество. „Нѣтъ, 301: ты въ немъ полковникъ."

Мнѣніе Жомини о польской кампаніи. Главная ошибка Дибича состояла въ томъ, что онъ, предвидя скорую оттепель, поспѣшилъ начать свои дѣйствія, наперекоръ здравому смыслу. 15 дней—разницы не сдѣлало бы. Счастье во многомъ помогло Паскевичу: 1) онъ не могъ перейти со всѣми силами Вислу, но на Палена Скржинецкій не напалъ; 2) онъ долженъ былъ пойти на приступъ, а изъ Варшавы выступило 20,000 и ушли слишкомъ далеко. Ошибки Скржинецкаго состояли въ томъ, что онъ пожертвовалъ 8,000 избраннаго войска понапрасну подъ Остроленкой. Позиція его была чрезвычайно сильная и Паскевичъ опасался ея. Но Скржинецкаго смѣнили недовольные его дѣйствіями или бездѣйствіемъ начальники мятежа и Польша погибла.

О книгѣ А. Н. Муравьева: Путешествіе къ св. мѣстамъ (1832).

Въ 1829 г. авторъ находился въ главной квартирѣ Дибича.—За Балканами остановились рус-

скія войска; начались переговоры, военныя дѣйствія прекратились. Вниманіе Европы было обращено на Адріанополь, гдѣ рѣшалась судьба Греціи, цѣлыя восемь лѣтъ занимавшей помышленія просвѣщеннаго міра. Греція оживала. Могущественная помощь Сѣвера возвращала ей независимость и самобытность.

Во время переговоровъ, среди торжествующаго нашего стана, въ виду смятеннаго Константинополя, одинъ молодой поэтъ думалъ объ Іерусалимѣ, о св. храмѣ, нынѣ забытомъ христіанскою Европою для суетныхъ развалинъ Парѳенона и Ликея. Ему представилась возможность исполнить давнее желаніе, любимую мечту отрочества. Г. Муравьевъ черезъ г. Дибича получилъ дозволеніе посѣтить св. мѣста и отправился къ нимъ черезъ Константинополь и Александрію. Нынѣ издалъ онъ свои путевыя записки.

Съ умиленіемъ и невольною завистью прочли мы книгу г. Муравьева... Молодаго нашего соотечественника привлекло туда не суетное желаніе обрѣсти краски для поэтическаго романа, не безпокойное любопытство, не надежда найдти насильственныя впечатлѣнія для сердца усталаго и притупленнаго. Онъ посѣтилъ св. мѣста, какъ вѣрующій, какъ смиренный, простодушный крестоносецъ, жаждущій повергнуться въ прахъ предъ гробомъ Христа Спасителя. Онъ traverse Грецію,—préoccupé одною великою мыслію; онъ не старается, какъ Шатобріанъ, вос-

пользоваться противоположностью миѳологій Библіи и Одиссеи; онъ не останавливается, онъ спѣшитъ, онъ мимоходомъ бесѣдуетъ съ... преобразователемъ Египта, проникаетъ въ глубину пирамидъ, проникаетъ въ пустыню, оживленную черными шатрами бедуиновъ и верблюдами каравановъ, вступаетъ въ обѣтованную землю, наконецъ съ высоты вдругъ видитъ Іерусалимъ...

Историческія замѣтки (1832—1833).

1.—Москва была освобождена Пожарскимъ, польское войско удалилось; король шведскій думалъ о замиреніи. Послѣдняя опора Марины, Заруцкій, злодѣйствовалъ въ отдаленномъ краю Россіи. Отечество отдохнуло и стало думать объ избраніи себѣ новаго царя. Выборные люди отъ всего государства стеклись въ разоренную Москву и приступили къ великому дѣлу. Долго не могли рѣшиться, помнили горькія послѣдствія двухъ недавнихъ выборовъ. Многіе бояре не уступали въ знатности родамъ Шуйскихъ и Годуновыхъ; каждый думалъ о себѣ или о родственникѣ; вдругъ, посреди преній и всеобщаго недоумѣнія, произнесено было имя Михаила Романова.

Михаилъ Ѳедоровичъ былъ сынъ знаменитаго боярина Ѳедора Никитича, нѣкогда сосланнаго царемъ Борисомъ и неволею постриженнаго въ монахи, въ царствованіе Лжедмитрія (1605), изъ монастырскаго заточенія возведеннаго на сте-

пень митрополита ростовскаго и прославившаго свое иноческое имя въ исторіи нашего отечества. Отецъ Θедора Никитича, Никита Романовичъ, былъ женатъ на сестрѣ царя Іоанна Васильевича и, слѣдовательно, юный Михаилъ по женскому колѣну происходилъ отъ Рюрика, ибо родная бабка его, супруга Никиты Романовича, была родная сестра царя Іоанна Васильевича. Съ самыхъ первыхъ лѣтъ испыталъ онъ превратности судьбы. Младенцемъ раздѣлялъ онъ заточеніе съ матерію своею, Ксеніею Ивановной, въ 1600 году подъ именемъ инокини Марθы постриженной въ пустынномъ Онежскомъ монастырѣ.

Лжедмитрій, опредѣливъ имъ приличное роду ихъ содержаніе, перевелъ ихъ въ костромской Ипатскій монастырь.

2. — Приказы: Надворный вѣдалъ дѣла переносныя (cour de cassation); Расправная палата (сенатъ); Золотая палата (вѣдала службу дворянъ); Приказъ Посольскій, кромѣ дѣлъ иностранныхъ, вѣдалъ таможни, аптеки, врачей. Приказъ Большія казны — Департаментъ Удѣловъ; Земскій — Управа Благочинія московская. Житный, Бронный, Монастырскій, Стрѣлецкій, Пушкарскій, Ямской, Холопій; Казанскій дворецъ вѣдалъ царства Астраханское, Казанское и Сибирское; Каменный приказъ, учрежденный Годуновымъ, вѣдалъ постройку каменныхъ зданій. Сверхъ

того, временные приказы, напр. Приказъ о прекращеніи разбоевъ.

При удѣльныхъ князьяхъ тіуны, судьи, посадники, волостели, тысяцкіе.

Городничій — дворской.

Губернскій предводитель — воевода, впослѣдствіи главный уѣздный судья, губной староста, судія, цѣловальникъ — засѣдатель уѣзднаго суда, объѣздной — исправникъ. Прикащикъ — посадскій — предсѣдатель городской думы. Помѣстный прикащикъ — дворянскій предводитель (сбивчиво, дурно).

О сочиненіяхъ П. А. Катенина (1833).

На дняхъ вышли въ свѣтъ сочиненія и переводы въ стихахъ Павла Катенина.

Издатель (г. Бахтинъ) въ началѣ предисловія, весьма замѣчательнаго, упомянулъ о томъ, что П. А. Катенинъ почти при вступленіи на поприще словесности былъ встрѣченъ самыми несправедливыми и самыми неумѣренными критиками.

Намъ кажется, что г. Катенинъ (какъ и всѣ наши писатели вообще) скорѣе могъ бы жаловаться на безмолвіе критики, чѣмъ на ея строгость или пристрастную привязчивость. Критики, по настоящему, у насъ еще не существуетъ: несправедливо было бы намъ и требо-

вать оной. У насъ и литература едва ли существуетъ, а на нѣтъ — суда нѣтъ, говоритъ неоспоримая пословица. Если публика можетъ довольствоваться тѣмъ, что называется у насъ критикой, то это доказываетъ только, что мы еще не имѣемъ нужды ни въ Шлегеляхъ, ни даже въ Лагарпахъ.

Что же касается до несправедливой холодности, оказываемой публикой сочиненіямъ г. Катенина, то во всѣхъ отношеніяхъ она дѣлаетъ ему честь: во-первыхъ, она доказываетъ отвращеніе поэта отъ мелочныхъ способовъ добывать успѣхи, а во-вторыхъ, и его самостоятельность. Никогда не старался онъ угождать господствующему вкусу въ публикѣ, напротивъ: шелъ всегда своимъ путемъ, творя для самого себя, что̀ и какъ ему было угодно. Онъ даже до того простеръ свою гордую независимость, что оставлялъ одну отрасль поэзіи, какъ скоро становилась она модною, и удалялся туда, куда не сопровождало его ни пристрастіе толпы, ни образцы какого нибудь писателя, увлекающаго за собою другихъ. Такимъ образомъ, бывъ одинъ изъ первыхъ приверженцевъ романтизма, первый введши въ кругъ возвышенной поэзіи языкъ и предметы простонародные, онъ первый отрекся отъ романтизма и обратился къ классическимъ идоламъ, когда читающей публикѣ начала нравиться новизна литературнаго преобразованія.

Первымъ замѣчательнымъ произведеніемъ г. Катенина былъ переводъ славной Биргеровой Леоноры. Она была уже извѣстна у насъ по невѣрному и прелестному подражанію Жуковскаго, который сдѣлалъ изъ нея то же, что Байронъ въ своемъ Манфредѣ сдѣлалъ изъ Фауста: ослабилъ духъ и формы своего образца. Катенинъ это чувствовалъ и вздумалъ показать намъ Леонору въ энергической красотѣ ея первобытнаго созданія: онъ написалъ Ольгу. Но сія простота и даже грубость выраженій, сія сволочь, замѣнившая воздушную цѣпь тѣней, сія висѣлица вмѣсто сельскихъ картинъ, озаренныхъ лѣтнею луною, непріятно поразили непривычныхъ читателей и Гнѣдичъ взялся высказать ихъ мнѣнія въ статьѣ, коей несправедливость обличена была Грибоѣдовымъ. Послѣ Ольги явился Убійца, лучшая, можетъ быть, изъ балладъ Катенина. Впечатлѣніе, имъ произведенное, было и того хуже. Убійца, въ припадкѣ сумасшествія, бранилъ мѣсяцъ, свидѣтеля его злодѣянія, плѣшивымъ! Читатели, воспитанные на Флоріанѣ и Парни, расхохотались и почли балладу ниже всякой критики.

Таковы были первыя неудачи Катенина; онѣ имѣли вліяніе и на слѣдующія его произведенія. На театрѣ имѣлъ онъ рѣшительные успѣхи. Отъ времени до времени въ журналахъ и альманахахъ появлялись его стихотворенія, коимъ на-

конецъ начали отдавать справедливость, и то скупо и неохотно. Между ими отличаются Мстиславъ Мстиславичъ, стихотвореніе, исполненное огня и движенія, и Вторая быль, гдѣ столько простодушія и истинной поэзіи.

Въ книгѣ, нынѣ изданной, просвѣщенные читатели замѣтятъ идиллію, гдѣ съ такою прелестною вѣрностію постигнута буколическая природа, не Геснеровская, чопорная и манерная, но древняя—простая, широкая, свободная; меланхолическую элегію, мастерской переводъ трехъ пѣсенъ изъ Inferno и собраніе романсовъ о Сидѣ, сію простонародную хронику, столь любопытную и поэтическую. Знатоки отдадутъ справедливость ученой отдѣлкѣ и звучности гекзаметра и вообще механизму стиха г. Катенина, слишкомъ пренебрегаемому лучшими нашими стихотворцами.

О книгѣ И. И. Дмитріева: Путешествіе N. N. въ Парижъ и Лондонъ (1834).

Путешествіе etc. Картинка представляетъ etc. Эта книжка никогда не была въ продажѣ. Нѣсколько экземпляровъ розданы были пріятелямъ автора, отъ котораго имѣлъ я счастіе получить и свой (чуть ли не послѣдній). Я храню его какъ памятникъ благосклонности, для меня драгоцѣнной.

Путешествіе есть веселая, незлобная шутка надъ однимъ изъ пріятелей автора. Покойный Вас. Льв. Пушкинъ отправился въ Парижъ и его младенческій восторгъ подалъ поводъ къ сочиненію маленькой поэмы, въ которой съ удивительною точностію изображенъ весь Василій Львовичъ. Это образецъ игривой легкости и живой шутки.

Для тѣхъ, которые любятъ поэзію не только въ ея лирическихъ порывахъ или въ дивномъ вдохновеніи элегіи, не только въ обширныхъ созданіяхъ драмы и эпопеи, но и въ младенческой, живой игривости шутки и въ забавахъ ума, вдохновеннаго веселостью... Виноватъ: я бы отдалъ все, что было написано у насъ въ подражаніе лорду Байрону, за слѣдующіе, задумчивые и невосторженные стихи, въ которыхъ поэтъ заставляетъ героя своего восклицать къ друзьямъ.

.[1]

Есть люди, которые не понимаютъ Байрона; есть люди, которые находятъ и Горація прозаическимъ (спокойнымъ, умнымъ, разсудительнымъ, — такъ ли?). Пусть такъ; но жаль было бы, если бы не существовали прелестныя оды, которымъ подражалъ и нашъ Державинъ. Для тѣхъ, которые любятъ Катула, Грессета и Воль-

[1] Стихи не были выписаны Пушкинымъ.

тера, для тѣхъ etc. искренность драгоцѣнна въ поэтѣ. Намъ пріятно видѣть поэта во всѣхъ состояніяхъ и измѣненіяхъ его живой, творческой души: и въ печали, и въ радости, и въ порывахъ восторга, и въ отдохновеніи чувствъ, и въ ювенальскомъ негодованіи, и въ маленькой досадѣ на скучнаго сосѣда.

Благоговѣю передъ созданіемъ Фауста, но люблю и эпиграммы etc. Есть люди, которые не признаютъ иной поэзіи, кромѣ выспренней.

Мысли на дорогѣ (1834).

1. Шоссе.[1]

Узнавъ, что новая московская дорога совсѣмъ окончена, я вздумалъ съѣздить въ Петербургъ, гдѣ не бывалъ болѣе пятнадцати лѣтъ. Я записался въ конторѣ поспѣшныхъ дилижансовъ (которые показались мнѣ спокойнѣе прежнихъ почтовыхъ каретъ) и 15-го октября, въ десять часовъ утра, выѣхалъ изъ Тверской заставы.

Катясь по гладкому шоссе, въ спокойномъ экипажѣ, не заботясь ни о его прочности, ни о прогонахъ, ни о лошадяхъ, я вспомнилъ о послѣднемъ своемъ путешествіи въ Петербургъ по

[1] Первоначально эта глава называлась „Дорожный товарищъ“.

старой дорогѣ. Не рѣшившись скакать на перекладныхъ, я купилъ тогда дешевую коляску, и съ однимъ слугою отправился въ дорогу. Не знаю, кто изъ насъ, Иванъ или я, согрѣшили передъ Богомъ, но путешествіе наше было неблагополучно. Проклятая коляска требовала поминутно починки. Кузнецы меня притѣсняли; рытвины и, мѣстами, деревянная мостовая совершенно изнурили. Цѣлые шесть дней тащился я по несносной дорогѣ и пріѣхалъ въ Петербургъ полумертвый. Мои пріятели смѣялись надъ моей изнѣженностію, но я не имѣю и притязаній на фельдъегерское геройство, и, по зимнему пути возвратясь въ Москву, съ той поры уже никуда не выѣзжалъ.

Вообще, дороги въ Россіи (благодаря пространству) хороши, и были бы еще лучше, если бы менѣе объ нихъ заботились губернаторы. Напримѣръ, дернъ есть уже природная мостовая; зачѣмъ его сдирать и замѣнять наносной землею, которая, при первомъ дождикѣ, обращается въ слякоть? Поправка дорогъ, одна изъ самыхъ тяжелыхъ повинностей, не приноситъ почти никакой пользы и есть большею частью предлогъ къ угнетенію и взяткамъ. Возьмите перваго мужика, хотя крошечку смышленаго, и заставьте его провести новую дорогу: онъ начнетъ вѣроятно съ того, что пророетъ два параллельные рва для стеченія дождевой воды. Лѣтъ сорокъ тому

назадъ, одинъ воевода вмѣсто рвовъ подѣлалъ парапеты, такъ что дороги сдѣлались ящиками для грязи. Лѣтомъ дороги прекрасны; но весной и осенью путешественники принуждены ѣздить по пашнямъ и полямъ, потому что экипажи вязнутъ и тонутъ на большой дорогѣ, между тѣмъ, какъ пѣшеходы, гуляя по парапетамъ, благословляютъ память мудраго воеводы. Такихъ воеводъ на Руси весьма довольно.

Великолѣпное московское шоссе начато по повелѣнію императора Александра; дилижансы учреждены обществомъ частныхъ людей. Такъ должно быть и во всемъ: правительство открываетъ дорогу, частные люди находятъ удобнѣйшіе способы ею пользоваться.

Не могу не замѣтить, что, со временъ восшествія на престолъ дома Романовыхъ, у насъ правительство всегда впереди на поприщѣ образованности и просвѣщенія. Народъ слѣдуетъ за нимъ всегда лѣниво, а иногда и неохотно.[1]

[1] Далѣе въ черновой рукописи прибавлено: „Я началъ записки не для того, чтобы льстить властямъ: товарищъ, мною избранный,—худой внушитель ласкательства; но не могу не замѣтить, что со времени возведенія Романовыхъ, отъ Михаила Ѳедоровича до Николая I, правительство у насъ всегда впереди на поприщѣ образованія и просвѣщенія. Народъ слѣдуетъ за нимъ всегда лѣниво, а иногда и неохотно. Вотъ что и составляетъ силу нашего самодержавія. Не худо было бы инымъ европейскимъ государствамъ понять эту простую

Собравшись въ дорогу, вмѣсто пироговъ и холодной телятины, я хотѣлъ запастись книгою, понадѣясь легкомысленно на трактиры и боясь разговоровъ съ почтовыми товарищами. Въ тюрьмѣ и въ путешествіи всякая книга есть Божій даръ, и та, которую не рѣшитесь вы и раскрыть, возвращаясь изъ англійскаго клуба или собираясь на балъ, покажется вамъ занимательна, какъ арабская сказка, если попадется вамъ въ казематѣ, или въ поспѣшномъ дилижансѣ. Скажу болѣе: въ такихъ случаяхъ чѣмъ книга скучнѣе, тѣмъ она предпочтительнѣе. Книгу занимательную вы проглотите слишкомъ скоро, она слишкомъ врѣжется въ вашу память и воображеніе; перечесть ее уже невозможно. Книга скучная, напротивъ, читается съ разстановкою, съ отдохновеніемъ; оставляетъ вамъ способность позабыться, мечтать; опомнившись, вы опять за нее принимаетесь, перечитываете мѣста, вами пропущенныя безъ вниманія, и проч. Книга скучная представляетъ болѣе развлеченія. Понятіе о скукѣ весьма относительное. Книга скучная можетъ быть очень хороша; не говорю о книгахъ ученыхъ, но и о

истину: Бурбоны не были бы выгнаны каменьями, и англійская аристократія не принуждена была бы уступить радикализму.

Я упомянулъ о моемъ товарищѣ. Должно мнѣ познакомить съ нимъ читателя".

книгахъ, писанныхъ съ цѣлію просто литературною. Многіе читатели согласятся со мною, что Клариса очень утомительна и скучна, но со всѣмъ тѣмъ романъ Ричардсоновъ имѣетъ необыкновенное достоинство.

Вотъ на что хороши путешествія.

И такъ, собравшись въ дорогу, зашелъ я къ старому моему пріятелю Соболевскому, коего библіотекой привыкъ пользоваться. Я просилъ у него книгу скучную, но любопытную, въ какомъ бы то ни было отношеніи. Пріятель мой хотѣлъ было дать нравственно-сатирическій романъ, утверждая, что скучнѣе ничего быть не можетъ, а что книга очень любопытна въ отношеніи участи ея въ публикѣ; но я его благодарилъ, зная уже по опыту непреодолимость нравственно-сатирическихъ романовъ. „Постой, сказалъ мнѣ Соболевскій: есть у меня для тебя книжка.“ Съ этимъ словомъ вынулъ онъ изъ-за полнаго собранія сочиненій Александра Сумарокова и Михайлы Хераскова книгу, повидимому, изданную въ концѣ прошлаго столѣтія. „Прошу беречь ее, сказалъ онъ таинственнымъ голосомъ. Надѣюсь, что ты вполнѣ оцѣнишь и оправдаешь мою довѣренность.“ Я раскрылъ ее и прочелъ заглавіе: „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, съ эпиграфомъ:

„Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лаяй.“
Телемахида. Томъ II. Книга XVIII, ст. 514.

Книга—нѣкогда прошумѣвшая соблазномъ и навлекшая на сочинителя гнѣвъ Екатерины, смертный приговоръ и ссылку въ Сибирь, нынѣ типографическая рѣдкость, потерявшая свою заманчивость, случайно встрѣчаемая на пыльной полкѣ библіомана или въ мѣшкѣ бородатаго разнощика.

Я искренно благодарилъ Соболевскаго и взялъ съ собою Путешествіе. Содержаніе его всѣмъ извѣстно. Радищевъ написалъ нѣсколько отрывковъ, давъ каждому въ заглавіе названіе одной изъ станцій, находящихся на дорогѣ изъ Петербурга въ Москву. Въ нихъ излилъ онъ свои мысли безъ всякой связи и порядка. Въ Черной Грязи, пока перемѣняли лошадей, я началъ книгу съ послѣдней главы и такимъ образомъ заставилъ Радищева путешествовать со мною изъ Москвы въ Петербургъ.

II. Москва.

„Москва! Москва!" восклицаетъ Радищевъ на послѣдней страницѣ своей книги, и бросаетъ желчью напитанное перо, какъ будто мрачныя картины его воображенія разсѣялись при взглядѣ на золотыя маковки Москвы бѣлокаменной. Вотъ уже Всесвятское.... Онъ прощается съ утомленнымъ читателемъ; онъ проситъ своего спутника подождать его у околицы; на возвратномъ пути онъ примется опять за свои горькія полу-

истины, за свои дерзкія мечтанія. Теперь ему некогда: онъ скачетъ успокоиться въ семьѣ родныхъ, позабыться въ вихрѣ московскихъ забавъ. До свиданья, читатель! „Ямщикъ, погоняй!.... Москва, Москва!“

Многое перемѣнилось со временъ Радищева.... Покидая нынѣ смиренную Москву и готовясь увидѣть блестящій Петербургъ, я заранѣе встревоженъ при мысли перемѣнить мой тихій образъ жизни на вихрь и шумъ, ожидающіе меня; голова моя заранѣе кружится....

Fuit Troja, fuimus Trojani. Нѣкогда соперничество между Москвой и Петербургомъ дѣйствительно существовало. Нѣкогда въ Москвѣ пребывало богатое неслужащее боярство, вельможи, оставившіе дворъ, люди независимые, безпечные, страстные къ безвредному злорѣчію и къ дешевому хлѣбосольству. Нѣкогда Москва была сборнымъ мѣстомъ для всего русскаго дворянства, которое изо всѣхъ провинцій съѣзжалось въ нее на зиму. Блестящая гвардейская молодежь налетала туда-жь изъ Петербурга. Во всѣхъ концахъ древней столицы гремѣла музыка и вездѣ была толпа. Въ залѣ благороднаго собранія, два раза въ недѣлю, было до пяти тысячъ народу. Тутъ молодые люди знакомились между собою; улаживались свадьбы. Москва славилась невѣстами, какъ Вязьма пряниками. Московскіе обѣды (такъ оригинально описанные княземъ

Долгорукимъ) вошли въ пословицу. Невинныя странности москвичей были признакомъ ихъ независимости. Они жили по-своему, забавлялись какъ хотѣли, мало заботясь о мнѣніи ближняго. Бывало, богатый чудакъ выстроитъ себѣ на одной изъ главныхъ улицъ китайскій домъ съ зелеными драконами, съ деревянными мандаринами подъ золочеными зонтиками. Другой выѣдетъ въ Марьину Рощу въ каретѣ изъ кованаго серебра 84-й пробы. Третій на запятки четвероместныхъ саней поставитъ человѣкъ пять арапов, егерей и скороходовъ—и цугомъ тащится по лѣтней мостовой. Щеголихи, перенимая петербургскія моды, налагали и на наряды неизгладимую печать. Надменный Петербургъ издали смѣялся и не вмѣшивался въ затѣи старушки Москвы. Куда дѣвалась эта шумная, праздная, беззаботная жизнь? Куда дѣвались балы, пиры, чудаки и проказники?—Все исчезло! Остались однѣ невѣсты, къ которымъ нельзя по крайней мѣрѣ примѣнить грубую пословицу: vieilles comme les rues. Московскія улицы, благодаря 1812 году, моложе московскихъ красавицъ, все еще цвѣтущихъ розами! Нынѣ въ присмирѣвшей Москвѣ огромные боярскіе дома стоятъ печально между широкимъ дворомъ, заросшимъ травою, и садомъ, запущеннымъ и одичалымъ. Подъ вызолоченнымъ гербомъ торчитъ вывѣска портнаго, который платитъ хозяину трид-

цать рублей въ мѣсяцъ за квартиру; великолѣпный бель-этажъ нанятъ мадамой для пансіона— и то слава Богу! На всѣхъ воротахъ прибито объявленіе, что домъ продается и отдается въ наймы—и никто его не покупаетъ, и никто его не нанимаетъ. Улицы мертвы; рѣдко по мостовой раздается стукъ кареты; барышни бѣгутъ къ окошкамъ, когда ѣдетъ одинъ изъ полицмейстеровъ со своими казаками. Подмосковныя деревни также пусты и печальны: роговая музыка не гремитъ въ рощахъ Свирлова и Останкина; плошки и цвѣтные фонари не освѣщаютъ англійскихъ дорожекъ, нынѣ заросшихъ травою, а бывало уставленныхъ миртовыми и померанцовыми деревьями. Пыльныя кулисы домашняго театра тлѣютъ въ залѣ, оставленной послѣ послѣдняго представленія французской комедіи. Барскій домъ дряхлѣетъ. Во флигелѣ живетъ нѣмецъ-управитель и хлопочетъ о проволочномъ заводѣ. Обѣды даются уже не хлѣбосолами стариннаго покроя въ день хозяйскихъ именинъ, или въ угоду веселыхъ обжоръ, въ честь вельможи, удалившагося отъ двора, но обществомъ игроковъ, задумавшихъ обобрать навѣрное юношу, вышедшаго изъ-подъ опеки, или саратовскаго откупщика. Московскіе балы.... Увы! Посмотрите на эти домашнія прически, на эти бѣлые башмачки, искусно забѣленные мѣломъ.... Кавалеры набраны кое-гдѣ—и что за кавалеры!

Горе отъ ума есть картина обветшалая, печальный анахронизмъ. Вы въ Москвѣ уже не найдете ни Фамусова, который „всякому, ты знаешь, радъ“: и князю Петру Ильичу, и французу изъ Бордо, и Загорѣцкому, и Скалозубу, и Чацкому; ни Татьяны Юрьевны, которая „балы даетъ нельзя богаче, отъ Рождества и до поста, а лѣтомъ праздники на дачѣ“. Хлёстова въ могилѣ; Репетиловъ въ деревнѣ. Бѣдная Москва!...[1]

Петръ I-й не любилъ Москвы, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчалъ воспоминанія мятежей и казней, закоренѣлую старину и упрямое сопротивленіе суевѣрія и предразсудковъ. Онъ оставилъ Кремль, гдѣ ему было не душно, но тѣсно, и на дальнемъ берегу Балтійскаго моря искалъ досуга, простора и свободы для своей мощной и безпокойной дѣятельности. Послѣ этого, когда старая аристократія возымѣла прежнюю силу и вліяніе, Долгорукіе чуть было не возвратили Москвѣ своихъ государей; но смерть молодаго Петра II-го снова утвердила за Петербургомъ его недавнія права.

[1] Въ черновой прибавлено: „Нынѣ нѣтъ въ Москвѣ мнѣнія общаго, народнаго; нынѣ бѣдствія или слава отечества не отзываются въ этомъ сердцѣ Россіи. Грустно было слышать толки московскаго общества во время послѣдняго польскаго возмущенія; гадко было видѣть бездушныхъ читателей французскихъ газетъ, улыбающихся при вѣсти о нашихъ неудачахъ...“

Упадокъ Москвы есть неминуемое слѣдствіе возвышенія Петербурга. Двѣ столицы не могутъ въ равной степени процвѣтать въ одномъ и томъ же государствѣ, какъ два сердца не существуютъ въ тѣлѣ человѣческомъ. Но обѣднѣніе Москвы доказываетъ и другое — обѣднѣніе русскаго дворянства, происшедшее частію отъ раздробленія имѣній, исчезающихъ съ ужасной быстротою, частію отъ другихъ причинъ, о которыхъ успѣемъ еще потолковать.

Но Москва, утративши свой блескъ аристократическій, процвѣтаетъ въ другихъ отношеніяхъ: промышленность, сильно покровительствуемая, въ ней оживилась и развилась съ необыкновенной силою. Купечество богатѣетъ и начинаетъ селиться въ палатахъ, покидаемыхъ дворянствомъ. Съ другой стороны, просвѣщеніе любитъ городъ, гдѣ Шуваловъ основалъ университетъ по предначертанію Ломоносова.

Московская словесность выше петербургской. Литераторы петербургскіе по большей части не литераторы, но предпріимчивые и смышленые литературные откупщики. Ученость, любовь къ искусству и таланты, неоспоримо, на сторонѣ Москвы.

Московскій журнализмъ убьетъ петербургскій. Московская критика съ честью отличается отъ петербургской. Шевыревъ, Кирѣевскій, Погодинъ и другіе писатели написали нѣсколько

опытовъ, достойныхъ стать на ряду съ лучшими статьями англійскихъ Reviews; между тѣмъ какъ петербургскіе журналы судятъ о литературѣ какъ о музыкѣ, о музыкѣ какъ о политической экономіи, т. е. наобумъ и какъ нибудь, иногда впопадъ и остроумно, но большею частію неосновательно и поверхностно.

Философія нѣмецкая, которая нашла въ Москвѣ, можетъ быть, слишкомъ много молодыхъ послѣдователей, кажется, начинаетъ уступать духу болѣе практическому. Тѣмъ не менѣе, вліяніе ее было благотворно: она спасла нашу молодежь отъ холоднаго скептицизма французской философіи и удалила ее отъ упоительныхъ и вредныхъ мечтаній, которыя имѣли столь ужасное вліяніе на лучшій цвѣтъ предшествовавшаго поколѣнія.

Кстати, я отыскалъ въ моихъ бумагахъ любопытное сравненіе между обѣими столицами; оно написано однимъ изъ моихъ пріятелей, великимъ меланхоликомъ, имѣющимъ иногда свои свѣтлыя минуты веселости: Москва и Петербургъ...[1]

III. Ломоносовъ.

Въ концѣ книги своей Радищевъ помѣстилъ слово о Ломоносовѣ. Оно написано слогомъ на-

[1] Статьи этой въ бумагахъ Пушкина не оказалось.

дутымъ и тяжелымъ. Радищевъ имѣлъ тайное намѣреніе нанести ударъ неприкосновенной славѣ росскаго Пиндара. Достойно замѣчанія и то, что Радищевъ тщательно прикрылъ это намѣреніе уловками уваженія и обошелся со славою Ломоносова гораздо осторожнѣе, нежели съ верховной властію, на которую напалъ съ такой безумной дерзостію. Онъ болѣе тридцати страницъ наполнилъ похвалами стихотворцу, ритору и грамматику, чтобы въ концѣ своего слова помѣстить слѣдующія мятежныя строки.

„Мы желаемъ показать, что въ отношеніи русской словесности тотъ, кто путь ко храму славы проложилъ, есть первый виновникъ въ пріобрѣтеніи славы, хотя бы онъ войти во храмъ не могъ. Баконъ Веруламскій не достоинъ развѣ напоминанія, что могъ токмо сказать, какъ можно размножать науки? Не достойны развѣ признательности мужественные писатели, возстающіе на губительство и всесиліе для того, что не могли избавить человѣчества изъ оковъ и плѣненія? И мы не почтимъ Ломоносова для того, что не разумѣлъ правилъ позорищнаго стихотворенія и томился въ эпопеи, что чуждъ былъ въ стихахъ чувствительности, что не всегда проницателенъ въ сужденіяхъ, и что въ самыхъ одахъ своихъ вмѣщалъ иногда болѣе словъ, нежели мыслей?

Ломоносовъ былъ великій человѣкъ. Между Петромъ I и Екатериною II онъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый университетъ: онъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ университе-

томъ. Но въ семъ университетѣ профессоръ поэзіи и элоквенціи не что иное, какъ исправный чиновникъ, а не поэтъ, вдохновенный свыше, не ораторъ, мощно увлекающій. Однообразныя и стѣснительныя формы, въ кои отливалъ онъ свои мысли, даютъ его прозѣ ходъ утомительный и тяжелый. Эта схоластическая величавость, полуславянская, полулатинская, сдѣлалась было необходимостію; къ счастію, Карамзинъ освободилъ языкъ отъ чуждаго ига и возвратилъ ему свободу, обративъ его къ живымъ источникамъ народнаго слова.

Въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія. Оды его, писанныя по образцу тогдашнихъ нѣмецкихъ стихотворцевъ, давно уже забытыхъ въ самой Германіи, утомительны и надуты. Его вліяніе на словесность было вредное и до сихъ поръ въ ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращеніе отъ простоты и точности, отсутствіе всякой народности и оригинальности—вотъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ. Ломоносовъ самъ не дорожилъ своею поэзіею и гораздо болѣе заботился о своихъ химическихъ опытахъ, нежели о должностныхъ одахъ на высокоторжественный день тезоименитства и проч. Съ какимъ презрѣніемъ говоритъ онъ о Сумароковѣ, страстномъ къ своему искусству, объ *этомъ человѣкѣ, который ни о чемъ, кромѣ какъ о бѣдномъ своемъ рие-*

мичествѣ, не думаетъ.... За то съ какимъ жаромъ говоритъ онъ о наукахъ, о просвѣщеніи. Смотрите письма его къ Шувалову, къ Воронцову и проч.[1]

Ничто не можетъ дать лучшаго понятія о Ломоносовѣ, какъ слѣдующій рапортъ, поданный имъ Шувалову о своихъ упражненіяхъ съ 1751 года по 1757:

„По ордеру вашего сіятельства велѣно всѣмъ академическимъ профессорамъ и адъюнктамъ, чтобы рапортовали вашему сіятельству о своихъ трудахъ и упражненіяхъ въ наукахъ съ 1751 года по нынѣ. Въ силу она-

[1] Въ черновой рукописи это мѣсто изложено такъ: „Въ немъ нѣтъ ни воображенія, ни чувства. Оды его, писанныя по образцу тогдашнихъ нѣмецкихъ стихотворцевъ, утомительны и надуты; подражанія псалмамъ и книгѣ Іова лучше, но отличаются только хорошимъ слогомъ, и то не всегда точнымъ; ихъ поэзія принадлежитъ не Ломоносову. Его вліяніе было вредное и до сихъ поръ отзывается на тощей нашей литературѣ. Изысканность, высокопарность, отвращеніе отъ простоты и точности— вотъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ. Давно-ли стали мы писать языкомъ общепонятнымъ? Убѣдились ли мы, что славянскій языкъ не есть языкъ русскій и что мы не можемъ смѣшивать ихъ своенравно? что если многія слова, многіе обороты счастливо могутъ быть заимствованы изъ церковныхъ книгъ въ нашу литературу, то изъ сего не слѣдуетъ, чтобы мы могли писать: да лобзаешь мя лобзаніемъ, вмѣсто: цѣлуй меня etc. Конечно, и Ломоносовъ того не думалъ; онъ предпочелъ изученіе славянскаго языка, какъ необходимое средство къ основательному знанію языка русскаго...“

го рапортую, что̀ съ того времени до нынѣшняго числа по моей профессіи и въ другихъ наукахъ я учинилъ погодно.

Въ 1751 году. Въ Химіи. 1) Произведены многіе опыты химическіе, по большей части огнемъ, для изслѣдованія натуры цвѣтовъ, что значитъ того-жь году журналъ лабораторіи на двѣнадцати листахъ и другія записки. 2) Говорилъ сочиненную свою рѣчь о пользѣ химіи на россійскомъ языкѣ. 3) Вымыслилъ нѣкоторые новые инструменты для физической химіи.

Въ Физикѣ. 1) Дѣлалъ опыты въ большіе морозы, для изысканія, какою пропорціею воздухъ сжимается и расширяется по всѣмъ градусамъ термометра. 2) Лѣтомъ дѣланы опыты зажигательнымъ стекломъ и термометромъ, коль высоко втекаетъ ртуть въ разныхъ разстояніяхъ отъ зажигательной точки. 3) Сдѣланы опыты, какъ раздѣлять олово отъ свинца однимъ плавленіемъ, безъ всякихъ постороннихъ матерій простою механикою, что изрядной успѣхъ имѣетъ, и весьма дешево становится.

Въ Исторіи. Читалъ книги для собранія матерій къ сочиненію россійской исторіи: Нестора, за нимъ Большой лѣтописецъ, Татищева первый томъ, Крамера, Вейселя, Гелмолда, Арсолда и другіе, изъ которыхъ бралъ нужныя ексценты или выписки и примѣчанія, всѣхъ числомъ 653 статьи, на пятнадцати листахъ.

Въ Словесныхъ наукахъ. 1) Сочинилъ трагедію, Демофонтъ называемую. 2) Сочинялъ стихи на иллюминаціи. 3) Собранныя прежде сего матеріи къ сочиненію грамматики зачалъ приводить въ порядокъ. Давалъ приватныя лекціи студентамъ въ россійскомъ стихотворствѣ, и особливо Поповскому, который нынѣ профессоромъ. 4) Диктовалъ студентамъ сочиненное мною начало третьей книги краснорѣчія о стихотворствѣ вообще.

Въ 1752 году. Въ Химіи. 1) Дѣланы многіе химическіе опыты для теоріи цвѣтовъ, о чемъ явствуетъ въ журналѣ сего года, на двадцати пяти листахъ. 2) Показывалъ студентамъ химическіе опыты тѣмъ курсомъ, какъ самъ учился у Геккеля. 3) Для яснаго понятія и краткаго познанія всей химіи диктовалъ студентамъ и толковалъ сочиненные мною къ физической химіи пролегомены на латинскомъ языкѣ, которые содержатся на тринадцати листахъ въ 150-ти параграфахъ, со многими фигурами на шести полулистахъ. 4) Изыскалъ способы и практикою доказалъ, какъ составлять мусію. 5) По канцелярскому указу обучалъ составленію разноцвѣтныхъ стеколъ присланнаго изъ канцеляріи строеній ученика Дружинина для здѣшнихъ стеклянныхъ заводовъ.

Въ Физикѣ. 1) Чинилъ электрическія воздушныя наблюденія съ немалою опасностію. 2) Зимою повторялъ опыты о разномъ протяженіи воздуха по градусамъ термометра.

Въ Исторіи. Для собранія матеріаловъ къ россійской исторіи читалъ Кранца, Преторія, Мураторія, Іорнанда, Прокопія, Павла Дьякона, Зонару, Ѳеофана Исповѣдника, Леона Грамматика и иныхъ ексцептовъ нужныхъ, на пяти листахъ въ 161 статьѣ.

Въ Словесныхъ наукахъ. 1) Сочинилъ оду на восшествіе на престолъ ея императорскаго величества. 2) Письмо о пользѣ стекла. 3) Изобрѣталъ иллюминаціи и сочинялъ къ нимъ стихи: на 25-е апрѣля, на 5-е сентября, на 25-е ноября. 4) Ораторіи второй части краснорѣчія сочинилъ десять листовъ.

Въ 1753 году. Въ Химіи. 1) Продолжались опыты для изслѣдованія натуры цвѣтовъ, что показываетъ журналъ того же году, на пятидесяти шести листахъ. 2) По окончаніи лекцій дѣлалъ новые химикофизическіе опыты, дабы привести химію, сколько можно, къ философскому познанію и сдѣлать частью основательной фи-

зики; изъ оныхъ многочисленныхъ опытовъ, гдѣ мѣра, вѣсъ и ихъ пропорціи показаны, сочинены многія цыфирныя таблицы на двадцатичетырехъ полулистовыхъ страницахъ, гдѣ каждая строка цѣлый опытъ содержитъ.

Въ Физикѣ. 1) Съ покойнымъ профессоромъ Рихманомъ дѣлалъ химикофизическіе опыты въ лабораторіи для изслѣдованія градуса теплоты, который на себя вода принимаетъ отъ погашенныхъ въ ней минераловъ, прежде раскаленныхъ. 2) Чинилъ наблюденія электрической силы въ воздухѣ съ великою опасностію. 3) Говорилъ въ публичномъ собраніи рѣчь о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ, съ истолкованіемъ многихъ другихъ свойствъ натуры. 4) Дѣлалъ опыты, коими оказалось, что цвѣты, а особливо красный, на морозѣ ярчѣе, нежели въ теплотѣ.

Въ Исторіи. 1) Записки изъ упомянутыхъ прежде авторовъ приводилъ подъ статьи числами. 2) Читалъ россійскіе академическіе лѣтописцы, безъ записокъ, чтобы общее понятіе имѣть пространно о дѣяніяхъ россійскихъ.

Въ Словесныхъ наукахъ. 1) Для россійской грамматики привелъ глаголы въ порядокъ. 2) Пять проектовъ со стихами на иллюминаціи и фейерверки: на 1-е января, на 25-е апрѣля, на 5-е сентября, на 25-е ноября и на 18-е декабря.

Въ 1754 году. Въ Химіи. 1) Сдѣланы разные опыты химическіе, которые содержатся въ журналѣ сего года, на 46 листахъ. 2) Повтореніемъ повѣрены физико-химическія таблицы, прошлаго года сочиненныя.

Въ Физикѣ. 1) Изобрѣтены нѣкоторые способы къ сысканію долготы и ширины на морѣ при мрачномъ небѣ. Въ практикѣ изслѣдовать сего безъ адмиралтейства невозможно. 2) Дѣланы опыты метеорологическіе надъ водою, изъ Сѣвернаго океана привезенною, въ какомъ градусѣ мороза она замерзнуть можетъ. Притомъ были разные химическіе растворы морожены, для сравненія. 3) Дѣ-

ланы опыты при пильной мельницѣ въ деревнѣ: какъ текущая по наклоненію вода теченіе свое ускоряетъ, и какою силою бьетъ. 4) Дѣланъ опытъ машины, которая бы, подымаясь къ верху сама, могла поднять съ собою маленькой термометръ, дабы узнать градусъ теплоты на вышинѣ, которая хотя слишкомъ на два золотника облегчалась, однако къ желаемому концу не приведена.

Въ Исторіи. Сочиненъ опытъ исторіи славянскаго народа до Рюрика: дедикація, вступленіе; глава 1: о старобытныхъ жителяхъ въ Россіи; глава 2: о величествѣ и поколѣніяхъ славянскаго народа; глава 3: о древности славянскаго народа; всего 6 листовъ.

Въ Словесныхъ наукахъ. 1) Сочинилъ оду оа рожденіе государя великаго князя Павла Петровича. 2) Изобрѣлъ фейерверкъ, который былъ представленъ въ новый 1754 годъ, и стихи сдѣлалъ. Также дѣлалъ проекты на иллюминацію и фейерверкъ къ 25 апрѣля, къ 5-му сентября, къ 25 ноября.

Въ 1755 году. Въ Химіи. Дѣланы разные физикохимическіе опыты, что явствуетъ въ журналѣ того же года, на четырнадцати листахъ.

Въ Физикѣ. 1) Сочинилъ диссертацію о должности журналистовъ, въ которой опровергнуты всѣ критики, учиненныя въ Германіи противъ моихъ диссертацій, въ „комментаріяхъ" напечатанныхъ; а особливо противъ новыхъ теорій о теплотѣ и стужѣ, о химическихъ растворахъ и упругости воздуха. Оная диссертація, переведенная господиномъ Формеемъ на французскій языкъ, и въ журналѣ, называемомъ: Нѣмецкая библіотека (Bibliothèque germanique), на ономъ языкѣ напечатана. 2) Сочинилъ письмо о сѣверномъ ходу въ Остъ-Индію Сибирскимъ океаномъ.

Въ Исторіи. Сдѣланъ опытъ описаніемъ владѣній первыхъ великихъ князей россійскихъ: Рюрика, Олега, Игоря.

Въ Словесныхъ наукахъ. 1) Сочинилъ и говорилъ въ публичномъ собраніи слово похвальное блаженныя памяти государю императору Петру Великому. 2) Сочинивъ большую часть грамматики, привелъ къ концу, которая въ нынѣшнемъ году печатью къ концу приходитъ. 3) Сочинилъ письмо о сходствѣ и перемѣнахъ языковъ.

Въ 1756 году. Въ Химіи. 1) Между разными химическими опытами, которыхъ журналъ на тринадцати листахъ, дѣланы опыты въ заплавленныхъ накрѣпко стеклянныхъ сосудахъ, чтобы изслѣдовать, прибываетъ ли вѣсъ металловъ отъ чистаго жару. Оными опытами нашлось, что славнаго Роберта Биція мнѣніе ложно, ибо безъ пропущенія внѣшняго воздуха вѣсъ сожженнаго металла остается въ одной мѣрѣ. 2) Учинены опыты химическіе со вспоможеніемъ воздушнаго насоса, гдѣ въ сосудахъ химическихъ, изъ которыхъ былъ воздухъ вытянутъ, показывали на огнѣ минералы такіе феномены, какіе химикамъ еще неизвѣстны. 3) Нынѣ лабораторъ Клементьевъ, подъ моимъ смотрѣніемъ, изыскиваетъ, по моему указанію, какъ бы сдѣлать для фейерверковъ верховыя зеленыя звѣздки.

Въ Физикѣ. 1) Изобрѣтенъ мною новый оптическій инструментъ, который я назвалъ никтоптическою трубою, tubus nictopticus; оный долженъ служить къ тому, чтобы ночью видѣть можно было. Первый опытъ показываетъ на сумеркахъ ясно тѣ вещи, которыя простымъ глазомъ не видны, и весьма надѣяться можно, что стараніемъ искусныхъ мастеровъ можетъ простереться до такого совершенства, какого нынѣ достигли телескопы и микроскопы отъ малаго начала. 2) Сдѣлалъ четыре новоизобрѣтенные мною пендула, изъ которыхъ одинъ мѣдный, длиною въ сажень, однако служитъ чрезъ механическія стрѣлки противъ такого, который бы былъ вышиною съ четвертью на версту. Употребляется къ тому, чтобы узнать, всегда ли съ земли центръ притягающій къ себѣ тяжкія тѣла стоитъ неподвижно, или перемѣ-

няетъ мѣсто. 3) Говорилъ въ публичномъ собраніи сочиненную мною рѣчь о цвѣтахъ.

Въ Исторіи. Собранные мною въ нынѣшнемъ году россійскіе историческіе манускрипты для моей библіотеки, 15 книгъ, сличалъ между собою для наблюденія сходствъ въ дѣяніяхъ россійскихъ.

Въ Словесныхъ наукахъ. 1) Сочиняю героическую поэму, именуемую Петръ Великій. 2) Сдѣлалъ проектъ со стихами для фейерверка 18-го декабря сего года.

Сверхъ сего въ разные годы зачаты дѣлать диссертаціи: 1) О лучшемъ и ученомъ мореплаваніи. 2) О твердомъ термометрѣ. 3) О трясеніи земли. 4) О первоначальныхъ частицахъ, тѣла составляющихъ. 5) О градусахъ теплоты и стужи, какъ ихъ опредѣлить основательно, со мнѣніемъ о умѣренности растворенія воздуха на планетахъ. Къ совершенію привесть отчасти препятствуютъ другія дѣла, отчасти протяжнымъ печатаніемъ „комментаріевъ“ охота отнимается“.

Сумароковъ былъ шутомъ у всѣхъ тогдашнихъ вельможъ: у Шувалова, у Панина; его дразнили, подстрекали и забавлялись его выходками.

Фонвизинъ, коего характеръ имѣетъ нужду въ оправданіи, забавлялъ знатныхъ, передразнивая Александра Петровича въ совершенствѣ. Державинъ изподтишка писалъ сатиры на Сумарокова и пріѣзжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, наслаждаться его бѣшенствомъ. Ломоносовъ былъ иного покроя. Съ нимъ шутить было накладно. Онъ вездѣ былъ тотъ же: дома, гдѣ всѣ его трепетали; во дворцѣ, гдѣ онъ диралъ за уши пажей; въ академіи, гдѣ, по свидѣтель-

ству Шлёцера, не смѣли при немъ пикнуть. Немногимъ извѣстна стихотворная перепалка его съ Димитріемъ Сѣченовымъ, по случаю Гимна Бородѣ, не напечатаннаго ни въ одномъ собраніи его сочиненій. Она можетъ дать понятіе о заносчивости поэта, какъ и о нетерпимости проповѣдника. Со всѣмъ тѣмъ Ломоносовъ былъ добродушенъ. Какъ хорошо его письмо о семействѣ несчастнаго Рихмана! Въ отношеніи къ самому себѣ онъ былъ очень безпеченъ, и кажется, жена его, хоть была и нѣмка, но мало смыслила въ хозяйствѣ. Вдова одного стараго профессора, услыша, что рѣчь идетъ о Ломоносовѣ, спросила: „О какомъ Ломоносовѣ говорите вы? Не о Михайлѣ-ли Васильевичѣ? То-то былъ пустой человѣкъ! Бывало отъ него всегда бѣгали къ намъ за кофейникомъ. Тредьяковскій, Василій Кирилловичъ, вотъ этотъ былъ почтенный и порядочный человѣкъ!“ Тредьяковскій былъ, конечно, почтенный и порядочный человѣкъ! Его филологическія и грамматическія изясненія очень замѣчательны. Онъ имѣлъ о русскомъ стихосложеніи обширнѣйшее понятіе, нежели Ломоносовъ и Сумароковъ. Любовь его къ Фенелонову эпосу дѣлаетъ ему честь, а мысль перевести стихами и самый выборъ стиха доказываютъ необыкновенное чувство изящнаго. Въ Телемахидѣ находится много хорошихъ стиховъ и счастливыхъ оборотовъ. Дельвигъ при-

водилъ часто слѣдующій стихъ въ примѣръ прекраснаго гекзаметра:

Корабль Одиссеевъ,
Бѣгомъ волны дѣля, изъ очей ушелъ и сокрылся.

Вообще изученіе Тредьяковскаго приноситъ болѣе пользы, нежели изученіе прочихъ нашихъ старыхъ писателей. Сумароковъ и Херасковъ вѣрно не стоятъ Тредьяковскаго.

Радищевъ укоряетъ Ломоносова въ лести и тутъ же извиняетъ его. Ломоносовъ наполнилъ торжественныя свои оды высокопарною хвалою; онъ безъ обиняковъ называетъ благодѣтеля своего, графа Шувалова, своимъ благодѣтелемъ; онъ въ какой-то придворной идилліи воспѣваетъ графа К. Разумовскаго подъ именемъ Полидора; онъ стихами поздравляетъ графа Орлова съ возвращеніемъ его изъ Финляндіи; онъ пишетъ: „Его сіятельство графъ М. Л. Воронцовъ, по своей высокой ко мнѣ милости, изволилъ взять отъ меня пробы мозаическихъ составовъ для показанія ея величеству.“ Нынѣ все это вывелось изъ обыкновенія. Дѣло въ томъ, что разстояніе отъ одного сословія до другого въ то время еще существовало. Ломоносовъ, рожденный въ низкомъ сословіи, не думалъ возвысить себя наглостію и запанибратствомъ съ людьми высшаго состоянія (хотя впрочемъ, по чину, онъ могъ быть имъ и равный). Но за то умѣлъ за себя посто-

ять, и не дорожилъ ни покровительствомъ своихъ меценатовъ, ни своимъ благосостояніемъ, когда дѣло шло о его чести или о торжествѣ его любимыхъ идей. Послушайте, какъ пишетъ онъ этому самому Шувалову, предстателю музъ, высокому своему патрону, который вздумалъ было надъ нимъ пошутить: „Я, ваше высокопревосходительство, не только у вельможъ, но ниже у Господа моего Бога дуракомъ быть не хочу.“[1]

Въ другой разъ, заспоря съ тѣмъ же вельможею, Ломоносовъ такъ его разсердилъ, что Шуваловъ закричалъ: „Я отставлю тебя отъ академіи“. — „Нѣтъ, возразилъ гордо Ломоносовъ: развѣ академію отъ меня отставятъ“. Вотъ каковъ былъ этотъ униженный сочинитель похвальныхъ одъ и придворныхъ идиллій![2]

[1] См. его письмо къ Ив. Ив. Шувалову. — Авт.

[2] Въ черновой прибавлено: „Радищевъ говоритъ, что Ломоносовъ ни въ какой отрасли наукъ не проложилъ новыхъ слѣдовъ (выписка), тутъ же сравниваетъ его съ лордомъ Бэкономъ. Такое странное понятіе имѣлъ XVIII вѣкъ о величайшемъ умѣ новѣйшихъ временъ, о человѣкѣ, произведшемъ въ наукахъ сильнѣйшій переворотъ и давшемъ имъ то направленіе, на которомъ онѣ нынѣ.

Если Ломоносова можно назвать русскимъ Бэкономъ, то это развѣ въ такомъ-же смыслѣ, какъ Хераскова называли русскимъ Гомеромъ. Къ чему эти прозвища? Ло-

Patronage (покровительство) до сей поры сохраняется въ обычаяхъ англійской литературы. Почтенный Креббъ, умершій недавно, поднесъ всѣ свои прекрасныя поэмы to his grace the Duck, etc. Въ своихъ смиренныхъ посвященіяхъ онъ почтительно упоминаетъ о милостяхъ и высокомъ покровительствѣ, коихъ онъ удостоился, и проч.[1] Въ Россіи вы не встрѣтите ничего подобнаго. У насъ, какъ замѣтила m-me de Staël, словесностію занимались большею частію дворяне (en Russie quelques gentilshommes se sont occupés de littérature). Это дало особенную физіономію нашей литературѣ; у насъ писатели не могутъ изыскивать милостей и покровительства у людей, которыхъ почитаютъ себѣ равными, и подносить свои сочиненія вельможѣ или богачу, въ надеждѣ получить отъ

моносовъ есть русскій Ломоносовъ,—этого съ него, право довольно.

[1] Въ черновой прибавлено: „Во Франціи вся блестящая литература вѣка Людовика XIV была въ передней. Анекдотъ о Б.[?] даетъ понятіе о тогдашнихъ нравахъ (изъ Бейля); и замѣтьте, что Бейль приводитъ эту черту безо всякаго замѣчанія, какъ дѣло весьма обыкновенное! Нынѣ во Франціи нравы уже не тѣ, но сословіе писателей потому только не ползаетъ передъ министрами, что публика въ состояній дать больше денегъ. За то какъ безстыдно ползаютъ они передъ господствующими людьми! Какой талантъ нынѣ не запачкалъ себя грязью и кровью въ угоду толпы, требующей грязи и крови“...

него пятьсотъ рублей или перстень, украшенный драгоцѣнными каменьями. Что-жь изъ этого слѣдуетъ? Что нынѣшніе писатели благороднѣе мыслятъ и чувствуютъ, нежели мыслили и чувствовали Ломоносовъ и Костровъ? Позвольте въ томъ усомниться.[1]

Ныньче писатель, краснѣющій при одной мысли посвятить книгу свою человѣку, который выше его двумя или тремя чинами, не стыдится

[1] Въ черновой это мѣсто читается такъ: „Даже теперь наши писатели, не принадлежащіе къ дворянскому сословію, весьма малочислены. Не смотря на то, ихъ дѣятельность овладѣла всѣми отраслями литературы, у насъ существующими. Это есть важный признакъ и непремѣнно будетъ имѣть важныя послѣдствія. Писатели-дворяне (или тѣ, которые почитаютъ себя à tort ou à raison членами высшаго общества) постепенно начинаютъ отъ нихъ удаляться подъ предлогомъ какого-то неприличія. Странно, что въ то время, когда во всей Европѣ готическій предразсудокъ противу наукъ и словесности (будто бы несовмѣстимыхъ съ благородствомъ и знатностію) почти совершенно исчезъ, — у насъ онъ только что начинаетъ показываться. Уже одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ нашихъ писателей провозгласилъ, что литературой заниматься онъ болѣе не намѣренъ, потому что она — дѣло не дворянское. Жалѣю! Конечно, не слишкомъ лестное товарищество нѣкоторыхъ новичковъ, ихъ невѣжество отчасти тому причиною; но развѣ безчестное поведеніе двухъ или трехъ выслужившихся проходимцевъ можетъ быть достаточнымъ предлогомъ для всѣхъ офицеровъ оставить шпагу и отречься отъ честнаго званія воиновъ?“

публично жать руку журналисту, ошельмованному въ общемъ мнѣніи, но который можетъ повредить продажѣ книги, или хвалебнымъ объявленіемъ заманить покупщиковъ. Нынѣ послѣдній изъ писакъ, готовый на всякую приватную подлость, громко проповѣдуетъ независимость и пишетъ безыменные пасквили на людей, передъ которыми разстилается въ ихъ кабинетѣ.[1]

Къ тому-жь съ нѣкоторыхъ поръ литература стала у насъ ремесло выгодное, и публика въ состояніи дать болѣе денегъ, нежели его сіятельство такой-то или его высокопревосходительство такой-то. Какъ бы то ни было, повторяю, что формы ничего не значатъ. Ломоносовъ и Креббъ достойны уваженія всѣхъ честныхъ людей, не смотря на ихъ смиренныя посвященія; а господа NN все-таки презрительны, не смотря на то, что въ своихъ книжкахъ они проповѣдуютъ благородную гордость, и что они свои сочиненія посвящаютъ не доброму и умному вельможѣ, а какому нибудь бестіи и плуту, подобному имъ.

[1] Въ черновой добавлено: „Всѣ журналы пришли въ благородное бѣшенство, возстали противъ стихотворца [было Пушкина], который (о, верхъ униженія!) въ отвѣтъ на приглашеніе князя** [Юсупова] извинялся въ стихахъ, что не можетъ къ нему пріѣхать, и обѣщался къ нему пріѣхать на дачу. Сіе несчастное посланіе было предано всенародно проклятію, и съ той поры, говоритъ журналъ, слава*** [Пушкина] упала совершенно!“

IV. Черная Грязь.

„Здѣсь я видѣлъ такъ же изрядный опытъ самовластія дворянскаго надъ крестьянами. Проѣзжала тутъ свадьба. Но вмѣсто радостнаго поѣзда и слезъ боязливой невѣсты, скоро въ радость претворится опредѣленныхъ, зрѣлись на челѣ опредѣленныхъ вступить въ супружество печаль и уныніе. Они другъ друга ненавидятъ и властію господина своего влекутся на казнь, къ алтарю Отца всѣхъ благъ, подателя нѣжныхъ чувствованій и веселій, зиждителя истиннаго блаженства, Творца вселенныя. И служитель Его пріиметъ исторгнутую властію клятву и утвердитъ бракъ! И сіе назовется союзомъ божественнымъ! И богохуленіе сіе останется на примѣръ другимъ! И неустройство сіе въ законѣ останется ненаказаннымъ!... Почто удивляться сему? Благословляетъ бракъ наемникъ; градодержатель, для охраненія закона опредѣленный—дворянинъ. Тотъ и другой имѣютъ въ семъ дѣлѣ свою пользу. Первой, ради полученія мзды; другой, дабы истребляя поносительное человѣчеству насиліе, не лишиться самому лестнаго преимущества — управлять себѣ подобнымъ самовластно.—О! горестная участь многихъ милліоновъ! конецъ твой сокрытъ еще отъ взора и внучатъ моихъ...“ (Путешествіе стр. 417—418).

Черная Грязь. Браки. Радищевъ въ главѣ: Черная Грязь говоритъ о бракахъ поневолѣ, и горько порицаетъ самовластіе господъ и потворство градодержателей (городничихъ). Вообще, несчастіе жизни семейственной есть отличительная черта въ нравахъ русскаго народа. Шлюсь на русскія пѣсни: обыкновенное ихъ содержаніе— или жалобы красавицы, выданной замужъ на-

сильно, или упреки молодаго мужа постылой женѣ. Свадебныя пѣсни наши унылы, какъ вой похоронный. Спрашивали однажды у старой крестьянки: по страсти ли вышла она замужъ? „По страсти, отвѣчала старуха; я было заупрямилась, да староста грозилъ меня высѣчь.“ Таковыя страсти обыкновенны. Неволя браковъ давнее зло. Недавно правительство обратило вниманіе на лѣта вступающихъ въ супружество: это уже шагъ къ улучшенію. Осмѣливаюсь замѣтить одно: возрастъ, назначенный законнымъ срокомъ для вступленія въ бракъ, могъ бы для женскаго пола быть уменьшенъ. Пятнадцатилѣтняя дѣвка въ нашемъ климатѣ уже на выданьѣ, а крестьянскія семейства нуждаются въ работницахъ.

V. Городня.

„Въѣзжая въ сію деревню, не стихотворческимъ пѣснопѣніемъ слухъ мой былъ увѣряемъ, но пронзающимъ сердца воплемъ женъ, дѣтей и старцевъ. Вставъ изъ моей кибитки, отпустилъ я ее къ почтовому двору, любопытствуя узнать причину примѣтнаго на улицѣ смятенія.

Подошедъ къ одной кучѣ, узналъ я, что рекрутскій наборъ былъ причиною рыданія и слезъ многихъ толпящихся. Изъ многихъ селеній казенныхъ и помѣщичьихъ сошлися отправляемые на отдачу рекруты.

Въ одной толпѣ старуха лѣтъ 50, держа за голову 20-ти-лѣтняго парня, вопила. Любезное мое дитятко, на кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь домъ родительской? Поля наши порастутъ травой, мохомъ наша хижина. Я, бѣдная, престарѣлая мать твоя, скитаться

должна по міру. Кто согрѣетъ мою дряхлость отъ холода, кто укроетъ ее отъ зноя? кто напоитъ меня и накормитъ? Да все то не столь сердцу тягостно; кто закроетъ мои очи при издыханіи? Кто приметъ мое родительское благословеніе? Кто тѣло предастъ общей нашей матери—сырой землѣ? Кто придетъ вспомянуть меня надъ могилою? Не канетъ на нее твоя горячая слеза; не будетъ мнѣ отрады той.—Подлѣ старухи стояла дѣвка уже взрослая. Она такъ же вопила. Прости, мой другъ сердечной, прости, мое красное солнушко! Мнѣ, твоей невѣстѣ нарѣченной, не будетъ больше утѣхи, ни веселья. Не позавидуютъ мнѣ подруги мои. Не взойдетъ надо мною солнце для радости. Горевать ты меня покидаешь, ни вдовою, ни мужнею женою. Хотя бы безчеловѣчные наши старосты, хоть дали-бъ намъ обвѣнчаться; хотя бы ты, мой милой другъ, хоть-бы одну уснулъ ночиньку, уснулъ бы на бѣлой моей груди. Авось ли бы Богъ меня помиловалъ, и далъ бы мнѣ паренька на утѣшеніе.—Паренъ имъ говорилъ: Перестаньте плакать, перестаньте рвать мое сердце. Зоветъ насъ государь на службу, на меня палъ жеребей. Воля Божія! Кому не умирать, тотъ живъ будетъ. Авось либо я съ полкомъ къ вамъ приду. Авось либо дослужуся до чина. Не крупися, моя матушка родимая! береги для меня Прасковьюшку.—Рекрута сего отдавали изъ экономическаго селенія.

Совсѣмъ другаго рода слова внялъ слухъ мой въ близь стоящей толпѣ. Среди оной я увидѣлъ человѣка лѣтъ 30, посредственнаго роста, стоящаго бодро и весело на окрестъ стоящихъ взирающаго. Услышалъ Господь молитву мою, вѣщалъ онъ. Достигли слезы нещастнаго до утѣшителя всѣхъ. Теперь буду хотя знать, что жребій мой зависѣть можетъ отъ добраго или худаго моего поведенія. Доселѣ зависѣлъ онъ отъ своенравія женскаго. Одна мысль утѣшаетъ, что безъ суда батожьемъ наказанъ не буду!—Узнавъ изъ рѣчей его, что онъ господ-

ской былъ человѣкъ, любопытствовалъ отъ него узнать причину необыкновеннаго удовольствія. На вопросъ мой о семъ онъ отвѣтствовалъ. Если бы, государь мой, съ одной стороны поставлена была висѣлица, а съ другой глубокая рѣка, и стоя между двухъ гибелей неминуемо бы должно было идти направо или налѣво, въ петлю или въ воду, что избрали бы вы, чего бы заставилъ желать разсудокъ и чувствительность? Я думаю, да и всякой другой избралъ бы броситься въ рѣку, въ надеждѣ, что переплывъ на другой брегъ опасность уже минется. Никто не согласился бы испытать, тверда ли петля, своей шеею. Таковъ мой былъ случай. Трудна солдатская жизнь, но лучше петли. Хорошо бы и то, когда бы тѣмъ и конецъ былъ, но умирать томною смертію, подъ батожьемъ, подъ кошками, въ кандалахъ, въ погребѣ, нагу, босу, алчущу, жаждущу, при всегдашнемъ поруганіи; государь мой, хотя холопей щитаете вы своимъ имѣніемъ, нерѣдко хуже скотовъ, но къ нещастію ихъ горчайшему они чувствительности не лишены. Вамъ удивительно, вижу я, слышать таковыя слова въ устахъ крестьянина, но слышавъ ихъ, для чего не удивляетесь жестокосердію своей собратіи дворянъ“. (Путешествіе, стр. 370—374).

Самая необходимая и тягчайшая изъ повинностей народныхъ есть рекрутскій наборъ. Образъ набора вездѣ различествуетъ и вездѣ влечетъ за собою великія неудобства. Англійскій прессъ подвергается ежедневно горькимъ выходкамъ оппозиціи и со всѣмъ тѣмъ существуетъ во всей силѣ. Прусское Landwehr— система сильная и искусная, но приноровленная къ государству, еще не оправданная опытомъ, возбуждаетъ уже ропотъ въ терпѣливыхъ

пруссакахъ. Наполеоновская конскрипція производилась при громкихъ рыданіяхъ и проклятіяхъ всей Франціи.—„Чудовище, склонясь на колыбель дѣтей, считало годы ихъ кровавыми перстами, сыны въ дому отцовъ минутными гостями являлись....“ и пр.[1]

Рекрутство наше тяжело, лицемѣрить нечего. Довольно упомянуть о законахъ противу крестьянъ, изувѣчивающихся во избѣжаніе солдатства. Сколько труда стоило Петру Великому, чтобы пріучить народъ къ рекрутству. Но можетъ ли государство обойтиться безъ постояннаго войска? Полумѣры ни къ чему доброму не ведутъ. Конскрипція, по кратковременности службы, въ теченіе 15 лѣтъ дѣлаетъ изо всего народа однихъ солдатъ. Въ случаѣ народныхъ мятежей, мѣщане бьются какъ солдаты; солдаты плачутъ и толкуютъ какъ мѣщане, обнимаются и обращаются противъ правительства. Обѣ стороны одна съ другою тѣсно связаны. Русскій солдатъ, на 24 года отторженный изъ среды своихъ согражданъ, дѣлается чуждъ всему, кромѣ своего долга. Онъ возвращается на родину уже въ старости. Самое его возвращеніе уже есть порука за его добрую нравственность; ибо отставка дается только за безпорочную службу. Онъ

[1] Изъ извѣстнаго стихотворенія Жуковскаго (т. I, стр. 394).

жаждетъ одного спокойствія. На родинѣ находитъ онъ только нѣсколькихъ знакомыхъ стариковъ. Новое поколѣніе его не знаетъ и съ нимъ не братается.

Власть помѣщиковъ въ томъ видѣ, какъ она теперь существуетъ, необходима для рекрутскаго набора. Безъ нея правительство въ губерніяхъ не могло бы собрать и десятой доли требуемаго числа рекрутъ. Вотъ одна изъ тысячи причинъ, повелѣвающихъ намъ присутствовать въ нашихъ помѣстьяхъ, а не разоряться въ столицахъ подъ предлогомъ усердія къ службѣ, но въ самомъ дѣлѣ изъ единой любви къ разсѣянности и чинамъ.

Очередь, къ которой придерживаются нѣкоторые помѣщики-филантропы, не должна существовать, пока существуютъ наши дворянскія права. Лучше употребить сіи права въ пользу нашихъ крестьянъ и, удаляя изъ среды ихъ вредныхъ негодяевъ, людей, заслужившихъ тяжкое наказаніе и проч., дѣлать изъ нихъ полезныхъ членовъ обществу. Безразсудно жертвовать полезнымъ крестьяниномъ, трудолюбивымъ, добрымъ отцомъ семейства, а щадить вора и пьяницу обнищалаго, изъ уваженія къ какому-то правилу, самовольно нами признанному. И что значитъ эта жалкая пародія законности! Радищевъ сильно нападаетъ на продажу рекрутъ и другія злоупотребленія. Продажа рекрутъ была

въ то время уже запрещена, но производилась еще подъ рукою. Простодумъ въ комедіи Княжнина говоритъ, что

Три тысячи скопилъ онъ дома лѣтъ въ десять,
Не хлѣбомъ, не скотомъ, не выводомъ телятъ,
Но кстати въ рекруты торгуючи людьми!

Но запрещеніе сіе имѣло свою невыгодную сторону: богатый крестьянинъ лишался возможности избавиться рекрутства, а судьба бѣдняковъ, коими торговалъ безжалостный помѣщикъ, врядъ ли черезъ то улучшилась.

VI. Клинъ.

Слѣпой старикъ поетъ стихъ объ Алексіѣ, Божьемъ человѣкѣ; крестьяне плачутъ; Радищевъ рыдаетъ вслѣдъ за ямскимъ собраніемъ... „О природа! колико ты властительна!“ Крестьяне даютъ старику милостыню. Радищевъ дрожащею рукою даетъ ему рубль. Старикъ отказывается отъ него, потому что Радищевъ—дворянинъ! Онъ разсказываетъ, что въ молодости лишился онъ глазъ на войнѣ за свои жестокости. Между тѣмъ баба подноситъ ему пирогъ. Старикъ принимаетъ его съ восторгомъ. Вотъ истинная благостыня, восклицаетъ онъ. Радищевъ наконецъ даритъ ему шейный платокъ, и извѣщаетъ насъ, что старикъ умеръ нѣсколько дней послѣ, похороненъ съ этимъ

платкомъ на шеѣ. Имя Вертера, встрѣчаемое въ началѣ главы, поясняетъ загадку.

Вмѣсто всего сего пустословія, лучше было бы, если бы Радищевъ, кстати о старомъ и всѣмъ извѣстномъ стихѣ, поговорилъ намъ о нашихъ народныхъ пѣсняхъ, которыя до сихъ поръ еще не напечатаны, и которыя заключаютъ въ себѣ столь много истинной поэзіи.

VII. Тверь.

„Стихотворство у насъ, говорилъ товарищъ мой трактирнаго обѣда, въ разныхъ смыслахъ, какъ оно пріемлется, далеко еще отстоитъ величія. Поэзія было пробудилась, но нынѣ паки дремлетъ, а стихосложеніе—шагнуло одинъ разъ и стало въ пень.

Ломоносовъ, уразумѣвъ смѣшное въ польскомъ одѣяніи нашихъ стиховъ, снялъ съ нихъ несродное имъ полукафтанье. Подавъ хорошіе примѣры новыхъ стиховъ, надѣлъ на послѣдователей своихъ узду великаго примѣра, и никто доселѣ отшатнуться отъ него не дерзнулъ. По нещастію случилося, что Сумароковъ въ то же время былъ, и былъ отмѣнной стихотворецъ. Онъ употреблялъ стихи по примѣру Ломоносова, и нынѣ всѣ въ слѣдъ за ними не воображаютъ, чтобы другіе стихи быть могли, какъ ямбы, какъ такіе, какими писали сіи оба знаменитые мужи. Хотя оба сіи стихотворцы преподавали правила другихъ стихосложеній, а Сумароковъ и во всѣхъ родахъ оставилъ примѣры, но они столь маловажны, что ни отъ кого подражанія не заслужили. Если бы Ломоносовъ преложилъ Іова Псалмопѣвца дактилями, или если бы Сумароковъ Семиру или Димитрія написалъ хореями, то и Херасковъ вздумалъ бы, что можно писать другими стихами опричь ямбовъ, и болѣе бы славы въ осьмилѣтнемъ своемъ пріобрѣлъ трудѣ, описавъ взятіе

Казани свойственнымъ эпопеи стихосложеніемъ. Не дивлюсь, что древній треухъ на Виргилія надѣтъ Ломоносовскимъ покроемъ, но желалъ бы я, чтобы Омиръ между нами не въ ямбахъ явился, но въ стихахъ, подобныхъ его, гекзаметрахъ, и Костровъ, хотя не стихотворецъ, а переводчикъ, сдѣлалъ бы эпоху въ нашемъ стихосложеніи, ускоривъ шествіе нашей поэзіи цѣлымъ столѣтіемъ.

Но не одни Ломоносовъ и Сумароковъ составили россійское стихосложеніе. Неутомимой возовикъ Тредіаковскій не мало къ тому способствовалъ своею Телемахидою. Теперь дать примѣръ новаго стихосложенія очень трудно, ибо примѣры въ добромъ и худомъ стихосложеніи глубокій пустили корень. Парнасъ окруженъ ямбами и риѳмы стоятъ вездѣ на караулѣ. Кто бы ни задумалъ писать дактилями, тому тотчасъ Тредіаковскаго приставятъ дядькою и прекраснѣйшее дитя долго казаться будетъ уродомъ, доколѣ не родится Мильтона, Шекспира или Вольтера. Тогда и Тредіаковскаго выроютъ изъ поросшей мхомъ забвенія могилы, въ Телемахидѣ найдутся добрые стихи, и будутъ въ примѣръ поставляемы.

Долго благой перемѣнѣ въ стихосложеніи препятствовать будетъ привыкшее ухо къ краесловію. Слышавъ долгое время единогласное въ стихахъ окончаніе, безриѳміе покажется грубо, негладко и нестройно. Таково оно и будетъ, доколѣ французскій языкъ будетъ въ Россіи больше другихъ языковъ въ употребленіи. Чувства наши, какъ гибкое и молодое дерево, можно выростить прямо и криво, по произволенію. Сверхъ же того въ стихотвореніи, такъ какъ и во всѣхъ вещахъ, можетъ господствовать мода, и если она хотя нѣсколько имѣетъ въ себѣ естественнаго, то принята будетъ безъ прекословія. Но все модное мгновенно, а особливо въ стихотворствѣ. Блескъ наружный можетъ заржавѣть, но истинная красота не поблекнетъ никогда. Омиръ, Виргилій, Мильтонъ, Расинъ, Вольтеръ, Шекспиръ, Тассо и многіе другіе читаны будутъ, доколѣ не истребится родъ человѣческій.

Излишнимъ почитаю я бесѣдовать съ вами о разныхъ стихахъ, россійскому языку свойственныхъ. Что такое ямбъ, хорей, дактиль, или анапестъ всякъ знаетъ, если немного кто разумѣетъ правила стихосложенія. Но то бы было неизлишнее, если бы я могъ дать примѣры въ разныхъ родахъ достаточные. Но силы мои и разумѣніе коротки. Если совѣтъ мой поможетъ что либо сдѣлать, то я бы сказалъ, что россійское стихотворство, да и самъ россійскій языкъ гораздо обогатились бы, если бы переводы стихотворныхъ сочиненій дѣлали не всегда ямбами. Гораздо бы эпической поэмѣ свойственнѣе было, если бы переводъ Генріады не былъ въ ямбахъ, а ямбы некраесловные хуже прозы.“ (Путешествіе, стр. 350—354).

Радищевъ, будучи нововводителемъ въ душѣ, силился перемѣнить и русское стихосложеніе. Его изученія Телемахиды замѣчательны. Онъ первый писалъ у насъ древними лирическими размѣрами. Стихи его лучше его прозы. Прочтите его: Осьмнадцатое столѣтіе, Сафическія строфы, басню или вѣрнѣе элегію Журавли—все это имѣетъ достоинство. Въ главѣ, изъ которой выписалъ я приведенный отрывокъ, помѣщена его извѣстная ода на вольность; въ ней много сильныхъ стиховъ. — Обращаюсь къ русскому стихосложенію. Думаю, что современемъ мы обратимся къ бѣлому стиху. Риѳмъ въ русскомъ языкѣ слишкомъ мало. Одна вызываетъ другую. Пламень неминуемо тащитъ за собою камень. Изъ-за чувства выглядываетъ непремѣнно искусство. Кому не надоѣли

любовь и кровь, трудный и чудный, вѣрный и лицемѣрный и проч.

Много говорили о настоящемъ русскомъ стихѣ. А. Востоковъ опредѣлилъ его съ большою ученостію и смѣлостію. Вѣроятно, будущій нашъ эпическій поэтъ изберетъ его и сдѣлаетъ народнымъ.

VIII. Мѣдное.

„Во полѣ береза стояла, во полѣ кудрявая стояла, ой люли, люли, люли, люли... Хороводъ молодыхъ бабъ и дѣвокъ—пляшутъ—пойдемъ поближе, говорилъ я самъ себѣ, развертывая найденныя бумаги моего пріятеля. Но я читалъ слѣдующее. Не могъ дойти до хоровода. Уши мои задернулися печалію, и радостный гласъ нехитростнаго веселія до сердца моего не проникъ. О мой другъ! гдѣ бы ты ни былъ, внемли и суди.

Каждую недѣлю два раза вся россійская имперія извѣщается, что Н. Н. или Б. Б. въ несостояніи или не хочетъ заплатить того, что занялъ, или взялъ, или чего отъ него требуютъ. Занятое либо проиграно, проѣзжено, прожито, проѣдено, пропито, про... или раздарено, потеряно въ огнѣ, или водѣ, или Н. Н. или Б. Б. другими какими либо случаями вошелъ въ долгъ или подъ взысканіе. То и другое наравнѣ въ вѣдомостяхъ пріемлется.—Публикуется: Сего... дня по полуночи въ 10 часовъ, по опредѣленію уѣзднаго суда или городоваго магистрата, продаваться будетъ съ публичнаго торга отставнаго капитана Г... недвижимое имѣніе: домъ, состоящій въ... части, подъ №... и при немъ шесть душъ мужескаго и женскаго полу; продажа будетъ при ономъ домѣ. Желающіе могутъ осмотрѣть заблаговременно". (Путешествіе стр. 341—342).

Слѣдуетъ картина, ужасная тѣмъ, что она правдоподобна. Не стану теряться вслѣдъ за Радищевымъ въ его надутыхъ, но искреннихъ мечтаніяхъ.... съ которыми на сей разъ соглашаюсь поневолѣ.

IX. Вышній Волочекъ.

Въ Вышнемъ Волочкѣ Радищевъ любуется шлюзами и благословляетъ память того, кто, уподобясь природѣ въ ея благодѣяніяхъ, сдѣлалъ рѣку рукодѣльную—и всѣ концы единой области привелъ въ сообщеніе. Съ наслажденіемъ смотрѣлъ онъ на каналъ, наполненный нагруженными барками: онъ видѣлъ тутъ истинное земли изобиліе, избытки земледѣльчества, и во всемъ его блескѣ мощнаго пробудителя человѣческихъ дѣяній — корыстолюбіе. Но вскорѣ мысли его принимаютъ обыкновенное свое направленіе. Мрачными красками рисуетъ состояніе русскаго земледѣльца и разсказываетъ слѣдующее:

„Нѣкто, не нашелъ въ службѣ, какъ то по просторѣчію называютъ, счастія, или не желая онаго въ ней снискать, удалился изъ столицы, пріобрѣлъ небольшую деревню, напримѣръ во сто или въ двѣсти душъ, опредѣлилъ себя искать прибытка въ земледѣліи. Не самъ онъ себя опредѣлялъ къ сохѣ, но вознамѣрился наидѣйствительнѣйшимъ образомъ всевозможное сдѣлать употребленіе естественныхъ силъ своихъ крестьянъ, прилагая оныя къ обработыванію земли. Способомъ къ сему

надежнѣйшимъ почелъ онъ уподобить крестьянъ своихъ орудіямъ, ни воли, ни побужденія не имѣющимъ, и уподобилъ ихъ дѣйствительно въ нѣкоторомъ отношеніи нынѣшняго вѣка воинамъ, управляемымъ грудою, устремляющимся на бою грудою, а въ единственности ничего не значущимъ. Для достиженія своея цѣли, онъ отнялъ у нихъ малой удѣлъ пашни и сѣнныхъ покосовъ, которые имъ на необходимое пропитаніе даютъ обыкновенно дворяне, яко въ воздаяніе за всѣ принужденныя работы, которыя они отъ крестьянъ требуютъ. Словомъ, сей дворянинъ Нѣкто всѣхъ крестьянъ, женъ ихъ и дѣтей заставилъ во всѣ дни года работать на себя, а дабы они не умирали съ голоду, то выдавалъ онъ имъ опредѣленное количество хлѣба, подъ именемъ мѣсячины извѣстное. Тѣ, которые не имѣли семействъ, мѣсячины не получали, а по обыкновенію лакедемонянъ пировали вмѣстѣ на господскомъ дворѣ, употребляя для соблюденія желудка въ мясоѣдъ пустыя шти, а въ посты и постные дни хлѣбъ съ квасомъ. Истинные розговины бывали развѣ на святой недѣлѣ. — Таковымъ урядникамъ производилась также приличная и соразмѣрная ихъ состоянію одежда. Обувь для зимы, т. е. лапти, дѣлали они сами, онучи получали отъ господина своего, а лѣтомъ ходили босы. Слѣдственно, у таковыхъ урядниковъ не было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволеніе держать ихъ господинъ у нихъ не отымалъ, но способы къ тому. Кто былъ позажиточнѣе, кто былъ умѣреннѣе въ пищѣ, тотъ держалъ нѣсколько птицъ, которыхъ господинъ иногда биралъ себѣ, платя за нихъ цѣну по своей волѣ.—При таковомъ заведеніи не удивительно, что земледѣліе въ деревнѣ г-на Нѣкто было въ цвѣтущемъ состояніи. Когда у всѣхъ худой урожай, у него родился хлѣбъ самъ-четвертъ; когда у другихъ хорошій былъ урожай, то у него приходилъ хлѣбъ самъ-десятъ и болѣе. Въ недолгомъ времени къ 200 душамъ, онъ еще купилъ 200 жертвъ своему ко-

рыстолюбію, и поступая съ ними равно какъ и съ первыми, годъ отъ году умножалъ свое имѣніе, усугубляя число стенящихъ на его нивахъ. Теперь онъ считаетъ ихъ уже тысячами и славится какъ знаменитый земледѣлецъ". (Путешествіе, стр. 272—275).

Помѣщикъ, описанный Радищевымъ, привелъ мнѣ на память другаго, бывшаго мнѣ знакомаго лѣтъ 15 тому назадъ. Молодой образъ мыслей и пылкость тогдашнихъ чувствованій отвратили меня отъ него и помѣшали мнѣ изучить одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ характеровъ, которые удалось мнѣ встрѣтить. Этотъ помѣщикъ былъ родъ маленькаго Людовика XI. Онъ былъ тиранъ, но тиранъ по системѣ и по убѣжденію, съ цѣлью, къ которой двигался онъ съ силою души необыкновенной и съ презрѣніемъ къ человѣчеству, котораго онъ и не думалъ скрывать. Сдѣлавшись помѣщикомъ 2,000 душъ, онъ нашелъ своихъ крестьянъ, какъ говорится, избалованными слабымъ и безпечнымъ своимъ предшественникомъ. Первымъ стараніемъ его было общее и совершенное разореніе. Онъ немедленно приступилъ къ совершенію своего предположенія и въ три года привелъ крестьянъ въ жестокое положеніе. Крестьянинъ не имѣлъ никакой собственности; онъ пахалъ барскою сохою, запряженной барской клячею; скотъ его былъ весь проданъ; онъ садился за спартанскую трапезу на барскомъ дворѣ; дòма не имѣлъ онъ ни штей,

ни хлѣба. Одежда, обувь выдавалась ему отъ господина. Словомъ, статья Радищева кажется картиною хозяйства моего помѣщика.—Какъ бы вы думали? Мучитель имѣлъ виды филантропическіе. Пріучивъ своихъ крестьянъ къ нуждѣ, терпѣнію и труду, онъ думалъ постепенно ихъ обогатить, возвратить имъ собственность, даровать имъ права! Судьба не позволила ему исполнить его предначертанія. Онъ былъ убитъ своими крестьянами во время пожара.

X. Торжокъ.

(о цензурѣ).

Расположась обѣдать въ славномъ трактирѣ Пожарскаго, я прочелъ статью подъ заглавіемъ: Торжокъ. Въ ней дѣло идетъ о свободѣ книгопечатанія. Любопытно видѣть разсужденіе о семъ предметѣ человѣка, вполнѣ разрѣшившаго самому себѣ сію свободу, напечатавъ въ собственной типографіи книгу, въ которой дерзость мыслей и выраженій выходитъ изъ всѣхъ предѣловъ.

Было время—слава Богу, что оно прошло и, вѣроятно, уже не возвратится—что наши писатели были преданы на произволъ цензуры самой безсмысленной. Нѣкоторыя изъ тогдашнихъ рѣшеній могутъ показаться выдумкой и клеветою. Напримѣръ, какой-то стихотворецъ

говоритъ о небесныхъ глазахъ своей возлюбленной. Цензоръ велѣлъ ему, вопреки просодіи, поставить вмѣсто небесныхъ — голубые, „ибо слово небо принимается иногда въ смыслѣ высшаго промысла". Въ шотландской балладѣ Жуковскаго назначается свиданіе наканунѣ Иванова дня; цензоръ нашелъ, что въ такой великій праздникъ грѣшить неприлично, и не хотѣлъ пропустить баллады. Нѣкто критиковалъ трагедію Сумарокова; цензоръ вымаралъ всю статью и написалъ на полѣ: „перемѣнить, соображаясь съ мнѣніемъ публики."

Одинъ изъ французскихъ публицистовъ остроумнымъ софизмомъ захотѣлъ доказать безразсудность цензуры. „Если, говоритъ онъ, способность говорить была бы новѣйшимъ изобрѣтеніемъ, то нѣтъ сомнѣнія, что правительство не замедлило-бъ установить цензуру и на языкъ; издали бы извѣстныя правила, и два человѣка, чтобъ поговорить между собою о погодѣ, должны были бы получить предварительное на то позволеніе."

Конечно, если бы слово не было общею принадлежностію всего человѣческаго рода, а только милліонной части онаго, то правительства необходимо должны были бы ограничить законами права мощнаго сословія людей говорящихъ. Но грамота не есть естественная способность, дарованная Богомъ всему человѣче-

ству, какъ языкъ или зрѣніе. Человѣкъ безграмотный не есть уродъ и не находится внѣ вѣчныхъ законовъ природы. И между грамотѣями не всѣ равно обладаютъ возможностію и самою способностію писать книги или журнальныя статьи. Писатели во всѣхъ странахъ міра суть классъ самый малочисленный изо всего народонаселенія. Аристократія самая мощная, самая опасная, есть аристократія людей, которые на цѣлыя поколѣнія, на цѣлыя столѣтія налагаютъ свой образъ мыслей, свои страсти, свои предразсудки. Что значитъ аристократія породы и богатства въ сравненіи съ аристократіей пишущихъ талантовъ? Никакое богатство не можетъ перекупить вліяніе обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правленіе не можетъ устоять противу всеразрушительнаго дѣйствія типографическаго снаряда. Уважайте классъ писателей, но не допускайте же его овладѣть вами совершенно.

Мысль—великое слово! Что-жь и составляетъ величіе человѣка, какъ не мысль? Да будетъ же она свободна, какъ долженъ быть свободенъ человѣкъ: въ предѣлахъ закона, при полномъ соблюденіи условій, налагаемыхъ обществомъ.

„Мы въ томъ и не споримъ, говорятъ противники цензуры. Но книги, какъ и граждане, отвѣтствуютъ за себя. Есть законы для тѣхъ и для

другихъ. Къ чему же предварительная цензура? Пускай книга сначала выйдетъ изъ типографіи, и тогда, если найдете ее преступною, вы можете ее ловить, хватать и казнить, а сочинителя или издателя присудить къ заключенію и къ положенному штрафу."

Но мысль уже стала гражданиномъ, уже отвѣтствуетъ за себя, какъ скоро она родилась и выразилась. Развѣ рѣчь и рукопись не подлежатъ закону? Всякое правительство въ правѣ не позволять проповѣдывать на площадяхъ, что въ голову придетъ, и можетъ остановить раздачу рукописи, хотя строки оной начертаны перомъ, а не тиснуты станкомъ типографическимъ. Законъ не только наказываетъ, но и предупреждаетъ. Это даже его благодѣтельная сторона.

Дѣйствіе человѣка мгновенно и одно (isolé); дѣйствіе книги множественно и повсемѣстно. Законы противу злоупотребленій книгопечатанія не достигаютъ цѣли закона: не предупреждаютъ зла, рѣдко его пресѣкая. Одна цензура можетъ исполнить то и другое.[1]

[1] Въ рукописяхъ Пушкина сохранилась еще слѣдующая программа статьи о цензурѣ: „О литературной собственности; о правахъ издателя,—писателя; анонимъ; наслѣдники.

О цензурѣ вообще; о подраздѣленіи; о книгахъ обще-

XI. Русская изба.

Въ Пешкахъ (на станціи, нынѣ уничтоженной) Радищевъ съѣлъ кусокъ говядины и выпилъ чашку кофею. Онъ пользуется симъ случаемъ, дабы упомянуть о несчастныхъ африканскихъ невольникахъ, и тужитъ о судьбѣ русскаго крестьянина, не употребляющаго сахара. Все это было тогдашнимъ моднымъ краснословіемъ. Но замѣчательно описаніе русской избы:

„Четыре стѣны, до половины покрытыя, такъ какъ и весь потолокъ, сажею; полъ въ щеляхъ, на вершокъ по крайней мѣрѣ поросшій грязью; печь безъ трубы, но лучшая защита отъ холода; и дымъ всякое утро зимою и лѣтомъ наполняющій избу; окончины, въ коихъ натянутой пузырь смеркающійся въ полдень пропускалъ свѣтъ; горшка два или три (щастлива изба, коли въ одномъ изъ нихъ всякой день есть пустыя шти!) Деревянная чашка и кружки, тарелками называемые; столъ топоромъ срубленой, которой скоблятъ скребкомъ по праздникамъ; корыто кормить свиней или телятъ, буде есть, спать съ ними вмѣстѣ, глотая воздухъ, въ коемъ горящая свѣча какъ будто въ туманѣ или за завѣсою кажется. Къ щастію кадка съ квасомъ на уксусъ похо-

доступныхъ и дешевыхъ;—дорогихъ;—чистоученыхъ;—огромныхъ; о журналахъ общихъ, — ученыхъ.

О классическихъ книгахъ, въ томъ числѣ — сочиненія, принадлежащія роду человѣческому.

О цензурахъ земской и духовной; о кощунствѣ и вѣротерпимости; о прав. [православіи?]; о сочиненіяхъ, не подлежащихъ суду; о личностяхъ."

жимъ, и на дворѣ баня, въ коей коли не парятся, то спитъ скотина. Посконная рубаха, обувь данная природою, онучки съ лаптями для выхода.“ (Путешествіе стр. 412 — 413).

Очевидно, что Радищевъ начерталъ каррикатуру, но онъ упоминаетъ о банѣ и о квасѣ, какъ о необходимостяхъ русскаго быта. Это уже признакъ довольства. Замѣчательно, что наружный видъ русской избы мало перемѣнился со временъ Мейерберга. Посмотрите на рисунки, присовокупленные къ его путешествію. Ничто такъ не похоже на русскую деревню въ XVI столѣтіи, какъ русская деревня въ 1833 году. Изба, мельница, заборъ, даже эта ёлка, это печальное тавро сѣверной природы — ничто, кажется, не измѣнилось. Однако, произошли улучшенія, по крайней мѣрѣ на большихъ дорогахъ: труба въ каждой избѣ; стекла замѣнили натянутый пузырь; вообще болѣе чистоты, удобства, того, что англичане называютъ comfort. Замѣчательно и то, что Радищевъ, заставивъ свою хозяйку жаловаться на голодъ и неурожай, оканчиваетъ картину нужды и бѣдствія сею чертою: „и начала сажать хлѣбы въ печь.“

Фонвизинъ, лѣтъ 15 передъ тѣмъ путешествовавшій по Франціи, говоритъ, что, по чистой совѣсти, судьба русскаго крестьянина показалась ему счастливѣе судьбы французскаго земледѣльца. Вѣрю. Вспомнимъ описаніе Ла-

брюера;[1] слова госпожи Севинье еще сильнѣе тѣмъ, что она говоритъ безъ негодованія и горечи, а просто разсказываетъ что видитъ и къ чему привыкла. Судьба французскаго крестьянина не улучшилась въ царствованіе Людовика XV и его преемника...

Прочтите жалобы англійскихъ фабричныхъ работниковъ: волоса встанутъ дыбомъ отъ ужаса. Сколько отвратительныхъ истязаній, непонятныхъ мученій! какое холодное варварство съ одной стороны, съ другой какая страшная бѣдность! Вы думаете, что дѣло идетъ о строеніи фараоновыхъ пирамидъ, о евреяхъ, работающихъ подъ бичами египтянъ. Совсѣмъ нѣтъ: дѣло идетъ о сукнахъ г-на Смидта, или объ иголкахъ г-на Джаксона. И замѣтьте, что все это есть не злоупотребленіе, не преступленіе, но происходитъ въ строгихъ предѣлахъ закона. Кажется, что нѣтъ въ мірѣ несчастнѣе англій-

[1] L'on voit certains animaux farouches, des mâles et des femelles, repandus par la campagne, noirs, livides et tout brulés du soleil, attachés à la terre qu'ils fouillent et qu'ils remuent avec une opiniâtreté invincible: ils ont comme une voix articulée, et quand ils se lèvent sur leurs pieds, ils montrent une face humaine et en effet ils sont des hommes. Ils se retirent la nuit dans des tanières où ils vivent de pain noir, d'eau et de racines: ils épsagnent aux autres hommes la peine de semer, de labourer et de recueillir pour vivre, et méritent ainsi de ne pas manquer de ce pain qu'ils ont semé. (Les caractères).—А. П.

скаго работника; но посмотрите, что дѣлается тамъ при изобрѣтеніи новой машины, избавляющей вдругъ отъ каторжной работы тысячъ пять или шесть народу и лишающей ихъ послѣдняго средства къ пропитанію.... У насъ нѣтъ ничего подобнаго. Повинности вообще не тягостны. Подушная платится міромъ, барщина опредѣлена закономъ; оброкъ неразорителенъ, кромѣ какъ въ близости Москвы и Петербурга, гдѣ разнообразіе оборотовъ промышленности усиливаетъ и раздражаетъ корыстолюбіе владѣльцевъ. Помѣщикъ, наложивъ оброкъ, оставляетъ на произволъ своего крестьянина доставать оный, какъ и гдѣ онъ хочетъ. Крестьянинъ промышляетъ, чѣмъ онъ вздумаетъ, и уходитъ иногда за 2,000 верстъ выработывать себѣ деньгу.... Злоупотребленій вездѣ много; уголовныя дѣла вездѣ ужасны.

Взгляните на русскаго крестьянина: есть ли и тѣнь рабскаго уничиженія въ его поступи и рѣчи? О его смѣлости и смышлености и говорить нечего. Переимчивость его извѣстна; проворство и ловкость удивительны. Путешественникъ ѣздитъ изъ края въ край по Россіи, не зная ни одного слова по-русски, и вездѣ его понимаютъ, исполняютъ его требованія, заключаютъ съ нимъ условія. Никогда не встрѣтите вы въ нашемъ народѣ того, что французы называютъ un badaud; никогда не замѣтите въ немъ ни

грубаго удивленія, ни невѣжественнаго презрѣнія къ чужому. Въ Россіи нѣтъ человѣка, который бы не имѣлъ собственнаго своего жилища. Нищій, уходя скитаться по міру, оставляетъ свою избу. Этого нѣтъ въ чужихъ краяхъ. Имѣть корову вездѣ въ Европѣ есть знакъ роскоши; у насъ не имѣть коровы есть знакъ ужасной бѣдности. Нашъ крестьянинъ опрятенъ по привычкѣ и по правилу: каждую субботу ходитъ онъ въ баню; умывается по нѣскольку разъ въ день.... Судьба крестьянина улучшается со дня на день, по мѣрѣ распространенія просвѣщенія.... Благосостояніе крестьянъ тѣсно связано съ благосостояніемъ помѣщиковъ; это очевидно для всякаго. Конечно, должны еще произойти великія перемѣны; но не должно торопить времени, и безъ того уже довольно дѣятельнаго. Лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ одного улучшенія нравовъ, безъ насильственныхъ потрясеній политическихъ, страшныхъ для человѣчества....

XII. Этикетъ.

„Власть и свободу сочетать должно на всеобщую пользу.“ Истина неоспоримая, коею Радищевъ заключаетъ начертаніе о уничтоженіи придворныхъ чиновъ, исполненное мыслей большею частью ложныхъ, хотя и пошлыхъ.[1]

[1] Въ этой гл. замѣч. на гл. „Выдропускъ“ изъ „Путеш.“

Предполагать униженіе въ обрядахъ, установленныхъ этикетомъ, есть просто глупость. Англійскій лордъ, представляясь своему королю, становится на колѣна и цѣлуетъ ему руку. Это не мѣшаетъ ему быть въ оппозиціи, если онъ того хочетъ. Мы всякій день подписываемся покорнѣйшими слугами—и, кажется, никто изъ этого еще не заключалъ, чтобъ мы просились въ камердинеры.

Придворные обычаи, соблюдаемые нѣкогда при дворахъ нашихъ царей, уничтожены Петромъ Великимъ при всеобщемъ переворотѣ. Екатерина II занялась и симъ уложеніемъ и установила новый этикетъ. Онъ имѣлъ передъ этикетомъ, наблюдаемымъ въ другихъ державахъ, то преимущество, что былъ основанъ на правилахъ здраваго смысла и вѣжливости общепонятной, а не на забытыхъ преданіяхъ и обыкновеніяхъ, давно измѣнившихся. Покойный государь Александръ Павловичъ любилъ простоту и непринужденность. Онъ ослабилъ снова этикетъ, который во всякомъ случаѣ не худо возобновить. Конечно, государи не имѣютъ нужды въ обрядахъ, часто для нихъ утомительныхъ; но этикетъ есть также законъ; къ тому же онъ при дворѣ необходимъ, ибо всякому, имѣющему честь приближаться къ царскимъ особамъ, необходимо знать свою обязанность и границы службы. Гдѣ нѣтъ этикета, тамъ придворные въ поминут-

номъ опасеніи сдѣлать что нибудь неприличное. Нехорошо прослыть невѣжею, непріятно казаться и подслужливымъ выскочкою.

Прибавленія.

I. Разговоръ съ англичаниномъ о русскихъ крестьянахъ.

... Строки Радищева навели на меня уныніе. Я думалъ о судьбѣ русскаго крестьянина:

Къ тому-жь подушны, барщина, оброкъ!

Подлѣ меня въ каретѣ сидѣлъ англичанинъ, человѣкъ лѣтъ 36. Я обратился къ нему съ вопросомъ: что можетъ быть несчастнѣе русскаго крестьянина?

Англичанинъ. — Англійскій крестьянинъ.

Я. — Какъ! свободный англичанинъ, по вашему мнѣнію, несчастнѣе русскаго раба?

Онъ. Что такое свобода?

Я. Свобода есть возможность поступать по своей волѣ.

Онъ. Слѣдовательно свободы нѣтъ нигдѣ; ибо вездѣ есть или законы или естественныя препятствія.

Я. Такъ; но разница: покоряться законамъ, предписаннымъ нами самими, или повиноваться чужой волѣ.

Онъ. Ваша правда. Но развѣ народъ англій-

скій участвуетъ въ законодательствѣ? Развѣ требованія народа могутъ быть исполнены его повѣренными?

Я. Въ чемъ же вы полагаете народное благополучіе?

Онъ. Въ умѣренности и соразмѣрности податей.

Я. Какъ?

Онъ. Вообще повинности въ Россіи не очень тягостны для народа: подушныя платятся міромъ, оброкъ не разорителенъ (кромѣ въ близости Москвы и Петербурга, гдѣ разнообразіе оборотовъ промышленника умножаетъ корыстолюбіе владѣльцевъ). Во всей Россіи помѣщикъ, наложивъ оброкъ, оставляетъ на произволъ своему крестьянину доставать оный, какъ и гдѣ онъ хочетъ. Крестьянинъ промышляетъ чѣмъ вздумаетъ и уходитъ иногда за 2,000 верстъ вырабатывать себѣ деньгу. И это называете вы рабствомъ? Я не знаю во всей Европѣ народа, которому было бы дано болѣе простора дѣйствовать.

Я. Но злоупотребленія частныя....

Онъ. Злоупотребленій вездѣ много. Прочтите жалобы англійскихъ фабричныхъ работниковъ— волоса встанутъ дыбомъ; вы думаете, что дѣло идетъ о строеніи фараоновыхъ пирамидъ, о евреяхъ, работающихъ подъ бичами египтянъ. Совсѣмъ нѣтъ: дѣло идетъ о сукнахъ г-на Шмидта или объ иголкахъ г-на Томпсона. Сколько отвра-

тительныхъ истязаній, непонятныхъ мученій! Какое холодное варварство съ одной стороны, съ другой—какая страшная бѣдность! Въ Россіи нѣтъ ничего подобнаго.

Я. Вы не читали нашихъ уголовныхъ дѣлъ.

Онъ. Уголовныя дѣла вездѣ ужасны. Я говорю вамъ о томъ, что въ Англіи происходитъ въ строгихъ предѣлахъ закона, не о злоупотребленіяхъ, не о преступленіяхъ: нѣтъ въ мірѣ несчастнѣе англійскаго работника. Но посмотрите, что дѣлается у насъ при изобрѣтеніи новой машины, вдругъ избавляющей отъ каторжной работы тысячъ пять-десять народу, но лишающей ихъ послѣдняго средства къ пропитанію....

Я. Живали вы въ нашихъ деревняхъ?

Онъ. Я видалъ ихъ проѣздомъ и жалѣю, что не успѣлъ изучить нравы любопытнаго вашего народа.

Я. Что̀ поразило васъ болѣе всего въ русскомъ крестьянинѣ?

Онъ. Его опрятность и свобода.

Я. Какъ это?

Онъ. Вашъ крестьянинъ каждую субботу ходитъ въ баню; умывается каждое утро, сверхъ того нѣсколько разъ въ день моетъ себѣ руки. О его смышлености говорить нечего: путешественники ѣздятъ изъ края въ край по Россіи, не зная ни одного слова вашего языка, и вездѣ ихъ понимаютъ, исполняютъ ихъ требованія,

заключаютъ условія; никогда не встрѣчалъ я между ними то, что сосѣди называютъ un badaud, никогда не замѣчалъ въ нихъ ни грубаго удивленія, ни невѣжественнаго презрѣнія къ чужому. Переимчивость ихъ всѣмъ извѣстна; проворство и ловкость удивительны.

Я. Справедливо. Но свобода? Неужто вы русскаго крестьянина почитаете свободнымъ.

Онъ. Взгляните на него: что можетъ быть свободнѣе его обращенія съ вами? Есть ли и тѣнь рабскаго униженія въ его поступи и рѣчи? Вы не были въ Англіи?[1]

Я. Не удалось.

Онъ. То-то! Вы не видали оттѣнковъ подлости, отличающей у насъ одинъ классъ отъ другаго; вы не видали раболѣпнаго masters нижней палаты передъ верхней; джентльмена передъ аристократіею, купечества передъ джентльменствомъ, бѣднаго передъ богатымъ, повиновенія предъ властію. А продажные голоса, а уловки министерства, а поведеніе наше съ Индіей, а отношенія наши со всѣми другими народами!

Англичанинъ мой разгорячился и совсѣмъ отдалился отъ предмета нашего разговора. Я продолжалъ слѣдовать за его мыслями, и мы пріѣхали въ Клинъ.

9 декабря.

[1] Срав. стр. 345—347.

II. О русской литературѣ, съ очеркомъ французской.

Наши критики не согласились еще въ ясномъ различіи между родами классическимъ и романтическимъ. Сбивчивымъ понятіемъ о семъ предметѣ обязаны мы французскимъ журналистамъ, которые обыкновенно относятъ къ романтизму все, что̀ имъ кажется ознаменованнымъ печатью мечтательности и германскаго идеологизма, или основаннымъ на предразсудкахъ и преданіяхъ простонародныхъ. Опредѣленіе самое неточное. Стихотвореніе можетъ являть всѣ сіи признаки, а между тѣмъ принадлежать къ роду классическому. Къ сему роду должны отнестись тѣ стихотворенія, коихъ формы извѣстны были грекамъ и римлянамъ, или коихъ образцы они намъ оставили. Слѣдственно сюда принадлежатъ: эпопея, поэма дидактическая, трагедія, комедія, ода, сатира, посланіе, ироида, эклога, элегія, эпиграмма и басня. Если же вмѣсто формы стихотворенія будемъ брать за основаніе только духъ, въ которомъ оно написано, то никогда не выпутаемся изъ опредѣленій. Гимнъ Пиндара духомъ своимъ, конечно, отличается отъ оды Анакреона, сатира Ювенала отъ сатиры Горація, „Освобожденный Іерусалимъ“ отъ „Энеиды“—всѣ они однакожъ принадлежатъ къ роду классическому. Какіе же роды стихотвореній

должно отнести къ поэзіи романтической? Тѣ, которые не были извѣстны древнимъ, и тѣ, въ коихъ прежнія формы измѣнились или замѣнены другими.

Не считаю за нужное говорить о поэзіи грековъ и римлянъ. Каждый образованный европеецъ долженъ имѣть достаточное понятіе о безсмертныхъ созданіяхъ величавой древности. Взглянемъ на происхожденіе и постепенное развитіе поэзіи новыхъ народовъ.

Западная имперія клонилась къ паденію, а съ нею—науки, словесность и художества. Наконецъ она пала, просвѣщеніе погасло, невѣжество омрачило Европу. Едва спаслась латинская грамота въ пыли книгохранилищъ монастырскихъ; монахи соскобляли съ пергамента стихи Лукреція, Виргилія, и вмѣсто нихъ писали на немъ свои хроники и легенды.

Поэзія проснулась подъ небомъ полуденной Франціи; риѳма, новое украшеніе стиха, съ перваго взгляда столь мало значущее, отозвалась въ романскомъ языкѣ, — имѣла сильное вліяніе на словесность новѣйшихъ народовъ. Побѣжденная трудность всегда приноситъ намъ удовольствіе; любить соотвѣтственность (symmetria), размѣренность—свойственно уху человѣческому; ухо обрадовалось удареніямъ звуковъ. Трубадуры играли риѳмою, изобрѣтали для нея всевозможныя измѣненія стиховъ, придумывали са-

мыя затруднительныя формы; явились тріолетъ, баллада, рондо, сонетъ и проч. Отъ сего произошла необходимая натяжка выраженія, какое-то жеманство, вовсе неизвѣстное древнимъ; мелочное остроуміе замѣнило чувство, которое не можетъ выражаться въ тріолетахъ. Мы находимъ несчастные сіи слѣды въ величайшихъ геніяхъ новѣйшихъ временъ.

Но умъ не можетъ довольствоваться однѣми игрушками гармоніи. Воображеніе требуетъ картинъ и разсказовъ; трубадуры обратились къ новымъ источникамъ вдохновенія, воспѣли любовь и войну, оживили народныя преданія; родились лэ, романъ и фабліо.

Темныя понятія о древней трагедіи и церковныя празднества подали поводъ къ сочиненію таинствъ (mystères). Почти всѣ писаны на одинъ образецъ и подходятъ подъ одно условіе; но въ то время не было Аристотеля для установленія непреложныхъ законовъ мистической драматургіи.

~~ Два обстоятельства имѣли рѣшительное дѣйствіе на духъ европейской поэзіи: нашествіе мавровъ и крестовые походы.

Мавры внушили ей изступленіе и нѣжность любви, приверженность къ чудесному, роскошное краснорѣчіе Востока. Рыцари сообщили ей свою набожность и простодушіе, новыя по-

нятія о геройствѣ и вольность нравовъ походныхъ становъ Готфрида и Ричарда.

Таково было смиренное начало романтической поэзіи.

Отрасли романтической поэзіи пышно процвѣли въ Италіи и Гишпаніи. Италія присвоила себѣ эпопею; полу-африканская Гишпанія завладѣла трагедіей и романомъ; Англія противу именъ Данте, Аріоста, Кальдерона съ гордостью выставила имена Спенсера, Мильтона, Шекспира; въ Германіи (что довольно странно) отличилась новая сатира, ѣдкая, шутливая. Во Франціи тогда поэзія все еще младенчествовала. Лучшій стихотворецъ Вильонъ воспѣвалъ въ площадныхъ куплетахъ кабаки и почитался народнымъ поэтомъ. Наслѣдникъ его Маротъ, жившій въ одно время съ Аріостомъ и Камоенсомъ, rima des triolets, fit fleurir la ballade. Проза имѣла уже сильный перевѣсъ: скептикъ Монтань, циникъ Раблэ были современниками Тассу.[1]

[1] Въ другомъ наброскѣ это мѣсто читается такъ: „Разсматривая произведенія французской поэзіи въ теченіе XVI в., нельзя не быть пораженну ихъ ничтожествомъ; нѣсколько любовныхъ пѣсенъ отличаются легкостью и нѣжностью, нѣсколько сказокъ—веселостью и простодушіемъ, но вообще напрасно бы стали въ нихъ искать высокаго или сильнаго чувства или яркаго воображенія. Проза имѣетъ уже рѣшительный перевѣсъ: Раблэ, Montaigne etc.“

Въ Италіи и Гишпаніи народная поэзія существовала прежде появленія геніевъ. Они пошли по дорогѣ, уже проложенной. Были поэмы уже прежде Аріостова Orlando, были трагедіи прежде созданій de Vega и Кальдерона. Во Франціи просвѣщеніе застало поэзію въ ребячествѣ, безъ всякаго направленія, безъ всякой силы. Образованные умы вѣка Людовика XIV справедливо презрѣли ея ничтожность и обратились къ древнимъ образцамъ. Буало, человѣкъ, одаренный умомъ рѣзкимъ и здравымъ и мощнымъ талантомъ, обнародовалъ свой коранъ, и французская словесность ему покорилась.

P. S. Не должно думать, однакожъ, чтобъ и во Франціи не остались никакіе памятники чисто романтической поэзіи: сказки Лафонтена и Вольтера и Дѣва сего послѣдняго носятъ на себѣ ея клеймо. Не говорю уже о многочисленныхъ подражаніяхъ, по большей части посредственныхъ: легче превзойдти геніевъ въ забвеніи всѣхъ приличій, нежели въ поэтическомъ достоинствѣ.

~~ Люди, одаренные талантами, будучи поражены ничтожностью французскаго стихотворства, думали, что скудость языка была тому виною, и стали стараться пересоздать его по образцу древняго греческаго. Образовалась новая школа, коей мнѣнія, цѣль и усилія напоминаютъ школу нашихъ славяно-руссовъ, между ко-

СПКО : СПКО : СП

ими также были люди съ дарованіями. Но труды Ронсара, Жоделя и Дюбелле остались тщетными. Языкъ отказался отъ исправленія ему чуждаго и пошелъ опять своею дорогой. Наконецъ пришелъ Малербъ, съ такой строгой справедливостію оцѣненный великимъ критикомъ Буало:

Enfin Malherb vint et le premier en France
Fit sentir dans les vers une juste cadence.... etc.

Но Малербъ нынѣ забытъ подобно Ронсару. Сіи два таланта истощили силы свои въ бореніи съ механизмомъ языка, въ усовершенствованіи стиха. Такова участь, ожидающая писателей, которые пекутся болѣе о наружныхъ формахъ слова, нежели о мысли—истинной жизни его, не зависящей отъ употребленія!

~~ Какимъ чудомъ, посреди общаго паденія вкуса, вдругъ явилась толпа истинно великихъ писателей, покрывшихъ такимъ блескомъ конецъ XVII вѣка! Политическая ли щедрость кардинала Ришельё, покровительство ли Людовика XIV—причиною такого феномена, или каждому народу предназначена судьбою эпоха, въ которой созвѣздіе геніевъ вдругъ является, блеститъ и исчезаетъ. Какъ бы то ни было, вслѣдъ за толпой бездарныхъ или несчастныхъ стихотворцевъ, заключающихъ періодъ старинной французской поэзіи, тотчасъ выступаютъ Корнель, Буало, Расинъ, Мольеръ и Лафонтенъ. И владычество ихъ надъ умами просвѣщеннаго міра го-

раздо легче можетъ объясниться, нежели ихъ неожиданное пришествіе!

— Нѣкто у насъ сказалъ, что французская словесность родилась въ передней etc. Это слово было повторено и во французскихъ журналахъ и замѣчено, какъ жалкое мнѣніе (opinion déplorable). Это не мнѣніе, но истина историческая, буквально выраженная: Маротъ былъ камердинеромъ Франциска I (valet de chambre), Мольеръ— камердинеромъ Людовика XIV; Буало, Расинъ и Вольтеръ (особенно Вольтеръ), конечно, дошли до гостиной, но все-таки черезъ переднюю. Объ новѣйшихъ поэтахъ говорить нечего: они, конечно, на площади, съ чѣмъ ихъ и поздравляемъ.

Вліяніе, которое французскіе писатели произвели на общество, должно приписать ихъ старанію приноровляться къ господствующему вкусу, къ мнѣніямъ публики. Замѣчательно, что ни одинъ изъ извѣстныхъ французскихъ поэтовъ не выѣзжалъ изъ Парижа. Вольтеръ, изгнанный изъ столицы тайнымъ указомъ Людовика XV, полу-шутливымъ, полу-важнымъ тономъ совѣтуетъ писателямъ оставаться въ Парижѣ, если дорожатъ они покровительствомъ Аполлона и бога вкуса.

Ни одинъ изъ французскихъ поэтовъ не дерзнулъ быть самобытнымъ, ни одинъ, подобно Мильтону, не отрекся отъ современной славы.

Расинъ пересталъ писать, увидя неуспѣхъ

своей Гоѳоліи. Публика (о которой Шамфоръ спрашивалъ такъ забавно: сколько нужно глупцовъ, чтобы составить публику?) — невѣжественная публика была единственною руководительницею и образовательницею писателей. Когда писатели перестали толпиться по переднимъ вельможъ, они (писатели) обратились къ народу, лаская его любимыя мнѣнія или фиглярствуя независимостью и странностями, но съ одною цѣлію: выманить себѣ репутацію или деньги. Въ нихъ нѣтъ и не было безкорыстной любви къ искусству и къ изящному: жалкій народъ!

〰 Не смотря на ея видимую ничтожность, Ришелье чувствовалъ важность литературы. Великій человѣкъ, унизившій во Франціи феодализмъ, захотѣлъ также связать и литературу. Писатели, классъ бѣдный и незнатный, были призваны ко двору и задарены, какъ и дворяне. Людовикъ XIV слѣдовалъ системѣ кардинала. Вскорѣ писатели получили придворную должность. Корнель, Расинъ тѣшили короля своими трагедіями; Буало воспѣвалъ его побѣды и назначалъ ему писателей, достойныхъ его вниманія; Боссюэтъ и Флешье проповѣдывали слово Божіе въ его придворной капеллѣ; камердинеръ Мольеръ при дворѣ смѣялся надъ придворными. Академія хвастливо первымъ правиломъ своего устава положила хвалу великаго

короля. Были исключенія: бѣдный дворянинъ Лафонтенъ, не смотря на господствующую набожность, печаталъ въ Голландіи свои веселыя сказки о монахиняхъ, а сладкорѣчивый епископъ, въ книгѣ, наполненной смѣлою философіею, помѣщалъ язвительную сатиру на прославленное царствованіе; за то Лафонтенъ умеръ безъ пенсіи, а Фенелонъ — въ своей епархіи, отдаленный отъ двора за мистическую ересь. — Отселѣ вѣжливая, тонкая словесность, блестящая, аристократическая, немного жеманная, но тѣмъ самымъ понятная для всѣхъ дворовъ Европы, ибо высшее общество, какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ новѣйшихъ писателей, составляетъ во всей Европѣ одно семейство.

Между тѣмъ духъ изслѣдованія и порицанія начиналъ проявляться во Франціи. Ничто не могло быть противоположнѣе поэзіи, какъ та философія, которой XVIII вѣкъ далъ свое имя. Она была направлена противъ господствующей религіи, вѣчнаго источника поэзіи у всѣхъ народовъ, и любимымъ орудіемъ ея была иронія, холодная и осторожная, и насмѣшка, бѣшеная и площадная. Вольтеръ, великанъ сей эпохи, овладѣлъ и стихами, какъ важной отраслью умственной дѣятельности человѣка. Онъ написалъ Магомета съ намѣреніемъ очернить католицизмъ. Онъ шестьдесятъ лѣтъ наполнялъ театръ трагедіями, въ которыхъ, не заботясь ни о правдопо-

добіи характеровъ, ни о законности средствъ, заставилъ онъ свои лица, кстати и некстати, выражать правила своей философіи. Онъ наводнилъ Парижъ перелетными бездѣлками, въ которыхъ философія говорила общепонятнымъ и шутливымъ языкомъ, одною риѳмою и метромъ отличавшимся отъ прозы. И эта личность не владѣла верхомъ поэзіи; наконецъ, и онъ однажды, въ своей старости, становится истиннымъ поэтомъ, когда весь его разрушительный геній со всею свободою излился въ циничной поэмѣ, гдѣ всѣ высокія чувства, драгоцѣнныя человѣчеству, были принесены въ жертву демону смѣха и ироніи. Вліяніе Вольтера было неимовѣрно. Около великаго копошились пигмеи, стараясь привлечь его вниманіе. Умы возвышенные слѣдуютъ за нимъ. Задумчивый Руссо провозглашаетъ себя его ученикомъ; пылкій Дидротъ есть самый ревностный изъ его апостоловъ. Англія, въ лицѣ Юма и Гиббона, привѣтствуетъ его. Екатерина вступаетъ съ нимъ въ дружескую переписку; Фридрихъ съ нимъ ссорится и мирится; общество ему покорно. Европа ѣдетъ въ Ферней на поклонъ. Вольтеръ умираетъ, благословивъ внука Франклина и привѣтствуя Новый Свѣтъ словами, дотолѣ неслыханными.

Общество созрѣло для великаго разрушенія. Все еще спокойно, но уже голосъ молодаго Ми-

рабо, подобно отдаленной бурѣ, глухо гремитъ изъ глубины темницъ, по которымъ онъ скитается.

Смерть Вольтера не останавливаетъ тока. Бомарше влечетъ на сцену и терзаетъ все, что еще почитается неприкосновеннымъ. Министры Людовика XVI нисходятъ на арену спорить съ писателями. Старая академія, созданная Людовикомъ XIV, хохочетъ и рукоплещетъ. Слѣды великаго вѣка (какъ называли французы вѣкъ Людовика XIV) исчезаютъ. Древность осмѣяна, обругана; поэзія истощается, превращается въ мелочныя игрушки остроумія; романъ дѣлается скучною проповѣдью или галлереею соблазнительныхъ картинъ...

Европа, очарованная, оглушенная славою французскихъ писателей, преклоняетъ къ нимъ подобострастное вниманіе. Германскіе профессора съ высоты каѳедры провозглашаютъ правила французской критики. Англія слѣдуетъ за Франціею на поприще философіи; поэзія въ отечествѣ Шекспира и Мильтона становится суха и ничтожна, какъ и во Франціи; Ричардсонъ, Фильдингъ и Стернъ поддерживаютъ славу прозаическихъ сочиненій; Италія отрекается отъ Данте; Metastasio подражаетъ Расину.

Обратимся къ Россіи.

ВСТУПЛЕНІЕ.

I. Отчужденіе Россіи отъ Европы.

Долго Россія была совершенно отдѣлена отъ судебъ Европы.[1] Ея широкія равнины поглотили силу монголовъ и остановили ихъ разрушительное нашествіе. Варвары, не осмѣлясь оставить у себя въ тылу порабощенную Русь, возвратились въ степи своего Востока. Христіанское просвѣщеніе было спасено истерзанной и издыхающей Россіей, а не Польшей, какъ еще недавно утверждали европейскіе журналы: но Европа, въ отношеніи Россіи, всегда была столь же невѣжественна, какъ и неблагодарна.

Духовенство, пощаженное удивительной смѣтливостію татаръ, одно, въ теченіе двухъ мрачныхъ столѣтій, питало искры блѣдной византійской образованности. Въ безмолвіи монастырей иноки вели свои безпрерывныя лѣтописи; архіереи въ посланіяхъ своихъ бесѣдовали съ князьями и боярами въ тяжкія времена искушеній и безнадежности. Но духовная жизнь порабощеннаго народа не развивалась. Великая эпоха Возрожденія не имѣла на нее никакого вліянія, рыцарство не одушевило чистыми вос-

[1] Зачеркнуто: „Она совершила свое предназначеніе. Съ XI вѣка, принявъ христіанство изъ Византіи, она не участвовала въ умственной дѣятельности католическаго міра въ эпоху Возрожденія латинской Европы“.

торгами, и благодѣтельныя потрясенія крестовыхъ походовъ не отозвались въ краяхъ печальнаго Сѣвера. Нашествіе татаръ не было, подобно наводненію мавровъ, плодотворнымъ: татары не принесли намъ ни алгебры, ни поэзіи. Нѣсколько сказокъ и пѣсенъ, безпрестанно поновляемыхъ изустнымъ преданіемъ, сохранили драгоцѣнныя полуизглаженныя черты народности, и Слово о Полку Игоревѣ возвышается уединеннымъ памятникомъ въ пустынѣ нашей словесности.

II. Ничтожество древнихъ нашихъ памятниковъ.

Боярство домогалось аристократіи. Два великана—Іоаннъ III и Іоаннъ IV. Едва Россія успѣла свергнуть съ себя иго татарское, и уже ей были нужны всѣ возрождающіяся ея силы, дабы противоборствовать Польшѣ. Царская власть ополчилась на боярство; вожди сихъ различныхъ усилій, цари и бояре, согласны были въ одномъ: въ необходимости сблизить Россію съ Европой; отселѣ сношенія Ивана Васильевича съ Англіей, переписка Годунова съ [Даніей], условія, подписанныя польскимъ королевичемъ аристократіи XVII столѣтія, посольства Алексѣя Михайловича (во Францію, къ Людовику XIV). Наконецъ—крутой и кровавый переворотъ, произведенный мощнымъ самодержавіемъ Петра.

Россія вошла въ Европу, какъ спущенный корабль, при стукѣ топора и при громѣ пушекъ. Предпринятыя Петромъ войны были благодѣтельны и плодотворны какъ для Россіи, такъ и для человѣчества. Успѣхъ петровскаго преобразованія былъ слѣдствіемъ Полтавской битвы, и европейское просвѣщеніе причалило къ берегамъ завоеванной Невы.

Петръ не успѣлъ довершить многое, начатое имъ. Онъ умеръ въ порѣ мужества, во всей силѣ творческой своей дѣятельности, еще только въ полъ-ножны вложивъ побѣдительный свой мечъ. Онъ умеръ, но движеніе, переданное мощною его рукою, долго продолжалось въ огромныхъ составахъ государства. Даже мѣры революціонныя, предпринятыя имъ по необходимости въ минуту [борьбы] и которыя потомъ не успѣлъ онъ отмѣнить, надолго еще возымѣли силу закона. Напримѣръ: дворянство, даруемое порядкомъ службы, мимо верховной власти; преимущества, данныя чиновникамъ (замѣчательный неуспѣхъ).

Петръ Великій бросилъ на словесность взоръ разсѣянный, но проницательный. Онъ возвысилъ Ѳеофана, ободрилъ Копіевича, наказалъ Татищева за его легкомысліе, угадалъ Тредьяковскому, вѣчному труженику, печальную его участь, безсиліе и трудолюбіе.

III. Просвѣщеніе Россіи.

Крутой переворотъ, произведенный мощнымъ самодержавіемъ Петра, ниспровергнулъ все старое, и европейское вліяніе разлилось по всей Россіи. Голландія и Англія образовали наши флоты, Пруссія—наши войска. Лейбницъ начерталъ планъ гражданскихъ учрежденій.

Но сѣмена просвѣщенія были посѣяны. Петръ I былъ нетерпѣливъ; ставъ главою новыхъ идей, онъ, можетъ быть, далъ слишкомъ крутой оборотъ огромнымъ колесамъ государства.

Въ общемъ презрѣніи ко всему народному включена и народная поэзія, столь живо проявившаяся въ грустныхъ народныхъ пѣсняхъ, въ сказкахъ и въ лѣтописяхъ.

Новая словесность — отголосокъ новообразованнаго общества. Сынъ молдавскаго господаря, юноша, обрусѣвшій въ походахъ Петровыхъ, въ Парижѣ перекладывалъ стихи Горація и писалъ сатиры по образцу, данному придворнымъ поэтомъ Людовика XIV, между тѣмъ какъ сынъ холмогорскаго рыбака скитался по германскимъ университетамъ, вслушивался въ уроки Готшеда и передавалъ звучному русскому языку отголоски нѣмецкой поэзіи.

Наслѣдники Великаго пошли суевѣрно по его слѣдамъ. Но интриги Меншикова, пронырство

Долгорукихъ, тайный заговоръ стариннаго боярства, наконецъ притѣсненнаго мощною рукою Бирона, слишкомъ занимали русское дворянство. Наконецъ воцарилась Елисавета. При ней рождается русская словесность.

Но приступая къ описанію словесности русской, мы должны будемъ изслѣдовать и ту словесность иноземную, которая имѣла на нее долгое, рѣшительное вліяніе.

~ Приступая къ изученію нашей словесности, мы хотѣли бы обратиться назадъ и взглянуть съ любопытствомъ и благоговѣніемъ на ея старинные памятники, сравнить ихъ съ этою бездной поэмъ, романсовъ ироическихъ, и любовныхъ, и простодушныхъ, и сатирическихъ, коими наводнены европейскія литературы среднихъ вѣковъ. Въ сихъ первоначальныхъ играхъ творческаго духа намъ пріятно было бы наблюдать исторію нашего народа, сравнить вліяніе завоеванія скандинавскаго съ завоеваніемъ мавровъ. Мы бы увидѣли разницу между простодушною сатирою французскаго трувёра и лукавой насмѣшливостію скомороха, между площадной, полудуховной мистеріей и затѣями нашей старой комедіи. Но, къ сожалѣнію, старой словесности у насъ не существуетъ, за нами степь— и на ней возвышается единственный памятникъ: Пѣснь о Полку Игоревѣ.

~ Кантемиръ. Ломоносовъ. Тредьяковскій.

Вліяніе Кантемира уничтожается Ломоносовымъ. Вліяніе Тредьяковскаго уничтожается его бездарностью. Постоянное бореніе Тредьяковскаго. Онъ побѣжденъ. Сумароковъ. Екатерина (Вольтеръ). Фонвизинъ. Державинъ.

Начало русской словесности; Кантемиръ въ Парижѣ обдумываетъ свои сатиры, переводитъ Горація, умираетъ 28-ми лѣтъ. Ломоносовъ, плѣненный гармоніею риѳмы, пишетъ въ первой своей молодости оду, исполненную живости etc., и обращается къ точнымъ наукамъ, dégoûté славою Сумарокова. Сумароковъ въ сіе время. Тредьяковскій—одинъ, понимающій свое дѣло....

Ничтожество общее. Французская обмельчавшая словесность envahit tout. Знаменитые писатели не имѣютъ ни одного послѣдователя въ Россіи, но бездарные писаки—грибы, выросшіе у корней дубовъ: Доратъ, Флоріанъ, Мармонтель, Гимаръ, М-me Жанлисъ, овладѣваютъ русской словесностію...

О повѣстяхъ Павлова (1835).

Три повѣсти г. Павлова очень замѣчательны и имѣли успѣхъ вполнѣ заслуженный. Онѣ разсказаны съ большимъ искусствомъ, слогомъ, къ которому не пріучили насъ записные наши романисты. Повѣсть Именины, не смотря на свою занимательность, представляетъ нѣкоторыя несообразности. Идеализированное лакейство имѣетъ въ себѣ что-то неестественное, непріятное для здраваго вкуса. Можетъ быть, это же самое происшествіе представляло въ разительной простотѣ своей сильнѣйшія краски и положенія болѣе драматическія, но требовало и кисти болѣе сильной и болѣе глубины въ знаніи человѣческаго сердца. Аукціонъ есть очень милая шутка, легкая картинка, въ которой оригинально вмѣщены три или четыре лица. А я на аукціонъ, а я съ аукціона—черта истинно комическая.

Объ Ятаганѣ скажемъ то же, что и объ Именинахъ. Занимательность этой повѣсти не извиняетъ несообразности. Развязка несбыточна, или, по крайней мѣрѣ, есть анахронизмъ. За то всѣ лица живы и дѣйствуютъ и говорятъ каждый, какъ ему свойственно и говорить, и дѣйствовать. Въ слогѣ г. Павлова, чистомъ и свободномъ,

изрѣдка отзывается манерность въ описаніяхъ, близорукая мелочность нынѣшнихъ французскихъ романистовъ. Г. Павлова такъ расхвалили въ „Московскомъ Наблюдателѣ“, что мы въ сихъ строкахъ хотѣли ограничить наши замѣчанія одними порицаніями, но въ заключеніе должны сказать, то г. Павловъ первый у насъ написалъ истинно занимательные разсказы. Книга его принадлежитъ къ числу тѣхъ, отъ которыхъ, по выраженію одной дамы, забываютъ даже обѣдать.

Талантъ г. Павлова выше его произведеній. Въ доказательство привожу одно мѣсто, гдѣ чувство истины увлекло автора даже противу его воли. Въ *Именинахъ*, не смотря на то, что выслужившійся офицеръ видимо герой, авторъ далъ ему черты, обнаруживающія холопа.[1]

Объ исторіи поэзіи Шевырева (1835).

Исторія поэзіи — явленіе утѣшительное, книга важная!

Россія, по своему положенію географическому и политическому etc., есть судилище, приказъ

[1] Здѣсь Пушкинымъ замѣчено: (выписки), не выписокъ не сдѣлано.

Европы. Nous sommes les grands jugeurs. Безпристрастіе и здравый смыслъ нашихъ сужденій касательно того, что̀ дѣлается не у насъ, удивительны. Примѣръ тому.

Критика литературная у насъ ничтожна: почему? потому что въ ней требуется не одного здраваго смысла, но любви къ наукѣ. Взглядъ на нашу критику; Мерзляковъ, Шишковъ, Дашковъ etc.

Шевыревъ при самомъ вступленіи своемъ обѣщаетъ не слѣдовать ни эмпирической системѣ французской критики, ни отвлеченной философіи нѣмцевъ. Онъ избираетъ способъ изложенія историческій—и подѣломъ: такимъ образомъ придаетъ онъ наукѣ заманчивость разсказа.

Критикъ приступаетъ къ исторіи западной словесности.

Въ Италіи видитъ онъ чувственность римскую, побѣжденную христіанствомъ, обрѣтающую покровительство религіи, воскресшую въ художествахъ, покорившую своему роскошному вліянію строгій каѳолицизмъ и снова овладѣвшую своей отчизною.

Въ Испаніи признаетъ онъ то же начало, но встрѣчаетъ мавровъ и видитъ въ ней магометанское направленіе (? не магометанское, а...).

Оставляя роскошный югъ, Шевыревъ переходитъ къ сѣвернымъ народамъ, рабамъ нужды, пасынкамъ природы.

Въ туманной Англіи видитъ онъ нужду, развивающую богатство, промышленность, трудъ, изученіе, литературу безъ преданій, вещественность.

Въ германскихъ священныхъ лѣсахъ открываетъ онъ уже стремленіе къ отвлеченности, къ уединенію, къ феодальному разъединенію, которыя и донынѣ господствуютъ въ политической системѣ Германіи и въ системахъ ея мыслителей, и при дворахъ ея князей, и на каѳедрахъ ея профессоровъ.

Францiя, средоточіе Европы, представительница жизни общественной, жизни—все вмѣстѣ—эгоистической и народной. Въ ней науки и поэзія не цѣли, а средства. Народъ (der Herr Omnis) властвуетъ въ ней отвратительною властію демократіи. Въ немъ всѣ признаки невѣжества, презрѣнія къ чужому, une marque pétulante et tranchante, etc.

Девизъ Россіи—suum cuique...

СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ ИЗЪ „СОВРЕМЕННИКА" 1836 ГОДА

О сочиненіяхъ Георгія Конискаго. [Кн. I].

Георгій Конискій извѣстенъ у насъ краткою рѣчью, которую произнесъ онъ въ Мстиславлѣ императрицѣ Екатеринѣ во время ея путешествія въ 1787 году: „Оставимъ астрономамъ..." и проч. Рѣчь сія, прославленная во всѣхъ нашихъ реторикахъ, не что иное, какъ остроумное привѣтствіе и заключаетъ въ себѣ игру выраженій, можетъ быть, слишкомъ затѣйливую; по нашему мнѣнію, привѣтствіе, коимъ высокопреосвященный Филаретъ встрѣтилъ государя императора, пріѣхавшаго въ Москву въ концѣ 1830 года, въ своей умилительной простотѣ заключаетъ гораздо болѣе краснорѣчія. Впрочемъ, различіе обстоятельствъ изъясняетъ и различіе чувствъ, выражаемыхъ обоими ораторами. Императрица путешествовала, окруженная всею пышностію двора своего, встрѣчаемая всюду торжествами и празднествами; государь посѣтилъ Москву, опустошаемую заразой, пораженную скорбью и ужасомъ.

Но Георгій есть одинъ изъ самыхъ достопа-

мятныхъ мужей минувшаго столѣтія. Жизнь его принадлежитъ исторіи. Онъ вступилъ въ управленіе своею епархіею, когда Бѣлруссія находилась еще подъ игомъ Польши. Православіе было гонимо католическимъ фанатизмомъ. Церкви наши стояли пусты, или отданы были уніатамъ. Миссіонеры насильно гнали народъ въ уніатскіе костелы, ругались надъ ослушниками, сѣкли ихъ, заключали въ темницы, томили голодомъ, отымали у нихъ дѣтей, дабы воспитывать ихъ въ своей вѣрѣ, уничтожали браки, совершенные по обрядамъ нашей церкви, ругались надъ могилами православныхъ. Георгій искалъ защиты у русскаго правительства; онъ доносилъ обо всемъ святѣйшему сѵноду и жаловался нашему посланнику, находившемуся въ Варшавѣ. Ревность его пуще озлобила гонителей. Доминиканецъ Овлачинскій, прославившійся ненавистію къ нашей церкви, замыслилъ принести Георгія въ жертву своему изувѣрству. Въ 1759 году Георгій, презирая опасности, ему угрожающія, поѣхалъ обозрѣвать сѣтующую свою епархію. Овлачинскій и миссіонеры возмутили въ Оршѣ шляхту и жолнеровъ. Они разогнали народъ, вышедшій съ хоругвями на встрѣчу своему архипастырю, остановили колокольный звонъ и съ воплемъ ворвались въ церковь, гдѣ Георгій священнодѣйствовалъ. Преосвященный едва успѣлъ спастись отъ ихъ сабель въ стѣ-

нахъ Кутеинскаго монастыря, откуда тайно вывезли его въ телегѣ, прикрывъ навозомъ. Другой изувѣръ, свирѣпый Зеновичъ, предводительствуя іезуитскими воспитанниками, ночью въ Могилевѣ напалъ на архіерейскій домъ. Буйные молодые люди вломились въ ворота, перебили окна, ранили нѣсколько монаховъ, семинаристовъ и слугъ; но, къ счастію, не нашли Георгія, скрывшагося въ подвалахъ своего дома.

Дерзость гонителей часъ отъ часу усиливалась. Польское правительство имъ потворствовало. Миссіонеры своевольничали, поносили православную церковь, лестью и угрозами преклоняли къ уніи не только простой народъ, но и священниковъ. Георгій снова жаловался Россіи. Императрица Елисавета Петровна, передъ самой своей кончиною, и государь Петръ III, при своемъ восшествіи на престолъ, требовали отъ польскаго двора, чтобъ гоненія надъ нашими единовѣрцами были прекращены; но избавленіе православія предоставлено было Екатеринѣ II.

Георгій предсталъ передъ нею въ 1762 году въ Москвѣ, когда она короновалась, и вслѣдъ за русскимъ духовенствомъ принесъ ей, вмѣстѣ съ поздравленіями, тихія сѣтованія народа, издревле намъ роднаго, но отчужденнаго отъ Россіи жребіями войны. Екатерина съ глубокимъ вниманіемъ выслушала печальную рѣчь представителя будущихъ ея подданныхъ, и когда,

нѣсколько времени спустя, святѣйшій сѵнодъ думалъ вызвать Георгія и поручить въ его управленіе псковскую епархію, императрица на то не согласилась и сказала: „Георгій нуженъ въ Польшѣ.“

Въ 1765 Георгій явился въ Варшавѣ и предъ трономъ Станислава съ жаромъ заступился за тѣхъ, которые именовались еще подданными Польши. Король пораженъ былъ его словами. Онъ обѣщалъ свое покровительство диссидентамъ, и въ слѣдующемъ году дѣйствительно повелѣлъ „уніатскимъ архіереямъ, изъ среды своей избравъ одного епископа, прислать въ Варшаву, для изысканія и постановленія надлежащихъ мѣръ ко взаимному успокоенію враждующихъ.“ Но гордые польскіе магнаты, презрѣвъ посредничество Россіи и Пруссіи, отвергли справедливыя требованія диссидентовъ. Вслѣдствіе сего Екатерина повелѣла своимъ войскамъ двинуться къ Варшавѣ. Тамъ, за оградою русскихъ штыковъ, созванъ былъ сеймъ, учреждена согласительная комиссія, и диссидентамъ возвращены ихъ прежнія права.

Георгій, одинъ изъ первыхъ членовъ Слуцкой конфедераціи, опредѣленъ былъ въ члены сей комиссіи. Онъ опять отправился въ Варшаву и дѣятельно занялся объясненіемъ древнихъ грамотъ, на коихъ основаны были права диссидентовъ. Онъ умѣлъ пріобрѣсти уваженіе своихъ

противниковъ и даже ихъ довѣренность. „Мы за вами еще живемъ,“ сказалъ однажды ему уніатскій епископъ Шептицкій: „а когда католики васъ догрызутъ, то примутся и за насъ.“ Уніаты втайнѣ готовы были отложиться отъ папы и снова соединяться съ греко-россійскою церковью. Между тѣмъ Барская конфедерація, поддерживаемая политикою Шуазёля, воспламенила новую войну. Слѣдствіемъ оной былъ первый раздѣлъ Польши. Семь областей, древнее достояніе нашего отечества, были ему возвращены— и въ 1773 году Георгій явился предъ Екатериною уже какъ подданный, радостно привѣтствуя избавительницу и законную владычицу Бѣлоруссіи.

Съ тѣхъ поръ Георгій могъ спокойно посвятить себя на управленіе своею епархіею. Просвѣщеніе духовенства, ему подвластнаго, было главною его заботою. Онъ учреждалъ училища, безпрестанно поучалъ свою паству, а часы досуга посвящалъ ученымъ занятіямъ. Онъ умеръ въ 1795 году, будучи семидесяти семи лѣтъ отъ роду.

Нынѣ протоіерей І. Григоровичъ издалъ собраніе сочиненій Георгія Конискаго, присовокупивъ къ книгѣ своей любопытное и прекрасно изложенное жизнеописаніе Георгія Конискаго.

Проповѣди Георгія просты, и даже нѣсколько грубы, какъ поученія старцевъ первоначаль-

ныхъ; но ихъ искренность увлекательна. Политическія рѣчи его имѣютъ большое достоинство. Лучшая изъ нихъ произнесена Екатеринѣ, по совершеніи ея коронованія. Помѣщаемъ здѣсь нѣсколько изъ его отдѣльныхъ мыслей.

[Въ „Современ." приведены обширныя выписки, № 1, стр. 89—95].

Конискій написалъ также нѣсколько стихотвореній русскихъ, польскихъ и латинскихъ. Въ художественномъ отношеніи они имѣютъ мало достоинства, хотя въ нихъ и виденъ духъ мыслящій. Слѣдующая элегія показалась намъ достопримѣчательна:

Серпа ожидаютъ созрѣлые класы;
А намъ вѣстники смерти — сѣдые власы и пр.

Но главное произведеніе Конискаго остается до сихъ поръ неизданнымъ: Исторія Малороссіи извѣстна только въ рукописи. Георгій написалъ ее съ цѣлію государственною. Когда императрица Екатерина учредила комиссію о составленіи новаго уложенія, тогда депутатъ малороссійскаго шляхетства Андрей Григорьевичъ Полетика обратился къ Георгію, какъ человѣку, свѣдущему въ старинныхъ правахъ и постановленіяхъ сего края. Конискій, справедливо полагая, что одна только исторія народа можетъ объяснить истинныя требованія онаго, принялся за свой важный трудъ и совершилъ его съ удивительнымъ успѣхомъ. Онъ сочеталъ

поэтическую свѣжесть лѣтописи съ критикой, необходимой въ исторіи. Не говорю здѣсь о нѣкоторыхъ этнографическихъ и этимологическихъ объясненіяхъ, помѣщенныхъ имъ въ началѣ его книги, которыя перенесъ онъ въ исторію изъ хроники, не видя въ нихъ никакой существенной важности и не находя нужнымъ противорѣчить общепринятымъ въ то время понятіямъ. Подъ словомъ критики я разумѣю глубокое изученіе достовѣрныхъ событій и ясное, остроумное изложеніе ихъ истинныхъ причинъ и послѣдствій.

Смѣлый и добросовѣстный въ своихъ показаніяхъ, Конискій не чуждъ нѣкотораго невольнаго пристрастія. Ненависть къ изувѣрству католическому и угнетеніямъ, коимъ онъ самъ такъ дѣятельно противился, отзывается въ краснорѣчивыхъ его повѣствованіяхъ. Любовь къ родинѣ часто увлекаетъ его за предѣлы строгой справедливости. Должно замѣтить, что чѣмъ ближе подходитъ онъ къ настоящему времени, тѣмъ искреннѣе, небрежнѣе и сильнѣе становится его разсказъ. Онъ любитъ говорить о подробностяхъ войны и описываетъ битвы съ удивительною точностію. Видно, что сердце дворянина еще бьется въ немъ подъ иноческою рясою (Конискій происходилъ отъ стариннаго шляхетскаго роду, и этимъ вовсе не пренебрегалъ, какъ видно даже изъ эпитафіи,

вырѣзанной надъ его гробомъ и сочиненной имъ самимъ). Множество мѣстъ въ Исторіи Малороссіи суть картины, начертанныя кистію великаго живописца. Дабы дать о немъ нѣкоторое понятіе тѣмъ, которые еще не читали его, помѣщаемъ здѣсь два отрывка изъ его рукописи.

[Выписаны: „Введеніе уніи“ и „Казнь Остраницы“, см. „Исторію Руссовъ“, стр. 40—42 и 53—57].

Какъ историкъ, Георгій Конискій еще не оцѣненъ по достоинству, ибо счастливый мадригалъ приноситъ иногда болѣе славы, нежели созданіе истинно высокое, рѣдко понятное для записныхъ цѣнителей ума человѣческаго и мало доступное для большаго числа читателей.

Протоіерей І. Григоровичъ, издавъ сочиненія великаго архіепископа Бѣлоруссіи, оказалъ обществу важную услугу. Будемъ надѣяться, что и великій историкъ Малороссіи найдетъ себѣ наконецъ столь же достойнаго издателя.

Вастола, или желанія. Повѣсть въ стихахъ Виланда, издалъ А. Пушкинъ. [Кн. I].

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ дано было почувствовать, что издатель Вастолы хотѣлъ присвоить себѣ чужое произведеніе, выставя свое имя на книгѣ, имъ изданной. Обвиненіе несправедливое: печатать чужія произведенія съ согласія или по просьбѣ автора до сихъ поръ никому не воспрещалось. Это называется из-

давать; слово ясно; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ другаго не придумано.

Въ томъ же журналѣ сказано было, что „Вастола" переведена какимъ-то бѣднымъ литераторомъ, что А. С. П. только далъ ему на прокатъ свое имя, и что лучше бы сдѣлалъ, давъ ему изъ своего кармана тысячу рублей.

Переводчикъ Виландовой поэмы, гражданинъ и литераторъ заслуженный, почтенный отецъ семейства, не могъ ожидать нападенія столь жестокаго. Онъ человѣкъ небогатый, но честный и благородный. Онъ могъ поручить другому пріятный трудъ издать свою поэму, но конечно бы не принялъ милостыни, отъ кого бы то ни было.

Послѣ таковаго объясненія не можемъ рѣшиться здѣсь наименовать настоящаго переводчика. Жалѣемъ, что искреннее желаніе ему услужить могло подать поводъ къ намекамъ, столь оскорбительнымъ.

Вечера на хуторѣ, изданіе 2-е. [Кн. I].

Читатели наши конечно помнятъ впечатлѣніе, произведенное надъ ними появленіемъ „Вечеровъ на хуторѣ". Всѣ обрадовались этому живому описанію племени поющаго и пляшущаго, этимъ свѣжимъ картинамъ малороссійской природы, этой веселости, простодушной

и вмѣстѣ лукавой. Какъ изумились мы русской книгѣ, которая заставляла насъ смѣяться, мы, не смѣявшіеся со временъ Фонвизина! Мы такъ были благодарны молодому автору, что охотно простили ему неровность и неправильность его слога, безсвязность и неправдоподобіе нѣкоторыхъ разсказовъ, предоставя сіи недостатки на поживу критики. Авторъ оправдалъ таковое снисхожденіе. Онъ съ тѣхъ поръ непрестанно развивался и совершенствовался. Онъ издалъ „Арабески", гдѣ находится его „Невскій проспектъ", самое полное изъ его произведеній. Вслѣдъ за тѣмъ явился „Миргородъ", гдѣ съ жадностію всѣ прочли и „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ", эту шутливую, трогательную идиллію, которая заставляетъ васъ смѣяться сквозь слезы грусти и умиленія, и „Тараса Бульбу", коего начало достойно Вальтеръ-Скотта. Г. Гоголь идетъ еще впередъ. Желаемъ и надѣемся имѣть часто случай говорить о немъ въ нашемъ журналѣ.[1]

Къ разсказу: Долина Ажитугай.

Вотъ явленіе, неожиданное въ нашей литературѣ! Сынъ полудикаго Кавказа становится въ

[1] На дняхъ будетъ представлена на здѣшнемъ театрѣ его комедія Ревизоръ — А. П. — О первомъ изданіи „Вечеровъ" см. письмо къ А. Ѳ. Воейкову, въ VIII т.

ряды нашихъ писателей; черкесъ изъясняется на русскомъ языкѣ свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотѣли перемѣнить въ предлагаемомъ отрывкѣ; любопытно видѣть, какъ Султанъ Казы-Гирей (потомокъ крымскихъ Гиреевъ), видѣвшій вблизи роскошную образованность, остался вѣренъ привычкамъ и преданіямъ наслѣдственнымъ; какъ русскій офицеръ помнитъ чувства ненависти къ Россіи, волновавшія его отроческое сердце; какъ наконецъ магометанинъ съ глубокой думою смотритъ на крестъ, эту хоругвь Европы и просвѣщенія.

Россійская Академія. [Кн. II].

18-го января нынѣшняго года россійская академія была удостоена присутствія его свѣтлости принца Петра Ольденбургскаго, избраннаго ею въ почетные члены. Непремѣнный секретарь, Д. И. Языковъ, открылъ засѣданіе чтеніемъ краткой исторіи академіи.

Екатерина II основала россійскую академію въ 1783 году и повелѣла княгинѣ Дашковой быть предсѣдателемъ оной.

Екатерина, стремившаяся во всемъ установить законъ и незыблемый порядокъ, хотѣла дать уложеніе и русскому языку. Академія, повинуясь ея наказу, тотчасъ приступила къ составленію словаря. Императрица приняла въ

немъ участіе не только словомъ, но и дѣломъ. Часто освѣдомлялась она объ успѣхѣ начатаго труда, и нѣсколько разъ слыша, что словарь доведенъ до буквы Нашъ, сказала однажды съ видомъ нѣкотораго нетерпѣнія: „все Нашъ да Нашъ! когда же вы мнѣ скажете: вашъ?“ Академія удвоила стараніе. Черезъ нѣсколько времени на вопросъ императрицы: что́ словарь? отвѣчали ей, что академія дошла до буквы Покой. Императрица улыбнулась и замѣтила, что академіи пора было бы покой оставить.

Не смотря на сіи шутки, академія должна была изумить государыню поспѣшнымъ исполненіемъ ея воли: словарь оконченъ былъ въ теченіе шести лѣтъ.[1] Карамзинъ справедливо

[1] Французская академія, основанная въ 1634 году, и съ тѣхъ поръ безпрерывно занимавшаяся составленіемъ своего словаря, издала оный не прежде, какъ въ 1694 году. Словарь обветшалъ, пока еще надъ нимъ трудились, говоритъ Вильменъ. Стали его передѣлывать. Прошло нѣсколько лѣтъ, и все еще академія пересматривала букву А. Дѣятельный Кольберъ, удивлявшійся такой медленности, пріѣхалъ однажды въ собраніе академіи. Разбирали слово ami. Но были такіе споры о точномъ опредѣленіи онаго; разсуждали съ такою утонченностію о томъ, что въ словѣ ami предполагается ли свѣтская обязанность, или сердечное отношеніе; чувство раздѣленное, или одно наружное изъявленіе, или усердіе безъ вознагражденія, что министръ, у коего при дворѣ такъ много друзей, признался, что онъ болѣе ужь не удивляется медленности и затрудненіямъ академіи. —А. П.

удивляется такому подвигу. „Полный словарь, изданный академіей, говоритъ онъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ феноменовъ, коими Россія удивляетъ внимательныхъ иноземцевъ; наша, безъ сомнѣнія, счастливая судьба во всѣхъ отношеніяхъ есть какая-то необыкновенная скорость: мы зрѣемъ не вѣками, а десятилѣтіями. Италія, Франція, Англія, Германія славились уже многими великими писателями, еще не имѣя словаря: мы имѣли церковныя, духовныя книги; имѣли стихотворцевъ, писателей, но только одного истинно классическаго (Ломоносова), и представили систему языка, которая можетъ равняться съ знаменитыми твореніями академій флорентинской и парижской."

Многіе изъ членовъ академіи участвовали въ изданіи Собесѣдника любителей россійскаго слова. „Слѣдующее происшествіе, говоритъ г. Языковъ, достойно быть сохранено въ памяти: Фонвизинъ доставилъ въ „Собесѣдникъ" статью подъ названіемъ: „Нѣсколько вопросовъ, могущихъ возбудить въ умныхъ и честныхъ людяхъ особливое вниманіе." Вопросы явились въ „Собесѣдникѣ" съ весьма остроумными отвѣтами. Приведемъ здѣсь нѣкоторые.

В. Отчего всѣ въ долгахъ?

О. Оттого, что проживаютъ болѣе, нежели дохода имѣютъ.

В. Отчего не только въ Петербургѣ, но и въ самой Москвѣ, перевелись общества между благородными?

О. Отъ размноженія клубовъ.

В. Отчего главное стараніе большей части дворянъ состоитъ не въ томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать дѣтей своихъ людьми, а въ томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать ихъ гвардіи унтеръ-офицерами?

О. Оттого, что одно легче другаго.

В. Отчего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?

О. Оттого, что сіе не есть дѣло всякаго.

В. Отчего у насъ не стыдно не дѣлать ничего?

О. Сіе не ясно: стыдно дѣлать дурное, а въ обществѣ жить не есть не дѣлать ничего.

В. Отчего у насъ начинаются дѣла съ великимъ жаромъ и пылкостію, потомъ оставляются, а нерѣдко и совсѣмъ забываются?

О. По той же причинѣ, по которой человѣкъ старѣется.

В. Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ?

О. Въ остромъ и скоромъ понятіи всего, въ образцовомъ послушаніи и въ корнѣ всѣхъ добродѣтелей, отъ Творца человѣку данныхъ.

В. Отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ и весьма большіе?

О. Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли.

NB. Сей вопросъ родился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли.

Сіи отвѣты писаны самой императрицей.

Подъ предсѣдательствомъ А. А. Нартова (1802—1813) академія издала:

1) Грамматику россійскую. 2) Сочиненія и переводы академіи. 3) Словарь, расположенный по азбучному порядку. 4) Переводъ лѣтописи Тацитовой. 5) Переводъ путешествія Младшаго Анахарсиса.

Въ 1813 году, по смерти Нартова, А. С. Шишковъ, бывшій въ то время за границей съ государемъ императоромъ, назначенъ предсѣдателемъ россійской академіи. Подъ его руководствомъ академія издала слѣдующія книги:

1) Извѣстія академіи, 11 книжекъ (1815—1823). 2) Повременное изданіе, 4 части (1829—1832). 3) Краткія записки, 3 книжки (1834—1836). 4) Квинтиліановы критическія наставленія (1834). 5) Собраніе сочиненій и переводовъ А. С. Шишкова, 16 частей.

Нынѣ академія приготовляетъ третье изданіе своего словаря, коего распространеніе часъ отъ часу становится необходимѣе. Прекрасный нашъ языкъ, подъ перомъ писателей неученыхъ и неискусныхъ, быстро клонится къ паденію. Слова искажаются, грамматика колеблется. Орѳографія, сія геральдика языка, измѣняется по произволу всѣхъ и каждаго.

Вслѣдъ за непремѣннымъ секретаремъ, преосвященный Филаретъ представилъ отрывокъ изъ рукописи 1073 года, писанной для великаго князя Святослава и хранящейся нынѣ въ московской сѵнодальной библіотекѣ.

Непремѣнный секретарь прочелъ главу II изъ устава академіи и слѣдующій отрывокъ изъ всеподданнѣйшаго доклада президента академіи, при поднесеніи на высочайшее усмотрѣніе проекта устава:

„Академія есть стражъ языка: и потому должно ей со всевозможною къ общей пользѣ ревностію вооружаться противъ всего несвойственнаго, чуждаго, невразумительнаго, темнаго, безнравственнаго въ языкѣ. Но сіе вооруженіе ея долженствуетъ быть на единой пользѣ словесности основанное, кроткое, правдивое, безъ лицепріятія, безъ нападеній и потворства, не похожее на тѣ предосудительныя сочиненія, въ которыхъ, подъ мнимымъ разборомъ, пристрастное невѣжество или злость расточаютъ недостойныя похвалы или язвительныя хулы безъ всякой истины и доказательствъ, въ коихъ однихъ заключается достоинство и польза сего рода писаній.“

За симъ дѣйствительный членъ М. Е. Лобановъ занялъ собраніе чтеніемъ мнѣнія своего: О духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной. Мнѣніе сіе заслуживаетъ особеннаго разбора, какъ по своей сущности, такъ и по важности мѣста, гдѣ оное было произнесено.

В. А. Полѣновъ прочелъ: Краткое жизнеописаніе И. И. Лепехина, перваго непремѣннаго секретаря россійской академіи: статью дѣльную, полную, прекрасно изложенную, словомъ истинно академическую.

Послѣ сего дѣйствительные члены: М. Е. Лобановъ, князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ и Б. М. Федоровъ читали, одинъ послѣ другаго, сочиненія своего стихи.

Наконецъ князь Ширинскій-Шихматовъ прочелъ написанную г. президентомъ краткую

статью подъ заглавіемъ: Нѣчто о Карамзинѣ. Невозможно было безъ особеннаго чувства слышать искреннія, простыя похвалы, воздаваемыя почтеннымъ старцемъ великому писателю... При семъ случаѣ А. С. Шишковъ упомянулъ о пребываніи Карамзина въ Твери въ 1811 году, при дворѣ блаженной памяти государыни великой княгини Екатерины Павловны, матери его свѣтлости принца Петра Ольденбургскаго. Извѣстно, что Карамзинъ читалъ тогда въ присутствіи покойнаго государя и августѣйшей сестры его нѣкоторыя главы Исторіи Государства Россійскаго. „Вы слушали“, пишетъ исторіографъ въ своемъ посвященіи, „съ восхитительнымъ для меня вниманіемъ; сравнивали давно минувшее съ настоящимъ и не завидовали славнымъ опасностямъ Димитрія, ибо придвидѣли для себя еще славнѣйшія.“ Пребываніе Карамзина въ Твери ознаменовано еще однимъ обстоятельствомъ, важнымъ для друзей его славной памяти, неизвѣстнымъ еще для современниковъ. По вызову государыни великой княгини, женщины съ умомъ необыкновенно возвышеннымъ, Карамзинъ написалъ свои мысли: „О древней и новой Россіи,“ со всею искренностію прекрасной души, со всею смѣлостію убѣжденія сильнаго и глубокаго. Государь прочелъ эти краснорѣчивыя страницы... прочелъ, и остался по прежнему милостивъ и благосклоненъ къ

прямодушному своему подданному. Когда нибудь потомство оцѣнитъ и величіе государя, и благородство патріота...

Засѣданіе 18 января 1836 года будетъ памятно въ лѣтописяхъ россійской академіи.

Записки Н. А. Дуровой, издаваемыя А. Пушкинымъ.

Modo vir, modo foemina. — Ov.

Въ 1808 году молодой мальчикъ, по имени Александровъ, вступилъ рядовымъ въ конно-польскій уланскій полкъ, отличился, получилъ за храбрость солдатскій георгіевскій крестъ, и въ томъ же году произведенъ былъ въ офицеры въ маріупольскій гусарскій полкъ. Впослѣдствіи перешелъ онъ въ литовскій уланскій и продолжалъ свою службу столь же ревностно, какъ и началъ.

Повидимому все это въ порядкѣ вещей и довольно обыкновенно; однакожь это самое надѣлало много шуму, породило много толковъ и произвело сильное впечатлѣніе, отъ одного нечаянно открывшагося обстоятельства: корнетъ Александровъ былъ дѣвица Надежда Дурова.

Какія причины заставили молодую дѣвушку хорошей дворянской фамиліи оставить отеческій домъ, отречься отъ своего пола, принять на себя труды и обязанности, которыя пугаютъ и мужчинъ, и явиться на полѣ сраженій — и

какихъ еще? Наполеоновскихъ! Что побудило ее? Тайныя семейныя огорченія? Воспаленное воображеніе? Врожденная, неукротимая склонность? Любовь?... Вотъ вопросы, нынѣ забытые, но которые въ то время сильно занимали общество.

Нынѣ Н. А. Дурова сама разрѣшаетъ свою тайну. Удостоенные ея довѣренности, мы будемъ издателями ея любопытныхъ записокъ. Съ неизъяснимымъ участіемъ прочли мы признанія женщины, столь необыкновенной; съ изумленіемъ увидѣли, что нѣжные пальчики, нѣкогда сжимавшіе окровавленную рукоять уланской сабли, владѣютъ и перомъ быстрымъ, живописнымъ и пламеннымъ. Надежда Андреевна позволила намъ украсить страницы „Современника" отрывками изъ журнала, веденнаго ею въ 1812—13 году. Съ глубочайшей благодарностію спѣшимъ воспользоваться ея позволеніемъ.

Мелкія замѣтки во 2-й кн. Современника.

Отъ редакціи. I. (О „хроникѣ русскаго въ Парижѣ", А. И. Тургенева). — Для очистки совѣсти нашей и для предупрежденія всѣхъ возможныхъ толковъ и недоразумѣній вольныхъ и невольныхъ, почитаемъ обязанностью сознаться, что напечатаніе въ первой книжкѣ журнала нашего Хроники русскаго въ Парижѣ есть не что иное, какъ слѣдствіе нашей нескромности; что

сіи отрывки изъ дружескихъ писемъ, или лучше сказать, домашняго журнала, никогда не были предназначены къ печати, особенно въ томъ видѣ, въ какомъ они представлены публикѣ. Глубокомысліе, остроуміе, вѣрность и тонкая наблюдальность, оригинальность и индивидуальность слога, полнаго жизни и движенія, которыя вездѣ пробиваются сквозь небрежность и бѣглость выраженія, служатъ лучшимъ доказательствомъ того, чего можно было бы ожидать отъ пера, писавшаго такимъ образомъ про себя, когда слѣдовало бы ему писать про другихъ. Мы имѣли случай стороною подслушать этотъ a-parte, подсмотрѣть эти ежедневныя, ежеминутныя отмѣтки, и поторопились, какъ водится нынѣ, въ эпоху разоблаченія всѣхъ тайнъ, подѣлиться удовольствіемъ и свѣжими современными новинками съ читателями „Современника“. Можно было бы, и по нѣкоторымъ отношеніямъ слѣдовало бы для порядка, дать этимъ разбросаннымъ чертамъ стройное единство, облачить въ литературную форму. Но мы предпочли сохранить въ немъ живой, теплый, внезапный отпечатокъ мыслей, чувствъ, впечатлѣній, городскихъ вѣстей, булеварныхъ, академическихъ, салонныхъ, кабинетныхъ движеній, такъ сказать, стенографировать эти горячіе слѣды, эту лихорадку парижской жизни; впрочемъ, кажется, мы и не ошиблись въ своемъ

предпочтеніи. По всѣмъ отзывамъ образованныхъ и просвѣщенныхъ людей, парижская хроника возбудила живѣйшее любопытство и вниманіе. Даже и тупыя печатныя замѣчанія подтвердили насъ въ убѣжденіи, что способъ, нами избранный, едва ли не лучшій. Вкусъ иныхъ людей можетъ служить всегда надежнымъ и неизмѣннымъ руководствомъ: стоитъ только выворотить вкусъ ихъ на изнанку. То, чего они оцѣнить не могли, что показалось имъ неприличнымъ, неумѣстнымъ, то, безъ сомнѣнія, имѣетъ внутреннее многоцѣнное достоинство, слѣдовательно не ихъ имѣемъ въ виду въ настоящемъ объясненіи. Но мы желали только, по обязанности редакторской, принявъ на себя всю отвѣтственность за произвольное напечатаніе помянутыхъ выписокъ, отклонить ее отъ того, который писалъ ихъ, забывая, что есть книгопечатаніе на бѣломъ свѣтѣ.

II. Статья, присланная намъ изъ Твери съ подписью А. Б[езсоновъ] не могла быть напечатана въ сей книжкѣ по недостатку времени.

III. Мы получили также статью г. Косичкина. Но къ сожалѣнію, и эта статья доставлена поздно, и мы, боясь замедлить выходъ этой книжки, отлагаемъ ее до слѣдующей.[1]

[1] Письмо Безсонова напечатано въ III-й книгѣ, но статья Косичкина (т. е. Пушкина) не явилась въ печати.

Мнѣніе М. А. Лобанова о духѣ словестности, какъ иностранной, такъ и отечественной.

(Читано имъ 18 января 1836 г. въ императорской россійской академіи). [Кн. III].

Г-нъ Лобановъ заблагоразсудилъ дать своему мнѣнію форму неопредѣленную, вовсе не академическую: это краткая статья, въ родѣ журнальныхъ отмѣтокъ, помѣщаемыхъ въ „Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду". Можетъ статься, то, что хорошо въ журналѣ, покажется слишкомъ легковѣснымъ, если будетъ произнесено въ присутствіи всей академіи и торжественно потомъ обнародовано. Какъ бы то ни было, мнѣніе г. Лобанова заслуживаетъ и даже требуетъ самаго внимательнаго разсмотрѣнія.

„Любовь къ чтенію и желанію образованія (такъ начинается статья г. Лобанова) сильно увеличились въ нашемъ отечествѣ въ послѣдніе годы. Умножились типографіи, умножилось число книгъ; журналы расходятся въ большемъ количествѣ; книжная торговля распространяется."

Находя событіе сіе пріятнымъ для наблюдателя успѣховъ въ нашемъ отечествѣ, г. Лобановъ изрекаетъ неожиданное обвиненіе:

„Безпристрастные наблюдатели", говоритъ онъ, „носящіе въ сердцахъ своихъ любовь ко всему, что клонится къ благу отечества, переходя въ памяти своей все, въ послѣднія времена ими читанное, не безъ содроганія могутъ сказать: есть и въ нашей новѣйшей словесности

нѣкоторый отголосокъ безправія и нелѣпостей, порожденныхъ иностранными писателями.“

Г. Лобановъ, не входя въ объясненіе того, что разумѣетъ онъ подъ словами безнравіе и нелѣпость, продолжаетъ:

„Народъ заимствуетъ у народа, и заимствовать полезное, подражать изящному — предписываетъ благоразуміе. Но что-жь заимствовать нынѣ (говорю о чистой словесности) у новѣйшихъ писателей иностранныхъ? Они часто обнажаютъ такія нелѣпыя, гнусныя и чудовищныя явленія, распространяютъ такія пагубныя и разрушительныя мысли, о которыхъ читатель до тѣхъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, и которыя насильственно влагаютъ въ душу его зародышъ безнравія, безвѣрія и, слѣдовательно, будущихъ заблужденій или преступленій.

„Ужели жизнь и кровавыя дѣла разбойниковъ, палачей и имъ подобныхъ, наводняющихъ нынѣ словесность въ повѣстяхъ, романахъ, въ стихахъ и прозѣ, и питающихъ одно только любопытство, представляются въ образецъ для подражанія? Ужели отвратительнѣйшія зрѣлища, внушающія не назидательный ужасъ, а омерзеніе, возмущающее душу, служатъ въ пользу человѣчеству? Ужели истощилось необъятное поприще благороднаго, назидательнаго, добраго и возвышеннаго, что обратились въ нелѣпому, отвратному (?), омерзительному и даже ненавистному?“

Въ подтвержденіе сихъ обвиненій г. Лобановъ приводитъ извѣстное мнѣніе эдинбургскихъ журналистовъ о нынѣшнемъ состояніи французской словесности. При семъ случаѣ своды академіи огласились собственными именами Жюль-Жанена, Евгенія Сю и прочихъ;

имена сіи снабжены были странными прилагательными.... Но что, если (паче всякаго чаянія) статья г. Лобанова будетъ переведена, и сіи господа увидятъ имена свои, напечатанныя въ отчетѣ императорской россійской академіи? Не пропадетъ ли втунѣ все краснорѣчіе нашего оратора? Не въ правѣ ли будутъ они гордиться такой честію неожиданной, неслыханной въ лѣтописяхъ европейскихъ академій, гдѣ доселѣ произносились имена только тѣхъ изъ живыхъ людей, которые воздвигнули себѣ вѣковѣчные памятники своими талантами, заслугами и трудами? (Академіи безмолствовали о другихъ). Критическая статья англійскаго аристарха напечатана была въ журналѣ; тамъ она заняла ей приличное мѣсто и произвела свое дѣйствіе. У насъ „Библіотека“ перевела ее, и хорошо сдѣлала. Но тутъ и надлежало остановиться.

„Для Франціи,“ пишетъ г. Лобановъ, „для народовъ, отуманенныхъ гибельною для человѣчества новѣйшею философіею, огрубѣлыхъ въ кровавыхъ явленіяхъ революцій, и упавшихъ въ омутъ душевнаго и умственнаго разврата, самыя отвратильнѣйшія зрѣлища, напримѣръ: гнуснѣйшая изъ драмъ, омерзительнѣйшій хаосъ ненавистнаго безстыдства и кровосмѣшенія, Люкреція Борджіа, не кажутся имъ таковыми, самыя разрушительнѣйшія мысли для нихъ не столь заразительны, ибо они давно ознакомились и, такъ сказать, срослись съ ними въ ужасахъ революцій.“

Спрашиваю: можно ли на цѣлый народъ изрекать такую страшную анаѳему? Народъ, кото-

рый произвелъ Фенелона, Расина, Боссюэта, Паскаля и Монтескьё; который и нынѣ гордится Шатобріаномъ и Балланшемъ; народъ, который Ламартина призналъ первымъ изъ своихъ поэтовъ, который Нибуру и Галламу противопоставилъ Баранта, обоихъ Тьерри и Гизо; народъ, который оказываетъ столь сильное религіозное стремленіе, который такъ торжественно отрекается отъ жалкихъ скептическихъ умствованій минувшаго столѣтія; ужели весь сей народъ долженъ отвѣтствовать за произведенія нѣсколькихъ писателей, большею частію молодыхъ людей, употребляющихъ во зло свои таланты и основывающихъ корыстные разсчеты на любопытствѣ и нервной раздражительности читателей? Для удовлетворенія публики, всегда требующей новизны и сильныхъ впечатлѣній, многіе писатели обратились къ изображеніямъ отвратительнымъ, мало заботясь объ изящномъ, объ истинѣ, о собственномъ убѣжденіи. Но нравственное чувство, какъ и талантъ, дается не всякому. Нельзя требовать отъ всѣхъ писателей стремленія къ одной цѣли. Никакой законъ не можетъ сказать: пишите именно о такихъ-то предметахъ, а не о другихъ. Мысли, какъ и дѣйствія, раздѣляются на преступныя и на неподлежащія никакой отвѣтственности. Законъ не вмѣшивается въ привычки частнаго человѣка, не требуетъ отчета о его обѣдѣ, о его про-

гулкахъ и тому подобномъ; законъ также не вмѣшивается въ предметы, избираемые писателемъ, не требуетъ, чтобъ онъ описывалъ нравы женевскаго пастора, а не приключенія разбойника или палача, выхвалялъ счастіе супружеское, а не смѣялся надъ невзгодами брака. Требовать отъ всѣхъ произведеній словесности изящества или нравственной цѣли было бы то же, что требовать отъ всякаго гражданина безпорочнаго житья и образованности. Законъ постигаетъ одни преступленія, оставляя слабости и пороки на совѣсть каждаго. Вопреки мнѣнію г. Лобанова, мы не думаемъ, чтобъ нынѣшніе писатели представляли разбойниковъ и палачей въ образецъ для подражанія. Лесажъ, написавъ „Жилблаза“ и „Гусмана д'Альфарашъ“, конечно, не имѣлъ намѣренія преподавать уроки въ воровствѣ и въ плутняхъ. Шиллеръ сочинилъ своихъ „Разбойниковъ“ вѣроятно не съ тою цѣлію, чтобъ молодыхъ людей вызвать изъ университетовъ на большія дороги. Зачѣмъ же и въ нынѣшнихъ писателяхъ предполагать преступные замыслы, когда ихъ произведенія просто изъясняются желаніемъ занять и поразить воображеніе читателя? Приключенія ловкихъ плутовъ, страшныя исторіи о разбойникахъ, о мертвецахъ и пр. всегда занимали любопытство не только дѣтей, но и взрослыхъ ребятъ; а разскащики и стихотворцы изстари

пользовались этой наклонностію души нашей.

Мы не полагаемъ, чтобы нынѣшняя раздражительная, опрометчивая, безсвязная французская словесность была слѣдствіемъ политическихъ волненій.[1] Въ словесности французской совершилась своя революція, чуждая политическому перевороту, ниспровергшему старинную монархію Людовика XIV. Въ самое мрачное время революціи, литература производила приторныя, сентиментальныя, нравоучительныя книжки. Литературныя чудовища начали появляться уже въ послѣднія времена кроткаго и благочестиваго „возстановленія“ (restauration). Начало сему явленію должно искать въ самой литературѣ. Долгое время покорствовавъ своенравнымъ уставамъ, давшимъ ей слишкомъ стѣснительныя формы, она ударилась въ крайнюю сторону, и забвеніе всякихъ правилъ стала почитать законною свободой. Мелочная и ложная теорія, утвержденная старинными риторами, будто бы польза есть условіе и цѣль изящной словесности, сама собою уничтожилась. Почувствовали, что цѣль художества есть идеалъ, а не нравоученіе. Но писатели французскіе поняли одну только половину ис-

[1] Современникъ № 1: „О движеніи журнальной литературы“.—А. П.

тины неоспоримой, и положили, что и нравственное безобразіе можетъ быть цѣлію поэзіи, т. е. идеаломъ! Прежніе романисты представляли человѣческую природу въ какой-то жеманной напыщенности; награда добродѣтели и наказаніе порока были непремѣннымъ условіемъ всякаго ихъ вымысла; нынѣшніе, напротивъ, любятъ выставлять порокъ всегда и вездѣ торжествующимъ, и въ сердцѣ человѣческомъ обрѣтаютъ только двѣ струны: эгоизмъ и тщеславіе. Таковой поверхностный взглядъ на природу человѣческую обличаетъ, конечно, мелкомысліе, и вскорѣ такъ же будетъ смѣшонъ и приторенъ, какъ чопорность и торжественность романовъ Арно и г-жи Котенъ. Покамѣстъ онъ еще новъ, и публика, т. е. большинство читателей, съ непривычки, видитъ въ нынѣшнихъ романистахъ глубочайшихъ знатоковъ природы человѣческой. Но уже „словесность отчаянія“ (какъ назвалъ ее Гёте), „словесность сатаническая“ (какъ говоритъ Соутей), словесность гальваническая, каторжная, пуншевая, кровавая, цыгарочная и проч.—эта словесность, давно уже осужденная высшею критикою, начинаетъ упадать даже и во мнѣніи публики.

Французская словесность, со временъ Кантемира имѣвшая всегда прямое или косвенное вліяніе на рождающуюся нашу литературу, должна была отозваться и въ нашу эпоху. Но нынѣ влія-

ніе ея было слабо. Оно ограничилось только переводами и кой-какими подражаніями, не имѣвшими большаго успѣха. Журналы наши, которые, какъ и вездѣ, правильно и неправильно управляютъ общимъ мнѣніемъ, вообще оказались противниками новой романической школы. Оригинальные романы, имѣвшіе у насъ наиболѣе успѣха, принадлежатъ къ роду нравоописательныхъ и историческихъ. Лесажъ и Вальтеръ-Скоттъ служили имъ образцами, а не Бальзакъ и не Жюль-Жаненъ. Поэзія осталась чужда вліянію французскому: она болѣе и болѣе дружится съ поэзіей германскою, и гордо сохраняетъ свою независимость отъ вкусовъ и требованій публики.

„Останавливаясь на духѣ и направленіи нашей словесности,“ продолжаетъ г. Лобановъ, „всякій просвѣщенный человѣкъ, всякій благомыслящій русскій видитъ: въ теоріяхъ наукъ—сбивчивость, непроницаемую тьму и хаосъ несвязныхъ мыслей; въ приговорахъ литературныхъ—совершенную безотчетность, безсовѣстность, наглость и даже буйство. Приличіе, уваженіе, здравый умъ отвергнуты, забыты, уничтожены. Романтизмъ, слово до сихъ поръ неопредѣленное, но слово магическое, сдѣлался для многимъ эгидою совершенной безотчетливости и литературнаго сумасбродства. Критика, сія кроткая наставница и добросовѣстная подруга словесности, нынѣ обратилась въ площадное гаерство, въ литературное пиратство, въ способъ добывать себѣ поживу изъ кармана слабоумія дерзкими и буйными выходками, не рѣдко даже противъ мужей государственныхъ, знаме-

нитыхъ и гражданскими, и литературными заслугами. Ни санъ, ни умъ, ни талантъ, ни лѣта, ничто не уважается. Ломоносовъ слыветъ педантомъ. Величайшій геній, оставившій въ достояніе Россіи высокую пѣснь Богу, пѣснь, которой нѣтъ равной ни на одномъ языкѣ народовъ вселенной, какъ бы не существуетъ для нашей словесности: онъ, какъ бы безталанный (г. Лобановъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать безталантный), оставленъ безъ вниманія. Имя Карамзина, мудреца глубокаго, писателя добросовѣстнаго, мужа чистаго сердцемъ, предано глумленію."

Конечно, критика находится у насъ еще въ младенческомъ состояніи. Она рѣдко сохраняетъ важность и приличіе, ей свойственныя; можетъ быть, ея рѣшенія часто внушены разсчетами, а не убѣжденіемъ. Неуваженіе къ именамъ, освященнымъ славою (первый признакъ невѣжества и слабомыслія), къ несчастію, почитается у насъ не только дозволеннымъ, но еще и похвальнымъ удальствомъ. Но и тутъ г. Лобановъ сдѣлалъ несправедливыя указанія: у Ломоносова оспаривали (весьма неосновательно) титло поэта, но никто, нигдѣ, сколько я помню, не называлъ его педантомъ: напротивъ, нынѣ вошло въ обыкновеніе хвалить въ немъ мужа ученаго, унижая стихотворца. Имя великаго Державина всегда произносится съ чувствомъ пристрастія, даже суевѣрнаго. Чистая, высокая слава Карамзина принадлежитъ Россіи, и ни одинъ писатель съ истиннымъ талантомъ, ни одинъ истинно ученый человѣкъ, даже изъ бывшихъ ему про-

тивниками, не отказалъ ему въ дани уваженія глубокаго и благодарности.

Мы не принадлежимъ къ числу подобострастныхъ поклонниковъ нашего вѣка, но должны признаться, что науки сдѣлали шагъ впередъ. Умствованія великихъ европейскихъ мыслителей не были тщетны и для насъ. Теорія наукъ освободилась отъ эмпиризма, возымѣла видъ болѣе общій, оказала болѣе стремленія къ единству. Германская философія, особенно въ Москвѣ, нашла много молодыхъ, пылкихъ, добросовѣстныхъ послѣдователей, и хотя говорили они языкомъ мало понятнымъ для непосвященныхъ, но тѣмъ не менѣе ихъ вліяніе было благотворно и часъ отъ часу становится болѣе ощутительно.

„Не стану говорить ни о господствующемъ вкусѣ, ни о понятіяхъ и ученіяхъ объ изящномъ. Первый явно вездѣ и во всемъ обнаруживается и всякому извѣстенъ; а послѣднія такъ сбивчивы и превратны въ новѣйшихъ эфемерныхъ и разрушающихъ одна другую системахъ, или такъ спутаны въ суеславныхъ мудрованіяхъ, что они непроницаемы для здраваго разума. Нынѣ едва ли вѣрятъ, что изящное, при нѣкоторыхъ только измѣненіяхъ формъ, было и есть одно и то же для всѣхъ вѣковъ и народовъ; что Гомеры, Данты, Софоклы, Шекспиры, Шиллеры, Расины, Державины, не смотря на различіе ихъ формъ, рода, вѣры и нравовъ, всѣ созидали изящное и для всѣхъ вѣковъ; что писатели, романтики ли они или классики, должны удовлетворять умъ, воображеніе и сердце образованныхъ и просвѣщенныхъ людей, а не одной толпы несмысленной, плещущей безъ разбора и

гаерамъ подкачельнымъ. Нѣтъ, нынѣ проповѣдуютъ, что умъ человѣческій далеко ушелъ впередъ, что онъ можетъ оставить въ покоѣ древнихъ и даже новѣйшихъ знаменитыхъ писателей, что ему не нужны руководители и образцы, что нынѣ, всякій пишущій есть самобытный геній — и подъ знаменемъ сего ложнаго ученія, поражая великихъ писателей древности именемъ тяжелыхъ и приторныхъ классиковъ (которые однакожь за тысячи лѣтъ плѣняли своихъ согражданъ, и всегда будутъ давать много возвышенныхъ наслажденій своему читателю), подъ знаменемъ сего ложнаго ученія, новѣйшіе писатели безотчетно омрачаютъ разумъ неопытной юности и ведутъ къ совершенному упадку и нравственность и словесность."

Оставляя безъ возраженія сію филиппику, не могу не остановиться на заключеніи, выведенномъ г. Лобановымъ изо всего имъ сказаннаго:

„По множеству сочиняемыхъ нынѣ безнравственныхъ книгъ, цензурѣ предстоитъ непреодолимый трудъ проникнуть всѣ ухищренія пишущихъ. Не легко разрушить превратность мнѣній въ словесности и обуздать дерзость языка, если онъ, движимый злонамѣренностію, будетъ провозглашать нелѣпое и даже вредное. Кто-жь долженъ содѣйствовать въ семъ трудномъ подвигѣ? Каждый добросовѣстный русскій писатель, каждый просвѣщенный отецъ семейства, а всего болѣе академія, для сего самаго учрежденная. Она, движимая любовію къ государю и отечеству, имѣетъ право, на ней лежитъ долгъ неослабно обнаруживать, поражать и разрушать зло, гдѣ бы оно ни встрѣтилось на поприщѣ словесности. „Академія (сказано въ ея уставѣ, гл. III, § 2, и во всеподданнѣйшемъ докладѣ § III), яко сословіе, учрежденное для наблюденія нравственности, цѣломудрія и чистоты языка, разборъ книгъ, или критическія сужденія, долженствуетъ почитать одною изъ главнѣйшихъ своихъ обя-

занностей." Итакъ, милостивые государи, каждый изъ почтенныхъ сочленовъ моихъ да представляетъ для разсмотрѣнія и напечатанія въ собранія сей академіи, согласно съ ея уставомъ, разборы сочиненій и сужденія о книгахъ и журналахъ новѣйшей нашей словесности, и, тѣмъ содѣйствуя общей пользѣ, да исполняетъ истинное назначеніе сего высочайше утвержденнаго сословія."

Но гдѣ же у насъ это множество безнравственныхъ книгъ? Кто сіи дерзкіе, злонамѣренные писатели, ухищряющіеся ниспровергать законы, на коихъ основано благоденствіе общества? И можно ли укорять у насъ цензуру въ неосмотрительности и послабленіи? Вопреки мнѣнію г. Лобанова, цензура не должна проникать всѣ ухищренія пишущихъ. „Цензура долженствуетъ обращать особенное вниманіе на духъ разсматриваемой книги, на видимую цѣль и намѣреніе автора, и въ сужденіяхъ своихъ принимать всегда за основаніе явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія въ дурную сторону" (уставъ о цензурѣ § 6). Такова была высочайшая воля, даровавшая намъ литературную собственность и законную свободу мысли! Если съ перваго взгляда сіе основное правило нашей цензуры и можетъ показаться льготою чрезвычайною, то по внимательнѣйшемъ разсмотрѣніи увидимъ, что безъ того не было бы возможности напечатать ни одной строчки, ибо всякое слово можетъ быть перетолковано въ худую сторону. Нелѣпое, если

оно просто нелѣпо, а не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго вѣрѣ, правительству, нравственности и чести личной, не подлежитъ уничтоженію цензуры. Нелѣпость, какъ и глупость, подлежитъ осмѣянію общества и не вызываетъ на себя дѣйствія закона. Просвѣщенный отецъ семейства не дастъ въ руки своимъ дѣтямъ многихъ книгъ, дозволенныхъ цензурою; книги пишутся не для всѣхъ возрастовъ одинаково. Нѣкоторые моралисты утверждаютъ, что и восьмнадцатилѣтней дѣвушкѣ нельзя позволить чтеніе романовъ: изъ того еще не слѣдуетъ, чтобъ цензура должна была запрещать всѣ романы. Цензура есть установленіе благодѣтельное, а не притѣснительное; она есть вѣрный стражъ благоденствія частнаго и государственнаго, а не докучливая нянька, слѣдующая по пятамъ шаловливыхъ ребятъ.

Заключимъ искреннимъ желаніемъ, чтобы россійская академія, уже принесшая истинную пользу нашему прекрасному языку и совершившая столь много знаменитыхъ подвиговъ, ободрила, оживила отечественную словесность, награждая достойныхъ писателей дѣятельнымъ своимъ покровительствомъ, а недостойныхъ— наказывая однимъ невниманіемъ.

Вольтеръ.

(Correspondance inédite de Voltaire avec le président de Brosses, etc., Paris 1836.) [Кн. III].

Недавно издана въ Парижѣ переписка Вольтера съ президентомъ де Броссомъ. Она касается покупки земли, совершенной Вольтеромъ въ 1758 году.

Всякая строчка великаго писателя становится драгоцѣнной для потомства. Мы съ любопытствомъ разсматривали автографы, хотя бы они были не что иное, какъ отрывокъ изъ расходной тетради, или записки къ портному объ отсрочкѣ платежа. Насъ невольно поражаетъ мысль, что рука, начертавшая эти смиренныя цифры, эти незначущія слова, тѣмъ же самымъ почеркомъ и, можетъ быть, тѣмъ же самымъ перомъ написала и великія творенія, предметъ нашихъ изученій и восторговъ. Но, кажется, одному Вольтеру предоставлено было составить изъ дѣловой переписки о покупкѣ земли книгу, на каждой страницѣ заставляющую васъ смѣяться, и передать сдѣлкамъ и купчимъ всю заманчивость остроумнаго памфлета. Судьба на столь забавнаго покупщика послала продавца не менѣе забавнаго. Президентъ де Броссъ есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей прошедшаго столѣтія. Онъ извѣстенъ многими учеными со-

чиненіями,[1] но лучшимъ изъ его произведеній мы почитаемъ письма, имъ написанныя изъ Италіи въ 1730 — 1740, и недавно вновь изданныя подъ заглавіемъ: „L'Italie il y a cent ans". Въ этихъ дружескихъ письмахъ де Броссъ обнаружилъ необыкновенный талантъ. Ученость истинная, но никогда не отягощенная педантизмомъ, глубокомысліе, шутливая острота, картины, набросанныя съ небреженіемъ, но живо и смѣло, ставятъ его книгу выше всего, что писано было въ томъ же родѣ.

Вольтеръ, изгнанный изъ Парижа, принужденный бѣжать изъ Берлина, искалъ убѣжища на берегу Женевскаго озера. Слава не спасала его отъ безпокойствъ. Личная свобода его была не безопасна; онъ дрожалъ за свои капиталы, розданные имъ въ разныя руки. Покровительство маленькой, мѣщанской республики не слишкомъ его ободряло. Онъ хотѣлъ на всякій случай помириться съ своимъ отечествомъ и желалъ (пишетъ онъ самъ) имѣть одну ногу въ монархіи, другую въ республикѣ — дабы перешагать туда и сюда, смотря по обстоятельствамъ. Мѣстечко Турне (Tournoy), принадлежавшее президенту де Броссъ, обратило на себя

[1] Histoire des navigations aux terres Australes; Traité de la formation mécanique des langues; Histoire du VII siècle de la République Romaine; Traité du culte des dieux fétiches, и проч.—А. П.

его вниманіе. Онъ зналъ президента за человѣка безпечнаго, расточительнаго, вѣчно имѣющаго нужду въ деньгахъ, и вступилъ съ нимъ въ переговоры слѣдующимъ письмомъ:

„Я прочелъ съ величайшимъ удовольствіемъ то, что вы пишете объ Австраліи; но позвольте сдѣлать вамъ предложеніе, касающееся твердой земли. Вы не такой человѣкъ, чтобъ Турне могло приносить вамъ доходъ. Шуэ, вашъ арендаторъ, думаетъ уничтожить свой контрактъ. Хотите ли продать мнѣ землю вашу пожизненно? Я старъ и хворъ. Я знаю, что дѣло это для меня невыгодно; но вамъ оно будетъ полезно, а мнѣ пріятно — и вотъ условія, которыя вздумалось мнѣ повергнуть вашему благоусмотрѣнію.

„Обязуюсь изъ матеріаловъ вашего прегадкаго замка выстроить хорошенькій домикъ. Думаю на то употребить 25,000 ливровъ. Другіе 25,000 ливровъ заплачу вамъ чистыми деньгами.

„Все, чѣмъ украшу землю, весь скотъ, всѣ земледѣльческія орудія, коими снабжу хозяйство, будутъ вамъ принадлежать. Если умру, не успѣвъ выстроить домъ, то у васъ останутся въ рукахъ 25,000 ливровъ, и вы достроите его, коли вамъ будетъ угодно. Но я постараюсь прожить еще два года, и тогда вы будете даромъ имѣть очень порядочный домикъ.

„Сверхъ сего обязуюсь прожить не болѣе четырехъ или пяти лѣтъ.

„Взамѣнъ сихъ честныхъ предложеній, требую вступить въ полное владѣніе вашимъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ, правами, лѣсомъ, и даже каноникомъ, до самаго того времени, какъ онъ меня похоронитъ. Если этотъ забавный торгъ покажется вамъ выгоднымъ, то вы однимъ словомъ можете утвердить его не на шутку. Жизнь слишкомъ коротка; дѣла не должны длиться.

„Прибавлю еще слово. Я украсилъ мою норку, прозванную les Délices; я украсилъ домъ въ Лозанѣ; то и другое теперь стоитъ вдвое противъ прежней цѣны: то же сдѣлаю и съ вашей землею. Въ теперешнемъ ея положеніи, вы никогда ее съ рукъ не сбудете.

„Во всякомъ случаѣ прошу васъ сохранить все это въ тайнѣ, и честь имѣю“, и проч.

Де Броссъ не замедлилъ своимъ отвѣтомъ. Письмо его, какъ и Вольтерово, исполнено ума и веселости.

„Если бы я былъ въ вашемъ сосѣдствѣ (пишетъ онъ) въ то время, какъ вы поселились такъ близко къ городу,[1] то, восхищаясь вмѣстѣ съ вами физическою красотою береговъ вашего озера, я бы имѣлъ честь шепнуть вамъ на ухо, что нравственный характеръ жителей требовалъ, чтобы вы поселились во Франціи, по двумъ важнымъ причинамъ: во-первыхъ, потому что надобно жить у себя дома, во-вторыхъ, потому что не надобно жить у чужихъ. Вы не можете вообразить, до какой степени эта республика заставляетъ меня любить монархіи... Я бы вамъ и тогда предложилъ свой замокъ, еслибъ онъ былъ васъ достоинъ; но замокъ мой не имѣетъ даже чести быть древностью: это просто ветошь. Вы вздумали возвратить ему юность, какъ Мемнону: я очень одобряю ваше предположеніе. Вы не знаете, можетъ быть, что г. д'Аржанталь имѣлъ для васъ то же намѣреніе.—Приступимъ къ дѣлу.“

Тутъ де Броссъ разбираетъ одно за другимъ всѣ условія, предлагаемыя Вольтеромъ; съ иными соглашается, другимъ противорѣчитъ,

[1] Вольтеръ въ 1755 году купилъ les Délices sur St. Jean близъ самой Женевы.—А. П.

обнаруживая сметливость и тонкость, которыхъ Вольтеръ отъ президента, кажется, не ожидалъ. Это подстрекнуло его самолюбіе. Онъ началъ хитрить; переписка завязалась живѣе. Наконецъ 15 декабря купчая была совершена.

Эти письма, заключающія въ себѣ переговоры торгующихся, и нѣсколько другихъ, писанныхъ по заключеніи торга, составляютъ лучшую часть переписки Вольтера съ де Броссомъ. Оба другъ передъ другомъ кокетничаютъ; оба поминутно оставляютъ дѣловые запросы для шутокъ самыхъ неожиданныхъ, для сужденій самыхъ искреннихъ о людяхъ и происшествіяхъ современныхъ. Въ этихъ письмахъ Вольтеръ является Вольтеромъ, т. е. любезнѣйшимъ изъ собесѣдниковъ; де Броссъ — тѣмъ острымъ писателемъ, который такъ оригинально описалъ Италію въ ея правленіи и привычкахъ, въ ея жизни художественной и сладострастной.

Но вскорѣ согласіе между новымъ хозяиномъ земли и прежнимъ ея владѣльцемъ было прервано. Война, какъ и многія другія войны, началась отъ причинъ маловажныхъ. Срубленныя деревья осердили нетерпѣливаго Вольтера; онъ поссорился съ президентомъ, не менѣе его раздражительнымъ. Надобно видѣть, что̀ такое гнѣвъ Вольтера! Онъ уже смотритъ на де Бросса какъ на врага, какъ на Фрерона, какъ на великаго инквизитора. Онъ собирается его погу-

бить: „qu'il tremble!“—восклицаетъ онъ въ бѣшенствѣ—„il ne s'agit pas de le rendre ridicule: il s'agit de le deshonorer!“ Онъ жалуется, онъ плачетъ, онъ скрежещетъ... а все дѣло въ двухстахъ франкахъ. Де Броссъ съ своей стороны не хочетъ уступить вспыльчивому философу; въ отвѣтъ на его жалобы, онъ пишетъ знаменитому старцу надменное письмо: укоряетъ его въ природной дерзости, совѣтуетъ ему въ минуты сумасшествія воздерживаться отъ пера, чтобы не краснѣть опомнившись потомъ, и оканчиваетъ письмо желаніемъ Ювенала: „Mens sana in corpore sano“.

Посторонніе вмѣшиваются въ распрю сосѣдей. Общій ихъ пріятель, г. Рюфе, старается усовѣстить Вольтера и пишетъ къ нему ѣдкое письмо (которое, вѣроятно, диктовано самимъ де Броссомъ): „Вы боитесь быть обманутымъ,“ говоритъ г. Рюфе, „но изъ двухъ ролей это лучшая... Вы не имѣли никогда тяжебъ: онѣ разорительны, даже когда ихъ и выигрываемъ... Вспомните устрицу Лафонтена, и пятую сцену втораго дѣйствія въ Скапиновыхъ Обманахъ.[1] Сверхъ адвокатовъ, вы должны еще опасаться и литературной черни, которая рада будетъ на васъ броситься...“

[1] Сцену, въ которой Леандръ заставляетъ Скапина на колѣняхъ признаваться во всѣхъ своихъ плутняхъ. А. П.

Вольтеръ первый утомился, и уступилъ. Онъ долго дулся на упрямаго президента, и былъ причиною тому, что де Броссъ не попалъ въ академію (что въ то время много значило). Сверхъ того Вольтеръ имѣлъ удовольствіе его пережить: де Броссъ, младшій изъ двухъ пятнадцатью годами, умеръ въ 1777 году, годомъ прежде Вольтера.

Не смотря на множество матеріаловъ, собранныхъ для исторіи Вольтера (ихъ цѣлая библіотека), какъ человѣкъ дѣловой, капиталистъ и владѣлецъ, онъ еще весьма мало извѣстенъ. Нынѣ изданная переписка открываетъ многое. „Надобно видѣть,“ пишетъ издатель въ своемъ предисловіи, „какъ баловень Европы, собесѣдникъ Екатерины Великой и Фридерика II, занимается послѣдними мелочами для поддержанія своей мѣстной важности; надобно видѣть, какъ онъ въ праздничномъ кафтанѣ въѣзжаетъ въ свое графство, сопровождаемый своими обѣими племянницами (которыя всѣ въ брилліантахъ); какъ выслушиваетъ онъ рѣчь своего священника, и какъ новые подданные привѣтствуютъ его пальбой изъ пушекъ, взятыхъ на прокатъ у Женевской республики.—Онъ въ вѣчной распрѣ со всѣмъ мѣстнымъ духовенствомъ. Габель (налогъ на соль) находитъ въ немъ тонкаго и дѣятельнаго противника. Онъ хочетъ быть банкиромъ своей провинціи. Вотъ онъ пускает-

ся въ спекуляціи. У него свои дворяне: онъ шлетъ ихъ посланниками въ Швейцарію. И все это его ворочаетъ; онъ искренно тревожится обо всемъ, съ этой раздражительностію страстей, исключительно ему свойственной. Онъ расточаетъ то искусныя разсужденія адвоката, то прицѣпки прокурора, то хитрости купца, то гиперболы стихотворца, то порывы истиннаго краснорѣчія. Письмо его къ президенту о дракѣ въ кабакѣ, право, напоминаетъ его заступленіе за семейство Каласа.“

Въ одномъ изъ этихъ писемъ встрѣтили мы неизвѣстные стихи Вольтера. На нихъ легкая печать его неподражаемаго таланта. Они писаны сосѣду, который прислалъ ему розаны:

Vos rosiers sont dans mes jardins
Et leur fleurs vont bientôt paraître.
Doux asile où je suis mon maître!
Je renonce aux lauriers si vains,
Qu'á Paris j'aimais trop peut-être:
Je me suis trop piqué les mains
Aux épines qu'ils ont fait naître.

Признаемся въ rococo нашего запоздалаго вкуса: въ этихъ семи стихахъ мы находимъ болѣе слога, болѣе жизни, болѣе мысли, нежели въ полдюжинѣ длинныхъ французскихъ стихотвореній, писанныхъ въ нынѣшнемъ вкусѣ, гдѣ мысль замѣняется исковерканнымъ выраженіемъ, ясный языкъ Вольтера — напыщеннымъ языкомъ Ронсара, живость его — несноснымъ

однообразіемъ, а остроуміе—площаднымъ цинизмомъ или вялой меланхоліей.

Вообще переписка Вольтера съ де Броссомъ представляетъ намъ творца Меропы и Кандида съ его милой стороны. Его притязанія, его слабости, его дѣтская раздражительность—все это не вредитъ ему въ нашемъ воображеніи. Мы охотно извиняемъ его, и готовы слѣдовать за всѣми движеніями пылкой его души и безпокойной чувствительности. Но не такое чувство рождается при чтеніи писемъ, приложенныхъ издателемъ въ концу книги, нами разбираемой. Эти новыя письма найдены въ бумагахъ г. де ла Туша, бывшаго французскимъ посланникомъ при дворѣ Фридерика II (въ 1752 году).

Въ это время Вольтеръ не ладилъ съ Сѣвернымъ Соломономъ,[1] своимъ прежнимъ ученикомъ. Мопертюи, президентъ берлинской академіи, поссорился съ профессоромъ Кёнигомъ. Король взялъ сторону своего президента; Вольтеръ заступился за профессора. Явилось сочиненіе безъ имени автора, подъ заглавіемъ: Письмо къ Публикѣ. Въ немъ осуждали Кёнига и задѣвали Вольтера. Вольтеръ возразилъ и напечаталъ свой колкій отвѣтъ въ нѣмецкихъ журналахъ. Спустя нѣсколько времени „Письмо

[1] Такъ называлъ Вольтеръ Фридерика II въ хвалебныхъ своихъ посланіяхъ.—А. П.

къ Публикѣ“ было перепечатано въ Берлинѣ, съ изображеніемъ короны, скиптра и прусскаго орла на заглавномъ листѣ. Вольтеръ только тогда догадался, съ кѣмъ имѣлъ онъ неосторожность состязаться, и сталъ помышлять о благоразумномъ отступленіи. Онъ видѣлъ въ поступкахъ короля явное къ нему охлажденіе и предчувствовалъ опалу. „Я стараюсь тому не вѣрить“—писалъ онъ въ Парижъ къ д'Аржанталю — „но боюсь быть подобну рогатымъ мужьямъ, которые силятся увѣрить себя въ вѣрности своихъ женъ. Бѣдняжки втайнѣ чувствуютъ свое горе!“ Не смотря на свое уныніе, онъ однакожь не могъ удержаться, чтобъ еще разъ не задѣть своихъ противниковъ. Онъ написалъ самую язвительную изъ своихъ сатиръ (la Diatribe du Dr. Akakias) и напечаталъ ее, выманивъ обманомъ позволеніе на то отъ самого короля.

Слѣдствія извѣстны. Сатира, по повелѣнію Фридерика, сожжена была рукою палача. Вольтеръ уѣхалъ изъ Берлина, задержанъ былъ во Франкфуртѣ прусскими приставами, нѣсколько дней находился подъ арестомъ, и принужденъ былъ выдать стихотворенія Фридерика, напечатанныя для немногихъ, и между коими находилась сатирическая поэма противъ Людовика XV и его двора.

Вся эта жалкая исторія мало приноситъ чести философіи. Вольтеръ, во все теченіе долгой

своей жизни, никогда не умѣлъ сохранить своего собственнаго достоинства. Въ его молодости заключеніе въ Бастилію, изгнаніе и преслѣдованіе не могли привлечь на его особу сострадания и сочувствія, въ которыхъ почти никогда не отказывали страждущему таланту. Наперсникъ государей, идолъ Европы, первый писатель своего вѣка, предводитель умовъ и современнаго мнѣнія, Вольтеръ и въ старости не привлекалъ уваженія къ сѣдинамъ: лавры, ихъ покрывающіе, были обрызганы грязью. Клевета, преслѣдующая знаменитость, но всегда уничтожающаяся передъ лицомъ истины, вопреки общему закону, для него не исчезала, ибо была всегда правдоподобна. Онъ не имѣлъ самоуваженія и не чувствовалъ необходимости въ уваженіи людей. Что влекло его въ Берлинъ? Зачѣмъ ему было промѣнивать свою независимость на милости государя, ему чужаго, не имѣвшаго никакого права его къ тому прикудить?..

Къ чести Фридерика II скажемъ, что самъ отъ себя король, вопреки природной своей насмѣшливости, не сталъ бы унижать своего стараго учителя, не надѣлъ бы на перваго изъ французскихъ поэтовъ шутовскаго кафтана, не предалъ бы его на посмѣяніе свѣта, если бы самъ Вольтеръ не напрашивался на такое жалкое посрамленіе.

До сихъ поръ полагали, что Вольтеръ самъ

отъ себя, въ порывѣ благороднаго огорченія, отослалъ Фридерику каммергерскій ключъ и прусскій орденъ, знаки непостоянныхъ его милостей; но теперь открывается, что король самъ ихъ потребовалъ обратно. Роль перемѣнена: Фридерикъ негодуетъ и грозитъ, Вольтеръ плачетъ и умоляетъ...

Что изъ этого заключить? Что геній имѣетъ свои слабости, которыя утѣшаютъ посредственность, но печалятъ благородныя сердца, напоминая имъ о несовершенствѣ человѣчества; что настоящее мѣсто писателя есть его ученый кабинетъ, и что наконецъ независимость и самоуваженіе одни могутъ насъ возвысить надъ мелочами жизни и надъ бурями судьбы.

Джонъ Теннеръ. [Кн. III).

Съ нѣкотораго времени Сѣверо-Американскіе Штаты обращаютъ на себя въ Европѣ вниманіе людей наиболѣе мыслящихъ. Не политическія происшествія тому виною: Америка спокойно совершаетъ свое поприще, донынѣ безопасная и цвѣтущая, сильная миромъ, упроченнымъ ей географическимъ ея положеніемъ, гордая своими учрежденіями. Но нѣсколько глубокихъ умовъ въ недавнее время занялись изслѣдованіемъ нравовъ и постановленій американскихъ, и ихъ наблюденія возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже рѣшенными. Уваженіе къ сему новому народу и къ его уложенію, плоду новѣйшаго просвѣщенія, сильно поколебалось. Съ изумленіемъ увидѣли демократію въ ея отвратительномъ цинизмѣ, въ ея жестокихъ предразсуд-

кахъ, въ ея нестерпимомъ тиранствѣ. Все благородное, безкорыстное, все возвышающее душу человѣческую, подавленное неумолимымъ эгоизмомъ и страстію къ довольству (comfort); большинство, нагло притѣсняющее общество; рабство негровъ посреди образованности и свободы; родословныя гоненія въ народѣ, не имѣющемъ дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющихъ робость и подобострастіе; талантъ, изъ уваженія къ равенству, принужденный къ добровольному остракизму; богачъ, надѣвающій оборванный кафтанъ, дабы на улицѣ не оскорбить надменной нищеты, имъ втайнѣ презираемой: такова картина Американскихъ Штатовъ, недавно выставленная передъ нами.

Отношенія Штатовъ къ индійскимъ племенамъ, древнимъ владѣльцамъ земли, нынѣ заселенной европейскими выходцами, подверглись также строгому разбору новыхъ наблюдателей. Явная несправедливость, ябеда и безчеловѣчіе американскаго конгресса осуждены съ негодованіемъ; такъ или иначе, чрезъ мечъ и огонь, или отъ рома и ябеды, или средствами болѣе нравственными, но дикость должна исчезнуть при приближеніи цивилизаціи. Таковъ неизбѣжный законъ. Остатки древнихъ обитателей Америки скоро совершенно истребятся; и пространныя степи, необозримыя рѣки, на которыхъ сѣтьми и стрѣлами добывали они себѣ пищу, обратятся въ обработанныя поля, усѣянныя деревнями, и въ торговыя гавани, гдѣ задымятся пироскафы и разовьется флагъ американскій.

Нравы сѣверо-американскихъ дикарей знакомы намъ по описанію знаменитыхъ романистовъ. Но Шатобріанъ и Куперъ оба представили намъ индійцевъ съ ихъ поэтической стороны, и закрасили истину красками своего воображенія. „Дикари, выставленные въ романахъ, пишетъ Вашингтонъ-Ирвингъ, такъ же похожи на настоящихъ дикарей, какъ идиллическіе пастухи на па-

стуховъ обыкновенныхъ.“ Это самое подозрѣвали и читатели; и недовѣрчивость къ словамъ заманчивыхъ повѣствователей уменьшала удовольствіе, доставляемое ихъ блестящими произведеніями.

Въ Нью-Йоркѣ недавно изданы: „Записки Джона Теннера“, проведшаго тридцать лѣтъ въ пустыняхъ Сѣверной Америки, между дикими ея обитателями. Эти „Записки“ драгоцѣнны во всѣхъ отношеніяхъ. Онѣ самый полный, и вѣроятно послѣдній, документъ бытія народа, коего скоро не останется и слѣдовъ. Лѣтописи племенъ безграмотныхъ, онѣ разливаютъ истинный свѣтъ на то, что нѣкоторые философы называютъ естественнымъ состояніемъ человѣка; показанія простодушныя и безстрастныя, онѣ наконецъ будутъ свидѣтельствовать передъ свѣтомъ о средствахъ, которыя Американскіе Штаты употребляли въ XIX столѣтіи къ распространенію своего владычества и христіанской цивилизаціи. Достовѣрность сихъ „Записокъ“ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Джонъ Теннеръ еще живъ; многія особы (между прочимъ Токвиль, авторъ славной книги: „De la démocratie en Amérique“) видѣли его, и купили отъ него самого эту книгу. По ихъ мнѣнію, подлога тутъ быть не можетъ. Да и стоитъ прочитать нѣсколько страницъ, чтобы въ томъ удостовѣриться: отсутствіе всякаго искусства и смиренная простота повѣствованія ручаются за истину.

Отецъ Джона Теннера, выходецъ изъ Виргиніи, былъ священникомъ. По смерти жены своей онъ поселился въ одномъ мѣстѣ, называемомъ Элькъ-Горнъ, въ недальнемъ разстояніи отъ Цинциннати.

Элькъ-Горнъ былъ подверженъ нападеніямъ индійцевъ. Дядя Джона Теннера однажды ночью, сговорясь съ своими сосѣдями, приблизился къ стану индійцевъ и застрѣлилъ одного изъ нихъ. Прочіе бросились въ рѣку и уплыли...

Отецъ Теннера, отправляясь однажды утромъ въ даль-

нее селеніе, приказалъ своимъ обѣимъ дочерямъ отослать маленькаго Джона въ школу. Онѣ вспомнили о томъ уже послѣ обѣда. Но шелъ дождь и Джонъ остался дома. Вечеромъ отецъ возвратился и, узнавъ, что онъ въ школу не ходилъ, послалъ его самого за тростникомъ и больно его высѣкъ. Съ той поры отеческій домъ опостылѣлъ маленькому Теннеру; онъ часто думалъ и говаривалъ: „мнѣ бы хотѣлось уйти къ дикимъ!"

«Отецъ мой, пишетъ Теннеръ, оставилъ Элькъ-Горнъ и отправился къ устью Бигъ-Міами, гдѣ онъ долженъ былъ завести новое поселеніе. Тамъ на берегу нашли мы обработанную землю и нѣсколько хижинъ, покинутыхъ поселенцами изъ опасенія дикихъ. Отецъ мой исправилъ хижины и окружилъ ихъ заборомъ. Это было весною. Онъ занялся хлѣбопашествомъ. Дней десять спустя по своемъ прибытіи на мѣсто, онъ сказалъ намъ, что лошади его безпокоятся, чуя близость индійцевъ, которые вѣроятно рыщутъ по лѣсу. «Джонъ», — прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—«ты сегодня сиди дома». Потомъ пошелъ онъ засѣвать поле съ своими неграми и старшимъ моимъ братомъ.

«Насъ осталось дома четверо дѣтей. Мачиха, чтобъ вѣрнѣе меня удержать, поручила мнѣ смотрѣть за младшимъ, которому не было еще году. Я скоро соскучился и сталъ щипать его, чтобъ заставить кричать. Мачиха велѣла мнѣ взять его на руки и съ нимъ гулять по комнатамъ. Я послушался, но не переставалъ его щипать. Наконецъ она стала кормить его грудью, а я побѣжалъ проворно на дворъ и ускользнулъ въ калитку, оттуда въ поле. Не въ далекомъ разстояніи отъ дома и близъ самаго поля стояло орѣховое дерево, подъ которымъ бѣгалъ я собирать прошлогодніе орѣхи. Я осторожно до него добрался, чтобъ не быть замѣчену ни отцомъ, ни его работниками... Какъ теперь вижу отца моего, стоящаго съ ружьемъ на стражѣ посреди поля. Я спрятался за дерево и думалъ про себя: мнѣ бы очень хотѣлось увидѣть индійцевъ.

«Ужь моя соломенная шляпа была почти полна орѣхами, какъ вдругъ услышалъ я шорохъ. Я оглянулся: индійцы! Старикъ и молодой человѣкъ схватили меня и потащили. Одинъ изъ нихъ

выбросилъ изъ моей шляпы орѣхи и надѣлъ мнѣ ее на голову. Послѣ того ничего не помню. Вѣроятно я упалъ въ обморокъ, потому что не закричалъ. Наконецъ я очнулся подъ высокимъ деревомъ. Старика не было. Я находился между молодымъ человѣкомъ и другимъ индійцемъ, широкоплечимъ и малорослымъ. Вѣроятно я его чѣмъ нибудь да разсердилъ, потому что онъ потащилъ меня въ сторону, схватилъ свой томагаукъ (дубину) и знаками велѣлъ мнѣ глядѣть вверхъ. Я понялъ, что онъ мнѣ приказывалъ въ послѣдній разъ взглянуть на небо, потому что готовился меня убить. Я повиновался; но молодой индіецъ, похитившій меня, удержалъ ударъ, взнесенный надъ моей головою. Оба заспорили съ живостію. Покровитель мой закричалъ. Нѣсколько голосовъ ему отвѣчало. Старикъ и четыре другіе индійца прибѣжали поспѣшно. Старый начальникъ, казалось, строго говорилъ тому, кто угрожалъ мнѣ смертію. Потомъ онъ и молодой человѣкъ взяли меня каждый за руку и потащили опять. Между тѣмъ, ужасный индіецъ шелъ за нами. Я замедлялъ ихъ отступленіе, и замѣтно было, что они боялись быть настигнуты.

«Въ разстояніи одной мили отъ нашего дома, у берега рѣки, въ кустахъ, спрятанъ былъ ими челнокъ изъ древесной коры. Они сѣли въ него всѣ семеро, взяли меня съ собою и переправились на другой берегъ, у самаго устья Бигъ-Міами. Челнокъ остановили. Въ лѣсу спрятаны были одѣяла (кожаныя) и запасы; они предложили мнѣ дичины и медвѣжьяго жиру. Но я не могъ ѣсть. Нашъ домъ отселѣ былъ еще виденъ; они смотрѣли на него и потомъ обращались ко мнѣ со смѣхомъ. Не знаю, что они говорили.

«Отобѣдавъ, они пошли вверхъ по берегу, таща меня съ собою по прежнему, и сняли съ меня башмаки, полагая, что они мѣшали бѣжать. Я не терялъ еще надежды отъ нихъ избавиться, не смотря на надзоръ, и замѣчалъ всѣ предметы, дабы по нимъ направить свой обратный побѣгъ; упирался также ногами о высокую траву и о мягкую землю, дабы оставить слѣды. Я надѣялся убѣжать во время ихъ сна. Настала ночь; старикъ и молодой индіецъ легли со мною подъ одно одѣяло и крѣпко при-

жали меня. Я такъ усталъ, что тотчасъ заснулъ. На другой день я проснулся на зарѣ. Индійцы уже встали и готовы были въ путь. Такимъ образомъ шли мы четыре дня. Меня кормили скудно; я все надѣялся убѣжать, но при наступленіи ночи сонъ каждый разъ мною овладѣвалъ совершенно. Ноги мои распухли и были всѣ въ ранахъ и въ занозахъ. Старикъ мнѣ помогъ коекакъ, и далъ пару мокасиновъ (родъ кожаныхъ лаптей), которые облегчили меня немного.

«Я шелъ обыкновенно между старикомъ и молодымъ индійцемъ. Часто заставляли они меня бѣгать до упаду. Нѣсколько дней я почти ничего не ѣлъ. Мы встрѣтили широкую рѣку, впадающую (думаю) въ Міами. Она была такъ глубока, что мнѣ нельзя было ее перейти. Старикъ взялъ меня къ себѣ на плечи и перенесъ на другой берегъ. Вода доходила ему подъ мышки; я увидѣлъ, что одному мнѣ перейти эту рѣку было невозможно, и потерялъ всю надежду на скорое избавленіе. Я проворно вскарабкался на берегъ, сталъ бѣгать по лѣсу, и спугнулъ съ гнѣзда дикую птицу. Гнѣздо полно было яицъ; я взялъ ихъ въ платокъ и воротился къ рѣкѣ. Индійцы стали смѣяться, увидѣвъ меня съ моею добычею, разложили огонь и стали варить яйца въ маленькомъ котлѣ. Я былъ очень голоденъ, и жадно смотрѣлъ на эти приготовленія. Вдругъ прибѣжалъ старикъ, схватилъ котелъ и вылилъ воду на огонь вмѣстѣ съ яйцами. Онъ наскоро что-то шепнулъ молодому человѣку. Индійцы поспѣшно подобрали яйца и разсѣялись по лѣсамъ. Двое изъ нихъ умчали меня со всевозможною быстротою. Я думалъ, что за нами гнались, и впослѣдствіи узналъ, что не ошибся. Вѣроятно меня искали на томъ берегу рѣки...

«Два или три дня послѣ того, встрѣтили мы отрядъ индійцевъ, состоявшій изъ двадцати или тридцати человѣкъ. Они шли въ европейскія селенія. Старикъ долго съ ними разговаривалъ. Узнавъ (какъ послѣ мнѣ сказали), что бѣлые люди за нами гнались, они пошли имъ на встрѣчу. Произошло жаркое сраженіе, и съ обѣихъ сторонъ легло много мертвыхъ.

«Походъ нашъ сквозь лѣса былъ труденъ и скученъ. Черезъ десять дней пришли мы на берегъ Мауми. Индійцы разсыпались

по лѣсу и стали осматривать деревья, перекликаясь между собою. Выбрали одно орѣховое дерево (hickory), срубили его, сняли кору и сшили изъ нея челнокъ, въ которомъ мы всѣ помѣстились; поплыли по теченію рѣки, и вышли на берегъ у большой индійской деревни, выстроенной близъ устья другой какой-то рѣки. Жители выбѣжали къ намъ на встрѣчу. Молодая женщина съ крикомъ кинулась на меня и била по головѣ. Казалось, многіе изъ жителей хотѣли меня убить; однако старикъ и молодой человѣкъ уговорили ихъ меня оставить. Повидимому, я часто бывалъ предметомъ разговоровъ, но не понималъ ихъ языка. Старикъ зналъ нѣсколько англійскихъ словъ. Онъ иногда приказывалъ мнѣ сходить за водою, разложить огонь и тому подобное, начиная такимъ образомъ требовать отъ меня различныхъ услугъ.

«Мы отправились далѣе. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ индійской деревни находилась американская контора. Тутъ нѣсколько купцовъ со мною долго разговаривали. Они хотѣли меня выкупить; но старикъ на то не согласился. Они объяснили мнѣ, что я у старика заступлю мѣсто его сына, умершаго недавно; обошлись со мною ласково и хорошо меня кормили во все время нашего пребыванія. Когда мы разстались, я сталъ кричать — въ первый разъ послѣ моего похищенія изъ дому родительскаго. Купцы утѣшали меня, обѣщавъ черезъ десять дней выкупить изъ неволи».

Наконецъ челнокъ причалилъ къ мѣсту, гдѣ обитали похитители бѣднаго Джона. Старуха вышла изъ деревяннаго шалаша и побѣжала къ нимъ на встрѣчу. Старикъ сказалъ ей нѣсколько словъ; она закричала, обняла, прижала къ сердцу своего маленькаго плѣнника и потащила въ шалашъ.

Похититель Джона Теннера назывался Монито-о-гезикъ. Младшій изъ его сыновей умеръ незадолго передъ происшествіемъ, здѣсь описаннымъ. Жена его объявила, что не будетъ жива, если ей не отыщутъ ея сына. То есть, она требовала молодаго невольника, съ тѣмъ чтобы его усыновить. Старый Монито-о-гезикъ съ сыномъ сво-

имъ Кишъ-кау-ко и съ двумя единоплеменниками, жителями Гуронскаго озера, тотчасъ отправились въ путь, чтобы только удовлетворить желаніе старухи. Трое молодыхъ людей, родственники старика, присоединились къ нему. Всѣ семеро пришли къ селеніямъ, расположеннымъ на берегахъ Оіо. Наканунѣ похищенія индійцы переправились черезъ рѣку и спрятались близъ Теннерова дома. Молодые люди съ нетерпѣніемъ ожидали появленія ребенка, и нѣсколько разъ готовы были выстрѣлить по работникамъ. Старикъ насилу могъ ихъ удержать.

Возвратясь благополучно домой съ своею добычею, старый Монито-о-гезикъ на другой же день созвалъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, и Джонъ Теннеръ былъ торжественно усыновленъ на самой могилѣ маленькаго дикаря.

Была весна. Индійцы оставили свои селенія и всѣ отправились на ловлю звѣрей. Выбравъ себѣ удобное мѣсто, они стали ограждать его заборомъ изъ зеленыхъ вѣтвей и молодыхъ деревъ, изъ-за которыхъ должны были стрѣлять. Джону поручили обламывать сухія вѣточки и обрывать листья съ той стороны, гдѣ скрывались охотники. Маленькій плѣнникъ, утомленный зноемъ и трудомъ, всегда голодный и грустный, лѣниво исполнялъ свою должность. Старый Монито-о-гезикъ, заставъ однажды его спящимъ, ударилъ мальчика по головѣ своимъ томагаукомъ и бросилъ за-мертво въ кусты. Возвратясь въ таборъ, старикъ сказалъ женѣ своей: „Старуха! мальчикъ, котораго я тебѣ привелъ, ни къ чему негоденъ; я его убилъ. Ты найдешь его тамъ-то.“ Старуха съ дочерью прибѣжали, нашли Теннера еще живаго и привели его въ чувства.

Жизнь маленькаго пріемыша была самая горестная. Его заставляли работать сверхъ силъ; старикъ и сыновья его били бѣднаго мальчика поминутно. Ѣсть ему почти ничего не давали; ночью онъ спалъ обыкновенно между дверью и очагомъ, и всякій, входя и выходя, не-

премѣнно давалъ ему ногою толчекъ. Старикъ возненавидѣлъ его и обходился съ нимъ съ удивительной жестокостію. Теннеръ никогда не могъ забыть слѣдующаго происшествія.

Однажды Монито-о-гезикъ, вышедъ изъ своей хижины, вдругъ возвратился, схватилъ мальчика за волосы, потащилъ за дверь, и уткнулъ „какъ кошку" лицомъ въ навозную кучу. „Подобно всѣмъ индійцамъ", говоритъ американскій издатель его Записокъ, „Теннеръ имѣетъ привычку скрывать свои ощущенія. Но когда разсказывалъ онъ мнѣ сіе приключеніе, блескъ его взгляда и судорожный трепетъ верхней губы доказывали, что жажда мщенія — отличительное свойство людей, съ которыми провелъ онъ свою жизнь — не была чужда и ему. Тридцать лѣтъ спустя, желалъ онъ еще омыть обиду, претерпѣнную имъ на двѣнадцатомъ году!"

Зимою начались военныя приготовленія. Монито-о-гезикъ, отправляясь въ походъ, сказалъ Теннеру: „Иду убить твоего отца, братьевъ и всѣхъ родственниковъ..." Чрезъ нѣсколько дней онъ возвратился, и показалъ Джону бѣлую, старую шляпу, которую онъ тотчасъ узналъ: она принадлежала брату его. Старикъ увѣрилъ его, что сдержалъ свое слово, и что никто изъ его родныхъ уже болѣе не существуетъ.

Время шло, и Джонъ Теннеръ началъ привыкать къ судьбѣ своей. Хотя Монито-о-гезикъ все обходился съ нимъ сурово, но старуха его любила искренно и старалась облегчать его участь. — Черезъ два года произошла важная перемѣна. Начальница племени Отавуавовъ, Нетъ-но-куа, родственница стараго индійца, похитителя Джона Теннера, купила его, чтобъ замѣнить себѣ потерю сына. Джонъ Теннеръ былъ вымѣненъ на боченокъ водки и на нѣсколько фунтовъ табаку.

Вторично усыновленный, Теннеръ нашелъ въ новой матери своей ласковую и добрую покровительницу. Онъ искренно къ ней привязался; вскорѣ отвыкъ отъ привы-

чекъ своей дѣтской образованности и сдѣлался совершеннымъ индійцемъ — и теперь, когда судьба привела его снова въ общество, отъ коего былъ онъ отторгнутъ въ младенчествѣ, Джонъ Теннеръ сохранилъ видъ, характеръ и предразсудки дикарей, его усыновившихъ.

„Записки“ Теннера представляютъ живую и грустную картину. Въ нихъ есть какое-то однообразіе, какая-то сонная безсвязность и отсутствіе мысли, дающія нѣкоторое понятіе о жизни американскихъ дикарей. Это длинная повѣсть о застрѣленныхъ звѣряхъ, о метеляхъ, о голодныхъ, дальнихъ шествіяхъ, объ охотникахъ, замерзшихъ на пути, о скотскихъ оргіяхъ, о ссорахъ, о враждѣ, о жизни бѣдной и трудной, о нуждахъ, непонятныхъ для чадъ образованности.

Американскіе дикари всѣ вообще звѣроловы. Цивилизація европейская, вытѣснивъ ихъ изъ наслѣдственныхъ пустынь, подарила имъ порохъ и свинецъ: тѣмъ и ограничилось ея благодѣтельное вліяніе. Искусный стрѣлокъ почитается между ими за великаго человѣка. Теннеръ разсказываетъ первый свой опытъ на поприщѣ, на которомъ потомъ прославился.

«Я отроду еще не стрѣлялъ. Мать моя (Нетъ-но-куа) только что купила боченокъ пороху. Ободренный ея снисходительностію, я попросилъ у ней пистолетъ, чтобъ идти въ лѣсъ стрѣлять голубей. Мать моя согласилась, говоря: «пора тебѣ быть охотникомъ». Мнѣ дали заряженный пистолетъ, и сказали, что эсли удастся застрѣлить птицу, то дадутъ ружье и станутъ учить охотѣ.

«Съ того времени я возмужалъ и нѣсколько разъ находился въ затруднительномъ положеніи; но никогда жажда успѣха не была во мнѣ столь пламенна. Едва вышелъ я изъ табора, какъ увидѣлъ голубей въ близкомъ разстояніи. Я взвелъ курокъ и поднялъ пистолетъ почти къ самому носу; прицѣлился и выстрѣлилъ. Въ то же время мнѣ послышалось жужжаніе, подобное свисту брошеннаго камня; пистолетъ полетѣлъ черезъ мою голову, а голубь лежалъ подъ деревомъ, на которомъ сидѣлъ.

«Не заботясь о моемъ израненномъ лицѣ, я побѣжалъ въ таборъ съ застрѣленнымъ голубемъ. Раны мои осмотрѣли; мнѣ дали ружье, порохъ и дробь, и позволили стрѣлять по птицамъ. Съ той поры стали со мною обходиться съ уваженіемъ».

Вскорѣ послѣ того молодой охотникъ отличился новымъ подвигомъ.

«Дичь становилась рѣдка; толпа наша (отрядъ охотниковъ съ женами и дѣтьми) голодала. Предводитель нашъ совѣтовалъ перенести таборъ на другое мѣсто. Наканунѣ назначеннаго дня для походу, мать моя долго говорила о нашихъ неудачахъ и объ ужасной скудности, насъ постигшей. Я легъ спать; но ея пѣсни и молитвы разбудили меня. Старуха громко молилась большую часть ночи.

«На другой день, рано утромъ, она разбудила насъ; велѣла обуваться и быть готовымъ въ походъ. Потомъ призвала своего сына Уа-ме-гонъ-е-бью, и сказала ему: «Сынъ мой, въ нынѣшнюю ночь я молилась Великому Духу. Онъ явился мнѣ въ образѣ человѣческомъ, и сказалъ: Нетъ-но-куа! завтра будетъ вамъ медвѣдь для обѣда. Вы встрѣтите на пути вашемъ (по такому-то направленію) круглую долину, и на долинѣ тропинку; медвѣдь находится на той тропинкѣ».

«Но молодой человѣкъ, не всегда уважавшій слова своей матери, вышелъ изъ хижины и разсказалъ сонъ ея другимъ индійцамъ. «Старуха увѣряетъ, сказалъ онъ смѣясь, что мы сегодня будемъ ѣсть медвѣдя, но не знаю, кто-то его убьетъ». Нетъ-но-куа его за то побранила, но не могла уговорить идти на медвѣдя.

«Мы пошли въ походъ. Мужчины шли впереди и несли наши пожитки. Пришедъ на мѣсто, они отправились на ловлю, а дѣти остались стеречь поклажу до прибытія женщинъ. Я былъ тутъ же; ружье было при мнѣ. Я все думалъ о томъ, что говорила старуха, и рѣшился идти отыскивать долину, приснившуюся ей; зарядилъ ружье пулею, и не говоря никому ни слова, воротился назадъ.

«Я прибылъ къ одному мѣсту, гдѣ вѣроятно нѣкогда находился прудъ, и увидѣлъ круглое, малое пространство посреди

лѣса. Вотъ, подумалъ я, долина, назначенная старухою. Вскорѣ нашелъ родъ тропинки, вѣроятно русло изсохшаго ручейка. Все покрыто было глубокимъ снѣгомъ.

Мать сказывала также, что во снѣ видѣла она дымъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находился медвѣдь. Я былъ увѣренъ, что нашелъ долину, ею описанную, и долго ждалъ появленія дыма. Однакожь дымъ не показывался. Наскуча напраснымъ ожиданіемъ, сдѣлалъ я нѣсколько шаговъ тамъ, гдѣ, казалось, шла тропинка, и вдругъ увязъ по поясъ въ снѣгу.

«Выкарабкавшись проворно, прошелъ я еще нѣсколько шаговъ, какъ вспомнилъ вдругъ разсказы индійцевъ о медвѣдяхъ, и мнѣ пришло въ голову, что, можетъ быть, мѣсто куда я провалился, была медвѣжья берлога. Я воротился и въ глубинѣ впадины увидѣлъ голову медвѣдя; приставилъ ему дуло ружья между глазами и выстрѣлилъ. Коль скоро дымъ разошелся, я взялъ палку и нѣсколько разъ воткнулъ ея конецъ въ глаза и рану; потомъ, удостовѣрясь, что медвѣдь убитъ, сталъ его тащить изъ берлоги, но не смогъ, и возвратился въ таборъ по своимъ слѣдамъ.

«Вошелъ въ шалашъ моей матери. Старуха сказала мнѣ: «сынъ мой, вынь изъ котла кусокъ боброваго мяса, которое мнѣ дали сегодня, да оставь половину брату, который съ охоты еще не воротился, и сегодня ничего не ѣлъ...» Я съѣлъ свой кусокъ, и видя, что старуха одна, подошелъ къ ней и сказалъ ей на ухо: «Мать! я убилъ медвѣдя!» —Что ты говоришь?—«Я убилъ медвѣдя!»—Точно ли онъ убитъ? «Точно». Она нѣсколько времени глядѣла на меня неподвижно; потомъ обняла меня съ нѣжностію и долго ласкала. Пошли за убитымъ медвѣдемъ; и какъ это былъ еще первый, то, по обычаю индійцевъ, его изжарили цѣльнаго, и всѣ охотники приглашены были съѣсть его вмѣстѣ съ нами».

Описаніе различныхъ охотъ и приключеній во время преслѣдованія звѣрей занимаетъ много мѣста въ „Запискахъ“ Джона Теннера. Исторіи объ однихъ убитыхъ медвѣдяхъ составляютъ цѣлый романъ. То, что онъ говоритъ о „музѣ“, американскомъ оленѣ (cervus alces), достойно изслѣдованія натуралистовъ.

«Индійцы увѣрены, что музъ между прочимъ одаренъ способностію долго оставаться подъ водою. Двое изъ моихъ знакомыхъ, люди не лживые, возвратились однажды вечеромъ съ охоты и разсказали намъ, что молодой музъ, загнанный ими въ маленькій прудъ, нырнулъ въ средину. Они до вечера стерегли его на берегу, куря табакъ; во все время не видали они ни малѣйшаго движенія воды, ни другой какой либо примѣты скрывшагося муза, и потерявъ надежду на успѣхъ, наконецъ возвратились.

«Нѣсколько минутъ по ихъ прибытіи, явился одинокій охотникъ съ свѣжею добычею. Онъ разсказалъ, что звѣриный слѣдъ привелъ его къ берегамъ пруда, гдѣ нашелъ онъ слѣды двухъ человѣкъ, повидимому, прибывшихъ туда съ музомъ почти въ одно время. Онъ заключилъ, что музъ былъ ими убитъ; сѣлъ на берегъ и вскорѣ увидѣлъ муза, приставшаго тихо надъ неглубокою водою, и застрѣлилъ его въ пруду.

«Индійцы полагаютъ, что музъ животное самое осторожное, и что достать его весьма трудно. Онъ бдительнѣе, нежели дикій буйволъ (bison, bos americanus) и канадскій олень (kariboo), и имѣетъ болѣе острое чутье. Онъ быстрѣе лося, осторожнѣе и хитрѣе дикой козы (l'antilope). Въ самую страшную бурю, когда вѣтеръ и громъ сливаютъ свой продолжительный ревъ съ безпрестаннымъ шумомъ проливнаго дождя, если сухой прутикъ хрустнетъ въ лѣсу подъ ногой или рукой человѣческой, музъ уже слышитъ. Онъ не всегда убѣгаетъ, но перестаетъ ѣсть и вслушивается во всѣ звуки. Если въ теченіе цѣлаго часа человѣкъ не произведетъ никакого шума, то музъ начинаетъ ѣсть опять, но ужь не забываетъ звука имъ услышаннаго, и на нѣсколько часовъ осторожность его остается дѣятельнѣе».

Легкость и неутомимость индійцевъ въ преслѣдованіи звѣрей почти неимовѣрны. Вотъ какъ Теннеръ описываетъ охоту за лосями.

«Холодная погода только что начиналась. Снѣгъ былъ еще не глубже одного фута; а мы уже чувствовали голодъ. Намъ встрѣтилась толпа лосей, и мы убили четырехъ въ одинъ день.

«Вотъ какъ индійцы травятъ лосей. Спугнувъ съ мѣста, они

преслѣдуютъ ихъ ровнымъ шагомъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Испуганные звѣри сгоряча опережаютъ ихъ на нѣсколько миль; но индійцы, слѣдуя за ними все тѣмъ же шагомъ, наконецъ настигаютъ ихъ; толпа лосей, завидя ихъ, бѣжитъ съ новымъ усиліемъ и исчезаетъ опять на часъ или на два. Охотники начинаютъ открывать ихъ скорѣе и скорѣе, и лоси все долѣе остаются въ ихъ виду; наконецъ охотники ужь ни на минуту не теряютъ ихъ изъ глазъ. Усталые лоси бѣгутъ тихой рысью; вскорѣ идутъ шагомъ. Тогда и охотники находятся почти въ совершенномъ изнеможеніи. Однакожь они обыкновенно могутъ еще дать залпъ изъ ружей по стаду лосей; но выстрѣлы придаютъ звѣрямъ новую силу; а охотники, ежели снѣгъ не глубокъ, рѣдко имѣютъ духъ и возможность выстрѣлить болѣе одного или двухъ разъ. Въ продолжительномъ бѣгствѣ лось не легко высвобождаетъ копыто свое; въ глубокихъ снѣгахъ его достигнуть легко. Есть индійцы, которые могутъ преслѣдовать лосей по степи и безснѣжной; но такихъ мало».

Препятствія, нужды, встрѣчаемыя индійцами въ сихъ предпріятіяхъ, превосходятъ все, что можно себѣ вообразить. Находясь въ безпрестанномъ движеніи, они не ѣдятъ по цѣлымъ суткамъ и принуждены иногда, послѣ такого насильственнаго поста, довольствоваться вареной кожаной обувью. Проваливаясь въ пропасти, покрытыя снѣгомъ, переправляясь черезъ бурныя рѣки на легкой древесной корѣ, они находятся въ ежеминутной опасности потерять или жизнь, или средства къ ея поддержанію. Подмочивъ гнилое дерево, изъ коего добываютъ себѣ огонь, часто охотники замерзаютъ въ снѣговой степи. Самъ Теннеръ нѣсколько разъ чувствовалъ приближеніе ледяной смерти.

«Однажды рано утромъ, говоритъ онъ, я погналъ лося и преслѣдовалъ его до ночи; уже готовъ былъ его достигнуть, но вдругъ лишился и силъ, и надежды. Одежда моя, вопреки морозу, была вся мокра. Вскорѣ она оледенѣла. Мои суконныя «митассы» (порты) изорвались въ клочки во время бѣга сквозь кустарники. Я почувствовалъ, что замерзаю... Около полуночи

достигъ мѣста, гдѣ стояла наша хижина; ея уже тамъ не было: старуха перенесла ее на другое мѣсто... Я пошелъ по слѣдамъ моей семьи, и вскорѣ холодъ сталъ нечувствителенъ: мною овладѣло усыпленіе, обыкновенный признакъ, предшествующій смерти. Я удвоилъ усилія и хотя былъ въ совершенной памяти и понималъ очень хорошо опасность своего положенія, но съ трудомъ могъ удержать желаніе прилечь на землю. Наконецъ совершенно забылся, не знаю на долго ли, и, очнувшись какъ ото сна, увидѣлъ, что кружился на одномъ мѣстѣ.

«Я сталъ искать своихъ слѣдовъ, и вдругъ вдали увидѣлъ огонь; но снова потерялъ чувства. Если бы я упалъ, то ужь никогда бы не всталъ. Я сталъ опять кружиться на одномъ мѣстѣ; наконецъ достигъ нашей хижины. Вошедъ въ нее, я упалъ, однакожь не лишился чувствъ. Какъ теперь вижу огонь, освѣщающій ярко нашу хижину, и ледъ, ее покрывающій; какъ теперь слышу слова старухи: она говорила, что ждали меня задолго передъ наступленіемъ ночи, не полагая, чтобъ я такъ долго остался на охотѣ... Цѣлый мѣсяцъ я не могъ выдти: лицо, руки и ляшки были у меня сильно отморожены...»

Подвергаясь таковымъ трудамъ и опасностямъ, индійцы имѣютъ цѣлію заготовленіе бобровыхъ мѣховъ, буйволовыхъ кожъ и прочаго, дабы продать и вымѣнять ихъ купцамъ американскимъ. Но рѣдко получаютъ они выгоду въ торговыхъ своихъ оборотахъ: купцы обыкновенно пользуются ихъ простотою и склонностію къ крѣпкимъ напиткамъ. Вымѣнявъ часть товаровъ на ромъ и водку, бѣдные индійцы отдаютъ и остальные за безцѣнокъ; за продолжительнымъ пьянствомъ слѣдуетъ голодъ и нищета, и несчастные дикари принуждены вскорѣ опять обратиться къ скудной и бѣдственной своей промышленности. Джонъ Теннеръ слѣдующимъ образомъ описываетъ одну изъ этихъ оргій.

«Торгъ нашъ кончился. Старуха подарила купцу прекрасныхъ мѣховъ. Въ замѣну подарка обыкновенно получала она одно платье, серебряныя украшенія, знаки ея владычества, и бочку рому. Когда купецъ послалъ за нею, чтобъ вручить свой пода-

рокъ, она такъ была пьяна, что не могла держаться на ногахъ. Я явился вмѣсто ея и былъ немножко навеселѣ; нарядился въ ея платье, надѣлъ на себя и серебряныя украшенія; потомъ, взваливъ бочку на плечи, принесъ ее въ хижину. Тутъ я поставилъ бочку наземь и прошибъ дно обухомъ. «Я не изъ тѣхъ начальниковъ»—сказалъ я—«которые тянутъ ромъ изъ дырочки: пей кто хочетъ и сколько хочетъ!»—Старуха прибѣжала съ тремя котлами—и въ пять минутъ все было выпито. Я пьянствовалъ съ индійцами во второй разъ отроду; у меня спрятанъ былъ ромъ; тайно ходилъ я пить и былъ пьянъ два дня сряду. Остатки пошелъ допивать съ племянникомъ старухи... Онъ не былъ еще пьянъ; но жена его лежала передъ огнемъ въ совершенномъ безчувствіи...

«Мы сѣли пить. Въ это время индіецъ, изъ племени Ожибуай, вошелъ шатаясь, и повалился передъ огнемъ. Ужь было поздно; но весь таборъ шумѣлъ и пьянствовалъ. Я съ товарищемъ вышелъ, чтобъ попировать съ тѣми, которые захотятъ насъ пригласить; не будучи еще очень пьяны, мы спрятали котелъ съ остальною водкою. Погулявъ нѣсколько времени, мы воротились. Жена товарища моего все еще лежала передъ огнемъ; но на ней уже не было ея серебряныхъ украшеній. Мы кинулись къ нашему котлу: котелъ исчезъ; индіецъ, оставленный нами передъ огнемъ, скрылся, и по многимъ причинамъ мы подозрѣвали его въ этомъ воровствѣ. Дошло до меня, что онъ сказывалъ, будто бы я его поилъ. На другой день пошелъ я въ его хижину и потребовалъ котла. Онъ велѣлъ своей женѣ принести его. Такимъ образомъ воръ сыскался, и братъ мой получилъ обратно серебряныя украшенія...»

Оставляемъ читателю судить, какое улучшеніе въ нравахъ дикарей приноситъ соприкосновеніе цивилизаціи!

Легкомысленность, невоздержность, лукавство и жестокость—главные пороки дикихъ американцевъ. Убійство между ими не почитается преступленіемъ; но родственники и друзья убитаго обыкновенно мстятъ за его смертъ. Джонъ Теннеръ навлекъ на себя ненавистъ одного индійца и нѣсколько разъ подвергался его удару. „Ты

давно могъ бы меня убить, сказалъ ему однажды Теннеръ, но ты не мужчина, у тебя нѣтъ даже сердца женскаго, ни смѣлости собачьей. Никогда не прощу тебѣ, что ты на меня замахнулся ножемъ и не имѣлъ духа поразить.“ Храбрость почитается между индійцами главною человѣческою добродѣтелью: трусъ презираемъ у нихъ наравнѣ съ лѣнивымъ или слабымъ охотникомъ. Иногда, если убійство произошло въ пьянствѣ или ненарочно, родственники торжественно прощаютъ душегубца. Теннеръ разсказываетъ любопытный случай.

«Молодой человѣкъ, изъ племени Оттоваула, жившій у меня во время моей болѣзни, отлучился въ таборъ новоприбывшихъ индійцевъ, которые въ то время пьянствовали. Въ полночь его привели къ намъ пьянаго. Одинъ изъ проводниковъ втолкнулъ его въ хижину, сказавъ: «смотрите за нимъ; молодой человѣкъ напроказилъ.»

«Мы разложили огонь и увидѣли молодаго человѣка, стоящаго съ ножемъ въ рукѣ, всего окровавленнаго. Его не могли уложить; я приказалъ ему лечь, и онъ повиновался. Я запретилъ дѣлать разысканія и упоминать ему объ окровавленномъ ножѣ.

«Утромъ, вставъ отъ глубокаго сна, онъ ничего не помнилъ. Молодой человѣкъ сказалъ намъ, что наканунѣ, кажется, онъ напился пьянъ, что очень голоденъ и хочетъ готовить себѣ обѣдъ. Онъ изумился, когда я сказалъ ему, что онъ убилъ человѣка. Онъ зналъ только, что во время пьянства кричалъ, вспомня объ отцѣ своемъ, убитомъ на томъ самомъ мѣстѣ бѣлыми людьми. Онъ очень опечалился и тотчасъ побѣжалъ взглянуть на того, кого зарѣзалъ. Несчастный былъ еще живъ. Мы узнали, что когда былъ онъ пораженъ, тогда лежалъ пьяный безъ памяти, и что самъ убійца вѣроятно не зналъ, кто была его жертва. Родственники не говорили ничего; но переводчикъ (американскаго губернатора) сильно его упрекалъ.

«Ясно было, что раненый не могъ жить, и что послѣдній часъ его былъ уже близокъ. Убійца возвратился къ намъ. Мы приготовили значительные подарки: кто далъ одѣяло, кто кусокъ сукна, кто то, кто другое. Онъ унесъ ихъ тотчасъ и положилъ

передъ раненымъ. Потомъ обратясь къ родственникамъ, сказалъ имъ: «Друзья мои, вы видите, что я убилъ вашего брата; но я самъ не зналъ, что дѣлалъ. Я не имѣлъ злаго намѣренія; недавно приходилъ онъ въ нашъ таборъ, я съ нимъ видѣлся дружелюбно; но въ пьянствѣ я обезумѣлъ, и жизнь моя вамъ принадлежитъ. Я бѣденъ, и живу у чужихъ; но они готовы отвести меня къ моему семейству и прислали вамъ эти подарки. Жизнь моя въ вашихъ рукахъ; подарки передъ вами: выбирайте, что хотите. Друзья мои жаловаться не станутъ».

«При сихъ словахъ онъ сѣлъ, наклонивъ голову и закрывъ глаза руками въ ожиданіи смертельнаго удара. Но старая мать убитаго вышла впередъ и сказала ему: «Ни я, ни дѣти мои смерти твоей не хотятъ. Не отвѣчаю за моего мужа: его здѣсь нѣтъ; однакожъ подарки твои принимаю, и буду стараться отвратить отъ тебя мщеніе мужа. Это несчастіе случилось ненарочно. За что же твоя мать будетъ плакать, какъ я?»

«На другой день молодой человѣкъ умеръ, и многіе изъ насъ помогли убійцѣ вырыть могилу. Когда все было готово, губернаторъ подарилъ мертвецу богатыя одѣяла, платья и прочее (что, по обычаю индійцевъ, должно было быть схоронено вмѣстѣ съ тѣломъ). Эти подарки положены были въ кучу на краю могилы. Но старуха, вмѣсто того, чтобъ ихъ закопать, предложила молодымъ людямъ разыграть ихъ между собою.

«Разныя игры слѣдовали одна за другою: стрѣляли въ цѣль, прыгали, боролись и пр. Но лучшій кусокъ сукна былъ назначенъ наградою побѣдителю за бѣгъ въ запуски. Самъ убійца его выигралъ. Старуха подозвала его и сказала: «Молодой человѣкъ! сынъ мой былъ очень мнѣ дорогъ; боюсь, долго и часто буду его оплакивать; я была бы счастлива, если бы ты заступилъ его мѣсто, и любилъ и охранялъ меня подобно ему. Боюсь только моего мужа». Молодой человѣкъ, благодарный за ея заступленіе, принялъ тотчасъ предложеніе. Онъ былъ усыновленъ, и родственники убитаго всегда обходились съ нимъ ласково и дружелюбно».

Не всѣ ссоры и убійства кончаются такъ миролюбиво. Джонъ Теннеръ описалъ одну ссору, гдѣ ужасное и смѣшное страннымъ образомъ перемѣшаны между собою.

«Братъ мой Уа-ме-гон-е-бью вошелъ въ шалашъ, гдѣ молодой человѣкъ билъ одну старуху. Братъ удержалъ его за руку. Въ это самое время пьяный старикъ, по имени Та-бу-шишъ, вошелъ туда же, и вѣроятно не разобравъ порядочно въ чемъ дѣло, схватилъ брата за волосы и откусилъ ему носъ. Народъ сбѣжался: произошло смятеніе. Многихъ изранили. Бегъ-уа-изъ, одинъ изъ старыхъ начальниковъ, бывшій всегда къ намъ благосклоненъ, прибѣжалъ на шумъ, и почелъ своею обязанностію вмѣшаться въ дѣло. Между тѣмъ братъ мой, замѣтя свою потерю, поднялъ руки, не подымая глазъ, вцѣпился въ волоса первой попавшейся ему головы, и разомъ откусилъ ей носъ. Это былъ носъ нашего друга, стараго Бегъ-уа-иза! Утоливъ немного свое бѣшенство, Уа-ме-гонъ-е-бью узналъ его, и закричалъ: «дядя! это ты!» Бегъ-уа-изъ былъ человѣкъ добрый и смирный; онъ зналъ, что братъ откусилъ ему носъ совсѣмъ неумышленно. Онъ ни мало не сердился, и сказалъ: «Я старъ: не долго будутъ смѣяться надъ потерею моего носа».

«Съ своей стороны я былъ въ сильномъ негодованіи на старика, обезобразившаго брата моего. Я вошелъ въ хижину къ Уа-ме-гонъ-е-бью и сѣлъ подлѣ него. Онъ былъ весь окровавленъ; нѣсколько времени молчалъ, и когда заговорилъ, я увидѣлъ, что онъ былъ въ полномъ своемъ разсудкѣ. «Завтра, сказалъ онъ, я буду плакать съ моими дѣтьми; послѣ завтра войду къ Та-бу-шишу (врагу своему), и мы оба умремъ: я не хочу жить, чтобъ быть вѣчно посмѣшищемъ». Я обѣщался ему помочь въ его предпріятіи и приготовился къ дѣлу. Но проспавшись и проплакавъ цѣлый день съ своими дѣтьми, онъ оставилъ свои злобныя намѣренія и рѣшился какъ нибудь обойтися безъ носу такъ же, какъ и Бегъ-уа-изъ.

«Нѣсколько дней спустя Та-бу-шишъ опасно занемогъ горячкою. Онъ ужасно похудѣлъ, и, казалось, умиралъ. Наконецъ прислалъ онъ къ Уа-ме-гонъ-е-бью два котла и другіе значительные подарки, и велѣлъ сказать: «Другъ мой, я тебя обезобразилъ, а ты наслалъ на меня болѣзнь. Я много страдалъ, а коли умру, то дѣти мои будутъ страдать еще болѣе. Посылаю тебѣ подарки, дабы ты оставилъ мнѣ жизнь...» Уа-ме-гонъ-е-бью отвѣчалъ ему

черезъ посланнаго: «Не я наслалъ на тебя болѣзнь; вылечить тебя не могу, подарковъ твоихъ не хочу». Та-бу-шишъ томился около мѣсяца; волосы у него вылѣзли; потомъ онъ началъ выздоравливать и мы всѣ пошли въ степи по разнымъ направленіямъ, удаляясь одинъ отъ другаго какъ можно болѣе...

«Однажды мы расположились таборомъ близь деревушки, въ которую переселился Та-бу-шишъ, и готовы были уже снова выступить, какъ вдругъ увидѣли его. Онъ былъ весь голый, расписанъ и украшенъ какъ для битвы и держалъ въ рукахъ оружіе. Онъ медленно къ намъ приближался и казался глубоко раздраженнымъ. Но никто изъ насъ не понялъ его намѣренія до самой той минуты, какъ онъ уставилъ дуло своего ружья въ спину моему брату. «Другъ мой, сказалъ онъ ему, мы довольно пожили; мы довольно другъ друга помучили. Тебя просили отъ моего имени довольствоваться тѣмъ, что уже я вытерпѣлъ; ты не согласился; черезъ тебя я все еще страдаю; жизнь мнѣ несносна: намъ должно вмѣстѣ умереть». Два молодые индійца, видя его намѣреніе, тотчасъ натянули свои луки и прицѣлились въ него стрѣлами; но Та-бу-шишъ не обратилъ на нихъ никакого вниманія. Уа-ме-гонъ-е-бью испугался и не смѣлъ приподнять голову. Та-бу-шишъ готовъ былъ биться съ нимъ на смерть; но онъ не принялъ вызова. Съ той поры я вовсе пересталъ его уважать: послѣдній индіецъ былъ храбрѣе и великодушнѣе его».

Если частныя распри индійцевъ жестоки и кровопролитны, то войны ихъ за то вовсе не губительны и ограничиваются по большей части утомительными походами. Начальники не пользуются никакою властію, а дикари не знаютъ, что такое повиновеніе воинское. Они, наскуча походомъ, оставляютъ войско одинъ за другимъ и возвращаются каждый въ свою хижину, не успѣвъ увидѣть непріятеля. Старшины упрямятся нѣсколько времени; но, оставшись одни безъ воиновъ, слѣдуютъ общему примѣру и война кончается безъ всякаго послѣдствія.

Джонъ Теннеръ разсказываетъ съ видимымъ удовольствіемъ одинъ изъ своихъ военныхъ подвиговъ, который

немного походитъ на воровство, но тѣмъ не менѣе доказываетъ его предпріимчивость и неустрашимость. Какіе-то индійцы похитили у него лошадь. Онъ отправился съ намѣреніемъ или отыскать ее, или замѣнить. Посѣщая индійскія селенія, въ одномъ изъ нихъ не встрѣтилъ онъ никакого гостепріимства. Это его оскорбило, и замѣтивъ добрую лошадь, принадлежавшую старшинѣ, онъ изъ мести рѣшился присвоить ее себѣ.

«У меня подъ одѣяломъ, говоритъ онъ, спрятанъ былъ арканъ. Я искусно набросилъ его на шею лошади — и не поскакалъ, а полетѣлъ. Когда лошадь начала задыхаться, я остановился, чтобы оглянуться: хижины негостепріимной деревни были едва видны и казались маленькими точками въ далекой долинѣ...

«Тутъ я подумалъ, что не хорошо поступаю, похищая любимую лошадь человѣка, не сдѣлавшаго мнѣ никакого зла, хотя и отказавшаго мнѣ въ должномъ гостепріимствѣ. Я соскочилъ съ лошади и пустилъ ее на волю. Но въ ту же минуту увидѣлъ толпу индійцевъ, скачущихъ изъ-за возвышенія. Я едва успѣлъ убѣжать въ ближній орѣшникъ. Они искали меня нѣсколько времени по разнымъ направленіямъ, а я между тѣмъ спрятался съ большей осторожностію. Они разсѣялись. Многіе прошли близехонько отъ меня; но я былъ такъ хорошо спрятанъ, что могъ безопасно наблюдать за всѣми ихъ движеніями. Одинъ молодой человѣкъ раздѣлся до-нага, какъ для сраженія, запѣлъ свою боевую пѣснь, бросилъ ружье, и съ простою дубиною въ рукахъ пошелъ прямо къ мѣсту, гдѣ я былъ спрятанъ. Онъ уже былъ отъ меня шагахъ въ двадцати. Курокъ у ружья моего былъ взведенъ, и я цѣлилъ въ сердце.... Но онъ воротился. Онъ конечно не видалъ меня; но мысль находиться подъ надзоромъ невидимаго врага, вооруженнаго ружьемъ, вѣроятно поколебала его. Меня искали до ночи, и тогда лошадь уведена была обратно.

«Я тотчасъ пустился въ обратный путь, радуясь, что избавился отъ такой опасности; шелъ день и ночь, и на третьи сутки прибылъ къ рѣкѣ Маузъ. Купцы тамошней конторы пеняли, что я упустилъ изъ рукъ похищенную мною лошадь, и сказали, что дали бы за нее хорошую цѣну.

«Въ двадцати миляхъ отъ этой конторы жилъ одинъ изъ моихъ друзей, по имени Бе-на. Я просилъ его освѣдомиться о моей лошади и объ ея похитителѣ. Бе-на впустилъ меня въ шалашъ, гдѣ жили двѣ старухи, и сквозь щелку указалъ на ту хижину, гдѣ жилъ Багисъ-кунъ-нунгъ съ четырьмя своими сыновьями. Лошади ихъ паслись около хижины. Бе-на указалъ на прекраснаго чернаго коня, вымѣненнаго ими на мою лошадь... Я тотчасъ отправился къ Багисъ-кунъ-нунгу и сказалъ ему: «Мнѣ нужна лошадь».—У меня нѣтъ лишней лошади.—«Такъ я-жь одну уведу».—А я тебя убью.—Мы разстались. Я приготовился къ утру отправиться въ путь. Бе-на далъ мнѣ буйволовую кожу вмѣсто сѣдла, а старуха продала мнѣ ремень, въ замѣну аркана, мною оставленнаго на шеѣ лошади индійскаго старшины. Рано утромъ вошелъ я въ хижину Бе-на, еще спавшаго, и покрылъ его тихонько совершенно новымъ одѣяломъ, мнѣ принадлежавшимъ. Потомъ пошелъ далѣе.

«Приближаясь къ хижинѣ Ба-гисъ-кунъ-нунга, увидѣлъ я старшаго его сына, сидящаго на порогѣ... Замѣтивъ меня, онъ закричалъ изо всей мочи... Вся деревня пришла въ смятеніе... Народъ собрался около меня... Никто, казалось, не хотѣлъ мѣшаться въ это дѣло. Одно семейство моего обидчика изъявляло явную непріязнь...

«Я такъ былъ взволнованъ, что не чувствовалъ подъ собою земли; кажется, однако, я не былъ испуганъ. Набросивъ петлю на черную лошадь, я все еще не садился верхомъ, потому что это движеніе лишило бы меня на минуту возможности защищаться—и можно было бы напасть на меня съ тыла. Подумавъ однако, что видъ малѣйшей нерѣшительности былъ бы для меня чрезвычайно невыгоднымъ, я хотѣлъ вскочить на лошадь, но сдѣлалъ слишкомъ большое усиліе — перепрыгнулъ черезъ лошадь и растянулся на той сторонѣ, съ ружьемъ въ одной рукѣ, съ лукомъ и стрѣлами въ другой. Я всталъ, поспѣшно оглядываясь кругомъ, дабы надзирать надъ движеніями моихъ непріятелей. Всѣ хохотали во все горло, кромѣ семьи Багисъ-кунънунга. Это ободрило меня, и я сѣлъ верхомъ съ большей рѣшимостію. Я видѣлъ, что ежели бы въ самомъ дѣлѣ хотѣли на меня

напасть, то воспользовались бы минутою моего паденія. Къ тому же веселый хохотъ индійцевъ доказывалъ, что предпріятіе мое вовсе ихъ не оскорбляло».

Джонъ Теннеръ отбился отъ погони и остался спокойнымъ владѣтелемъ геройски похищеннаго коня.

Онъ иногда выдаетъ себя за человѣка недоступнаго предразсудкамъ; но поминутно обличаетъ свое индійское суевѣріе. Теннеръ вѣритъ снамъ и предсказаніямъ старухъ: тѣ и другіе для него всегда сбываются. Когда голоденъ, ему снятся жирные медвѣди, вкусныя рыбы, и черезъ нѣсколько времени въ самомъ дѣлѣ удается ему застрѣлить дикую козу или поймать осетра. Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ ему всегда является во снѣ какой-то молодой человѣкъ, который даетъ добрый совѣтъ или ободряетъ его. Теннеръ поэтически описываетъ одно видѣніе, которое имѣлъ онъ въ пустынѣ на берегу Малаго Сасъ-Кау.

На берегу этой рѣки есть мѣсто, нарочно созданное для индійскаго табора: прекрасная пристань, маленькая долина, густой лѣсъ, прислоненный къ холму... Но это мѣсто напоминаетъ ужасное происшествіе: здѣсь совершилось братоубійство, злодѣяніе столь неслыханное, что самое мѣсто почитается проклятымъ. Ни одинъ индіецъ не причалитъ челнока своего къ долинѣ «Двухъ Убитыхъ»; никто не осмѣлится тамъ ночевать. Преданіе гласитъ, что нѣкогда въ индійскомъ таборѣ, здѣсь остановившемся, два брата (имѣвшіе сокола своимъ «тотемомъ»)[1] поссорились между собою, и одинъ изъ нихъ убилъ другаго. Свидѣтели такъ были поражены симъ ужаснымъ злодѣйствомъ, что тутъ же умертвили братоубійцу. Оба брата похоронены вмѣстѣ.

«Приближаясь къ сему мѣсту, я много думалъ о двухъ братьяхъ, имѣвшихъ одинъ со мною тотемъ, и которыхъ почиталъ я родственниками матери моей (Нетъ-но-куа). Я слыхалъ, что когда располагались на ихъ могилѣ (что нѣсколько разъ и случалось), они выходили изъ-подъ земли и возобновляли ссору и

[1] Родъ герба. «Соколъ» былъ также «тотемомъ» и Д. Теннера.—А. П.

убійство. По крайней мѣрѣ достовѣрно, что они безпокоили посѣтителей и мѣшали имъ спать. Любопытство мое было встревожено. Мнѣ хотѣлось разсказать индійцамъ не только, что я останавливался въ этомъ страшномъ мѣстѣ, но что еще тамъ и ночевалъ.

«Солнце садилось, когда я туда прибылъ. Я вытащилъ свой челнокъ на берегъ, разложилъ огонь и, отужинавъ, заснулъ.

«Прошло нѣсколько минутъ, и я увидѣлъ обоихъ мертвецовъ, встающихъ изъ могилы. Они пришли и сѣли у огня прямо передо мною. Глаза ихъ были неподвижно устремлены на меня. Они не улыбнулись и не сказали ни слова. Я проснулся. Ночь была темная и бурная. Я никого не видѣлъ, не услышалъ ни одного звука, кромѣ шума шатающихся деревъ. Вѣроятно я заснулъ опять, ибо мертвецы опять явились. Они, кажется, стояли внизу, на берегу рѣки, потому что головы ихъ были наравнѣ съ землею, на которой разложилъ я огонь. Глаза ихъ все были устремлены на меня. Вскорѣ они встали опять одинъ за другимъ, и сѣли снова противъ меня. Но тутъ уже они смѣялись, били меня тросточками и мучили различнымъ образомъ. Я хотѣлъ имъ сказать слово, но не стало голосу; пробовалъ бѣжать, ноги не двигались. Цѣлую ночь я волновался и былъ въ безпрестанномъ страхѣ. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, между прочимъ, чтобъ я взглянулъ на подошву ближняго холма. Я увидѣлъ связанную лошадь, глядѣвшую на меня. «Вотъ тебѣ, братъ, сказалъ мнѣ жеби (мертвецъ), лошадь на завтрашній путь. Когда ты поѣдешь домой, тебѣ можно будетъ взять ее снова, а съ нами провести еще одну ночь.

«Наконецъ разсвѣло, и я съ большимъ удовольствіемъ замѣтилъ, что эти страшныя привидѣнія исчезли съ ночнымъ мракомъ. Но, пробывъ долго между индійцами и зная множество примѣровъ тому, что сны часто сбываются, я сталъ не на шутку помышлять о лошади, данной мнѣ мертвецомъ; пошелъ къ холму, и увидѣлъ конскіе слѣды и другія примѣты, а въ нѣкоторомъ разстояніи нашелъ и лошадь, которую тотчасъ узналъ: она принадлежала купцу, съ которымъ имѣлъ я дѣло. Дорога сухимъ путемъ была нѣсколькими милями короче пути водяного.

Я бросилъ челнокъ, навьючилъ лошадь и отправился къ конторѣ, куда на другой день и прибылъ. Въ послѣдствіи времени я всегда старался миновать могилу обоихъ братьевъ, а разсказъ о моемъ видѣніи и страданіяхъ ночныхъ увеличилъ въ индійцахъ суевѣрный ужасъ».

Джонъ Теннеръ былъ дважды женатъ. Описаніе первой его любви имѣетъ въ его „Запискахъ" какую-то дикую прелесть. Красавица его носила имя, имѣвшее очень поэтическое значеніе, но которое съ трудомъ помѣстилось бы въ элегіи: она звалась Мисъ-куа-бунъ-о-куа,что по-индійски значитъ „Заря".

«Однажды вечеромъ, говоритъ Теннеръ, сидя передъ нашей хижиной, увидалъ я молодую дѣвушку. Она, гуляя, курила табакъ, и изрѣдка на меня посматривала; наконецъ подошла ко мнѣ и предложила мнѣ курить изъ своей трубки. Я отвѣчалъ, что не курю. «Ты оттого, сказала она, отказываешься, что не хочешь коснуться моей трубки». Я взялъ трубку изъ ея рукъ, и покурилъ немного — въ самомъ дѣлѣ, въ первый разъ отроду. Она со мною разговорилась и понравилась мнѣ. Съ той поры мы часто видались, и я къ ней привязался.

«Вхожу въ эти подробности, потому что у индійцевъ такимъ образомъ не знакомятся. У нихъ обыкновенно молодой человѣкъ женится на дѣвушкѣ, вовсе ему незнакомой. Они видались; можетъ быть взглянули другъ на друга; но вѣроятно никогда между собою не говорили; свадьба рѣшена стариками, и рѣдко молодая чета противится волѣ родительской. Оба знаютъ, что если союзъ сей будетъ непріятенъ одному изъ двухъ, или обоимъ вмѣстѣ, то легко будетъ его расторгнуть.

«Разговоры мои съ Мисъ-куа-бунъ-о-куа вскорѣ надѣлали много шуму въ нашемъ селеніи. Однажды старый Очукъ-куконъ вошелъ ко мнѣ въ хижину, держа за руку одну изъ многочисленныхъ своихъ внучекъ. Онъ, судя по слухамъ, полагалъ, что я хотѣлъ жениться. «Вотъ тебѣ, сказалъ онъ моей матери, самая добрая и самая прекрасная изъ моихъ внучекъ: я отдаю ее твоему сыну». Съ этимъ словомъ онъ ушелъ, оставя ее у насъ въ хижинѣ...

«Мать моя всегда любила молодую дѣвушку, которая считалась красавицей. Однакожъ старуха смутилась и сказала мнѣ наединѣ: «Сынъ, дѣвушка прекрасна и добра, но не бери ее за себя: она больна и черезъ годъ умретъ. Тебѣ нужна жена сильная и здоровая, и такъ предложимъ ей хорошій подарокъ и отошлемъ ее къ родителямъ». Дѣвушка возвратилась съ богатыми подарками, а чрезъ годъ предсказаніе старухи сбылось.

«Съ каждымъ днемъ любовь наша усиливалась. Мать моя, вѣроятно, не осуждала нашей склонности. Я ничего не говорилъ; но она знала все, и вскорѣ я въ томъ удостовѣрился. Однажды, проведши въ первый разъ большую часть ночи съ моей любовницей, я воротился поздно и заснулъ. На зарѣ старуха разбудила меня, ударивъ прутомъ по голымъ ногамъ.

«Вставай, сказала она, вставай, молодой женихъ, ступай на охоту. Жена твоя будетъ тебя болѣе почитать, когда рано воротишься къ ней съ добычею, нежели когда станешь величаться, гуляя по селенію въ отсутствіе ловцовъ». Я молча взялъ ружье и вышелъ. Въ полдень воротился, неся на плечахъ жирнаго муза, мною застрѣленнаго, и сбросилъ его къ ногамъ матери, сказавъ ей грубымъ голосомъ: «Вотъ тебѣ, старуха, что ты сегодня утромъ отъ меня требовала». Она была очень довольна и похвалила меня. Изъ того я заключилъ, что связь моя съ молодой дѣвушкой не была ей противна, и очень былъ тому радъ. Многіе изъ индійцевъ чуждаются своихъ старыхъ родителей; но хотя Нетъ-но-куа была уже дряхла и немощна, я сохранялъ къ ней прежнее, безусловное почтеніе.

«Я съ жаромъ предавался охотѣ и почти всегда возвращался рано, или по крайней мѣрѣ засвѣтло, обремененный добычею. Я тщательно наряжался и разгуливалъ по селенію, играя на индійской свирѣли, называемой ни-бе-гвунъ. Въ теченіе нѣкотораго времени Мисъ-куа-бунъ-о-куа притворно отвергала меня, Я сталъ охладѣвать; тогда она забыла все притворство... Съ моей стороны желаніе привести жену къ намъ въ хижину уменьшилось. Я хотѣлъ прервать съ нею всякія сношенія. Увидя явное равнодушіе, она хотѣла тронуть мнѣ сердце то слезами, то

упреками; но я ничего не говорилъ объ ней старухѣ, и съ каждымъ днемъ охлажденіе мое становилось сильнѣе.

«Около того времени мнѣ понадобилось побывать на Красной Рѣкѣ, и я отправился съ однимъ индійцемъ, у котораго была сильная и легкая лошадь. Намъ предстояла дорога на семьдесятъ миль. Мы по очереди ѣхали верхомъ, а пѣшій между тѣмъ бѣжалъ, держа лошадь за хвостъ. Мы были въ дорогѣ одни сутки. На возвратномъ пути я былъ одинъ и шелъ пѣшкомъ. Темнота ночи и усталость заставили меня ночевать въ десяти миляхъ отъ нашей хижины.

«Пришедъ домой на другой день, я увидѣлъ Мисъ-куа-бунъ-о-куа сидящую на моемъ мѣстѣ. Я остановился у дверей въ недоумѣніи. Она потупила голову. Старуха сказала мнѣ съ видомъ сердитымъ: «Что же? развѣ оборотишься ты спиною къ нашей хижинѣ и обезчестишь эту бѣдную дѣвушку, которой ты не стоишь? Все, что случилось между вами, сдѣлалось по твоей же волѣ, не съ моего и не съ ея согласія. Ты самъ за нею бѣгалъ повсюду; а теперь неужто прогонишь ее, какъ будто она на тебя навязалась?..» Укоризны матери казались мнѣ не совсѣмъ несправедливы. Я вошелъ и сѣлъ подлѣ дѣвушки... Такимъ образомъ мы стали мужъ и жена».

Джонъ Теннеръ оставилъ свою жену и взялъ другую, отъ которой имѣлъ троихъ дѣтей. Вопреки своей долговременной привычкѣ и страстной любви къ жизни охотничьей, жизни трудовъ, опасностей и восхищеній непонятныхъ и неизъяснимыхъ, одичалый американецъ всегда помышлялъ о возвращеніи въ нѣдра семейства, отъ котораго такъ долго былъ насильственно отторгнутъ. Наконецъ рѣшился исполнить давнишнее свое намѣреніе и отправился къ берегамъ Бигъ-Міами, къ мѣсту пребыванія прежняго своего семейства.

Пришедъ въ одно изъ тамошнихъ поселеній, встрѣтилъ онъ стараго индійца и узналъ въ немъ молодаго дикаря, нѣкогда его похитившаго. Они дружески обнялись. Теннеръ узналъ отъ него о смерти старика, такъ страшно съ нимъ познакомившагося. Индіецъ разска-

залъ ему подробности его похищенія, о которыхъ Теннеръ имѣлъ только смутное понятіе. На вопросъ его: правда ли, что старый Теннеръ и все его семейство учинились жертвою индійцевъ, какъ нѣкогда Монито-о-гезикъ увѣрялъ маленькаго своего плѣнника? индіецъ отвѣчалъ, что старикъ солгалъ, и разсказалъ ему слѣдующее:

«Годъ спустя послѣ похищенія Джона Теннера, Монито-о-гезикъ воротился къ тому мѣсту, гдѣ совершилъ первое свое предпріятіе. Тутъ съ утра до полудня онъ подстерегалъ стараго Теннера и его работниковъ. Они всѣ вмѣстѣ вошли въ домъ; въ полѣ остался только старшій сынъ, пахавшій землю сохою, запряженною лошадьми. Индійцы на него бросились; лошади дернули; братъ Джона Теннера запутался въ веревкахъ, упалъ и былъ схваченъ. Лошадей убили стрѣлами. Индійцы утащили молодаго Теннера въ лѣса, переправясь до ночи черезъ Оіо. Плѣнника привязали къ дереву веревками; но онъ успѣлъ перегрызть узелъ, высвободилъ руку, вынулъ ножичекъ изъ кармана, перерѣзалъ свои узы, тотчасъ побѣжалъ къ рѣкѣ и бросился вплавь. Индійцы, услышавъ шумъ, проснулись, погнались было за нимъ, но ночь была темна, и онъ успѣлъ убѣжать, оставя имъ на память свою шляпу.

Отецъ Теннера умеръ тому лѣтъ десять, оставя имѣніе свое старшему сыну и не забывъ въ своей духовной того, чья участь была ему неизвѣстна.

Наконецъ Джонъ Теннеръ увидѣлъ свою семью, которая приняла его съ великою радостію. Братъ его обнялъ съ восторгомъ, обрѣзалъ ему волосы и употребилъ всевозможныя старанія, дабы удержать его у себя дома. Одичалый американецъ, съ своей стороны, звалъ его къ себѣ, къ Лѣсному Озеру, выхваляя ему черезъ переводчика дикую жизнь и раздолье степей. Братья его были женаты; сестра Люси имѣла десять человѣкъ дѣтей. Наконецъ просьбы родныхъ на него подѣйствовали: онъ рѣшился оставить индійцевъ и съ своими дѣтьми переселиться въ общество, которому принадлежалъ по праву рожденія.

Но приключенія Теннера тѣмъ еще не кончились. Судьба назначила ему еще новыя испытанія. Возвратясь къ дикимъ своимъ знакомцамъ и объявивъ имъ о своемъ намѣреніи, онъ возбудилъ сильное негодованіе. Индійцы не соглашались выдать ему дѣтей. Жена отказывалась слѣдовать за нимъ къ людямъ чуждымъ и ненавистнымъ. Власти американскія принуждены были вмѣшаться въ семейныя дѣла Джона Теннера. Угрозой и ласкою уговорили индійцевъ отпустить его домой со всѣмъ семействомъ. Онъ еще въ послѣдній разъ отправился съ родными къ Красной Рѣкѣ на охоту за буйволами, прощаясь навсегда съ дикою жизнію, имѣвшею для него столько прелести. Возвратясь, онъ сталъ готовиться въ дорогу.

Индійцы простились съ нимъ дружелюбно. Сынъ его не захотѣлъ за нимъ слѣдовать и остался вольнымъ дикаремъ. Теннеръ отправился съ двумя дочерьми и съ ихъ матерью, которая не хотѣла съ ними разстаться. Послушаемъ, какъ Теннеръ описываетъ свое послѣднее путешествіе.

«Въ обратномъ пути я предпочелъ ѣхать по Недоброй рѣкѣ, что̀ должно было сократить дорогу на нѣсколько миль. Близъ устья рѣки Осетра въ то время стоялъ таборъ или деревня изъ шести или семи хижинъ. Тутъ находился молодой человѣкъ, по имени Омъ-чу-гвутъ-онъ. Онъ былъ высѣченъ, по приказанію американскаго начальства, за настоящую или мнимую вину, и глубоко за то злобствовалъ. Узнавъ о моемъ проѣздѣ, онъ пріѣхалъ ко мнѣ на своемъ челночкѣ.

«Довольно страннымъ образомъ сталъ онъ искать разговора со мною и вздумалъ увѣрять, что между нами существовали сношенія семейственныя; ночевалъ съ нами вмѣстѣ, и утромъ мы съ нимъ отправились въ одно время. Причаля къ берегу, я примѣтилъ, что онъ искалъ случая встрѣтиться въ лѣсу съ одной изъ моихъ дочерей, которая тотчасъ воротилась, немного встревоженная. Мать ея также нѣсколько разъ въ теченіе дня имѣла

съ нею тайные разговоры, но дѣвочка все была печальна и нѣсколько разъ вскрикивала.

«Къ ночи, когда расположились мы ночевать, молодой человѣкъ тотчасъ удалился. Я притворно занимался своими распоряженіями, а между тѣмъ не выпускалъ его изъ виду; вдругъ приблизился къ нему и увидѣлъ его посреди всего снаряда охотничьяго. Онъ обматывалъ около пули оленью жилу, длиною около пяти вершковъ. Я сказалъ ему: «Братъ мой (такъ называлъ онъ меня самъ), если у тебя недостаетъ пороху, пуль или кремней, то возьми у меня, сколько тебѣ понадобится.» Онъ отвѣчалъ, что ни въ чемъ не нуждается, а я воротился къ себѣ на ночлегъ.

«Нѣсколько времени я его не видалъ. Вдругъ явился онъ въ нарядѣ и украшеніяхъ воина, идущаго въ сраженіе. Въ первую половину ночи онъ надзиралъ за всѣми моими движеніями съ удивительнымъ вниманіемъ; подозрѣнія мои, уже и безъ того сильно возбужденныя, увеличились еще болѣе. Однакожь онъ продолжалъ со мною разговаривать много и дружелюбно и попросилъ у меня ножикъ, чтобы нарѣзать табаку; но вмѣсто того, чтобъ возвратить его, сунулъ себѣ за поясъ. Я полагалъ, что онъ отдастъ его мнѣ поутру.

«Я легъ въ обыкновенный часъ, не желая показать ему свои подозрѣнія. Палатки у меня не было, и я лежалъ подъ крашеной холстиной. Растянувшись на землѣ, я выбралъ такое положеніе, что могъ видѣть каждое его движеніе. Настала гроза. Онъ, казалось, сталъ еще болѣе безпокоенъ и нетерпѣливъ. При первыхъ дождевыхъ капляхъ я предложилъ ему раздѣлить со мною пріютъ. Онъ согласился. Дождь шелъ сильно; огонь нашъ былъ залитъ; скоро потомъ мустики (родъ комаровъ) напали на насъ. Онъ опять разложилъ огонь и сталъ обмахивать меня вѣткою.

«Я чувствовалъ, что мнѣ не должно было засыпать; но усыпленіе начинало овладѣвать мною. Вдругъ разразилась новая гроза сильнѣе первой. Я оставался какъ усыпленный, не открывая глазъ, не шевелясь и не теряя изъ виду молодаго человѣка. Однажды сильный ударъ грома, казалось, смутилъ его. Я увидѣлъ, что онъ бросалъ въ огонь немного табаку въ видѣ прино-

шенія. Въ другой разъ, когда сонъ, казалось, совершенно мною овладѣвалъ, я увидѣлъ, что онъ стерегъ меня, какъ кошка, готовая броситься на свою жертву; однакожь я все противился дремотѣ.

«Поутру онъ съ нами отзавтракалъ, какъ обыкновенно, и ушелъ впередъ прежде, нежели успѣлъ я собраться. Дочь моя, съ которой разговаривалъ онъ въ лѣсу, казалась еще болѣе испуганною, и долго не хотѣла войти въ челнокъ; мать уговаривала ее и старалась скрыть отъ меня ея смятеніе. Наконецъ мы поѣхали. Молодой человѣкъ плылъ у берега, не въ дальнемъ отъ насъ разстояніи, до десяти часовъ утра. Тогда, при довольно опасномъ и быстромъ поворотѣ, откуда взору открывалось далекое пространство, онъ и челнокъ его исчезли, что̀ очень меня удивило.

«На семъ мѣстѣ рѣка имѣетъ до осьмидесяти вержей ширины, а въ десяти — отъ поворота, о которомъ я упоминалъ, — маленькій утесистый островъ. Я былъ раздѣтъ и съ усиліемъ правилъ челнокомъ противъ бурнаго теченія (что̀ заставляло меня жаться какъ можно ближе къ берегу), какъ вдругъ вблизи раздался ружейный выстрѣлъ; пуля просвистала надъ моей головою. Я почувствовалъ какъ-бы ударъ по боку. Весло выпало у меня изъ правой руки, которая сама повисла. Дымъ выстрѣла затемнялъ кусты; но со втораго взгляда я узналъ убѣгающаго Омъ-чу-гвутъ-опа.

«Дочери мои закричали. Я обратилъ вниманіе на челнокъ: онъ былъ весь окровавленъ. Я старался лѣвою рукою направить его на берегъ, чтобы преслѣдовать молодаго человѣка; но теченіе было слишкомъ сильно для меня: оно принесло насъ на утесистый островокъ. Я ступилъ на него, и вытащивъ лѣвою рукою челнокъ на камень, попробовалъ зарядить ружье; но не успѣлъ того сдѣлать и упалъ безъ чувствъ. Очнувшись, я увидѣлъ, что былъ одинъ на острову. Челнокъ съ моими дочерьми исчезалъ вдали, возвращаясь вспять по теченію. Я снова лишился чувствъ, но наконецъ пришелъ въ себя.

«Полагая, что мой убійца надзиралъ за мною изъ какого нибудь скрытаго мѣста, я осмотрѣлъ свои раны. Правая рука была

въ очень плохомъ состояніи: пуля, вошедшая въ бокъ близъ легкаго, осталась во мнѣ. Я отчаялся въ жизни и сталъ кликать Омъ-чу-гвутъ-она, прося его прекратить мнѣ и жизнь, и мученія. «Ты убилъ меня, кричалъ я, но хотя я и смертельно раненъ, однако боюсь прожить нѣсколько дней. Приди же, если ты мужъ, и выстрѣли въ меня еще разъ.» Звалъ его нѣсколько разъ, но не получилъ отвѣта.

«Я былъ почти голъ: въ минуту какъ меня ранили, на мнѣ, кромѣ портъ, была одна рубашка, и та вся разорванная во время усилій при плаваніи. Я лежалъ на голомъ утесѣ, на зноѣ лѣтняго дня; земляныя и черныя мухи кусали меня, въ будущемъ видѣлъ я лишь медленную смерть. Но, по захожденіи солнца, сила и надежда возвратились; я доплылъ до того берега. Вышедъ изъ воды, могъ стать на ноги, и испустилъ крикъ бранный, называемый сассакуи, въ знакъ радости и вызова. Но потеря крови и усилія во время плаванія снова лишили меня чувствъ.

«Пришедъ въ себя, я спрятался близъ берега, чтобъ наблюдать за моимъ врагомъ. Вскорѣ увидѣлъ я Омъ-чу-гвутъ-она, выходящаго изъ своей западни, онъ пустилъ въ воду свой челнокъ, поплылъ внизъ по рѣкѣ и прошелъ близехонько отъ меня. Мнѣ сильно хотѣлось кинуться на него, чтобы схватить и задавить его въ водѣ; но я не понадѣялся на свои силы, и такимъ образомъ пропустилъ его, не открываясь.

«Вскорѣ пламенная жажда начала меня мучить. Берега рѣки были круты и каменисты. Я не могъ лежа напиться отъ раненой руки, на которую не въ силахъ былъ опереться. Надлежало войти въ воду по самыя губы. Вечеръ свѣжѣлъ болѣе и болѣе, и силы мои вмѣстѣ съ тѣмъ возобновлялись. Кровь, казалось, лилась свободнѣе; я занялся своею раною. Не смотря на опухоль мяса, я постарался соединить раздробленныя косточки; сперва разорвалъ на бинты остатокъ своей рубашки, потомъ зубами и лѣвою рукою сталъ ихъ обвивать около руки сначала слабо, а потомъ все туже, туже, пока наконецъ успѣлъ ее порядочно перевязать. Вмѣсто лубковъ привязалъ я прутики и повѣсилъ руку на веревочку, накинутую на шею.

«Послѣ того взялъ корку съ дерева, похожаго на вишневое, и, разжевавъ ее, приложилъ къ моимъ ранамъ, надѣясь тѣмъ остановить теченіе крови. Кусты, отдѣлявшіе меня отъ рѣки, были всѣ окровавлены. Настала ночь. Я выбралъ для ночлега мшистое мѣсто. Пень служилъ мнѣ изголовьемъ. Я не хотѣлъ удалиться отъ берега, дабы наблюдать надъ всѣмъ, что случится, и дабы въ случаѣ жажды имѣть возможность ее утолить. Я зналъ, что лодка принадлежащая купцамъ, должна была около того времени проѣхать въ самомъ этомъ мѣстѣ; отъ нихъ-то ждалъ я помощи. Индійскихъ хижинъ не было ближе тѣхъ, откуда къ намъ присоединился Омъ-чу-гвутъ-онъ, и я имѣлъ причину думать, что кромѣ его, дочерей моихъ и жены, никого кругомъ не было.

«Простертый на землѣ, я сталъ молиться Великому Духу, прося его сжалиться надо мною и ниспослать помощь въ часъ скорби. Оканчивая молитвы, замѣтилъ я, что мустики, которые роемъ облѣпили голое тѣло мое, умножая страданія, стали отлетать, покружились надо мною и наконецъ исчезли. Я не приписалъ этого непосредственному дѣйствію Великаго Духа; вечеръ становился холоднымъ, и слѣдовательно это было вліяніе воздуха. Я былъ однакожь увѣренъ, какъ и всегда, во время бѣдствій и опасности, что владыка дней моихъ невидимо находился близъ меня, мощно мнѣ покровительствуя. Я спалъ тихо и спокойно, но часто просыпался и всякій разъ помнилъ, просыпаясь, что снилась мнѣ лодка съ бѣлыми людьми.

«Около полуночи услышалъ я на той сторонѣ рѣки женскіе голоса, и мнѣ показались они голосами моихъ дочерей. Я подумалъ, что Омъ-чу-гвутъ-онъ открылъ мѣсто, куда онѣ скрылись, и какъ нибудь ихъ обижалъ, потому что крики ихъ изъявляли страданіе. Но я не имѣлъ силы встать и идти къ нимъ на помощь.

«На другой день, прежде десяти часовъ утра, услышалъ я по рѣкѣ человѣческіе голоса, и увидѣлъ лодку, наполненную бѣлыми людьми, подобную той, которую видѣлъ во снѣ. Эти люди вышли на берегъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ мѣста, гдѣ я лежалъ, и стали готовить завтракъ. Я узналъ лодку г. Стюарта, гудсонскаго купца, котораго ждали около того времени. По-

лагая, что появленіе мое произведетъ надъ ними впечатлѣніе непріятное, я дождался конца ихъ завтрака.

«Когда приготовились они къ отплытію, я вошелъ въ бродъ, дабы обратить на себя ихъ вниманіе. Увидя меня, французы перестали грести и всѣ устремили на меня взоръ съ видомъ сомнѣнія и ужаса. Теченіе быстро ихъ уносило, и зовъ мой, произнесенный на индійскомъ языкѣ, не производилъ никакого дѣйствія. Наконецъ я сталъ звать г. Стюарта по имени и, вспомнивъ нѣсколько англійскихъ словъ, умолялъ путешественниковъ воротиться за мною. Въ одну минуту весла опустились, и лодка подъѣхала такъ близко, что я могъ въ нее войти.

«Никто не узналъ меня, хотя гг. Стюартъ и Грантъ были мнѣ очень знакомы. Я былъ весь окровавленъ, и вѣроятно страданія очень меня перемѣнили. Меня осыпали вопросами. Вскорѣ узнали, кто я таковъ и что̀ со мною случилось. Приготовили мнѣ постелю въ лодкѣ. Я умолялъ купцовъ ѣхать за моими дѣтьми въ то направленіе, откуда слышались ихъ крики, и боялся найти ихъ умерщвленными. Но всѣ розысканія были тщетны...

«Узнавъ объ имени моего убійцы, купцы рѣшились тотчасъ отправиться въ деревню, гдѣ жилъ Омъ-чу-гвутъ-онъ, и обѣщались убить его на мѣстѣ, если успѣютъ поймать. Меня спрятали на самое дно лодки. Когда причалили мы къ хижинамъ, старикъ вышелъ къ намъ на встрѣчу, спрашивая: «Что новаго?»— Все хорошо, отвѣчалъ г. Стюартъ, другой новости нѣтъ.—«Бѣлые люди, возразилъ старикъ, никогда намъ правды не скажутъ. Я знаю, что въ той сторонѣ, откуда вы прибыли, есть новости. Одинъ изъ нашихъ молодыхъ людей, Омъ-чу-гвутъ-онъ, былъ тамъ, и сказывалъ, что Соколъ (индійское прозвище Д. Теннера), который дней нѣсколько тому назадъ проѣзжалъ здѣсь съ женою и съ дѣтьми, всѣхъ ихъ перерѣзалъ. Но, кажется, Омъ-чу-гвутъ-онъ сдѣлалъ самъ что нибудь недоброе: онъ что-то неспокоенъ, а увидя васъ, бѣжалъ.»

«Гг. Стюартъ и Грантъ стали однакожь искать Омъ-чу-гвутъ-она по всѣмъ хижинамъ и, удостовѣрясь въ его побѣгѣ, сказали старику: «Правда, онъ сдѣлалъ недоброе дѣло; но тотъ, кого хотѣлъ онъ убить, съ нами; неизвѣстно, будетъ ли онъ еще

живъ...» Тогда показали меня индійцамъ, собравшимся на берегу.

«Здѣсь мы нѣсколько времени отдыхали. Осмотрѣли мои раны. Я удостовѣрился, что пуля, раздробивъ кость руки, вошла въ бокъ близъ ребра, и просилъ г. Гранта вынуть ее; но ни онъ, ни г. Стюартъ на то не согласились. Я принужденъ былъ самъ начать операцію лѣвою рукою. Ланцетъ, данный мнѣ г. Грантомъ, переломился. Я взялъ перочинный ножичекъ, и тотъ переломился, потому что въ этомъ мѣстѣ мясо очень отвердѣло. Наконецъ дали мнѣ широкую бритву, и я вынулъ пулю; она была очень сплющена. Оленья жила и другія снадобья остались въ ранѣ. Коль скоро увидѣлъ я, что пуля ниже ребръ не опустилась, сталъ надѣяться на выздоровленіе; но имѣя причину полагать, что рана моя была отравлена ядомъ, предвидѣлъ медленное выздоровленіе.

«Послѣ того отправились мы въ деревню, въ которой старшиною былъ родной братъ моего убійцы. Тутъ г. Стюартъ имѣлъ предосторожность спрятать меня опять. Жители призваны были одинъ за другимъ; имъ роздали табаку. Но розысканія опять остались тщетны. Наконецъ меня показали, и сказано было старшинѣ, что мой убійца былъ родной его братъ. Онъ потупилъ голову и отказался отвѣчать на вопросы бѣлыхъ людей. Но мы узнали отъ другихъ индійцевъ, что жена моя съ дочерьми останавливались въ этой деревнѣ, на пути къ Дождевому озеру.

«Мы тотчасъ туда отправились и нашли ихъ задержанныхъ въ конторѣ. Подозрѣніе тамошнихъ купцовъ было возбуждено ихъ безпокойствомъ и ужасомъ, также и моимъ отсутствіемъ. Коль скоро меня завидѣли, старуха убѣжала въ лѣсъ; но купцы послали за нею погоню; ее поймали и привели.

«Гг. Стюартъ и Грантъ предоставили мнѣ самому произнести приговоръ надъ женою, явно виновной въ покушеніи на мою жизнь. Они объявили ее преступленіе равнымъ злодѣйству Омъ-чу-гвутъ-она и достойнымъ смерти или всякой казни. Но я потребовалъ, чтобъ ее только прогнали изъ конторы безъ запасовъ и запретили-бъ туда являться. Она была мать моихъ дѣтей: я не хотѣлъ, чтобъ она была повѣшена или забита до смер-

ти (какъ предлагали мнѣ купцы); но видъ ея становился мнѣ несносенъ: по просьбѣ моей ее прогнали безъ наказанія.

«Дочери сказали, что въ ту минуту, какъ упалъ я безъ чувствъ на камень, онѣ, почитая меня мертвымъ и повинуясь приказанію матери, пустились въ обратный путь и предались бѣгству. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ островка, гдѣ я лежалъ, старуха причалила къ кустарнику, спрятала тамъ мое платье и послѣ долгаго перехода скрылась въ лѣсу; но потомъ, размысливъ, что лучше бы сдѣлала, если-бъ присвоила себѣ мою собственность, воротилась. Тогда-то услышалъ я крики дочерей, сопровождавшихъ старуху, которая подбирала мое платье на берегу...»

Нынѣ Джонъ Теннеръ живетъ между образованными своими соотечественниками. Онъ въ тяжбѣ съ своею мачихою о нѣсколькихъ неграхъ, оставленныхъ ему по наслѣдству. Онъ очень выгодно продалъ свои любопытныя „Записки“ и на дняхъ будетъ, вѣроятно, членомъ Общества Воздержности.[1] Словомъ, есть надежда, что Теннеръ современемъ сдѣлается настоящимъ yankee,[2] съ чѣмъ и поздравляемъ его отъ искренняго сердца.

The Reviewer.

Ѳракійскія элегіи. Стихотворенія Теплякова.

Въ наше время молодому человѣку, который готовится посѣтить великолѣпный Востокъ, мудрено, садясь на корабль, не вспомнить лорда Байрона и невольнымъ соучастіемъ не сблизить судьбы своей съ судьбою Чильдъ-Гарольда.

[1] Общество, коего цѣль—истребленіе пьянства. Члены обязываются не употреблять и не покупать никакихъ крѣпкихъ напитковъ.—А. П.

[2] Прозвище, данное американцамъ; смыслъ его намъ неизвѣстенъ.—А. П.

Ежели, паче чаянія, молодой человѣкъ еще и поэтъ и захочетъ выразить свои чувствованія, то какъ избѣжать ему подражанія. Можно ли за то его укорять? Талантъ неволенъ, и его подражаніе не есть постыдное похищеніе—признакъ умственной скудости, но благородная надежда на свои собственныя силы, надежда открыть новые міры, стремясь по слѣдамъ генія; или чувство, въ смиреніи своемъ еще болѣе возвышенное—желаніе изучить свой образецъ и дать ему вторичную жизнь.

Нѣтъ сомнѣнія, что фантастическая тѣнь Чильдъ-Гарольда сопровождала г. Теплякова на кораблѣ, принесшемъ его къ ѳракійскимъ берегамъ. Звуки прощальныхъ строфъ

Adieu, adieu my native land!

отзываются въ самомъ началѣ его пѣсенъ:

Плывемъ!... Блѣднѣетъ день; бѣгутъ брега родные;
Златой струится блескъ по синему пути;
Прости, земля! прости, Россія;
Прости, о родина, прости!

Но уже съ первыхъ стиховъ поэтъ обнаруживаетъ самобытный талантъ:

Безумецъ! что за грусть? Въ минуту разлученья
Чьи слезы ты лобзалъ на берегу родномъ;
Чьи слышалъ ты благословенья?
Одно минувшее мудренымъ, тяжкимъ сномъ
Въ тотъ мигъ душѣ твоей мелькало,
И юности твоей избитый бурей челнъ,
И бездны, передъ ней отверстыя, казало! —

Пусть такъ! Но грустно мнѣ! Какъ плескъ угрюмыхъ волнъ
Печально въ сердцѣ раздается!
Какъ быстро мой корабль въ чужую даль несется!
О, лютня странника, святой отъ грусти щитъ,
Прійди, подруга думъ завѣтныхъ!
Пусть въ каждомъ звукѣ струнъ привѣтныхъ
Къ тебѣ душа моя, о родина, летитъ!

I.

Пускай на юность ты мою
Вѣнецъ терновый положила—
О мать! душа не позабыла
Любовь старинную твою!
Теперь—сны сердца, прочь летите!
Къ отчизнѣ душу не маните!
Тамъ никому меня не жаль!
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдыя волны, не дремлите!

II.

Какъ жадно вольной грудью я
Пью безпредѣльности дыханье!
Лазурный міръ! въ твоемъ сіяньи
Сгораетъ, тонетъ мысль моя!
Шумите, парусы, шумите!
Мечты о родинѣ, молчите:
Тамъ никому меня не жаль!
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдыя волны, не дремлите!

III.

Увижу я страну боговъ,
Краснорѣчивый прахъ открою:
И зашумитъ передо мною

Рой незапамятныхъ вѣковъ!
Гуляйте-жь, вѣтры, не молчите!
Утесы родины, простите!
Тамъ никому меня не жаль!
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдыя волны, не дремлите!

Тутъ есть гармонія, лирическое движеніе, истина чувствъ!

Вскорѣ поэтъ плыветъ мимо береговъ, прославленныхъ изгнаніемъ Овидія; они мелькаютъ передъ нимъ на краю волнъ,

Какъ поясъ желтый и струистый.

Поэтъ привѣтствуетъ незримую гробницу Овидія стихами слишкомъ небрежными:

Святая тишина Назоновой гробницы
Громка, какъ дальній шумъ побѣдной
колесницы!
О! кто средь мертвыхъ сихъ песковъ
Мнѣ славный гробъ его укажетъ?
Кто повѣсть мукъ его разскажетъ —
Степной ли вѣтръ, иль плескъ валовъ,
Иль въ шумѣ бури гласъ вѣковъ...
Но тише... тише... что за звуки?
Чья тѣнь надъ бездною сѣдой
Меня манитъ, подъемля руки,
Качая тихо головой?
У ногъ лежитъ вѣнецъ терновый (!),
Въ лучахъ сіяетъ голова,
Бѣлѣе волнъ хитонъ перловый,
Святѣй ихъ ропота слова.—
И подъ эѳирными перстами
О древнихъ людяхъ, съ ихъ бѣдами,

Златая лира говоритъ.
Печально струнъ ея бряцанье:
Въ немъ сердцу слышится изгнанье;
Въ немъ стонъ о родинѣ звучитъ,
Какъ плачъ души безъ упованья.

Тишина гробницы, громкая какъ дальній шумъ колесницы; стонъ, звучащій какъ плачъ души; слова, которыя святѣе ропота во́лнъ... все это не точно, фальшиво, или просто ничего не значитъ.

Гросетъ въ одномъ изъ своихъ посланій пишетъ:

Je cesse d'estimer Ovide,
Quand il vient sur de faibles tons
Me chanter, pleureur insipide,
De longues lamentations.

Книга Tristium не заслужила такого строгаго осужденія. Она выше, по нашему мнѣнію, всѣхъ прочихъ сочиненій Овидіевыхъ (кромѣ „Превращеній"). Героиды, Элегіи любовныя, и самая поэма „Ars amandi", мнимая причина его изгнанія, уступаютъ Элегіямъ Понтійскимъ. Въ сихъ послѣднихъ болѣе истиннаго чувства, болѣе простодушія, болѣе индивидуальности и менѣе холоднаго остроумія. Сколько яркости въ описаніи чуждаго климата и чуждой земли! сколько живости въ подробностяхъ! и какая грусть о Римѣ! какія трогательныя жалобы! Благодаримъ г. Теплякова за то, что онъ не ищетъ блистать душевной твердостью насчетъ бѣд-

наго изгнанника, а съ живостію заступается за него.

И ты-ль тюремный вопль, о странникъ! назовешь
Ласкательствомъ души уничиженной!—
Нѣтъ, самъ терновою стезею ты идешь,
Слѣпой судьбы проклятьемъ пораженный!..
Подобно мнѣ (Овидію), ты сиръ и одинокъ межъ всѣхъ
И знаешь самъ хладъ жизни безъ отрады;
Огнь сердца безъ тепла, и безъ веселья смѣхъ,
И плачъ безъ слезъ, и слезы безъ услады!

Пѣснь, которую поэтъ влагаетъ въ уста Назоновой тѣни, имѣла бы болѣе достоинства, если бы г. Тепляковъ болѣе соображался съ характеромъ Овидія, такъ искренно обнаруженнымъ въ его плачѣ. Онъ не сказалъ бы, что при набѣгахъ гетовъ и бессовъ, поэтъ

Радостно на смертный мчался бой.

Овидій добродушно признается, что онъ и смолоду не былъ охотникъ до войны, что тяжело ему подъ старость покрывать сѣдину свою шлемомъ и трепетной рукою хвататься за мечъ при первой вѣсти о набѣгѣ (См. Trist. Lib. IV. El. I).

Элегія „Томисъ" оканчивается прекрасными стихами.

„Не буря-ль это, кормчій мой?
Ужъ черезъ мачты море хлещетъ,
И предъ чудовищной волной,
Какъ предъ тираномъ рабъ нѣмой,
Корабль мой гнется и трепещетъ!..»

.

„Вели стрѣлять! Быть можетъ, насъ

Какой нибудь въ сей страшный часъ
Корабль услышитъ отдаленный!“
И грянулъ знакъ... и все молчитъ,
Лишь море бьется и кипитъ,
Ка ъ тигръ бросаясь разъяренный;
Лишь вѣтра свистъ, лишь бури вой,
Лишь съ неба голосъ громовой
Толпѣ отвѣтствуютъ смятенной.
„Мой кормчій, какъ твой блѣденъ ликъ!“
— Не ты-ль дерзнулъ бы въ этотъ мигъ,
О странникъ, бурѣ улыбаться? —
„Ты отгадалъ!..“ Я сердцемъ съ ней
Желалъ бы каждый мигъ сливаться;
Желалъ бы въ бой стихій вмѣшаться!...
Но нѣтъ! — и громче и сильнѣй
Святой призывъ съ другаго свѣта,
Слова погибшаго поэта
Теперь звучатъ въ душѣ моей!

Вскорѣ изъ глазъ поэта исчезаютъ берега, съ которыхъ низвергаются въ море воды семиустнаго Дуная.

Какъ старъ сей шумный Истръ! Чела его морщины
Сѣдыхъ вѣковъ скрываютъ рой:
Во мглѣ ихъ Дарія мелькаетъ челнъ нѣмой,
Мелькаютъ и орлы Траяновой дружины!
Скажи, сафирный богъ, надъ брегомъ ли твоимъ,
По дебрямъ и горамъ, сквозь боръ необозримый
Средь тучи варваровъ, на этотъ вѣчный римъ
Летѣлъ Сатурнъ неотразимый?
Не ты-ль спиралъ свой быстрый бѣгъ
Народовъ съ бурными волнами,
И твой ли въ ихъ крови не растопился брегъ,
Племенъ безчисленныхъ усѣянный костями?
Хотите-ль знать, зачѣмъ, куда,

И изъ какой глуши далекой
Неслась ихъ бурная чреда,
Какъ лавы огненной потоки?
— Спросите вы, зачѣмъ къ садамъ,
Къ богатымъ нивамъ и лугамъ
По вѣтру саванъ свой летучій
Мчатъ саранчи голодной тучи;
Спросите молнію, куда она летитъ,
Откуда ураганъ крушительный бѣжитъ,
Зачѣмъ кочуетъ валъ ревучій!

Слѣдуетъ идиллическая, немного блѣдная картина народа кочующаго; размышленія при видѣ развалинъ Венеціянскаго зȁмка имѣютъ ту невыгоду, что напоминаютъ нѣкоторыя строфы изъ четвертой пѣсни Чильдъ-Гарольда, строфы, слишкомъ сильно врѣзанныя въ наше воображеніе. Но вскорѣ поэтъ снова одушевляется.

Улегся вѣтеръ; водъ стекло
Яснѣй небесъ лазурныхъ блещетъ;
Повисшій парусъ нашъ, какъ лебедя крыло,
Свинцомъ охотника пронзенное, трепещетъ.
Но что за гулъ?.. Какъ громъ глухой
Надъ тихимъ моремъ онъ раздался.
То грохотъ пушки заревой;
Изъ русской Варны онъ примчался!
О радость! завтра мы узримъ
Страну поклонниковъ Пророка:
Подъ небомъ вѣчно-голубымъ
Упьемся воздухомъ твоимъ,
Земля роскошнаго Востока!
И въ темныхъ миртовыхъ садахъ,
Фонтановъ мраморныхъ при медленномъ журчаньи,
При соблазнительныхъ луны твоей лучахъ,

Въ твоемъ, о юная невольница, лобзаньи
Цвѣтовъ родной твоей страны,
Живыхъ восточныхъ розъ отвѣдаемъ дыханье
И жаръ, и свѣжесть ихъ весны!..

Элегія „Гебеджинскія Развалины", по мнѣнію нашему, лучшая изъ всѣхъ. Въ ней обнаруживается необыкновенное искусство въ описаніяхъ, яркость въ выраженіяхъ и сила въ мысляхъ. Пользуясь намъ даннымъ позволеніемъ, выписываемъ большую часть этой элегіи.

[Слѣдуетъ выписка, оканчивающаяся стихами]:

Ты правъ, божественный пѣвецъ,
Вѣка вѣковъ лишь повторенье!
Сперва — свободы обольщенье,
Гремушки славы наконецъ;
За славой — роскоши потоки,
Богатства съ золотымъ ярмомъ,
Потомъ — изящные пороки,
Глухое варварство потомъ!..

Это прекрасно! Энергія послѣднихъ стиховъ удивительна!

Остальныя элегіи (между коими шестая весьма замѣчательна) заключаютъ въ себѣ недостатки и красоты, уже нами указанные: силу выраженія, переходящую часто въ надутость; яркость описанія, затемненную иногда неточностію. Вообще главныя достоинства „Ѳракійскихъ Элегій"—блескъ и энергія; главные недостатки—напыщенность и однообразіе.

Къ „Ѳракійскимъ Элегіямъ" присовокуплены

разныя мелкія стихотворенія, имѣющія неоспоримое достоинство: вездѣ гармонія, вездѣ мысли, изрѣдка истина чувствъ. Если бы г. Тепляковъ ничего другаго не написалъ, кромѣ элегіи Одиночество и станса Любовь и Ненависть, то и тутъ занялъ бы онъ почетное мѣсту между нашими поэтами. Заключимъ разборъ, выписавъ стихотвореніе, которымъ заключается и книга г. Теплякова.

[Выписано стихотвореніе „Одиночество"].

Объ обязанностяхъ человѣка, сочиненіе Сильвіо Пеллико.

На дняхъ выйдетъ изъ печати новый переводъ книги: Dei doveri degli uomini, сочиненія славнаго Сильвіо Пеллико.

Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповѣдано во всѣхъ концахъ земли, примѣнено ко всевозможнымъ обстоятельствамъ жизни и происшествіямъ міра; изъ коей нельзя повторить ни единаго выраженія, котораго не знали бы всѣ наизусть, которое не было бы уже пословицею народовъ; она не заключаетъ для насъ ничего неизвѣстнаго; но книга сія называется евангеліемъ — и такова ея вѣчно новая прелесть, что если мы, пресыщенные міромъ, или удрученные унынiемъ, случайно откроемъ ее, то уже не въ силахъ противиться ея сладостному увлеченію и погружаемся духомъ въ ея божественное краснорѣчіе.

И не всуе, собираясь сказать нѣсколько словъ о книгѣ кроткаго страдальца, дерзнули мы упомянуть о божественномъ евангеліи: мало было избранныхъ (даже между первоначальными пастырями церкви), которые бы въ своихъ твореніяхъ приблизились кротостію духа, сла-

достію краснорѣчія и младенческою простотою сердца къ проповѣди небеснаго Учителя.

Въ позднѣйшія времена неизвѣстный творецъ книги „О подражаніи Іисусу Христу“, Фенелонъ и Сильвіо Пеллико въ высшей степени принадлежатъ къ симъ избраннымъ, которыхъ ангелъ Господній привѣтствовалъ именемъ человѣковъ благоволенія.

Сильвіо Пеллико десять лѣтъ провелъ въ разныхъ темницахъ и, получа свободу, издалъ свои записки. Изумленіе было всеобщее: ждали жалобъ, напитанныхъ горечью — прочли умилительныя размышленія, исполненныя яснаго спокойствія, любви и доброжелательства.

Признаемся въ нашемъ суетномъ зломысліи. Читая сіи записки, гдѣ ни разу не вырывается изъ-подъ пера несчастнаго узника выраженія нетерпѣнія, упрека или ненависти, мы невольно предполагали скрытое намѣреніе въ этой ненарушимой благосклонности ко всѣмъ и ко всему; эта умѣренность казалась намъ искусствомъ. И, восхищаясь писателемъ, мы укоряли человѣка въ неискренности. Книга: Dei doveri устыдила насъ и разрѣшила намъ тайну прекрасной души, тайну человѣка-христіанина.

Сказавъ, какую книгу напомнило намъ сочиненіе Сильвіо Пеллико, мы ничего болѣе не можемъ и не должны прибавить къ похвалѣ нашей.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ („Московскій Наблюдатель“), въ статьѣ писателя съ истиннымъ талантомъ, критика, заслужившаго довѣренность просвѣщенныхъ читателей, съ удивленіемъ прочли мы слѣдующія строки о книгѣ Сильвіо Пеллико:

„Если бы книга Обязанностей не вышла вслѣдъ за книгою Жизни (Мои темницы), она показалась бы намъ общими мѣстами, сухимъ, произвольно-догматическимъ урокомъ, который мы бы прослушали безъ вниманія.“

Неужели Сильвіо Пеллико имѣетъ нужду въ извине-

ніи? Неужели его книга, вся исполненная сердечной теплоты, прелести неизъяснимой, гармоническаго красноречія, могла кому бы то ни было, и въ какомъ бы то ни было случаѣ, показаться сухой и холодно-догматической? Неужели, если-бъ она была написана въ тишинѣ Ѳиваиды или въ библіотекѣ философа, а не въ грустномъ уединеніи темницы, недостойна была бы обратить на себя вниманіе человѣка, одареннаго сердцемъ? — Не можемъ повѣрить, чтобы въ самомъ дѣлѣ такова была мысль автора Исторіи поэзіи.

Это ужь не ново, это было уже сказано — вотъ одно изъ самыхъ обыкновенныхъ обвиненій критики. Но все уже было сказано, всѣ понятія выражены и повторены въ теченіе столѣтій; что-жь изъ этого слѣдуетъ? Что духъ человѣческій уже ничего новаго не производитъ? Нѣтъ, не станемъ на него клеветать: разумъ неистощимъ въ соображеніи понятій, какъ языкъ неистощимъ въ соединеніи словъ. Всѣ слова находятся въ лексиконѣ; мысли же могутъ быть разнообразны до безконечности.

Какъ лучшее опроверженіе мнѣнія г-на Шевырева, привожу собственныя его слова:

„Прочтите ее (книгу Пеллико) съ тою же вѣрою, съ какою она писана, и вы вступите изъ темнаго міра сомнѣній, разстройства, раздора головы съ сердцемъ въ свѣтлый міръ порядка и согласія. Задача жизни и счастія вамъ покажется проста. Вы какъ-то соберете себя, разсѣяннаго по мелочамъ страстей, привычекъ и прихотей—и въ вашей душѣ вы ощутите два чувства, которыя, къ сожалѣнію, очень рѣдки въ эту эпоху: чувство довольства и чувство надежды.“

Словарь о святыхъ, прославленныхъ въ россійской Церкви, и пр. Кн. Эристова.

Въ наше время главный недостатокъ, отзывающійся во всѣхъ почти ученыхъ произведеніяхъ, есть отсутствіе труда. Рѣдко случается критикѣ указывать на плоды долгихъ изученій и терпѣливыхъ розысканій. Что же изъ того происходитъ? Наши такъ называемые ученые принуждены замѣнять существенныя достоинства изворотами болѣе или менѣе удачными: порицаніемъ предшественниковъ, новизною взглядовъ, приноровленіемъ модныхъ понятій къ старымъ, давно извѣстнымъ предметамъ и пр. Таковыя средства (которыя, въ нѣкоторомъ смыслѣ, можно назвать шарлатанствомъ) не подвигаютъ науки ни на шагъ, поселяютъ жалкій духъ сомнѣнія и отрицанія въ умахъ незрѣлыхъ и слабыхъ и печалятъ людей истинно ученыхъ и здравомыслящихъ.

Словарь о святыхъ не принадлежитъ къ числу опрометчивыхъ и скороспѣлыхъ произведеній, наводняющихъ наши книжныя лавки. Отчетливость въ предварительныхъ изысканіяхъ, полнота въ совершеніи предпринятаго труда поставили сію книгу высоко во мнѣніи знающихъ людей. Издатель на своемъ поприщѣ имѣлъ предшественникомъ Новикова, напечатавшаго, въ 1784 году, Опытъ историческаго словаря о всѣхъ въ истинной православной вѣрѣ святою непорочною жизнію прославившихся святыхъ мужахъ. Съ того времени прошло болѣе пятидесяти лѣтъ; средства и источники умножились; для новаго издателя трудъ былъ облегченъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и удвоенъ. Въ опытѣ Новикова помѣщено 169 именъ угодниковъ, съ описаніемъ ихъ житія, или безо всякаго объясненія: Словарь о святыхъ заключаетъ въ себѣ триста шестьдесятъ три имени, т. е. болѣе нежели вдвое. У Новикова источники изрѣдка указаны внизу самаго

текста: въ нынѣшнемъ Словарѣ полный Указатель источникамъ напечатанъ особо, въ два столбца, мелкимъ шрифтомъ, и составляетъ цѣлый печатный листъ.

„Церковь россійская, сказано въ предисловіи, весьма осторожно оглашала святыми угодниковъ своихъ, и только по явномъ открытіи нетлѣнія мощей, прославленныхъ чудесами, помѣщала ихъ въ мѣсяцесловы. Россія къ утвержденію православія своего видѣла во многихъ мѣстахъ явное знаменіе благодати надъ мощами тѣхъ, кои святостію жизни, примѣромъ благочестія, или христіанскимъ самоотверженіемъ явили себя достойными почитанія; но имена сихъ угодниковъ не были внесены въ Общія святцы россійской Церкви, а память ихъ совершалась въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ они почиваютъ. Причиною такой мѣстности было отдѣленіе духовной власти Новгорода отъ главной духовной власти Россіи, и потомъ раздѣленіе митрополіи на кіевскую и московскую. Уже въ половинѣ XVI вѣка московскій митрополитъ Макарій, составляя Великія четьи-минеи, собралъ житія и нѣкоторыхъ святыхъ, еще дотолѣ въ патерикахъ не помѣщенныхъ, и для установленія имъ службъ имѣлъ въ Москвѣ, 1547 года, соборъ, на которомъ двѣнадцати святымъ россійскимъ назначено повсюду празднованіе и службы, а девяти—только въ мѣстахъ, гдѣ мощи ихъ почиваютъ. Тѣ церкви, которыя не успѣли на соборъ представить свидѣтельствъ о своихъ мѣстныхъ угодникахъ, послѣ получали, по разсмотрѣнію митрополита, дозволеніе совершать память ихъ, и потомъ, при патріархахъ, нѣкоторые изъ нихъ внесены въ общіе мѣсяцесловы. Митрополитъ ростовскій, Димитрій, въ своихъ Четьи-минеяхъ помѣстилъ преподобныхъ кіевопечерскихъ подъ числомъ совершенія ихъ памяти. Но и за симъ многіе не внесены въ мѣсяцесловы, хотя нѣкоторымъ сочинены особыя службы, кондаки и тропари; таковы угодники новогородскіе, псковскіе, вологодскіе и другіе.“

„Въ предлагаемомъ Словарѣ помѣщены житія святыхъ, прославленныхъ въ россійской Церкви; житія нѣкоторыхъ другихъ подвижниковъ благочестія, коихъ память благоговѣйно сохраняется тамъ, гдѣ они жили или почили; наконецъ краткія извѣстія о тѣхъ богоугодно-поживншихъ, которыхъ имена выписаны изъ синодиковъ, или древнихъ монастырскихъ записокъ. При описаніи жизни святаго, прославленнаго во всей россійской Церкви, обозначены въ Словарѣ мѣсяцъ и число совершенія памяти; относительно прочихъ также означается мѣсто и день, когда чтится ихъ память совершеніемъ молебныхъ пѣній или панихидъ, по введенному постановленіями или преданіемъ обычаю."

Слогъ издателя долженъ будетъ служить образцомъ для всѣхъ ученыхъ словарей. Онъ простъ, полонъ и кратокъ. Намъ случилось въ „Энциклопедическомъ лексиконѣ (впрочемъ, книгѣ необходимой и имѣющей столь великое достоинство) найти въ описаніи какого-то сраженія уподобленіе одного изъ корпусовъ кораблю или птицѣ, не помнимъ навѣрное чему; таковыя риторическія фигуры въ какомъ нибудь иномъ сочиненіи могутъ быть дурны или хороши, смотря по таланту писателя, но въ словарѣ онѣ во всякомъ случаѣ нетерпимы.

Издатель Словаря о святыхъ оказалъ важную услугу исторіи. Между тѣмъ книга его имѣетъ и общую занимательность: есть люди, не имѣющіе никакого понятія о житіи того св. угодника, чье имя носятъ отъ купели до могилы и чью память празднуютъ ежегодно. Не дозволяя себѣ никакой укоризны, не можемъ, по крайней мѣрѣ, не дивиться крайнему ихъ нелюбопытству.

Наконецъ и библіофилы будутъ благодарны за типографическую изящность изданія: Словарь напечатанъ въ большую осьмушку, на лучшей веленевой бумагѣ, и есть отличное произведеніе типографіи втораго отдѣленія собственной канцеляріи е. и. в.

Новый романъ: Село Михайловское.

Недавно одна рукопись, подъ заглавіемъ: Село Михайловское, ходила въ обществѣ по рукамъ и произвела большое впечатлѣніе. Это романъ, сочиненный дамою. Говорятъ, въ немъ много оригинальности, много чувства, много живыхъ и сильныхъ изображеній. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ его появленія.[1]

Замѣтка къ повѣсти: Носъ.

Н. В. Гоголь долго не соглашался на напечатаніе этой шутки; но мы нашли въ ней такъ много неожиданнаго, фантастическаго, веселаго, оригинальнаго, что уговорили его позволить намъ подѣлиться съ публикою удовольствіемъ, которое доставила намъ его рукопись.

Замѣтка о статьѣ Гоголя.

Съ удовольствіемъ помѣщая здѣсь письмо г. А. Б[ез-сонова], нахожусь въ необходимости дать моимъ читателямъ нѣкоторыя объясненія. Статья: О движеніи журнальной литературы напечатана въ моемъ журналѣ, но изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ мнѣнія, въ ней выраженныя съ такою юношескою живостію и прямодушіемъ, были совершенно сходны съ моими собственными. Во всякомъ случаѣ, она не есть и не могла быть программою „Современника“.

[1] Этотъ романъ В. С. Миклашевичевой, не имѣющій никакого отношенія къ Пушкинскому селу Михайловскому, изданъ только въ 1864 г. (4 части). Рукопись 1-й части была взята Пушкинымъ у автора для пріисканія эпиграфовъ въ главамъ.

Замѣтки отъ редакціи, въ 3-й книгѣ.

I. Современникъ будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1837 году. Каждые три мѣсяца будетъ выходить по одному тому. Цѣна за всѣ четыре тома, составляющіе годовое изданіе, 25 рублей асс., съ пересылкою 30 руб. асс. Подписка въ С. П. Б. принимается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ. Иногородные могутъ адресоваться въ газетную экспедицію.

II. Издатель „Современника" не печаталъ никакой программы своего журнала, полагая, что слова: литературный журналъ уже заключаютъ въ себѣ достаточное объясненіе.

Нѣкоторые изъ журналистовъ почли нужнымъ составить программу новаго журнала. Одинъ изъ нихъ объявилъ, что „Современникъ" будетъ имѣть цѣлію—уронить „Библіотеку для Чтенія", издаваемую г. Смирдинымъ; въ „Сѣверной же Пчелѣ" сказано, что „Современникъ" будетъ продолженіемъ „Литературной Газеты", издаваемой нѣкогда покойнымъ барономъ Дельвигомъ.

Издатель „Современника" принужденъ объявить, что онъ не имѣетъ чести быть въ сношеніи съ гг. журналистами, взявшими на себя трудъ составить за него программу, и что онъ никогда имъ того не поручалъ. Отклоняя однакожъ отъ себя цѣль, недостойную литератора и несправедливо ему приписанную въ „Библіотекѣ для Чтенія", онъ вполнѣ признаетъ справедливость объявленія, напечатаннаго въ „Сѣверной Пчелѣ": „Современникъ", по духу своей критики, по многимъ именамъ сотрудниковъ, въ немъ участвующихъ, по неизмѣнному образу мнѣнія о предметахъ, подлежащихъ его суду, будетъ продолженіемъ „Литературной Газеты".

III. Обстоятельства не позволили издателю лично заняться печатаніемъ первыхъ двухъ нумеровъ своего журнала; вкрались нѣкоторыя ошибки, и одна довольно важная, происшедшая отъ недоразумѣнія; публикѣ дано

Обѣщаніе, которое издатель ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не намѣренъ исполнить — сказано было въ примѣчаніи къ статьѣ: Новыя книги, что книги, означенныя звѣздочкою, будутъ современемъ разобраны. Въ спискѣ вновь вышедшимъ книгамъ звѣздочкою означены были у издателя тѣ, которыя показались ему замѣчательными, или которыя намѣренъ онъ былъ прочитать; но онъ не предполагалъ отдавать о всѣхъ ихъ отчетъ публикѣ: многія не входятъ въ область литературы, о другихъ потребны свѣдѣнія, которыхъ онъ не пріобрѣлъ.

IV. Въ первомъ томѣ „Современника", въ статьѣ Новыя книги, подъ параграфомъ, относящимся къ „Вастолѣ", поэмѣ Виланда, изданной А. Пушкинымъ, ошибкою пропущена подпись издателя.

V. Редакція „Современника" не можетъ принять на себя обратнаго доставленія присылаемыхъ статей.

Замѣтка отъ редакціи (О сборникѣ кн. Вяземскаго).

Спѣшимъ увѣдомить публику, что въ началѣ будущаго 1837 года выйдетъ въ свѣтъ: „Старина и Новизна, историческій и литературный сборникъ", изданный кн. Вяземскимъ.— Въ сей книгѣ будутъ помѣщены многіе любопытные матеріалы, относящіеся до исторіи нашей, извлеченные изъ бумагъ гр. Ивана Захаровича Чернышева, подаренныхъ издателю сыномъ его гр. Григорьемъ Ивановичемъ. Между прочими статьями упомянемъ о письмахъ и рескриптахъ царевича Алексѣя Петровича, Екатерины II, гр. Чернышева, объ анекдотѣ о принцѣ Биронѣ и проч. и проч., почерпнутыхъ изъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ. Будутъ еще письма Екатерины II къ вице-адмиралу принцу Нассау-Зигену, отрывокъ изъ собственноручныхъ записокъ гр. Ростопчина, воспоминаніе о гр. Каподистріи и нѣкоторыхъ современныхъ ему происшествіяхъ. Литературное отдѣленіе будетъ также разнообразно и составлено изъ отрывковъ изъ соб-

ственноручныхъ записокъ Ив. Ив. Дмитріева, нѣсколькихъ писемъ Карамзина, изъ повѣстей, разныхъ стихотвореній, писемъ о современной русской литературѣ, нѣсколькихъ графъ изъ біографическихъ и литературныхъ записокъ о Фонвизинѣ и временахъ его, извѣстія о первыхъ трехъ пѣсняхъ „Потеряннаго Рая", съ англійскаго про ою на русскій языкъ переведенныхъ нашимъ поэтомъ Петровымъ и ненапечатанныхъ въ собраніи твореній его, и проч. и проч. Въ концѣ книги будутъ помѣщены снимки съ разныхъ рукописей, вошедшихъ въ составъ сборника.

О выходѣ книги: Кавалеристъ-дѣвица въ изданіи Ив. Бутовскаго.

Подъ симъ заглавіемъ вышелъ въ свѣтъ первый томъ записокъ П. А. Дуровой. Читатели „Современника" видѣли уже отрывки изъ этой книги. Они оцѣнили безъ сомнѣнія прелесть этого искренняго и небрежнаго разсказа, столь далекаго отъ авторскихъ притязаній, и простоту, съ которою пылкая героиня описываетъ самыя необыкновенныя происшествія. Въ семъ первомъ томѣ описаны дѣтскія лѣта, первая молодость и первые походы Надежды Андреевны. Ожидаемъ появленія послѣдняго тома, дабы подробнѣе разобрать книгу, замѣчательную по всѣмъ отношеніямъ.

Ключъ къ исторіи государства россійскаго.

Издавъ сіи два тома, г. Строевъ сказалъ болѣе пользы русской исторіи, нежели всѣ наши историки съ высшими взглядами, вмѣстѣ взятые. Тѣ изъ нихъ, которые не суть еще закоренѣлые верхогляды, принуждены будутъ въ томъ сознаться. Г. Строевъ облегчилъ до невѣроятной степени изученіе русской исторіи. „Ключъ" составленъ по второму изданію „Исторія Государства Россійскаго", „самому полному и исправному", пишетъ г. Стро-

евъ. Издатели „И. Г. Р.“ должны будутъ поскорѣе пріобрѣсти право на перепечатаніе „Ключа“, необходимаго дополненія къ безсмертной книгѣ Карамзина.

Александръ Радищевъ.

Il ne faut pas qu'un honnête homme mérite d'être pendu.

Слова Карамзина въ 1819 году.

Въ концѣ перваго десятилѣтія царствованія Екатерины II, нѣсколько молодыхъ людей, едва вышедшихъ изъ отрочества, отправлены были, по ея повелѣнію, въ лейпцигскій университетъ, подъ надзоромъ одного наставника и въ сопровожденіи духовника. Ученіе пошло имъ не въ прокъ: надзиратель думалъ только о своихъ выгодахъ; духовникъ, монахъ добродушный, но необразованный, не имѣлъ никакого вліянія на ихъ умъ и нравственность. Молодые люди проказничали и вольнодумствовали. Они возвратились въ Россію, гдѣ служба и заботы семейственныя замѣнили для нихъ лекціи Геллерта и студенческія шалости. Большая часть изъ нихъ исчезла, не оставивъ по себѣ слѣдовъ; двое сдѣлались извѣстны: одинъ на чредѣ замѣтной обнаружилъ совершенное безсиліе и несчастную посредственность,[1] другой прославился совсѣмъ иначе.

Александръ Радищевъ родился около 1750 года. Онъ обучался сперва въ пажескомъ корпусѣ и обратилъ на себя вниманіе начальства, какъ молодой человѣкъ, подающій о себѣ великія надежды. Университетская жизнь принесла ему мало пользы. Онъ не взялъ даже на себя труда выучиться порядочно латинскому и нѣмецкому языку, дабы по крайней мѣрѣ быть въ состояніи понимать своихъ профессоровъ. Безпокойное любопытство,

[1] О. П. Козодавлевъ, бывшій министромъ внутреннихъ дѣлъ.

болѣе нежели жажда познаній, была отличительная черта ума его. Онъ былъ кротокъ и задумчивъ. Тѣсная связь съ молодымъ Ушаковымъ имѣла на всю его жизнь вліяніе рѣшительное и глубокое. Ушаковъ былъ немногимъ старше Радищева, но имѣлъ опытность свѣтскаго человѣка. Онъ уже служилъ секретаремъ при тайномъ совѣтникѣ Тепловѣ, и его честолюбію открыто было блестящее поприще. Такъ оставилъ онъ службу изъ любви къ познаніямъ и вмѣстѣ съ молодыми студентами отправился въ Лейпцигъ. Сходство умовъ и занятій сблизило съ нимъ Радищева. Имъ попался въ руки Гельвецій. Они жадно изучили начала его пошлой и безплодной метафизики. Граменъ, странствующій агентъ французской философіи, въ Лейпцигѣ засталъ русскихъ студентовъ за книгою о р а з у м ѣ, и привезъ Гельвецію извѣстіе, лестное для его тщеславія и радостное для всей братіи. Теперь было бы для насъ непонятно, какимъ образомъ холодный и сухой Гельвецій могъ сдѣлаться любимцемъ молодыхъ людей пылкихъ и чувствительныхъ, если бы мы, по несчастію, не знали, какъ соблазнительны для развивающихся умовъ мысли и правила новыя, отвергаемыя закономъ и преданіями. Намъ уже слишкомъ извѣстна французская философія XVIII столѣтія, она разсмотрѣна со всѣхъ сторонъ и оцѣнена. То, что нѣкогда слыло скрытнымъ ученіемъ гіерофантовъ, было потомъ обнародовано, проповѣдано на площадяхъ, и навѣкъ утратило прелесть таинственности и новизны. Другія мысли, столь же дѣтскія, другія мечты, столь же несбыточныя, замѣнили мысли и мечты учениковъ Дидрота и Руссо, и легкомысленный поклонникъ м о л в ы видитъ въ нихъ опять и цѣль человѣчества, и разрѣшенія вѣчной загадки, не воображая, что въ свою очередь онѣ замѣняются другими.

Радищевъ написалъ Ж и т і е Ѳ. В. У ш а к о в а. Изъ этого отрывка видно, что Ушаковъ былъ отъ природы

остроуменъ, краснорѣчивъ и имѣлъ даръ привлекать къ себѣ сердца. Онъ умеръ на 21-мъ году своего возраста отъ слѣдствій невоздержной жизни; но на смертномъ одрѣ онъ еще успѣлъ преподать Радищеву ужасный урокъ. Осужденный врачами на смерть, онъ равнодушно услышалъ свой приговоръ; вскорѣ муки его сдѣлались нестерпимы, и онъ потребовалъ яду отъ одного изъ своихъ товарищей.[1] Радищевъ тому воспротивился, но съ тѣхъ поръ самоубійство сдѣлалось однимъ изъ любимыхъ предметовъ его размышленій.

Возвратясь въ Петербургъ, Радищевъ вступилъ въ гражданскую службу, не переставая между тѣмъ заниматься и словесностію. Онъ женился. Состояніе его было для него достаточно. Въ обществѣ онъ былъ уважаемъ какъ сочинитель. Графъ Воронцовъ ему покровительствовалъ. Государыня знала его лично и опредѣлила въ собственную свою канцелярію. Слѣдуя обыкновенному ходу вещей, Радищевъ долженъ былъ достигнуть одной изъ первыхъ степеней государственныхъ. Но судьба готовила ему иное.

Въ то время существовали въ Россіи люди, извѣстные подъ именемъ мартинистовъ. Мы еще застали нѣсколько стариковъ, принадлежавшихъ этому полуполитическому, полурелигіозному обществу. Странная смѣсь мистической набожности и философическаго вольнодумства, безкорыстная любовь къ просвѣщенію, практическая филантропія ярко отличали ихъ отъ поколѣнія, которому они принадлежали. Люди, находившіе свою выгоду въ коварномъ злословіи, старались представить мартинистовъ заговорщиками и приписывали имъ преступные политическіе виды. Императрица, долго смотрѣвшая на ученія французскихъ философовъ, какъ на игры искусныхъ бойцовъ, и сама ихъ ободрявшая сво-

[1] А. М. Кутузова, которому Радищевъ и посвящаетъ житіе Ѳ. В. Ушакова. А. П.

имъ царскимъ рукоплесканіемъ, съ безпокойствомъ видѣла ихъ торжество и съ подозрѣніемъ обратила вниманіе на русскихъ мартинистовъ, которыхъ считала проповѣдниками безначалія и адептами энциклопедистовъ. Нельзя отрицать, чтобы многіе изъ нихъ не принадлежали къ числу недовольныхъ, но ихъ недоброжелательство ограничивалось брюзгливымъ порицаніемъ настоящаго, невинными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на франкъ-масонскихъ ужинахъ. Радищевъ попалъ въ ихъ общество. Таинственность ихъ бесѣдъ воспламенила его воображеніе. Онъ написалъ свое Путешествіе изъ Петербурга въ Москву — сатирическое воззваніе къ возмущенію, напечаталъ въ домашней типографіи и спокойно пустилъ его въ продажу.

Если мысленно перенесемся мы къ 1791 году, если вспомнимъ тогдашнія политическія обстоятельства, если представимъ себѣ силу нашего правительства, наши законы, не измѣнившіеся со времени Петра I, ихъ строгость, въ то время еще не смягченную двадцатипятилѣтнимъ царствованіемъ Александра, самодержца, умѣвшаго уважать человѣчество; если подумаемъ: какіе суровые люди окружали престолъ Екатерины, то преступленіе Радищева покажется намъ дѣйствіемъ сумасшедшаго. Мелкій чиновникъ, человѣкъ безъ всякой власти, безъ всякой опоры, дерзаетъ вооружаться противу общаго порядка, противу самодержавія, противу Екатерины! И замѣтьте: заговорщикъ надѣется на соединенныя силы своихъ товарищей; членъ тайнаго общества, въ случаѣ неудачи, или готовится извѣтомъ заслужить себѣ помилованіе, или, смотря на многочисленность своихъ соумышленниковъ, полагается на безнаказанность. Но Радищевъ одинъ. У него нѣтъ ни товарищей, ни соумышленниковъ. Въ случаѣ неуспѣха — а какого успѣха можетъ онъ ожидать? — онъ одинъ отвѣчаетъ за все, онъ одинъ представляется жертвой закону. Мы ни-

когда не почитали Радищева великимъ человѣкомъ. Поступокъ его всегда казался намъ преступленіемъ, ничѣмъ неизвиняемымъ, а „Путешествіе въ Москву“ весьма посредственною книгою, но со всѣмъ тѣмъ не можемъ въ немъ не признать преступника съ духомъ необыкновеннымъ; политическаго фанатика, заблуждающагося, конечно, но дѣйствующаго съ удивительнымъ самоотверженіемъ и съ какою-то рыцарскою совѣстливостію.

Но, можетъ быть, самъ Радищевъ не понялъ всей важности своихъ безумныхъ заблужденій. Какъ иначе объяснить его безпечность и странную мысль разослать свою книгу ко всѣмъ своимъ знакомымъ, между прочимъ къ Державину, котораго поставилъ онъ въ затруднительное положеніе![1] Какъ бы то ни было, книга его, сначала незамѣченная, вѣроятно потому, что первыя страницы чрезвычайно скучны и утомительны, вскорѣ произвела шумъ. Она дошла до государыни. Екатерина сильно была поражена. Нѣсколько дней сряду читала она эти горькія, возмутительныя сатиры. „Онъ мартинистъ“, говорила она Храповицкому (смотри его записки). „Онъ хуже Пугачева: онъ хвалитъ Франклина.“ Слово глубоко замѣчательное: монархиня, стремившаяся къ соединенію во едино всѣхъ разнородныхъ частей государства, не могла равнодушно видѣть отторженіе колоній отъ владычества Англіи. Радищевъ преданъ былъ суду. Сенатъ осудилъ его на смерть (см. полное собраніе законовъ). Государыня смягчила приговоръ. Преступника лишили чиновъ и дворянства и въ оковахъ сослали въ Сибирь.

Въ Илимскѣ Радищевъ предался мирнымъ литературнымъ занятіямъ. Здѣсь написалъ онъ большую часть своихъ сочиненій; многія изъ нихъ относятся къ стати-

[1] Извѣстно, что Державинъ вывернулся изъ этого положенія, представивъ книгу императрицѣ.

стикѣ Сибири, къ китайской торговлѣ и проч. Сохранилась его переписка съ однимъ изъ тогдашнихъ вельможъ, который, можетъ быть, не вовсе былъ чуждъ изданію Путешествія.[1] Радищевъ былъ тогда вдовцомъ. Къ нему поѣхала его свояченица, дабы раздѣлить съ изгнанникомъ грустное его уединеніе. Онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній упоминаетъ о семъ трогательномъ обстоятельствѣ.

Воздохну на томъ я мѣстѣ,
Гдѣ Ермакъ съ своей дружиной,
Садясь въ лодки, устремлялся
Въ ту страну ужасну, хладну,
Въ ту страну, гдѣ я средь бѣдствій —
Но на лонѣ жаркой дружбы
Былъ блаженъ, и гдѣ оставилъ
Души нѣжной половину. [Бова. Вступленіе].

Императоръ Павелъ I, взошедъ на престолъ, вызвалъ Радищева изъ ссылки, возвратилъ ему чины и дворянство, обошелся съ нимъ милостиво и взялъ съ него обѣщаніе не писать ничего противнаго духу правительства. Радищевъ сдержалъ свое слово. Онъ во все время царствованія императора Павла I не писалъ ни одной строчки. Онъ жилъ въ Петербургѣ, удаленный отъ дѣлъ, и занимаясь воспитаніемъ своихъ дѣтей. Смирённый опытностію и годами, онъ даже перемѣнилъ образъ мыслей, ознаменовавшій его бурную и кичливую молодость. Онъ не питалъ въ сердцѣ своемъ никакой злобы къ прошедшему и помирился съ славной памятію великой царицы.

Не станемъ укорять Радищева въ слабости и непостоянствѣ характера. Время измѣняетъ человѣка, какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Мужъ со вздохомъ иль съ улыбкою отвергаетъ мечты, волновав-

[1] Графомъ А. Р. Воронцовымъ; она напечатана теперь въ 5 и 12 книгахъ «Воронцовскаго Архива».

тія юношу. Моложавыя мысли, какъ и моложавое лицо, всегда имѣютъ что-то странное и смѣшное. Глупецъ одинъ не измѣняется, ибо время не приноситъ ему развитія, а опыты для него не существуютъ. Могъ ли чувствительный и пылкій Радищевъ не содрогнуться при видѣ того, что происходило во Франціи во время ужаса? Могъ ли онъ безъ омерзенія глубокаго слышать нѣкогда любимыя свои мысли, проповѣдуемыя съ высоты гильотины, при гнусныхъ рукоплесканіяхъ черни? Увлеченный однажды львинымъ ревомъ колоссальнаго Мирабо, онъ уже не хотѣлъ сдѣлаться поклонникомъ Робеспьера, этого сентиментальнаго тигра.

Императоръ Александръ, вступивъ на престолъ, вспомнилъ о Радищевѣ, и извиняя въ немъ то, что можно было приписать пылкости молодыхъ лѣтъ и заблужденіямъ вѣка, увидѣлъ въ сочинителѣ Путешествія отвращеніе отъ многихъ злоупотребленій и нѣкоторые благонамѣренные виды. Онъ опредѣлилъ Радищева въ коммиссію составленія законовъ и приказалъ ему изложить свои мысли касательно нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій. Бѣдный Радищевъ, увлеченный предметомъ, нѣкогда близкимъ къ его умозрительнымъ занятіямъ, вспомнилъ старину и въ проектѣ, представленномъ начальству, предался своимъ прежнимъ мечтаніямъ. Графъ Завадовскій удивился молодости его сѣдинъ и сказалъ ему съ дружескимъ упрекомъ: „Эхъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить по прежнему! или мало тебѣ было Сибири?“ Въ этихъ словахъ Радищевъ увидѣлъ угрозу. Огорченный и испуганный, онъ возвратился домой, вспомнилъ о другѣ своей молодости, объ лейпцигскомъ студентѣ, подавшемъ ему нѣкогда первую мысль о самоубійствѣ... и отравился. Конецъ, имъ давно предвидѣнный и который онъ самъ себѣ напророчилъ!

Сочиненія Радищева въ стихахъ и прозѣ (кромѣ Путешествія) изданы были въ 1807 году. Самое пространное

изъ его сочиненій есть философическое разсужденіе „О человѣкѣ и его смертности и безсмертіи“. Умствованія онаго пошлы и не оживлены слогомъ. Радищевъ хотя и вооружается противу матеріализма, но въ немъ все еще виденъ ученикъ Гельвеція. Онъ охотнѣе излагаетъ, нежели опровергаетъ доводы чистаго аѳеизма. Между статьями литературными замѣчательно его сужденіе о Телемахидѣ и о Тредьяковскомъ, котораго онъ любилъ по тому же самому чувству, которое заставило его бранить Ломоносова: изъ отвращенія отъ общепринятыхъ мнѣній. Въ стихахъ лучшее произведеніе его есть „Осьмнадцатый вѣкъ“—лирическое стихотвореніе, писанное древнимъ элегическимъ размѣромъ, гдѣ находятся слѣдующіе стихи, столь замѣчательные подъ его перомъ:

ОСЬМНАДЦАТОЕ СТОЛѢТІЕ.

Урна временъ часы изливаетъ каплямъ подобно;
Капли въ ручьи собрались; въ рѣку ручьи возрасли,
И на дальнѣйшемъ брегу изливаютъ пѣнистыя волны
Вѣчности въ море; а тамъ нѣтъ ни предѣлъ, ни бреговъ...
Не возвышается островъ, ни дна тамъ лотъ не находитъ:
Вѣки въ него протекли, въ немъ исчезаетъ ихъ слѣдъ;
Но знаменито во вѣки, своею кровавой струею
Съ звуками грома течетъ наше столѣтье туда;
И, сокрушивъ наконецъ корабль, надежды несущій,
Пристани близокъ уже, въ водоворотъ поглощенъ.
Счастіе и добродѣтель и вольность пожралъ омутъ ярый.
Зри: всплываютъ еще страшны обломки въ струѣ.
Нѣтъ! ты не будешь забвенно, столѣтье безумно и мудро!
Будешь проклято во вѣкъ, въ вѣкъ удивленіемъ всѣхъ.
Крови—въ твоей колыбели, припѣваніе — громы сраженьевъ;
Ахъ, омоченный въ крови вѣкъ, низпадаешь во гробъ!..
Но зри: двѣ взнеслися скалы во средѣ струй кровавыхъ —
Екатерина и Петръ, вѣчности чада! и Россъ.

Первая пѣснь Бовы имѣетъ также достоинства. Характеръ Бовы обрисованъ оригинально, и разговоръ его съ Каргою забавенъ. Жаль, что въ Бовѣ, какъ и въ Алёшѣ Поповичѣ, другой его поэмѣ, исключенной, не знаемъ почему, въ собраніи его сочиненій,[1] нѣтъ и тѣни народности, необходимой въ твореніяхъ такого рода; но Радищевъ думалъ подражать Вольтеру, потому что онъ вѣчно кому нибудь да подражалъ. Вообще Радищевъ писалъ лучше стихами, нежели прозою. Въ ней не имѣлъ онъ образца, а Ломоносовъ, Херасковъ, Державинъ и Костровъ успѣли уже обработать нашъ стихотворный языкъ.

„Путешествіе въ Москву", причина его несчастія и славы, есть, какъ уже мы сказали, очень посредственное произведеніе, не говоря уже о варварскомъ слогѣ. Сѣтованія на несчастное состояніе народа, на насиліе вельможъ и проч. преувеличены и пошлы. Порывы чувствительности, жеманной и надутой, иногда чрезвычайно смѣшны. Мы бы могли подтвердить сужденіе наше множествомъ выписокъ. Но читателю стоитъ открыть его книгу на удачу, чтобъ удостовѣриться въ истинѣ нами сказаннаго.

Въ Радищевѣ отразилась вся французская философія его вѣка: скептицизмъ Вольтера, филантропія Руссо, политическій цинизмъ Дидрота и Реналя; но все въ нескладномъ и искаженномъ видѣ, какъ всѣ предметы криво отражаются въ кривомъ зеркалѣ. Онъ есть истинный представитель полупросвѣщенія. Невѣжественное презрѣніе ко всему прошедшему, слабоумное изумленіе передъ своимъ вѣкомъ, слѣпое пристрастіе къ новизнѣ, частныя, поверхностныя свѣдѣнія, на-обумъ приноровленныя ко всему, вотъ что мы видимъ въ Радищевѣ. Онъ какъ будто старается раздражить верховную власть своимъ горькимъ злорѣчіемъ: не лучше ли было бы ука-

[1] Потому что она написана сыномъ Радищева, а не имъ

зать на благо, которое она въ состояніи сотворить? Онъ поноситъ власть господъ, какъ явное беззаконіе: не лучше ли было представить правительству и умнымъ помѣщикамъ способы къ постепенному улучшенію состоянія крестьянъ? Онъ злится на цензуру: не лучше ли было потолковать о правилахъ, коими долженъ руководствоваться законодатель, дабы съ одной стороны сословіе писателей не было притѣснено и мысль, священный даръ Божій, не была рабой и жертвой безсмысленной и своенравной управы; а съ другой—чтобъ писатель не употреблялъ сего божественнаго орудія къ достиженію цѣли низкой или преступной? Но все это было бы просто полезно и не произвело бы ни шума, ни соблазна; ибо правительство не только не пренебрегало писателями и ихъ не притѣсняло, но еще требовало ихъ соучастія, вызывало на дѣятельность, вслушивалось въ ихъ сужденія, принимало ихъ совѣты, чувствовало нужду въ содѣйствіи людей просвѣщенныхъ и мыслящихъ, не пугаясь ихъ смѣлости и не оскорбляясь ихъ искренностію.

Какую цѣль имѣлъ Радищевъ? Чего именно желалъ онъ? На сіи вопросы врядъ ли могъ онъ самъ отвѣчать удовлетворительно. Вліяніе его было ничтожно. Всѣ прочли его книгу и забыли ее, не смотря на то, что въ ней есть нѣсколько благоразумныхъ мыслей, нѣсколько благонамѣренныхъ предположеній, которыя не имѣли никакой нужды быть облечены въ бранчивыя и напыщенныя выраженія и незаконно тиснуты въ станкахъ тайной типографіи, съ примѣсью пошлаго и преступнаго пустословія. Онѣ принесли бы истинную пользу, будучи представлены съ большей искренностію и благоволеніемъ; ибо нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ, и нѣтъ истины, гдѣ нѣтъ любви.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

I. Отъ императрицы, главнокомандовавшему въ Санктъ-Петербургѣ генералъ-аншефу Брюсу.

Графъ Яковъ Александровичъ! Недавно издана здѣсь книга подъ названіемъ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», наполненная самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобъ произвесть въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, наконецъ оскорбительными выраженіями противу сана и власти царской. Сочинителемъ сей книги оказался коллежскій совѣтникъ Александръ Радищевъ, который самъ учинилъ въ томъ признаніе, присовокупивъ къ сему, что послѣ цензуры управы благочинія взнесъ онъ многіе листы въ помянутую книгу, въ собственной его типографіи напечатанную, и потому взятъ подъ стражу. Таковое его преступленіе повелѣваемъ разсмотрѣть и судить узаконеннымъ порядкомъ въ палатѣ уголовнаго суда Санктпетербургской губерніи и заключа приговоръ, взнесть оный въ сенатъ нашъ. Пребываемъ вамъ благосклонны Екатерина.

II. Изъ записокъ Храповицкаго.

26-го іюня (1790). Говорено (государыня) о книгѣ Путешествіе изъ Петербурга до Москвы. «Тутъ разсѣваніе французской заразы: отвращеніе отъ начальства, авторъ мартинистъ. Я прочла тридцать страницъ». Открывается подозрѣніе на Радищева. Посылка за Рылѣевымъ (оберъ-полицмейстеромъ).

2-го іюля. Продолжаютъ писать примѣчанія на книгу Радищева; а онъ, сказываютъ, препорученъ Шешковскому и сидитъ въ крѣпости.

7-го іюля. Примѣчанія на книгу Радищева посланы къ Шешковскому. Сказывать изволили, что онъ бунтовщикъ, хуже Пугачева, показавъ мнѣ, что въ концѣ хвалитъ Франклина, какъ начинщика, а себя такимъ же представляетъ. Говорено съ жаромъ и чувствительностію.

11-го августа. Докладъ о Радищевѣ; съ примѣтною чувствительностію приказано разсмотрѣть въ совѣтѣ, чтобъ не быть пристрастною, и объявить, дабы не уважили до меня касающееся, понеже я презираю.

III. Клинъ (Глава изъ книги Радищева).

Какъ было во городѣ во Римѣ, тамъ жилъ да былъ Евѳиміанъ князь... Поющій сію народную пѣснь, называемую Алексѣемъ Божіимъ человѣкомъ, былъ слѣпой старикъ, сидящій у воротъ почтоваго двора, окруженный толпою по большей части ребятъ и юношей. Сребровидная его глава, замкнутыя очи, видъ спокойствія въ лицѣ его зримаго, заставляли взирающихъ на пѣвца предстоять ему со благоговѣніемъ. Неискусный хотя его напѣвъ, но нѣжностію изреченія сопровождаемый, проницалъ въ сердца его слушателей, лучше природѣ внемлющихъ, нежели возрощенные во благогласіи уши жителей Москвы и Петербурга внемлютъ кудрявому напѣву Габріели, Маркези или Тоди. Никто изъ предстоящихъ не остался безъ зыбленія внутрь глубокаго, когда клинскій пѣвецъ, дошедъ до разлуки своего ироя, едва прерывающимся ежемгновенно гласомъ, изрекалъ свое повѣствованіе. Мѣсто, на коемъ были его очи, исполнилися изступающихъ изъ чувствительной отъ бѣдъ души слезъ, и потоки оныхъ пролились по ланитамъ воспѣвающаго. О природа, колико ты властительна! Взирая на плачущаго старца, жены возрыдали; со устъ юности отлетѣла сопутница ея улыбка; на лицѣ отрочества явилась робость, неложный знакъ болѣзненнаго, но неизвѣстнаго чувствованія, даже мужественный возрастъ, къ жестокости толико привыкшій, видъ воспріялъ важности. О! природа, возопилъ я паки....

Сколь сладко неязвительное чувствованіе скорби! Колико сердце оно обновляетъ и онаго чувствительность. Я рыдалъ въ слѣдъ за ямскимъ собраніемъ, и слезы мои были столь же для меня сладостны, какъ исторгнутыя изъ сердца Вертеромъ... О мой другъ, мой другъ! почто и ты не зрѣлъ сея картины? ты бы прослезился со мною, и сладость взаимнаго чувствованія была бы гораздо усладительнѣе

По окончаніи пѣснословія, всѣ предстоящіе давали старику, какъ будто бы награду за его трудъ. Онъ принималъ всѣ денежки и полушки, всѣ куски и краюхи хлѣба, довольно равнодушно, но всегда сопровождая благодарность свою поклономъ, крестяся и говоря къ подающему: «дай Богъ тебѣ здоровья». Я не хотѣлъ отъѣхать, не бывъ сопровождаемъ молитвою сего конечно пріятнаго небу старца. Желалъ я благословенія на совершеніе пути и желанія моего. Казалося мнѣ, да и всегда сіе мечтаю, какъ будто соблагословеніе чувствительныхъ душъ облегчаетъ стезю въ шествіи и отъемлетъ терніе сомнительности. Подошедъ къ нему, я въ дрожащую его руку, толико же дрожащею отъ боязни, не тщеславія ли ради то дѣлаю, положилъ ему рубль. Перекрестяся, не успѣлъ онъ изрещи обыкновеннаго своего благословенія подающему, отвлеченъ отъ того необыкновенностію ощущенія, лежащаго въ его горсти. И сіе уязвило мое сердце. Колико пріятнѣе ему, вѣщалъ я самъ себѣ, подаваемая ему полушка! Онъ чувствуетъ въ ней обыкновенное къ бѣдствіямъ соболѣзнованіе человѣчества; въ моемъ рублѣ ощущаетъ, можетъ быть, мою гордость. Онъ не сопровождаетъ его своимъ благословеніемъ. О! колико малъ я самъ себѣ тогда казался, колико завидовалъ давшимъ полушку и краюшку хлѣба пѣвшему старцу.—Не пятакъ-ли? сказалъ онъ, обращая рѣчь свою неопредѣленно какъ и всякое свое слово.—Нѣтъ, дѣдушка, рублевикъ, сказалъ близъ стоящій его мальчикъ.—Почто такая милостыня? сказалъ слѣпой, опуская мѣста своихъ очей и ища, казалося, мысленно вообразити себѣ то, что въ горсти его лежало. Почто она немогущему ею пользоваться. Если бы я не лишенъ былъ зрѣнія, сколь бы великая моя была за него благодарность. Не имѣя въ немъ нужды, я могъ бы снабдить имъ неимущаго. Ахъ! если бы онъ былъ у меня послѣ бывшаго здѣсь пожара, умолкъ бы хотя на одни сутки вопль алчущихъ птенцовъ моего сосѣда. Но нà что онъ мнѣ теперь? не вижу куда его и положить; подастъ онъ можетъ быть случай къ преступленію. Полушку немного прибыли украсть, но за рублемъ охотно многіе протянутъ руку. Возьми его назадъ, добрый господинъ, и ты и я съ твоимъ рублемъ можемъ сдѣ-

лать вора. О истина! колико ты тяжка чувствительному сердцу, когда ты бываешь въ укоризну.—Возьми его назадъ, мнѣ право онъ ненадобенъ, да и я уже его не стою; ибо не служилъ изображенному на немъ государю. Угодно было Создателю, чтобы еще въ бодрыхъ моихъ лѣтахъ лишенъ я былъ вѣждей моихъ. Терпѣливо сношу его прещеніе. За грѣхи мои онъ меня посѣтилъ.. Я былъ воинъ; на многихъ бывалъ битвахъ съ непріятелями отечества; сражался всегда неробко. Но воину всегда должно быть по нуждѣ. Ярость исполняла всегда мое сердце при начатіи сраженія; я не щадилъ никогда у ногъ моихъ лежащаго непріятеля, и просящаго безоруженному помилованія не дарилъ. Вознесенный побѣдою оружія нашего, когда устремлялся на карапіе и добычу, палъ я ницъ, лишенный зрѣнія и чувствъ пролетѣвшимъ мимо очей въ силѣ своей пушечнымъ ядромъ. О! вы, послѣдующіе мнѣ, будьте мужественны, но помните человѣчество.—Возвратилъ онъ мнѣ мой рубль, и сѣлъ опять на мѣсто свое покойно.

Прими свой праздничный пирогъ, дѣдушка, говорила слѣпому подошедшая женщина лѣтъ пятидесяти. Съ какимъ восторгомъ онъ принялъ его обѣими руками. Вотъ истинное благодѣяніе, вотъ истинная милостыня. Тридцать лѣтъ сряду ѣмъ я сей пирогъ по праздникамъ и по воскресеньямъ. Не забыла ты своего обѣщанія, что ты сдѣлала въ младенчествѣ своемъ. И стоитъ ли то, что я сдѣлалъ для покойнаго твоего отца, чтобы ты до гроба моего меня не забывала? Я, друзья мои, избавилъ отца ея отъ обыкновенныхъ нерѣдко побой крестьянамъ отъ проходящихъ солдатъ. Солдаты хотѣли что-то у него отнять; онъ съ ними заспорилъ. Дѣло было за гумнами. Солдаты начали мужика бить; я былъ сержантомъ той роты, которой были солдаты, прилучился тутъ; прибѣжалъ на крикъ мужика и его избавилъ отъ побой, можетъ быть чего и больше, но впередъ отгадывать нельзя. Вотъ что вспомнила кормилица моя нынѣшняя, когда увидѣла меня здѣсь въ нищенскомъ состояніи. Вотъ что не позабываетъ она каждый день и каждый праздникъ. Дѣло мое было не великое, но доброе. А доброе пріятно Господу, за Нимъ никогда ничто не пропадаетъ.

Неужели ты меня столь предъ всѣми обидишь, старичекъ, сказалъ я ему, и одно мое отвергнешь подаяніе? Неужели моя милостыня есть милостыня грѣшника. Да и та бываетъ ему на пользу, если служитъ къ умягченію его ожесточеннаго сердца.— Ты огорчаешь давно уже огорченное сердце естественною казнію, говорилъ старецъ; не вѣдалъ я, что могъ тебя обидѣть, не пріемля на вредъ послужить могущаго подаянія; прости мнѣ мой грѣхъ, но дай мнѣ, коли хочешь мнѣ что дать, дай что можетъ быть мнѣ полезно... холодная у насъ была весна, у меня болѣло горло—платчишка не было чѣмъ повязать шеи—Богъ помиловалъ, болѣзнь миновалась.... Нѣтъ ли старенькаго у тебя платка? Когда у меня заболитъ горло, то я его повяжу; онъ мою согрѣетъ шею; горло болѣть перестанетъ; я тебя вспоминать буду, если тебѣ нужно вспоминовеніе нищаго. Я снялъ платокъ съ моей шеи, повязалъ на шею слѣпаго.... и разстался съ нимъ.

Возвращаясь чрезъ Клинъ, я уже не нашелъ слѣпаго пѣвца. Онъ за три дни моего пріѣзда умеръ. Но платокъ мой, сказывала мнѣ та, которая ему приносила пирогъ по праздникамъ, надѣлъ, заболѣвъ, передъ смертію на шею, и съ нимъ положили его во гробъ. О! если кто чувствуетъ цѣну сего платка, тотъ чувствуетъ и то, что во мнѣ происходило слушавъ сіе.—

Вотъ какимъ слогомъ написана вся книга![1]

Статьи и замѣтки изъ „Современника" 1837 года.

Къ Запискѣ о древней и новой Россіи.

Во второмъ нумерѣ „Современника" упомянуто было о неизданномъ сочиненіи покойнаго Карамзина.[2] Мы почитаемъ себя счастливыми, имѣя возможность предста-

[1] На рукописи рукою самого автора написано: «Пушкинъ покорнѣйше проситъ Александра Лукича представить сію статью куда слѣдуетъ на разрѣшеніе». Потомъ: «Не дозволено къ напечатанію предписаніемъ главнаго управленія цензуры, отъ 26 августа 1836 г., № 271. Цензоръ А. Крыловъ».

[2] № 2 ошибочно указанъ вмѣсто 3-го Современника.

вить нашимъ читателямъ хотя отрывокъ изъ драгоцѣнной рукописи. Они услышатъ, если не полную рѣчь великаго нашего соотечественника, то по крайней мѣрѣ звуки его умолкнувшаго голоса.

О Мильтонѣ и Шатобріановомъ переводѣ „Потеряннаго рая“.

Долгое время французы пренебрегали словесность своихъ сосѣдей. Увѣренные въ своемъ превосходствѣ надъ всѣмъ человѣчествомъ, они цѣнили славныхъ писателей иностранныхъ по мѣрѣ ихъ бо̀льшаго или меньшаго отдаленія отъ французскихъ привычекъ и отъ правилъ, установленныхъ французскими критиками; переводя ихъ, они никогда не думали быть вѣрными своимъ подлинникамъ, напротивъ, тщательно ихъ преобразовывали. Во французскихъ переводахъ, изданныхъ въ прошломъ столѣтіи, нельзя прочесть ни одного предисловія, гдѣ бы не находилась неизбѣжная фраза: „мы думали угодить публикѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ оказать услугу и нашему автору“. И въ увѣренности, что оказываетъ услугу публикѣ и самому автору, переводчикъ исключалъ изъ книги мѣста, которыя могли бы оскорбить вкусъ образованнаго французскаго читателя. Странно, когда подумаешь, кто, кого и передъ кѣмъ извинялъ такимъ образомъ! И вотъ къ чему ведетъ невѣжественная страсть къ народности!... Наконецъ критики спохватились. Стали подозрѣвать, что гг. Летурнёры могли ошибочно судить о Шекспирѣ и не совсѣмъ благоразумно поступили, перепpавляя на свой ладъ Гамлета, Ромео и Лира. Отъ переводчиковъ стали требовать болѣе вѣрности, а менѣе щекотливости и усердія къ публикѣ; пожелали видѣть Данте, Шекспира и Сервантеса въ ихъ собственномъ видѣ; въ ихъ народной одеждѣ—народные недостатки. Даже мнѣніе, утвержденное вѣками и принятое всѣми, что переводчикъ долженъ стараться передать

духъ, а не букву, нашло противниковъ и искусныя опро верженія.

Нынѣ (примѣръ неслыханный!) первый изъ французскихъ писателей переводитъ Мильтона слово въ слово и объявляетъ, что подстрочный переводъ былъ бы верхомъ его искусства, еслибъ только оный былъ возможенъ! Таковое смиреніе во французскомъ писателѣ, первомъ мастерѣ своего дѣла, должно было сильно изумить поборниковъ исправительныхъ переводовъ и, вѣроятно, будетъ имѣть большое вліяніе на словесность.

Изъ всѣхъ иноземныхъ писателей, Мильтонъ былъ всѣхъ несчастнѣе во Франціи. Не говоримъ о переводахъ въ прозѣ, въ которыхъ онъ былъ безвинно оклеветанъ, не говоримъ о переводѣ въ стихахъ аббата Делиля, который ужасно поправилъ его грубые недостатки и украсилъ его безъ милосердія; но какъ же выводили его собственное лицо въ трагедіяхъ и въ романахъ писатели новѣйшей романтической школы? Что сдѣлалъ изъ него г-нъ Альфредъ де-Виньи, котораго французскіе критики безъ церемоніи поставили на одной доскѣ съ В. Скоттомъ? Какъ поступилъ съ нимъ Викторъ Гюго, другой любимецъ парижской публики? Можетъ быть, читатели забыли и „St. Mars“ и „Кромвеля“, и потому не могутъ судить о нелѣпости вымысловъ гг. Альфреда де-Виньи и Виктора Гюго. Выведемъ того и другаго на судъ всякаго знающаго и благомыслящаго человѣка.

Начнемъ съ трагедіи, одного изъ самыхъ нелѣпыхъ произведеній человѣка, впрочемъ одареннаго талантомъ.

Мы не станемъ слѣдовать за спотыкливымъ ходомъ этой драмы, скучной и чудовищной: мы хотимъ только показать нашимъ читателямъ, въ какомъ видѣ въ ней представленъ Мильтонъ, еще неизвѣстный поэтъ, но политическій писатель, уже славный въ Европѣ своимъ горькимъ и заносчивымъ краснорѣчіемъ.

Кромвель во дворцѣ своемъ бесѣдуетъ съ лордомъ Рочестеромъ, переодѣтымъ въ методиста, и съ четырьмя

шутами; тутъ же находится Мильтонъ съ своимъ вожатымъ (лицомъ довольно ненужнымъ, ибо Мильтонъ ослѣпъ уже гораздо послѣ). Протекторъ говоритъ Рочестеру:

«Такъ какъ мы теперь одни, то я хочу посмѣяться: представляю вамъ моихъ шутовъ. Когда мы находимся въ веселомъ духѣ, тогда они бываютъ очень забавны. Мы всѣ пишемъ стихи, даже и мой старый Мильтонъ.

Мильтонъ (съ досадою).—Старый Мильтонъ! Извините, милордъ, я девятью годами моложе васъ.

Кромвель.—Какъ угодно.

Мильтонъ.—Вы родились въ 99-мъ, а я въ 608-мъ.

Кромвель.—Какое свѣжее воспоминаніе!

Мильтонъ (съ живостію).—Вы могли обходиться со мною учтивѣе: я сынъ нотаріуса, городоваго альдермана.

Кромвель. — Ну, не сердись; я знаю, что ты великій ѳеологъ и даже хорошій стихотворецъ, хотя пониже Вайсерса и Донна.

Мильтонъ (говоря самъ про себя).—Пониже! какъ это слово жестоко! Но погодимъ. Увидятъ, отказало ли мнѣ небо въ своихъ дарахъ. Потомство мнѣ судія. Оно пойметъ мою Евву, падающую въ адскую ночь, какъ сладкое сновидѣніе; Адама, преступнаго и добраго; и неукротимаго Духа, царствующаго также надъ одною вѣчностію, высокаго въ своемъ отчаяніи, глубокаго въ безуміи, исходящаго изъ огненнаго озера, которое бьетъ онъ огромнымъ своимъ крыломъ; ибо пламенный геній во мнѣ работаетъ. Я обдумываю мо̀лча странное намѣреніе. Я живу въ мысли моей, и ею Мильтонъ утѣшенъ. Такъ я хочу въ свою очередь создать свой міръ между адомъ, землею и небомъ.

Лордъ Рочестеръ (про себя).—Что онъ тамъ городитъ?

Одинъ изъ шутовъ.—Смѣшной мечтатель!

Кромвель (пожимая плечами).—Твой «Иконокластъ» очень хорошая книга, но твой чортъ Левіаѳанъ... (смѣясь) очень плохъ...

Мильтонъ (сквозь зубы, съ негодованіемъ). — Кромвель смѣется надъ моимъ сатаною!

Рочестеръ (подходитъ къ нему).—Г-нъ Мильтонъ!

Мильтонъ (не слыша его и обратясь къ Кромвелю).—Онъ это говоритъ изъ зависти.

Рочестеръ (Мильтону, который слушаетъ его съ разсѣянностію).—По чести, вы не понимаете поэзіи. Вы умны, но у васъ недостаетъ вкуса. Послушайте: французы—учители наши во всемъ; изучайте Ракана, читайте его пастушескія стихотворенія. Пусть Аминта и Тирсисъ гуляютъ у васъ по лугамъ; пусть она ведетъ за собою барашка на голубой ленточкѣ; но Евва, Адамъ, адъ, огненное озеро! сатана голый, съ опаленными крыльями! Другое дѣло: если бы вы прикрыли его щегольскимъ платьемъ, если бы вы дали ему огромный парикъ и шлемъ съ золотою шишкою, розовый камзолъ и мантію флорентинскую, какъ недавно видѣлъ я во французской оперѣ солнце въ праздничномъ кафтанѣ.

Мильтонъ (удивленный).—Это что за пустословіе?

Рочестеръ (кусая губы).—Опять я забылся! Я, сударь, шутилъ.

Мильтонъ.—Очень глупая шутка!»

Далѣе Мильтонъ утверждаетъ, что править государствомъ—бездѣлица; то ли дѣло писать латинскіе стихи!

Спустя немного времени, Мильтонъ бросается въ ноги Кромвелю, умоляя его не домогаться престола, на что протекторъ отвѣчаетъ: Мильтонъ, государственный секретарь! ты піитъ, ты въ лирическомъ восторгѣ забылъ, кто я таковъ и пр.

Въ сценѣ, не имѣющей ни исторической истины, ни драматическаго правдоподобія, въ безсмысленной пародіи церемоніала, наблюдаемаго при коронаціи англійскихъ королей, Мильтонъ и одинъ изъ придворныхъ шутовъ играютъ главную роль. Мильтонъ проповѣдуетъ республику, шутъ подымаетъ перчатку королевскаго рыцаря...

Вотъ какимъ жалкимъ безумцемъ, какимъ пустомелей выведенъ Мильтонъ человѣкомъ, который, вѣроятно, самъ не вѣдалъ, что творилъ, оскорбляя великую тѣнь! Въ теченіе всей трагедіи, кромѣ насмѣшекъ и ругатель-

ства, ничего инаго Мильтонъ не слышитъ; правда и то, что и самъ онъ, во время, ни разу не вымолвилъ дѣльнаго слова. Это старый болтунъ, котораго всѣ презираютъ и на котораго никто не обращаетъ никакого вниманія.

Нѣтъ, господинъ Гюго! не таковъ былъ Мильтонъ, другъ и сподвижникъ Кромвеля, суровый фанатикъ, строгій творецъ „Иконокласта“ и книги „Defensio populi“! Не такимъ языкомъ изъяснялся бы съ Кромвелемъ тотъ, который написалъ ему свой славный пророческій сонетъ: Cromwell, out chief etc.!

Не могъ быть посмѣшищемъ развратнаго Рочестера и придворныхъ шутовъ тотъ, кто, въ злые дни жертва злыхъ языковъ, въ бѣдности, въ гоненіи и въ слѣпотѣ сохранилъ непреклонность души и продиктовалъ „Потерянный Рай“.

Если г-нъ Гюго, будучи самъ поэтъ (хотя и второстепенный), такъ худо понялъ поэта Мильтона, то всякъ легко себѣ вообразитъ, что̀ подъ его перомъ стало изъ лица Кромвеля, съ которымъ не имѣлъ онъ ужь ровно никакого сочувствія! Но это не касается до нашего предмета. Отъ неровнаго, грубаго Виктора Гюго и его уродливыхъ драмъ перейдемъ къ чопорному, манерному гр. Виньи и къ его облизанному роману.

Альфредъ де-Виньи въ своемъ „Сенъ-Марсѣ“ также выводитъ передъ нами Мильтона, и вотъ въ какихъ обстоятельствахъ:

У славной Маріи де-Лормъ, любовницы кардинала Ришельё, собирается общество придворныхъ и ученыхъ. Скюдери толкуетъ имъ свою аллегорическую карту любви; гости въ восхищеніи отъ крѣпости Красоты, стоящей на рѣкѣ Гордости, отъ деревни Нѣжныхъ Записочекъ, отъ гавани Равнодушія, и проч., и проч. Всѣ осыпаютъ г-жу Скюдери напыщенными похвалами, кромѣ Мольера, Корнеля и Декарта, которые тутъ же находятся. Вдругъ хозяйка представляетъ об-

ществу молодаго путешествующаго англичанина Мильтона и заставляетъ его читать гостямъ отрывки изъ „Потеряннаго Рая“. Хорошо. Да какъ же французы, не зная англійскаго языка, поймутъ Мильтоновы стихи? Очень просто: мѣста, которыя онъ будетъ читать, переведены на французскій языкъ, переписаны на особыхъ листочкахъ и списки розданы гостямъ. Мильтонъ будетъ декламировать, а гости слѣдовать за нимъ. Да зачѣмъ же ему безпокоиться, если уже стихи переведены? Стало быть, Мильтонъ великій декламаторъ, или звуки англійскаго языка чрезвычайно любопытны? А какое дѣло графу де-Виньи до всѣхъ этихъ нелѣпыхъ несообразностей? Ему надобно, чтобъ Мильтонъ читалъ въ парижскомъ обществѣ свой „Потерянный Рай“, и чтобъ французскіе умники надъ нимъ посмѣялись и не поняли духа великаго поэта.

Мильтонъ, не смотря на то, что назначенныя мѣста для чтенія переведены, и что онъ долженъ читать ихъ по порядку, ищетъ въ памяти своей то, что по его мнѣнію болѣе произведетъ дѣйствія на слушателей, не заботясь о томъ, поймутъ ли его или нѣтъ. Но посредствомъ какого-то чуда (неизъясненнаго г-мъ де-Виньи) всѣ его понимаютъ. Де-Барро находитъ его приторнымъ, Скюдери скучнымъ и холоднымъ, Марія де-Лормъ очень тронута описаніемъ Адама въ первобытномъ его состояніи; Мольеръ, Корнель и Декартъ осыпаютъ его комплиментами, и проч., и проч.

Или мы очень ошибаемся, или Мильтонъ, проѣзжая черезъ Парижъ, не сталъ бы показывать себя какъ заѣзжій фигляръ, и въ домѣ непотребной женщины забавлять общество чтеніемъ стиховъ, писанныхъ на языкѣ неизвѣстномъ никому изъ присутствующихъ, жеманясь и рисуясь, то закрывая глаза, то взводя ихъ въ потолокъ. Разговоры его съ де-Ту, съ Корнелемъ и Декартомъ не были бы пошлымъ и изысканнымъ пустословіемъ; а въ обществѣ игралъ бы онъ роль, ему прилич-

ную, скромную, роль благороднаго, хорошо воспитаннаго молодаго человѣка.

Послѣ удивительныхъ вымысловъ Виктора Гюго и графа де-Виньи, хотите ли видѣть картину, просто набросанную другимъ живописцемъ? Прочтите въ „Вудстокѣ“ встрѣчу одного изъ дѣйствующихъ лицъ съ Мильтономъ, въ кабинетѣ Кромвеля.

Французскій романистъ, конечно, не довольствовался бы такимъ незначущимъ и естественнымъ изображеніемъ. У него Мильтонъ, занятый государственными дѣлами, непремѣнно терялся бы въ піитическихъ мечтаніяхъ и на поляхъ какого нибудь отчета намаралъ бы нѣсколько стиховъ изъ „Потеряннаго Рая“; Кромвель бы это подмѣтилъ, разбранилъ бы своего секретаря, назвалъ бы его стихоплетомъ, вралемъ и проч., и изъ того бы вышелъ эффектъ, о которомъ бѣдный Вальтеръ-Скоттъ и не подумалъ.

Переводъ, изданный Шатобріаномъ, заглаживаетъ до нѣкоторой степени презрѣніе молодыхъ французскихъ писателей, такъ невинно, но такъ жестоко оскорбившихъ великую тѣнь. Мы сказали уже, что Шатобріанъ переводилъ Мильтона почти слово въ слово, такъ близко, какъ только то могъ позволить синтаксисъ французскаго языка: трудъ тяжелый и неблагодарный, незамѣтный для большинства читателей и который можетъ быть оцѣненъ двумя, тремя знатоками. Но удаченъ ли новый переводъ? Шатобріанъ нашелъ въ Низарѣ критика неумолимаго. Низаръ въ статьѣ, исполненной тонкой сметливости, сильно напалъ и на способъ перевода, избранный Шатобріаномъ, и на самый переводъ. Нѣтъ сомнѣнія, что стараясь передать Мильтона с л о в о в ъ с л о в о, Шатобріанъ, однако, не могъ соблюсти въ своемъ преложеніи вѣрности смысла и выраженія. Подстрочный переводъ никогда не можетъ быть вѣренъ. Каждый языкъ имѣетъ свои обороты, свои усвоенныя выраженія, которыя не могутъ быть переве-

дены на другой языкъ соотвѣтствующими словами. Возьмемъ первыя фразы: Comment vous portez vous; How do you do. Попробуйте перевести ихъ слово въ слово на русскій языкъ.[1]

Если уже русскій языкъ, столь гибкій и мощный въ своихъ оборотахъ и средствахъ, столь переимчивый и общежительный въ своихъ отношеніяхъ къ чужимъ языкамъ, не способенъ къ переводу подстрочному, къ преложенію слово въ слово, то какимъ образомъ языкъ французскій, столь осторожный въ своихъ привычкахъ, столь пристрастный къ своимъ преданіямъ, столь непріязненный къ языкамъ, даже ему единоплеменнымъ, выдержитъ таковой опытъ, особенно въ борьбѣ съ языкомъ Мильтона, сего поэта, вмѣстѣ и изысканнаго и простодушнаго, и темнаго и запутаннаго, и выразительнаго и своенравнаго, и смѣлаго даже до безсмыслія?

Переводъ „Потеряннаго Рая“ есть торговая спекуляція. Первый изъ современныхъ французскихъ писателей, учитель всего пишущаго поколѣнія, бывшій нѣкогда первымъ министромъ, нѣсколько разъ посланникомъ, Шатобріанъ на старости лѣтъ перевелъ Мильтона для куска хлѣба. Каково бы то ни было исполненіе труда, имъ предпринятаго, но самый сей трудъ и цѣль онаго дѣлаютъ честь знаменитому старцу. Шатобріанъ, который, поторговавшись немного съ самимъ собою, могъ бы спокойно пользоваться щедротами новаго правительства, властію, почестями и богатствомъ, предпочелъ имъ честную бѣдность и, уклонившись отъ палаты перовъ, гдѣ могущественно раздавался краснорѣчивый его голосъ, приходитъ въ книжную лавку съ продажной

[1] Кстати: недавно (въ «Телескопѣ», кажется), кто-то, критикуя переводъ, хотѣлъ, вѣроятно, блеснуть знаніемъ италиянскаго языка и пенялъ переводчику, зачѣмъ онъ пропустилъ въ своемъ переводѣ выраженіе «battersi la guencia» — бить себя по щекамъ. «Battersi la guencia» значитъ раскаяться; перевести иначе, не имѣло бы никакого смысла.—А. П.

рукописью, но съ неподкупной совѣстію. Послѣ этого— что скажетъ критика? Станетъ ли она строгостію оцѣнки смущать благороднаго труженика и, подобно скупому покупщику, хулить его товаръ? Но Шатобріанъ не имѣетъ нужды въ снисхожденіи: къ своему переводу присовокупилъ онъ два тома, столь же блестящіе, какъ и всѣ прежнія его произведенія, и критика можетъ оказаться строгою къ ихъ недостаткамъ столько, сколько ей будетъ угодно: несомнѣнныя красоты, страницы, достойныя лучшихъ временъ великаго писателя, спасутъ его книгу отъ пренебреженія читателей, не смотря на всѣ ея недостатки.

Англійскіе критики строго осудили „Опытъ объ англійской литературѣ". Они нашли его слишкомъ поверхностнымъ, слишкомъ недостаточнымъ; повѣривъ заглавію, они отъ Шатобріана требовали ученой критики и совершеннаго знанія предметовъ, близко знакомыхъ имъ самимъ; но совсѣмъ не того должно было искать въ семъ блестящемъ обозрѣніи. Въ ученой критикѣ Шатобріанъ не твердъ, робокъ и самъ не свой; онъ говоритъ о писателяхъ, которыхъ не читалъ; судитъ о нихъ вскользь и по наслышкѣ и кое-какъ отдѣлывается отъ скучной должности библіографа; но поминутно изъ-подъ пера его вылетаютъ вдохновенныя страницы; онъ поминутно забываетъ критическія изысканія и на свободѣ развиваетъ свои мысли о великихъ историческихъ эпохахъ, которыя сближаетъ съ тѣми, коихъ самъ онъ былъ свидѣтель. Много искренности, много сердечнаго краснорѣчія, много простодушія (иногда дѣтскаго, но всегда привлекательнаго) въ сихъ отрывкахъ, чуждыхъ исторіи англійской литературы, но составляющихъ главное, блистательное достоинство „Опыта".

Послѣдній изъ родственниковъ Іоанны д'Аркъ.

Въ Лондонѣ, въ прошломъ 1836 году, умеръ нѣкто г-нъ Дюлисъ (Jean-François-Philippe Dulys), потомокъ роднаго брата Іоанны д'Аркъ, славной Орлеанской дѣвственницы. Г-нъ Дюлисъ переселился въ Англію въ началѣ французской революціи. Онъ былъ женатъ на англичанкѣ и не оставилъ по себѣ дѣтей. По своей духовной назначилъ онъ по себѣ наслѣдникомъ родственника жены своей, Джемса Белли, книгопродавца эдинбургскаго. Между его бумагами найдены подлинныя грамоты королей Карла VII, Генриха III и Людовика XIII, подтверждающія дворянство рода господъ д'Аркъ Дюлисъ (d'Arc Dulys). Всѣ сіи грамоты проданы были съ публичнаго торгу за весьма дорогую цѣну, такъ же какъ и любопытный автографъ: письмо Вольтера къ отцу покойнаго г-на Дюлиса.

Повидимому, Дюлисъ, отецъ, былъ добрый господинъ, мало занимавшійся литературою. Однакожъ, около 1767 года, дошло до него, что нѣкто Mr. de Voltaire издалъ какое-то сочиненіе объ Орлеанской героинѣ. Книга продавалась очень дорого. Г-нъ Дюлисъ рѣшился однакожъ ее купить, полагая найти въ ней достовѣрную исторію славной своей прабабки. Онъ былъ изумленъ самымъ непріятнымъ образомъ, когда получилъ маленькую книжку, in-18, напечатанную въ Голландіи и украшенную удивительными картинами. Въ первомъ пылу негодованія написалъ онъ Вольтеру слѣдующее письмо, съ котораго копія найдена также между бумагами покойника. (Письмо сіе, такъ же какъ и отвѣтъ Вольтера, напечатано въ журналѣ Morning Chronicle):

«Милостивый государь! Недавно имѣлъ я случай пріобрѣсти за шесть луидоровъ написанную вами исторію осады Орлеана въ 1429 году. Это сочиненіе преисполнено не только грубыхъ ошибокъ, непростительныхъ для человѣка, знающаго сколько нибудь исторію Франціи, но еще и нелѣпою клеветою касательно

Короля Карла VII, Іоанны д'Аркъ, по прозванію Орлеанской дѣвственницы, Агнессы Сорель, господъ Латримулья, Лагира, Бодрикура и другихъ благородныхъ и знатныхъ особъ. Изъ приложенныхъ копій съ достовѣрныхъ грамотъ, которыя хранятся у меня въ замкѣ моемъ (Tournebu, baillage de Chaumont en Tourraine), вы ясно увидите, что Іоанна д'Аркъ была родная сестра Лукѣ, д'Аркъ дю-Ферону (Lucas d'Arc, seigneur du Feron), отъ котораго происхожу по прямой линіи. А посему не только я полагаю себя въ правѣ, но даже и ставлю себѣ въ непремѣнную обязанность требовать отъ васъ удовлетворенія за дерзкія, злостныя и лживыя показанія, которыя вы себѣ дозволили напечатать касательно вышеупомянутой дѣвственницы. Итакъ, прошу васъ, милостивый государь, дать мнѣ знать о мѣстѣ и времени, также и объ оружіи, вами избираемомъ для немедленнаго окончанія сего дѣла. Честь имѣю и проч.»

Не смотря на смѣшную сторону этого дѣла, Вольтеръ принялъ его не въ шутку. Онъ испугался шуму, который могъ бы изъ того произойти, а можетъ быть и шпаги щекотливаго дворянина, и тотчасъ прислалъ слѣдующій отвѣтъ:

22 мая 1767 г.

«Милостивый государь! Письмо, которымъ вы меня удостоили, застало меня въ постели, съ которой не схожу вотъ уже около осьми мѣсяцевъ. Кажется, вы не изволите знать, что я бѣдный старикъ, удрученный болѣзнями и горестями, а не одинъ изъ тѣхъ храбрыхъ рыцарей, отъ которыхъ вы произошли. Могу васъ увѣрить, что я никакимъ образомъ не участвовалъ въ составленіи глупой римованной хроники (l'impertinente chronique rimée), о которой изволите мнѣ писать. Европа наводнена печатными глупостями, которыя публика великодушно мнѣ приписываетъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, случилось мнѣ напечатать поэму подъ заглавіемъ Генріада. Исчисляя въ ней героевъ, прославившихъ Францію, взялъ я на себя смѣлость обратиться къ знаменитой вашей родственницѣ (votre illustre cousine) съ слѣдующими словами:

— Et toi, brave Amazone,
La honte des Anglais et le soutien du trône.

Вотъ единственное мѣсто въ моихъ сочиненіяхъ, гдѣ упомянуто о безсмертной героинѣ, которая спасла Францію. Жалѣю, что я не посвятилъ слабаго своего таланта на прославленіе Божіихъ чудесъ, вмѣсто того, чтобы трудиться для удовольствія публики, безсмысленной и неблагодарной. — Честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Voltaire gentilhomme de la chambre du Roy.

Англійскій журналистъ, по поводу напечатанія сей переписки, дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія:

„Судьба Іоанны д'Аркъ, въ отношеніи къ ея отечеству, по-истинѣ достойна изумленія: мы, конечно, должны раздѣлить съ французами стыдъ ея суда и казни. Но варварство англичанъ можетъ еще быть извинено предразсудками вѣка, ожесточеніемъ оскорбленной народной гордости, которая искренно приписала дѣйствію нечистой силы подвиги юной пастушки. Спрашивается, чѣмъ извинить малодушную неблагодарность французовъ? Конечно, не страхомъ дьявола, котораго изстари не боялись. По крайней мѣрѣ мы хоть что нибудь да сдѣлали для памяти славной дѣвы: нашъ лауреатъ посвятилъ ей первые дѣвственные порывы своего (еще не купленнаго) вдохновенія. Англія дала пристанище послѣднему изъ ея сродниковъ. Какъ же Франція постаралась загладить свое кровавое пятно, замаравшее самую меланхолическую страницу ея хроники? Правда, дворянство дано было родственникамъ Іоанны д'Аркъ, но ихъ потомство пресмыкалось въ неизвѣстности. Ни одного д'Арка или Дюлиса не видно при дворѣ французскихъ королей отъ Карла VII до самаго Карла X. Новѣйшая исторія не представляетъ предмета болѣе трогательнаго — жизни и смерти Орлеанской героини; что же сдѣлалъ изъ того Вольтеръ, сей достойный представитель своего народа? Разъ въ жизни случилось ему быть истинно поэтомъ, и вотъ на что онъ употребляетъ вдохновеніе! Онъ сатани-

ческимъ дыханіемъ раздуваетъ искры, тлѣвшія въ пеплѣ мученическаго костра, и какъ пьяный дикарь пляшетъ около своего потѣшнаго огня. Онъ какъ римскій палачъ присовокупляетъ поруганіе къ смертнымъ мученіямъ дѣвы. Поэма лауреата не стоитъ, конечно, поэмы Вольтера въ отношеніи силы вымысла; но твореніе Соуте есть подвигъ честнаго человѣка и плодъ благороднаго восторга. Замѣтимъ, что Вольтеръ, окруженный во Франціи врагами и завистниками, на каждомъ своемъ шагу подвергавшійся самымъ ядовитымъ порицаніямъ, почти не нашелъ обвинителей, когда явилась его преступная поэма. Самые ожесточенные враги его были обезоружены. Всѣ съ восторгомъ приняли книгу, въ которой презрѣніе ко всему, что почитается священнымъ для человѣка и гражданина, доведено до послѣдней степени цинизма. Никто не вздумалъ заступиться за честь своего отечества, и вызовъ добраго и честнаго Дюлиса, если бы сталъ тогда извѣстенъ, возбудилъ бы неистощимый хохотъ не только въ философическихъ гостиныхъ барона д'Ольбаха и M-me Jeoffrin, но и въ старинныхъ залахъ потомковъ Лагира и Латримулья. Жалкій вѣкъ! жалкій народъ!"

Желѣзная маска.

Вольтеръ въ своемъ „Siècle de Louis XIV" (въ 1760) первый сказалъ нѣсколько словъ о Желѣзной маскѣ: „Нѣсколько времени послѣ смерти кардинала Мазарини", пишетъ онъ, „случилось происшествіе безпримѣрное и, что еще удивительнѣе, неизвѣстное ни одному историку. Нѣкто, высокаго роста, молодыхъ лѣтъ, благородной и прекрасной наружности, съ величайшей тайною посланъ былъ въ заточеніе на островъ св. Маргариты. Дорогою невольникъ носилъ маску, коей нижняя часть была на пружинахъ, такъ что онъ могъ ѣсть, не сымая ея съ лица. Приказано было, въ случаѣ еслибъ онъ открылся, его убить. Онъ оставался на островѣ до 1690 года, когда

Сенъ-Марсъ, губернаторъ Пиньерольской крѣпости, бывъ назначенъ губернаторомъ въ Бастилію, пріѣхалъ за нимъ и препроводилъ его въ Бастилію, все также маскированнаго. Передъ тѣмъ маркизъ де-Лювуа посѣтилъ его на семъ островѣ и говорилъ съ нимъ стоя, съ видомъ уваженія. Неизвѣстный посаженъ былъ въ Бастилію, гдѣ всевозможныя удобства были ему доставляемы. Ему ни въ чемъ не отказывали. Онъ любилъ самое тонкое бѣлье и кружева. Онъ игралъ на гитарѣ. Столъ его былъ самый отличный. Губернаторъ рѣдко садился передъ нимъ. Старый лекарь, часто его лечившій въ различныхъ болѣзняхъ, сказывалъ, что никогда не видывалъ его лица, хотя и осматривалъ его языкъ и другія части тѣла. По словамъ лекаря, онъ былъ прекрасно сложенъ, цвѣтомъ довольно смуглъ. Голосъ его былъ трогателенъ; онъ никогда не жаловался и не намекалъ на свое состояніе.

„Неизвѣстный умеръ въ 1703 году и былъ похороненъ ночью, въ приходѣ св. Павла. Удивительно и то, что въ то время, когда привезенъ онъ былъ на островъ св. Маргариты, никого изъ важныхъ особъ въ Европѣ не исчезало. Невольникъ сей, безъ всякаго сомнѣнія, былъ особа важная. Доказательствомъ тому служитъ происшествіе, случившееся въ первые дни его заточенія на островѣ. Самъ губернаторъ приносилъ ему кушанье на столъ, запиралъ дверь и удалялся. Однажды невольникъ начертилъ что-то ножемъ на серебряной тарелкѣ и бросилъ ее изъ окошка. Рыбакъ поднялъ тарелку на берегу моря и принесъ ее губернатору. Сей изумился. „Читалъ ли ты, что тутъ написано“, спросилъ онъ у рыбака, „и видалъ ли кто у тебя эту тарелку?“ — Я не умѣю читать, отвѣчалъ рыбакъ: я сейчасъ ее нашелъ; никто ее не видѣлъ.—Рыбака задержали, пока не удостовѣрились, что онъ въ самомъ дѣлѣ безграмотный, и что тарелки никто не видалъ. Губернаторъ отпустилъ его, сказавъ: „ступай; счастливъ ты, что не умѣешь читать...“ Г-нъ де-

Шамильяръ былъ послѣдній изъ министровъ, знавшихъ эту странную тайну. Зять его, маршалъ де-ла-Фельядъ, сказывалъ мнѣ, что при смерти своего тестя онъ на колѣняхъ умолялъ его открыть, кто таковъ былъ человѣкъ въ желѣзной маскѣ. Шамильяръ отвѣтствовалъ, что это государственная тайна и что онъ клялся ее не открывать. Многіе изъ моихъ современниковъ подтвердятъ истину моихъ словъ. Я не знаю ничего ни удивительнѣе ни достовѣрнѣе."

Сіи строки произвели большое впечатлѣніе. Любопытство было сильно возбуждено. Стали розыскивать, разгадывать, предполагать. Иные думали, что Желѣзная маска былъ графъ de Vermandois, осужденный на вѣчное заключеніе, будто бы за пощечину, имъ данную дофину [Людовику XIV]. Другіе видѣли въ немъ герцога де-Бофоръ, сего феодальнаго демагота, мятежнаго любимца черни парижской, пропавшаго безъ вѣсти во время осады Кандіи въ 16..; третьи утверждали, что онъ былъ не кто иной, какъ герцогъ Монмуфъ, и проч., и проч. Самъ Вольтеръ, опровергнувъ всѣ сіи мнѣнія съ ясностью критики, ему свойственной, романически думалъ или выдумалъ, что славный невольникъ былъ старшій братъ Людовика XIV, жертва честолюбія и политики жестокосердой. Доказательства Вольтера были слабы. Загадка оставалась не разрѣшенною. Взятіе Бастиліи въ 1789 году и обнародованіе ея архива ничего не могло открыть касательно таинственнаго затворника.

Записки бригадира Моро-де-Бразе о походѣ 1711 года.

Предисловіе А. С. Пушкина.

Въ числѣ иноземцевъ, писавшихъ о Россіи, Моро-де-Бразе заслуживаетъ особенное вниманіе. Онъ принадлежалъ къ толпѣ тѣхъ наемныхъ храбрецовъ, которыми

Европа была наводнена еще въ началѣ XVIII столѣтія и которыхъ Вальтеръ-Скоттъ такъ геніально изобразилъ въ лицѣ своего капитана Dalgetty.

Моро былъ родомъ французскій дворянинъ. Вслѣдствіе какой-то ссоры принужденъ онъ былъ оставить полкъ, въ которомъ служилъ офицеромъ, и искать фортуны въ чужихъ государствахъ. Въ началѣ 1711 года, услыша о выгодахъ, доставляемыхъ Петромъ I иностраннымъ офицерамъ, пріѣхалъ онъ въ Россію, и принятъ былъ въ службу полковникомъ. Онъ былъ свидѣтелемъ несчастнаго похода въ Молдавію, и послѣ Прутскаго мира былъ отставленъ отъ службы съ чиномъ бригадира. Онъ скитался потомъ по Европѣ, предлагалъ свои услуги то Австріи, то Саксоніи, то Венеціанской республикѣ, получалъ отказы и вспоможенія; сидѣлъ въ тюрьмѣ и проч.

Онъ былъ женатъ на вдовѣ, женщинѣ хорошей дворянской фамиліи, и которая для него перемѣнила свое вѣроисповѣданіе. Она, какъ кажется, была то, что французы называютъ une aventurière. Въ 1714 году, г-жа Моро-де-Бразе была при дворѣ государыни великой княгини, супруги несчастнаго царевича, но не ужилась съ молодымъ графомъ Левенвольдомъ, и была выслана изъ Петербурга.

Въ 1735 году, Моро издалъ свои записки подъ заглавіемъ: Mémoires politiques, amusans et satiriques de messire J. M. d. B., c. de Lion, colonel du régiment de dragons de Casanski et brigadier des armées de sa m. Czarienne, à Véritopolis chez Jean Disant-vrai. 3 volumes.

Въ сихъ запискахъ слишкомъ часто принужденъ онъ оправдывать то себя, то свою жену. Онѣ не имѣютъ ни прелести Гамильтона, ни оригинальности Казановы; слогъ ихъ столь же тяжелъ, какъ и неправиленъ. Впрочемъ, Моро писалъ свои сочиненія съ небрежной увѣренностію дворянина, а смотрѣлъ на ихъ успѣхъ съ философіей человѣка, знающаго цѣну славѣ и деньгамъ.

„Qui que vous soyez, ami lecteur,“ говоритъ онъ въ своемъ предисловіи: „quelque élevé que soit votre génie, quelques supérieures que soient vos lumières, quelque délicate enfin que soit votre manière de parler et d'écrire, je ne vous demande point de grâce et vous pouvez-vous égayer en critiquant ces amusements, que je laisse à la censure publique; mais en vous donnant carrière à mes dépens et aux vôtres, car il vous en coutera vôtre argent pour lire mes ouvrages, souvenez-vous qu'un galant homme qui se trouve au fond du nord, avec des gens la plupart barbares dont il n'entend pas la langue serait bien à plaindre, s'il ne savait pas se servir d'une plume pour se désennuier en écrivant tout ce qui se passe sous ses yeux. Vous savez qu'il n'est pas donné à tout le monde de penser et d'écrire finement. Sur ce pied vous m'excuserez, s'il vous plait, s'entend, par la raison qu'il y aurait bien des gens inutiles, s'il n'y avait que ceux qui pensent et qui écrivent dans le goût raffiné qui s'en mélassent; vous y perdriez les nouvelles de ces pays perdus, que je vous donne, où les bonnes plumes ne sont pas familières. Adieu, lecteur mon ami, critiquez; plus il y aura des censeurs, mieux mon libraire s'en trouvera. Ce sera une marque qu'il débitera mon livre et qu'il retirera les fruits de son travail.

Sunt sanis omnia sana.“

Записки Моро перемѣшаны съ разными стихотвореніями, иногда чрезвычайно вольными, большею частію собранными имъ; ибо онъ, вѣроятно, по своей драгунской привычкѣ, располагалъ иногда чужою литературной собственностію, какъ непріятельскою.

Впрочемъ, онъ и самъ написалъ множество стиховъ. Выпишемъ нѣсколько строфъ изъ его оды къ королю Августу, какъ образецъ его поэтическаго таланта.

En quittant le Brabant j'épousai la querelle
Du Czar votre allié, je crus le bien servir,
J'ai même cru longtemps pouvoir lui convenir.

Et quoiqu'il agréa mon zèle,
Je fus contraint de revenir.
Le sang que j'ai versé, les pertes que j'ai faites
D'un équipage entier que je n'ai point gagné,
Qui fut par le Turban dans le combat pillé,
Furent les tristes interprètes
Qui m'annoncèrent mon congé.
Renvoyé sans argent du fond de la Russie,
Etranger, sans patron et toujours malheureux,
Je cherche le secours d'un généreux,
A qui je viens offrir ma vie
Egalement comme mes voeux.
Ne croyez pas, grand Roi, qu'ardent en espérance,
J'ose vous demander plus que mon entretien,
Dans mon état présent, que je ne me sais rien.
Un peu d'honneur pour ma naissance
Un peu de bien pour mon soutien.

Эти стихи доказываютъ, что финансы отставнаго бригадира находились не въ цвѣтущемъ состояніи. Впрочемъ, Августъ велѣлъ выдать ему триста гульденовъ, и Моро былъ очень доволенъ; должно признаться, что ода и того не стоила.

Разсказъ Моро-де-Бразе о походѣ 1711 года, лучшее мѣсто изо всей книги, отличается умомъ и веселостію беззаботнаго бродяги; онъ заключаетъ въ себѣ множество любопытныхъ подробностей и неожиданныхъ откровеній, которыя можно подмѣтить только въ пристрастныхъ и вмѣстѣ искреннихъ сказаніяхъ современника и свидѣтеля.

Renvoyé sans argent du fond de la Russie,

Моро не любитъ русскихъ и недоволенъ Петромъ; тѣмъ замѣчательнѣе свидѣтельства, которыя вырываются у него по-неволѣ. Съ какой простодушной досадою жалуется онъ на Петра, предпочитающаго своихъ полу-

дикихъ подданныхъ храбрымъ и образованнымъ иноземцамъ! Какъ живо описанъ Петръ во время сраженія при Прутѣ! Съ какой забавной вѣтренностію говоритъ Моро о нашихъ гренадерахъ, qui, quoique russes, c'est à dire peu pitoyables, voulaient monter à cheval pour sécourir ces braves hongrois,[1] на что чувствительные нѣмцы, ихъ начальники, не хотѣли однако согласиться. Мы не хотѣли скрыть или ослабить и порицанія, и вольныя сужденія нашего автора, будучи увѣрены, что таковыя нападенія не могутъ повредить ни славѣ Петра Великаго, ни чести русскаго народа. Предлагаемъ „Записки бригадира Моро", какъ важный историческій документъ, который не должно смѣшивать съ нелѣпыми повѣствованіями иностранцевъ о нашемъ отечествѣ.

Записки бригадира Моро-де-Бразе.

Начинаю съ замѣчательнѣйшаго и самаго блестящаго изъ событій, коимъ былъ я свидѣтель въ этой глухой сторонѣ: именно съ войны, объявленной султаномъ Петру Алексѣевичу, императору Великой и Малой Россіи. Но, дабы представить ее въ истинномъ видѣ, мнѣ должно будетъ описать предшествовавшія обстоятельства. Позвольте мнѣ[2] обратиться къ тому времени, какъ шведскій король Карлъ XII, восторжествовавъ надъ Фридерикомъ-Августомъ (королемъ польскимъ и курфирстомъ саксонскимъ) и надъ его царскимъ величествомъ,[3] бросился въ Саксонію, возвелъ на польскій престолъ Станислава и принудилъ Августа отказаться отъ короны съ сохраненіемъ единаго королевскаго титула. Въ это время шведскій король могъ за-

[1] Тринадцать венгерцевъ, кинувшихся въ средину турецкой конницы. — А. Пушкинъ.

[2] Моро-де-Бразе относится въ своихъ запискахъ къ неизвѣстной дамѣ.—А. Пушкинъ.

[3] Должно было прибавить: и надъ датскимъ королемъ Фридерикомъ IV, который началъ сѣверную войну и первый почувствовалъ когти шведскаго льва.—А. П.

ключить честный и выгодный миръ, предлагаемый ему царемъ. Положеніе его было самое счастливое: у него было до 40,000 прекраснаго войска, обыкшаго къ боямъ, и цѣлыя десять лѣтъ избалованнаго побѣдами; у войска всего было вдоволь: оно обогатилось въ Саксоніи, не безъ обиды и притѣсненій обывателямъ. Главная цѣль шведскаго короля была имъ достигнута. Фридерикъ-Августъ былъ низверженъ. Онъ могъ отдѣлаться отъ прочихъ своихъ непріятелей миромъ, котораго они домогались. Вспомнимъ, что Карлъ XII былъ главнымъ посредникомъ при заключеніи Рисвицкаго мира. Онъ могъ обезоружить Европу, воюющую за испанское наслѣдство, если бы только объявилъ себя противникомъ сторонѣ, несогласной на общій миръ. Даже было о томъ и предположеніе, устроенное г-мъ де-Бонакомъ, французскимъ чрезвычайнымъ посломъ при его дворѣ; но герцогъ Марибрутъ отвратилъ ударъ, прибывъ въ Саксонію и успѣвъ задарить г-на Пипера англійскимъ и голландскимъ золотомъ.[1] Сей министръ изъ благодарности разрушилъ мѣры, уже принятыя для утвержденія общаго мира, и завлекъ Карла XII въ преслѣдованіе Петра въ предѣлы областей его царскаго величества—роковое предпріятіе, дорого ему стоившее!

Шведскій король вышелъ изъ Саксоніи со всѣми своими полками. Онъ оставилъ въ Польшѣ, для поддержанія Станислава, имъ коронованнаго, двадцать тысячъ войска (въ томъ числѣ девять тысячъ вновоприбывшаго изъ Швеціи) подъ начальствомъ генерала графа Крассау, а самъ пошелъ къ Днѣпру, переправился чрезъ него, не смотря на всѣ препятствія, и приближился къ самой Полтавѣ, гдѣ его царское величество остановился и укрѣплялся, предавъ огню и разоренію собственную землю, дабы отнять у непріятеля способы къ пропитанію.

Вся Европа видѣла конецъ несчастнаго похода и паденіе ко-

[1] Такъ вообще думали въ Европѣ. Вольтеръ съ этимъ не согласенъ: Il est certain que Charles était infléxible dans le dessein d'aller détroner l,empereur des russes, qu'il ne recevoit alors conseil de personne et qu'il n'avait pas besoin des avis du comte Piper pour prendre de Pierre Alexiewitz une vengeance qu'il cherchait depuis longtemps.— Histoire de Charles XII.—А. П.

роля, дотолѣ непобѣдимаго. Войско его было уничтожено или захвачено въ плѣнъ. Его совѣтъ, чиновники, за нимъ послѣдовавшіе, имѣли ту же участь; самъ король, дабы не попасться въ руки своимъ врагамъ, бросился съ тремя стами конныхъ въ турецкую землю, за Днѣстръ, въ сосѣдство буджацкихъ татаръ, и искалъ убѣжища въ Бендерахъ.

Это удивительное пораженіе измѣнило всѣ его дѣла не только въ Польшѣ, но и въ собственномъ его государствѣ. Крассау, получивъ о томъ извѣстіе и не будучи въ состояніи держаться долѣе въ Польшѣ, поспѣшно удалился въ Померанію. Станиславъ за нимъ послѣдовалъ, страшась попасться въ руки приверженцамъ Августа.

Польскій король обнародовалъ манифестъ, въ которомъ отказывался отъ мира, имъ заключеннаго съ Карломъ XII, объявляя, что принужденъ былъ на оный согласиться, дабы избавить свои наслѣдственныя области отъ насилія шведскихъ войскъ, разорявшихъ Саксонію, и что министры, имъ употребленные для переговоровъ, некстати обязали его и преступили его предписанія. Потомъ явился онъ въ Польшѣ и, поддерживаемый великимъ гетманомъ Синявскимъ, имѣя въ своей власти коронное войско и множество приверженцевъ, онъ снова вступилъ на престолъ и по прежнему признанъ королемъ.

Съ другой стороны, король датскій, видя, что Карлъ въ Турціи, а что войско его уничтожено, и полагая, что ему легко будетъ завоевать Сканію[1] и далѣе вступить въ Швецію, обратилъ туда свои войска. Генералы его вторгнулись въ сію сосѣдственную область, предметъ всегдашней его зависти. Но шведы, большею частію кое-какъ и кой-гдѣ набранные люди, разбили ихъ на голову. Датское войско бѣжало, подрѣзавъ жилы ногъ у лошадей, дабы не могли онѣ служить непріятелю, и бросивъ казну, обозъ и артиллерію.

Его царское величество, пользуясь разбитіемъ непріятеля, двинулъ поспѣшно полки свои въ Лифляндію. Между тѣмъ короли датскій и польскій должны были въ одно время войти въ

[1] Шоны.—А. П.

Померанію, дабы произвести диверсію и облегчить царю завоеваніе провинціи, которой онъ давно добивался и отъ которой онъ уже успѣлъ отлупить[1] Нарву, дабы защищать Петербургъ—новый укрѣпленный городокъ, выстроенный имъ на рѣкѣ Нервѣ (Nerva) въ началѣ войны.

Сего недовольно: новое бѣдствіе поразило Швецію, гдѣ въ отсутствіе короля, учрежденъ былъ совѣтъ изъ лучшихъ и благоразумнѣйшихъ головъ всего государства: явилась чума въ Стокгольмѣ, въ Сканіи, въ Помераніи и во всей Лифляндіи, гдѣ свирѣпствовала во всей своей силѣ. Въ сіе-то время его царское величество вознамѣрился овладѣть Лифляндіей и началъ свои завоеванія осадою Риги. Городъ принужденъ былъ къ сдачѣ болѣе чумою, нежели силою оружія и бомбами, которыя, безъ сего Божьяго наказанія, не принесли бы царю великой пользы.

Около сего времени прибылъ я въ Ригу проситься въ службу къ его царскому величеству, твердо рѣшившись скорѣе умереть съ голоду, нежели воевать противу отечества моего и вредить его пользѣ.

Царь, послѣ взятія Риги, поручилъ князю Меншикову взять Ревель и Пернау, города укрѣпленные, имѣющіе гавани на Балтійскомъ морѣ.

Князь Меншиковъ завоевалъ ихъ тѣмъ же средствомъ, какимъ взята была Рига: чума передала ихъ въ его руки и увѣнчала его лаврами, межъ тѣмъ какъ осыпала кипарисомъ несчастную Лифляндію, Курляндію, Литву и Пруссію.

Послѣ Ревеля и Пернау князь Меншиковъ, не нашедъ Выборга достойнымъ своего личнаго присутствія, отрядилъ къ оному генералъ-лейтенанта Бреколься (Brecols)[2] съ достаточнымъ числомъ войска, а самъ отправился въ Петербургъ отдать во всемъ отчетъ его царскому величеству.[3] Онъ принятъ былъ

[1] Dont il avait déjá écorné Narva.—А. П.

[2] Беркгольцъ, генералъ-маіоръ.—А. П.

[3] Все это писано наобумъ. Выборгъ взятъ былъ не Беркгольцемъ, но сдался генералъ-адмиралу графу Апраксину, въ присутствіи самого царя, 11 іюля 1700 года. Пернау взятъ 14 августа того же года не княземъ Меншиковымъ, а генераломъ Боуромъ, отряженнымъ изъ-

какъ побѣдитель; его пожаловали губернаторомъ Лифляндіи. (Онъ уже былъ герцогомъ Ингерманландскимъ).

Порта испугалась быстроты сихъ завоеваній. Султанъ и его сановники предвидѣли, что сосѣдъ ихъ, если усилится, то нанесетъ имъ современемъ большія огорченія. Завоеваніе Азова[1] лежало у нихъ на сердцѣ, тѣмъ болѣе, что царь въ укрѣпленіи онаго сдѣлалъ значительныя улучшенія и содержалъ въ немъ морское войско, притѣсняя тѣмъ турецкую торговлю на Черномъ морѣ, если ужь ее вовсе не уничтожая. Сверхъ того, для защиты Азова и окрестностей онаго, Петръ выстроилъ новыя крѣпости. Все это, при помощи происковъ шведскаго короля, понудило Порту объявить войну его царскому величеству. Царь получилъ о томъ извѣстіе по прибытіи князя Меншикова и по распредѣленіи войскъ по квартирамъ послѣ столь многотрудной кампаніи. Онъ сталъ не на шутку заботиться о приготовленіяхъ къ будущему походу, дабы предупредить, буде возможно, опаснаго непріятеля, который на него навязывался.

Генералъ-лейтенантъ Беркгольцъ взялъ Выборгъ, но не безъ потери и не безъ труда. Царь однакожь, въ знакъ благоволенія, прислалъ ему свой портретъ, осыпанный алмазами, и повелѣлъ войска, осаждавшія Выборгъ, Ревель и Перновъ (кромѣ конницы) распредѣлить по симъ городамъ. Всей же конницѣ, кромѣ нѣсколькихъ драгунъ, приказано идти въ Верхнюю-Польшу и въ Польскую-Россію (dans la Haute-Pologne et dans la Russie polonaise), гдѣ легче было ее продовольствовать, нежели въ Лифляндіи, коей всѣ почти селенія опустошены были чумою.[2]

Около ноября мѣсяца курьеръ отъ князя Меншикова привезъ уполномоченному генералъ-комиссару лифляндскому, барону Левенвольду, приказаніе собрать рижскихъ дворянъ и объявить имъ, что князь черезъ мѣсяцъ прибудетъ въ Ригу для принятія отъ нихъ присяги въ вѣрности и подданствѣ его царскому величеству. Между разными новостями, князь прислалъ Левен-

подъ осажденной Риги. Ревель взятъ имъ же, Боуромъ, 29 сентября, и проч.—А. П.

[1] Asof, sur la Mer-Noire, пишетъ Моро.—А. П.

[2] Отселѣ разсказъ Моро становится достовѣрнымъ.—А. П.

вольду и условія, недавно предложенныя Портою царю, во избѣжаніе войны, неминуемой въ случаѣ несогласія съ его стороны. Я жилъ у Левенвольда. Мы провожали вмѣстѣ часы веселія на досугѣ. Онъ показалъ мнѣ эти условія; они состояли изъ семи статей:

1. Возвратить Азовъ, а укрѣпленія, вновь приложенныя къ прежнимъ, также и новыя крѣпости, выстроенныя по берегамъ Чернаго моря, разорить.

II. Расторгнуть совершенно союзъ, заключенный съ Фридерикомъ-Августомъ, курфирстомъ саксонскимъ, и принять Станислава королемъ польскимъ.

III. Возвратить всю Лифляндію и вообще все завоеванное русскими шведскому королю, а Петербургъ разорить и срыть до основанія.

IV. Заключить наступательный союзъ съ королями Карломъ XII и Станиславомъ противу Фридерика-Августа, курфирста саксонскаго, если курфирстъ возобновитъ притязанія свои на польскій престолъ, имъ уступленный Станиславу.

V. Казакамъ возвратить прежнюю вольность и преимущества.

VI. Возвратить натурой или иначе все, что король шведскій потерялъ черезъ Полтавское сраженіе.

VII. Морское войско и флотъ отвести къ Воронежу и съ нимъ къ Черному морю не приближаться.

Еслибъ его царское величество находился въ положеніи шведскаго короля, то и тутъ Порта не могла бы предложить ему условія болѣе притѣснительныя. За то ихъ и не приняли. Стали сильно готовиться къ войнѣ, дабы доказать Портѣ, что его величество не дошелъ еще до того, чтобы могъ выслушивать таковыя предложенія.

Между тѣмъ, какъ царь созывалъ совѣтъ за совѣтомъ для опредѣленія мѣръ, нужныхъ противу столь опаснаго непріятеля, повсюду приготовляли войско къ выступленію въ походъ, по первому приказанію. Посреди сихъ пріуготовленій и въ самое то время, какъ государь болѣе всего казался озабоченнымъ, курляндскій герцогъ женился въ Петербургѣ на племянницѣ

государя. Бракъ сей праздновань по-царски. Но молодой герцогъ такъ былъ невоздерженъ на пирахъ, данныхъ по тому случаю, и такъ много пилъ венгерскаго (къ чему русскіе привыкли), что черезъ шесть дней послѣ свадьбы онъ занемогъ на обратномъ пути въ свои владѣнія, на первомъ ночлегѣ, и умеръ чрезъ пять дней. Объ немъ очень жалѣли его подданные и всѣ тѣ, которые имѣли честь быть съ нимъ знакомы. Герцогъ былъ любезный молодой человѣкъ и много обѣщалъ.

Нѣсколько времени спустя послѣ погребальнаго его шествія чрезъ Ригу въ Митаву, столицу курляндскаго герцогства, гдѣ долженъ былъ онъ быть похороненъ между гробами герцоговъ, своихъ предковъ, князь Меншиковъ изъ Ревеля и Пернова, гдѣ принималъ онъ присягу дворянства, прибылъ въ Ригу для той же церемоніи. Въ три дня князь привелъ къ концу препорученіе, на него возложенное, и возвратился въ Петербургъ.

Его царское величество отправилъ изъ Петербурга своихъ генераловъ, каждаго къ своей дивизіи, и повелѣлъ генералъ-фельдмаршалу графу Шереметеву вывести въ поле полки, назначенные къ походу, и самому слѣдовать за ними къ Днѣстру, гдѣ вся армія должна была собраться.

Съ другой стороны повелѣлъ онъ адмиралу и вице-адмиралу, находившимся при его особѣ, ѣхать въ Азовъ, а самъ отправился въ Москву. Тамъ осмотрѣлъ онъ рекрутовъ, набранныхъ по его повелѣнію, и отправилъ ихъ къ Смоленску, гдѣ ихъ ожидалъ отрядъ, дабы препроводить въ Подолію для распредѣленія по полкамъ. Царь потомъ занялся послѣдними пріуготовленіями, отправилъ казну и самъ наконецъ поѣхалъ въ Польшу, поручивъ князю Меншикову надзоръ надъ непріятелемъ въ Лифляндіи.

24 февраля 1711 года дивизія князя Рѣпнина, стоявшая около Ревеля и Пернова, выступила въ походъ къ Подоліи, назначенной сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ войскъ. Баронъ Аллартъ, одинъ изъ искуснѣйшихъ генераловъ его царскаго величества, выступилъ изъ Литвы съ своею дивизіей; то же сдѣлали генералы Вейде и баронъ Денсбергъ.

Имѣвъ честь быть приняту полковникомъ казанскаго дра-

гунскаго полка и бригадиромъ войска его царскаго величества, получилъ я приказаніе ѣхать въ свой полкъ и къ своей бригадѣ, находившейся въ Польской Россіи на зимнихъ квартирахъ. Я имѣлъ дозволеніе взять изъ Курляндіи драгуновъ, сколько мнѣ ихъ понадобится, для доставленія всего нужнаго мнѣ и людямъ моимъ во все время столь долгаго пути: отъ Риги до Сороки, что на Днѣстрѣ, къ сторонѣ Молдавіи, гдѣ соединилась армія, считается двѣсти шестьдесятъ шесть нѣмецкихъ миль, или пятьсотъ тридцать два французскихъ лье. Я повиновался данному мнѣ приказанію и отправился въ эту дальнюю дорогу съ двадцатью только драгунами. Я ѣхалъ на Митаву, Вильну, Новогрудокъ, Слуцкъ, Давидоградскъ (отъ коего въ шести французскихъ лье переправился черезъ Днѣпръ, рѣку опасную, не имѣющую береговъ, и разливающуюся направо и налѣво, на разстояніи нѣсколькихъ лье), потомъ на Полосъ, Острогъ, Мазибушь, Леополь, Замосцъ, Тарнополь, Сатановъ и Шаргpадъ (Разградъ?), гдѣ настигъ я армію. Сей послѣдній городъ былъ нѣкогда обширенъ и имѣлъ знатную торговлю. Но во время войнъ Польши съ Портою, турки его опустошили; теперь однѣ развалины свидѣтельствуютъ о томъ, чѣмъ былъ онъ прежде.

Генералъ-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ, вслѣдствіе своихъ повелѣній, нашелъ въ Бродахъ всю свою кавалерію, собранную начальникомъ оной генераломъ Янусомъ. Фельдмаршалъ пошелъ къ Могилеву съ нею и пѣхотными полками ингерманландскимъ и астраханскимъ, сопровождавшими его отъ самой Риги. Тутъ и переправился онъ черезъ Днѣстръ въ трехъ разныхъ мѣстахъ и занялъ Молдавію. Господарь отложился отъ Порты, передался фельдмаршалу и привелъ къ нему до шести тысячъ плохой молдавской конницы; ихъ всадники большею частію вооружены стрѣлами или полупиками, подобно казакамъ; всѣ они ужасные воры.

Дивизія генерала Алларта достигла Днѣстра, первая изъ всей пѣхоты. Вслѣдъ за нимъ прибыли въ тотъ же день генералы Брюсъ и Гинтеръ со всею артиллеріей и своими полками. Баронъ Аллартъ переправился черезъ Днѣстръ на понтонахъ и

поспѣшилъ занять укрѣпленіе въ Сорокѣ, чему никто и не думалъ воспротивиться.

Сорокъ пять лѣтъ передъ тѣмъ, крѣпость эта выдержала славную осаду. 40,000 турокъ и 40,000 татаръ, подъ предводительствомъ сераскира, принуждены были, послѣ шестимѣсячныхъ тщетныхъ усилій, со стыдомъ отступить, покинувъ лагерь и всю артиллерію, за что сераскиръ заплатилъ своею головою.

Генералъ Аллартъ нашелъ хорошіе подземельные погреба, нѣсколько сабель, нѣсколько боченковъ пороху, но мало съѣстныхъ припасовъ.

Il y ordonna des ouvrages extérieurs, qu'il traça lui-même, et un pont sur le Niester qui eut pour tête le chateau fort bon pour le pays, et deux doubles tenailles en queue.

Генералъ Аллартъ, сверхъ многихъ другихъ достоинствъ, есть одинъ изъ лучшихъ инженеровъ своего времени. Онъ умѣетъ искусно развѣдать мѣстныя обстоятельства, расположиться лагеремъ и начертать вѣрную карту театра войны.

Покамѣстъ, по его приказанію, войско занималось работами, генералъ-лейтенантъ Брюсъ переправилъ артиллерію подъ прикрытіемъ неразлучныхъ съ нею полковъ канонерскихъ и бомбардирскихъ; онъ расположилъ свой паркъ влѣво отъ укрѣпленія, на полуостровѣ, образуемомъ рѣкою.

30-го мая дивизія генерала Адама Вейде заняла днѣстровскія высоты въ получасѣ отъ Сороки, въ прекрасной долинѣ, куда прибылъ въ тотъ же день генералъ баронъ Денсбергъ. На другой день, 31-го мая, генералъ князь Рѣпнинъ сталъ тамъ же, на лѣвой сторонѣ линіи.

Его царское величество изъ Москвы отправился въ польскій Ярославъ, гдѣ, по просьбѣ его, собраны были королемъ польскіе сенаторы, съ тѣмъ, чтобы принудить, если возможно, республику соединиться съ Россіею противу невѣрныхъ. Но сенаторы рѣшили иначе: положено было республикѣ, держась условій Карловицкаго мира, никакимъ образомъ не мѣшаться въ эту новую войну, ибо довольно было ей и своихъ междоусобій.

Не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, государь отправился въ армію въ сопровожденіи генерала Рене, остававшагося въ окрест-

ностяхъ Ярослава съ частію конницы для охраненія особы его величества.

12-го іюня [1] (стараго стиля) государь прибылъ на берегъ Днѣстра съ императрицею, съ своими министрами, съ казною, преображенцами и семеновцами (les Preobrasenski et Simonovski), своею гвардіею; полки сіи, хотя пѣхотные, но въ походѣ садятся на конь и идутъ съ литаврами, штандартами и трубами (тожъ и ингерманландскій и астраханскій). Въ лагерѣ или въ городѣ имъ возвращаютъ барабаны.

13-го іюня, поутру его величество дѣлалъ смотръ пѣхотѣ; послѣ обѣда посѣтилъ онъ мостъ, уже оконченный попеченіями генерала Алларта, также и новыя укрѣпленія Сороки. Государь былъ очень доволенъ. Потомъ осмотрѣлъ онъ артиллерію и возвратился въ свой лагерь.

14-го былъ у его величества большой военный совѣтъ; на немъ присутствовали всѣ генералы, которые могли только пріѣхать. И на семъ-то совѣтѣ предприняты были государемъ, по внушенію его министровъ и русскихъ генераловъ, мѣры, произведшія бѣдствія, которыя можно было бы избѣжать, еслибъ обратили порядочное вниманіе на положеніе, въ коемъ находилось войско, на мѣстныя обстоятельства и на состояніе земли, въ которую готовились вступить; однимъ словомъ, если бы его величество согласился съ мнѣніемъ своихъ нѣмецкихъ генераловъ,[2] которые, кромѣ его славы и пользы, ничего въ виду не имѣли.

Прежде нежели опишу то, что произошло на знаменитомъ этомъ совѣтѣ, я долженъ дать вамъ понятіе о состояніи арміи. Войско не имѣло съѣстныхъ запасовъ и на восемь дней и могло, если оныхъ не находилось въ Молдавіи, быть уничтожено не непріятелемъ, а голодомъ. Это затруднительное положеніе извѣст-

[1] У Моро поставлено здѣсь 2-го іюня: ошибка или опечатка. Въ журналѣ Петра Великаго сказано: «во 12 день (іюня) прибыли (ихъ величества) съ гвардіей къ рѣкѣ Днѣстру, гдѣ случились съ пѣхотными дивизіями генерала Вейде и Алларта; отселѣ и отъ того же числа Петръ написалъ нѣсколько писемъ».—А. П.

[2] Иностранныхъ. См. далѣе объясненіе самого Моро. Какъ замѣтно, что здѣсь говоритъ иностранецъ, приверженный къ своей партіи. А. П.

но было всѣмъ; генералы, министры, самъ государь это зналъ. Комисары посланы были имъ въ Венгрію для закупки быковъ, а въ Украйну для забранія барановъ и муки.

Совѣтъ, собранный его величествомъ на берегу Днѣстра, и который рѣшилъ судьбу всей кампаніи, составляли: великій канцлеръ графъ Головкинъ, баронъ Шафировъ и господинъ Сава (Рагузинскій)—всѣ трое тайные совѣтники (то же, что во Франціи министры), генералъ Рене, князь Рѣпнинъ, Адамъ Вейде, князь Долгорукій и Брюсъ (все генералы или лейтенантъ-генералы). Они составляли партію русскихъ. Партію нѣмцевъ составляли генералы: баронъ Алляртъ и баронъ Денсбергъ и лейтенантъ-генералы баронъ Остенъ и Беркгольцъ. Это раздѣленіе на двѣ партіи въ Россіи признано всѣми.

Стали разсуждать о томъ, что надобно было дѣлать. Войско было собрано, а о туркахъ было не слыхать, какъ будто бы въ мирное время. Правда, нѣсколько тысячъ буджацкихъ татаръ нѣсколько времени предъ симъ учинили набѣгъ на русскую Украйну и на землю казаковъ (en Cozaquie), гдѣ они пожгли и ограбили селенія, отогнали скотъ и захватили людей; но при приближеніи нашихъ полковъ они уже не смѣли показываться, и лагерь нашъ былъ въ совершенномъ спокойствіи. Генералъ-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ, стоявшій близъ Яссъ, въ самой Молдавіи, былъ точно въ томъ же положеніи.

Совѣтъ начался. Нѣмецкіе генералы первые имѣли честь предложить свое мнѣніе. Они полагали нужнымъ оставаться на берегахъ Днѣстра, по двумъ важнымъ причинамъ: во-первыхъ, для узнанія непріятельскихъ намѣреній; во-вторыхъ, дать арміи отдохнуть послѣ долгаго похода. Они представили, что съѣстные запасы, безъ которыхъ никакая армія не можетъ существовать, могутъ быть безъ большихъ расходовъ доставляемы по Днѣстру; что можно будетъ устроить магазины въ Польшѣ; что, занимая берега Днѣстра, не должно однако оставаться въ бездѣйствіи, но что, напротивъ того, надобно идти къ Бендерамъ, которыя взять можно въ скоромъ времени, укрѣпить и сдѣлать изъ нихъ и крѣпость, и военный магазинъ en établissant un pont (?) de communication; что Сорока, находясь уже во власти его величества

и будучи укрѣплена, есть также крѣпость и магазинъ; что то же самое можно сдѣлать и въ Могилевѣ (на Днѣстрѣ), и что такимъ образомъ его величество будетъ имѣть три входа въ Молдавію, при всѣхъ трехъ переправахъ черезъ Днѣстръ, и три магазина для своихъ войскъ; что турки, будучи принуждены проходить степью, потеряютъ лошадей, прежде нежели до насъ достигнутъ; что имъ почти невозможно будетъ взять наши крѣпости, защищаемыя многочисленнымъ и исправнымъ войскомъ; что вѣроятно не рѣшатся они ихъ осадить и того менѣе переправляться черезъ Днѣстръ и строить мосты въ присутствіи войскъ его величества; что если его величество въ настоящихъ обстоятельствахъ захочетъ ввести армію свою въ Молдавію, то онъ можетъ ея лишиться и помрачить славу свою; что, по показанію сорокинскихъ жителей, должно по крайней мѣрѣ пять дней проходить необитаемую степь, гдѣ нельзя найти ни воды, ни хлѣба; что сторона, находящаяся за степью, не изобилуетъ хлѣбомъ, ибо онаго недостаточно даже на продовольствіе жителей, хотя та часть Молдавіи мало населена; что если въ Яссахъ, и по ту сторону сего города, и было чѣмъ продовольствоваться, то наша конница, стоящая тамъ, въ три недѣли, вѣроятно, все уже потребила; что примѣръ шведскаго короля слишкомъ еще свѣжъ, и что не должно отважиться сдѣлать ошибку еще важнѣйшую, углубляясь въ незнакомую землю, о коей всѣ доселѣ получаемыя свѣдѣнія ничего благопріятнаго не предвѣщаютъ.

Въ заключеніе, нѣмцы просили его величество быть увѣрену, что, представляя ему дѣло каково оно есть, они не имѣли ничего въ виду, кромѣ его собственной славы; что когда займемъ мы берега Днѣстра и устроимъ магазины, турки, покусясь на что бы то ни было, утратятъ свои силы всѣ или отчасти, между тѣмъ какъ его величество, имѣя тылъ свой свободнымъ, усилитъ свои войска, будетъ въ состояніи съ пользою употребить полки, оставленные въ Польшѣ, и послѣ кампаніи уже безъ всякаго препятствія проводитъ непріятеля въ его собственную землю и тамъ расположится по своей волѣ и приготовится къ завоеваніямъ, прежде нежели турки успѣютъ выдти изъ зимнихъ своихъ квартиръ.

Мнѣніе сіе было самое здравое; но русскіе ему воспративились. Генералъ Рене, хотя родомъ и курляндецъ, но по положенію своему придерживающійся стороны министровъ, возразилъ, что неприлично было бы его величеству защищать рѣку съ такими прекрасными войсками; что, въ случаѣ истощенія запасовъ, должно будетъ ихъ достать въ самой непріятельской землѣ; что области греческія, по примѣру молдавскаго господаря, готовы были возмутиться при первомъ вступленіи нашихъ полковъ въ турецкія границы; что, по донесеніямъ генералъ-фельдмаршала графа Шереметева, за степью до Дуная армію можно будетъ продовольствовать; что стыдно было бы тратить деньги на построеніе магазиновъ, когда можно дѣлать это на счетъ непріятеля; что надобно войти и углубиться въ турецкія земли; что турки будутъ полу-уничтожены уже и тѣмъ, что увидятъ сильное войско его величества посреди ихъ областей, готовое предписывать имъ законы; что примѣръ шведскаго короля здѣсь вовсе нейдетъ; что полки наши тѣ же самые, которые разбили его и готовы разбить турковъ; что таковое его мнѣніе и что славнѣйшаго и полезнѣйшаго способа его царскому величеству избѣгать невозможно.

Съ симъ мнѣніемъ согласились русскіе министры и генералы охотно ему послѣдовали и, вопреки благоразумному мнѣнію нѣмцевъ, положено было переправиться черезъ Днѣстръ и войти въ степи.

Разсуждая о семъ движеніи, всѣ мы сильно обвиняли тѣхъ, которые его присовѣтовали его величеству. Ясно было, что государь принужденъ будетъ отступиться отъ своихъ намѣреній. Но зная, что русскій народъ склоненъ къ спокойствію, лѣнивъ и не любитъ военныхъ трудовъ, мы увѣрены были, что царскіе министры, опасаясь слишкомъ продолжительной войны, нарочно завлекали государя въ неудачу, дабы уменьшить въ немъ пылъ воинскій и принудить его къ покою.[1] Таково было, по крайней мѣрѣ, мнѣніе почти всѣхъ иностранцевъ.

[1] Напоминаемъ читателю сказанное въ предисловіи, переводчикъ не хотѣлъ ни скрыть, ни ослабить порицанія и вольныя сужденія автора, будучи увѣренъ, что они не могутъ вредить ни Петру Вели-

16-го іюня, рано утромъ, дивизіи генераловъ Алларта и Денсберга выступили въ походъ; 17-го, его величество съ преображенцами, семеновцами, своими министрами и всею свитою пошелъ въ авангардъ и вступилъ въ степи. За нимъ слѣдовалъ генералъ-поручикъ Брюсъ съ артиллеріей. Арьергардъ составляли дивизія генерала Вейде и конница, приведенная изъ Ярослава генераломъ Рене и которую его величество поручилъ въ мое начальство, приказавъ мнѣ слѣдовать за нимъ. Дивизія князя Рѣпнина осталась въ Сорокѣ для окончанія работъ и для принятія запасовъ, которые, по приказанію его величества, должны были быть туда доставлены.[1]

Генералы Аллартъ и Денсбергъ, вышедъ изъ степей, прибыли въ лагерь генералъ-фельдмаршала, который находился въ трехъ миляхъ отъ Яссъ, на выгодномъ мѣстоположеніи.

Его величество не долго томился въ пустыняхъ: маршируя днемъ и ночью, достигнулъ онъ прекрасной долины, орошаемой Прутомъ, гдѣ и расположилъ свой лагерь тыломъ къ рѣкѣ. Онъ тотчасъ отправилъ бочки съ водою, на собственныхъ подводахъ и на лошадяхъ свиты своей, полкамъ идущимъ по степямъ. Но сіе пособіе принесло имъ болѣе вреда, нежели пользы. Солдаты бросились пить съ такою жадностію, что многіе перемерли. Мы лишились множества людей отъ безводицы. Жары нестерпимы въ сихъ мѣстахъ, гдѣ видно только небо да горы раскаленнаго песку, безъ деревьевъ, безъ жителей и безъ воды.[2]

Дивизія Вейдова и артиллерія, послѣ шестидневнаго перехода чрезъ ужасныя сіи пустыни, соединилась съ лагеремъ его величества. 23-го іюня государь ѣздилъ осматривать лагерь генералъ-фельдмаршала и принялъ въ подданство молдавскаго го-

кому, ни русскому народу: Моро не любилъ русскихъ и былъ недоволенъ Петромъ. Редакція «Соврем.» 1837 г.

[1] Въ журналѣ Петра Великаго сказано: «и стояли тутъ (при городкѣ Сорокѣ) Аллартова дивизія до 20-го (іюня), а Вейдова и князя Репнина до 22-го».—А. П.

[2] Степи Буджацкія не песчаныя: онѣ стелются злачной, зеленой равниною, усѣянною курганами. Моро здѣсь пользуется правомъ разсказщика. Правда, что въ 1711 году эти степи были голы: трава съѣдена была саранчею.—А. П.

сподаря. Съ нимъ было только триста рейтаровъ. Онъ пожаловалъ господарю свой портретъ, осыпанный алмазами (что̀ впослѣдствіи времени пригодилось сему турецкому даннику). Въ тотъ же вечеръ его величество возвратился въ свой лагерь, а на другой день приказалъ наводить два моста на Прутѣ.

Здѣсь спокойно оставались мы отъ 22 до 29 іюня, какъ будто въ самое мирное время, ожидая запасовъ, которые князь Рѣпнинъ долженъ былъ доставить и привезти. 26-го фельдмаршалъ и господарь посѣтили его императорское величество. Войско стояло въ строю. Имъ отдали честь по всему фрунту и самъ государь салютовалъ саблею, стоя передъ преображенскимъ полкомъ, какъ генералъ-поручикъ своей арміи.

Они приглашены были на торжество, празднуемое ежегодно его величествомъ въ память Полтавскаго сраженія, случившагося 27-го іюня, по старому стилю.

Всѣ генералы съ утра явились къ его величеству, дабы вслѣдъ за нимъ отправиться въ артиллерійскую церковь, гдѣ отслушалъ онъ обѣдню и гдѣ придворный священникъ[1] цѣлыхъ полтора часа говорилъ проповѣдь, имъ сочиненную на случай сего счастливаго дня.

Полки выстроены были въ боевомъ порядкѣ и составляли три фаса одного каррея; артиллерія занимала четвертый. Послѣ обѣдни стрѣльба началась съ правой стороны артиллеріи и продолжалась по всѣмъ фасамъ; полки стрѣляли по мѣрѣ приближенія къ нимъ огня. Послѣ того всѣ генералы слѣдовали за его величествомъ къ его палаткамъ, гдѣ, въ землѣ, былъ утвержденъ столъ необыкновенной длины, и за которымъ насчиталъ я до ста десяти кувертовъ съ каждой стороны.

Его величество находился въ центрѣ стола. По правую руку находился молдавскій господарь, по лѣвую графъ Головкинъ, министры: баронъ Шафировъ и Сава (Сава Владиславичъ Рагузинскій); на углахъ стола генералы, генералъ-поручики, генералъ-маіоры, бригадиры и полковники и прочіе, каждый по своему чину, помѣстились за этимъ же столомъ. Кромѣ венгер-

[1] Ѳеофанъ Прокоповичъ.—А. П.

скаго вина, ничто мнѣ не понравилось. Оно было отличное, то есть то, которое доходило до меня, ибо полковники, сидѣвшіе ниже, пили другое, а подполковникамъ подносили особливое, капитанамъ еще хуже, и такъ далѣе. Капитаны преображенскіе и семеновскіе разносили вина: каждый прислуживалъ шести персонамъ, имѣя въ своемъ распоряженіи трехъ слугъ для перемѣны стакановъ и бутылокъ. Тутъ-то, милостивая государыня, вино льется какъ вода; тутъ-то заставляютъ бѣднаго человѣка, за грѣхи его, напиваться до чрезмѣрности.[1]

Императрица съ своей стороны угощала армейскихъ дамъ. Почти всѣ иностранные генералы имѣли съ собою своихъ женъ и дѣтей, по той причинѣ, что въ случаѣ разлуки срокъ свиданія неизвѣстенъ, и что, по недостатку почты, никто отъ своихъ не получаетъ извѣстія. Если же и придутъ письма, то генералы и министры имѣютъ похвальную привычку никогда ихъ не отдавать. Можно переписываться только чрезъ министровъ иностранныхъ, но не всегда можно быть съ ними въ сношеніи. Я говорю по собственному опыту: въ теченіе четырнадцати мѣсяцевъ я только могъ однажды писать къ моей милой графинѣ (которая оставалась въ Данцигѣ), и то черезъ барона Лоца, посланника короля польскаго при дворѣ его царскаго величества.

Мало дамъ явилось къ императрицѣ. Генеральша Алляртъ и генералъ-маіорша Гинтеръ однѣ представились къ ея величеству и были милостиво приняты.

Обѣдъ государя продолжался цѣлый день, и никому не позволено было выдти изъ-за стола прежде одиннадцатаго часу вечера. Пили, такъ ужъ пили (on y bu ce qui s'appelle boire). Всякое другое вино навѣрно меня убило бы, но я пилъ настоящее токайское, то же самое, какое подавали и государю, и оно дало мнѣ жизнь.

Около пяти часовъ вечера одинъ изъ адъютантовъ князя Рѣп-

[1] Въ старину пили не по-нашему. Предки наши говорили: пьянъ да уменъ—два угодья въ немъ. Впрочемъ, пьянство никогда достоинствомъ не почиталось. Петръ I, указавъ содержать при монастыряхъ офицеровъ, отставленныхъ за болѣзнями, именно исключаетъ больныхъ отъ пьянства и распутства.—А. П.

нина привезъ письмо къ его величеству. Генералъ давалъ знать, что 4,000 быковъ, 8,000 барановъ и 300 маленькихъ польскихъ тележекъ съ рожью, мукою (et de grit) отправлены были къ намъ. Государь тутъ же распредѣлилъ, что куда доставить, и приказалъ тотъ же часъ отправить часть въ лагерь генералъ-фельдмаршалу.

28-го іюня мосты были готовы. Артиллерія потянулась черезъ Прутъ по мосту, назначенному для двора. Вейдова дивизія переправилась по другому, назначенному для войскъ, и расположилась лагеремъ въ Ясской долинѣ, въ двухъ миляхъ отъ прежняго лагеря.

29-го іюня (по нашему приходится 10-го іюля, ибо русскіе держатся еще стараго стиля), въ день святаго Петра, въ именины его царскаго величества, я, слѣдуя обычаю, со всѣми генералами пришелъ поздравить государя. Онъ принялъ милостиво наши привѣтствія и всѣхъ насъ оставилъ у себя обѣдать. Государь празднуетъ и этотъ день, и обѣдаетъ съ своими министрами и офицерами, когда находится въ своей арміи.

Около пяти часовъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ приказалъ мнѣ, чтобъ я послалъ моего адъютанта, стоявшаго за мною, посадить кавалерію мою на конь и велѣлъ ей идти впередъ къ своему лагерю съ моимъ экипажемъ. Фельдмаршалъ сказалъ мнѣ, что мнѣ нужны будутъ только мои лошади, что я останусь при немъ, и что онъ берется быть моимъ вожатымъ. Я отдалъ приказъ адъютанту. Кавалерія была въ порядкѣ, а экипажъ мой заложенъ. У русскихъ обыкновенно употребляются телеги, ибо вьючныя лошади и лошаки не могли бы выдержать обыкновенные походы ихъ войскъ (5 à 600 lieux).

Накапунѣ знали, что близъ лагеря фельдмаршальскаго произошло маленькое сраженіе. 20,000 татаръ показались на утренней зарѣ и ударили (въ разсыпную, по своему обычаю) на передовой пикетъ, составленный изъ 600 человѣкъ конницы, подъ начальствомъ подполковника Ропа (de Roop) конно-гренадерскаго полка моей бригады. Непріятель пробился сквозь отрядъ, не смотря на всѣ старанія командира. Число превозмогло; отрядъ былъ окруженъ отвсюду. Одинъ капитанъ, родомъ изъ Лотаринг-

гіи, надѣлалъ тутъ чудеса и былъ убитъ, къ сожалѣнію всѣхъ офицеровъ, знавшихъ его. Подполковникъ взятъ былъ въ плѣнъ, и убито 250 рядовыхъ. Все это произошло въ виду бригадира Шенсова [1] (Chensof), родомъ русскаго, который былъ отряженъ съ 2,500 человѣкъ конницы на подкрѣпленіе Ропа и не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія.

Генералъ Янусъ, начальствующій въ отсутствіи фельдмаршала, при семъ случаѣ сдѣлалъ все, что только было возможно, чтобъ исправить сію неудачу и предупредить большое несчастіе. Онъ велѣлъ выѣхать четыремъ конно-гренадерскимъ полкамъ и всячески старался уговорить бригадира Шенсова, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ хоть показался непріятелю. Но офицеръ сей отвѣчалъ, что онъ получилъ приказаніе охранять лагерь, а не искать непріятелей. Наши конно-гренадеры разсѣяли эту сволочь и освободили лагерь (le front du camp.).

Никогда генералъ Янусъ не говорилъ мнѣ безъ бѣшенства объ этомъ происшествіи и о маневрѣ бригадира Шенсова. А еще должно глотать такія пилюли не морщась и не жалуясь, потому что его величество и фельдмаршалъ неохотно выслушиваютъ жалобы и не любятъ видѣть ясныя доказательства, чтобы у кого нибудь изъ русскихъ недоставало ума или храбрости.[2]

Какъ войска скоро соединятся, то позвольте, милостивая государыня, исчислить вамъ ихъ силы и познакомить васъ съ генералами, которые начальствовали полками.

Главнокомандующій—генералъ-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ (его величество во время дѣла занимаетъ мѣсто генералъ-лейтенанта).

Дивизія Вейдова состояла изъ осьми пѣхотныхъ полковъ, каждый изъ 1,400 человѣкъ состоящій. Всего 11,200 человѣкъ. На-

[1] Таковой фамиліи нѣтъ ни въ книгахъ нашего дворянства (стариннаго), ни въ спискахъ офицеровъ того времени. Кажется, дѣло идетъ о Шневищевѣ, одномъ изъ начальниковъ драгунскихъ полковъ, набранныхъ въ 1699 г.—А. П.

[2] Благодаримъ нашего автора за драгоцѣнное показаніе. Намъ пріятно видѣть удостовѣреніе даже отъ иностранца, что и Петръ Великій и фельдмаршалъ Шереметевъ принадлежали партіи **русской**.— А. П.

чальниками оной были: генералъ Вейде, генералъ-лейтенантъ Беркгольцъ (Brecols), генералъ-маіоры Голосинъ (Goloccin) и де-Бушъ, и бригадиры графъ Ламберти и Боэ.

Дивизія Рѣпнина, состоящая изъ такого же числа полковъ и людей. Начальники оной: генералъ князь Рѣпнинъ, генералъ-лейтенантъ князь Долгорукой, генералъ-маіоры Альфендель и Боиъ и бригадиры Бушъ и Голицынъ.

Дивизія барона Алларта, во всемъ равная двумъ первымъ, была подъ начальствомъ генерала Алларта, генералъ-лейтенанта барона Остена и бригадировъ Стафа и Лессе.

Дивизія барона Денсберга, также равная другимъ, находилась въ командѣ генерала барона Денсберга и бригадира барона Ремкинга (Remquingue), его зятя.

Не худо замѣтить, что русскіе дивизіонные начальники имѣли комплектное число подчиненныхъ имъ генераловъ; нѣмцы же онаго не имѣли, особенно баронъ Денсбергъ, у котораго не было ни генералъ-лейтенанта, ни генералъ-маіоровъ, а только одинъ бригадиръ, зять его. Это происходило отъ генералъ-фельдмаршала, нелюбившаго иностранцевъ, какой бы націи ни были, и неподававшаго имъ никакой помощи, нарочно для того, чтобъ вводить ихъ въ ошибки. Однакожь баронъ Денсбергъ есть тотъ самый, который съ такимъ великодушіемъ и храбростію защищалъ Кельскую крѣпость, осаждаемую герцогомъ Виллеромъ въ началѣ прошедшей войны. Онъ доказалъ, что былъ достоинъ начальствовать не только двѣнадцатитысячнымъ отрядомъ, но и цѣлыми арміями.

Полки преображенскій, семеновскій, ингерманландскій и астраханскій составляли 15 баталіоновъ, всего 15,000 человѣкъ, и были подъ начальствомъ самого его царскаго величества, генералъ-лейтенанта князя Голицына и бригадира графа Шереметева (сына фельдмаршала); сюда же принадлежали полки канонерскій и бомбардирскій, каждый изъ 1,500 человѣкъ состоявшій.

Дивизія генерала Януса, состоявшая изъ осьми полковъ, каждый изъ 1,000 человѣкъ, была подъ начальствомъ помянутаго генерала, генералъ-маіоровъ Волконскаго и Вейсбаха и бригадировъ Моро-де-Бразе, графа Ліонскаго, и Шенсова.

Дивизіей Рене, равной по числу полковъ и людей, начальствовали генералъ Рене, генералъ-маіоры Витманъ и Шариковъ (Cherícof), самый образованный и любезный изо всѣхъ мнѣ знакомыхъ русскихъ, и два бригадира.

Еще одинъ драгунскій полкъ, составлявшій гвардію князя Меншикова, не соединился съ арміей и остался въ Яссахъ съ 2,000 избранныхъ фузилеровъ, между тѣмъ какъ войско двинулось въ Молдавію.

Гвардейскій эскадронъ его царскаго величества, состоящій изъ 300 рейтаровъ (maîtres reitres?), сопровождалъ государя въ его поѣздкахъ и другой службы не несъ.

Всѣ сіи отряды составляли на Днѣстрѣ 79,800 наличнаго войска. Каждый полкъ былъ укомплектованъ призванными рекрутами.

Артиллерія состояла изъ шестидесяти пушекъ разнаго калибра, отъ двадцати до четырехъ-фунтовыхъ, изъ шестнадцати понтоновъ на телегахъ и изъ двухъ сотъ подводъ съ ящиками пороховыми, не считая телегъ, нагруженныхъ бомбами и ядрами.

Кромѣ сей артиллеріи, въ каждомъ полку пѣхотномъ и конномъ находились четыре малыя орудія двухъ-и трехъ-фунтовыя. Они всегда слѣдуютъ за полкомъ съ малыми своими ящиками и съ нужными офицерами. Ихъ зовутъ корпусными дѣтьми (ce qu'ils appellent les enfants des corps) (кадеты?).

При каждомъ полку находятся также малыя телеги съ аммуниціей, которая, въ случаѣ нужды, всегда подъ рукою, что̀ очень хорошо придумано и достойно похвалы.

Таковы были силы его царскаго величества. Здѣсь не считаю десяти тысячъ молдаванъ, годныхъ только для опустошенія земли, какъ и татары. Сей арміи было бы весьма достаточно, чтобы управиться съ турками, еслибъ во-время ввели ее въ непріятельскія земли и еслибъ ее не раздѣлили, какъ вы впослѣдствіи увидите.

29-го іюня его царское величество сидѣлъ за столомъ до семи часовъ вечера. Вставъ изъ-за стола, держалъ онъ совѣтъ. Генералъ Рене предложилъ отрядить пятнадцать тысячъ человѣкъ въ Валахію, хорошую сторону, въ которой всего было много и

которая могла продовольствовать армію. Онъ утверждалъ, что валахскій воевода, будучи одной націи и одного исповѣданія съ молдавскимъ господаремъ, не замедлитъ покориться, соединить войско свое съ войсками его величества и доставить намъ жизненные запасы.

Генералъ-поручикъ Беркгольцъ былъ единственный нѣмецъ на семъ совѣтѣ. Онъ сильно воспротивился предложенію генерала Рене, по причинѣ той, что турки побѣждали всякій разъ, какъ противъ нихъ войска дѣйствовали отдѣльно. Онъ привелъ въ примѣръ принца Карла V (Лотарингскаго), который во второй походъ, послѣ снятія Вѣнской осады, раздѣлилъ на четыре отряда свое войско, дабы удобнѣе оной продовольствовать, и видѣлъ какъ турки разбили всѣ четыре отряда одинъ за другимъ, не могши подать имъ никакой помощи. Но всѣ его разсужденія пропали втунѣ. Было положено отрядить войско, а начальство поручено генералу Рене, какъ подавшему первый на то совѣтъ. Кромѣ сихъ пятнадцати тысячъ, отряженныхъ въ Валахію,[1] чечетыре тысячи должны были оставаться въ Сорокѣ, дабы сберегать намъ отступленіе и для сопровожденія провіанта, въ случаѣ, если-бъ мы остались въ Молдавіи; двѣ тысячи въ Могилевѣ, черезъ который можно было бы воротиться въ случаѣ неудачи, да три тысячи въ Яссахъ, для охраненія Молдавіи и для удержанія жителей въ повиновеніи.

Фельмаршалъ съ девяти часовъ вечера сѣлъ верхомъ, и я вслѣдъ за нимъ прибылъ въ его лагерь. Господарь остался съ его царскимъ величествомъ. Онъ былъ средняго роста, сложенъ удивительно стройно, прекрасенъ собою, важенъ и съ самой счастливой физіономіей. Онъ былъ учтивъ и ласковъ; разговоръ его былъ вѣжливъ и свободенъ. Онъ очень хорошо изъяснялся на латинскомъ языкѣ, что̀ было весьма пріятно для тѣхъ, которые его разумѣли.

Мы догнали мою конницу въ верстѣ отъ фельдмаршалскаго лагеря, куда и прибыли въ четыре часа утра. Тутъ увидѣлъ я

[1] У Рене было восемь драгунскихъ полковъ (5,056 ч.), батальонъ ингерманландцевъ, да 5,000 молдаванъ. — А. П.

въ первый разъ летучихъ кузнечиковъ (саранчу). Воздухъ былъ ими омраченъ: такъ густо летали они. Не удивляюсь, что они разоряютъ земли, черезъ которыя проходятъ, ибо въ Молдавіи видѣлъ я изсохшее болото, покрытое высокимъ тростникомъ, который съѣденъ былъ ими на два вершка отъ земли.

Остальной лагерь его величества перешелъ черезъ Прутъ 30-го іюня. Мостъ, черезъ который переправился государь съ своею свитою, былъ тотчасъ разобранъ; другой оставленъ подъ охраненіемъ пяти сотъ гренадеръ для дивизіи князя Рѣпнина, которую ожидали.

Фельдмаршалъ, возвратясь въ свой лагерь, велѣлъ призвать бригадира Шенсова и высказалъ ему все, что заслуживало его гнусное поведеніе, о которомъ донесено ему было при его пріѣздѣ однимъ драгунскимъ полковникомъ моей бригады. Онъ приказалъ бригаднымъ маіорамъ отрядить по двадцати человѣкъ съ каждой бригады для устроенія двухъ мостовъ, находившихся въ тылу нашего лагеря, дабы ему безпрепятственно можно было, въ случаѣ нужды, идти соединиться съ его величествомъ. Это стоило труда, потому что мосты наведены были на малыхъ челнахъ, изъ выдолбленныхъ пней, кое-какъ собранныхъ по берегамъ Прута. Мѣдные понтоны оставались при его величествѣ для надобностей его собственныхъ. Того же самаго числа (30-го іюня) генералъ Рене прибылъ къ фельдмаршалскому лагерю и собралъ полки, долженствовавшіе идти въ Валахію подъ его начальствомъ. Онъ выступилъ на другой день поутру и уже въ армію не возвращался. Онъ соединился съ кавалеріей уже въ Польской Россіи, послѣ кампаніи, когда армія тамъ отдыхала.

Въ лагерѣ его царскаго величества и въ фельдмаршалскомъ оставались въ бездѣйствіи до самаго 7-го іюля. Въ сей день фельдмаршалъ получилъ отъ государя приказаніе оставлять постепенно лагерь и перевести свою малочисленную армію за рѣку, находившуюся у него въ тылу. Фельдмаршалъ ѣздилъ осматривать долину, назначенную имъ для новаго лагеря, и, возвратясь, въ тотъ же день отдалъ въ приказѣ, что полки станутъ переправляться одинъ послѣ другаго во избѣжаніе смятенія, мо-

гущаго произойдти на мостахъ, въ случаѣ, если войска выступятъ въ одно время.

Генералъ Янусъ, на котораго возложено было исполненіе сего, взялъ съ собою бригадира Шенсова, дабы, въ случаѣ нападенія отъ непріятеля во время переправы, имѣть достаточную причину не употреблять офицера столь ненадежнаго. Онъ оставилъ его у моста, съ двумя маіорами и двадцатью драгунами, для надзиранія за исправностію въ исполненіи приказовъ.

8-го іюля, на утренней зарѣ, экипажи барона Денсберга, съ нѣсколькими полками, переправились по мосту, назначенному для пѣхоты. Между тѣмъ, экипажи генерала Януса потянулись было по мосту, назначенному для кавалеріи. Но фельдмаршалъ, самъ заблагоразсудивъ оставить лагерь, приказалъ переправить прежде свои, а остальнымъ экипажамъ генерала Януса не позволилъ переправиться прежде полковъ астраханскаго и ингерманландскаго съ ихъ обозами. Фельдмаршалъ во всякомъ случаѣ радъ былъ дѣлать непріятность иностраннымъ генераламъ.

9-го іюля съ утра войско и обозы потянулись, и только малая часть успѣла переправиться, какъ болѣе тридцати тысячъ татаръ явились передъ лагеремъ. Войско остановили и тотчасъ выстроили въ боевомъ порядкѣ подъ прикрытіемъ рогатокъ. Пикетъ отозвали; по приказанію генерала Януса, два батальона гренадеръ поставлены были на оба фланга, и въ семъ расположеніи стали ожидать приближенія татаръ, дабы угостить ихъ картечью изъ тридцати орудій. Фельдмаршалъ, генералъ баронъ Денсбергъ, генералъ-лейтенантъ баронъ Остенъ и бригадиръ баронъ Ремкингъ, пріѣхали изъ новаго лагеря, гдѣ они находились съ прошедшаго дня. Фельдмаршалъ былъ очень доволенъ мѣрами, принятыми генераломъ Янусомъ для защищенія стараго лагеря въ случаѣ нечаяннаго нападенія. Онъ отослалъ генерала Денсберга съ его бригадиромъ къ новому лагерю, для охраненія онаго, а въ старомъ оставилъ только генералъ-лейтенанта Остена подъ начальствомъ генерала Януса, съ полками, неуспѣвшими еще переправиться. Ихъ было довольно противъ и вдвое большаго числа татаръ.

Но какъ они часъ-отъ-часу умножались, то фельдмаршалъ

приказалъ казакамъ и молдаванамъ (находившимся въ новомъ лагерѣ) прогнать и преслѣдовать непріятеля. Они пустились съ быстротою неимовѣрною, но которая часъ-отъ-часу болѣе и болѣе ослабѣвала. Съ обѣихъ сторонъ окончилось скаканіемъ да круженіемъ.

Одинъ капитанъ, родомъ венгерецъ, вступившій въ службу его царскаго величества, такъ же какъ и многіе изъ его соотечественниковъ, послѣ паденія его свѣтлости князя Рогоци, находился въ лагерѣ съ нѣсколькими венгерцами, въ надеждѣ быть употребленнымъ въ дѣло. Онъ уговорилъ отрядъ казачій поддержать его, обѣщаясь доказать, что не такъ-то мудрено управиться съ татарами. Казаки обѣщались отъ него не отставать. Онъ бросился съ своими двѣнадцатью венгерцами въ толпу татаръ и множество ихъ перерубилъ, пробиваясь сквозь ихъ кучи и разсѣевая кругомъ ужасъ и смерть. Но казаки ихъ не поддержали, и они уступили множеству. Татары ихъ окружили, и всѣ тринадцать пали тутъ же, дорого продавъ свою жизнь; около ихъ легло шестьдесятъ пять татаръ, изъ коихъ четырнадцать были обезглавлены. Всѣхъ менѣе раненый изъ сихъ храбрыхъ венгерцевъ имѣлъ четырнадцать ранъ. Всѣ бывшіе, какъ и я, свидѣтелями ихъ неумѣстной храбрости, сожалѣли о нихъ. Даже наши конные гренадеры, хотя и русскіе, т. е. хоть и не очень жалостливыя сердца, однакожь просились на коней, дабы ихъ выручить; но генералъ Янусъ не хотѣлъ взять на себя отвѣтственности и завязать дѣло съ непріятелемъ.

Пока татары привлекали на себя наше вниманіе, генералъ Янусъ, предвидя, что наше отступленіе могло быть обезпокоено еще большимъ числомъ татаръ и даже самими турками, приказалъ переправить всѣ корпусные экипажи, всѣхъ лошадей драгунскихъ и прочей кавалеріи и остальные экипажи офицеровъ, дабы тѣмъ удобнѣе отступить до новаго лагеря тѣснинами, ведущими къ мостамъ, что̀ и производилось во весь тотъ день и въ ночь.

Между тѣмъ татары, не видя никакого движенія въ лагерѣ, гдѣ полки наши стояли все еще въ боевомъ порядкѣ за рогатками, ожидая смѣло ихъ нападенія, около третьяго часа попо-

лудни отступили, наскакавшись вдоволь, и такимъ образомъ дали генералу Янусу возможность безопасно переправиться въ новый лагерь, куда вступилъ онъ самый послѣдній (10 іюля).

Онъ приказалъ разобрать оба моста и караулить лодки. По нашу сторону рѣки онѣ могли пригодиться. Къ нимъ нарядили капитана съ двумя стами гренадеръ.

Того же дня фельдмаршалъ отдалъ приказъ отрядить по двѣсти человѣкъ съ бригады для дѣланія фашинныхъ мостовъ черезъ большой и глубокій ручей, называемый Малымъ Прутомъ, и протекавшій во ста шагахъ отъ нашего новаго лагеря, дабы въ случаѣ нужды можно было тотчасъ выступить.

Мосты поспѣли къ полудню 11 іюля. Въ пять часовъ вечера, одинъ изъ генералъ-адъютантовъ его царскаго величества привезъ фельдмаршалу приказъ, вслѣдствіе коего мы, 12-го іюля, оставили лагерь, и въ одной милѣ отъ онаго нашли его царское величество. Вся армія тамъ соединилась и такимъ образомъ расположилась вся на одной линіи. Царь съ полками: преображенскимъ, семеновскимъ, астраханскимъ и ингерманландскимъ стоялъ по лѣвую сторону, и слѣдственно въ авангардѣ. Дивизіи Алларта, Денсберга, Януса со всею остальною кавалеріей, Брюсъ съ артиллеріей и Вейде стояли на правой рукѣ, лицомъ къ горѣ и имѣя Прутъ у себя въ тылу.

13-го армія пошла въ походъ, принимая влѣво. Экипажи составляли вдоль Прута вторую колонну. Мы прошли три мили до ночи и расположились лагеремъ, принявъ вправо (en faisant à droite). Пространство между рѣкою и горами не позволяло намъ расшириться и составить двѣ линіи. Мы стали въ томъ порядкѣ, какъ стояли наканунѣ и какъ цѣлый день маршировали (т. е. въ одну линію).

14-го мы подвинулись еще на три мили, не видавъ ни города, ни деревни, но кое-гдѣ вблизи лѣсовъ разсѣянныя лачужки, которыя показались намъ жалкими обителями. Это насъ удивило, тѣмъ болѣе, что на нашихъ картахъ, по берегамъ Прута, назначено было множество городовъ и деревень. Мы стали лагеремъ такъ же, какъ и въ предыдущіе два дня.

15-го армія прошла еще три мили; но переходъ черезъ кру-

тую гору, находящуюся на самомъ берегу рѣки, остановилъ войско. Мы достигли мѣста, назначеннаго для лагеря, не прежде какъ въ три часа по полуночи. Мы въ тотъ же день видѣли за сей горою старинную могилу одного молдавскаго государя. Она имѣла видъ четвероугольной пирамиды, будучи гораздо шире въ основаніи, нежели въ высотѣ.

Молдаване, слѣдовавшіе за арміею, изъ коихъ многіе хорошо говорили по-латыни, разсказали намъ о ней слѣдующее преданіе:

Государь, покоящійся въ сей могилѣ, былъ великій воинъ, но несчастный во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Учинивъ нападеніе на земли одного изъ своихъ сосѣдей, онъ привлекъ его въ свои собственныя владѣнія. Оба войска сошлись и сразились въ той долинѣ. Кровопролитная битва длилась два дня. Молдавскій государь остался побѣдителемъ; непріятельское войско было истреблено или захвачено въ плѣнъ, а противникъ его найденъ былъ между мертвыхъ тѣлъ, пронзенный одиннадцатью стрѣлами. Но побѣдитель, въ то же самое время, какъ приносилъ Богу благодареніе, умеръ отъ раны, полученной имъ въ томъ сраженіи, и которой онъ сгоряча не почувствовалъ. Онъ не имѣлъ дѣтей, и войско избрало себѣ въ государи одного изъ своихъ начальниковъ. Первымъ повелѣніемъ новаго государя было каждому воину, каждому молдавскому жителю и каждому рабу принести на три фута земли на сіе мѣсто. Онъ послѣ того воздвигнулъ эту землянную пирамиду, въ срединѣ коей находится комната со сводомъ. Тамъ похоронено тѣло его предшественника, а комната наполнена сокровищами, принадлежавшими его врагу. Потомъ входъ въ комнату былъ задѣланъ и пирамида окончена. На вершинѣ ея находилась площадка, сохранившаяся донынѣ; на ней возвышался трофей изъ оружія убитыхъ, нынѣ уже не существующій. Повѣствователь присовокупилъ, что всѣ изъ государей, властвовавшихъ потомъ, которые хотѣли проникнуть въ сокровенную комнату, умерли прежде, нежели могли вынуть хоть одинъ камень заграждавшаго входа. Курганъ показался намъ тщательно покрытымъ дерномъ. Мы спросили у нашего молдаванина: кто смотритъ за могилою? Онъ отвѣчалъ, что жи-

тели, поселенные кругомъ въ трехъ миляхъ отселѣ, ежегодно въ мартѣ и въ сентябрѣ мѣсяцѣ приходятъ стричь могилу ножницами, подобными тѣмъ, кои употребляются нашими садовниками. Онъ прибавилъ, что когда того не дѣлаютъ, тогда бываетъ неурожай. Въ заключеніе онъ насъ увѣрялъ, что съ тѣхъ поръ, какъ саранча напала на ихъ землю, все было ею разорено, кромѣ пространства, заключеннаго въ этихъ трехъ миляхъ окружности, куда она не залетала, хотя была вездѣ, и съ боковъ, и сзади.

Этой исторіи и ея послѣдствіямъ мы повѣрили только отчасти, хотя повѣствователь и хвалился быть дворяниномъ и военнымъ человѣкомъ.

16-го его царское величество приказалъ выслать 1,000 человѣкъ конныхъ гренадеръ, подъ начальствомъ г. полковника Ропа, съ двумя вожатыми, данными царю самимъ господаремъ, слѣдовавшимъ за его величествомъ со всѣмъ своимъ молдавскимъ дворомъ. Полковникъ Ропъ имѣлъ повелѣніе изъѣздить всю сторону, находившуюся влѣво отъ арміи вдоль Прута, дабы удостовѣриться, возможно ли непріятелю напасть на насъ съ тыла. Онъ возвратился вскорѣ и объявилъ намъ, что капитанъ, наряженный съ двумя стами гренадеръ для охраненія лодокъ, составлявшихъ мосты фельдмаршалскаго лагеря, и который подвигался вмѣстѣ съ арміей, былъ убитъ, а съ нимъ и всѣ его люди. Жители, бывшіе при полковникѣ, видѣли его за двѣ мили отъ лагеря и показали ему побоище. Они сказывали, что татары, въ числѣ 20,000, переправились чрезъ рѣку, каждый держась за хвостъ своей лошади, и неожиданно напали на капитана въ одной тѣснинѣ, гдѣ онъ и погибъ съ своимъ отрядомъ.

Это заставило его царское величество расположить вдоль рѣки гренадерскіе взводы въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, имѣвшіе между собою коммуникацію и начальствуемые однимъ подполковникомъ, двумя капитанами и четырьмя поручиками.

Въ тотъ же день генералъ князь Рѣпнинъ, сдѣлавъ усиленный переходъ, сталъ на той же линіи и занялъ правую руку или арьергардъ.

Армія наша, вся вмѣстѣ состоявшая изъ 79,800 человѣкъ, не

считая казаковъ и молдаванъ, и по отряженіи войскъ въ Валахію и на охраненіе Сороки, Могилева и Яссъ, все еще составлявшая 55,000, уже не составляла и 47,000, какъ то оказалось на смотру, сдѣланномъ 17 іюля по приказанію государя: слѣдствіе безпрестанныхъ трудовъ, перенесенныхъ полками, изъ коихъ пѣхотные шли безъ отдыха отъ самаго 24 февраля (нов. ст.). По счастію, смертность пала по большей части на однихъ рекрутъ, которые видимо таяли. Это могу я доказать моими табелями, которыя я сохранилъ. Изъ всѣхъ четырехъ полковъ моей бригады, составлявшихъ 4,000 человѣкъ, на семъ смотру 724 оказались убывшими, изъ коихъ 56 убиты въ помянутомъ сраженіи при пикетѣ.

17-го генералу Янусу повелѣно быть готову выступить рано утромъ со всею нашею конницею и съ генералами, ею начальствовавшими, и явиться за часъ передъ свѣтомъ въ палатки его царскаго величества, дабы получить отъ него приказанія касательно того похода. Какъ я имѣлъ честь приносить ему приказы и всякій день приходить узнавать отъ него, не было ли чего прибавить для бригады, то я явился къ нему. Онъ просилъ меня пріѣхать за нимъ на другой день за полтора часа до свѣту и сопроводить его къ царю, къ чему я съ охотою и приготовился. Итакъ, 18-го передъ свѣтомъ явились мы къ его царскому величеству.

Государь отдалъ генералу свои повелѣнія, и какъ ни онъ, ни я по-русски не разумѣли, то его величество повелѣлъ ихъ объяснить на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ и вручилъ намъ тотъ же приказъ, писанный по-русски съ латинскимъ переводомъ на оборотѣ.

Приказъ состоялъ въ томъ, чтобы намъ идти по рѣкѣ Пруту восемь миль (или 16 льё) до того мѣста, гдѣ турки, по донесеніямъ скороходовъ или шпіоновъ (coureurs ou espions), должны были наводить свои мосты. Если бы генералъ ихъ нашелъ, то долженъ онъ былъ на нихъ ударить и уничтожить ихъ работу, коли только мосты не могли намъ пригодиться и которые въ нашихъ рукахъ. Во всякомъ случаѣ, онъ долженъ былъ извѣстить обо всемъ государя черезъ четырехъ драгуновъ, посланныхъ че-

резъ полчаса одинъ послѣ другаго. Въ случаѣ же, если турковъ не встрѣтимъ, то идти къ Дунаю и тамъ остановиться, о чемъ также донести.

Выслушавъ приказъ и хорошо его понявъ, мы приступили къ исполненію онаго: выступили изъ лагеря въ пять часовъ и пошли по одной линіи, эскадронъ за эскадрономъ. Экипажи наши тянулись въ другую линію вдоль берега Прута, во избѣжаніе нечаяннаго нападенія. Мы отрядили впередъ на довольно большое разстояніе двухъ конныхъ гренадеръ съ обнаженными палашами, за ними шестеро другихъ съ однимъ унтеръ-офицеромъ, и подкрѣпили ихъ двумя стами рейтаровъ (maistres?), дабы могли они выдержать первые выстрѣлы и дать намъ время съ выгодою аттаковать непріятеля. Въ такомъ порядкѣ какъ мы, такъ и нашъ обозъ, шли безъ помѣшательства и довольно скоро. Около 11-ти часовъ утра, прошедъ не болѣе какъ двѣ мили (или 4 французскихъ льё), вдругъ очутились мы, совсѣмъ неожиданно, въ тѣснинѣ весьма узкой, ибо рѣка протекала ближе къ горѣ, около которой мы все еще тянулись. Генералъ Янусъ, г. Видманъ (генералъ-маіоръ) и я поѣхали къ передовому отряду гренадеръ, которые остановились и дали намъ знать, что чѣмъ дальше они ѣхали, тѣмъ у́же становилась дорога.

Генералъ Янусъ приказалъ войску остановиться для отдыха, и мы отправились высматривать мѣстоположеніе. Земля, неприметно возвышаясь, закрывала отъ насъ сторону, находившуюся передъ нами. Когда достигли мы послѣдней точки сего возвышенія, увидѣли передъ собою широкую долину, и, казалось, весьма гладкую, а вдали множество бѣлыхъ головъ, скачущихъ по долинѣ съ большою ловкостію и быстротою. Мы тотчасъ съѣхали влѣво въ густоту деревъ, растущихъ на берегу Прута. Мы подъѣхали какъ можно ближе къ непріятелю и наконецъ усмотрѣли два укрѣпленія (deux têtes-de-ponts fraisées et palissadées en forme de demilune), защищаемыя множествомъ пѣхоты, которую признали мы впослѣдствіи, по ея колпакамъ, за янычаровъ. За ними увидѣли мы два готовые моста, чрезъ которые крупною рысью переправлялась конница и соединилась съ тою, которая находилась уже въ долинѣ.

Высмотрѣвъ все добрымъ порядкомъ, всѣ вмѣстѣ и каждый особо: генералъ Янусъ, Видманъ и я возвратились рысью по той же дорогѣ и соединились съ нашими полками. Тутъ мы держали совѣтъ всѣ трое между собою, ибо генералъ не имѣлъ никакой довѣренности къ князю Волконскому и къ Вейсбаху (генералъ-маіорамъ), а того менѣе къ бригадиру Шенсову.

Нечего было терять времени. Мы рѣшились спѣшить нашу конницу и выстроить ее въ карре, поставя экипажи въ серединѣ. Генералъ написалъ письмо къ государю. Мы перенесли нашу маленькую артиллерію въ арьергардъ и на оба фланга, между третьимъ и четвертымъ рядомъ (войско выстроено было въ четыре шеренги). Мы приказали артиллерійскимъ офицерамъ зарядить пушки картечью, а коннымъ гренадерамъ, составлявшимъ нашъ арьергардъ (или фронтъ каррея со стороны турковъ), не стрѣлять безъ приказанія, что бы ни случилось, и лечь на брюхо при первой командѣ. Когда наши 32 орудія были уставлены, тогда мы вывели изъ рядовъ слабыхъ и больныхъ солдатъ, большею частію рекрутъ, и приказали имъ держать лошадей, находившихся, какъ и экипажи, въ центрѣ карре. Мы препоручили авангардъ князю Волконскому, правый флангъ авангарда Вейсбаху, величайшему трусу во всей Германіи, а лѣвый бригадиру Шенсову. Видманъ и я, по волѣ генерала, остались при его особѣ.

Отъ роду мы не видывали офицеровъ столь смущенныхъ, какъ нашихъ трехъ авангардныхъ генераловъ. Безпокойство ихъ очень забавляло насъ въ арьергардѣ и вселяло въ насъ истинную къ нимъ жалость.

Въ семъ порядкѣ мы двинулись, дабы возвратиться туда, откол‍ѣ мы пришли (?). Генералъ Янусъ, Видманъ и я дивились исправности свѣдѣній, доставляемыхъ его царскому величеству его шпіонами: въ двухъ миляхъ отъ лагеря находили мы два моста, наведенные и укрѣпленные, когда предполагали найдти ихъ еще только начатыми въ осьми миляхъ, и то не навѣрное. Вдругъ драгунъ, оставленный нами въ тылу, выстрѣлилъ вмѣсто сигнала и прискакалъ къ намъ. Мы скомандовали полуоборотъ направо арьергарду, полуоборотъ вправо и влѣво флан-

гамъ, и такимъ образомъ составили фронтъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Только что успѣли выстроиться, какъ увидѣли мы двѣ толпы въ чалмахъ, скачущія трехъугольникомъ и ревущія во все горло, какъ бѣшеныя, думая насъ уничтожить. Но какъ скоро они приблизились, первый рядъ нашихъ гренадеровъ легъ на земь, и мы встрѣтили ихъ залпомъ изъ 12-ти орудій миніатюрной нашей артиллеріи, что̀ удержало ихъ стремленіе, охладило ихъ пылкость и лишило ихъ очень многихъ товарищей. Однакожъ это не помѣшало имъ насъ окружить. Но, встрѣтя со всѣхъ сторонъ отпоръ и видя, что нападать на насъ опасно, они довольствовались тѣмъ, что издали досаждали намъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, и своими стрѣлами.

Здѣсь, милостивая государыня, долженъ я вамъ чистосердечно признаться, что, будучи пріученъ къ огню шестью генеральными сраженіями и четырнадцатью осадами, при коихъ присутствовалъ я съ тѣхъ поръ, какъ служу, между прочимъ при осадѣ Монмеліяна въ 1691 и Намура въ 1692, я столько опасаюсь огня, сколько то надлежитъ человѣку доброму и твердому; но мысль о стрѣлахъ была для меня столь ужасна, что я внутренне боялся ихъ, того не показывая. Однакожь, когда я увидѣлъ ихъ малое дѣйствіе, я къ нимъ привыкъ и сталъ смотрѣть на нихъ, какъ на чучела, стыдясь моего паническаго страха.

Было два часа по полудни на нашихъ часахъ, какъ турки къ намъ приблизились и съ нами поздравствовались. Съ той поры до десяти часовъ вечера болѣе пятидесяти тысячъ ихъ сидѣли у насъ на шеѣ, не смѣя ни ударить на насъ, ни разстроить насъ. Единственный ихъ успѣхъ состоялъ въ замедленіи нашего марша. Они такъ часто насъ останавливали, что отъ двухъ часовъ до десяти прошли мы не болѣе какъ четверть мили. Ночью, однако, сдѣлали они важную ошибку, которою мы и воспользовались, не имѣя никакой охоты пропустить случай соединиться съ нашимъ центромъ, т. е. со всею арміею: они всѣ, безъ изъятія, при наступленіи ночи, ретировались въ ту сторону, откуда явились. Замѣтивъ сіе, генералъ отправилъ адъютанта на лучшей своей лошади съ донесеніемъ государю обо всемъ, что произо-

шло съ тѣхъ поръ, какъ имѣлъ онъ честь писать его величеству. Онъ рѣшился идти ночью, какъ можно поспѣшнѣе, и мы прошли болѣе мили довольно скоро и безъ всякаго препятствія. Теперь признаюсь, что если бы господа бѣлые колпаки отрѣзали намъ дорогу, выставя передъ нами толпу своей конницы и оставя таковую же у насъ въ тылу, то мы принуждены были бы ночью стоять и, можетъ быть, не успѣли бы на другой день соединиться съ нашею арміей и были бы принуждены уступить усталости, если ужь не силѣ.

Турки догнали насъ на разсвѣтѣ въ бо̀льшей силѣ, нежели наканунѣ, но все безъ пѣхоты и безъ артиллеріи. Они безпокоили насъ стрѣльбою безпрерывно. Около пяти часовъ утра увидѣли мы пѣхоту, приближающуюся къ намъ на помощь, и которая гордымъ и медленнымъ своимъ движеніемъ вселила робость въ скакуновъ и наѣздниковъ. Генералъ баронъ Денсбергъ со всею дивизіей шелъ на обезпеченіе нашего отступленія. Корпусъ его соединился съ нашимъ: онъ смѣнилъ нашихъ конныхъ гренадеръ, находившихся безпрестанно въ арьергардѣ, двумя своими гренадерскими батальонами и далъ почувствовать непріятелю безпрерывнымъ и сильнѣйшимъ огнемъ, что не такъ-то легко было насъ смять и помѣшать намъ соединиться съ арміею.[1]

Армія его царскаго величества не ожидала, когда мы выступали, чтобы мы къ ней возвратились съ такимъ прекраснымъ и многочисленнымъ обществомъ. Однако, такъ случилось къ величайшему нашему сожалѣнію, и едва вступили мы въ лагерь, какъ увидѣли противоположную гору, покрытую непріятельскими полками.

Генералъ фельдмаршалъ тремя пушечными выстрѣлами далъ сигналъ всей линіи выстроиться въ боевомъ порядкѣ, что̀ и было тотчасъ исполнено. Какъ турки подступали съ лѣвой стороны,

[1] Петръ негодовалъ на генерала Януса; въ журналѣ его сказано: «и конечно могъ оный Янусъ ихъ задержать (турковъ), ежели-бъ сдѣлалъ такъ, какъ доброму человѣку надлежитъ». Но, какъ замѣчаетъ генералъ Бутурлинъ въ исторіи русскихъ походовъ, ничто не могло помѣшать визирю перейти Прутъ повыше того мѣста и стать въ тылъ русской арміи. — А. П.

то преображенцы, семеновцы и полки ингерманландскій и астраханскій вытерпѣли по большей части огонь непріятельскій и во весь тотъ день почти не имѣли покоя.

Я не говорилъ, милостивая государыня, о потерѣ, претерпѣнной нами во время отступленія, и, можетъ быть, полагаете вы, что мы никого не потеряли. Это было бы слишкомъ счастливо. Довольно ужь и того, что мы не погибли подъ усиліями пятидесяти тысячъ человѣкъ, сражавшихся противу восьми и менѣе. Мы лишились одного подполковника, двухъ капитановъ, трехъ поручиковъ. Ранены были: подполковникъ моего полка, два поручика и триста съ чѣмъ-то драгунъ и другихъ конныхъ рядовыхъ; раны большею частію были легкія. Генералъ баронъ Денсбергъ потерялъ одного пѣхотнаго полковника, о которомъ весьма сожалѣли, семь или восемь раненыхъ офицеровъ, 160 рядовыхъ убитыми и 246 ранеными; все это менѣе, нежели въ два часа съ половиною времени. Нѣтъ сомнѣнія, что весь нашъ отрядъ былъ бы истребленъ, если бы непріятель ранѣе могъ насъ замѣтить. Но онъ далъ намъ время выстроиться въ карре, что и способствовало намъ удержаться и спасло насъ отъ смерти или рабства.

Около пяти часовъ вечера, 19-го іюля, его царское величество приказалъ призвать своихъ генераловъ, дабы совѣтоваться съ ними о томъ, на что надлежало рѣшиться. Генералы Янусъ, Аллартъ, Денсбергъ, генералъ-поручики Остенъ и Беркгольцъ явились, но ни одинъ изъ генераловъ русскихъ, ни изъ министровъ его величества не показался. Даже и генералъ-фельдмаршала тутъ не было. Генералъ Янусъ взялъ меня съ собою, и такимъ образомъ былъ я свидѣтелемъ всего, что ни происходило. На семъ-то совѣтѣ генералъ Янусъ представилъ его величеству о небреженіи, оказываемомъ иностраннымъ его генераламъ, къ которымъ прибѣгали только тогда, какъ дѣла были уже въ отчаянномъ положеніи. Онъ сказалъ, что онъ, будучи начальникомъ всей кавалеріи и первымъ генераломъ арміи, не былъ заранѣе увѣдомленъ о предположеніяхъ всего похода. Онъ жаловался потомъ на неуваженіе министровъ и русскихъ генераловъ и въ заключеніе сказалъ его царскому величеству, что тѣ са-

мые люди, которые завлекли армію въ лабиринтъ, должны были и вывести ее. Всѣ иностранные генералы съ большимъ удовольствіемъ слушали генерала Януса. Царь всячески обласкалъ его, и всѣ стали думать объ исправленіи запутаннаго положенія, въ которомъ находилась армія.

Турокъ, слишкомъ приблизившійся къ нашему лѣвому флангу во время нашего отступленія, схваченъ былъ шестью нашими конными гренадерами и приведенъ къ генералу Янусу, который приставилъ къ нему строгій караулъ и тотчасъ по вступленіи въ лагерь отослалъ его къ государю.

Плѣннаго допросили. Онъ показалъ, что турецкая армія состояла изъ ста пятидесяти тысячъ, т. е. изъ 100,000 конницы и 50,000 пѣхоты, что вся конница должна была къ вечеру соединиться, но что пѣхота, при которой находилось 160 артиллерійскихъ орудій, не могла прибыть прежде, какъ къ завтрашнему дню около полудня.

По симъ извѣстіямъ, послѣ оказавшимся достовѣрными, приняты были въ совѣтѣ слѣдующія мѣры:

Положено было арміи воротиться назадъ, устроясь въ карре и оградясь рогатками: экипажи, конница и артиллерія должны были оставаться въ центрѣ, и въ такомъ порядкѣ надлежало стараться по возможности совершить небезславное отступленіе. Недостатокъ конницы болѣе всего могъ намъ повредить. Наши лошади были совсѣмъ изнурены, а турецкія свѣжи и сильны.

Отданъ былъ приказъ вслѣдствіе сихъ положеній. Армія все еще находилась въ боевомъ порядкѣ, на одной линіи, съ своими рогатками передъ собою. Повелѣно было всѣмъ генераламъ и офицерамъ уменьшить, по возможности, свои экипажи и жечь все, ими бросаемое.

При наступленіи ночи государь, государыня императрица, министры и весь дворъ перенеслись на правую сторону съ лѣвой, которая стала авангардомъ. Между тѣмъ, готовились устроить батальонъ-карре, чтò и сдѣлано было въ ночь. Гора, по которой разсѣяна была турецкая конница, явилась намъ вся въ огняхъ, разложенныхъ непріятелемъ.

Не нужно сказывать вамъ, что ночь эта прошла въ смятеніи

и безпорядкѣ. Мы видѣли, что турки на горѣ то двигались впередъ, то шли назадъ, и не могли судить о ихъ намѣреніи иначе, какъ на угадъ. Генералъ баронъ Аллартъ, генералъ баронъ Остенъ и я занимали тотъ же постъ и находились близко другъ отъ друга. И какъ главнымъ предметомъ была для насъ гора, занимаемая непріятелемъ, то мы только и старались понять, чтó происходило тамъ и къ чему клонились эти марши и контръмарши, замѣченные нами передъ наступленіемъ ночи. Мы подумали, что намѣреніе непріятеля было окружить нашу армію и напасть на нее со всѣхъ сторонъ. Это казалось намъ очевидно по движенію полковъ, которые возвращались къ тому мѣсту, откуда пришли, дабы обойти лѣвый нашъ флангъ и растянуться вдоль берега Прута, съ коего имѣли предосторожность снять всѣ наши посты.

Непріятелю легче было судить о нашихъ движеніяхъ. Онъ стоялъ надъ нами на высотѣ и лагерь нашъ былъ освѣщенъ, какъ среди бѣлаго дня, безчисленнымъ множествомъ фуръ и телегъ, сожигаемыхъ вслѣдствіе повелѣнія.

Въ эту ночь не прошли мы четверти мили. Мы осмотрѣлись уже на разсвѣтѣ, и тогда только увидѣли опасность, въ которой находились. Постарались исправиться, каждый на своемъ посту. Одной только важной ошибки, сдѣланной княземъ Рѣпнинымъ, не могли исправить прежде цѣлыхъ шести часовъ.

Генералъ сей начальствовалъ правымъ флангомъ нашего карре и не разсудилъ, что, какъ ни медленно подвигалась голова отряда, хвостъ его непремѣнно долженъ слѣдовать за нею рысью и вскачь, дабы не отставать; онъ прошелъ усиленнымъ маршемъ, думая, что все дѣло состояло въ томъ, чтобъ уйти какъ можно далѣе. Такимъ образомъ разрѣзалъ онъ флангъ, и чѣмъ далѣе подвигался, тѣмъ шире становился промежутокъ, имъ оставленный.

Экипажи, заключенные въ центрѣ, растянулись на просторѣ, полагая себя огражденными рогатками, и такъ-то растянулись, что большая часть отдѣлилась отъ батальонъ-карре и шла въ степи безъ всякаго прикрытія. Турки, замѣтивъ оплошность и видя, что экипажи составляли уголъ, незащищенный никакимъ

отрядомъ, скользнули вдоль праваго фланга подъ нашимъ огнемъ, отрѣзали всѣ экипажи, вышедшіе изъ батальона, и захватили ихъ. Экипажей было тутъ довольно: болѣе двухъ тысячъ пятисотъ каретъ, колясокъ, телегъ малыхъ и большихъ попались въ руки непріятелю. Здѣсь-то, милостивая государыня, потерялъ я свою карету и весь свой обозъ. Я успѣлъ спасти только une petite palouбe съ моимъ бѣльемъ и платьемъ, довольно порядочнымъ.

Нѣсколько дамъ были умерщвлены съ дѣтьми своими въ каретахъ. Жена полковника Ропа, взятаго въ плѣнъ въ сраженіи при пикетѣ, погибла съ тремя своими дѣтьми. Почти всѣ слуги, управлявшіе экипажами или тутъ же замѣшавшіеся, имѣли ту же участь.

Ошибка князя Рѣпнина была замѣчена, но слишкомъ поздно. Посланъ былъ къ нему одинъ изъ адъютантовъ его величества съ повелѣніемъ остановиться. Между тѣмъ, выставили нѣсколько артиллерійскихъ орудій въ промежутокъ праваго фланга, дабы отогнать непріятеля и воспрепятствовать ему прорваться. Цѣлыхъ пять часовъ употреблено было на исправленіе ошибки, непростительной для генерала. Турки, окружавшіе насъ со всѣхъ сторонъ, съ утра самаго не оставляли насъ въ покоѣ, усиливая огонь.

Это было причиною тому, что турецкая пѣхота и артиллерія въ теченіе дня успѣла насъ догнать.

Генералъ-маіоръ Аллартъ былъ легко раненъ въ руку; зять его подполковникъ Ліенро (Leinrot) раненъ былъ смертельно, близъ него генералъ-маіоръ Волконскій также. Всѣ трое были въ лѣвомъ флангѣ, на углу фронта арьергарда (près de l'angle du front de l'arrière-garde). Генералъ-лейтенантъ баронъ Остенъ раненъ былъ въ правое плечо, что̀ не помѣшало ему надзирать за безопасностью своего поста, гдѣ чрезвычайно стало жарко, когда догнала насъ турецкая пѣхота.

Около пяти часовъ вечера фронтъ нашего батальонъ-карре дошелъ до рѣки Прута. Его величество приказалъ остановиться и выстроиться. Арьергардъ, сдѣлавъ полуоборотъ направо, сталъ нашимъ правымъ флангомъ, а правый флангъ лѣвымъ. Едва успѣли мы произвести сіе нужное движеніе, какъ турки упер-

лись своими флангами къ рѣкѣ и заключили насъ съ трехъ сторонъ двойною линіей, расположенной полукружіемъ. Нѣсколько времени спустя, горы, находящіяся по той сторонѣ рѣки, заняты были шведами, поляками кіевскаго палатина и буджацкими татарами.

Выстроенные въ батальонъ-карре и со всѣхъ сторонъ обращенные лицомъ къ непріятелю, мы завалили землею наши рогатки, и пока часть полковъ погребала насъ, остальная производила безпрестанный огонь на непріятеля, который съ своей стороны также укрѣплялся.

Около семи часовъ, какъ я возвращался къ генералу Янусу, начальствовавшему на правомъ флангѣ, гдѣ находился и мой постъ, исполнивъ данное имъ порученіе, я былъ раненъ пулею въ правую руку, но довольно легко, и могъ остаться на своемъ мѣстѣ, гдѣ люди падали въ числѣ необыкновенномъ, ибо непріятельская артиллерія почти не давала промаха. Въ восемь часовъ вечера три орудія были у меня сбиты. Его величество, посѣтившій мой постъ, какъ и прочіе, приказалъ ихъ исправить въ ночь и присовокупить двѣнадцати-фунтовое орудіе.

Могу засвидѣтельствовать, что царь не болѣе себя берегъ, какъ и храбрѣйшій изъ его воиновъ. Онъ переносился повсюду, говорилъ съ генералами, офицерами и рядовыми нѣжно и дружелюбно (avec tendresse et amitié), часто ихъ разспрашивая о томъ, что происходило на ихъ постахъ.

При наступленіи ночи роздали намъ, по 800 на каждый полкъ, новоизобрѣтенныхъ ножей, съ трехъ сторонъ острыхъ какъ бритвы, которые, будучи сильно брошены, втыкались въ землю; намъ повелѣли ихъ бросать не прежде, какъ когда непріятель вздумаетъ насъ аттаковать. Въ эту ночь непріятель сдѣлалъ только два покушенія: одно, при свѣтѣ фейерверка, на постъ, занимаемый генералъ-поручикомъ Остенъ-Сакеномъ, а другое на постъ генералъ-маіора Буша. Ихъ отразили съ той и другой стороны. Они приближились снова уже на разсвѣтѣ и дали знать о себѣ безпрерывнымъ огнемъ изъ ста шестидесяти пушекъ, поддержанныхъ безпрестанной пальбою ихъ конницы и пѣхоты.

Будемъ справедливы. Генералы Янусъ, Аллартъ и Денсбергъ,

генералъ-поручики Остенъ и Беркгольцъ, генералъ-маіоры Видманъ и Бушъ и бригадиръ Ремкингъ сдѣлали болѣе, нежели можно пересказать. Между тѣмъ, какъ русскіе начальники показывались только ночью, а днемъ лежали подъ своими экипажами, генералы иностранные были въ постоянномъ движеніи, днемъ поддерживая полки въ ихъ постахъ, исправляя уронъ, нанесенный непріятелемъ, давая отдыхать солдатамъ наиболѣе усталымъ и смѣняя ихъ другими, находившимися при постахъ, менѣе подверженныхъ нападенію непріятеля.

Коли ночь показалась намъ коротка, потому что не были мы обезпокоены, то утро зато показалось намъ очень долгимъ, по причинѣ быстраго и безпрестаннаго непріятельскаго огня, отъ котораго много мы терпѣли, по крайней мѣрѣ на правомъ нашемъ флангѣ, со стороны фронта. Войско, приближенное къ рѣкѣ, было совсѣмъ безопасно.

Около девяти часовъ утра его величество, коему не безъизвѣстно было, что иностранные генералы одни могли спасти его арміи, приказалъ позвать ихъ въ центръ экипажей, гдѣ находилась его палатка. Генералъ Янусъ, котораго царь приглашалъ особенно вмѣстѣ съ барономъ Остеномъ, взялъ меня съ собою къ его величеству. Государь милостиво освѣдомился о моей ранѣ, которая очень меня безпокоила, потому что я только еще промывалъ ее виномъ, даннымъ мнѣ генералъ-маіоромъ Бушемъ. У меня не было ни капли. Телеги мои были въ числѣ тѣхъ, которыми овладѣли турки.

Государь, генералъ Янусъ, генералъ-поручикъ Остенъ и фельдмаршалъ держали долгое тайное совѣщаніе. Потомъ они всѣ подошли къ генералу барону Аллярту, лежавшему въ каретѣ по причинѣ раны, имъ полученной, и тутъ, между каретою сего генерала и каретою баронессы Остенъ, въ которой находилась г-жа Бушъ, положено было, что фельдмаршалъ будетъ писать къ великому визирю, прося отъ него перемирія, дабы безопасно приступить къ примиренію обоихъ государей.

Трубачъ генерала Януса отправился съ письмомъ, и мы ожидали отвѣта, каждый на своемъ посту, какъ объявили намъ о смерти генералъ-маіора Видмана.

Это была невозвратная потеря для царя. Видманъ былъ человѣкъ достойный и честный, прямой, правдивый, добрый товарищъ и хорошій кавалерійскій офицеръ, основательно знавшій свое дѣло. Всѣ объ немъ сожалѣли, тѣмъ болѣе, что онъ находился не на своемъ посту: онъ служилъ въ дивизіи генерала Рене и долженъ былъ бы съ нимъ отправиться въ Валахію, еслибъ его царское величество не оставилъ его въ своей арміи, изъ уваженія къ нему.

Не прошло и двухъ часовъ по отъѣздѣ трубача, какъ увидѣли мы, что онъ возвращается съ агою янычаровъ. Турокъ прибылъ на постъ, гдѣ находился генералъ-поручикъ Беркгольцъ, и сказалъ ему на арабскомъ языкѣ, на которомъ Беркгольцъ изъяснялся хорошо, что великій визирь соглашался на требуемое перемиріе и давалъ намъ знать, чтобъ мы прекратили нашъ огонь (что и съ ихъ стороны будетъ учинено), и чтобъ мы присылали комисаровъ для переговоровъ о мирѣ.

Мы не дождались повелѣній генералъ-фельдмаршала и остановили огонь, каждый на своемъ посту, и въ минуту на той и другой сторонѣ водворилось спокойствіе.

Не прошло двухъ часовъ со времени, что перемиріе было объявлено и что баронъ Шафировъ отправился въ лагерь великаго визиря въ качествѣ комиссара съ препорученіемъ трактовать о мирѣ, какъ увидѣли мы всю турецкую армію около нашихъ рогатокъ: турки пріѣхали насъ навѣстить и полюбоваться нами въ нашей клѣткѣ. Наконецъ они такъ приблизились, что генералы наши возымѣли подозрѣніе, особенно генералъ Янусъ, который послалъ г. Беркгольца къ великому визирю, прося его приказать войску своему возвратиться въ окопы и учредить караулы для удержанія турокъ въ повиновеніи, что, съ нашей стороны, должны были сдѣлать и мы.

Генералъ-лейтенантъ Беркгольцъ возвратился съ тѣмъ же янычарскимъ агою, который однимъ словомъ погналъ всю турецкую армію въ ея окопы. Онъ разставилъ потомъ караулы (vedettes) со стороны ихъ, а мы съ нашей.

Признаюсь, милостивая государыня, изъ всѣхъ армій, которыя удалось мнѣ только видѣть, никогда не видывалъ я ни од-

ной прекраснѣе, величественнѣе и великолѣпнѣе арміи турецкой. Эти разноцвѣтныя одежды, ярко освѣщенныя солнцемъ, блескъ оружія, сверкающаго на подобіе безчисленныхъ алмазовъ, величавое однообразіе головнаго убора, эти легкіе, но завидные кони — все это на гладкой степи, окружая насъ полумѣсяцемъ, составляло картину невыразимую, о которой, не смотря на все мое желаніе, я могу вамъ дать только слабое понятіе.

Когда увидѣли, что дѣло клонилось къ миру не на шутку, мы отдохнули, перемѣнили бѣлье и платье. Вся наша армія походила на трубочистовъ: потъ, пыль и порохъ такъ покрывали насъ, что мы другъ друга ужь не узнавали. Менѣе нежели черезъ три часа всѣ явились въ золотѣ, всякій одѣлся какъ можно великолѣпнѣе.

22-го вечеромъ узнали черезъ барона Шафирова, прибывшаго изъ турецкаго лагеря, для объясненій съ его величествомъ о нѣкоторыхъ спорныхъ пунктахъ и черезъ часъ уѣхавшаго обратно, что все шло хорошо, и что, конечно, миръ будетъ заключенъ.

Не могу, милостивая государыня, здѣсь не упомянуть о благоразумномъ поступкѣ, который заставилъ насъ уважать турецкій народъ. Какой-то спаги, или, что все равно, всадникъ, перешелъ за указную черту и явился близъ моего поста, гдѣ прогуливался я съ сыномъ барона Денсберга, подполковникомъ въ бѣлозерскомъ полку, и съ генералъ-маіоромъ Вейсбахомъ.

Этотъ спаги говорилъ что-то нашимъ драгунамъ, находившимся за рогатками, размахивая своею саблею и полагая, что мы понимали его нарѣчіе. Офицеръ, разъѣзжавшій около ихъ лагеря, замѣтилъ, что спаги перешелъ за положенную черту, и, давая знакъ возвратиться въ лагерь, съ твердостію выговаривалъ ему. Спаги его не послушался; офицеръ, послѣ двукратнаго требованія, приблизился къ нему молча и махомъ своей сабли чисто отрубилъ руку, которая упала съ саблею къ нашимъ ногамъ; потомъ, продолжая путь свой съ тѣмъ же хладнокровіемъ, простился съ нами, коснувшись рукою чалмы своей. Спаги не сталъ тратить времени и ускакалъ во весь опоръ, оставя руку и саблю у ногъ молодаго Денсберга. Сей поступокъ

невѣрнаго служитъ урокомъ для христіанъ, съ какою строгостію должно хранить свое слово, данное и непріятелямъ.

22-е и 23-е числа прошли въ нетерпѣливомъ ожиданіи столь нужнаго и столь желаемаго мира. Положеніе, въ которомъ мы недавно находились, того требовало. Оно было ужасно. Смерть или рабство — не было средины. Намъ должно было выбрать изъ двухъ одно, еслибъ великій визирь сдѣлалъ свое дѣло и служилъ съ усердіемъ государю своему. Надлежало ему только быть осторожнымъ, укрѣпляться въ окопахъ и оставаться въ бездѣйствіи. Армія наша не имѣла провіанта; пятый день большая часть офицеровъ не ѣли хлѣба, тѣмъ паче солдаты, которые пользуются меньшими удобностями. Лошади были изнурены (étaient depuis le même temps au filet); нѣкоторые генералы имѣли при себѣ нѣсколько кулей овса и кое-какъ поддерживали лошадей; остальные же кони лизали землю и были такъ изнурены, что когда пришлось употребить ихъ въ дѣло, то не знали, сѣдлать ли, запрягать ли ихъ, или нѣтъ.

Вечеромъ 23 іюля (по старому стилю) бригадиры получили приказъ отобрать розданные ножи, по 800 на каждый полкъ, и побросать ихъ ночью въ рѣку черезъ надежныхъ офицеровъ. Узнали также, что въ артиллерійскомъ паркѣ зарыто было множество пороху, бомбъ, гранатъ и ядеръ, также и оружія, предварительно сломаннаго, что предвѣщало намъ конецъ нашимъ бѣдствіямъ.

Наконецъ, милостивая государыня, 24-го увидѣли мы одну изъ придворныхъ повозокъ (paloube), въ которой везли на 200,000 червонцевъ золота и вещей, обѣщанныхъ барономъ Шафировымъ въ подарокъ великому визирю. Въ полдень, его царское величество чрезъ своего генералъ-адъютанта объявилъ всѣмъ генераламъ, что онъ заключилъ съ Портою твердый, непоколебимый и вѣчный миръ, и приказалъ дать знать о томъ всѣмъ офицерамъ и рядовымъ своей арміи.

Если бы сказали намъ 22-го іюля утромъ, что миръ заключенъ будетъ такимъ образомъ 24-го, то всякій почелъ бы, конечно, мечтателемъ и сумасшедшимъ того, кто-бъ осмѣлился ласкать насъ надеждою на такое несбыточное счастіе. Я помню,

что когда трубачъ генерала Януса отправился съ письмомъ фельдмаршала, въ которомъ просилъ онъ перемирія, генералъ сказалъ намъ, возвращаясь къ нашимъ постамъ, что тотъ, кто завелъ его царское величество въ это положеніе, долженъ былъ быть величайшимъ безумцемъ всего свѣта; но что если великій визирь приметъ наше предложеніе въ настоящихъ обстоятельствахъ, то это первенство принадлежитъ ему. Богу угодно было, чтобъ генералъ невѣрныхъ ослѣпленъ былъ блескомъ двухъ-сотъ тысячъ червонцевъ, для спасенія великаго множества честныхъ людей, которые, по-истинѣ, находились въ рукахъ турковъ.

Въ часъ пополудни оттоманы обнародовали миръ, и почти въ то же время фельдмаршалъ отдалъ приказъ арміи выступить въ походъ въ шесть часовъ вечера въ новомъ боевомъ порядкѣ, коего планъ розданъ былъ всѣмъ генераламъ, дабы каждый изъ нихъ занялъ свое мѣсто. Войско должно было выступить изъ лагеря съ распущенными знаменами, съ барабаннымъ боемъ и съ флейтами передъ каждымъ полкомъ.

Не нужно было приказывать офицерамъ, у коихъ оставались еще экипажи, ихъ облегчить: необходимость и такъ ужь того требовала. Множество добра побросали въ лагерѣ, ибо лошади едва таскались, изнуренныя и чуть живыя.

Прежде, нежели оставимъ лагерь, вы позволите, милостивая государыня, исчислить вамъ потерю обѣихъ армій въ эти четыре дня. Достовѣрно, что его царское величество лишился не болѣе, какъ 8,000 человѣкъ убитыми. Изъ генераловъ убитъ одинъ г. Видманъ; два полковника, пять подполковниковъ, 18 капитановъ и 26 нижнихъ чиновъ раздѣлили съ нимъ ту же участь. Турки чистосердечно признались намъ, что они потеряли убитыми 8,900 человѣкъ, между прочимъ, одного любимца ихъ султана и множество офицеровъ.

24-го, въ шесть часовъ вечера, армія выступила въ походъ центромъ праваго фланга. Четыре батальона, въ немъ находившіеся, составляли фронтъ подъ командою генерала барона Денсберга, генералъ-маіора Альфенделя и бригадира Моро-де-Бразе (Moreau de Brasey, comte de Lion en Beance). Прочіе генералы слѣдовали по старшинству; Адамъ Вейде и князь Голицынъ со-

ставляли арьергардъ, а солдаты несли рогатки, какъ и во время сраженія. Армія, составляя батальонъ-карре, гордо прошла мимо турковъ, выстроенныхъ въ одну линію по долинѣ, по лѣвую нашу руку. Мы шли до самой ночи по берегу Прута, который былъ отъ насъ вправо, а горы влѣво.

Одинъ французскій инженеръ, по имени Терсонъ, человѣкъ самый честный, уважаемый царемъ и русскими, пріятель всего свѣта, удостовѣрилъ меня, что есть люди, имѣющіе вѣрныя предчувствія о своей смерти. Сей французъ подружился со мною въ Ригѣ, гдѣ я узналъ его; и когда, черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ, встрѣтились мы въ той же арміи, онъ часто дѣлалъ мнѣ честь навѣщать меня и довольствоваться моей хлѣбъ-солью. Въ тотъ день, какъ возвратились мы въ лагерь, въ сопровожденіи непріятелей, онъ ко мнѣ пришелъ поздравить меня съ достославнымъ нашимъ отступленіемъ и съ тѣмъ, что генералъ Янусъ благосклонно отзывался ему обо мнѣ, радуясь, что въ семъ случаѣ имѣлъ меня при себѣ. Я отвѣчалъ, что генералъ Янусъ отдавалъ свои приказанія съ такою ясностію, что офицеру, какъ бы тупо ни было его понятіе, невозможно было ихъ не выполнить. Умирая съ голоду, я ѣлъ съ большимъ аппетитомъ то, что могъ еще найдти годнаго въ моихъ запасахъ, и Терсонъ послѣдовалъ моему примѣру. Тутъ открылъ онъ мнѣ за тайну, что ему изъ Молдавіи не выдти и что онъ оставитъ въ ней свои кости. Я всячески старался разсѣять его мрачное предчувствіе, но тщетно. Заключили миръ; армія выступила. Терсонъ прибылъ къ моему посту и довольно долго со мною разговаривалъ. Я сталъ смѣяться надъ его предчувствіемъ, доказывая его ложность, ибо миръ былъ заключенъ. Онъ отвѣчалъ, что генералъ Янусъ, которому также онъ открылся, дѣлалъ ему то же разсужденіе, но что онъ и мнѣ дастъ тотъ же отвѣтъ, какъ и генералу, именно, что онъ изъ Молдавіи еще не вышелъ, и что мы успѣемъ надъ нимъ посмѣяться, когда войско перейдетъ за Днѣстръ. Нѣсколько времени спустя, онъ меня оставилъ и поѣхалъ къ генералу Янусу, который, страдая подагрой, ѣхалъ въ каретѣ вдоль праваго фланга во ста шагахъ отъ фронта. Поговоривъ съ нимъ немного, онъ оставилъ его по нѣкоторой нуждѣ. Одинъ изъ татаръ, слѣдо-

вавшихъ за нашей арміей, въ намѣреніи что-нибудь подцѣпить, проскакавъ мимо его, воткнулъ въ него копье и оставилъ его мертвымъ, не снявъ даже съ него шляпы. Генералъ Янусъ послалъ за мною своего адъютанта и показалъ мнѣ его тѣло, принесенное къ батальону гренадерами, и которое было еще тепло. Мы жалѣли объ немъ отъ всего сердца и дивились, между тѣмъ, предчувствіямъ, которыя оспаривалъ я съ упрямствомъ. Фельдмаршалъ послалъ трубача къ великому визирю съ жалобою на нарушеніе условій. Трубачъ возвратился ночью съ предписаніемъ вѣшать всѣхъ татаръ, которые попадутся намъ въ руки, гоняясь за нашей арміей.

При совершенномъ наступленіи ночи, его царское величество велѣлъ остановиться батальону-карре. Мы выстроились какъ можно исправнѣе. Мы расположились на бивакахъ. Ночлегъ былъ кратокъ и ночь чрезвычайно дождлива.

Не правда ли, что вы находите меня нечувствительнымъ въ отношеніи къ вашему полу, ибо до сихъ поръ не говорилъ я вамъ о всемъ, что претерпѣли дамы, находившіяся въ нашей арміи? Вообразите ихъ себѣ, милостивая государыня, посреди ужасовъ четырехъ-дневнаго сраженія, подверженныхъ тѣмъ же опасностямъ, какъ и мы; кареты ихъ прострѣлены были пулями, разбиты пушечными ядрами, и эти милыя дамы должны были попасться въ плѣнъ, если не погибнуть въ нечаянномъ нападеніи, коего мы только и опасались. Не знаю, болѣе ли онѣ страдали во время битвы, нежели радовались о своемъ избавленіи; но знаю, что генералъ-маіорша Бушъ, три недѣли послѣ, не могла еще оправиться отъ страха, ею претерпѣннаго въ тѣ четыре дня, какъ мы имѣли дѣло съ турками.

Какъ объ условіяхъ мира хранили глубокое молчаніе, то мы (иностранцы) никого и не разспрашивали, а разсуждали о нихъ между собою, не сомнѣваясь, чтобъ они не были весьма тягостны для его царскаго величества. Однако мы узнали обо всемъ въ походѣ (25-го іюля), и совсѣмъ неожиданнымъ для насъ образомъ.

Армія выступила въ походъ на разсвѣтѣ съ экипажемъ, уменьшеннымъ по крайней мѣрѣ двумя третями. Въ полдень пришли

мы въ тѣснину, гдѣ мы такъ долго простояли въ началѣ нашего похода. Я былъ однимъ изъ начальниковъ авангарда или фронта нашего баталіонъ-карре, который, для большей удобности экипажей, раздѣлился при входѣ въ тѣснину. Мы первые прибыли въ долину, находящуюся за тѣсниною: мѣсто пріятное, окруженное густыми деревьями и огражденное слѣва высокими, лѣсистыми горами, а справа рѣкою Прутомъ, разливающимъ на свои берега прохладу, которой мы и воспользовались. Тамъ настигли меня сначала генералъ-маіоръ Бушъ, а вслѣдъ за нимъ генералъ баронъ Остенъ. Всѣ трое мы проголодались. Карета госпожи Бушъ ѣхала невдалекѣ. Мужъ ея послалъ спросить, нѣтъ ли у нея чѣмъ бы намъ пообѣдать. Эта милая дама прислала намъ бутылку венгерскаго вина, четыре холодныхъ цыпленка, хлѣба довольно черстваго, но все-жь хлѣба, и мы, при приближеніи такого сильнаго сикурса, избрали мѣстоположеніе и стали работать съ одинаковою жадностію. Бутылка нашлась недостаточной для утоленія нашей жажды: мы послали за подкрѣпленіемъ, которое и было намъ доставлено съ тою же любезностію. Только что мы кончили нашъ обѣдъ, фельдмаршалъ на насъ наѣхалъ и попросилъ насъ угостить трехъ пашей, присланныхъ отъ великаго визиря къ его царскому величеству, покамѣстъ государь не дастъ отвѣта. Мы къ нимъ отправились. Одинъ изъ нихъ говорилъ хорошо по-нѣмецки и еще лучше по-латыни. Онъ достался на мою долю; друзья мои довольствовались оба однимъ изъ остальныхъ, говорившимъ только по-нѣмецки. Въ минуты первыхъ привѣтствій, слуги фельдмаршальскіе разбили шатеръ, постлали на-земь коверъ турецкій, на который усадили мы нашихъ трехъ пашей. Они сѣли, сложивъ ноги крестомъ, и велѣли принести себѣ трубки, коихъ чубуки столь были длинны, что головки ихъ лежали на землѣ.

Сначала разговоръ нашъ былъ общій. Они сказали намъ, что великій визирь послалъ ихъ предложить его царскому величеству 2,000 человѣкъ спаговъ для отогнанія татаръ, насъ преслѣдующихъ, и изъ коихъ шестеро ночью были пойманы, не считая тридцати убитыхъ нашими конными гренадерами. Наконецъ паша, говорившій по-латыни, коль скоро узналъ, что я фран-

цузъ, подозвалъ меня къ себѣ и громко объявилъ, что французы были пріятели туркамъ. Тогда, вступивъ въ частныя разсужденія, я спросилъ у него, по какой причинѣ и на какихъ условіяхъ заключили они миръ. Онъ отвѣчалъ, что твердость наша ихъ изумила, что они не думали найти въ насъ столь ужасныхъ противниковъ: что, судя по положенію, въ которомъ мы находились, и по отступленію, нами совершенному, они видѣли, что жизнь наша дорого будетъ имъ стоить, и рѣшились, не упуская времени, принять наше предложеніе о перемиріи, дабы насъ удалить. Онъ объявилъ, что въ первые три дня артиллерія наша истребила и изувѣчила множество изъ ихъ единоземцевъ, что у нихъ было 8,000 убитыхъ и 8,000 раненыхъ, и что они поступили благоразумно, заключивъ миръ на условіяхъ, почетныхъ для султана и выгодныхъ для его народа.

Вы чувствуете, милостивая государыня, что, увидя случай отозваться съ похвалою о нашей арміи, я не сталъ скромничать и, признаюсь, отъ роду не хвасталъ я съ такимъ усердіемъ и не встрѣчалъ подобной довѣренности. Потомъ я сказалъ ему, что, будучи доволенъ изъясненіемъ причинъ, по которымъ заключили они миръ, я хотѣлъ бы знать и условія онаго; онъ охотно исполнилъ мое желаніе, выпивая кофе, который между тѣмъ имъ подносили. И вотъ они, сіи условія, которыя тѣмъ болѣе изумили меня, что, основываясь на предложеніяхъ, показанныхъ мнѣ въ Ригѣ Левенвольдомъ, я полагалъ короля шведскаго истинною причиною войны.

1) Его царское величество возвратитъ туркамъ Азовъ, срывъ новыя укрѣпленія онаго, также и крѣпости, выстроенныя имъ по берегу.

2) Флотъ свой и морское войско переведетъ онъ въ Воронежъ и не будетъ имѣть другой, ближайшей пристани къ Черному морю, кромѣ Воронежской.

3) Казакамъ возвратитъ ихъ старинную вольность, а Польшѣ Украйну Польскую, такъ же какъ и Эльбингъ и другіе города, имъ захваченные.

4) Выведетъ безъ изъятія всѣ полки, находящіеся въ разныхъ частяхъ Польши, и впредь ни подъ какимъ предлогомъ и ни въ

какомъ случаѣ не введетъ ихъ обратно самъ или черезъ своихъ генераловъ.

5) Наконецъ его царское величество дастъ королю шведскому свободный пропускъ въ его государство, даже, въ случаѣ нужды, и черезъ свои владѣнія, съ конвоемъ, который данъ будетъ отъ султана; также не станетъ никакимъ образомъ тревожить короля во время проѣзда черезъ польскія владѣнія, обязуясь, въ то же время, удержать и Фридерика-Августа, курфирста саксонскаго, отъ всякаго непріязненнаго покушенія, какъ на особу короля, такъ и на конвой, его сопровождающій.

Таковы были условія мира, столь полезнаго и столь нужнаго для славы его царскаго величества. Прибавьте къ тому и 200,000 червонцевъ, подаренныхъ великому визирю (что̀ подтверждено мнѣ было моимъ пашею).

Онъ сказалъ мнѣ, что спустя часъ по отступленіи арміи нашей, шведскій король переѣхалъ черезъ Прутъ на челнокѣ, сдѣланномъ изъ выдолбленнаго пня, пустивъ лошадь свою вплавь, и самъ-шестъ прискакалъ въ лагерь великаго визиря; что король говорилъ ему съ удивительною гордостію и между прочимъ сказалъ, что, «если одинъ изъ его генераловъ вздумалъ бы только заключить таковой миръ, то онъ отрубилъ бы ему голову, и что ему, визирю, должно того же ожидать отъ султана». На всю эту брань великій визирь отвѣчалъ только то, что онъ имѣлъ отъ султана приказаніе, и что онъ ничего не дѣлалъ безъ согласія министра (de Sa Hautesse), находящагося въ его лагерѣ, и своего военнаго совѣта.

Мы разговаривали обо всемъ этомъ, какъ фельдмаршалъ пришелъ имъ объявить, что его величество принимаетъ учтивое предложеніе великаго визиря. Паши откланялись, взявъ съ собою шестерыхъ татаръ, схваченныхъ нами ночью, и отослали ихъ связанныхъ къ великому визирю для примѣрнаго наказанія.

Я всегда воображалъ себѣ турковъ людьми необыкновенными; но мое доброе о нихъ мнѣніе усилилось съ тѣхъ поръ, какъ я на нихъ насмотрѣлся. Они большею частію красивы, носятъ бороду, не столь длинную, какъ у капуциновъ, но снизу четыреугольную, и холятъ ее, какъ мы холимъ лошадей. Эти паши, хотя всѣ

трое разнаго цвѣта, имѣли красивѣйшія лица. Тотъ, съ которымъ я разговаривалъ, признался мнѣ, что ему было шестьдесятъ три года, а на взглядъ нельзя было ему дать и сорока пяти.

Армія наша, разстроившая батальонъ-карре при входѣ въ тѣснину, раздѣлилась въ долинѣ, находящейся при выходѣ изъ оной. Его царское величество съ преображенцами, семеновцами, астраханцами и ингерманландцами сталъ въ авангардѣ въ двухъ миляхъ отъ тѣснины. Генералъ-лейтенантъ Брюсъ съ артиллеріей и дивизія князя Рѣпнина слѣдовали за его величествомъ и расположились лагеремъ въ полуторѣ мили; генералъ баронъ Денсбергъ въ одной милѣ; генералъ баронъ Аллартъ въ полумилѣ съ кавалеріей, которою командовалъ онъ по приказанію его величества, ибо г-нъ Янусъ страдалъ въ это время подагрою. Дивизія же Адама Вейде осталась при выходѣ изъ тѣснины. Двухъ-тысячный турецкій отрядъ раздѣлился на три части: одна осталась въ тылу арміи, а двѣ другія расположились по ея флангамъ. Въ такомъ расположеніи и наблюдая все тѣ же дистанціи, мы пошли на Яссы, гдѣ надѣялись найти всѣ запасы, нужные для обратнаго нашего похода черезъ степи. Мы достигли сего города въ шесть переходовъ, каждый въ четырехъ миляхъ состоявшій. Тамъ оставались мы четыре дня и запаслись всѣмъ, что могли только найти.

Много претерпѣлъ бы я во время сего перехода, если бы генералъ баронъ Аллартъ, зная, что я потерялъ мой экипажъ, не снабдилъ меня великодушно повозкою, четверкою лошадей и прекрасною палаткой съ ея маркизою. А какъ въ повозочкѣ моей (paloube) съ одеждой и бѣльемъ находилась и постель, то я въ своемъ несчастіи почиталъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Давъ четырехъ-дневный отдыхъ своей арміи и собравъ запасъ для перехода черезъ степи, его царское величество повелъ насъ вдоль Прута до Станопа (Stanope), по дорогѣ не столь трудной и дальней, какъ Сороцкая. Въ Станопѣ мы стояли опять четыре дня, по той причинѣ, что его величество приказалъ навести одинъ только мостъ для переправы своей арміи.

Здѣсь разстались мы съ тремя пашами и съ ихъ отрядомъ. Дорогой имѣлъ я честь нѣсколько разъ съ ними разгова-

ривать, а однажды и обѣдать вмѣстѣ у генералъ-лейтенанта барона Остена. Они попросили рису, варенаго на молокѣ, и наѣлись его, насыпавъ кучу сахару. Мы никакъ не могли заставить ихъ пить венгерскаго вина, какъ ни просили; они предпочитали кофе, сваренный по ихъ обычаю, и который пили они цѣлый день.

Отъ Станопа армія въ четыре дня пришла къ Могилеву на Днѣстрѣ, куда прибылъ ужъ сорацкій гарнизонъ, истребивъ мостъ и наружныя укрѣпленія города. Новый мостъ, который должно было навести на Днѣстрѣ, задержалъ насъ тутъ еще восемь дней. Буджацкіе татары вздумали было насъ безпокоить. Казачій полковникъ заманилъ ихъ по-своему въ засаду. 160 были убиты, шестеро взяты въ плѣнъ, и фельдмаршалъ велѣлъ ихъ повѣсить всѣхъ на одномъ деревѣ на самой высокой изъ сосѣднихъ горъ, дабы устрашить тѣхъ, которые вздумали бы опять насъ безпокоить въ нашемъ лагерѣ или фуражировкѣ, что не переставали они чинить съ нами отъ самаго Станопа.

Мостъ былъ готовъ, и армія спокойно переправилась въ трое сутокъ. Шесть батальоновъ гренадеръ остались въ арьергардѣ лагеря, изъ опасенія, чтобъ татары, кроющіеся въ горахъ, не потревожили переправы нашихъ послѣднихъ полковъ. Но они оказались болѣе благоразумными, нежели мы предполагали; проученные послѣднею своею неудачей, они уже не показывались, и отступленіе наше совершилось со всевозможнымъ спокойствіемъ.

Во время нашего пребыванія въ лагерѣ за Днѣстромъ въ Подоліи, его царское величество пожелалъ узнать въ точности потерю, имъ понесенную въ сей краткій, но трудный походъ. Приказано было каждому бригадиру представить къ слѣдующему утру подробную опись своей бригадѣ, опредѣливъ состояніе оной въ первый день вступленія нашего въ Молдавію и то, въ которомъ находилась она въ день отданнаго приказа. Воля его царскаго величества была исполнена: изъ 79,800 людей, состоявшихъ на лицо при вступленіи нашемъ въ Молдавію, если вычесть 15,000, находящихся въ Валахіи съ генераломъ Рене, оставаться надлежало 63,800, но оказалось только 37,315. Вотъ все, что вышло изъ Молдавіи. Прочіе остались на удобре-

ніе сей безплодной земли, отчасти истребленные огнемъ непріятельскимъ, но еще болѣе поносомъ и голодомъ.

На третій день нашего пребыванія въ новомъ лагерѣ, куда припасы стекались изобильно изъ Каменца и другихъ городовъ подольскихъ, государь, императрица, свита ихъ и министры (за исключеніемъ барона Шафирова и графа Шереметева, оставленныхъ въ лагерѣ турецкомъ заложниками мира) отправились incognito въ десять часовъ вечера, подъ прикрытіемъ одного только гвардейскаго эскадрона, къ Ярославу. Тамъ, по приказанію государя, приготовлены были суда, на которыхъ онъ Вислою отправился въ Торнъ, гдѣ императрица, въ то время беременная на седьмомъ мѣсяцѣ, располагалась родить. Это былъ первый ея ребенокъ съ того времени, когда она признана была императрицей: честь, коей она достойна болѣе многихъ принцессъ, которыя должны бы краснѣть отъ стыда, видя, что женщина ничтожнаго происхожденія (une femme de rien), безо всякаго образованія, не воспитанная въ чувствахъ величія и душевной возвышенности, свойственныхъ высокому рожденію, поддерживаетъ санъ императорскій со всею честію, величіемъ и умомъ, какихъ можно было бы только ожидать отъ самой знатнѣйшей крови.

На другой день отъѣзда его величества, фельдмаршалъ со всею арміей выступилъ въ походъ и остановился лагеремъ въ Шаргродѣ, куда, по его приказанію, съѣхались всѣ генералы изъ разныхъ мѣстъ, гдѣ они находились; ибо армія была распредѣлена по разнымъ направленіямъ для удобства продовольствія и фуражировки.

Когда генералы собрались въ палаткахъ фельдмаршала, онъ объявилъ имъ, что его царское величество, заключивъ миръ съ турками, не имѣлъ уже надобности въ столь великомъ числѣ генераловъ, что онъ имѣлъ повелѣніе государя отпустить тѣхъ изъ нихъ, которые, по ихъ большому жалованью, наиболѣе были ему тягостны, что онъ именемъ его царскаго величества благодаритъ ихъ за услуги, ими оказанныя, особенно въ сей послѣдній походъ; потомъ онъ роздалъ абшиды генераламъ, коимъ при-

лагаю здѣсь списокъ, включая въ томъ числѣ тѣхъ, которые оставили службу его величества съ 1-го января 1711 г.

СПИСОКЪ ГЕНЕРАЛАМЪ,

ОТПУЩЕННЫМЪ ЕГО ЦАРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ ИЛИ ОСТАВИВШИМЪ ЕГО СЛУЖБУ БЕЗЪ ОТПУСКА.

Фельдмаршалъ генералъ - лейтенантъ Гольцъ отошелъ безъ отпуска, не получивъ 60,000 экю и болѣе должнаго ему жалованья.

Генералъ Янусъ отошелъ безъ отпуска по той же причинѣ.

Генералъ баронъ Денсбергъ отпущенъ съ абшидомъ.

Генералъ-лейтенантъ баронъ Остенъ отпущенъ съ абшидомъ.

Генералъ-лейтенантъ Беркгольцъ отпущенъ съ абшидомъ.

Генералъ-лейтенантъ Ностицъ, эльбингскій комендантъ, отошелъ безъ абшида, самовольно удовлетворивъ себя 50,000 экю, которые считалъ за государемъ.

Бригадиръ графъ де-Фризъ отошелъ безъ отпуска.

Бригадиръ Моро-де-Бразе (comte de Lion en Beance) отпущенъ съ абшидомъ.

Бригадиръ Боэ отпущенъ съ абшидомъ.

Бригадиръ баронъ Ремкингъ отпущенъ съ абшидомъ.

Бригадиръ графъ Ламберти отпущенъ съ абшидомъ.

Баронъ Денсбергъ, кавалерійскій полковникъ, отпущенъ также съ абшидомъ.

Полковникъ отъ инфантеріи Миропсъ отпущенъ также съ абшидомъ.

На слѣдующій же 1712 г. отпущены съ абшидомъ: генералъ баронъ Аллартъ и генералъ-лейтенантъ Фюгель.

14 иностранныхъ полковниковъ отпущено съ абшидомъ; нѣкоторые же отошли сами.

22 полковника отпущены съ абшидомъ, отчасти отошли.

156 капитановъ отпущены или отошли сами.

Фельдмаршалъ не слишкомъ много истратилъ денегъ, отпуская всѣхъ сихъ офицеровъ, ибо никому ничего не заплатилъ: и до сихъ поръ за нимъ пропадаетъ жалованья моего за тринадцать мѣсяцевъ,[1] по 130 руб. на мѣсяцъ (рубль стоилъ 5 франц. ливровъ): я получалъ 70 рублей какъ бригадиръ, 40 какъ полковникъ и 20 какъ капитанъ.

Генералъ баронъ Денсбергъ имѣлъ ужасную схватку съ фельдмаршаломъ касательно денегъ; но это ни къ чему не послужило. Дѣлать было нечего; мы рѣшились терпѣть. Генералъ баронъ Денсбергъ, генералъ-лейтенантъ баронъ Остенъ и я отправились вмѣстѣ черезъ Stanope (Тарнополь) (гдѣ мы встрѣтили полки генерала Рене, возвращающіеся изъ Валахіи, и которые тамъ обогатились въ той же мѣрѣ, какъ мы обнищали) и потомъ, черезъ Замосць, въ Леополь, гдѣ цѣлый мѣсяцъ отдыхали отъ трудовъ нашего сумасброднаго похода. Въ семъ-то городѣ познакомился я съ госпожею коронною старостиной и ея сестрою, госпожею великой хорунжихою. Обѣ онѣ сестры великому коронному гетману Синявскому. Сіи дамы оказали мнѣ множество вѣжливостей; между прочимъ, получилъ я отъ старостины прекраснаго испанскаго табаку, который оживилъ мой носъ, совсѣмъ изнемогавшій безъ сей благодѣтельной помощи, для меня необходимой.

Изъ Леополя мы пріѣхали въ Варшаву, гдѣ отдыхали еще одинъ мѣсяцъ. Оттуда Вислою отправился я съ барономъ Остеномъ и его супругою въ Данцигъ, гдѣ нашелъ я свою жену и семейство свое, умноженное одною наслѣдницею, милымъ и прекраснымъ ребенкомъ.

[1] Кажется слышишь храбраго капитана Dalgetty, жалующагося на недоимки и неисправность въ платежѣ жалованья.—А. П.

О Татищевѣ.

Татищевъ (Василій Никитичъ), тайный совѣтникъ и астраханскій губернаторъ, родился въ 1686 году, поступилъ въ 1704 году на службу и въ томъ же году находился при взятіи Нарвы; былъ въ полтавскомъ сраженіи (1709), а потомъ подъ Азовомъ и при Прутѣ (1711). Послѣ сего отправленъ въ чужіе края, гдѣ усовершенствовалъ себя въ наукахъ и въ языкахъ нѣмецкомъ и польскомъ. Въ 1718 году, президентъ мануфактуръ и бергъ-коллегіи генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ Брюсъ, за отбытіемъ своимъ на Аландскій конгрессъ, поручилъ географическія занятія свои Татищеву, состоявшему тогда въ чинѣ артиллеріи капитанъ-поручика. Въ 1720 году отправленъ Татищевъ въ Сибирь, для управленія казенными желѣзными заводами. Онъ говоритъ въ лексиконѣ своемъ: 1721 года зачатъ строить на рѣкѣ Исети капитаномъ Татищевымъ желѣзный заводъ и построенъ городъ немалый, Екатерининсъ. Демидовъ, коему пожалованъ былъ Петромъ I одинъ только Ѳедьковскій заводъ, распространилъ свои владѣнія болѣе, нежели слѣдовало, и употреблялъ къ заводу казенныхъ мастеровыхъ; опасаясь, чтобы Татищевъ не отнялъ у него казеннаго имущества, онъ подалъ на него Петру I жалобу

въ притѣсненіи его. Государь отправлялъ въ сіе время Геннина на Сибирскіе заводы и поручилъ ему произвести слѣдствіе о сей ссорѣ; Геннинъ, розыскавъ дѣло сіе, отправилъ все слѣдствіе съ Татищевымъ къ государю. По окончаніи сей распри повелѣно было Татищеву отправиться къ прежней должности на Сибирскіе заводы. Какъ я отъѣзжалъ въ 1722 году въ Сибирь, говоритъ Татищевъ, я пріѣхалъ къ царевнѣ Аннѣ Іоанновнѣ прощеніе принять, она, жалуя меня, спросила шалуна сумасброднаго подьячаго Тимофея Архиповича, бывшаго шутомъ при дворѣ: скоро ли я возвращусь? онъ, меня не любивъ за то, что я не былъ суевѣренъ и руки его не цѣловалъ, сказалъ: онъ руды много накопаетъ, да и самого закопаютъ.

Въ 1723 году Татищевъ взятъ былъ ко двору, гдѣ и пробылъ близь года, но по какому случаю и при какой должности, подлинно неизвѣстно. Въ 1724 году произведенъ Татищевъ въ полковники отъ артиллеріи и посланъ въ Швецію для обозрѣнія горныхъ заводовъ и для составленія плановъ и моделей машинамъ. Ему поручено было пригласить въ россійскую службу нѣсколько горныхъ чиновниковъ и отдать тамъ въ обученіе разнымъ горнымъ мастерствамъ посланныхъ съ нимъ академическихъ учениковъ. Татищевъ исполнилъ порученіе и торго-

валъ въ Швеціи, по указу бергъ-коллегіи, мѣдь, которая обходилася по 5 руб. 50 коп. за пудъ, съ тою выгодою, что провозъ могъ быть заплаченъ превосходствомъ шведскаго вѣса противъ россійскаго. Онъ возвратился въ С.-Петербургъ чрезъ Копенгагенъ 1726 года и привезъ съ собою одного только гранильнаго мастера, поручика Рефа, потому что шведское правительство запретило ему нанимать заводскихъ мастеровъ. Въ 1727 году Татищевъ сдѣланъ совѣтникомъ бергъ-коллегіи и поручено ему съ другими монетное дѣло. Въ 1730 году пожалованъ онъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; а въ 1734 назначенъ въ Сибирь, на мѣсто де-Геннина, для смотрѣнія надъ казенными и партикулярными заводами. Прибывъ въ Екатеринбургъ, онъ обозрѣлъ всѣ подвѣдомственные ему заводы. Тогда общими трудами рудныхъ промышленниковъ и заводчиковъ составленъ былъ общій уставъ, извѣстный подъ именемъ: Татищева уставъ заводскій. Сей уставъ не былъ высочайше утвержденъ, но имъ руководствовались казенные и частные заводы, и хотя послѣдовали многія измѣненія по горному управленію, но заводскія конторы и нынѣ слѣдуютъ Татищеву уставу. Послѣ сего опредѣлилъ Татищевъ казенныхъ надзирателей на всѣ частные заводы, назвавъ ихъ шихтмейстерами, и далъ чиновникамъ симъ наказъ, примѣняясь къ учре-

жденіямъ саксонскихъ и шведскихъ заводовъ. Татищевъ обратилъ особенное вниманіе на учрежденіе горныхъ училищъ въ Кунгурѣ, Соликамскѣ и по заводамъ. Онъ подарилъ библіотеку симъ заведеніямъ, болѣе 1,000 книгъ составлявшую. Демидовъ успѣлъ однакожъ устранить свои заводы отъ подвѣдомства Татищева; тогда же отчислены были отъ него Строгоновыхъ горные заводы и соляные ихъ промыслы.

При учрежденіи въ 1736 году вмѣсто бергъ-коллегіи — генералъ-бергъ-директоріума, Татищевъ подчиненъ былъ, по управленію заводовъ генералъ-бергъ-директору Шембергу. Въ сіе время принялъ онъ непосредственное участіе въ усмиреніи бунтующихъ башкирцевъ. Еще прежде сего, въ 1734, помогалъ онъ полковнику Тевкелеву провіантомъ и снарядами, а въ 1735 Татищевъ самъ ходилъ противу башкирцевъ Осинскаго уѣзда и, бывъ подкрѣпленъ полковниками Мартыновымъ и Тевкелевымъ, одержалъ надъ ними значительную побѣду, казнилъ бунтовщиковъ, а съ покорившихся взыскалъ въ пользу Оренбургской экспедиціи 10,000 руб. контрибуціи и большое количество лошадей. Главный начальникъ оренбургской экспедиціи, статскій совѣтникъ Кириловъ, донося о семъ 1736 года кабинету, просилъ, чтобъ съ Сибирской стороны поручить главное начальство надъ военными Татищеву. Кабинетъ утвердилъ

сіе представленіе въ 1737 году, и того же года, по смерти Кирилова, ему поручены всѣ дѣла Оренбургской экспедиціи. По полученіи о томъ указа, онъ оставилъ совѣтника Хрущова начальникомъ надъ всѣми горными заводами, а самъ отправился водою въ Мензелинскъ, гдѣ нашелъ генералъ-маіора Соймонова, полковниковъ Бардевика, Тевкелева и Уфимскаго воеводу, статскаго совѣтника Шемякина. Для удержанія въ покорности башкирцевъ, они рѣшили общимъ совѣтомъ учредить за Ураломъ новую Исетскую провинцію, которой быть вмѣстѣ съ Уфимской подъ вѣдѣніемъ Оренбургской экспедиціи. Кабинетъ утвердилъ сіе положеніе. Въ январѣ 1738 года Татищевъ отправился въ Самару, откуда предположено было начать военныя дѣйствія противъ непокорныхъ башкирцевъ. На пути онъ смотрѣлъ съ инженерами положеніе Красноярска и выбралъ мѣсто для перевода Оренбургской крѣпости, помѣщенной на весьма неудобномъ мѣстѣ. Въ сіе время киргизскій ханъ Нибирсъ прибылъ въ русскій лагерь. Татищевъ принялъ сего владѣльца съ почестію; онъ присягнулъ Россіи въ вѣрности подданства. Татищевъ воспользовался симъ случаемъ, чтобы доставить Оренбургскому краю всѣ выгоды по торговлѣ. Онъ отправилъ караванъ въ Ташкентъ и послалъ вмѣстѣ съ онымъ двухъ офицеровъ для географическихъ наблюденій. Караванъ ми-

новалъ среднюю и меньшія орды, но былъ разбитъ при большой. Около сего же времени установилъ Татищевъ оренбургскую мѣновую торговлю и собралъ первую пошлину съ торговъ и акцизъ съ продажи питей. Окончивъ дѣла сіи, принялся Татищевъ за устроеніе крѣпостей. Онъ обозрѣлъ весь Оренбургскій край. Въ предпріятіи семъ, способствовали ему много флота капитанъ Элтонъ и инженерные офицеры. Но спокойствіе башкирцевъ продолжалось недолго. Волжскіе калмыки, кочевавшіе по луговой сторонѣ рѣки Волги, оказали вдругъ неповиновеніе, начали отгонять табуны отъ новопостроенныхъ крѣпостей и разграбили купеческій обозъ, шедшій изъ Самары въ Яицкій городокъ. Татищевъ отправилъ противъ сихъ бунтовщиковъ нѣсколько казацкихъ партій, кои, разбивъ калмыковъ въ разныхъ мѣстахъ, переловили зачинщиковъ. 1739 года Татищевъ отправился въ С.-Петербургъ и подалъ въ кабинетъ разныя представленія свои, изъ коихъ главнѣйшія: I. Перенести городъ Оренбургъ на урочище Красной горы. II. Провести линію вверхъ по Яику, до Верхнеяицкой пристани и оттуда по рѣкѣ Ую до Царева Городища и по рѣкѣ Сакмарѣ. III. На линіи сей поселить гарнизонные и ландмилицкіе полки. IV. Позволить, за отдаленностію мѣста, производить достойныхъ оберъ-офицеровъ въ чины, а недостойныхъ увольнять въ

отставку. V. Позволить распространить торговлю того края. VI. Установить правила для управленія киргизъ-кайсаками. Въ сіе время полковникъ Тевкелевъ, природный башкирецъ, находившійся при оренбургской экспедиціи, вызванный въ С.-Петербургъ за нѣсколько мѣсяцевъ прежде Татищева, дабы состоять въ свитѣ посла, прибывшаго туда изъ Персіи, успѣлъ разсѣять неблагопріятные слухи на счетъ Татищева и подалъ на него нѣсколько жалобъ. Кабинетъ, разсмотря жалобы сіи и возраженія Татищева, нарядилъ слѣдственную комиссію надъ ними, а между тѣмъ опредѣленъ былъ начальникомъ оренбургской комиссіи членъ государственной адмиралтействъ-коллегіи, контръ-адмиралъ кн. Василій Урусовъ. Не смотря на сіе, всѣ вышеприведенныя представленія Татищева были уважены. Неизвѣстно, чѣмъ кончилась наряженная надъ Татищевымъ комиссія. Обвиненія оказались, вѣроятно, несправедливыми, ибо чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Татищевъ былъ снова посланъ, въ 1741 году, по смерти калмыцкаго хана Дондукъ-Омбы, для усмиренія взбунтовавшихся калмыковъ, и вскорѣ назначенъ въ Астрахань губернаторомъ. Отъ сей должности онъ уволенъ по несогласію его съ намѣстникомъ калмыцкаго ханства. Татищевъ, оставивъ Астрахань, отправился въ подмосковную деревню свою, сельцо Болдино, гдѣ и

умеръ 1750 года, іюля 15. Тѣло Татищева предано землѣ въ погостѣ, состоящемъ въ одной верстѣ отъ его деревни.

Докторъ Лерхъ, сопровождавшій князя Михаила Михайловича Голицына въ Персію, говоритъ о Татищевѣ: „октября 27, 1744 года, прибыли мы въ Астрахань. Губернаторомъ былъ тамъ извѣстный ученый, Василій Никитичъ Татищевъ, который предъ симъ образовалъ новую Оренбургскую губернію. Онъ говорилъ по-нѣмецки, имѣлъ большую библіотеку отличнѣйшихъ книгъ и былъ въ философіи, математикѣ, а особенно въ исторіи весьма свѣдущъ. Онъ написалъ россійскую исторію, которая, по кончинѣ его, досталась кабинетъ-министру барону Ивану Черкасову“. —Черкасовъ передалъ оную Ломоносову. Татищевъ жилъ совершеннымъ философомъ и имѣлъ особенный образъ мыслей. Онъ былъ слабаго здоровья, но сіе не препятствовало ему быть дѣятельнымъ и рѣшительнымъ въ дѣлахъ; онъ умѣлъ каждому дать полезный совѣтъ и помощь, а особенно купечеству, которое онъ въ томъ краѣ возстановилъ.

Татищевъ рѣшился первый привести въ систему разнообразныя повѣствованія о Россіи и, слича оныя съ лѣтописями, составилъ Исторію Россійскаго государства, съ самыхъ древнихъ временъ до 1463 года. Она напечатана въ 4-хъ частяхъ (1768—1784 гг.). Въ сочиненіяхъ сво-

ихъ упоминаетъ онъ, что занимался безпрерывно географіею. „Во время пребыванія моего въ Астрахани, говоритъ онъ, посылалъ я по землѣ и морю описывать искусныхъ людей; сочиня ландкарту, послалъ оную въ сенатъ и академію.“

Татищевъ занимался разборомъ древнихъ законовъ русскихъ и объяснилъ основательными примѣчаніями Русскую Правду и Судебникъ царя Ивана Васильевича съ дополнительными къ нему указами. Первая помѣщена въ І-й части продолженія Россійской Вивліоѳики, а второй изданъ двукратно: въ 1768 и 1786 годахъ. Не успѣлъ онъ, къ сожалѣнію, кончить своего Лексикона. Три книги онаго, продолжающіяся до буквы Л., изданы въ 1793 и содержатъ много любопытнаго. Татищевъ говоритъ въ предисловіи Лексикона, между прочимъ, что въ 1735 году представилъ онъ кабинету, дабы перемѣнить тѣ нѣмецкія названія, коими опредѣляются степени горныхъ чиновъ. Кабинетъ на сіе согласился, но Биронъ, узнавъ сіе, на него сильно гнѣвался. Татищевъ приложилъ къ своей исторіи извѣстіе о россійскомъ государственномъ гербѣ; о родословіи россійскихъ государей; о іерархіи; о чинахъ и суевѣріяхъ древнихъ и о географіи россійской вообще. Въ духовной Татищева помѣщено много замѣчаній, кои суть плоды долговременной службы и опытности. Татищевъ вооружается весьма сильно противъ кабаковъ, до-

казывая, сколь они вредны и пагубны; но читая сіе, нельзя не вспомнить, что онъ самъ учредилъ кабаки въ заводахъ Демидова. Духовная сочинена Татищевымъ въ 1733 году сыну его Евграфу Васильевичу; издана она въ 1773 году Сергѣемъ Друковцовымъ. Сверхъ того, многія сочиненія Татищева пропали, важныя по предметамъ своимъ:

1) Лексиконъ сарматскихъ, эстляндскихъ и финскихъ словъ; 2) жизнеописанія царей Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича; 3) замѣчанія на Страленберга и 4) переводъ Кирхеровой хронологіи татаръ и калмыковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ДЕВЯТАГО ТОМА.

стр.

Отрывки изъ лицейскихъ записокъ (1815—1817) . . 1
Державинъ 7
Изъ Кишиневскаго дневника (1821) 8
Изъ журнала греческаго возстанія (1821) 10
Изъ записной книжки (1821) 12
Встрѣча съ П. А. Ганнибаломъ (1824) 13
Остатки автобіографіи (1825—1826). —
Воображаемый разговоръ съ Императоромъ Александромъ I (1826) 17
Встрѣча съ Кюхельбекеромъ (1827) 20
О холерѣ 1830 г. (1832) 22
Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ (1830 — 1831) 25
О Дуровѣ (1833). 32
Отрывки изъ дневника (1833—1834) 35
Баратынскій (1831) 54
Дельвигъ (1831) 61
Литературныя замѣтки:
- 1) О слогѣ (1822) 66
- 2) О вдохновеніи и восторгѣ (1824) 68
- 3) О причинахъ, замедлившихъ ходъ нашей словесности (1824) 69
- 4) О народности въ литературѣ 70

Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія (1825—1827) 71
Мелкія замѣтки (1829—1831) 81

стр.
Критическія замѣтки (1830—1831) 87
О русскихъ словахъ, взятыхъ съ французскаго . . 124
Разборъ пословицъ 125
Разные термины соколиной охоты. 126
Анекдоты (1834—1836) 128
Замѣтки при чтеніи книгъ:
I. О романахъ Вальтеръ-Скотта 155
II. О Шенье, какъ классикѣ 156
III. О дѣленіи Европы на классическую и романтическую —
IV. Замѣчанія на Анналы Тацита 157
О приличіи въ литературѣ (1830). По поводу Альфреда де-Мюссе 160
Современные французскіе писатели (1831) 162
Ромео и Джюльетта Шекспира (1831) 163
Шайлокъ, Анджело и Фальстафъ Шекспира (1833) . 164
О Байронѣ (1827) 166
Лордъ Байронъ (1835). 169
Письмо къ издателю „Сына Отечества“ (апр. 1824). 175
О г-жѣ Сталь и г-нѣ Мухановѣ (1825) 176
О предисловіи г-на Лемонте къ переводу басенъ И. А. Крылова (1825) 181
О народномъ воспитаніи (Записка, представленная императору Николаю Павловичу въ 1826 году) 188
Предисловіе ко 2-му изданію Руслана и Людмилы (1828). 197
Предисловіе къ 2-му изданію Кавказскаго Плѣнника (1828) 204
Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей (1829) . . 205
Литературное общество (1829) 213
Статьи и замѣтки изъ „Литературной Газеты“ 1830 года:
I. О некрологѣ Раевскаго 216
II. О выходѣ Иліады въ переводѣ Гнѣдича. 217
III. О литературной критикѣ —

стр.

IV. Объ Исторіи Русскаго народа Полеваго 219
V. О романѣ Загоскина Юрій Милославскій 237
VI. О Запискахъ Самсона 240
VII. О Разговорѣ у княгини Халдиной, Фонвизина 242
VIII. О статьяхъ князя Вяземскаго 243
IX. О каррикатурѣ въ Англіи 245
X. О гекзаметрахъ Мерзлякова 246
XI. Объясненіе къ замѣткѣ объ Иліадѣ . . 249
XII. О запискахъ Видока 250
XIII. О личностяхъ въ критикѣ 252
XIV. О неблаговидности нападокъ на дворянство 253
XV. О выходкахъ противъ литературной аристократіи 255
XVI. Разговоръ 256
Альманашникъ, сцены (1830) 264
Дѣтскія сказочки (1830):
I. Маленькій лжецъ 271
II. Исправленный забіяка 272
III. Вѣтренный мальчикъ 273
Отрывки изъ разговоровъ (1830) —
О драмѣ (1830) 276
Разборъ драмы Мароа Посадница 285
Программы статей (1831—1832). 289
Торжество дружбы или оправданный Александръ Аноимовичъ Орловъ 291
Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ 303
Изъ записной книжки (образчики статей предполагавшейся газеты) 311
О книгѣ А. Н. Муравьева: Путешествіе къ св. мѣстамъ (1832) 316
Историческія замѣтки (1832—1833) 318

СТР.

О сочиненіяхъ П. А. Катенина (1833) 320
О книгѣ И. И. Дмитріева: Путешествіе N. N. въ Парижъ и Лондонъ (1834) 323
Мысли на дорогѣ (1834).
I. Шоссе 325
II. Москва 330
III. Ломоносовъ 336
IV. Черная грязь 352
V. Городня 353
VI. Клинъ 358
VII. Тверь 359
VIII. Мѣдное 362
IX. Вышній-Волочекъ 363
X. Торжокъ (о цензурѣ) 366
XI. Русская изба. 370
XII. Этикетъ 374
Прибавленія:
I. Разговоръ съ англичаниномъ о русскихъ крестьянахъ 376
II. О русской литературѣ, съ очеркомъ французской 380
О повѣстяхъ Павлова (1835) 397
Объ исторіи поэзіи Шевырева (1835) 398
Статьи и замѣтки изъ „Современника" 1836 года:
О сочиненіяхъ Георгія Конисскаго (кн. I). . . 401
Вастола или желанія. Повѣсть въ стихахъ Виланда, издалъ А. Пушкинъ (кн. I) 408
Вечера на хуторѣ, изданіе 2-е (кн. I). . . . 409
Къ разсказу: Долина Ажигутай. 410
Россійская Академія (кн. II). 411
Записки Н. А. Дуровой, издаваемыя А. Пушкинымъ 418
Мелкія замѣтки во 2-й кн. „Современника" . . 419
Мнѣніе М. А. Лобанова о духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной 422
Вольтеръ 435

СТР.

Джонъ Теннеръ (кн. III). 446
Ѳракійскія элегіи. Стихотворенія Теплякова . 481
Объ обязанностяхъ человѣка, соч. Сильвіо Пеллико 490
Словарь о святыхъ, прославленныхъ въ россійской церкви и пр. кн. Эристова 493
Новый романъ: Село Михайловское . . . 496
Замѣтки къ повѣсти Носъ —
Замѣтка о статьѣ Гоголя —
Замѣтки отъ редакціи въ 3-й книгѣ. 497
Замѣтка отъ редакціи (О сборникѣ Вяземскаго) 498
О выходѣ книги Кавалеристъ-дѣвица въ изданіи Ив. Бутовскаго. 499
Ключъ къ исторіи государства россійскаго . . —
Александръ Радищевъ 500
Статьи и замѣтки изъ «Современника» 1837 года:
Къ запискѣ о древней и новой Россіи 514
О Мильтонѣ и Шатобріановомъ переводѣ Потеряннаго рая 515
Послѣдній изъ родственниковъ Іоанны д'Аркъ. 524
Желѣзная маска 527
Записки бригадира Моро-де-Бразе о походѣ 1711 года 529
О Татищевѣ 585

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Puškin, Aleksandr Sergeevič,

Sočinenija A. S. Puškina

Bd.: 9

1887
P.o.russ. 58 d-9/10
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11680291-0